Игорь Можейко

ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР – ЯСНАЯ ПОГОДА

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Игорь Можейко

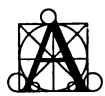
ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР – ЯСНАЯ ПОГОДА

Вторая мировая война началась задолго до ее официального объявления...

Игорь
Можейко

■ Игорь Можейко ■

ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР – ЯСНАЯ ПОГОДА



Астрель
МОСКВА

УДК 94(5)"1939/45"
ББК 63.3(5)62
М74

Scan By Vitaliuss & Kali

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Можейко, И.В.

М74 Западный ветер — ясная погода / Игорь Можейко — М.: Астрель, 2012. — 541 с., 40 л. фотографии. — (Историческая библиотека).

ISBN 978-5-271-35495-3

Юго-Восточная Азия — это громадный, почти забытый теперь театр военных действий Второй мировой войны.

Строя свою колониальную империю, Япония сокрушила устоявшийся мир европейского и американского господства в этом регионе. Эти события не получили должного освещения в западной историографии, так как поражение — крах колониальной империи — не слишком популярная тема для проигравшей стороны.

Для нас же события в Юго-Восточной Азии воспринимались как далекие и не очень актуальные, хотя этот фронт по масштабам сопоставим с европейским.

В этой книге впервые в отечественной историографии всесторонне анализируется ход событий, которые привели к образованию нового мира.

УДК 94(5)"1939/45"
ББК 63.3(5)62

Подписано в печать 15.11.2011. Формат 84×108$^{1}/_{32}$
Усл. печ. л. 28,56. Тираж 3000 экз. Заказ № 2373.

© И.В. Можейко, наследники, 2011
© ООО «Издательство Астрель», 2011

ВВЕДЕНИЕ

Вторая мировая война как глобальный конфликт делилась на театры военных действий, а те, в свою очередь, на фронты.

Существуют различные, и порой субъективные точки зрения на число, характер и относительную важность театров и фронтов.

Мне кажется, что театров войны было всего два: Европейский и Тихоокеанский.

Они различались и географически, и составом участников боевых действий.

Европейский театр состоял из двух фронтов: Восточного и Западного.

Восточный фронт — это противостояние СССР и Германии.

Западный фронт — война Англии и Франции (а в конце войны и США) против Германии и Италии в Европе, Северной Африке и на Ближнем Востоке. В составе того или иного фронта совершались порой кардинальные перемены. К примеру, захват Германией Польши в 1939 году — событие Западного фронта. Нападение на Польшу СССР — это открытие Восточного фронта. В пределах же Восточного фронта остаются события в Польше в 1944–1945 гг.

Тихоокеанский театр военных действий был не только географически удален от Европейского и не имел с ним то-

чек соприкосновения, но отличался от него составом участников конфликта.

Тихоокеанский театр — это война Японии против Китая, Англии, Франции и США. Соответственно он делился на три фронта. Ранее других образовался в 1937 г. Китайский фронт. Фронт в Юго-Восточной Азии возник в 1939 г., с проникновением японских войск в Индокитай, а Островной фронт был создан 7 декабря 1941 года с нападением японской авиации на Перл-Харбор.

В отечественной литературе существует стойкое убеждение в том, что Тихоокеанский театр был второстепенным.

Вот как формулирует эту точку зрения профессор Г. Гельфонд в предисловии к капитальному труду японского исследователя Хаттори «Япония в войне 1941–1945 гг.»:

«Само название «второстепенные театры» (Гельфонд не поясняет, какие еще театры существовали во Второй мировой войне и сколько из них можно считать второстепенными. — **И.М.**) точно отражает их принципиальное отличие от главного театра военных действий — от советско-германского фронта... где скрестились непримиримые противоречия двух диаметрально противоположных социальных систем, где находились основные вооруженные силы сторон, где решался ход и исход всей Второй мировой войны в целом... Тем не менее развернувшиеся на Тихом океане кампании, операции, сражения имели известное значение в ходе войны, и некоторые из них представляют несомненный интерес для изучения ее истории».

В тоне советского историка звучит снисходительность к войне на Дальнем Востоке, точно такая же, какую вы можете услышать в воспоминаниях о войне в России американского историка или мемуариста, полагающего, что судьбы мира были решены на Тихом океане. Китайский же историк может доказать, что масштабы и жестокость войны с Японией, число жертв, принесенных Китаем за восемь лет сражений, и возникновение нового Китая в результате битв на Китай-

ском фронте дают основания считать именно тот фронт первостепенным.

В данном случае, конечно же, число самолетов и масштабы жертв не определяют места фронта или театра военных действий в табели о рангах. Практически любое положение Гельфонда американский или японский историк может успешно оспорить. И не нам сравнивать несравнимое.

Но в числе фронтов Второй мировой войны был фронт, располагавшийся на территории стран Юго-Восточной Азии. Его отличие от прочих фронтов войны заключается в том, что он менее прочих известен и изучен. К чему есть ряд веских причин.

И прежде чем приступить к изложению событий, следует вкратце остановиться на том, почему так произошло.

Война в Юго-Восточной Азии начиналась постепенно. Ее первыми «звонками» было появление японских войск в портах Индокитая, как острый конфликт она вспыхнула в декабре 1941 года и в некоторых частях ЮВА «звонки» почти сразу продолжились, но уже в виде национально-освободительных войн, так как вернувшиеся в свои колонии англичане, французы и голландцы еще некоторое время не могли осознать того, что потеряли эти страны. И с той или иной степенью решимости кинулись завоевывать свои колонии вновь.

Фронт ЮВА во Второй мировой войне охватил гигантский регион Земли с населением в полмиллиарда человек и линия фронта дважды прокатилась фактически по всем землям Юго-Восточной Азии.

В течение считанных месяцев в 1941—1942 гг. рухнул целый мир, состоявший из колониальных владений, исчезла западная колониальная система, утверждавшаяся там веками.

Японцы легко (даже легче, чем сами на то рассчитывали) снесли с лица Земли, казалось бы, незыблемую структуру колониальных обществ. Экономика этих стран пострадала от войны, но так как все они были крестьянскими, сырьевыми житницами империй, на положении народов ЮВА в

первые месяцы это почти не сказалось. Воевали колонизаторы, которые еще вчера утверждали (и были сами в том уверены), что никакой враг не посмеет поднять руку на их могущество, с пришельцами, отношение к которым было неопределенным, так как японцы шли под лозунгами защиты азиатских братьев и освобождения их. Однако в отличие, скажем, от Африки ЮВА состояла из государств с длительной и богатой историей с древней государственностью и высокой культурой. Так что отношение к «освободителям» было сдержанным и выжидательным.

Придя в ЮВА, японцы преподали знатный урок: англичане, французы, голландцы и американцы вовсе не всемогущи. Они боятся японцев, они позорно и трусливо бегут от них.

В одночасье рухнул многолетний миф о всемогуществе белого господина.

И ему уже никогда не вернуться в Азию в прежней роли.

Раз не всемогущи европейцы, величие японцев, о чем они тут же начали твердить, также ставится под сомнение.

В 1942 году, оставаясь еще колониальным миром, сменив привычного колонизатора на нового, куда более жестокого и бесчестного, страны ЮВА морально перестали быть колониями. И чем наглее и корыстнее вели себя оккупанты, тем меньше оснований у них было править Юго-Восточной Азией.

Именно японская оккупация, три года господства японской полиции и дельцов, стала основным испытанием для бирманцев и вьетнамцев, индонезийцев и малайцев — обнищание, преследования, варварский гнет вели к тому, что народы ЮВА с нетерпением ожидали возвращения европейцев и американцев. Азиатский эксперимент Японии провалился. Она не стала колониальной державой, ибо настоящий колониальный администратор не только режет цыплят, но и строит новые курятники. Японцы же были временщиками и вели себя как грабители.

Возвращение европейцев было кратким периодом согласия между колониальными державами и народами ЮВА.

Западные державы пришли в свои колониальные дома под лозунгами спасения демократии от фашизма и милитаризма. Но практически ни одна из них не смогла осознать, что война уже освободила их подопечных. Они не выполнили главного принципа общественного согласия между государем и народом — государь и дружина обязаны защитить народ от супостата. Не защитил — найдем другого государя. Или станем сами себя защищать.

Попытки сделать вид, что война и японцы были лишь дурным сном, ничего кроме в лучшем случае презрения не вызывали. Отсидевшиеся в благодатной Симле британские чиновники продолжали твердить руководящие фразы с полуслова, на котором им заткнули рот японцы. А содержание этих фраз почти никого не удивляло и не интересовало. Остатки привилегированных туземных слоев потеряли значение и состояние во время войны. Выразителями народных интересов и трибунами нового времени стали молодые люди левых взглядов, которым, по мнению чиновника, место только в тюрьме.

Но изучение этой драмы лежит за пределами книги. Я говорю о ней лишь для того, чтобы подчеркнуть: Вторая мировая война коренным образом изменила ситуацию в Юго-Восточной Азии. Она послужила колоссальным социальным катализатором. Не будь войны, национальное освобождение ЮВА затянулось бы еще на десятилетия. И судьбы всего мира обязательно бы изменились.

Специфика ситуации в ЮВА и стала причиной того, что война на том фронте стала войной «неизвестной».

Даже объективная, научная литература развивается в той или иной стране активнее, если предмет описания положителен. То есть легче и охотнее историки пишут о войне, которую государство выиграло. Позорные, проигранные кампании предаются относительному забвению.

Если обратиться к лондонским библиотечным каталогам, то обнаружится, что исторической литературы и мемуаристики о войне в Северной Африке, в которой англичане одолели

Лису пустыни — Роммеля, или о высадке в Нормандии и судьбе Западного фронта в 1944 г. куда больше по объему и названиям, чем о событиях сорок второго года в Бирме и Сингапуре. Пожалуй, никогда еще Британскую империю так не пороли публично, как в сорок втором в ЮВА. Тем более что порку производили косоглазые азиаты. И писателю и читателю эти события неприятны. Вспоминать о них не хочется! А что можно написать о трех-четырех годах оккупации японцами стран ЮВА? Да ничего! Англичан и голландцев там не было.

Был момент возвращения с победой.

Но победа эта тут же была омрачена тем, что освободили-то тех, кто не хотел такого освобождения.

Последующие месяцы и годы — цепь ошибок и унижений, исходящих от других азиатов. В лучшем случае победа в 1945 году обернулась мирным признанием независимости, как в Бирме в 1947 году, и в худшем — войной во Вьетнаме и позорным падением крепости Дьен-бьен Фу. Тоже — не самая выгодная тема для документалиста.

Были и еще две стороны в конфликте, которые могли бы участвовать в создании трудов по истории войны в ЮВА. Но японцами написано не очень много и говорить об объективности японских трудов трудно. Чаще японские авторы ставят себе целью доказать читателю, что Япония была невинной жертвой обстоятельств и заговоров западных держав. К войне ее принудили американцы и т.д.

Наконец, есть национальная историческая литература в ЮВА. Но как количественно, так и качественно исследования написанные о войне бирманцами или индонезийцами, пока еще желают большего. Интереснее мемуары, написанные участниками событий. Но они немногочисленны — популярные лидеры военных лет рано гибли или оставляли политическую сцену. Те же, кто удержался надолго, поднявшись к вершине власти — Сукарто, Не Вин, У Ну, Маркос, Хо Ши Мин, — если и написали, то лишь о себе на фоне событий, а не о событиях как таковых.

Понимая все это, автор старался подходить к литературе и документам, невероятно многообразным и порой противоречивым, с учетом субъективных факторов их создания, а также воздействия тех или иных описываемых событий на дальнейший ход истории Юго-Восточной Азии. Если корни сегодняшних событий всегда заложены в прошлом, то Вторая мировая война для Юго-Восточной Азии — живое, близкое прошлое.

Наше востоковедение находится при трактовке событий этого периода в выгодном положении, так как в последние десятилетия отечественные исследователи уделяли немалое внимание изучению именно характера национально-освободительного движения в странах Азии, плодом чего явилось немало работ, так или иначе затрагивающих период Второй мировой войны, расстановку социальных сил в Юго-Восточной Азии перед войной, участие этих сил в движении Сопротивления и достижении независимости.

Слабость отечественных исследований заключалась в идеологической заданности, в существовании обязательных стереотипов исторического процесса, что было важнее, чем сами факты. Колонизатор всегда жесток, коварен и злобен, а борец за независимость своей страны — герой. Лишь коммунистическая партия Китая хотела воевать с японцами, тогда как буржуазные силы объективно оставались социал-предателями, склонными к соглашению с оккупантами и стремящимися в первую очередь победить коммунистов. Советский Союз стремился помочь Китаю в борьбе с Японией совершенно бескорыстно, тогда как Англия и США предали Китай и снабжали Японию стратегическими материалами. Вопросы же сотрудничества Японии с национально-освободительными силами в странах ЮВА уходили на второй план. Наконец, окончание Второй мировой войны и капитуляцию Японии положено было объяснять вступлением в войну СССР, который и разгромил непобедимую гигантскую Квантунскую армию. «Силы ее возрастали даже тогда, когда на других направлениях они уменьшились», как утверждал наш соотечественник.

За пределами же этих догм события в ЮВА мало интересовали отечественных исследователей, и если статьи на эти темы публиковались, то махонькими тиражами в специальных изданиях. Лишь два события войны на том театре были отмечены рядом брошюр, большей частью переводных — падение Сингапура и налет на Перл-Харбор. И понятно, почему: это были два крупных поражения наших противников по холодной войне, о чем не мешало лишний раз напомнить.

Настоящая книга вышла впервые в 1984 году.

Основные ее главы написаны объективно и включены в новое издание почти без изменений, хотя и с дополнениями, потому что с тех пор опубликовано немало новых документов и исследований. Но «Введение» мною переписано, так как носило обязательно ритуальный характер. Я также снял некоторые идеологические отступления и штампы, как не имеющие отношения к делу.

Кроме того, я убрал историографическую часть и сократил библиографию, оставив лишь несколько названий книг, которыми пользовался при написании этого труда.

За исключением редких случаев, сняты также сноски. Желающих ознакомиться с цитируемыми источниками я могу отослать к первому изданию книги, послужившему основой для настоящей работы.

Я не стал переписывать или упрощать текст, ввиду того, что он может показаться сухим и специальным. Я с первых строк старался писать так, чтобы эту книгу мог прочесть любой человек, который интересуется военной историей и историей Востока. Если читателю покажется скучно, то в том нет моей вины — я полагал, что сам материал книги настолько драматичен и экспрессивен, что лучше не вмешиваться в ход событий, а фиксировать его, читатель сам разберется.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

ПУТЬ К ВОЙНЕ

Вторая мировая война началась задолго до считающегося формально днем ее начала 1 сентября 1939 г., когда немецкие войска перешли границу Польши, связанной союзными договорами с Великобританией и Францией. Раскатами надвигавшейся грозы были и нападение Италии на Эфиопию, и мятеж фалангистов в Испании, и захват Австрии, и расчленение, а затем и оккупация Чехословакии. На Востоке эти раскаты зазвучали еще раньше, чем в Европе.

Движение Японии по пути военной экспансии началось войной с Китаем в 1894–1895 гг. и захватом Кореи в 1910 г. Шагом на этом пути была русско-японская война 1904–1905 гг., когда впервые в истории нового времени азиатская держава смогла победить европейскую. Для Японии рубежа XX века был характерен своеобразный симбиоз растущей национальной буржуазии, победившей в революции Мэйдзи (1867–1868), и самурайства, приспособившегося к новым условиям. Военные победы дали японской буржуазии новые рынки и способствовали экономическому развитию страны; они же укрепили дух самурайства. Превращение Японии в формально конституционную страну с множеством политических партий и шумными дебатами в парламенте отнюдь не

означало демократического преобразования общества. Традиционные связи в обществе, экономически бурно развивавшемся по капиталистическому пути, но несшем груз феодальных пережитков, давали преимущества самурайско-промышленному союзу.

Влияние Первой мировой войны на судьбы Японии было весьма велико. Япония удачно выбрала сторону в конфликте и, фактически не воюя, приобрела бывшие немецкие владения. Продолжением мировой войны для Японии стала интервенция против Советской России. 5 апреля 1918 г. японские части высадились во Владивостоке — казалось, что к территориальным приобретениям добавятся и дальневосточные районы России. Этого не случилось, пришлось отступить, но кадровое офицерство и крепнущие японские монополии (дзайбацу) стремились к новым захватам.

Первые послевоенные годы ознаменовались борьбой самурайско-промышленного союза и противостоявших ему профсоюзов и партий. В 1918 г. по стране прокатилась волна «рисовых бунтов». Ответом стали репрессии против левых организаций. В 1925 г. был принят Закон об охране общественного спокойствия полицией, который грозил десятилетним заключением всем, кто принимал участие в организациях, ставивших под вопрос незыблемость существующего строя. Еще более жесткая внутренняя политика проводилась пришедшим к власти в 1927 г. кабинетом генерала Танаки — председателя партии «Сэйюкай». Весной 1928 г. по всей стране начались гонения на инакомыслящих. Многие левые организации были официально распущены, а Танака добился принятия императорского декрета, установившего для «нарушителей спокойствия» смертную казнь. Правящие круги добились повиновения в стране.

Предыстория Второй мировой войны на Востоке тесно связана с документом, вошедшим в анналы XX в. под названием «меморандум Танаки». В нем содержалась программа покорения Японией всего мира. «Для того чтобы завоевать

Китай, — писал Танака, — мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию; для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные азиатские страны и страны Южного моря будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша, и не осмелится нарушить наши права... Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы». Важным аспектом «меморандума Танаки» был его антисоветский тон. «В программу нашего национального роста, — продолжал Танака, — входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить наши мечи с Россией на полях Монголии в целях овладения богатствами Северной Маньчжурии. Пока этот скрытый риф не будет взорван, наше судно не может пойти быстрее».

В конце 20-х годов эта программа казалась настолько экстремистской, что до сих пор высказываются сомнения в подлинности этого текста, но уже в 1931 г. Япония захватила Маньчжурию, и с тех пор любое действие любого японского правительства было направлено на осуществление концепции мирового господства. Правда, между различными группировками в японском руководстве существовали разногласия, принимавшие порой острую форму, но касались они не конечной цели, а путей ее осуществления. В перемене японских предвоенных правительств можно уследить некое качание маятника: к власти приходили то «бешеные», то «умеренные»; однако политика «умеренных» становилась все более агрессивной, а агрессивные правительства никак не умеривали свою агрессивность. Роль катализатора играли молодые офицеры национал-социалистского типа. Убивая своих противников и запугивая «умеренных», эти, казалось бы, независимые и не получавшие официального одобрения в высших армейских кругах экстремисты последовательно выполняли свою историческую роль: после каждого бунта,

устроенного молодыми офицерами, Япония делала еще один шаг к войне.

Борьба самурайства против «умеренных» достигла апогея в феврале 1936 г., сразу же после всеобщих выборов, на которых убедительно победили «умеренные». Буржуазная партия «Минсэйто» почти удвоила число депутатов (205 вместо 127), а милитаристы, взгляды которых в парламенте выражала партия «Сэйюкай», получили лишь 174 места вместо 242. Результаты выборов свидетельствовали об антивоенных настроениях в стране. За три года до этого в Германии нацисты пошли на грандиозную провокацию — поджог рейхстага, так как поняли, что волна мирового кризиса, который вынес их на поверхность разоренной Германии, миновала и с ней теряются голоса избирателей. Японские фашисты, не обладавшие властью, но имевшие сильных покровителей, в похожей ситуации решились на мятеж.

Японская «ночь длинных ножей» выдалась снежной и холодной. Незадолго до рассвета группа лейтенанта Курихары подъехала к дому премьер-министра адмирала Окады, разоружила полицейских и принялась разыскивать главу правительства. Вместо него по ошибке был убит его секретарь, самому же адмиралу удалось отсидеться в чулане, куда его спрятали служанки, а затем бежать. Судьба смилостивилась и над ближайшим советником императора принцем Сайондзи, которому тогда было уже 96 лет и который был последним из остававшихся в живых деятелей революции Мэйдзи. Местные полицейские (принц жил в загородном дворце), чтобы спасти Сайондзи, закутали его в ковер и носили из дома в дом, чтобы сбить убийц со следа.

Однако далеко не всем из намеченных жертв удалось спастись. Погибли, в частности, генеральный инспектор армии Ватанабе, лорд-хранитель печати адмирал Сайто, министр финансов Такахаси, был тяжело ранен главный камергер Судзуки.

В общей сложности в путче 1936 г. участвовало около полутора тысяч солдат и офицеров. Взяв под контроль центр Токио, они в дальнейшем вели себя пассивно. Ими был выпущен манифест, в котором говорилось о продажности японского руководства и необходимости защитить императора и спасти японский дух, но что делать потом, было неясно. Однако сочувствие заговорщикам в генеральской среде было настолько сильным, что, несмотря на бездействие мятежников, поначалу никто не решался выступить против них. Устранился от вмешательства в эту историю даже военный министр. Лишь на третий день, раздраженный неспособностью генералитета справиться с мятежом, направленным, в частности, и против его ближайшего окружения, император приказал армии предпринять немедленные действия...

Мятеж удалось подавить, воспользовавшись соперничеством между армией и флотом. (Во время мятежа было убито по крайней мере три адмирала.) Объединенный флот вошел в Токийскую бухту и объявил о своем намерении высадить десант. Тогда и армейскому руководству пришлось переменить тон. 29 февраля был издан приказ о том, что армия намерена подавить мятеж. Когда приказ дошел до участвовавших в путче солдат, они начали расходиться по домам, и к полудню мятежные офицеры остались без армии. Им было предложено покончить с собой, однако по здравом размышлении они предпочли пойти под суд, мотивируя это тем, что на суде смогут изложить свою позицию. Самурайский дух уступал реалиям XX века.

Для окружающего мира мятеж казался ординарным событием. Действительную его суть поняли немногие, в том числе советский разведчик Р. Зорге, который направил в Москву анализ как социальных корней мятежа, так и сил, стоявших за ним. Он предсказал, что сам факт мятежа означает лишь одно — скорое и неминуемое вторжение в Китай, начало «большой войны».

Следующее японское правительство было куда менее умеренным, чем предыдущее. Военным министром в нем был

генерал Тераути, известный своими консервативными взглядами. Он не одобрял решительных действий молодых радикалов, но в то же время был вынесен на поверхность именно этими действиями. Правительство, хотя мятежники и были арестованы, начало активно проводить в жизнь некоторые из их требований. Были, например, запрещены демонстрации и забастовки.

Как уже отмечалось, хотя общий курс на войну в японском руководстве не вызывал сомнений, шли горячие споры относительно объекта этой войны. Командование Квантунской армии, отражавшее точку зрения монополий, стояло за скорейшую войну с Китаем, будучи убеждено, что китайские армии небоеспособны, а с ресурсами Китая, а затем и Юго-Восточной Азии можно будет приступить к реализации планов мирового господства. «Токийская» группа полагала, что настоящим и единственным врагом Японии является Советский Союз. Война с ним, отмечали участники группы, не вызовет противодействия со стороны бывших союзников Японии по Антанте; не исключено, что они даже будут помогать Японии. Агрессия же против Китая и Юго-Восточной Азии неизбежно приведет к войне с западными державами, а к этому Япония еще не готова. Лишь освоив ресурсы Маньчжурии и превратив ее в кузницу империи, т. е. примерно к концу 40-х годов, можно будет осмелиться на войну с Западом.

Отражением этой борьбы мнений были частые перестановки в правительстве и борьба внутри армейского руководства. Наконец, император и армия сошлись на кандидатуре принца Коноэ, председателя палаты пэров японского парламента, человека, с одной стороны, близкого к императорской фамилии, с другой — тесно связанного с концернами. Приход Коноэ к власти означал, что время споров прошло. Победила точка зрения Квантунской армии — сначала быстро разгромить Китай, а затем, опираясь на его ресурсы, приступить к дальнейшим завоеваниям.

Через пять дней после вступления Коноэ на пост главы правительства в Маньчжурию приехал принц Хасимото. Он устроил банкет, на который пригласил командование Квантунской армии, в том числе начальника штаба генерала Тодзио. На банкете Тодзио показал принцу приказ, который уже был разослан по соединениям армии. В нем предусматривался захват восточных портов Китая и дорог, ведущих к ним. В приказе, в частности, говорилось: «В соответствии с нашей стратегией подготовки войны против России и оценкой создавшейся в Китае обстановки мы считаем момент благоприятным, чтобы направить наши силы на уничтожение нанкинского режима».

Целью первого этапа наступления против Китая был Пекин. Части Гоминьдана в этом районе были куда многочисленней японских, но к боям не были готовы и фронта как такового не существовало. Практически японцам противостояла лишь 29-я армия генерала Сун Чжэюаня.

8 июля 1937 г. японская пехотная рота начала ночные учения к востоку от моста Лугоуцяо, который вошел в историю войны под названием моста Марко Поло. Маневры такого рода проводились уже не первую ночь, причем в непосредственной близости от китайских частей, которые довольно вяло строили в тех местах оборонительные сооружения.

Выстрелы раздались глубокой ночью. Кто стрелял и были ли потери в японской роте, сегодня уже не установить. Командир роты доложил командиру батальона, что у него пропал без вести один солдат. На поиски «пропавшего» солдата тут же был послан весь батальон. В тот же день сидевший в Пекине член «союзнической оккупационной комиссии» генерал Такэо Имаи предъявил китайскому командованию ультиматум с требованием «наказать виновных солдат и офицеров и вывести все войска из зоны железной дороги Пекин — Тяньцзинь». Как только китайская сторона согласилась на требования японцев, те, не давая противнику опомниться, предъявили новый ультиматум, в котором содержалось тре-

бование разоружения китайских войск. А когда генерал Сун Чжэюань отказался принять второй ультиматум, в Токио загремели боевые трубы. 11 июля военный министр потребовал срочного созыва парламента, который должен был санкционировать начавшуюся войну и выделить дополнительные расходы на военные нужды.

Очевидность событий начала войны не означает, что в наши дни и в Японии, и за ее пределами не предпринимается попыток оправдать агрессию, заявляя, будто Япония была «вынуждена» так поступить. Высказываются также сожаления, что японские генералы не послушались тех, кто стоял за поход против Советского Союза, а ринулись в бездонный Китай. В действительности же за спорами японских генералов задача похода на СССР никогда не исчезала. Победа сторонников «южного пути» была не случайностью. Приверженцы немедленного нападения на СССР не могли победить, потому что им противостояло трезвое большинство в командовании. Уже интервенция 1918–1922 гг. показала, что завоевание Сибири — непростое дело. С тех пор Советские Вооруженные Силы окрепли, и очертя голову высшие офицеры Японии лезть в бой не желали, тем более что тогда им пришлось бы начинать войну в экономически невыгодном положении — без китайских ресурсов. На СССР идти намеревались лишь после репетиций, проб, тщательной подготовки.

К середине июля на пекинском направлении было сосредоточено уже более 40 тыс. японских солдат, более 100 орудий, 150 танков и столько же самолетов. У китайских войск ни самолетов, ни танков не было, однако они без подкреплений, без боеприпасов, даже без общего командования продолжали сопротивляться Квантунской армии.

Командованию в Токио казалось, что полевые командиры недостаточно энергичны и медлят с наступлением. На фронт под Пекин был направлен новый командующий Кийоси Кицуки, который официально заявил по приезде, что прислан, чтобы «наказать наглых китайцев». Любопытно, что

даже в высших кругах японского руководства не было единой формулы, оправдывающей войну в Китае. Поэтому слова «наказать» звучали никак не хуже других.

В те же дни состоялось совещание у премьера Коноэ, на котором тот потребовал у генералов ответа: когда же Китай будет побежден? Генералы заверили премьера, что с Китаем будет окончательно покончено через три месяца. Коноэ дал им три месяца сроку и издал указ о высадке десантов в Шанхае и Циндао. 27 июля Коноэ выступил в парламенте с заявлением, что его правительство приложит все усилия, чтобы установить новый порядок во всей Азии.

В тот же день простой в формулировках генерал Кацуки отдал приказ о бомбардировке городов Северного Китая, объяснив, что намерен «начать карательную экспедицию против китайских войск, которые предпринимают действия, оскорбительные для престижа Японской империи».

Идеологически захваты оформлялись в лучших традициях колониализма XIX века. Любое сопротивление захвату было унизительно для престижа метрополии. А уж на оскорбление такого рода приходилось отвечать с помощью оружия.

Разумеется, действия генерала Кацуки не привели к победе, но они подтверждают характеристику, которую советский комкор Г. Жуков дал японской армии, когда беседовал со Сталиным после окончания боев на Халхин-Голе. «Японский солдат, — сказал Жуков, — который дрался с нами на Халхин-Голе, хорошо подготовлен, особенно для ближнего боя. Дисциплинирован, исполнителен и упорен в бою, особенно в оборонительном. Младший командный состав подготовлен очень хорошо и дерется с фанатическим упорством. Как правило, младшие командиры в плен не сдаются и не останавливаются перед харакири. Офицерский состав, особенно старший и высший, подготовлен слабо, малоинициативен и склонен действовать по шаблону».

Наблюдения Жукова оказались правильными не только по отношению к Халхин-Гольскому конфликту начального

периода войны, но и для всех боевых действий. Это не означает, что в японской армии не было талантливых начальников, но было очень мало начальников инициативных, неординарных. Тем более что при неудачах командование начинало тасовать генералов, а это пользы не приносило. Страшные позы, надувание щек и неоправданная жестокость были характерны для высших японских офицеров. И если в обороне солдаты и капралы, зарывшись в землю, сопротивлялись до смерти, то командующий чаще всего вел себя пассивно.

Однако даже при таком положении дел офицерский и генеральский корпус Японии куда как превосходил английских и голландских генералов, практически не нюхавших пороху и воспитанных в Санкхерсте или Сен-Сире по военным законам начала века, которые были отвергнуты уже Первой мировой войной и никак не годились для Второй. Японская же военная верхушка прошла военную практику в достаточной степени, ибо с начала 30-х годов возможности для этого были широкие. Для японцев война не прекращалась, но важно подчеркнуть, что это всегда была война с уступающим по силе и вооружению противником. Китайский опыт, при котором японские генералы непрестанно «наказывали» противника и удивлялись тому, что он до сих пор не сдается, годился только в первые недели войны против европейских армий. Если бы среди английских военных нашлось бы несколько опытных, талантливых генералов, то вернее всего японское наступление в Юго-Восточной Азии если не провалилось, то задержалось бы значительно. Но такие генералы смогли пробиться к командованию лишь после падения Сингапура, Батавии и Рангуна. Так что в первые месяцы войны японцам хватало и генералов с китайским опытом побед над слабым противником. И некому было тогда заметить, что японские войска действуют по шаблону, без инициативы, лишь пользуясь ошибками англичан.

Стилуэлл, Уейвел и Слим — это находки Второй мировой войны, это аналог Жукову, Рокоссовскому и Ватутину,

занявшим место Кулика, Буденного и Тимошенко. Только к сожалению для нас, гитлеровский «естественный отбор» командования произошел раньше, чем германские армии вторглись в СССР. У них были годы боевого опыта.

Отбиваясь от японских армий, Китай старался найти внешних союзников, которые могли бы выйти за пределы сочувственных речей. Обращение за помощью к Советскому Союзу стояло в ряду подобных действий, но дало куда более реальный результат.

В советской исторической литературе подписание 21 августа 1937 г. договора о ненападении воспринимается как благородный и бескорыстный шаг советского правительства, желающего помочь братскому соседнему народу. Очевидно, эта точка зрения будет существовать и далее, особенно из политических соображений, хотя она наивна и ненаучна.

В решении оказать Китаю военную помощь сыграли свою роль ряд факторов, начиная с эмоционального — памяти о японской интервенции в Приморье во время гражданской войны и даже о войне 1904—1905 гг., приведшей к потере северного Сахалина и Курил. Япония рассматривалась советским командованием как потенциальный противник. Причем в планах СССР не было намерения вторгнуться в Японию. Советская дальневосточная доктрина была оборонительной. Но убеждение в том, что рано или поздно, как только обстоятельства будут тому благоприятствовать, Япония совершит попытку захватить Дальний Восток и даже Сибирь, разделялось и руководством Монголии и служило основой для военного союза между СССР и МНР.

Создание Маньчжоу-Го было воспринято в СССР резко отрицательно. Японские армии подошли к южным границам Советского Союза, кроме того, Советский Союз потерял экономически и политически важную КВЖД и позиции вдоль ее путей. Отношения на границе с Маньчжоу-Го всегда были напряженными, и Советский Союз держал сильную

Дальневосточную армию и войска Забайкальского военного округа именно против возможной японской агрессии.

Разгром Китая, о чем достаточно громко говорили японские пропагандисты и военные и в чем почти не сомневались в штабах европейских стран, ибо японская армия рассматривалась как дисциплинированная, хорошо организованная и вооруженная сила, тогда как Китай воспринимался как скопище воюющих коррумпированных генералов, для СССР был очень опасен. Тогда на протяжении тысяч километров южной границы утверждалось сильное враждебное государство, которое, овладев ресурсами Китая, станет крайне опасно для СССР.

В то же время в интересах СССР была затяжная изнурительная война Японии с Китаем, которая поглощала бы весь японский военный потенциал.

Следовательно, надо было сделать все, чтобы Китай не сдался.

О победе его над Японией в то время никто и не помышлял, даже сами китайские генералы.

Эти стратегические соображения СССР как бы отодвигали на второй план идеологические интересы. Ведь Чан Кайши отчаянно воевал с коммунистами, забывая порой о японской угрозе, и коммунисты отвечали ему взаимностью. Советский Союз с начала гражданской войны в Китае помогал коммунистам и посылал им вооружение и советников.

Теперь же он вознамерился поддерживать Гоминьдан. Причем трезвые головы в Москве понимали, что значительная часть полученной Гоминьданом помощи из Москвы будет утаена для того, чтобы использовать ее против коммунистов.

Однако соображения безопасности были столь весомы, что помощь коммунистам уступила первое место помощи Чан Кайши.

Уже с конца 1937 г. в Китай стали прибывать советские военные советники. К февралю 1939 г. их насчитывалось 3665 человек. СССР направил в Китай как самолеты, так и

летчиков, ибо собственная слабая китайская авиация была уничтожена японцами уже в первые дни войны.

По официальным данным, в Китай в 1937—1938 гг. было поставлено 985 самолетов и 1317 орудий, а также более полутора тысяч грузовиков. При этом надо учесть, что на основном пути снабжения Китая — Синьцзянской дороге, тянущейся 3000 километров по пустыне и горам, трудилось более 5000 грузовиков, а по советской территории для китайских грузов было выделено 5640 товарных вагонов. В этот перечень не входят миллионы снарядов и бомб и прочего военного добра, а также такие предприятия, как военные школы и, в первую очередь, летное училище. Наконец, значительное количество грузов для Китая шло морем, к Рангуну, а оттуда по Бирманской дороге в Южный Китай.

По крайней мере 200 советских специалистов, в первую очередь летчиков, погибли в Китае за первые годы войны.

В дальнейшем при стабилизации положения в Китае, когда всем, кроме японских генералов, стало ясно, что отдельные продвижения японцев ведут ко множеству маленьких побед, которые не способны сложиться в одну решающую победу, объем советской помощи Китаю уменьшился. Военная помощь выполнила свою роль и помогла Китаю выстоять в первые три года войны. Убедившись в том, что японцы так же далеки от победы, как в начале кампании, Чан Кайши обратил основное внимание против коммунистов, все большая доля советской помощи уходила либо на обогащение интендантов, либо на борьбу с Мао Цзедуном.

Начиная с 1939 г. Советский Союз активно переводил экономику на военные рельсы. Неизбежность грядущей войны не вызывала сомнений. Теперь каждый самолет был нужен для собственной обороны. Так что военное сотрудничество с Гоминьданом не было прекращено, но сильно сократилось.

В отличие от СССР, который ощущал близость войны к собственным границам и опасался японской агрессии, круп-

нейшие западные страны воспринимали японскую угрозу достаточно отвлеченно. И, несмотря на различие в подходах к этой проблеме, в целом оставались в границах невмешательства.

Мысль о том, что Япония когда-нибудь нападет на США, казалась там дикой и противоестественной. Несмотря на очевидные экономические и военные успехи Японии, эта страна воспринималась в США как азиатский монстр, пугающий, но не страшный. Хотя агрессия Японии в Китае больно ударяла по американским интересам, капиталовложения которых там превышали интересы прочих держав, изоляционизм как господствующее направление в американском обществе был настолько силен, что, как показали события, кроме открытого нападения на США, ничто не могло поколебать желание американцев остаться в стороне от европейских и азиатских конфликтов. В этом отношении Япония сильно подвела своих союзников по Оси, заставив их, во исполнение договора, вступить в войну с США.

Для Великобритании и Франции война в Китае, хоть и нарушала их экономические интересы, реально ничем не угрожала, потому что их колониальные владения к югу от Китая были отделены от театра военных действий тысячами километров китайской территории, которые японцам вряд ли удастся преодолеть. А даже если случится худшее, японцы не посмеют поднять руку на земли, находящиеся под флагом Британской и Французской империй.

Это не означает, что в западных странах не было политиков, понимавших, как опасна страусиная политика их правительств. Например, когда государственный секретарь США Хэлл в ответ на сообщение японского посла о начале военных действий в Китае заявил, что США занимает по отношению к Японии «дружескую беспристрастную позицию», председатель сенатской комиссии по военным делам Питтмен возражал ему в сенате: «Заблуждаются те, кто думает, что США являются нейтральной нацией и не участву-

ют в уничтожении человеческих жизней. Мы участвуем в массовом убийстве в Китае, помогая военными материалами Японии, которая покупает у нас 80% бензина, а также железного и стального лома, нужного ей для вооружения».

Дипломатия к середине XX века в преддверии великой войны становилась все более циничной. Государства руководствовались сиюминутными соображениями собственной выгоды. И следует признать, что это было общераспространенным явлением.

После нескольких дней нервного ожидания, не последуют ли санкции со стороны США, что было опасно для военной машины, Япония, хоть и убедилась в том, что ей ничего не грозит, на всякий случай так и не стала объявлять Китаю войну, лишив таким образом западные страны чисто формального повода к ее осуждению.

Если мы, японцы, ни с кем не воюем, за что нас осуждать?

Японские армии уже оккупировали значительную часть Китая, но японские дипломаты продолжали утверждать, что никакой войны не ведется, ввиду того, что Япония не имеет к Китаю территориальных претензий. При всей смехотворности этой позиции, она оказалась правильной, потому что позволила Соединенным Штатам оставаться нейтральными, не теряя при этом лица.

Лига Наций также постаралась остаться в стороне от войны, предложив созвать конференцию девяти держав, подписавших в 1922 г. Вашингтонский договор о неприкосновенности китайской территории.

Конференция открылась в Брюсселе в ноябре 1937 г. На нее был приглашен и Советский Союз. Разумеется, Япония участвовать в ней категорический отказалась — в самый разгар конференции 11 ноября ее войска захватили Шанхай, а еще через месяц столицу Китая — Нанкин.

Перед участниками конференции не было альтернативы. Единственным способом заставить Японию прекратить агрессию были, помимо прямого участия в войне, экономи-

ческие санкции. Только лишив Японию стратегических поставок, можно было надеяться ее остановить. За этот путь, однако, высказался на конференции лишь Советский Союз. Для остальных правительств блокада Японии была неприемлема, так как задевала их экономические интересы, а делегат Италии, только что присоединившейся к Антикоминтерновскому пакту, в который уже вступила и Япония, выступал как откровенный союзник и адвокат агрессора. Неудивительно, что конференция ограничилась моральным осуждением Японии и 22 ноября по соглашению между англичанами и американцами прервала свою работу на неопределенный срок.

Уверенность японских правящих кругов в безнаказанности, окрепшая после провала конференции, выразилась в нападении на американскую канонерку «Пеней», которую утопили японские самолеты на Янцзы. Еще через неделю полк под командованием основателя фашистского Общества вишневого цветка Хамимото обстрелял и захватил английскую канонерку «Лэдибэрд». Эти действия «молодых офицеров», официально вроде бы нарушивших приказы сверху, на самом деле выражали настроения японского генералитета.

Инциденты с канонерками позволили американскому президенту занять более решительную позицию. В декабре он пригласил к себе английского посла Линдсея и заявил ему о желании США договориться с другими державами о морской блокаде Японии. Линдсей не скрывал своего испуга. Это могло означать войну с Японией, а правительство Чемберлена было готово на все, чтобы войны избежать. Линдсей телеграфировал в Лондон содержание беседы с Рузвельтом и сообщил, что его «решительные возражения» не произвели на президента никакого впечатления. 17 декабря Рузвельт сообщил о своем плане блокады кабинету, который занял выжидательную позицию, так как без участия Англии и Франции подобная акция теряла смысл. К тому же было ясно, что, как только в США пройдет волна возму-

щения нападением на канонерки, изоляционисты вновь поднимут голову.

13 января 1938 г. Чемберлен официально отверг американский план созвать конференцию по принципам международных отношений. Как раз в эти дни английское правительство готовило договоры с Японией. Они были заключены весной 1938 г., после чего как японские, так и английские правящие круги не жалели похвал в адрес друг друга, выражая надежду, что никаких споров между их странами более не возникнет. Эти договоры, ничего не дававшие Англии и весьма выгодные Японии, поскольку демонстрировали всему миру, что Англия одобряет японскую политику в Китае, вызвали возражения в Вашингтоне. Но не более. Японские войска продолжали наступать в Китае, и было ясно, что, как только Япония шагнет на следующую ступеньку агрессии, все бумажки, подписанные Англией, будут разорваны. В истории остался Мюнхен, где Чемберлен отдал Гитлеру Чехословакию. Мало кто помнит, что перед Мюнхеном была репетиция.

В декабре 1937 г. пала столица гоминьдановского Китая — Нанкин. Захват этого города сопровождался одним из самых страшных преступлений Второй мировой войны. Японские войска начали с того, что вывезли из города и закололи штыками 20 тыс. мужчин призывного возраста, чтобы те в будущем не могли поднять оружие против Японии. Затем оккупанты перешли к уничтожению женщин, стариков, детей. К концу месяца было убито около 300 тыс. человек. Террор превышал всякое воображение. Даже немецкий консул в официальном докладе описывал поведение японских солдат как «зверское».

Политика террора, с точки зрения японского командования, имела смысл хотя бы потому, что к декабрю, когда пал Нанкин, уже миновали все сроки, назначенные им для окончания войны, а Китай все не сдавался. В зверствах, которые не ограничивались Нанкином, хотя в Нанкине достигли апогея, чувствовались неуверенность японского командования, его озлобленность сопротивлением китайцев и месть

за это сопротивление. Легкой прогулки по Китаю не получилось.

Наступила зима, миновал Новый год, но победа в Китае все не приближалась. Множество частных побед, захват десятков городов и разгром китайских дивизий никак не могли превратиться в ту единственную, решительную победу, от которой зависела судьба войны. Более того, наметился, хотя и нестойкий и чреватый распадом, союз китайских коммунистов и Чан Кайши. В марте 1938 г. 8-я армия, руководимая коммунистами, вместе с войсками Гоминьдана смогла окружить и разгромить значительную японскую группировку. Потери японцев составили более 10 тыс. человек. Фронт японцев был растянут, резервы подходили с трудом, снабжение не справлялось с масштабом боевых действий. Война, которая начиналась как блицкриг, превращалась в затяжную и кровопролитную кампанию, и ни массовые убийства, ни бомбардировки, ни дрязги в китайской верхушке — ничто не могло изменить положения дел. Военный престиж Японии падал с каждым днем.

В конце 30-х гг. произошло два японо-советских военных конфликта, которые современные советские историки объясняют слишком просто — желанием японских военных проверить силу Красной Армии в первом конфликте на озере Хасан и далеко идущими планами отторжения Дальнего Востока и покорения Монгольской Народной Республики, когда речь идет о сражениях на Халхин-Голе.

Мне кажется, что в этих объяснениях не учитывается важнейший фактор — кто же участвовал в конфликтах с японской стороны.

Вряд ли кому-то пришло бы в голову заявить, что с советской стороны инициатором или действующей стороной в конфликте был Дальневосточный военный округ. Какие бы части ни воевали на нашей стороне, это были части Красной Армии. С японской армией дело обстояло иначе. Центральная власть в Японии была куда более условной, чем в

СССР. Вдоль советской границы располагались части Квантунской армии, вполне автономного образования, которое, будучи крупнейшим военным соединением Японской империи, выполняло две функции — оккупировало Маньчжоу-Го, т.е. Северный Китай, и следило за порядком в этой гигантской стране, а также составляло основу сил, призванных победить Советский Союз в будущей войне. А в том, что такая война будет, почти никто в Японии не сомневался и, уж конечно, никто не сомневался в Квантунской армии.

Квантунская армия в лице своего руководства, независимо от личностей, имен и званий генералов, ее возглавлявших, была постоянно обуяна мессианскими настроениями: победить Россию.

В Токио принимались решения геополитического характера, и в них война с Россией все откладывалась до «более удобного момента». И год от года нетерпение «квантунцев» росло. Их лишали, как им казалось, верной и легкой добычи. Другие армии сражались на юге, покоряя Китай, а Квантунская армия томилась многомесячным бездельем, продолжая при том усиливаться для боев, которые никак не начинались. Тем более что стычки и даже походы против китайских генералов, пытавшихся отстаивать северные провинции, никак не поглощали всей энергии Квантунской армии.

В японской армии, а тем более в ее квантунской ветви дух неподчинения центру был велик. Тамошние генералы лучше, чем в Токио, знали, чего хотят. Поэтому когда их агрессивность выплескивалась на севере, Токио занимал в конечном счете более компромиссную позицию, хотя никак не препятствовал «всплескам» квантунской активности.

Антисоветские инциденты с участием Квантунской армии начались в Приморье. Уже в 1933 г. Квантунская армия тщательно обследовала этот район и командование армии сочло его удобным для проведения военных операций против Красной Армии. Каковы могут быть дальнейшие действия, очевидно, никому не было известно. Действовал пол-

ководческий принцип — ввязаться в бой, а дальнейшее рассудит военное счастье. В любом случае расчеты были наполеоновскими, а первые шаги — разведывательными.

В декабре 1933 г. начальник штаба Квантунской армии докладывал заместителю военного министра, что армия готова начать «военные действия против Советской России».

С того дня и практически до конца тридцатых годов на границе с Советским Союзом периодически вспыхивали вооруженные конфликты, о которых в нашей прессе и литературе практически не упоминается, и лишь бои на озере Хасан в 1938 г., объявленные большой победой советского оружия, были ярко, но неточно отражены.

На Дальнем Востоке базировалась Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (ОКДВА) под командованием славного героя Гражданской войны, одного из пяти маршалов Советского Союза Василия Блюхера. Эта армия играла значительную роль в пропаганде непобедимости и силы Красной Армии и поэтому призвана была побеждать японских милитаристов. Туда направлялись лучшие призывники и специалисты, ее части именовались «железными», «краснознаменными» и назывались в честь вождей Советской державы.

Совершенно очевидно, что в тридцатые годы командование Квантунской армии не намеревалось вторгаться в Сибирь — это было делом будущего, и вылазки японских частей были призваны прощупать боеспособность и вооружение советских войск. Японцы накапливали боевой опыт.

Значительно слабее этот опыт накапливался в Дальневосточной армии.

Во-первых, у командования ОКДВА и Красной Армии в целом не было стратегии отношения к японцам, в частности к Квантунской армии. Доктрина должна была быть оборонительной, в то же время предусматривала закидывание противника шапками.

Во-вторых, действительная подготовка ОКДВА, особенно младшего и среднего командного состава, не имеющего

даже опыта Гражданской войны и в значительной степени малограмотного, что на основании архивных документов проследил А. Смирнов*, была настолько низкой, что странно было, как вообще удавалось отстоять рубежи.

Техника была далеко не лучшего качества, а та, что была, отвратительно хранилась и к употреблению была не готова.

Все это усугублялось господством показухи, когда, например, в бригаде отбирались два-три танковых экипажа и они должны были демонстрировать начальству высокий уровень выучки. Остальные и на вид не должны были попадаться.

Наконец, в армии фактически было не единоначалие, а двух- и трехначалие. То есть неоправданно большую власть имели комиссары, которые также поощряли инициативу масс, то есть действия командиров непрерывно подвергались партийной критике, из-за чего командиры предпочитали вообще ничего не предпринимать. Третьей силой в армии были чекисты, которые подозрительно следили за каждым шагом командиров, а те боялись их куда больше, чем японцев. По мере того как увеличивались в масштабе и учащались японские вылазки, приближалась волна массовых репрессий в армии и здесь уцелевал не умнейший и не талантливейший, а лишь серый и незаметный. Не был защищен никто, вплоть до героя-маршала Блюхера.

1 февраля 1936 г. произошел пограничный бой двух рот 26-й Сталинской стрелковой дивизии с двумя ротами японцев, который завершился «вничью», в чем сказалась, как писалось в позднейшем отчете, «недостаточная распорядительность и тактическая малограмотность» командира нашей роты.

25 марта у заставы Хунчун сражались с обеих сторон уже несколько рот. У нас погибло до 10% личного состава, у японцев потерь не было. В наших рядах не оказалось даже пулеметов. Пулеметы-то шли на помощь, но тут командир пулеметной роты увидел, что в грязи застряли пушки, кото-

* А. Смирнов. К бою — не готовы! — «Родина» № 9. 2000. М.

рые также спешили к бою, и приказал своим пулеметчикам вытаскивать пушки. Так что подкрепление пришло, когда бой закончился.

В другом таком же локальном бою произошел казус с танками. Решено было послать танковый взвод на помощь пограничникам. Для этого были выбраны лучшие машины, находившиеся в консервации. Когда их вытащили на плац, оказалось, что они неисправны. Наконец удалось в танковой бригаде найти шесть исправных машин, но они в пути так часто ломались, что на преодоление 150 км у взвода ушло 56 часов, а «технический состав оказался недостаточно подготовлен и с ремонтом не справился». До места боя добрались четыре машины, но к тому времени о бое все уже забыли.

26 ноября в бою у заставы Турий Рог японцы вышибли с позиций подразделение лейтенанта Кочеткова и потеряли несколько человек. Как заявил комбриг И. Боряев: «Рота Кочеткова в смысле боевой подготовки показала в этом столкновении неудовлетворительные качества». Однако к тому времени журналисты уже описали подвиги кочетковцев на всю страну и наконец-то появились новые герои. Бойцы получили ордена Красного Знамени за то, что «уверенно забрасывали японцев гранатами».

5 июля 1937 г. произошли бои у озера Ханко. И снова «пренебрежение разведкой», командир «управлением роты пренебрег» и т. д.

Что же касается авиации ОКДВА, то еще в 1936 г. она была признана Москвой небоеспособной и никаких выводов не последовало.

В этих столкновениях подготавливалась более крупная операция японцев — наступление у озера Хасан.

В штабе Квантунской армии было решено, что можно будет нанести Красной Армии болезненный удар с далеко идущими последствиями.

К западу от озера Хасан протянулась цепь сопок, отделяющих озеро от поймы реки Тюмень-Ула. Советский Союз

со ссылкой на русско-китайский Хунчунский протокол от 1886 г. указывал, что граница проходит по гребню сопок, тогда как японцы намерены были сдвинуть границу к берегу озера, ибо вершины сопок позволяли контролировать железную и шоссейные дороги с советской стороны.

В течение июля 1938 года шло активное сосредоточение японских войск у границы. Помимо пограничников, туда была стянута 19-я пехотная дивизия.

15 июля японский поверенный в делах в Москве Ниси потребовал, чтобы советские пограничники были отведены с западного берега озера Хасан. В Москве никто не воспринял этого демарша как прелюдии к близкой войне. И тому были причины трагического свойства, отлично известные в Токио. Истребление командных кадров Красной Армии жестоко ударило по Отдельной Дальневосточной, созданию маршала Блюхера. Сам командующий знал, что обречен, и его состояние усугублялось тем, что он был поставлен партией судить своих же товарищей и подписывал смертный приговор Тухачевскому. По воспоминаниям близких, последние недели жизни на воле Блюхер пил горькую, а хозяевами на Дальнем Востоке были чекисты, которые безумствовали, уничтожая командирский корпус. Крупнейший отечественный специалист по японо-китайской войне, автор многих монографий генерал Г. Сапожников вспоминал, как его спас друг — начальник разведки пограничного округа, который дважды вывозил Сапожникова, также ожидавшего неминуемого ареста, на пограничном катере для проверки застав на Камчатке и по берегу Охотского моря. Сам Сапожников ведал контрразведкой в Дальневосточной армии. Дважды друзья уходили на месяц в море, и, на их счастье, им удалось «пересидеть» вдали от штабов самые опасные «сезоны охоты».

Блюхер, его штаб и командиры частей не пересидели.

Самого командарма замучили пытками на допросах и он не дожил до суда. Назначенный на его место коман-

дарм не имел ни возможностей, ни сил должным образом заниматься войной с японцами.

Георгий Жуков в своих воспоминаниях пишет об обстановке в Красной Армии в те месяцы: «Шел 1938 год. Тяжелая обстановка, создавшаяся в армии и в стране в связи с массовыми арестами, продолжала действовать угнетающе. Арестам подвергались не только крупнейшие государственные и виднейшие военные работники, но дело дошло и до командиров и политических работников частей...»

Японцы отлично знали о состоянии дел в руководстве Дальневосточной армии и, в общем, не ошиблись тактически, хотя стратегически конфликт у озера Хасан был ошибкой, из которой Квантунская армия не извлекла уроков.

21 июля военный министр Японии Итатаки совместно с начальником генерального штаба получили аудиенцию у императора Хирохито.

Речь на аудиенции шла о разрешении использовать военные силы Японии против Советов у озера Хасан для того, чтобы восстановить законные права Японии на гряду сопок у озера.

Разумеется, император отлично понимал, что у него просят формальной санкции на войну с СССР, исход которой неясен.

Обсуждались вопросы военные и политические. И террор в России, развязанный ее диктатором, был одним из важных аргументов к нападению.

Император не поверил известному близостью к Кватунской армии министру и заподозрил, что тот в данном случае выступает как представитель рвущейся в бой армии. Он спросил у Итатаки, каково мнение морского министра и министра иностранных дел. На что получил ответ, что военные обсуждали с ними будущий конфликт. Это был обман. Но императору хотелось в него верить, и Итатаки не колеблясь сообщил требуемую ложь.

Была получена санкция императора на использование силы в случае «возникновения чрезвычайного положения». Слово «война» не было произнесено ни разу.

29 июля силами одной роты японцы напали на пограничный дозор на высоте Безымянная. Вначале успех сопутствовал японским солдатам, но к вечеру пограничники подтянули все свои силы и им удалось отбить сопку. Затем японцы потеряли двое суток, готовя удар по сопке Заозерной. Они двинули на нее силы всей дивизии утром 31 июля. На процессе в Токио командир дивизии Танака Рюкити подтвердил, что в этот день его дивизия повела решительное наступление на русских пограничников.

Сопка Заозерная была взята.

Начались бои у гряды сопок, в которые втягивались все новые части Красной Армии, благо что с советской стороны близко проходили дороги.

Желание ограничиться силами 19-й дивизии и успех ее в первые дни ввели в заблуждение командование Квантунской армии, полагавшей, что дивизии достаточно для захвата господствующих высот.

Когда же наконец с опозданием в бой вошли части Красной Армии, оказалось, что сил дивизии недостаточно, чтобы им противостоять.

К 11 августа японские части были сброшены с сопок и отступили на исходные позиции.

Квантунская армия постаралась предать этот инцидент забвению.

Что ей и удалось сделать. Кроме как в России, нигде слово «Хасан» не вызывает никаких ассоциаций.

Токийский трибунал, судивший японских военных преступников, расценил в своем приговоре события у озера Хасан следующим образом: «Хотя военные силы, занятые в этом конфликте, не были весьма значительными, однако цель нападения и его результаты, если бы оно было успешным, достаточны для того, чтобы считать эти военные действия

войной... операции японских войск носили явно агрессивный характер».

Если исход боев у озера Хасан был проигнорирован японскими штабами и не замечен в мире, то ход боев внимательно изучался в Токио, потому что Генеральный штаб рассматривал их как первую пробу сил в будущей великой войне. Причем слабости в управлении советскими войсками, плохая организация обороны и т.д. были расценены не как временные явления, связанные с нарушением в системе командования, но как свойства русской армии вообще. А отсутствие боевой современной техники — как отсталость советских войск.

Советские военные оказались куда лучшими учениками, чем японцы, хотя взаимная недооценка противниками осталась и в последующие месяцы.

Все эти достижения и недочеты ярко проявились во время войны на Халхин-Голе, яростной и кровопролитной, во многом повлиявшей на будущие военные решения Токио.

В течение второй половины 1938 г. японские войска продолжали наступление в Китае. В октябре были высажены десанты в Южном Китае. 22 октября пал Кантон (Гуанчжоу), затем японцы овладели Уханьским промышленным районом. Но наступление постепенно выдыхалось. Линия фронта растянулась уже на две с половиной тысячи километров, потери японской армии измерялись сотнями тысяч солдат, материальные выгоды не могли компенсировать потерь, нехватка стратегических материалов все росла.

Не желая признавать истинных причин столь упорного сопротивления Китая, одной из которых было то, что оно все более принимало характер национального сопротивления, в Токио начали искать виновников своих неудач на стороне. Наиболее очевидными казались две причины. Первая — существование Советского Союза и его помощь Китаю. Вторая — снабжение Китая Соединенными Штатами

через Французский Индокитай и Бирму, где завершалось строительство Бирманской дороги. Кабинет принца Коноэ, склонный на том этапе к переговорам с западными державами, был вынужден уйти в отставку. В январе 1939 г. его сменил кабинет Хиранумы, близкого к японским фашистским обществам. Вскоре после этого, 10 февраля, японский флот высадил десант на о-ве Хайнань и о-вах Спратли в Южно-Китайском море. Оттуда было рукой подать, с одной стороны, до путей снабжения Китая из Ханоя, с другой — до нефтяных месторождений Индонезии. Следующей акцией, связанной с надеждами Японии на заключение Тройственного союза с Германией и Италией, было нападение на Монголию, которое должно было убедить немцев, что японская армия сильна, и в то же время доказать китайцам, что их надежды на поддержку Советского Союза беспочвенны.

Конфликт, вернее война под странным для войны названием «Халхин-Гол» — явление парадоксальное.

С одной стороны — это кампания Второй мировой войны. С другой — он и начался, и завершился до ее начала.

Японские источники вплоть до настоящего времени уделяют ему в описании войны лишь несколько строк, а то и вообще умудряются его игнорировать, как «пограничный эпизод».

Монгольская история возводит его в разряд великих сражений, войн, стоящих по значению рядом с чингисхановскими. Любопытно, что участники боев на Халхин-Голе были награждены в свое время монгольскими знаками, а юбилеи битвы вплоть до пятидесятилетнего отмечены в Монголии наградными медалями.

В государстве Маньчжоу-Го война на Халхин-Голе также была отмечена наградной медалью и объявлена победой маньчжурского оружия. Впрочем, за пределами Маньчжоу-Го об этом никто не ведал, как, впрочем, сегодня найдется немного жителей Земли, которые знают, что такое Маньчжоу-Го.

В Советском Союзе, хоть и не было отчеканено медали на это событие, Халхин-Гол был оценен как большая победа советского оружия и отмечен многими наградами. Однако вскоре более значительные события затмили славу халхин-гольских боев и о них почти не вспоминали до пятидесятилетнего юбилея, когда в прессе появился ряд статей, а также вышли книги с воспоминаниями участников.

Японские историки упорно утверждают, что Халхин-Гол был лишь пограничным конфликтом, не идущим ни в какое сравнение с настоящей войной. Суть дела заключалась лишь в попытках Японии разрешить пограничное недоразумение.

Формально, как ни странно, это чистая правда, хотя при том же это — грубая ложь.

Как неправда и то, что, как утверждают наши историки, Халхин-Гол был для японцев началом войны за захват Сибири и Дальнего Востока.

Даже в опубликованных ныне документах Генерального штаба Японии таких планов нет. Ни обстановка, ни время не позволяли ставить на повестку дня захваты на территории СССР.

Однако операция против СССР готовилась с весны 1939 г. Причем инициатором ее было командование Квантунской армии, имевшее сильные позиции в Генеральном штабе. Неудача на озере Хасан к тому времени была почти забыта и списана на ошибки командования и слишком малые силы, задействованные на том участке границы.

На этот раз решено было ударить по Советскому Союзу, вернее по его сателлиту — МНР — куда большими силами, и вопрос стоял не о двух сопках, а о значительном куске монгольской территории.

По плану операции № 8 решено было захватить южную часть Монголии, пользуясь тем, что в тех местах не было дорог с монгольской стороны и на сотни километров тянется полупустыня, почти не населенная и маловодная.

Для пропагандистской подготовки операции Генеральный штаб санкционировал издание большим тиражом карт, на которых граница между Маньчжоу-Го и Монголией проходила по реке Халхин-Гол, тогда как по общепризнанным международным договорам в том месте она выступала углом на юг.

Место нападения на Монголию выбрано было в том месте не только в силу его удобного расположения, но и по практическим соображениям. Причины тому, сегодня уже скрытые за пеленой времени и ложных оценок, убедительно раскрыл в своих записках того времени Константин Симонов, бывший на Халхин-Голе военным корреспондентом. Я позволю себе привести длинную цитату из текста Симонова, помогающую понять суть обстановки, как она виделась глазами информированного очевидца: «С самого начала конфликта мы были поставлены в очень тяжелые условия. У нас до ближайшей железнодорожной станции армейского снабжения — Борзи — было семьсот с лишним километров, а у японцев всего в ста километрах был Хайларский железнодорожный узел, а примерно в тридцати километрах — последний пункт строящейся Холун-Аршанской железной дороги. Кстати говоря, постройка этой дороги явилась одной из причин конфликта. Примерно в пятнадцати километрах от границы между Монголией и Маньчжурией начинались первые отроги Хинганского хребта. Японцы тянули дорогу вдоль этих отрогов с юго-востока на северо-запад с таким расчетом, чтобы подвести ее к нашей границе, возможно ближе к Чите. На участке Халхин-Гола монгольская граница образовала большой выступ в сторону Маньчжурии, и японцы должны были или вести здесь дорогу через отроги Хингана, или строить ее в непосредственной близости к границе, на расстоянии орудийного выстрела. Видимо, это не устраивало их, и они, помимо очередной провокации, ставили перед собой и практическую цель — захват всей полосы реки Халхин-Гол и прилегающих к ней высот для обеспечения строительства своей стратегической ветки, которое остановилось как раз перед Тамсаг-Булакским выступом».

Как бы ни формулировали свои цели японские военные и как бы ни описывали этот конфликт наши или монгольские историки, вернее всего первой и главной целью японцев было изменение границы для того, чтобы удобнее строить стратегическую дорогу, кстати, предназначенную для будущей войны против СССР. Расчет был на то, что этот район настолько далек и труднодоступен, что русские не пойдут на большую войну и жертвы ради этого клочка земли. Разумеется, если бы японские и маньчжурские части не встретили сопротивления, они вряд ли остановились бы у реки, а пошли бы на север и попытались извлечь из ситуации максимум выгоды. Но ни на Москву, ни даже на Читу идти они не намеревались — это уже позднейшие беллетристические высказывания советских историков, призванные возвеличить подвиг защитников монгольских рубежей.

Кстати, японская операция планировалась локально — в пределах одного из военных округов и силами японской 6-й армии, а также ряда частей армии Маньчжоу-Го, в первую очередь баргутской (монгольской) кавалерии.

Остается неясность и в том, как видели японские военные развитие дальнейших событий в случае успеха на Халхин-Голе. Но можно предположить, что реально мыслившие руководители страны ставили возможность войны с СССР в зависимость от развития событий в Европе.

В начале лета 1939 г. для руководства Японии не было секретом, что Германия готова к началу большой войны в Европе. Оккупация Австрии и Чехословакии доказала, что реального сопротивления Германия своим планам не встречает. Западные державы отступали перед ее требованиями. Следовательно, на очереди стояли новые захваты. Кто следующий? Как далеко сможет пройти Германия по пути захватов, прежде чем Франция и Англия будут вынуждены вмешаться? И станут ли они вмешиваться, если Гитлер продолжит свою политику антикоммунизма и нападет на СССР?

За этим стояла азартная для Японии игра. Ее генералы говорили, что боятся «опоздать на автобус». Им надо обратить оружие против главного врага — СССР вовремя, чтобы не потерять времени и не уступить немцам, союзникам, но не друзьям, русские территории.

В свете этой ситуации авантюра на Халхин-Голе приобретала куда более важную роль, нежели выпрямление границы ради строительства стратегической дороги.

Если Япония покажет всему миру свою силу, пускай на локальном участке, то в глазах Германии она будет достойным партнером. Если русские будут разгромлены и унижены — это тоже станет козырем для Японии и, возможно, подтолкнет Германию к войне против СССР. И тогда путь от Халхин-Гола лежит к Чите.

Численность японских войск, вовлеченных в конфликт на Халхин-Голе, в различных источниках варьируется, и эти подсчеты, особенно когда это касается японской армии, различаются до порядка. Если верить запискам советских участников боев в прессе, то получается, что японская авиация на этом фронте была уничтожена дважды или трижды, а танки, которых вроде бы, по данным Г. Жукова, и не было у японцев, превосходили числом наши танковые части, но потом исчезли. Два известных советских подсчета японских сил сильно различаются, и я приведу их, чтобы было ясно: даже в официальных источниках господствует необязательность, возникающая от естественного желания сильно преувеличить силу противника и этим еще более восславить наших воинов.

Г. Севостьянов в капитальном труде «Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны» говорит о 359 тысячах японских солдат при 1052 орудиях, 585 танках и 355 самолетах. В международном труде «Причины Второй мировой войны. Документы и комментарии» авторы приводят цифры, которые были представлены советской стороной трибуналу в Токио. Они таковы: «38 тысяч солдат и офицеров,

310 орудий, 145 танков и бронемашин, 225 самолетов». Как видно, различия кардинальные.

Из таких авторитетных источников, как воспоминания маршала Г. Жукова, можно составить общую картину поступления пополнений за время войны, из чего следует, что с нашей стороны был значительный перевес в артиллерии и танках, тогда как японская авиация на первом этапе войны господствовала в воздухе, но по мере поступления новых самолетов и появления «испанских» асов во главе со Смушкевичем и Грицевцом, инициатива перешла к советской авиации.

Надо отметить, что в подсчеты не входят — с японской стороны входившие в армию Маньчжоу-Го кавалерийские полки монголов баргутов, а со стороны советской — монгольская конница, несмотря на то что формально эта война шла между МНР и Маньчжоу-Го, а Квантунская армия и Красная Армия выступали лишь как вовремя пришедшие на помощь союзники.

Следует учитывать, что Халхин-Гольский конфликт явственно делится на два этапа. С 11 мая, когда передовой японский отряд перешел границу МНР и отогнал от границы монгольские пограничные заставы, в течение мая—июня продолжались локальные бои, в которых стороны как бы прощупывали друг друга. В начале июля, подтянув подкрепления, 6-я японская армия неожиданно захватила господствующую над долиной реки гору Баин-Цаган. Лишь через несколько часов, и то почти случайно, направившийся с проверкой расположенной на горе 6-й монгольской кавалерийской дивизии советник монгольской армии Афонин обнаружил, что дивизия без боя оставила гору, которую уже спешно укрепляют японцы.

Сложилось тяжелое для советско-монгольских войск положение. Гора Баин-Цаган господствовала над степью и долиной реки, а превосходства в воздухе советские войска тогда не имели.

Пожалуй, бои на Баин-Цагане были критическим моментом войны. Как вспоминает Г. Жуков, назначенный к

тому времени командующим советскими частями в Монголии и сменивший командира 57-го особого корпуса Н. Фекленко, который держал штаб в 120 км от реки и ждал указаний из Москвы, подкрепления, которые Жуков требовал из СССР, все еще только подтягивались, коммуникации никуда не годились, снабжение налаживалось с трудом. Казалось бы, японский план-минимум удается. Советские войска держались у Халхин-Гола из последних сил, и плацдарм на восточном берегу реки, важный принципиально, доживал последние часы. С переходом в руки японцев горы Баин-Цаган советские войска были обречены на отступление.

И тут сыграл свою роль фактор, который в той или иной мере будет возникать во всех сражениях первого года войны.

Ослабленный советский командирский корпус состоял или из выдвиженцев, обязанных жизнью и карьерой счастливому случаю, каким-то связям или партийной активности, но никак не военным способностям. Исключений было немного, но они обязательно были. И когда возникала острая необходимость, начинались поиски достойного кандидата, не всегда, правда, успешные.

Командиры советских войск, которые стягивались в Монголию с весны 1939 г., когда стало ясно, что японцы скоро ударят по южным границам МНР, были либо случайными выдвиженцами, либо оставшимися в живых ветеранами Гражданской войны. Их главной задачей было выжить и не прогневить Ставку. Лучше ничего не делать, чем совершить ошибку. Очевидно, к такой категории командования относилось руководство 57-го корпуса, тем более что Жуков подчеркивает, что компетентным во всем штабе корпуса оказался лишь один человек. После смерти Блюхера, ликвидации командования дальневосточными войсками, после чистки в Забайкальском округе командиры боялись больше чекистов, чем японцев.

Однако в тот момент, когда в Москве решали, кто должен спасти критическую ситуацию на Халхин-Голе, выбор пал на восходящую на фоне гибели иных командиров звезду — ком-

дива Жукова, ни по возрасту, ни по чинам не подходящего, казалось бы, на такую роль, тем более что это назначение ущемляло гордыню командарма Штерна и других начальников в Сибири и на Дальнем Востоке.

В том конкретном случае недоверие Сталина к армейской элите, а тем более недобитым остаткам элиты сибирской и дальневосточной, сыграло положительную роль. Жукова выхватили из Белорусского военного округа, хотя никто еще не знал, что он — выдающийся талант Второй мировой войны, первый из того поколения полководцев, которые смогут одолеть вермахт.

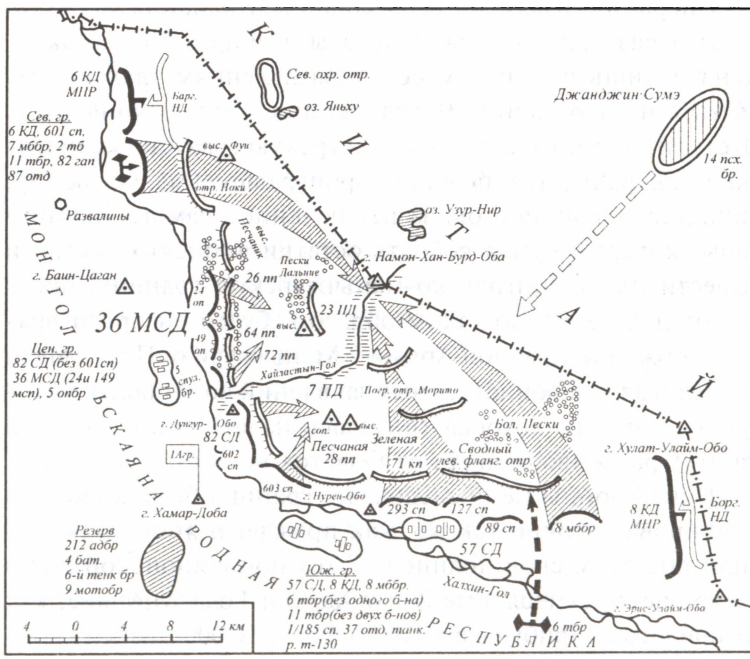
Жуков был неожиданностью и для японских генералов, вышедших в люди в Квантунской армии, имевших весьма ограниченный военный опыт и мысливших по жестким стандартам ведения «азиатской» войны. Как и сослуживцы Жукова, они уступят место новому поколению генералитета, выросшему в боях с англичанами и американцами.

Когда Жуков узнал о том, насколько критическим было положение его войск, когда обнаружилось, что на Баин-Цагане уже закрепилось более десяти тысяч японцев, которые активно окапываются и уже установили на горе более 150 орудий, он подсчитал свои возможности. У Жукова было 1000 штыков и 50 орудий. Правда, Жуков мог рассчитывать на 150 танков 11-й танковой бригады и 154 броневика 7-й мотобронетанковой бригады, причем броневики еще были на подходе.

По всем законам тогдашней войны, известным и Жукову, и японцам, танки не могли действовать без поддержки пехоты, тем более в ночное время. Жуков же бросил все свои танки и подошедшие чуть позже бронемашины на гору в двенадцать часов ночи.

Танки прорвались на плоскую вершину горы, нарушили коммуникации японской дивизии, внесли панику и держались на горе до утра, когда подошел 24-й мотострелковый полк.

Гора была очищена от японских войск. Следующей ночью на нескольких машинах бежал командующий 6-й армией генерал Камацубара. «Тихо и осторожно движется машина генерала Камацубара, — писал в дневнике один из штабистов. — Ночь тиха и напряжена, так же как и мы... Картина ужасная. Наконец мы отыскали мост и благополучно закончили обратную переправу. Говорят, что наши части окружены большим количеством танков противника и стоят перед лицом полного уничтожения. Надо быть начеку...»



Боевые действия у реки Халхин-Гол 20—30 августа 1939 г.

Однако бои были далеки от завершения. Они шли с переменным успехом до второй половины августа, когда Жуков завершил подготовку к решительной операции, которую

смог подготовить в абсолютной тайне так, что до последнего мгновения японцам не удалось ни о чем догадаться.

Принимая во внимание слабость японских флангов и существование плацдармов на «японском» берегу реки, Жуков направил основной удар с флангов. Операция была назначена на воскресный день. Убаюканное радиоперехватом о том, что советские и монгольские части активно заняты оборонительными работами, командование отпустило часть офицеров на выходной день в городок Джанджин Сумэ в ста километрах от места боев.

Операцию взяли на себя советская авиация и танки, на этот раз при поддержке пехоты. 6-я армия была окружена и лишь отдельным ее подразделениям удалось вырваться из окружения. Через два дня война закончилась. Отступив за монгольско-маньчжурскую границу, квантунские генералы, так позорно проигравшие малую войну, лишились своих постов, за исключением самого Камацубары, который сумел собрать остатки японских частей и вывести их за монгольско-маньчжурскую границу, представив дело в Токио таким образом, будто он предотвратил вторжение Красной Армии в Маньчжурию. После этого последовал ряд воинственных заявлений со стороны Квантунской армии, которая грозилась начать войну вновь и на этот раз живого места от Советов не оставить.

Новой войны не последовало, граница была вновь демаркирована точно так же, как прежде, и японцы поставили под этим свои подписи. С тех пор в японской литературе четырехмесячные бои у Халхин-Гола, унесшие, как говорилось на трибунале в Токио, более 50 000 жизней японских и маньчжурских солдат, характеризуются кратко и лживо. Вот что сообщает наиболее чтимая монография «Япония в войне 1941–1945» бывшего полковника Такусиро Хаттори, изданная в ряде стран: «...Политика Японии в отношении Советского Союза строилась на принципе сохранения на севере полного спокойствия. Однако японо-советские

столкновения, которые устрашили японский народ и высшее командование армии Японии, дважды возникали на маньчжурско-японской границе. Это был конфликт в районе высоты Заозерная в июле 1938 года и конфликт в районе Номон-Хана в 1939 году. Оба конфликта представляли собой чисто пограничные инциденты, вызванные неопределенностью в обозначении государственной границы, но создавшие в своем развитии большую угрозу Японии... Во время конфликта в районе Номон-Хана японская армия вела подготовку к длительным военным действиям в Китае, и против тридцати советских дивизий в Маньчжоу-Го имелось всего восемь японских дивизий». К сожалению, столь открытое искажение действительности является той виртуальной правдой, которую японские школьники изучают в школах.

Этот «пограничный инцидент» привел к важным переменам в Японии.

Хотя внутри Японии столь чувствительное поражение Квантунской армии осталось неизвестным — тут уж постаралась цензура, — но в других странах скрыть войну и поражение не удалось, тем более что уверенные в победе японские пропагандисты умудрились свозить на фронт европейских корреспондентов.

Независимо от того, знал ли о поражении рядовой японец, верхушка японского общества прореагировала на него очень остро. И причиной тому не только само поражение, как события в Европе.

Можно представить шок, поразивший Токио, когда в разгар боев на Халхин-Голе становится известно о подписании советско-германского договора о ненападении, затем, в последние дни Халхин-Гола, начинается германо-польская война, в которую вступают, хотя бы формально, Великобритания и Франция, тогда как СССР оказывается союзником Гитлера, даже участвует в дележе Польши и присоединяет к себе балтийские государства.

Оказалось, что японское правительство Хиранумы поставило не на ту лошадь. Германия предала Японию и все надежды, связанные с развитием Халхин-Гольского конфликта с помощью Германии и превращением его в победоносную войну против коммунизма, лопнули.

Уже 4 сентября Япония выступила с заявлением, что ни в какой форме не намерена вмешиваться в конфликт в Европе.

Германскую пощечину трудно было вынести. Хиранума с позором вылетел в отставку, на его место пришло правительство Абэ, которое приоритетным направлением в войне считало южное.

Два слова о последствиях Халхин-Гола. Хоть он и был «чисто пограничным конфликтом», в Германии из него сделали однозначный вывод — Япония как военная держава никуда не годится. Мало того, что она уже два года как безнадежно увязла в Китае, она умудрилась потерпеть поражение в условиях и обстановке, выбранных японскими стратегами. К тому же обнаружилось, что японские танки немногочисленны и никуда не годятся, авиация потерпела поражение в боях с русскими летчиками, а артиллерии недостаточно.

Такой союзник, с точки зрения Гитлера, был скорее обузой, чем приобретением. Гитлеру уже надоели союзники балластного типа, он не скрывал своего презрения к военным возможностям Италии, к которой еще не раз придется приходить на помощь.

К Красной Армии отношение изменилось к лучшему. Жуковская военная кампания была убедительна. Использование танков также было новым словом, шагом вперед после испанской репетиции. И если бы не последовавшая вскоре после Халхин-Гола провальная финская кампания, Гитлер был бы куда осторожнее.

В самом же СССР уроки Халхин-Гола были учтены недостаточно.

Жуков в те дни был скорее исключением, чем правилом. Подобного рода военоначальники еще не народились. Так

что во время боев в Финляндии войсками командовали вновь партийные выдвиженцы и орлы Гражданской войны. Получилось плохо.

Основное внимание Японии в стратегических планах опять обернулось на юг, и не только к Китаю. Разрабатывались планы нападения на европейские колонии в ЮВА. Дело в том, что Китай разочаровал Японию как источник сырья. Основные запасы нефти, каучука и цветных металлов лежали южнее, в Индокитае, Нидерландской Индии, Бирме и Малайе. Но туда пока что путь был закрыт. Оставалось уповать на победы гитлеровских генералов в Западной Европе, что тогда казалось проблематичным.

Поставки сырья из Америки могли прекратиться в любой момент — общественное мнение США становилось все более антияпонским.

Вторым важным раздражителем, толкавшим японскую агрессию к югу, были пути снабжения Китая извне.

Они были связаны с морскими перевозками.

Корабли из Владивостока, из Англии и Америки с товарами для Китая приставали либо в Хайфоне, откуда можно было по железной дороге попасть в Южный Китай, либо в Рангуне, в расчете на Бирманскую дорогу.

Древний путь из Бирмы в Китай, овладение которым было одной из причин активности англичан в XIX веке, функционировал уже не первое тысячелетие. Именно им на пороге нашей эры в Бирму пришли из Тибета и Китая племена тибето-бирманской группы, в первую очередь, и основали в долине Иравади первые государства.

С начала XX века после открытия Китая для западных товаров Бирманская дорога утеряла свое значение. Стало куда удобнее сноситься с Китаем морским путем, развивались и процветали китайские порты Шанхай, Кантон, Гонконг...

Бирманская дорога стала путем локальным, она связывала северные районы Бирмы, населенные шанами и качинами, с провинциями Южного Китая.

Заброшенная Бирманская дорога постепенно приходила в небрежение и превратилась в сумму горных троп, — пригодных разве что для вьючного транспорта.

Для того, чтобы восстановить ее и приспособить для автомобилей, требовались громадные затраты и, главное, желание это сделать, оправдываемое экономическими соображениями.

Нельзя сказать, что никакого дорожного строительства в Северной Бирме не велось. Правда, железная дорога тянулась только до Лашо, но автомобильные пути, нужные в первую очередь для контроля над северными шанскими и качинскими землями, постепенно подбирались к китайской границе.

После захвата Японией большинства китайских портов правительство Чан Кайши вспомнило о южном пути. В конце 1937 г. в горах Южной Юньнани появились тысячи рабочих, которые начали расширять тропы, ведущие к бирманской границе. До начала муссона 1938 г. это в основном удалось сделать, и в следующий сухой сезон уже можно было пустить гужевой транспорт от Лашо до Куньмина. Однако эта дорога была лишь черновиком будущего пути. В дожди она становилась непроезжей, и даже в сухой период грузовики не могли преодолеть некоторые ее участки. Кроме того, на пути встречались ущелья и горные реки, через которые не было мостов. В 1938 г. китайское правительство выделило крупные средства, в общей сложности на работы было мобилизовано до 300 тыс. рабочих. Автомобильная дорога сооружалась в труднейших условиях, кирками и мотыгами, а заравнивалась каменными катками, вытесанными из скал. Этот титанический труд был официально завершен 10 января 1939 г. Китайская компания «Сун», которая ведала эксплуатацией дороги, закупила несколько тысяч американских грузовиков, которые и осуществляли перевозки. Дорога от Куньмина до бирманской границы занимала пять дней, еще два-три дня требовалось, чтобы достичь Лашо. На бирман-

ской стороне дорога была в лучшем состоянии, тем не менее путь по ней был настолько труден, что ежедневно китайцы теряли там в среднем по три грузовика.

Вскоре обнаружилось, сколь своевременным было сооружение Бирманской дороги. В июне 1940 г. в Рангун прибыл первый транспорт, на борту которого было 6 тыс. тонн оружия и боеприпасов из Советского Союза, за ним последовали другие суда. Из Рангуна грузы по Иравади и железной дорогой доставляли в Лашо, где перегружали на грузовики. Бирманская дорога стала реальным и жизненно важным путем снабжения. Поэтому к ней и к Бирме в целом как к ключу в снабжении Китая было с 1940 г. приковано внимание стратегов в Токио.

Весной 1940 г. в правящих кругах Японии не было единства. В сентябре 1939 г., после начала войны в Европе, японское правительство, возглавляемое Абэ, заявило, что будет придерживаться политики неучастия в европейской войне, а главные свои усилия сосредоточит на завершении войны в Китае. Основная ставка была сделана на раскол единого антияпонского фронта в Китае. С этой целью японское командование выдвинуло план создания «центрального правительства Китайской республики», которое должно было заключить союз с Японией. В конце января 1940 г. начались переговоры о создании такого правительства. Но в самой Японии возникли разногласия между сторонниками завершения войны в Китае и теми, кто полагал, что следует как можно энергичнее и быстрее двигаться на юг, чтобы в случае победы Германии принять участие в дележе колоний западноевропейских держав. В конце концов сторонники второй точки зрения возобладали в армейских кругах. Правда, на «пути к югу» было несколько препятствий: отсутствие договора с Германией; неизвестность, как развернутся события в Европе; оппозиция со стороны тех сил, которые боялись возможного конфликта с США из опасений, что

Германия не захочет оказать помощь в таком конфликте; наконец, растущее недовольство внутри страны, уже уставшей от многолетних испытаний и жертв ради все менее реального завоевания Китая.

Отражением этой ситуации стали перемены в японской верхушке. Новое правительство должно было в первую очередь навести порядок в собственной стране. После недолгой борьбы различных группировок военных пост премьер-министра занял адмирал Ионаи. Такой выбор свидетельствовал, что время «большой» войны еще не пришло. Ионаи представлял флот, который в Японии был более сдержан в своих имперских устремлениях, чем армия. Адмиралы имели дело с куда более подвластными расчетам цифрами соотношения сил, чем армия, уровень образования флотского офицерства был также выше, чем в армии, и экстремизм был более распространен в оккупационных войсках или в военных училищах, чем на флоте, который во время военных путчей, как правило, выступал на стороне порядка. Сам Ионаи склонялся к проамериканской позиции, его министр иностранных дел адмирал Номура также был сторонником переговоров с США. С первых же дней стало ясно, что и кабинет Ионаи продержится лишь до того момента, пока внешнеполитическая обстановка не сыграет на руку тем или иным милитаристским силам в стране — будь то сторонники завоевания Юго-Восточной Азии или противники Советского Союза. Очень многое зависело, разумеется, от положения дел в Европе. Там в это время шла «странная война», пушки молчали, и было неясно, что намеревается предпринять Гитлер. Переговоры о создании союза Берлин — Рим — Токио, которые вел японский посол в Берлине генерал Осима, продвигались с трудом. Генерал Осима слал в Токио пессимистические послания. Гитлеровский Генеральный штаб, изучив опыт китайской войны и уроки Халхин-Гола, весьма низко оценивал военные возможности Японии и не рекомендовал фюреру связывать себя союзом со страной, которая может стать

обузой. Возможный конфликт с США или даже с колониальными владениями европейских держав казался немецким стратегам заранее решенным не в пользу Японии. «В Берлине, — сообщил генерал Осима, — высказывают сомнения в способности Японии выполнить глобальные задачи по установлению нового порядка в Азии, внести свой вклад в борьбу против Советского Союза, а особенно против США и Великобритании». В интересах Гитлера было существование Японии не в качестве воюющей стороны, а как потенциальной угрозы для США и Англии, как сдерживающего фактора, активные же действия относились в будущее, когда Германия уже разгромит европейские державы.

Тем временем 30 марта было объявлено о сформировании «центрального правительства Китая» во главе с Ван Цзинвэем в Нанкине. Однако нанкинский режим был столь откровенно марионеточным, что его признание было равнозначно признанию оккупации Китая Японией. На это не могли пойти даже склонные к компромиссам Англия и Франция, США же были явно раздражены этой неуклюжей попыткой Японии легализовать свою оккупацию страны. Рузвельт заявил, что «США никогда не признают это правительство и будут всемерно поддерживать законное гоминьдановское правительство в Чунцине, считая его единственно законным правительством Китая». Экономические и политические интересы США в Китае были настолько значительны и опасения японской угрозы настолько реальны, что позиция Рузвельта была встречена в США с одобрением.

Заявление Рузвельта разочаровало тех японских политиков, которые желали избежать конфронтации с США, и обрадовало тех, кто стремился к дальнейшим завоеваниям вне Китая. Все громче раздавались требования блокады Китая с юга и высказывались опасения по поводу кризиса в сырьевых запасах. Эти опасения казались реальными после того, как 26 января вступила в силу денонсация американо-японского договора. Однако денонсация договора не означала

полного прекращения торговли. Товары и даже стратегическое сырье продолжали поступать в Японию вплоть до начала войны с США.

Стремясь увеличить поставки сырья, японское правительство 2 февраля 1940 г. обратилось к правительству Голландии с предложением заключить соглашение на принципах взаимного благоприятствования при условии, что Голландия не будет принимать ограничительных мер против Японии во внешней торговле. Однако Голландия не стала связывать себя подобными обязательствами.

Затишье в Японии — затишье мнимое, под покровом которого шла мобилизация нации, подавлялась любая оппозиция, интенсивно работала разведка, разрабатывались стратегические планы, — кончилось, как только «странная война» в Европе превратилась в войну настоящую. Позиции сторонников мирных отношений с США сразу ослабли и становились все более ненадежными по мере того, как европейские бастионы рушились под ударами немецких танковых колонн.

Еще не был взят Париж и французские дивизии еще находились у Седана, когда японское правительство обратилось к Франции с нотой, в которой «предупреждало», что в связи с «создавшейся обстановкой» стало возможным вторжение китайских войск во Французский Индокитай. Ввиду этой угрозы Япония потребовала от Франции «закрыть все наземные коммуникации и порты» и в первую очередь железнодорожную ветку от Хайфона до китайской границы и железную дорогу Юньнань — Куньмин, которая обслуживалась французами. Несмотря на тяжелое положение, французское правительство ответило достаточно резко и тогда же заявило протест по поводу бомбардировки Юньнань — Куньминской дороги. Следующим ответным шагом французов и англичан было подписание 12 июня в Бангкоке договора о ненападении между Таиландом с одной стороны, Англией и Францией — с другой. Правда, Таиландом был немедленно подписан и договор с Японией. Это не был договор о друж-

бе, как его принято называть, стороны лишь обязались «обмениваться информацией и консультироваться по вопросам, представляющим взаимный интерес». Тем не менее положение в Таиланде, где давно, активно и небезуспешно трудилась японская агентура, складывалось благоприятно для Японии.

Новая обстановка требовала новых людей. Кабинет слишком осторожного Ионаи доживал последние дни, однако продолжал бурную дипломатическую деятельность. События в Европе благоприятствовали тому, чтобы осуществить план блокады Китая с юга, закрыв пути снабжения из Французского Индокитая и из Бирмы. Франция была разбита, последние английские войска уже покинули Дюнкерк, и судьба Англии, казалось, тоже предрешена.

17 июня вице-министр иностранных дел Японии вручил французскому послу в Японии ноту с требованием немедленного прекращения провоза через Индокитай оружия и боеприпасов для Китая. Французское правительство, во главе которого уже стоял Петэн, через два дня ответило, что с 17 июня оно наложило запрет на провоз горючего и грузовых автомобилей и примет меры к дальнейшему ограничению перевозок. Франция старалась устранить угрозу своим владениям в Юго-Восточной Азии путем уступок.

Теперь надо было добиться от Англии закрытия Бирманской дороги. Осуществлению этого способствовало убеждение Черчилля в том, что японцев надо задобрить любой ценой. Английский премьер не верил в возможность войны на Дальнем Востоке, но боялся ее спровоцировать. Оставались еще надежды, что Япония обратится против Советского Союза или попытается окончательно расправиться с Китаем. Любой из этих путей устраивал английское правительство, так как означал, что можно на время выкинуть из головы заботу о Сингапуре и Гонконге. Довод, что Бирманской дорогой можно было пожертвовать без ущерба для союзного Китая, так как она находилась в плохом состоянии и требовала ремонта, стал

выдвигаться позднее, когда политика Черчилля обнаружила свою трагическую слабость: страстный борец против Мюнхена, свалившый Чемберлена именно своими горячими выступлениями против компромиссов с фашистами в Европе, Черчилль оказался «мюнхенцем», когда речь зашла о Востоке.

После некоторых дипломатических проволочек английское правительство с 19 июля 1940 г. закрыло Бирманскую дорогу, а также Гонконгский порт. Более того, Черчилль предложил в знак доброй воли вывести две индийские бригады из Сингапура. Выступая в палате общин 18 июля по поводу закрытия Бирманской дороги, Черчилль оправдывал свой «маленький Мюнхен» тем, что за ближайшие месяцы «время, полученное таким образом, может привести Японию и Китай к справедливому беспристрастному решению, свободно принятому обеими странами». Нужно было очень крепко смежить веки, чтобы не видеть, что этот шаг вызвал резкую антианглийскую реакцию в Чунцине, где его рассматривали как прямое предательство, да и в Вашингтоне встретил раздражение. Не было единства по этому вопросу и в самой Англии. Против решения Черчилля выступил, в частности, его заместитель Эттли, который заявил, что сомневается, будто «японской угрозы Малайе теперь не существует. Есть все основания полагать, что Германия в последние дни достигла важного соглашения с Японией, и нелишне было бы принять меры для укрепления обороны Сингапура с суши».

Но Черчилль был убежден, что судьба Британской империи и всего мира решается только у берегов Англии и угроза со стороны Японии, так прочно завязшей в Китае, невелика.

Добившись фактической блокады Китая с юга и востока, японские милитаристы не успокоились. На политической авансцене появился принц Коноэ. В эти дни он выступил со своей давнишней идеей, для воплощения которой в жизнь раньше не было удобной возможности: рас-

пустить все политические партии и создать одну, послушную правительству. 26 мая на узком совещании под председательством Коноэ было решено добиваться санкции императора на роспуск партий и создание Высшего совета обороны. В начале июня правые партии официально заявили о желании самораспуститься и слиться в едином порыве страны — к войне.

Одновременно усиливалось давление на правительство Ионаи. Уже 5 июня советник правительства Кухара, известный милитарист и реакционер, посетил Ионаи и потребовал от имени правых групп отказаться от «следования» за Англией и США, а также (что было важнее) немедленно принять решительные меры против «третьих государств, которые оказывают помощь Китаю», т. е. против метрополий Европы. Ионаи отказался принять ультиматум, и Кухара вышел из его кабинета. В разгар этого кризиса пришли известия о капитуляции Франции, и давление на правительство усилилось. Параллельно шел процесс ликвидации последних демократических свобод в Японии — в частности, в июне объявила о своем самороспуске Всеяпонская федерация труда. Тогда же генерал Анами от имени военных заявил министру двора: «Кабинет Ионаи по своему характеру совершенно не подходит для достижения договоренности с Германией и Италией. Существует опасность, что мы можем опоздать. Чтобы должным образом действовать в такое чрезвычайно ответственное время, не остается ничего другого, как сменить правительство».

Нельзя преувеличивать умеренность Ионаи и его сторонников — ими руководило основанное на трезвом расчете опасение, что в случае войны с США и Англией Япония неизбежно будет разгромлена, даже если ей удастся на первом этапе войны добиться каких-либо успехов. Ионаи и поддерживавший его начальник Генерального штаба армии принц Канин стремились в конечном счете к той же цели, что и Коноэ, но желали добиться ее с меньшим риском.

17 июля принц Коноэ посетил императорский дворец, а 22 июля кабинет «национального единства» был сформирован. Ключевые посты в нем занимали сам Коноэ, министр иностранных дел Мацуока и военный министр генерал Тодзио.

Существует достаточно обширная апологетическая литература о принце Коноэ. Образ великого государственного деятеля, который выходил на авансцену политики в критические моменты японской истории для того, чтобы внести разум, умеренность и сдержанность в ход событий, человека мягкого и в целом скорее жертвы обстоятельств, оказавшихся сильнее его, нежели реального лидера японского милитаризма, встречается не только в японской, но и в западной литературе. Достаточно привести характеристику Коноэ, предложенную американским исследователем Толандом: «Коноэ был уникальной личностью — князем по рождению и социалистом в глубине души. Он казался мягким, застенчивым, чуть ли не слабым. Для тех, кто знал его хорошо, он представлялся человеком болезненно совершенного вкуса и отличался такими широкими интересами, что мог выслушивать с сочувствием представителей всех политических взглядов. В действительности тот факт, что он с таким сочувствием всех выслушивал, создавал впечатление у каждого, что он согласен именно с ним. Он никогда не мог принять решение сразу, так как ему требовалось время, чтобы ознакомиться с точкой зрения всех заинтересованных сторон, но после того как он принимал решение, почти ничто не могло заставить его изменить свою точку зрения. «Он становился несокрушимым», — вспоминал его секретарь... Будучи продуктом изысканного общества, одной ногой стоявшего в прошлом, другой — в будущем, принц Коноэ скрывал под своей учтивостью и личным обаянием глубокое чувство преданности своей стране и такой глубокий цинизм, что он не доверял ни одному человеку, включая себя самого».

Разумеется, утверждения о миролюбии и тем более о каких-то «социалистических убеждениях» Коноэ неверны. Ко-

ноэ стоял во главе правительства в 1937 г., когда началась японская агрессия в Китае; будучи вынужденным оставить этот пост в 1939 г., когда японские войска завязли в Китае, он не отошел от руководства страной. Мы находим имя Коноэ в списках всех основных групп и течений за ликвидацию демократии в Японии, за усиление военного комплекса. Коноэ возглавлял движение за новую политическую структуру, стоял во главе милитаристской Ассоциации помощи трону; он был одним из основных акционеров монополистической группы «Сумитомо» и зятем главы этого концерна. И не случайно в момент, когда японские милитаристы официально приняли лозунг «Не упустить автобус», они поставили во главе страны именно Коноэ.

Генерал-лейтенант Хидэки Тодзио по прозвищу «бритва» получил известность как командующий военной полицией («кэмпейтай») Квантунской армии. Он, судя по всему, был не подвержен коррупции, стоял за строгую дисциплину; «генокудзио» (неповиновение) было для него абсолютно непростительным преступлением, и это обеспечило ему поддержку консервативных кругов японской армии, которые и вытолкнули его на поверхность политики.

Третий член этого правящего союза, министр иностранных дел Мацуока, был раньше председателем правления Южно-Маньчжурской железной дороги, ставленником концерна «Мицуи». Он еще по маньчжурским временам был тесно связан с генералом Тодзио. Говорун и удивительно шумный человек по прозвищу «господин 50 тысяч слов», он казался взбалмошным, чересчур эмоциональным и суетливым. В то же время американский посол Крейг вспоминал: «Я никогда не встречал человека, который бы так много говорил и притом так мало проговаривался».

Остальные министры решающей роли в политике не играли, но все вместе они представляли крупнейшие монополистические группы страны: «Сумитомо», «Мицуи» и «Мицубиси».

На четвертый день своего существования кабинет Коноэ единодушно одобрил принципы новой национальной политики, которая должна была позволить Японии достойно встретить «беспрецедентное испытание» в ее истории. Целью политики объявлялось достижение всеобщего мира, но путь к нему лежал через установление «нового порядка в Великой Восточной Азии», т. е. через войну. На первом этапе создавалось новое объединенное государство в составе Маньчжурии (Маньчжоу-Го), Японии и Китая под предводительством Японии. Вся нация должна была быть мобилизована для достижения этих целей, и каждый гражданин должен был помнить, что его усилия и его жизнь принадлежат государству.

Ряд причин побудил Японию в 1940 г. обратить основное внимание на Юго-Восточную Азию. Главной из них было крушение надежд на быстрое завоевание Китая и получение таким образом сырья и продовольствия для дальнейшей экспансии, в первую очередь против СССР. Война пожирала все больше стратегических материалов, а источники их были ограниченны. Хотя реальную помощь Китаю пока оказывал в основном Советский Союз, позиция США в отношении Японии с каждым месяцем становилась все более жесткой и должна была еще более ужесточиться, так как отказываться от агрессии в Китае Япония не намеревалась.

Война в Европе неожиданно открыла перед Японией новые возможности. Быстрая победа Германии позволяла (при условии, что Германия отнесется с пониманием к японским планам) прибрать к рукам те части Юго-Восточной Азии, которые в ходе побед гитлеризма лишились поддержки своих европейских метрополий. И соображения, стоявшие за надеждами токийских стратегов, были весьма вескими.

Юго-Восточная Азия представляла собой огромный регион, состоявший из нескольких стран, которые значитель-

но отличались одна от другой, но вместе с тем были объединены как географически, так и исторически.

Условно Юго-Восточную Азию можно разделить на две части — материковую и островную. На материке находились Бирма, Таиланд, Французский Индокитай (Вьетнам, Лаос и Камбоджа), Малайя. Бóльшая часть населения региона концентрировалась в двух странах островной его части — Индонезии (которую называли в то время Нидерландской Индией) и на Филиппинах. Все эти страны лежат в тропическом поясе, к началу войны они были (по сравнению с Японией и Китаем) слабо населены и обладали громадными неосвоенными горными и лесными территориями.

Весьма важной чертой, связывавшей регион политически, было то, что, за исключением Таиланда, все упомянутые страны были колониями западных держав. Бирма и Малайя принадлежали Англии, Лаос, Камбоджа и Вьетнам — Франции, Индонезия — Голландии, Филиппины — Соединенным Штатам. Соответственно экономика всех этих стран, несмотря на большие различия, имела общие черты — она была сырьевой, рассчитанной на снабжение метрополий, притом отсталой, с сохранением господства мелкого крестьянского хозяйства.

Именно в силу сырьевой ориентации их экономики страны Юго-Восточной Азии были сущим кладом для Японии. Владение ими давало прежде всего возможность полностью решить продовольственную проблему, так как товарный рис производился в больших количествах в Индокитае и особенно в Бирме — в то время главном экспортере риса в мире. В Индонезии существовали значительные нефтяные промыслы, была нефть и в Бирме. В Юго-Восточной Азии была сконцентрирована почти вся мировая добыча каучука, добывалась значительная часть олова, вольфрама, свинца, серебра и т. д. Таким образом, обладание запасами Юго-Восточной Азии решало проблему стратегических резервов как в ходе войны с Китаем, так и

на следующем этапе — во время планируемого похода против СССР.

В расчетах японских стратегов важное место отводилось тому факту, что страны Юго-Восточной Азии были лишены независимости и Япония могла выступить в качестве их освободительницы от «белого» гнета. Расчет на это имел под собой реальные основания.

Национально-освободительное движение к началу войны в той или иной степени проявляло себя во всех странах Юго-Восточной Азии. Наибольших успехов оно достигло в Бирме и на Филиппинах, где уже существовали колониальные парламенты, политические партии, профсоюзы и где проблема достижения независимости ставилась на повестку дня. В большинстве стран национально-освободительное движение сопровождалось распространением социалистических идей. Наконец, во всех колониях начало войны в Европе послужило толчком к росту требований независимости.

Пробным шаром на новом направлении японской стратегии стал Французский Индокитай.

Когда 19 июня французское правительство согласилось на ограничение провоза стратегических материалов в Китай, вопрос о капитуляции Франции был уже решен. Понимая это, японцы сразу сделали следующий шаг: потребовали, чтобы в Индокитай были допущены японские наблюдатели. Правительство Франции согласилось и на это, и уже 25 июня первые японские инспектора были в Хайфоне. Очевидно, операция была продумана загодя, иначе трудно понять, как можно было успеть за шесть дней отобрать, проинструктировать и послать инспекторов в Индокитай.

Прошло еще четыре дня. Франция капитулировала. Колониальная администрация уже подчинялась вишистскому правительству, не имевшему реальной власти над своими колониями и целиком зависящему от милости победителя. 29 июня на ханойском аэродроме опустился самолет с япон-

ской миссией во главе с генералом Нисихарой. Прибывали все новые инспектора, которые деловито, словно отрепетировав операцию заранее на тайваньских полигонах, принялись оборудовать контрольные посты на основных станциях железной дороги.

Сделав очередной шаг, Япония внимательно следила, как на него отзовутся великие державы, в первую очередь Германия — фактический хозяин территорий, на которые претендовала Япония. За предыдущие месяцы позиции Германии изменились. Успехи ее были столь велики, что покорение всего мира казалось вопросом времени. Как бы ни была слаба Япония, она должна была способствовать этому, и Гитлер побуждал японцев напасть на тихоокеанские владения США, «чтобы помешать Соединенным Штатам включиться в войну в Европе». Однако перспективы такого нападения на данном этапе были ничтожны — в японском руководстве пока не рассматривали войну с США как реальность. Тревожило Германию и другое — завоевывая Китай, Япония срывала поставки сырья из Китая в Германию и при этом не только не компенсировала убытки, но даже не выполняла те из поставок, которые были уже оговорены.

В июле 1940 г. в Берлин отправился министр иностранных дел в кабинете Ионаи — Сато. Он заверил Риббентропа, что Япония остается союзником Германии, но прежде всего должна успешно закончить войну в Китае. В интересах рейха, заявил он, оказать нажим на марионеток в Виши, чтобы они не сопротивлялись японской деятельности в Индокитае, так как это «идет на пользу союзным интересам и будет способствовать созданию нового порядка в Азии и Европе». Риббентроп обещал обсудить этот вопрос с правительством Виши, которое он предпочитал изображать как равноправного союзника Германии. В обмен за посредничество он потребовал, чтобы «Япония внесла конкретный вклад в борьбу за новый порядок, так как... германские солдаты ценой значительных жертв уже внесли большой вклад в эту борьбу».

Вернувшись в Токио, Сато сообщил правительству, что Германия вступаться за французские колонии в Азии не будет. Министр полагал, что Германия опасается войны с США, а победа над Англией отодвигается на будущее. Следовательно, с каждым днем заинтересованность Германии в союзе с Японией будет расти и Германия скорее закроет глаза на действия Японии в Индокитае, нежели лишится потенциального союзника в будущих битвах.

Французы располагали в Индокитае сравнительно слабой армией, рассчитанной в основном на подавление внутренних волнений. Из 100 тыс. человек 80 тыс. были местными жителями, подготовка которых и верность метрополии были невысоки. Французский флот также не представлял реальной силы — он состоял из нескольких устаревших кораблей, несших патрульную службу.

Второй этап наступления на Индокитай не заставил себя ждать. Еще не высохли чернила на первом соглашении с Францией, как последовало второе — о введении ограниченного контингента японских войск. По сообщению правительства Виши, «Франция сделала уступки Японии, ибо это единственный путь спасти то, что еще можно спасти в Индокитае». Протест правительства США не остановил японцев, которые начали без промедления направлять в Индокитай воинские подразделения по суше — из оккупированных провинций Китая — и морем. В частности, в первый же день вторжения в Ханой вошли транспорты с морской пехотой на борту. И снова это было сделано так быстро и решительно, словно транспорты уже дожидались в открытом море сигнала к высадке. В первый день были заняты также Хайфон и три аэродрома на берегу Тонкинского залива. Колонны автомашин с грузами, пытавшиеся при известии о появлении японцев прорваться в Китай, были перехвачены. О продуманности и заблаговременной подготовке операции говорило и то, что буквально в тот же день, когда военные транспорты начали высадку, в районе контрольных постов,

недавно организованных японцами, и в городах, куда вошли японские части, появились японские торговцы и представители фирм, которые начали срочно скупать рис, каучук, уголь, олово. Деятельность их была успешной, потому что французские и вьетнамские торговцы понимали: то, что не продано сегодня, будет отобрано завтра. В результате в первые же дни были заключены сделки на огромную по индокитайским масштабам сумму — почти 50 млн иен.

Вскоре обнаружилось, что японцы контролируют не только перевозки в Китай, но и все основные перевозки внутри французской колонии. Началась волна конфискаций стратегических материалов и сырья, не предназначенного для вывоза в Китай, и остановить этот грабеж было некому.

Разумеется, далеко не все в Индокитае были покорны японцам. Среди французской администрации и в колониальной армии с каждым днем все более популярными становились идеи Национального комитета «Свободная Франция», во главе с де Голлем, который призывал к продолжению борьбы с Германией. К сторонникам де Голля относился и губернатор Индокитая Катру. Именно он, когда премьер-министром Японии вновь стал принц Коноэ, обратился к Токио с резким протестом против деятельности японских войск и потребовал разъяснений относительно дальнейших намерений Японии. Ответ был сух и недвусмыслен. Коноэ сообщил губернатору, что Французский Индокитай включен в зону особых интересов Японии и она намерена расширить там свое военное присутствие.

Тогда Катру нарушил субординацию и через голову своего правительства обратился за помощью к Англии и США. Англия все еще продолжала оставаться в убеждении, что ее интересам в Азии ничто не угрожает, и защищать французские интересы не желала. В США же надвигались президентские выборы, и Рузвельт, выставивший свою кандидатуру на третий срок, опасался, что его выступление на стороне Катру приведет к потере голосов изоляционистов. Так стра-

тегические интересы снова были принесены в жертву сиюминутным соображениям. Катру остался один, но не сдался. Он отправил в Вашингтон миссию во главе с полковником Жаком с просьбой предоставить администрации самолеты и вооружение, чтобы предотвратить оккупацию Индокитая Японией. Таким образом, французский губернатор первым вступил в войну с Японией в Юго-Восточной Азии и был всеми предан. Естественно, его карьера была погублена. Японцы, узнав о действиях Катру, сделали представление правительству Виши, требуя «прекратить антияпонские мероприятия». 20 июля было объявлено о смещении Катру и назначении на его место вице-адмирала Деку.

1 августа посол Франции в Токио Анри был вызван к новому министру иностранных дел Мацуоке, который предъявил ему требование создать на территории Индокитая военные базы и перевалочные пункты для снабжения японской армии. Посол сомневался, возможно ли выполнить это требование, фактически означавшее, что Франция вступает в войну против Китая. В ответ на это Мацуока произнес пылкую речь о стремлении Японии к миру в Китае, а в конце своего монолога предупредил Анри, что если Франция будет упрямиться, то Япония применит силу.

21 августа Мацуока вновь вызвал французского посла. На этот раз он объявил о желании Японии построить в Индокитае несколько аэродромов и обеспечить их гарнизонами общей численностью до 60 тыс. человек, а также взять под свой контроль железные дороги.

В течение 20 дней, прошедших между первым и вторым ультиматумом, Япония пыталась добиться дипломатической поддержки Германии. Уже 2 августа Мацуока телеграфировал Риббентропу с просьбой оказать давление на упрямых французов, но тот не ответил. 15 августа, прождав почти две недели, Мацуока вызвал к себе германского посла Отта и вновь произнес обширный монолог о неправильном поведении французского правительства, которое срывает мирную

инициативу Японии. Отт заявил, что ответ из Берлина задерживается из-за упрямства правительства Виши, «влияние Германии на которое пока еще ограниченно». Влияние было достаточным, но оказывать его Гитлер не спешил.

В эти дни правительство Виши также попыталось получить поддержку. С этой целью оно обратилось к наиболее заинтересованной стороне — к Чан Кайши, информировав его о требованиях Японии; кроме того, французы просили довести их до сведения Англии и США. Подневольный союзник Германии пытался сопротивляться, обращаясь к своим бывшим союзникам. 26 августа Чан Кайши выступил с заявлением, в котором сообщил, что, если японский флот посмеет появиться в Тонкинском заливе, он прикажет своим войскам вступить в Индокитай. Никаких реальных возможностей сделать это у Чан Кайши не было — его войска, находившиеся в районе границ с Индокитаем, вряд ли могли противостоять массированному японскому вторжению, да и не было гарантии, что командовавшие ими генералы выполнят такой приказ своего главкома. Но для правительства Петэна это заявление было лучом надежды. А что, если Япония всерьез воспримет блеф Чан Кайши? Что, если твердый тон заявления китайского лидера объясняется тайными гарантиями, которые он успел получить от союзников? С явным облегчением в Виши было опубликовано коммюнике, где говорилось, что «Чан Кайши не станет испрашивать разрешения Токио, чтобы ввести свои войска в Индокитай, а это означало бы конец суверенному административному управлению Франции в Индокитае».

Японцы, ознакомившись с нотой Франции, также приняли во внимание возможность того, что Чан Кайши действует не только от своего имени. Поэтому возникла новая пауза. Но энергичная подготовка вторжения во Французский Индокитай продолжалась. Продолжался и дипломатический нажим. И французы постепенно отступали. 30 авгу-

ста Франция признала за Японией преимущественное право на экономическое и политическое влияние на Дальнем Востоке и согласилась, что Япония получит преимущества перед третьими державами на территории Индокитая. Однако правительство Виши упорно отказывалось подписывать с Японией какое бы то ни было соглашение без предварительных гарантий неприкосновенности территории Французского Индокитая. Это Японию не устраивало. Никаких гарантий она давать Франции не намеревалась.

Подписание Тройственного пакта стало в 1940 г. жизненно важным для Японии. Чтобы обеспечить возможно бóльшую безопасность при движении на юг, следовало заручиться согласием Гитлера. Германские фашисты также относились к подписанию такого пакта более положительно, чем год назад. Англия не собиралась сдаваться, вот-вот могли вступить в войну Соединенные Штаты, и в ставке фюрера уже было решено, ограничившись блокадой Британских островов, направить основной удар против Советского Союза. В этих условиях Япония, которая могла угрожать как дальневосточным границам СССР, так и владениям США и Англии на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии, превращалась в первостепенного союзника.

В беседах с Мацуокой перед подписанием пакта Гитлер упирал на то, что пакт нужен ему в первую очередь как угроза США: имея под боком союзника Германии, они не решатся ввязаться в войну в Европе. Именно так объяснил Риббентроп значение пакта и В.М. Молотову, когда тот выразил тревогу Советского правительства по поводу его заключения. Сам Мацуока в беседе со своим заместителем передал слова Гитлера следующим образом: «Пакт нужен нам, чтобы контролировать агрессивные устремления нашей армии и удерживать американских поджигателей войны от того, чтобы присоединиться к войне в Европе. После этого мы сможем пожать руку Соединенным Штатам... В результате

сформируется громадный и нерушимый союз капиталистических наций во всем мире против коммунизма».

27 сентября 1940 г. пакт между Германией, Италией и Японией был подписан. Сейчас же после этого Гитлер сменил тон и, в частности, дал указание своему послу в Токио оказывать нажим на Японию с целью как можно скорейшего нападения на Сингапур, чтобы нанести Англии удар в спину. Сам Гитлер в беседах с Мацуокой вновь и вновь обращался к новой для себя идее — нападению Японии на Сингапур. Мацуока отмалчивался, отшучивался, переводил разговор на другую тему — такими обязательствами он связать себя не мог. Нападение на Сингапур в планах японских милитаристов стояло после овладения ресурсами Французского Индокитая. В результате Гитлер так ничего и не смог добиться от Мацуоки, хотя уверял его, что нападение на Сингапур никоим образом не вызовет военного вмешательства США, так как Рузвельт никогда не рискнет послать свой флот в японские воды; если же США все-таки вступят в войну, то Германия придет на помощь Японии и будет «более чем достойным соперником для Америки».

Теперь Мацуоке предстояло совершить еще один дипломатический шаг большой важности — подписать договор о ненападении с СССР. Сомнений в удачном исходе этой акции не было: Советский Союз подчеркивал, что заинтересован в безопасности своих восточных границ и не питает никаких агрессивных замыслов в отношении Японии. Правда, при отъезде Мацуоки из Берлина его внимание привлекла одна будто случайно брошенная фраза. Провожая его, Риббентроп, который ранее не высказывал никаких сомнений или возражений против этой акции Японии, вдруг сказал: «И зачем вам подписывать такой пакт именно сейчас?» В тот же день посол Японии в Берлине генерал Осима, близкий к военным кругам Третьего рейха, сообщил, что, по имеющимся у него сведениям, Германия намерена в ближайшее время нарушить советско-германский договор о ненападении.

Какие бы мысли ни возникли по этому поводу у Мацуоки, они не помешали заключению пакта о ненападении с Советским Союзом. Япония ничего не теряла, заключив его. Было неизвестно, насколько близко нападение Германии на СССР, а «южный автобус» не ждал.

В Токио внимательно следили за реакцией США на подписание союза с фашистской Германией. Реакция эта показалась вполне умеренной. Несмотря на гневные выступления официальных лиц, экономические меры ограничивались изъятием американских капиталов из Японии и дальнейшими ограничениями на экспорт стратегического сырья, в том числе железного лома. Но нефть из США продолжала поступать.

Заключение пакта с Германией означало, что Япония получает свободу действий в Индокитае. Еще до его подписания генерал Нисихара посетил в Сайгоне адмирала Деку и сообщил, что 5 сентября он вводит войска в Индокитай. Из Виши адмиралу могли посоветовать лишь одно — тянуть время. Там уже знали, что Мацуока вот-вот подпишет пакт.

6 сентября первый батальон японских войск перешел границу Французского Индокитая. Через час Деку пригласил Нисихару к себе во дворец. Знает ли генерал о том, что японские войска нарушили границу? Решительный тон адмирала смутил Нисихару. Только что обе стороны получили известия, что 4 сентября посол США в Токио Грю посетил министерство иностранных дел Японии и заявил о заинтересованности США в сохранении статус-кво на Дальнем Востоке. В тот же день Черчилль выступил с аналогичным заявлением в палате лордов английского парламента. К чему приведут эти заявления, не знали ни Нисихара, ни Деку. Нисихара отступил, признав, что батальон перешел границу без его санкции «в целях самозащиты».

В течение следующих двух недель в Токио ждали вестей из Берлина и Вашингтона. Наконец из обеих столиц пришли утешительные новости. Пакт с Германией фактически заключен, остались формальности. США же ничего, кроме

словесных демаршей и новых ограничений в экспорте, не предпримут.

19 сентября японское командование потребовало от администрации Французского Индокитая согласиться на ввод в колонию 32 тыс. японских солдат. В тот же день японские военные корабли, неожиданно в большом количестве появившиеся в Тонкинском заливе, начали эвакуацию японских граждан из Ханоя. К этому времени адмирал Деку знал, что Чан Кайши на помощь ему не придет, США и Англия — тем более. Присылки войск из Франции также ждать не приходилось. Правительство Виши было информировано Германией, что следует немедленно согласиться на требования Японии — этот небольшой подарок Гитлер хотел сделать своему дальневосточному союзнику к подписанию пакта.

По соглашению с администрацией Французского Индокитая, подписанному 22 сентября, Япония получала право передвижения через северные районы колонии. Это создавало южный плацдарм для войны против Китая и дальнейших действий в регионе, поскольку японские войска вышли к границам Таиланда. В соответствии с соглашением японцы могли помимо перевозок войск через северные районы ввести до 6 тыс. солдат на военные базы на берегу Тонкинского залива. Эти 6 тыс. солдат высадились на базах 22 сентября, но через три дня не предусмотренные соглашением две японские дивизии перешли северную границу колонии и двинулись к Лангшону. И тут случилось непредвиденное: французские пограничные заставы в районе Лангшона обстреляли японские колонны и в течение нескольких часов отбивали атаки японских войск. Лишь после тяжелых боев горстки пограничников отступили к югу. Столкновение было неожиданным и, главное, болезненным для престижа японской армии.

Бои на границе имели и другие неприятные последствия для японского командования — поднялся шум в американской

прессе и зазвучали новые грозные нотки в выступлениях государственных деятелей. Наконец правительство Виши обратилось с жалобой к Гитлеру. Пришлось японцам еще раз отступить. К этому времени выработался своеобразный стереотип японской стратегии в Юго-Восточной Азии. Как только Япония наталкивалась на сопротивление со стороны США, как только возникали осложнения, раздавался сигнал об отступлении — отступлении тактическом, на ранее достигнутые позиции. И сейчас же вступал в действие запасной вариант, который также должен был привести к желаемому результату.

В случившемся был обвинен генерал Нисихара, которого сместили с должности. Вместо него в Ханой прибыл генерал Сумито, японские дивизии вернулись в Южный Китай, французские пограничники — на свои разрушенные и сожженные заставы у Лангшона. А в политическую игру был включен Таиланд, тем более что почва для этого была уже подготовлена.

Договор о ненападении, заключенный в июне 1940 г. между Таиландом, Англией и Францией, с Англией был ратифицирован, а с Францией — нет. Того французского правительства, что подписывало договор, уже не существовало, а с властями Виши Таиланд ратифицировать договор не спешил. Формальным предлогом для затяжки ратификации был отказ Франции передать Таиланду правобережный Лаос. Правонационалистическое правительство Пибун Сонграма, программа которого была в значительной степени антикитайской (один из идеологов этого направления, Луанг Вичит Ватакан, даже предложил решить «китайский вопрос» в Таиланде по примеру решения «еврейского вопроса» в фашистской Германии), склонялось к более тесному союзу с Японией. Здесь не обошлось без активной работы японской разведки и японской пропаганды, которая поддерживала, в частности, созданную в 1939 г. Партию тайской крови, требовавшую присоединения к Таиланду Лаоса и Западной Камбоджи. Территориальные притязания к соседям поддер-

живали все таиландские политики, но каким путем идти, чтобы наилучшим образом воспользоваться создавшейся ситуацией, было вопросом спорным. Если Пибун и его правительство ратовали за союз с Японией, которая обещала за помощь в надвигающемся конфликте удовлетворить территориальные претензии Таиланда, то известный таиландский политик, бывший министр иностранных дел Приди Паномионг, немало сделавший в свое время для сближения с Японией, теперь выступал за добрые отношения с Англией и Францией. Два основных соображения руководили Приди и его группой. Во-первых, он полагал, что Англия и Франция настолько ослаблены войной, что добровольно согласятся на территориальные уступки, лишь бы сохранить хоть что-то из своих владений в Юго-Восточной Азии. Второе соображение было внутриполитическим — союз с милитаристской Японией резко усиливал военную группу в правительстве и самого Пибуна, которого пленяла роль военного диктатора Таиланда и который на волне военного угара мог подавить группу Приди. Позиция Приди, на первый взгляд куда более слабая, чем у Пибуна, усиливалась тем, что в Таиланде, как и в Японии, существовало соперничество между армией и флотом. И если армия поддерживала правительство и союз с Японией, то флот во главе с военно-морским министром адмиралом Тамронгом Навасаватом стоял на стороне Приди.

Из-за такой сложной расстановки сил в Таиланде его политика отличалась удивительной противоречивостью. Например, поездки таиландских миссий доброй воли в сентябре 1940 г. напоминали поездки средневековых послов по дальним странам в поисках жениха для царской дочери. Так, миссия доброй воли, посланная в Японию, по дороге остановилась в Ханое. 4 сентября ее глава посетил адмирала Деку и предложил ни больше ни меньше как союз против Японии. Правда, не бесплатно, а в обмен на правобережный Лаос. Когда адмирал отказал, миссия собрала чемоданы и

отправилась в Токио прозондировать, что можно будет получить от Японии в обмен на помощь при захвате Индокитая. В те же дни другая миссия доброй воли отправилась в Малайю и Бирму, дабы «укрепить дружеские связи с Британской империей»; одновременно в таиландской прессе одна за другой печатались статьи об «исконных таиландских землях», отторгнутых у Таиланда Англией. Наконец, в те же дни правительством Таиланда был положительно решен вопрос об установлении дипломатических отношений с Советским Союзом (они были установлены в марте следующего года).

Отказ Франции от сомнительного «союза» с Таиландом и бесперспективность «дружбы с Британской империей», которая также не намеревалась делать Таиланду подарков, усилили позиции прояпонской группировки в правительстве. Этому способствовала и активная японская пропаганда, которая не переставала сообщать миру о намерении маршала Пибуна «объединить под флагом великого тайского государства» всю Камбоджу, Южную Бирму и уступленные Сиамом Англии по договору 1909 г. султанаты, расположенные на севере п-ова Малакка. Особенно соблазнительны были намеки официальной японской пропаганды на то, что Япония полностью разделяет великодержавные планы таиландского премьера.

Как только стали известны результаты переговоров, которые вели миссии доброй воли, правительство Пибун Сонграма потребовало от Франции уступить Таиланду провинции Камбоджи к западу от Меконга. Адмирал Деку передал Пибуну ответ своего правительства — никаких территориальных уступок. Напротив, в Токио демарш Таиланда, который, без сомнения, был заранее согласован с японскими властями, восприняли более чем доброжелательно. Таиландскому послу в Японии дали понять, что требования Таиланда даже слишком скромны. Это побудило правительство Таиланда действовать смелее. 28 сентября оно потребовало уже целиком Камбоджу и Лаос. На этот раз французское прави-

тельство не только резко отказало Таиланду, но и не преминуло заметить, что таиландское руководство «поет с чужого голоса».

3 октября несколько специально подготовленных групп японских диверсантов, переодетых во французскую форму и переброшенных на границу Таиланда с Камбоджей, в лучших фашистских традициях начали совершать нападения на таиландские пограничные посты. Провокации продолжались неделю; за это время правительство Таиланда постаралось подготовить общественное мнение, а также подтянуло к границе части регулярной армии. После этого таиландская армия, вооруженная с помощью США (еще летом был подписан договор с Соединенными Штатами о поставке самолетов), перешла границу и начала продвигаться в глубь камбоджийской территории.

Положение французской колониальной администрации было весьма сложным. Для Деку и его окружения не было секретом, кто и почему устроил провокации на границе. Но число японских военнослужащих в Индокитае уже перевалило за 30 тыс., японские корабли продолжали патрулировать Тонкинский залив, и при желании японцам ничего не стоило в один день оккупировать Ханой. В то же время колониальная армия, на 80% состоявшая из представителей индокитайских народностей, была ненадежна, особенно в свете поступавших из всех провинций сведений о зреющем там крестьянском недовольстве. Для французских торговцев и чиновников, которых в Индокитае насчитывалось немало, народное восстание было куда более страшной угрозой, чем японская оккупация. Поэтому, когда в сентябре 1940 г. в северных провинциях Вьетнама начались активные выступления крестьян за освобождение от колониальной зависимости, а батальон колониальной армии, состоявший из стрелков народности тхо, дезертировал, японские и французские вооруженные силы выступили совместно. В результате народное движение в Лангшоне и Каобанге было подавлено и

начались казни его участников. Почти одновременно вспыхнуло крупное крестьянское восстание в южных провинциях Вьетнама. В ходе его впервые было поднято красное с золотой звездой знамя — впоследствии государственный флаг СРВ. Восстание это, плохо подготовленное и преждевременное, было также быстро разгромлено колониальными властями с помощью массированных налетов авиации и при содействии японских войск.

Оказав помощь французским властям в подавлении восстаний, японцы одновременно не переставали вести подготовку к расширению оккупации. Ограничения, наложенные договорами, мешали им полностью использовать выгодное стратегическое положение Индокитая и эксплуатировать его богатства. Но так как Япония все еще не считала себя готовой к конфликту с США, а Сингапур продолжал казаться японским военным неприступной крепостью, приходилось оглядываться на англосаксов и в связи с этим искать обходные пути к господству над странами Индокитайского полуострова.

Вторжение таиландских войск в Лаос и Камбоджу позволило Японии приступить к осуществлению своих планов. Было объявлено, что Япония горячо противится войне, потому что военные действия на южных границах Китая «могут помешать или отвлечь внимание Японии от Китая». В то же время японский командующий в Индокитае получил тайный приказ «в нужный момент прийти на помощь Сиаму». В Токио уже был заготовлен проект мирного договора, по которому Камбоджа передавалась Таиланду, а из остальной французской территории создавалось буферное государство между Китаем и Таиландом под контролем Японии.

Узнав о нападении Таиланда, правительство США объявило, что аннулирует таиландский заказ на самолеты и гарантирует целостность территории Французского Индокитая. Эта более твердая, чем прежде, позиция Соединенных

Штатов вызвала вспышку надежд в Виши. В попытках сохранить лоскуты империи союзник Германии продолжал делать ставку на тех, кого официально считал своими врагами. Ободренное реакцией американцев, правительство Виши 15 октября решительно отклонило все требования Таиланда.

В течение ноября таиландские войска, несмотря на многократное превосходство в силах над французскими, топтались неподалеку от своей границы. Японии надо было побудить Таиланд к более решительным действиям. На двух заседаниях кабинета Коноэ, состоявшихся в ноябре, было решено «оказать помощь правительству Таиланда и поддержать его территориальные требования при условии, что последний будет активно участвовать в создании Великой Восточноазиатской сферы сопроцветания». При этом Таиланд был конфиденциально предупрежден, что Япония не будет поддерживать его, если он предъявит французским властям слишком мягкие требования. Для того чтобы надежно привязать Таиланд к японской военной колеснице, надо было побудить его проглотить больше, чем он мог переварить. Но те территории, на которые Таиланд претендовал, надо было еще завоевать, а завоевание все затягивалось. Лишь к зиме таиландские войска смогли оккупировать часть королевства Луангпрабанг на севере и провинцию Бассак на юге Лаоса. В Камбодже таиландским войскам, несмотря на все старания, так и не удалось форсировать Меконг.

Французским войскам в Индокитае не хватало боеприпасов, армия устала и таяла на глазах. После неоднократных просьб Деку о присылке подкреплений правительство Виши отдало приказ четырем батальонам, расквартированным в Джибути, перебазироваться в Индокитай. Однако везший их транспорт был перехвачен английским крейсером, для командира которого вишистское судно было враждебным.

Тем временем военный угар в Таиланде иссякал, и сторонники Приди все смелее призывали к заключению мира. К тому же коллеги адмирала Деку нанесли престижу Таи-

ланда чувствительный удар. 17 января 1941 г. французские миноносцы потопили единственный таиландский крейсер и рассеяли остальные корабли таиландского флота. Это поражение заставило Пибуна поторопиться с заключением мира, пока его условия еще могли быть выгодными для Таиланда. С просьбой о посредничестве таиландское правительство обратилось к английскому командованию в Сингапуре. Оттуда в Бангкок была направлена миссия, которая от имени английского правительства предложила немедленно прекратить военные действия и заключить мир.

Поражение таиландского флота было для японцев неожиданным, непредвиденной оказалась и реакция таиландских властей на это поражение. Японские правящие круги меньше всего хотели, чтобы спор между «союзником» Японии Францией и «другом» Японии Таиландом, срепетированный японцами, улаживался будущим противником и теперешним недоброжелателем Японии. Коноэ направил адмиралу Деку протест по поводу «английского вмешательства». Однако игнорировать мирные переговоры, начавшиеся по инициативе Таиланда, в правящих кругах которого с каждым днем все более усиливались проанглийские настроения, Япония не могла. Поэтому японское правительство поспешило заявить, что и само печется о мире на Индокитайском полуострове, и уже 21 января направило сторонам свой «проект мирных переговоров», предложив провести их на крейсере «Натори», стоявшем в Сайгоне.

По предварительному соглашению, подписанному 30 января, враждующие стороны отводили свои войска на 10 км от линии фронта. Во время подготовки к следующему этапу переговоров, который должен был состояться в Токио, в Сайгоне и Хайфоне начали высаживаться новые подразделения японских войск. Французы предпочли закрыть на это глаза, так как даже при желании не могли оказать сопротивления. По окончательному мирному договору, под-

писанному лишь в начале марта, Таиланд получил часть Лаоса, расположенную на правом берегу Меконга, а также почти треть территории Камбоджи. В благодарность за посредничество Таиланд должен был подписать с Японией еще два соглашения. Первое — «О безопасности и политическом взаимопонимании» — давало Японии в Таиланде исключительные права, по второму Таиланд брал на себя обязательство не заключать с третьими государствами (это касалось и Индокитая) соглашений, которые могли повредить японским интересам.

Итак, плацдарм на Индокитайском полуострове был создан, и в течение нескольких следующих месяцев японцы интенсивно укрепляли его, превращая в базу для дальнейшей агрессии. Еще совсем недавно английские стратеги считали Сингапур, не говоря уже о Бирме, глубоким и безопасным тылом. Теперь все изменилось — достаточно было взглянуть на карту, чтобы понять, как легко достижимы английские владения для японцев. Тем не менее в Лондоне по-прежнему официально принимали на веру заявления японского правительства, что вся его политика в Юго-Восточной Азии преследует лишь одну цель — блокаду Китая. Принятию решительных мер по укреплению обороны Бирмы и Малайи мешал и новый фактор: вероятность (ожидаемая во всем мире с различными чувствами) того, что следующим объектом агрессии Германии будет Советский Союз. Нападение немецких фашистов на СССР, которого ждали в начале лета 1941 г., сразу меняло соотношение сил как в Европе, так и в Азии. Этот вариант входил в расчеты Англии. Во-первых, в таком случае Гитлер будет вынужден воевать на два фронта, причем фронт западный сразу потеряет свое первенствующее значение, что сильно облегчит положение Великобритании. Во-вторых, Юго-Восточная Азия как направление агрессии Японии также потеряет свое значение по сравнению с выгодами, открывающимися от захвата Сибири и Совет-

ского Дальнего Востока. Опасность для Сингапура и Бирмы исчезнет сама собой.

Ожиданием следующего шага Гитлера объясняется и спад японской активности в Юго-Восточной Азии весной 1941 г. Но, разумеется, предусмотрительные сотрудники японской разведки и соответствующих штабов не прекратили подготовку к вторжению в Бирму и другие британские колонии.

Глава II

КАНУН ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ

В 1940 г. в военных кругах Японии возрос интерес к Бирме, захват которой, по мнению руководителей Генерального штаба, был необходим для успешного завершения войны в Китае. После захвата японцами китайских портов и оккупации Индокитая казалось, что блокада, а с ней и победа уже достигнуты. Однако Китай продолжал сопротивляться, и в конце концов Англия вновь открыла Бирманскую дорогу. Правда, те несколько тысяч тонн грузов, которые достигали Китая ежемесячно, не могли сыграть серьезной роли в обороне страны не только потому, что их доля в общих военных расходах была мала, но и потому, что большей частью эти грузы до фронта и не доходили, доставаясь либо дельцам, окружавшим правительство, либо генералам, командовавшим армиями. Да и то, что все же поступало в распоряжение Чан Кайши, приберегалось им для борьбы с коммунистами, которых руководитель Гоминьдана считал не менее опасным для себя врагом, чем японцев.

Предпочитая искать причины упорного сопротивления Китая на стороне, японцы преувеличивали роль снабжения Китая через Бирму. В результате вплоть до середины 1941 г., когда на повестку дня встал захват всей Бирмы, все дей-

ствия Японии в отношении этой страны были направлены прежде всего на закрытие Бирманской дороги.

Одним из первых шагов армейского командования в этом направлении было решение взять подрывную деятельность в Бирме в свои руки и поставить ее солидно. Для этой цели был избран полковник Кейдзи Судзуки, профессиональный военный, окончивший военную академию в Токио еще в 1918 г., имевший большой опыт разведывательной и дипломатической работы, энергичный, честолюбивый, авантюристического склада офицер. Весной 1940 г. Судзуки был направлен в Бирму Генеральным штабом армии для сбора информации о бирманском освободительном движении и о Бирманской дороге. В Токио его заверили, что Япония готова снабжать оружием бирманских националистов, если это приведет к закрытию Бирманской дороги.

В Шанхае Судзуки подобрал себе первых сотрудников из профессиональных разведчиков, затем сменил имя на Масуйо Минами и нашел себе «крышу», став корреспондентом газеты «Йомиури». Появившись в Бирме, он вскоре занял удобное место генерального секретаря Японо-бирманского общества. Из рангунской квартиры Судзуки открывался отличный вид на порт и склады, где разгружались корабли со стратегическими грузами для Китая, а его служба в качестве корреспондента и секретаря общества оправдывала многочисленные контакты с бирманцами. Судзуки заставил работать на себя уже укоренившихся в Бирме разведчиков, из которых особенно важны были буддийский монах Нагаи и торговый представитель Японии в Бирме Оба. Наиболее ценным приобретением оказался монах, небольшой тихий монастырь которого в пригороде Рангуна — Камайюте стал местом встреч японцев с бирманскими националистами.

Вначале Судзуки, видимо, полагал, что главной фигурой, на которую следует делать ставку, является бывший

премьер колониального правительства Ба Мо, находившийся в это время в оппозиции англичанам*. Судзуки приглядывался и к патриотической организации «Добама асиайон» (Ассоциация «Наша Бирма»), члены которой называли себя, чтобы подчеркнуть право бирманцев быть хозяевами собственной страны, такинами, т. е. «господами». Левые такины, находившиеся под влиянием социалистических идей, также искали контактов с заграницей в надежде получить оттуда поддержку. Однако в этой группе, как и вообще в среде левой интеллигенции, союз с Японией был непопулярен — ведь каждому в Бирме было известно о зверствах японцев в Китае, о страшной судьбе Нанкина. Сам Судзуки впоследствии признавал: «Среди бирманских националистических деятелей было два направления, две точки зрения на зарубежную помощь. Первые полагали, что идеальным источником такой помощи могут стать Россия или Китай, тогда как другие склонялись к Японии. Я понимал, что первое направление превалировало».

Но одно дело — рассуждения в узком кругу единомышленников, другое — действия в реальной обстановке. А обстановка была такова, что отказ такинов от японской помощи из принципиальных соображений оставлял их без помощи вообще. Никаких путей не только к получению помощи от СССР, но даже к контактам с Советским Союзом у них не было. В помощь гоминьдановцев верить не приходилось, так как они были союзниками англичан; оставались китайские коммунисты, но их освобожденные районы были отделены от Бирмы громадной территорией, контролируемой Гоминьданом.

И все же, несмотря на почти полную безнадежность этого предприятия, такины из группы молодого и популярного

* Завоевав Бирму, англичане включили ее в административном отношении в состав Британской Индии и лишь в 1937 г. выделили в отдельную колонию. Тогда же Бирма получила колониальный парламент и правительство, которые, однако, подчинялись британскому губернатору.

лидера Аун Сана, организатора «университетского бойкота» 1936 г., планировали направить гонцов в освобожденные районы Китая, о расположении которых они имели весьма смутное представление. К этому моменту Аун Сан и его сторонники организовали внутри «Добама асиайон» небольшую Бирманскую революционную партию и на одном из заседаний приняли «Великий план вооруженного восстания». Планом предусматривалась многоступенчатая революция, которая должна была начаться забастовками, демонстрациями и закончиться, если нужно, вооруженным восстанием. Но для восстания требовалось оружие, а получить его можно было только из-за границы.

Полное отсутствие связей с заграницей заставило молодых революционеров обратиться к Ба Мо. Несмотря на определенное недоверие к этому политику, такины были уверены, что он является убежденным сторонником независимости. Еще в октябре 1939 г. «Добама асиайон» и руководимая Ба Мо партия «Синьета» («Беднота») вместе с несколькими другими организациями образовали Блок свободы Бирмы. В январе 1940 г. Аун Сан встретился с Ба Мо. «Мы хотим начать вооруженное восстание во время войны, — сказал он. — Война дает нам сейчас этот шанс. Мы взвесили все, прежде чем обратиться к вам».

В тот момент Ба Мо уже пришел к выводу, что путем парламентской борьбы независимости от англичан не добиться. Смелость взглядов Аун Сана, уверенность такинов в своей победе произвели на Ба Мо сильное впечатление. «Мой мозг работал всю ту ночь. Впервые со дня начала войны я увидел будущее не в тумане... и внезапно понял, что война будет продолжаться, и до того, как она закончится, Япония в нее обязательно вмешается. В таком случае в ее интересах будет поднять восстания как в Бирме, так и в других британских колониях на Востоке. И я сразу решил достичь понимания по этому вопросу с японцами».

Ба Мо в своих воспоминаниях несколько упрощает события и сдвигает их во времени. В действительности Ба Мо думал о союзе с Японией и до прихода к нему Аун Сана и даже беседовал с японцами об этом. Да и мало кто из оппозиционных бирманских политиков не знал господина Минами, не посещал дом Японо-бирманского общества или монастырь Нагаи.

По мере того как менялась ситуация в Европе, разговоры бирманских националистов с японскими агентами становились все более конкретными. В апреле 1940 г. Ба Мо получил сообщение, что один из лидеров радикальной группировки в Индийском национальном конгрессе, С. Ч. Бос, попросил у Японии 10 млн рупий и 10 тыс. винтовок. Ба Мо заявил, что для бирманских революционеров будет достаточно и половины этого, однако им нужны японские инструкторы. Со своей стороны, Ба Мо обещал поднять антианглийское восстание в Бирме в течение года.

Столь решительный поворот бирманских националистов в сторону Японии был продиктован стремлением не оказаться в случае поражения Англии в войне в положении беззащитной стороны, а разговаривать с теми, кто будет претендовать на Бирму, с сильных позиций. Расчетом на скорое поражение Англии объясняется и неразумное, казалось бы, поведение ряда лидеров Блока свободы в весенние и летние месяцы 1940 г. Нарушая Закон об обороне Бирмы, они начинают выступать с требованиями немедленной независимости, отлично понимая, что каждое слово на митингах и собраниях фиксируется британскими полицейскими и агентами. «Трусы и дураки, — говорил Ба Мо на 15-тысячном митинге в Мандалае, — смеются над нами за то, что мы говорим о силе, тогда как руки наши пусты и нет у нас не только винтовок, но даже острых ножей... Оружие не только куется нами — оружие можно получить и со стороны. Не страшитесь. Поглядите на ваши руки. Они сегодня пусты... но они не всегда будут пустыми».

Лидеры Блока свободы спешили. Они чувствовали, что британская эра истекает, и стремились обеспечить популярность своему союзу в обстоятельствах, которые возникнут в ближайшие месяцы. Когда же, используя Закон об обороне Бирмы, англичане обрушились на оппозицию, многие из ее лидеров сознательно пошли в тюрьмы (так сделал, в частности, Ба Мо, арестованный в начале августа). В результате, когда 28 июля был выписан ордер на арест Аун Сана, он оказался одним из немногих лидеров национально-освободительного движения, еще остававшихся на свободе. В отличие от других деятелей, которые не могли или не хотели уйти в подполье, Аун Сан решил, что его пребывание в тюрьме пользы движению не принесет и единственный выход — немедленный отъезд за рубеж.

Хотя в исторической литературе, включая апологетическую по отношению к Аун Сану, укоренилось мнение, что он ехал по договоренности с японцами, для самого Аун Сана все было далеко не ясно. Аун Сан был ближе к марксистской группировке в «Добама асиайон» (образовавшей в рамках этой ассоциации в августе 1939 г. Коммунистическую партию Бирмы), чем к Ба Мо и другим буржуазным политикам. С японцами Аун Сан начал встречаться лишь в последние недели и то при посредничестве Ба Мо, с Судзуки же он вообще не был еще знаком. Из позднейших высказываний Аун Сана создается впечатление, что им руководили два желания: во-первых, избежать ареста, во-вторых, найти связи с китайскими коммунистами. Впрочем, ясно одно: не отправься Аун Сан в Китай, характер дальнейших событий в Бирме принял бы, вероятно, несколько иную форму. То, что в решающий момент на связь с японцами на высоком уровне вышел левый такин, оказало немалое влияние на события последующих лет.

Узнав о твердом решении Аун Сана покинуть страну, Ба Мо, который был отпущен законопослушными британцами до суда на поруки, связался со своими друзьями из японского

консульства. Те одобрили решение Аун Сана и обещали организовать ему, как только он доберется до территории, контролируемой Японией, отправку в Токио, где лидер такинов сможет встретиться с представителями японского командования. Вместе с тем японцы предупредили Ба Мо, что на японском корабле они отправить Аун Сана не смогут из опасения английских проверок и что бирманцы должны сами обеспечить отъезд Аун Сана. Поэтому Ба Мо, пользуясь своими связями в Рангунском порту, устроил Аун Сана и его спутника Хла Мьяина на норвежский пароход, и 14 августа молодые революционеры, спрятанные в трюме, отправились в путешествие, неожиданно для них оказавшееся довольно долгим.

Попав в Амой (Сямынь), такины устроились в деревне на окраине города и стали ждать обещанного вызова в Токио. Прошла неделя, другая, но приезжими никто не интересовался. Деньги были на исходе, такины голодали, и Аун Сан запросил помощи из Бирмы. Получив его письма, оставшиеся на свободе такины собрали немного денег и обратились к Тейн Мауну, помощнику Ба Мо, остававшемуся на свободе. Тот направился к Судзуки.

Из истории с пребыванием Аун Сана в Амое видно, что союз бирманских националистов с Японией складывался не столь гладко и быстро, как может показаться, если полностью доверять позднейшим воспоминаниям и документам. Уезжая из Рангуна, Аун Сан совершенно не представлял, что его ждет. Сотрудники консульства имели связь лишь с Ба Мо, которого они считали ведущим бирманским политиком, и ровным счетом ничего не сделали для того, чтобы Аун Сана встретили за пределами Бирмы. Найти такинов в Амое было нетрудно — они были зарегистрированы как иностранцы в полицейском участке, и, когда понадобилось, их нашли за несколько часов; поэтому нам представляется наиболее вероятным, что о поездке Аун Сана никто из консульства в Японию не сообщил, ибо не придавал ей серьезного значения.

К концу лета 1940 г., однако, расстановка сил в бирманском национально-освободительном движении изменилась. Практически все политики, открыто выступавшие за независимость Бирмы, оказались в тюрьмах. Надежд на вооруженное восстание не осталось. Ба Мо, обещавший поднять восстание, был в заключении, а его партия, державшаяся в основном силой динамичной личности своего «ашашина» — вождя, развалилась; продажные радикалы типа У Со и не имевшие никакой власти и влияния правые проанглийские «адвокаты» были растеряны. В этих условиях Судзуки обратил основное внимание на левых такинов.

В августе 1940 г., учитывая новую обстановку, Судзуки принялся энергично действовать. Вместе с оставшимися на воле лидерами Блока свободы он составил «План независимости Бирмы», по которому борьба за независимость должна была пройти в три этапа. На первом молодые бирманские добровольцы отправлялись из Бирмы в Таиланд, а затем в военные лагеря, организованные специально для них. На втором этапе они проходили полугодовую военную подготовку, в то время как на границе с Бирмой организовывались базы снабжения и склады оружия. Наконец, подготовленные бирманские офицеры проникали в Бирму и поднимали там восстание против британского владычества. Этот план был отправлен в Токио, где получил одобрение. Теперь надо было найти человека, который мог бы провести переговоры в Токио от имени бирманских националистов. Судзуки, изучивший к тому времени расстановку сил в Бирме, считал одной из наиболее вероятных кандидатур Аун Сана. И вот выяснилось, что этот необходимый японскому резиденту человек уже давно находится на территории, контролируемой японцами.

Судзуки получил фотографии Аун Сана и Хла Мьяина, а через несколько дней, 3 октября, предупрежденный через агентов Ба Мо в колониальной полиции о том, что ему грозит неминуемый арест, выехал из Бирмы. В первых числах

ноября японцы без особых трудов нашли такинов в Амое, а 12 ноября Судзуки встречал их на аэродроме Ханэда в Токио — исхудавших, переболевших дизентерией и утомленных месяцами неизвестности.

Прибыв в столицу Японии, Аун Сан быстро понял, что от его действий и решений во многом зависит судьба его страны. Встреча такинов в Токио была тем более теплой, что менее чем за месяц до этого, 18 октября, английское правительство после долгих размышлений решило вновь открыть Бирманскую дорогу. Пребывание в Токио бирманских националистов, готовых на вооруженную борьбу ради достижения независимости, было козырем Судзуки. Используя старые связи и заводя новые, уверяя своих коллег по разведке и офицеров Генерального штаба, что можно овладеть Бирманской дорогой без лишних жертв, Судзуки требовал средств, людей, оборудования — и получал многое из того, что ему требовалось.

1 февраля 1941 г. было санкционировано создание организации «Минами кикан» («Разведгруппа Минами» — по псевдониму Судзуки). Расходы на ее содержание согласились нести совместно армия и флот. Судзуки добился того, что «Минами кикан» подчинялась непосредственно Токио и местные военные власти в ее деятельность не должны были вмешиваться. Первоначально в разведгруппу входили шесть армейских и трое морских офицеров и семь гражданских лиц, в дальнейшем ее состав значительно расширился.

Пока утверждались штаты «Минами кикан», Судзуки и Аун Сан составили два документа, которые сыграли немаловажную роль в дальнейшем. Одним из них было «джентльменское соглашение» между Японией и Бирмой, которое, как можно судить из косвенных источников, было одобрено Генеральным штабом Японии, но вряд ли подписано кем-либо из государственных деятелей с японской стороны, тогда как Аун Сан подписал соглашение от имени будущего правительства Бирмы. В соглашении говорилось, что из на-

ционалистических организаций и партий, желающих сотрудничать с Японией, будет организована единая Народно-революционная партия (НРП), которая создаст Армию независимости Бирмы (АНБ) во главе с японским командующим и советниками. НРП организует восстания во всех районах Бирмы во время вторжения туда АНБ. Как только Армия независимости отвоюет плацдарм в стране, Япония признает независимость Бирмы и обязуется защищать ее. НРП получит от Японии 200 млн рупий, Япония же получит в Бирме экономические привилегии.

При чтении этого документа возникает впечатление, что он создавался скорее для токийских стратегов, нежели для людей, знакомых с обстановкой в стране. Восстание в Бирме организовать было практически некому, да и создать армию, способную разгромить английские гарнизоны, ни за пределами страны, ни внутри ее не было возможности. Этот план имел смысл только в случае войны, на что и намекал пункт о «защите» Японией Бирмы. Можно также предположить, что восстание в Бирме рассматривалось японским командованием зимой 1941 г. как один из предлогов для вторжения в эту страну.

Вместе с выработкой «джентльменского соглашения» в дни пребывания Аун Сана в Токио был конкретизирован «План независимости Бирмы». В этом документе уточнялось число патриотов, которые будут вывезены из Бирмы для военной подготовки, — тридцать, время окончания обучения и начала вооруженного восстания в Бирме — июнь 1941 г. Перед АНБ была поставлена и конкретная задача — немедленно после захвата Тенассерима наступать к северу для того, чтобы перерезать Бирманскую дорогу.

Уже в феврале «Минами кикан» отправила своих первых представителей в Бангкок. Одновременно в Рангун направился Аун Сан, который должен был отобрать будущих офицеров АНБ и организовать их отъезд из Бирмы. Торговым судам Японии было предписано сотрудничать с

Судзуки в вывозе добровольцев под видом японских матросов.

1 марта два члена команды японского парохода, остановившегося в порту Бассейн под погрузку риса, проводили Аун Сана до безопасного места, где он переоделся и направился в Рангун. В ту же ночь он встретился с оставшимися на свободе такинами. Новости, которые он привез из Японии, воодушевили их, и они сразу же приступили к отбору кандидатур.

Впоследствии Ба Мо и другие консервативные политики сетовали на то, что они зимой 1940–1941 гг. были в заключении и не могли рекомендовать в число тридцати добровольцев своих людей. «Это привело к первому серьезному конфликту в Блоке свободы, — пишет Ба Мо, — впоследствии расстроило его внутреннее единство и в конце концов уничтожило эту организацию... То, что все отобранные для поездки в Японию принадлежали к одному и тому же политическому союзу, т. е. к такинам и их друзьям из числа студентов... превратило будущее политическое развитие Бирмы в фракционное и персональное в своей основе». По мнению Ба Мо, в случае отправки в Японию представителей не только левых сил, но и правых партий был бы заранее создан национальный фронт и развитие Бирмы стало бы гармоничным и мирным.

Разумеется, отправка из Бирмы для обучения военному делу и затем возвращение в нее «тридцати товарищей» — явление беспрецедентное в истории Юго-Восточной Азии и Второй мировой войны. Три десятка молодых людей, прошедших курс военной подготовки за границей, не только стали ядром национально-освободительной армии страны, но и в течение многих лет после этого играли ведущую роль в политической жизни Бирмы. Однако утверждение Ба Мо, что такинами руководили при отборе добровольцев фракционность и желание пристроить «своих», неверно. Во-первых, движение такинов, возникшее еще в первой половине

30-х годов, не являлось политической партией. В «Добама асиайон» входили люди самых различных политических устремлений. Во-вторых, сам Ба Мо вынужден признать, что обстановка строжайшей секретности, в которой происходила отправка «товарищей», привела к тому, что обращаться можно было лишь к тем, кого ты знаешь и кому ты веришь. Тем не менее Аун Сан, стараясь по возможности сохранить при отборе принцип паритета, обратился к жене Ба Мо и предложил ей также представить кандидатуры. Ба Мо туманно и не очень доказательно пишет, что якобы его жена кого-то нашла, но к тому времени такины уже уехали из Бирмы.

Истина заключается в том, что среди членов партии «Синьета», которую представлял в Блоке свободы Ба Мо, было весьма трудно найти кандидатов для поездки в Японию. Профессиональные политики из окружения Ба Мо либо его телохранители не могли стать костяком народной армии, да и вряд ли стремились к этому. Иное дело — такины. Когда Аун Сан вернулся в Бирму, он встретил своих сподвижников по университету, по Студенческому союзу, готовыми к борьбе. Именно среди них и проходил отбор «тридцати товарищей». Элемент случайности, конечно, присутствовал, но не более, чем при любом другом способе отбора. Двадцатилетние студенты и служащие слабо представляли, что их ждет. Неудивительно, что в последующие годы они оказались в различных политических лагерях. Но до того как Бирма достигла независимости, «тридцать товарищей» оставались вместе, объединенные общностью устремлений. Молодым людям была предоставлена возможность сделать рискованный шаг ради независимости своей страны. Мы не знаем, сколько отказалось, зато всем в Бирме известны имена тех, кто согласился.

Обучение бирманских патриотов проходило на Тайване. Так как восстание в Бирме было назначено на июнь 1941 г., а бирманцев окончательно собрали в лагерь в апреле, то вре-

мени было в обрез, и 15 инструкторов, приставленных к рекрутам, получили приказание выжать из них все возможное. Бирманцы были заняты почти круглые сутки. Теоретические занятия чередовались с марш-бросками, ночными походами, штыковыми атаками, стрельбами и т. д. Программа была бы нелегка и для курсанта японского военного училища, подготовленного к ней предварительной муштрой, для бирманцев же, вообще не имевших представления о военной дисциплине и трудностях военной службы, жизнь в лагере оказалась настолько тяжелым испытанием, что некоторые из них подумывали о побеге, другие — о восстании. Курсанты тяжело болели, страдали от недоедания. К тому же их волновало отсутствие вестей из дома. Впрочем, новости из внешнего мира вообще приходили с опозданием и к тому же в искаженном виде.

В июле курсанты узнали о нападении Германии на Советский Союз. Это известие потрясло многих из них. Ранее речь шла лишь о том, чтобы с помощью одной империалистической державы освободиться от владычества другой, ныне оказалось, что «тридцать товарищей» очутились в лагере врагов государства, перед которым многие из них преклонялись. Курсанты не знали, что вооруженное восстание в Бирме было снято с повестки дня. Оно откладывалось вообще в случае, если все японские силы будут направлены против СССР, и становилось не более чем вспомогательной задачей, если японские армии пойдут к югу. А так как время шло и бирманцы полагали, что о них забыли, их настроение и отношение к Японии изменились к худшему. Один из инструкторов в лагере вспоминал, что некоторые из бирманцев в эти дни открыто начали говорить «о своем недоверии к японцам».

Военная подготовка рекрутов закончилась в конце октября 1941 г. После этого Аун Сана и Судзуки привезли в Токио на военную игру, на которой отрабатывалось вторжение в Бирму. Именно там в ноябре 1941 г. бирманцам были

раскрыты новые планы Японии. В соответствии с ними было решено, что немедленно по объявлении войны японская бригада будет послана в Бирму для того, чтобы захватить Моулмейн (Моламьяйн).

«Тридцати товарищам» поручалось проникнуть в Бирму и в тылу английских войск организовать партизанские отряды. Война самим японцам представлялась затяжной, позиционной, трудной.

Важную роль в организации и координации действий бирманских патриотов должен был сыграть бангкокский центр «Минами кикан». Его агентам удалось к осени 1941 г. создать базы снабжения и резервные филиалы в четырех пунктах таиландско-бирманской границы. С этих баз японские агенты выходили на разведку перевалов на территории Бирмы. Судзуки, как и его бирманские подопечные, изнывал от нетерпения. Нарушив распоряжение ничего не предпринимать, он 15 октября приказал четырем из «тридцати товарищей» направиться в Бирму, чтобы начать там антианглийскую агитацию. Но когда 25 октября такины прибыли в Бангкок, на столе у Судзуки уже лежал приказ немедленно задержать их. В первую минуту Судзуки даже решил, что Токио вообще закрывает «Минами кикан». А поскольку он полагал, что лучше знает, что нужно для блага Японии, чем его начальники в Токио, то решил приказу не подчиняться. На следующий день он ответил в ставку, что бирманцы сбежали и найти их невозможно. Получив 30 октября новую телеграмму, предписывавшую свернуть всю деятельность против Бирмы, Судзуки срочно послал в Токио своего заместителя капитана Нода. 11 ноября тот прислал обнадеживающую телеграмму: «Атмосфера благоприятная, продвигаемся шаг за шагом».

В действительности решение Токио было связано с указанием пришедшего в это время к власти Тодзио принять все меры, чтобы скрыть намерение Японии наступать на юг.

Убежденный теперь, что приказы о свертывании деятельности можно игнорировать, Судзуки немедленно отправил

такинов в Бирму. Однако два из них, Хла Пе и Ба Джан, были арестованы таиландской полицией при переходе границы и оказались в тюрьме, откуда их удалось выручить лишь после начала войны, два других — Хла Маун и Тун Кин — проникли в Южную Бирму во второй половине ноября.

На этом деятельность группы пришлось приостановить, так как других такинов вызвать с Тайваня Судзуки не смог. Он остался со своим штабом, но без армии. Более того, прознав о недисциплинированности полковника, командование приказало перевести «Минами кикан» из Бангкока в Сайгон, под контроль маршала Тераути. Впрочем, там сотрудники разведгруппы пробыли недолго. Уже через три дня после нападения на Перл-Харбор агентам Судзуки было приказано срочно возвращаться в Бангкок и приступать к подготовке операций в Бирме. Отныне деятельность «Минами кикан» в Таиланде проводилась открыто. Первым делом Судзуки приказал освободить такинов, попавших в тюрьму при переходе границы. В те же дни «Минами кикан» была передана в ведение командования 15-й армии, которой предстояло овладеть Малайей и Бирмой.

Как уже отмечалось, овладение Бирмой представлялось японским стратегам крайне необходимым для изоляции и последующего захвата Китая. Такое же, если не большее стратегическое значение для Японии представляла и Индонезия, обладавшая значительными запасами нефти. Последняя, после оккупации Нидерландов немецко-фашистскими войсками, осталась, как и Французский Индокитай, «бесхозной». Но подобраться к ее богатствам было куда труднее, чем к французским, — ведь в отличие от Французского Индокитая Нидерландская Индия играла важную роль в экономике США, да и интересы Великобритании в Индонезии были весьма значительными.

В начале 1940 г., справедливо полагая, что Нидерланды скоро станут объектом агрессии Германии, Япония од-

носторонне денонсировала договор с Нидерландами о международном арбитраже. 15 апреля, незадолго до падения Голландии, Япония выразила озабоченность возможностью изменения статус-кво Индонезии в случае, если ее метрополия будет вовлечена в войну в Европе. Соединенные Штаты сразу поняли смысл заявления японского правительства. Уже 17 апреля госсекретарь Хэлл пригрозил, что США не позволят Японии вмешиваться в дела Нидерландской Индии под предлогом заботы о сохранении статус-кво. Газеты США и Японии тут же начали словесную войну, в ходе которой некоторые японские журналисты призывали к немедленному вторжению на Яву, а американская пресса требовала защитить Нидерландскую Индию всеми возможными способами.

В мае 1940 г., как только началось вторжение фашистов в Голландию, ее правительство обратилось к США и Англии с просьбой обеспечить безопасность голландских колоний в Карибском море — Суринама и Кюрасао. Просьба была удовлетворена. И хотя Англия, Франция и США заверили Японию, что в отношении Индонезии подобных планов у них нет, а генерал-губернатор Нидерландской Индии Стахувер, введя в стране военное положение, объяснил, что находящиеся в его распоряжении войска могут сами обеспечить оборону архипелага, Японию это не успокоило. Судьба правительства Нидерландов сложилась иначе, чем французского или бельгийского: оно успело эмигрировать в Лондон и продолжало функционировать там как союзник Великобритании. Возможности дипломатическим путем влиять на судьбу Нидерландской Индии, пользуясь двусмысленным положением колонии, как было в случае с Индокитаем, не существовало. К тому же рядом с Нидерландской Индией находился Сингапур, к югу лежала Австралия, к северу — Филиппины; подкрепления могли поступить в Батавию быстро, и с этим приходилось считаться. Лишь слабым утешением было заявление Герма-

нии, что она судьбой Нидерландской Индии не интересуется, т. е. отдает ее на милость Японии.

Когда голландское правительство переехало в Лондон, Япония своего посланника ко двору королевы Вильгельмины направлять не стала. Японским стратегам казалось, что давление непосредственно на Батавию принесет больше выгод. Черчилль и Вильгельмина были далеко, и властям Нидерландской Индии приходилось принимать решения самостоятельно, исходя из складывающейся обстановки.

Первый ход японского правительства был экономическим, но содержал в себе далеко не экономический вызов. Через несколько дней после оккупации Голландии гитлеровцами генерал-губернатор Нидерландской Индии получил из Токио ноту, в которой сообщалось, какие индонезийские продукты и в каких количествах Япония надеется получить в текущем году. Количество стратегических товаров значительно превышало обычный уровень экспорта в Японию. В частности, японцы требовали поставок 150 тыс. т никелевой руды, 20 тыс. т каучука, 1 млн т нефти и бензина, 50 тыс. т марганцевой руды и т. д. Заявление говорило о том, что японцы либо не знают, каковы экспортные возможности Индонезии, либо по каким-то причинам знать этого не желают. В ответе колониальных властей резонно указывалось, что страна не может выполнить японских требований.

Отказ голландских властей не смутил Японию, 28 июня эти требования были выдвинуты вновь, а на следующий день премьер-министр Японии выступил по радио с обращением, в котором сказал: «Страны Восточной Азии и района Южных морей в географическом, историческом, расовом и экономическом отношениях тесно связаны между собой. Они должны сотрудничать и помогать друг другу ради общего процветания и благосостояния. Союз этих стран в единой сфере и на базисе общего существования и гарантий посредством стабилизации этой сферы, я думаю, является естественным».

Экономические переговоры тянулись до осени. Японии был важен сам факт их продолжения. Кроме того, они давали возможность собирать стратегические сведения. Для этого, например, в состав делегации, прибывшей в Батавию в сентябре, было включено немало «технических экспертов с дипломатическими паспортами», которые тут же разъехались по всей стране. Особое внимание, естественно, уделялось нефти. Хотя колониальные власти подробно информировали японские миссии о возможностях нефтедобычи и нефтеперегонки, японцы настаивали на новой информации и, кроме того, требовали разрешить им самим начать на концессионных началах разведку и добычу нефти. Концессий японцы не получили, но нуждавшееся в деньгах и товарах правительство Нидерландской Индии согласилось увеличить экспорт нефти в три с лишним раза по сравнению с 1939 г. На принятие этого решения повлияло как все еще бытовавшее мнение о возможности предотвратить японскую агрессию, так и позиция нефтяных монополий, склонных получить максимум прибыли, пользуясь благоприятной ситуацией на рынках сбыта. Недаром один из руководящих чиновников Нидерландской Индии, ее будущий вице-губернатор Ван Моок, счел необходимым оправдаться в своей книге, выпущенной впоследствии: «Вопрос в данном случае находился в руках представителей нефтяных компаний... представители правительства Нидерландской Индии в сделке были лишь наблюдателями».

Осенью 1940 г. в Японии были в основном разработаны планы относительно будущей судьбы Нидерландской Индии. 25 октября японское правительство одобрило представленную ему программу, по которой Нидерландская Индия должна была полностью порвать связи с Европой и Америкой и стать членом «Великой сферы взаимного процветания». В соответствии с этим все ограничения деятельности японских фирм отменялись, японцы приглашались для экономического освоения архипелага, получали право издавать

там свои газеты и журналы, должны были пользоваться исключительными правами в портах и т. д. Программа предусматривала провозглашение «независимости» Индонезии, но любопытно, что формально во главе этой «независимой» японской колонии должны были оставаться голландский генерал-губернатор и его администрация — на том этапе в Токио предпочитали эту администрацию индонезийским националистам.

Когда в январе 1941 г. в Батавию прибыла новая многочисленная японская миссия, Французский Индокитай был уже покорен, а Таиланд прочно привязан к Японии. На островах Тайвань и Хайнань концентрировались и проходили подготовку к войне в тропических условиях японские дивизии. Тон новой миссии стал куда более агрессивным. Неудивительно, что переговоры, которые со скрипом тянулись до начала лета, были прерваны. Весной в Батавию прилетела группа американских летчиков-инструкторов, шли постоянные консультации с союзниками, и позиция как голландцев, так и американцев становилась все более непримиримой. Еще более твердой эта позиция стала после 22 июня 1941 г.

Превращение Советского Союза в сражающегося участника антигитлеровской коалиции значительно укрепило ее силы. Среди людей, понимавших это, был Черчилль, выступивший в день нападения Германии на Советский Союз по радио с речью, в которой сказал: «Угроза для России — угроза для нас и угроза для Соединенных Штатов, так же как дело русского, защищающего свой очаг и свой дом, является делом каждого свободного человека, каждого свободного народа в любом уголке земного шара». В речи Черчилля было слабое место — народы, находившиеся в колониальной зависимости от Англии, не могли считать себя свободными, хотя Черчилль автоматически отнес их к таковым.

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз, хотя и не было неожиданным для японских правителей, вновь

поставило их перед дилеммой: куда нанести первый удар — по Советскому Дальнему Востоку или Юго-Восточной Азии. В правящей верхушке были сторонники и того, и другого пути. В частности, министр иностранных дел Мацуока при первом известии о нападении Германии на Советский Союз бросился к императору с требованием немедленно двинуть войска на Сибирь. Реакция монарха, с которым уже успел поговорить влиятельный маркиз Кидо, была прохладной. Мацуока не унимался — все последующие дни, до отказа заполненные различного рода совещаниями, он не переставал повторять, что Япония должна вмешаться в войну немедленно. Его основным аргументом было: «Когда Германия сокрушит Советскую Россию, мы не сможем попросту разделить с ней плоды ее победы, если в этом не будет нашей доли». Впрочем, уже на третий день Мацуока получил отпор со стороны командования флота, которое полагало, что в случае нападения на СССР возможен конфликт с США, а флот Японии не способен контролировать коммуникации и на юге и на севере одновременно. Мацуока направился к начальнику Генерального штаба армии Сугияме. «Мы ожидаем, как будут развиваться события», — ответил ему генерал. В тот момент Генеральный штаб Японии уже принял решение вступить в войну против СССР, если Москва падет до конца августа.

30 июня пришла телеграмма от Гитлера с требованием немедленно выполнить свои союзнические обязательства и ударить по СССР с востока. Получив телеграмму от посла Отта, Мацуока на заседании Совета министров зачитал ее. Но и телеграмма не убедила его коллег, которые не хотели спешить. Военный министр Тодзио и стоявшие за ним генералы не были склонны недооценивать мощь Советского Союза и боевые качества его дивизий. Пока немцы дойдут до Урала, считали они, будет достаточно времени, чтобы захватить Сибирь и Советский Дальний Восток. Было и еще одно важное соображение, повлиявшее на позицию руко-

водства японской армии: на юге, в Индонезии, были большие запасы нефти, без которой нельзя было вести войну. Только поставив под контроль Индонезию, можно будет направиться на север.

Окончательно этот вопрос решался правительством в присутствии императора 2 июля 1941 г. Премьер-министр Коноэ представил на совещании «Конспект национальной политики в свете современного положения». В конспекте излагалась политика усиления действий на юге и ожидания на севере. Первым шагом должна была быть оккупация Французского Индокитая — на этот раз без дипломатических условностей. Затем выступил генерал Сугияма, который сказал: «Если германо-советская война будет развиваться благоприятно для нашей империи, полагаю, мы сможем применить силу, для того чтобы разрешить эту проблему и обеспечить безопасность наших северных рубежей». Начальник Генерального штаба ВМФ адмирал Нагано также поддержал южный вариант. Неожиданным диссонансом прозвучало выступление председателя Тайного совета Хары, который заявил, что нападение Гитлера на Советский Союз — шанс, который никогда больше не повторится. «Я желаю избежать войны с Соединенными Штатами и убежден, что они не вступят в войну, если мы нападем на Советский Союз. Война же в Индокитае скорее вызовет ответную реакцию англосаксов».

Последнее слово осталось все-таки за Сугиямой, за которым стояли Коноэ и Тодзио. «Я убежден, — сказал он, — что Америка не вступится за Индокитай. Советский Союз еще рано сбрасывать со счетов. Мы должны подождать 50 или 60 дней. И только если мы убедимся, что Германия наверняка побеждает, наступит наша очередь».

Совещание завершилось подписанием официального документа, к которому была приложена государственная печать. Осторожность взяла верх. Жертвой этой полемики стал Мацуока, поклонник Гитлера, ярый сторонник нападения на Советский Союз. Чтобы отделаться от него, пришлось пойти на

хитрость. 16 июля Коноэ предложил всему кабинету уйти в отставку (Мацуока был болен и не смог прийти на заседание). На следующий день отставка была принята императором, участвовавшим в этом дворцовом заговоре. Еще через день был сформирован новый кабинет. Состав его остался почти прежним, только пост министра иностранных дел занял Тойода, имевший репутацию проамериканца.

Первым актом нового министра была телеграмма представителю Японии в Виши с поручением довести до сведения французов, что японские войска вступят в Южный Индокитай 24 июля независимо от желания французского правительства. За день до назначенного срока правительство Виши согласилось на мирный ввод войск. Японский посол сообщил шифровкой в Токио: «Причина такой готовности французов согласиться на наши требования заключается в том, что они увидели, насколько нерушимо наше решение». Через несколько часов расшифрованная депеша лежала на столе у государственного секретаря США Хэлла. Японцы не знали, что их шифры уже давно раскрыты американцами и дипломатическая переписка становится известной в США раньше, чем ее получает адресат.

26 июля последовал ответный шаг США — было решено заморозить все японские вклады в американских банках. То же сделало правительство Нидерландской Индии. Газета «Нью-Йорк таймс» писала по этому поводу, что «это наиболее решительный ответ, не считая объявления войны». В действительности же Япония получила еще одну отсрочку, которую могла использовать для подготовки дальнейшей агрессии.

Прошел месяц войны Германии с Советским Союзом, но до Москвы гитлеровцам было еще далеко. В Токио понимали, что с захватом Нидерландской Индии надо спешить, однако ход мировых событий все более убеждал японское правительство, что наступление на юг рано или поздно все-таки натолкнется на более решительное сопротивление США.

А война с США требовала мобилизации всех сил, и начинать ее летом 1941 г. было рано. Флот и армия были едины в требовании — дать им еще время.

4 августа принц Коноэ сообщил руководителям армии и флота, что намерен лично встретиться с Рузвельтом, чтобы устранить разногласия. Если переговоры состоятся, заявил Коноэ, он готов обещать президенту полный вывод войск из Индокитая, но, правда, после окончания конфликта в Китае и установления в Азии «справедливого мира». Командование флота на следующий день сообщило о своем согласии с планом премьера, но в армейской верхушке мнения разделились. Экстремистское крыло возмутилось решением премьера, полагая, что этим предаются принципы пакта с Германией. Поэтому армия поставила условие — потребовать от Коноэ обещания в случае отказа Рузвельта от переговоров ускорить приготовления к войне против США.

7 августа Коноэ отправил государственному секретарю Хэллу телеграмму с предложением встретиться с Рузвельтом в Гонолулу. Государственный секретарь отнесся к этому предложению, если верить его дневнику, с большим подозрением. «Мы считали, — пишет он, — что Япония пытается втянуть нас в конференцию, которая закончилась бы заявлением общего характера, после чего Япония смогла бы практически истолковать и практически использовать эти документы по своему усмотрению, как она всегда поступала в таких случаях в прошлом. Больше того, Япония получила бы возможность заявить, будто президент одобрил ее действия».

Рузвельт получил послание Коноэ не сразу. 10 августа, когда Хэлл обсуждал телеграмму Коноэ с японским послом в США, президент находился у берегов Ньюфаундленда на борту английского линкора «Принц Уэльский», где совещался с Черчиллем. На совещании, закончившемся подписанием Атлантической хартии, выявились две точки зрения по дальневосточному вопросу. Американцы по-прежнему предпочитали не дразнить Японию и ждать развития событий. Ан-

гличане, напротив, стояли за решительный отпор, поскольку дальнейшие уступки угрожали английским владениям. На борту «Принца Уэльского» Черчилль сказал: «Я не думаю, что мы можем на что-нибудь надеяться, если Соединенные Штаты не сделают ясного заявления, направленного на то, чтобы остановить продвижение Японии к югу. В ином случае предотвратить войну между Англией и Японией не удастся». С опозданием на два года Черчилль требовал принять твердую линию против Японии, заявив, что предложения, поступившие из Токио, не более чем «умело сформулированные требования, с помощью которых Япония возьмет все, что может взять сегодня, и ничего не даст взамен в будущем». Однако Рузвельт принял более умеренный курс, и Японии было заявлено, что, если она приостановит свою экспансию и решит принять программу мира на Тихом океане, «Соединенные Штаты готовы возобновить неофициальные предварительные переговоры и примут меры, чтобы выбрать время и место для обмена мнениями».

28 августа Рузвельту были отправлены два новых японских послания. Одно — от Коноэ с подтверждением желания встретиться, второе — с официальным согласием вывести японские войска из Индокитая, как только будет улажен «китайский инцидент» и в Азии будет установлен «справедливый мир». Урегулирование «китайского инцидента» означало покорение Китая, а в понятие «справедливый мир» входил передел Азии; таким образом, Япония ничем не намеревалась пожертвовать и требовала признания Соединенными Штатами своего последнего захвата в обмен на туманные заявления, которые Японию ни к чему не обязывали. Тем не менее Рузвельт все еще склонялся к встрече с Коноэ, надеясь, что с японским премьером можно будет договориться. Остановило его не столько противодействие Англии, сколько донесения американской разведки о подготовке японцев к вторжению в Юго-Восточную Азию. Эти данные были настолько недвусмысленны, что лицемерие японского правительства нельзя было игнорировать. Рузвельт

ответил Коноэ, что хотел бы отложить встречу до тех пор, пока не будет достигнута договоренность о выводе японских войск из Южного Индокитая.

Окончательное решение начать войну против США и Англии было принято в Токио 3 сентября, т. е. до того, как был получен ответ Рузвельта. Таким образом, объяснять это решение отказом Рузвельта от встречи с Коноэ, как иногда делается в японской литературе, никоим образом нельзя. На сей раз основным сторонником скорейшего нападения был начальник Генерального штаба ВМФ Нагано. «Я убежден, — говорил он на совещании руководителей армии и флота, — что сегодня у нас есть шанс выиграть войну. И я боюсь, что с течением времени этот шанс уменьшится и может исчезнуть совсем. Для того чтобы преодолеть разницу в экономическом потенциале, мы должны нанести решающий удар в первый же день войны». После семичасового заседания было сформулировано следующее заявление: «Для самообороны и сохранения нашей империи мы завершим приготовления к войне в течение первых десяти дней октября, считая эту дату условной, и будем готовы, если необходимо, вести войну одновременно против Соединенных Штатов, Великобритании и Нидерландов». На совещании были рассмотрены и конкретные планы начала войны. Атаки армии и флота должны быть проведены одновременно против Перл-Харбора, Гонконга, Малайи и Филиппин.

Решение Японии вызвало резко отрицательную реакцию в Берлине. Послу Отту одна за другой шли шифровки с требованием оказать давление на японское правительство, с тем чтобы побудить его все-таки начать войну против СССР. Вопрос о том, куда направит свой удар Япония, был жизненно важен и для советского командования. Положение на фронте оставалось крайне тяжелым, а на Дальнем Востоке приходилось держать значительные силы. В начале сентября советский разведчик Рихард Зорге, доверенное лицо Отта, сообщил из Токио, что Япония отложила нападение на Со-

ветский Союз и принят план войны в Юго-Восточной Азии. Есть мнение, что информация Зорге, проверенная по другим каналам, позволила советскому командованию перебросить несколько дивизий под Москву, хотя Зорге и не пользовался доверием Лубянки.

Психологическая подготовка к войне была недолгой. Парламент был готов проштемпелевать любое решение, армия полностью доверяла своим лидерам, профсоюзы были фактически разогнаны, оппозиционные элементы — изолированы или запуганы. Перед «контролируемой прессой» поставили задачу «заставить народ поверить, что англосаксы намерены превратить Японию в третьеразрядное государство». Вместе с тем для придания империи окончательной монолитности требовалось сделать еще один шаг. Во главе правительства должны были встать те, кто принимал военные решения, т. е. генералы.

Конечно, принц Коноэ был не меньшим сторонником войны, чем любой из руководителей армии. Однако он, как и другие гражданские премьеры, в первую очередь заботился об интересах монополий, а те, будучи за войну, думали прежде всего о прибылях. Армия рвалась к блистательным победам и в связи с этим отвергала северный вариант, который снова всплыл в октябре, когда началось генеральное наступление фашистов на Москву. Дзайбацу, напротив, наиболее привлекал северный вариант, который казался им легким, — ведь надо было лишь подобрать яблоко, слетевшее под чужими ударами. Поэтому монополии искали на том этапе соглашения с Западом, и Коноэ, выражая их волю, выступил в октябре за продолжение переговоров с США. Однако бешеный Тодзио на ближайшем же заседании Совета министров заявил, что армия будет продолжать подготовку к войне в Юго-Восточной Азии. «Никаких уступок в выводе войск! Вывод войск из Индокитая — это поражение Японии, несмываемое пятно позора в истории Японской империи».

После заседания Коноэ потребовал объяснений. Тодзио отказался взять свои слова обратно и добавил, что Коноэ может оставаться премьером только в том случае, если не будет возражать армии. Коноэ подал в отставку. Борьба в кабинете и во дворце продолжалась еще два дня и закончилась, как и следовало ожидать, победой группы Тодзио. 18 октября он был произведен в полные генералы и возглавил правительство, сохранив за собой пост военного министра.

Реакция на назначение нового премьера в Соединенных Штатах была неоднозначной. Пресса и значительная часть политиков продолжали настаивать на том, что ничего особенного не произошло. Токийский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» писал: «Было бы поспешно предполагать, что новое правительство будет находиться под контролем экстремистов, чьи воинственные призывы ознаменовали падение Коноэ. Сам Тодзио — известная гарантия против этого... в некоторых аспектах на судьбе переговоров эти перемены могут отразиться благоприятно... По крайней мере теперь Соединенные Штаты знают, что говорят напрямик с армией». К числу заблуждавшихся относился и Рузвельт. В те дни он писал Черчиллю, что, по его мнению, «японцы направятся на север, ввиду этого Вам и мне обеспечена двухмесячная передышка на Дальнем Востоке». Иную реакцию вызвало назначение премьером генерала Тодзио в Лондоне. Уже 17 октября Черчилль рекомендовал Адмиралтейству рассмотреть предложение правительства о посылке на Дальний Восток линейного корабля и авианосца в дополнение к уже отправленному в Сингапур линейному крейсеру «Рипалз». Черчилль полагал, что такая демонстрация произведет впечатление на японские правящие круги. Однако лорды Адмиралтейства не согласились с премьер-министром — они предпочитали держать линкоры в английских водах. Разногласия усугублялись тем, что Адмиралтейство опасалось японского нападения на Сингапур и Малайю, тогда как Черчилль полагал, что важнее охранять водные пути. В конце концов

был достигнут компромисс: линкор «Принц Уэльский» направлялся в Кейптаун, а дальнейший его маршрут должен был быть определен в зависимости от обстановки. В Лондоне наивно полагали, что уже само движение одного из сильнейших в мире кораблей в сторону Индийского океана окажет на японцев психологическое давление.

21 октября «Принц Уэльский» под флагом командующего Дальневосточным флотом адмирала Филипса покинул Англию. Навстречу ему в Индийский океан вышел «Рипалз». Третий крупный корабль, направленный на Дальний Восток, авианосец «Иномитэбл», сел на мель при выходе из Кингстона на Ямайке. Его пришлось поставить в док. Другого авианосца для Дальневосточного флота не нашлось. Именно отсутствие его послужило, возможно, причиной крушения британского могущества в ЮВА.

Окончательный оперативный план, предусматривавший одновременную войну против США, Англии и Нидерландов, был согласован командованием армии и флота 20 октября и одобрен японским Генеральным штабом 5 ноября 1941 г. Военные действия должны были проходить в три этапа. На первом осуществлялся захват так называемого оборонительного периметра по линии: Курильские острова — атолл Уэйк — Маршалловы острова — о-ва Гилберта — архипелаг Бисмарка — Новая Гвинея — Тимор — Ява — Суматра — п-ов Малакка — Бирма. Второй этап предусматривал консолидацию и укрепление периметра. На третьем этапе японские войска должны были разгромить противника, намеревающегося прорваться сквозь периметр, и отбить у него желание сражаться. Таким образом, первый этап был наступательным, остальные — оборонительными. Предполагалось, что внутри периметра Япония сможет обеспечить себя всеми необходимыми стратегическими материалами и людскими ресурсами. Оборонительность второго и третьего этапов была относительной. Расчет делался на победу Германии в Европе и на раскол

антигитлеровской коалиции. Тогда уже, обеспечив себе стратегическую независимость, Япония могла ударить по Советскому Союзу.

При отсутствии серьезного сопротивления со стороны противника первый этап должен был быть проведен в следующие сроки: захват Филиппин — 50 дней; оккупация Малайи — 100 дней, оккупация Нидерландской Индии — 150 дней. Следует сказать, что в целом японская армия и флот строго придерживались этого плана, за исключением тех случаев, когда военная обстановка позволяла ускорить сроки наступления.

5 ноября в Токио было решено «с целью построения нового порядка в Великой Восточной Азии» «открыть военные действия в начале декабря, флоту и армии полностью закончить к этому сроку приготовления к развертыванию операций. Переговоры с США продолжать, усилить сотрудничество с Германией и Италией, непосредственно перед началом военных действий установить тайные военные связи с Таиландом».

В начале ноября, когда был принят японский оперативный план, у американского правительства уже не оставалось никаких сомнений в том, что война начнется в ближайшие недели. Даже посол США в Японии Грю, до последнего дня продолжавший надеяться на мирный исход, послал в Вашингтон телеграмму, что в любой момент возможно «внезапное нападение японского флота». И хотя последние предвоенные недели сопровождались оживленной дипломатической деятельностью, американцы все меньше верили в возможность примирения.

В ноте Хэлла японскому правительству от 26 ноября предусматривались следующие меры для улаживания конфликта: заключение пакта о ненападении между США, Британской империей, Китаем, Японией, Голландией, Советским Союзом и Таиландом; заключение соглашения о территориальной целостности Французского Индокитая; отказ от поддержки любых других правительств и режимов в Китае, кро-

ме чунцинского правительства Чан Кайши. Пункт об отводе японских войск из Индокитая и Китая стал камнем преткновения. Когда вечером того же дня Рузвельт заявил японским дипломатам, прибывшим в Вашингтон, что, если Япония не перейдет к более гибкой политике, достичь успеха на переговорах не удастся, тем стало ясно, что милитаристы воспользуются этими словами как поводом для немедленного начала войны.

Судя по документам и воспоминаниям участников событий, Рузвельт полагал, что военные действия начнутся в понедельник 1 декабря, «так как японцы известны тем, что нападают без предупреждения». Впрочем, даже в этот момент в Вашингтоне царило убеждение, что военные действия будут идти лишь в материковой Юго-Восточной Азии. Сигналы американских разведчиков и дипломатов оставались без внимания. В Белом доме все еще рассуждали о том, что́ считать началом войны — переход японскими войсками таиландской границы или какое-либо иное подобное действие, а японский флот уже концентрировался для похода к Гавайям.

Японские планы «неожиданного и сокрушающего первого удара» были рискованными, но риск был оправдан. Разумеется, транспорты с японскими дивизиями, шедшие к берегам п-ова Малакка, могли быть замечены еще в море (как и случилось на самом деле), и англичане могли принять эффективные меры (чего не случилось); американский флот также мог в решающий момент уйти из Перл-Харбора или встретить нападение во всеоружии. Этого не произошло не в силу счастливого для Японии стечения обстоятельств, а потому, что хорошо поработала японская разведка, шансы были тщательно взвешены, подготовлены альтернативные планы и т. д. Немалую роль, конечно, сыграли и просчеты американских и английских военачальников, считавших невозможным одновременное нападение японцев на столь удаленные один от другого пункты. Японские же стратеги были

обязаны рисковать, ибо само решение о начале войны против держав, которым Япония уступала не только в экономическом, но и в чисто военном отношении, было авантюрой. Только сокрушающим первым ударом, который должен был ошеломить врага, японцы могли выровнять шансы и на какое-то время даже склонить чашу весов в свою пользу.

Главный удар по США должен был нанести японский флот. Еще в середине 30-х годов, обсуждая возможность войны с Соединенными Штатами, японские адмиралы придерживались оборонительной доктрины, которая заключалась в том, чтобы препятствовать с помощью подводных лодок и авиации американскому флоту достичь японских берегов. В конце 30-х годов, когда у Японии появились крупные авианосцы, была принята доктрина первого удара. Ее автор, адмирал Ямамото, считал себя наследником знаменитого адмирала Того, который неожиданно напал в 1904 г. на русский флот в Порт-Артуре. Конкретная разработка операции началась в феврале 1941 г. Одновременно с этим японское консульство на Гавайях было превращено в шпионский центр.

Агентурные сводки подтвердили выводы штаба ВМФ Японии о том, что Тихоокеанский флот США в основном продолжает базироваться в удобном заливе Перл-Харбор (Жемчужная бухта), причем именно здесь стоят линейные корабли — главная ударная сила американского флота. Не уничтожив одним ударом американские линкоры, японский флот не мог иметь перевеса на морских путях в Тихом океане и, следовательно, не мог обеспечить безопасность коммуникаций, которые в первые же дни войны должны были растянуться на тысячи миль. И перевозка войск, и вывоз сырья из Юго-Восточной Азии требовали одного непременного условия — господства японского флота на этих путях. Следовательно, основной удар надо было нанести по Перл-Харбору.

Одновременно шла подготовка вторжения в Юго-Восточную Азию. Уже в декабре 1940 г. три дивизии, располо-

женные в Китае, были сняты с фронта и начали подготовку к военным действиям в условиях тропиков. Для проверки всех возможных способов ведения войны в джунглях был создан специальный «Формозский департамент армейских исследований». О тщательности, с которой велись приготовления, говорит следующий факт. Для проверки распространенного мнения, что солдаты, проведя более недели на борту перегруженных транспортов в жаре и духоте тропиков, будут неспособны с места начать бой, одна из дивизий была посажена на транспорты в условиях худших, чем реальные (по три человека на татами), и в течение двух недель набитые солдатами транспорты находились в открытом море, причем жара в трюмах достигала 60°С. После этого солдат заставили высаживаться под «огнем противника» и выгружать технику, включая танки, на открытый пляж на о-ве Хайнань.

Японская разведка сообщила, что наиболее перспективной будет высадка 5-й дивизии у пограничных таиландских городков Сингора (Сонгкхла) и Паттани, а 18-й дивизии — у Кота-Бару, причем 5-я дивизия должна будет немедленно захватить стратегически важный мост через р. Перак и базу ВВС в Алор-Сетаре. Этот план вторжения в Малайю и был одобрен в Токио.

5 ноября адмирал Ямамото огласил командирам соединений «Особо секретный приказ Объединенному флоту № 1», в котором излагался план одновременного удара по Перл-Харбору, Малайе, Филиппинам, Гуаму, Уэйку и Гонконгу. 6 ноября маршал Тераути принял командование над Южной армией, состоявшей из четырех полевых армий. Перед соединением Тераути была поставлена задача в кратчайшие сроки захватить все американские, голландские и английские владения в Юго-Восточной Азии. Предусматривалось, что после удачной высадки в Малайе и на Филиппинах армия генерал-лейтенанта Ямаситы захватит Малайю и Сингапур, а армия генерал-лейтенанта Хоммы оккупирует Филиппины.

Военные действия было решено начать без объявления войны на рассвете в понедельник 8 декабря. Этот день был выбран по двум причинам. Во-первых, 8 декабря наступало полнолуние, что должно было помочь запуску самолетов с авианосцев, во-вторых, на Гавайях, находящихся в другом полушарии, еще должно было быть утро воскресенья, 7 декабря. В воскресенье бдительность моряков ниже, чем в будние дни, к тому же по докладам разведки было известно, что Тихоокеанский флот входил в бухту по пятницам и оставался на якорях до понедельника.

16 ноября ударная эскадра собралась у берегов Японии. В нее входили шесть авианосцев, два скоростных линкора, два тяжелых крейсера и несколько небольших кораблей. На шести авианосцах находилось 360 истребителей и бомбардировщиков. Командовал эскадрой адмирал Нагумо, который держал свой флаг на авианосце «Акаги».

В тот же день авианосцы и крупные корабли поодиночке покинули японские воды и взяли курс к Курильским островам, где у о-ва Итуруп было назначено рандеву — вдали от морских путей и настолько в стороне от цели, что если бы американские или советские моряки заметили японский флот, то предположили бы, что он готовится напасть на Владивосток или Камчатку, но уж никак не на Перл-Харбор. В то же время были приняты все возможные меры предосторожности — кораблям ударного флота было приказано не выходить в эфир, а для того чтобы ввести противника в заблуждение, оставшиеся у берегов Японии корабли должны были усиленно вести радиопереговоры от имени ушедших кораблей. Когда командир флагманского авианосца «Акаги» спросил адмирала Нагумо, что делать, если встретится советское торговое судно, тот ответил коротко: «Потопите его».

25 ноября адмирал собрал на борту «Акаги» пилотов эскадры и объявил им, что корабли идут к Перл-Харбору. Многие из летчиков впервые в жизни слышали это слово, но сообщение адмирала встретили радостными криками.

26 ноября на рассвете эскадра начала вытягиваться в открытое море. Солнце, редкое здесь в это время года, разогнало туман. Японские пилоты сочиняли письма домой и изучали фотографии бухты с темневшими на серой воде силуэтами линкоров американского флота.

28 ноября американская разведка перехватила и расшифровала телеграмму, посланную министерством иностранных дел Японии всем консульским службам империи. Телеграмма показалась перехватчикам настолько серьезной, что в тот же день ее перевод лежал на столе у президента. Там говорилось: «В случае чрезвычайных обстоятельств (опасность разрыва дипломатических отношений)... — к ежедневным прогнозам погоды на всех коротковолновых станциях будут добавлены следующие предупреждения:

1. В случае опасности для американо-японских отношений «хигаси-но кадзэ аме» (восточный ветер—дождь).

2. Японо-советские отношения: «кита-но кадзэ кумори» (северный ветер—облачно).

3. Японо-британские отношения: «ниси-но кадзэ харэ» (западный ветер—ясная погода).

Этот сигнал будет повторен в середине и в конце каждой сводки погоды, и каждая фраза будет повторена дважды. Услышав его, немедленно уничтожьте все шифры и т. д. Настоящие сведения сохранять в строгой тайне».

Это сообщение вызвало переполох в Вашингтоне. Было отдано приказание круглосуточно записывать передачи всех японских государственных станций. Впоследствии, выступая на заседании конгресса, американский контрразведчик капитан 1-го ранга Сэффорд сообщил, что ему известно такое сообщение от 3 и 4 декабря. Однако другие радиоперехватчики отрицали, что сообщение было послано.

Только после войны в документах министерства иностранных дел Японии удалось найти ответ на эту загадку. Оказывается, отправка сигнала по радио была задержана по требованию флота, который добивался полной секретности, не

доверяя дипломатическим шифрам. И потому сигнал был послан только после нападения на Перл-Харбор. Он прозвучал как «западный ветер — ясная погода», т. е. касался только Юго-Восточной Азии; его услышали многие, но 7 декабря он уже никого не интересовал.

30 ноября, получив наконец от премьер-министра сведения о дне начала войны, министр иностранных дел Того направил послание в Берлин. Оно было перехвачено и расшифровано американцами. В послании содержалось откровенное признание того, что война близка. В то же время Того не забывал о том, какими глазами его будут читать потомки. Потому звучало оно так, словно Япония уже подверглась нападению союзников: «Из-за срыва переговоров с США наша империя стоит перед роковой ситуацией и должна действовать с уверенностью в своей правоте. Прошу Ваше превосходительство ввиду этого немедленно встретиться с канцлером Гитлером и министром иностранных дел Риббентропом, конфиденциально сообщить им о событиях и заявить, что в последние дни Англия и Соединенные Штаты заняли провокационную позицию... Сообщите им под полным секретом, что существует чрезвычайная опасность неожиданного начала войны между англосаксонскими нациями и Японией из-за какого-либо вооруженного инцидента, причем война может начаться ранее, чем кто-либо подозревает».

Как видим, даже перед своими союзниками по агрессии японское правительство предпочитало лицемерить. Можно справедливо упрекать США за то, что они потворствовали японской экспансии, оттягивая момент решительной конфронтации с Японией, что они до последнего дня тешили себя мыслью, будто их минет чаша войны, но нет никаких оснований полагать, что Соединенные Штаты (так же, впрочем, как Англия или Советский Союз) намеревались напасть на Японию. Тем не менее и в наши дни в сочинениях современных японских и даже некоторых американских авторов можно встретить версию, которая в свое время прозвучала в выступлении Тодзио на процессе военных преступников в

Токио: война Японии с США была чисто оборонительной. В частности, в недавно изданной в Англии «Истории XX столетия», собранной из статей историков разных стран, эта версия следующим образом сформулирована Масами Табата: «Основным фактором, заставившим Японию начать враждебные действия против Америки, Голландии и Великобритании, была так называемая нота Хэлла... теперь ни для кого не секрет, что война была решена нотой Хэлла».

Разумеется, нота Хэлла не содержала угрозы существованию Японии. Она не была ультиматумом, а правительство США и после продолжало вести переговоры с Японией. Но как бы ни расценивать ее саму по себе, нельзя забывать, что за несколько часов до ее вручения японские авианосцы уже взяли курс на Гавайи. Впрочем, в ноябрьские дни 1941 г. никто в японской верхушке всерьез не думал об оправданиях перед потомством. Иное дело — после войны, когда даже император заявил главному обвинителю США на процессе военных преступников в Токио, будто не подозревал о том, что будет совершено нападение на Перл-Харбор. В действительности же императору сообщили о дне начала войны, и лишь после этого эскадре, шедшей к Гавайям, была послана телеграмма «Взбирайтесь на гору Ниитака», подтверждавшая предыдущий приказ.

Глава III

ПЕРВОЕ УТРО ВОЙНЫ

Судя по японским источникам, император принял решение о начале военных действий против США, Великобритании и Голландии 1 декабря 1941 г. в 4 часа дня.

Несмотря на то что это действие было скорее ритуальной игрой, нежели актом, что-то решавшим, тем не менее

слова «война» или «объявление войны» в указе не фигурировали.

Присутствовали при историческом подписании начальник Генерального штаба Сугияма и начальник Морского Генерального штаба Нагано. Они тут же передали соответствующие указания нижестоящим армейским и морским штабам без упоминания дня начала войны, хотя предполагали, что это случится 8 декабря.

Важно отметить то, что обычно выпадает из работ, посвященных войне на Тихом океане: в указе императора говорилось, что в случае, если «японские соединения и части подвергнутся нападению до дня X, они должны немедленно открыть военные действия». Приказ начальников штабов соответственно требовал уничтожать самолеты противника в случае попытки совершать разведывательные полеты над важными пунктами сосредоточения японских сухопутных войск и базами кораблей японского флота.

А так как концентрация японских войск в исходных местах наступления началась задолго до императорского эдикта, то этот пункт приказа означал фактическое начало войны, если считать таковой сознательное уничтожение вражеской боевой силы и техники.

2 декабря начальники Генеральных штабов окончательно согласовали начало боевых действий — 8 декабря. При выборе этого учли то, что наиболее благоприятным моментом для нападения с воздуха во взаимодействии с кораблями будет двадцатая ночь с момента последнего полнолуния. К тому же 8 декабря выпадало на воскресенье, а в выходной день бдительность обязательно снижается и часть ключевых фигур в командовании противника покидают свои части или корабли.

Здесь уместно вспомнить о том, что комкор Жуков начал свое наступление на реке Халхин-Гол именно в воскресенье, когда многие японские офицеры и генералы отъехали на выходной день в городок в ста километрах от места боев.

Командование японской армии и флота всю последнюю неделю находилось в крайне нервном состоянии, что можно проследить по японским источникам. В Токио полагали, что если Англия и США догадаются о решении начать войну, все погибло — перенести начало удара там уже не могли. Нетрудно предположить, что любая неожиданность воспринималась в Ставке как провал.

Неожиданно из Штаба экспедиционных войск в Китае пришла телеграмма о том, что разбился транспортный самолет, на борту которого находился майор Сугисака, который вез приказ о начале войны командующему 23-й армией. Самолет упал на контролируемой китайцами местности в районе Кантона.

В Генеральном штабе началась паника. Главное, что желали там узнать: сгорел ли самолет и сгорел ли вместе с ним документ? Туда было послано несколько разведывательных самолетов и готовили группу парашютистов — но катастрофа произошла в горах и далеко от линии фронта. Спуститься к обломкам самолета не удавалось. Тем более что его окружила толпа китайских солдат.

Если документ попадет в Чунцин, в ставку Чан Кайши — все пропало!

Пока томились ожиданием, попал ли приказ в руки китайцев, из Таиланда морской атташе сообщил, что в местной прессе опубликована телеграмма о вторжении японских войск в Таиланд 4 декабря.

Из Нидерландской Индии телеграфировали, что там введено чрезвычайное положение. Почему?

Из Сиамского залива шли сообщения о разведывательных судах неизвестной принадлежности.

Корабли эскадры Нагумо начали подзаправку в открытом море. Погода улучшилась, волнение спало. Японские газеты вышли под большими заголовками: «Япония возобновляет попытки достичь соглашения с США».

Как уже отмечалось, значительная доля ответственности за то, что нападение японцев на Перл-Харбор застало американский флот врасплох, лежит на тех, кто отвечал за оборону страны. В том, что Перл-Харбор не встретил японские самолеты в полной готовности, виноваты и руководители США, которые продолжали убеждать себя и флот в том, что Япония не решится напасть на Перл-Харбор, и командование базы, которое разделяло эту удобную точку зрения. Даже сообщение американской разведки о том, что она «потеряла» шесть японских авианосцев, никого не встревожило. Наконец, 2 декабря японский консул в Гонолулу получил телеграмму из Токио, в которой требовались такие подробности о пребывании в порту кораблей и средствах его обороны, что любому стало бы ясно — нападение будет произведено именно на Перл-Харбор. Телеграмма была отправлена на дешифровку в Вашингтон и отложена ждать очереди — ведь речь в ней шла о Гавайях, а Гавайям, как считали в американской столице, ничего не угрожало.

6 декабря, когда японский флот с потушенными огнями, храня радиомолчание, приближался к Гавайским островам, в Вашингтоне было получено сообщение из Лондона. В нем говорилось, что 35 японских транспортов, 8 крейсеров и 20 эсминцев сопровождения направляются к Малаккскому полуострову. Это могло означать лишь одно: японцы решили нанести удар по Сингапуру. И когда на ежедневном совещании морской министр Ф. Нокс задал вопрос: «Не собираются ли японцы ударить по нам?», контр-адмирал К. Тэрнер от имени командования флота ответил: «Нет, господин секретарь. Они ударят по англичанам. Они еще не готовы напасть на нас». Ни один человек не возразил адмиралу.

В субботу вечером в официальных учреждениях Вашингтона наступило предвоскресное затишье. Зато в японском посольстве кипела жизнь. Там переводили на английский полученный из Токио меморандум, который следовало вручить госсекретарю в 13 час. следующего дня. Посольские

работники не подозревали, что на этот час назначено нападение на Перл-Харбор.

В отличие от Гонолулу, в Сингапуре была объявлена тревога. Сведения о том, что громадный караван транспортов движется к берегам Малайи, распространились по крепости и городу. Настороженно глядели орудия могучих «Рипалза» и «Принца Уэльского», изготовились пушки береговой обороны. В Токио тоже царила тревога. Генералы стояли перед картами, на которых были нанесены точки — корабли и эскадры. Поступили сведения, что караван, идущий к Малайе, замечен английским самолетом-разведчиком. Самолет сбит. Успел ли он сообщить об увиденном? Но главное — эскадра, идущая к Перл-Харбору. Что означает молчание американцев? Может быть, флот уже замечен и движется к ловушке?

Утром 7 декабря Рузвельт решил направить императору Японии личное послание. Оно было выдержано в миролюбивых тонах, и единственное условие, которое ставилось Японии, был вывод войск из Индокитая. О Китае в послании не было ни слова. В 7 час. 40 мин. государственный департамент объявил журналистам, что личное послание президента США императору составлено и отправлено. Оно достигло Токио в полдень, но осталось на телеграфе. Дело в том, что главный военный цензор по поручению армейского начальства приказал директору телеграфа задерживать все иностранные телеграммы на 10 часов. Кому-то (в первую очередь, очевидно, премьеру Тодзио) было невыгодно, чтобы в последний момент американцы предложили мир.

В 11 час. утра перед Белым домом остановилась небольшая машина. Капитан-лейтенант Крамер вбежал в приемную и, вручив дежурному офицеру пакет, сказал, что в нем находится перехваченный и расшифрованный документ чрезвычайной важности — меморандум из Токио, который должен быть вручен госсекретарю сегодня. Выйдя из приемной, Крамер задумался, что бы мог означать срок передачи мемо-

рандума, указанный в приписке. Раньше Крамер служил два года на Гавайях, и ему пришло в голову, что час дня в Вашингтоне означает половину восьмого утра в Гонолулу — время завтрака на кораблях. Крамер ворвался в кабинет адмирала Старка, когда тот дочитывал меморандум, и с порога сообщил командующему флотом, что через полтора часа на Перл-Харбор может быть совершено нападение и еще не поздно позвонить адмиралу Киммелю. Рука Старка потянулась к телефонной трубке, но замерла. «Нет, — сказал Старк, — не следует тревожить его*. Нападение на Перл-Харбор совершенно невероятно». Вместо этого адмирал решил рассказать об опасениях Крамера президенту, но телефон у того был занят, и Старк занялся другими делами. Правда, начальник Генерального штаба армии генерал Маршалл, узнав о японском меморандуме, все-таки послал предупреждение командующим войсками на Филиппинах, в зоне Панамского канала, Сан-Франциско и на Гавайи. Три первых адресата телеграмму получили. Но на Гавайи телеграмма пошла без грифа «срочно», и командующий гарнизоном получил ее только через несколько часов после японского нападения.

К часу дня Хэлл вызвал к себе военного и морского министров. Они ждали, когда явятся японские послы, но прежде чем это случилось, радиостанция Гонолулу передала сообщение о начале японского нападения на Перл-Харбор. Поэтому, когда вошли японские дипломаты, Хэлл уже знал, каким образом началась война и что означал срок передачи меморандума. Государственный секретарь внимательно про-

* В истории случаются удивительные совпадения. За 40 лет до того в Порт-Артуре командовал базой и флотом однофамилец адмирала Старка — адмирал русской службы. Предупреждения о приближении японцев к Порт-Артуру были настолько серьезны, что игнорировать их было невозможно, и все же Старк игнорировал их. Японская эскадра напала на Порт-Артур и вывела из строя значительную часть русского флота.

читал его, стараясь не показать, что он уже знаком с этим документом. Затем он поднял голову и, глядя послам в глаза, сказал: «Я должен заявить, что за все 50 лет моей государственной службы я никогда не видел документа, наполненного гнусной ложью и извращениями в таких размерах. До сего дня я никогда не думал, чтобы хоть одно правительство на нашей планете было способно на это». Не ожидая ответа, Хэлл указал японцам на дверь. Те, поклонившись, вышли. Они были единственными в здании госдепартамента, кто еще не знал, что война началась более часа назад. Вернее, еще раньше: японский конвой, который подошел к тому месту Малаккского полуострова, где Таиланд граничит с Малайей, в полночь по токийскому времени бросил якоря неподалеку от берега. Основная группа кораблей остановилась у Сингоры, три транспорта стали в виду Паттани, еще три приблизились к Кота-Бару. Было тепло, маслянистые волны покачивали корабли, солдаты вполголоса переговаривались на палубе, осторожно разминаясь после тяжелого пути. Луну заволокло облаками. В 1 час 15 мин. артиллерия конвоя открыла огонь по берегу. В Перл-Харборе было без четверти шесть. Таким образом, война на самом деле началась за два часа до нападения на Перл-Харбор.

Грохот пушек от берегов Малакки не докатился до центра Тихого океана. В эти минуты самолеты начали отрываться от палуб авианосцев. Качка была больше допустимой, но самолеты один за другим взмывали с мокрых палуб и исчезали в низких облаках. Вскоре 183 самолета первой волны ушли к Перл-Харбору. Через час стартовала вторая волна — 170 самолетов. И сразу, как только стих гул моторов, на авианосцах наступила гнетущая тишина.

Первые японские бомбардировщики приблизились к Перл-Харбору в 7 час. 48 мин. Пустоту неба нарушали лишь небольшие частные самолеты, владельцы которых, пользуясь отличной погодой, поднялись в воздух. Командир эскадрильи передал адмиралу Нагумо радиосигнал «Тора-тора-

тора». Услышав это кодовое слово, означавшее «тигр», на авианосцах поняли, что война началась, и началась удачно. Часть самолетов рванулась к американским аэродромам, на которых крыло к крылу стояли сотни машин, остальные по пологой дуге снижались к линкорам.

В этот момент на кораблях заканчивался завтрак, готовились к подъему флага, духовые оркестры вот-вот должны были грянуть гимн. Выпустив торпеды, самолеты взмыли вверх. Вдруг раздался глухой взрыв, и линкор «Оклахома» содрогнулся. Тут же в борт линкора врезались еще две торпеды, и «Оклахома» начала крениться на борт. Оркестр разбегался, бросая инструменты, ничего не понявшие матросы выскакивали на палубу, но за те восемь минут, что были отмерены «Оклахоме» с момента первого взрыва до той секунды, когда линкор перевернулся и уткнулся мачтами в дно, мало кто успел спастись. Когда линкор через несколько месяцев подняли со дна, в нем было найдено более 400 трупов.

Громадные клубы дыма поднялись над «Вест-Вирджинией», в которую попало несколько торпед. Линкор медленно опустился на дно; в месте его стоянки было неглубоко, мачты и верхние надстройки корабля остались над водой. Линкор «Калифорния» также затонул после ряда прямых попаданий. Худшая судьба ждала «Аризону». Через несколько минут после начала нападения один из снарядов с пикирующего бомбардировщика достиг ее порохового погреба — столб дыма, огня и обломков поднялся на 300 м ввысь. Практически все, кто был на борту, более 1 тыс. человек, мгновенно погибли.

Когда последний японский самолет покинул небо Перл-Харбора, из восьми американских линкоров, стоявших в бухте, пять были потоплены и три повреждены. (Все они, за исключением «Аризоны» и «Оклахомы», впоследствии вернулись в строй.) Повреждены были также три легких крейсера, три эсминца и четыре вспомогательных судна. На аэродромах было уничтожено и повреждено более 300 самолетов.

Погибло около 2,5 тыс. человек, в основном моряков; более 1 тыс. было ранено и обожжено — многие, когда старались отплыть от тонущих кораблей по воде, затянутой слоем пылающего мазута. Японцы потеряли 60 человек, 29 самолетов и пять малых подводных лодок, также участвовавших в нападении.

В 10 час. утра возвращавшиеся японские самолеты начали опускаться на палубы авианосцев. Пилоты упрашивали командующего повторить налет, чтобы довершить разгром, тем более что авиация противника не сможет оказать сопротивления — ее больше не существует. Ожидая приказа, механики и оружейники спешно готовили самолеты к новому вылету. Помимо кораблей в Перл-Харборе оставались важные цели, в первую очередь доки и склады топлива — если их удастся уничтожить, то база выйдет из строя надолго. Однако Нагумо объявил офицерам, что больше атак на Перл-Харбор не будет. Эскадра авианосцев слишком ценна для Японии, чтобы рисковать ею, оставаясь в такой близости от Гавайских островов. Ведь неизвестно, где находятся американские авианосцы.

В огромной литературе, посвященной нападению на Перл-Харбор, существует множество мнений по поводу того, прав или нет был японский адмирал, решив вернуться домой. Нет общей точки зрения и по вопросу о том, насколько целесообразным было само нападение. «С точки зрения высокой политики, — пишет американский историк Э. Йонс, — нападение на Перл-Харбор было страшной ошибкой. Трудно представить себе любой иной акт, который смог бы сплотить американский народ против Японии... Японцы предвидели американскую реакцию, но полагали, что стратегические результаты нападения стоят этого. Однако с точки зрения стратегии ошибка Перл-Харбора заключалась в том, что это нападение было бессмысленным. Тихоокеанский флот США не смог бы даже при желании помешать высадке японцев на юге. Американские планы войны были в сущности своей

оборонительными... Даже с точки зрения тактики атака на Перл-Харбор была ошибочной, потому что линейные корабли не были настолько эффективны, как авианосцы. Куда эффективнее было уничтожить нефтяные склады и портовые сооружения».

Однако в 1941 г. удар по Перл-Харбору никем не рассматривался как японская ошибка. Психологический эффект был действительно велик, и в первую очередь в самой Японии. В стране возобладали настроения шовинизма, уверенности в непобедимости японского оружия. Удар по американскому флоту и авиации также был значителен, и независимо от рассуждений, сделанных много лет спустя, остается фактом, что ни авиация на Гавайях, ни флот не смогли прийти на помощь Филиппинам и другим странам Юго-Восточной Азии, и это облегчило задачу «первой фазы» японской агрессии. По крайней мере на год японский флот стал хозяином морских путей в Тихом океане и этим преимуществом воспользовался.

После того как вести об удаче в Перл-Харборе и начале высадки в Малайе достигли Токио, следовало сделать формальный шаг — объявить войну. В полдень император приложил свою печать к рескрипту об объявлении войны, а премьер Тодзио выступил по радио, заявив, что причиной войны стало желание Запада покорить мир. Тодзио предсказывал, что война будет долгой и трудной и ставка в ней — жизни сотен миллионов азиатов, за свободу которых сражается Япония. По окончании речи Тодзио, которую жители Токио и других городов слушали, выйдя на улицы, прозвучали слова военной песни:

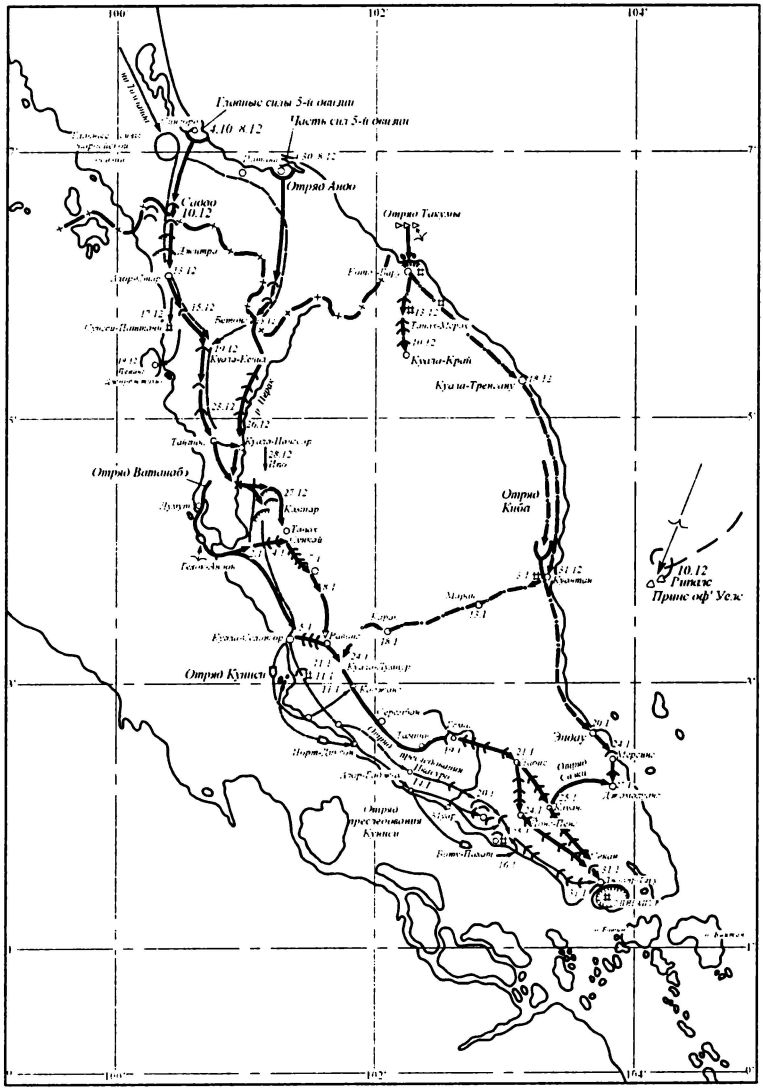
В море трупы, трупы в воде,
В горах трупы, трупы в полях.
Я умру за императора,
Я никогда не обернусь назад.

Известие о вступлении Японии в войну против США не вызвало в гитлеровской Германии радости. В день Перл-Харбора Гитлер находился на Восточном фронте. Начало

советского контрнаступления под Москвой вызвало в немецком командовании состояние, близкое к панике. Наиболее дальновидные гитлеровские генералы понимали, что за этим ударом последуют более ощутимые.

Первой реакцией Гитлера на японскую акцию у Перл-Харбора было раздражение. До последней минуты фашистская ставка рассчитывала, что Япония вторгнется в Сибирь и не даст таким образом советскому командованию перебрасывать подкрепления на Запад. Теперь же стало ясно, что масштабы военных действий на Тихом океане не позволят Японии воевать на севере.

Риббентроп доложил Гитлеру, что Япония через своего посла Осиму настаивает на объявлении Германией в соответствии с Тройственным пактом войны Соединенным Штатам. Гитлер предпочел сохранить союз с Японией и приказал Риббентропу довести до сведения Осимы, что отдан приказ о нападении на все американские суда и вопрос формального объявления войны — дело ближайших дней или часов, тем более что он понимал: в ближайшем будущем США и без японского фактора вступят в войну. 11 декабря Гитлер выступил на заседании рейхстага. «Мы всегда ударяем первыми! — кричал он. — Сумасшедший Рузвельт разжигает войну, а затем фальсифицирует ее действительные причины». Затем Гитлер принял японского посла, и тот изложил стратегические планы японского командования, в которых предусматривалась оккупация Юго-Восточной Азии с последующим завоеванием Индии. От имени своего правительства Осима предложил Германии синхронизировать действия в этом районе. Гитлер дал обещание двинуться через Кавказ к Ирану и Ираку: он стремился к нефти. Успехи японских войск в Азии были так внушительны, а потери в сырье, территориях, людях, которые несли англичане и американцы, столь велики, что вскоре германское военное руководство сочло их достаточно веской компенсацией за отказ Японии напасть на основного противника Германии — Советский Союз.



Ход операции по захвату Малайи

Детский садик в Токио в начале 30-х гг. Эти мальчики еще успеют вырасти и погибнуть за Великую Японию

В 20-е гг. юный Пу И проходил подготовку к будущей роли императора. Наставниками были японские офицеры

1932 г. Мукден. Европеизированный Пу И с супругой за несколько дней до коронации. Ни радости, ни величия... 18 февраля Пу И будет провозглашен императором Маньчжоу-Го

Маньчжурия в 1932 г. Замирение края было жестоким. Отрубленные головы партизан выставлялись на всеобщее обозрение

Первая цель достигнута! Японские войска вышли к Великой Китайской стене

7 июля 1937 года японские войска вступили в Китай. С первых дней они поставили себе целью запугать китайцев, которые должны почувствовать бесправие в собственной стране

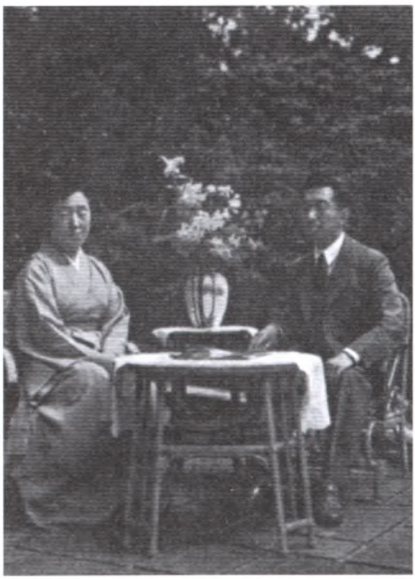
События на Халхин-Голе. Комкор Г. Жуков осматривает трофейное орудие

Халхин-Гол. Похороны японского солдата на поле боя

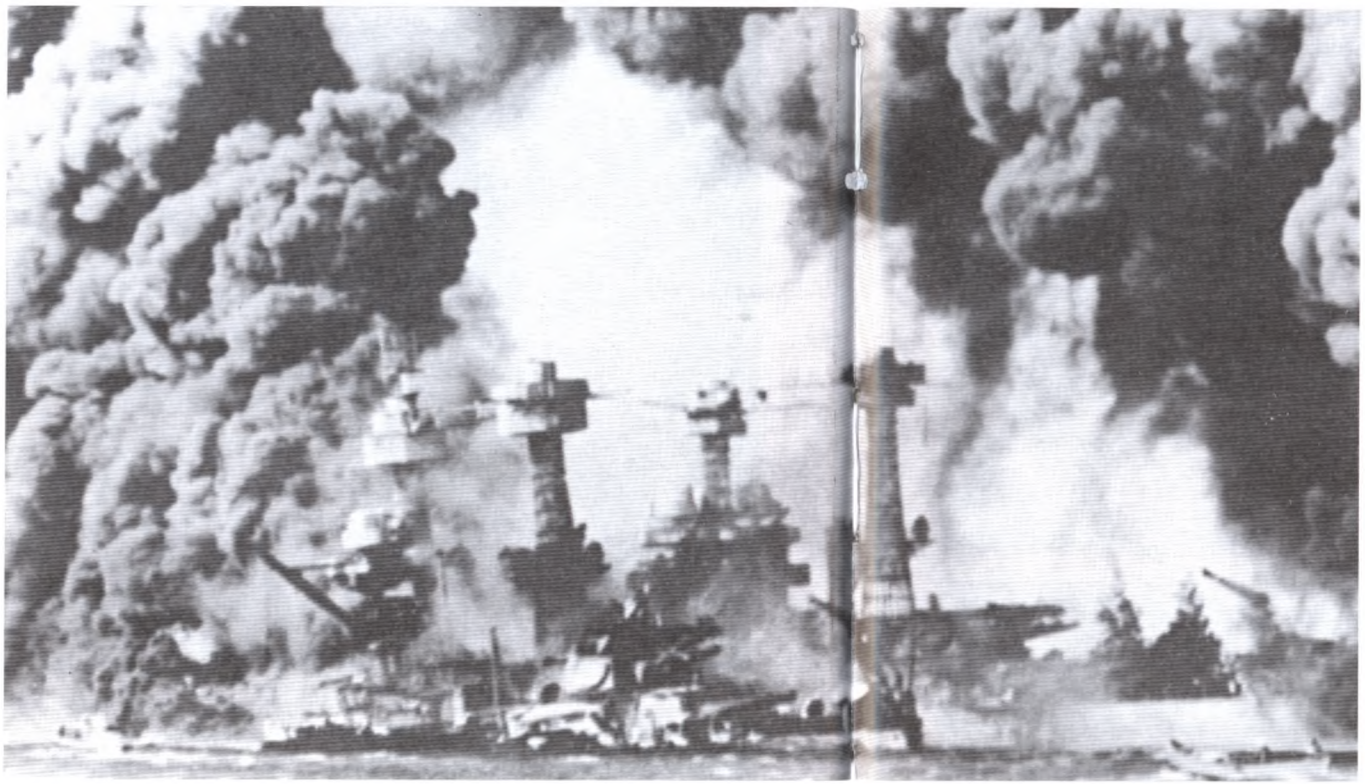
Пропагандистский плакат. Флаги держав Оси осеняют самурая

Министр иностранных дел Японии Мацуока беседует с фашистским министром торговли Вальтером Финком во время визита в Берлин в апреле 1941 г.

Адмирал Нагумо, командующий флотом, который напал на Перл-Харбор. Он потерпел поражение у атолла Мидуэй. Покончил с собой на острове Сайпан в 1944 г., когда расположенный там его штаб был захвачен американцами



Император Японии Хирохито с супругой. В силу его эдикта и началась война на Тихом океане



Перл-Харбор. 8 декабря. Горят американские линкоры

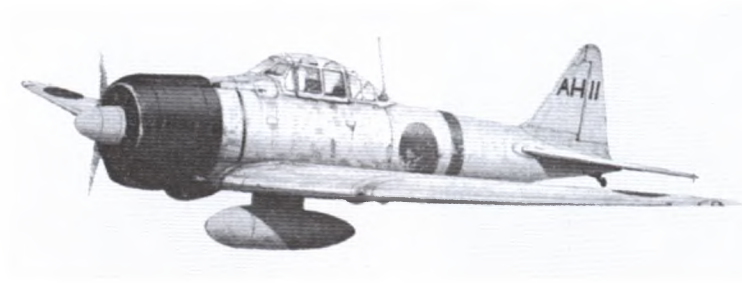
Большинство американских самолетов не успели взлететь с аэродромов

Генерал Масахару Хомма, командующий войсками на Филиппинах

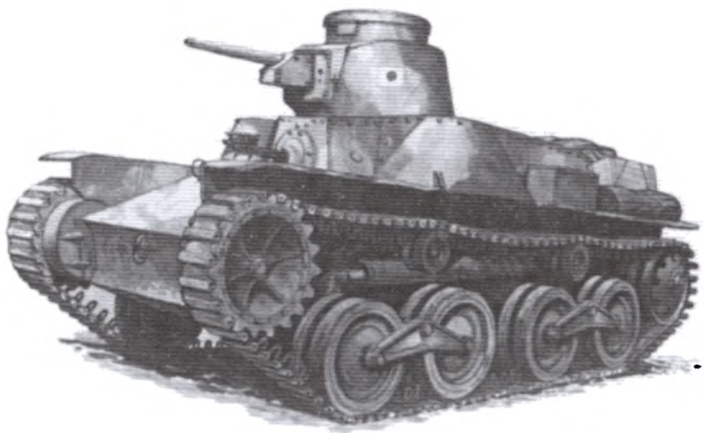
Командующий японским флотом адмирал Ямамото. Японский рисунок 1942 г. Вскоре американцам удастся выследить и сбить самолет, на котором летел адмирал

Торжества японцев при взятии Гонконга

Начало «марша смерти» на Батаане. 1942 год. Измученным, голодным пленным предстоят новые испытания, и многие из тех, кто попал в этот кадр, останутся лежать на обочинах филиппинских дорог или братских могилах концлагерей

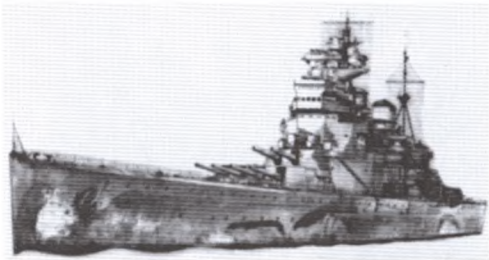


Основной и наиболее известный японский истребитель «зеро». Официальное название «A6M2». Скоростная маневренная машина, успешно действовала в первый период войны, достигала скорости 500 км в час



Японский танк-95. Легкая машина, которая блестяще показала себя в джунглях Малайи и в Бирме. Максимальная скорость — 45 км в час, радиус действия — 250 км, вес — 7,4 тонны. Во второй половине войны эти танки были фактически до единого уничтожены и сняты с вооружения ввиду того, что их слабую броню легко пробивали бронебойные снаряды

Линейный крейсер «Рипалз», водоизмещение — 35 тыс. тонн, скорость — 29 узлов, вооружение — шесть 15-дюймовых орудий главного калибра и семь 11-дюймовых орудий. Команда — 1309 человек. Ветеран Первой мировой войны, «Рипалз» был построен как скоростной корабль, ради чего была принесена в жертву броневая защита. Он был хорош в морской войне начала века, но беззащитен перед самолетами



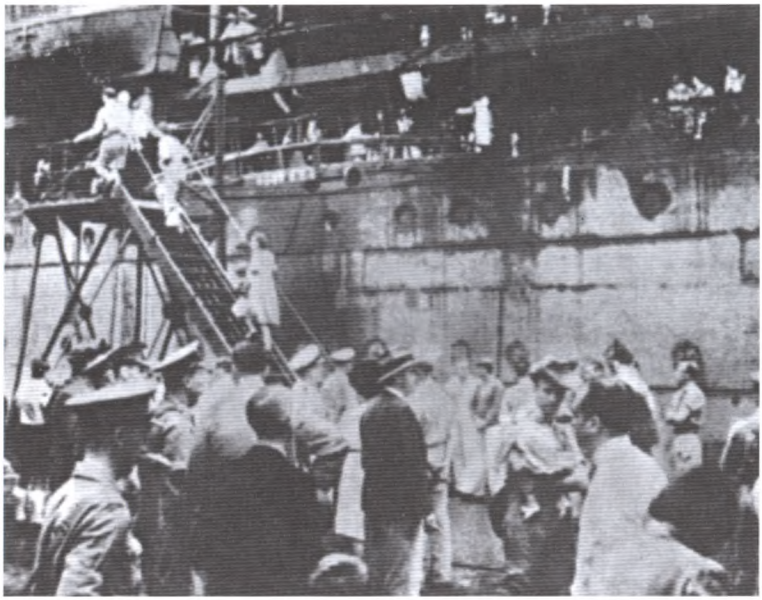
Линейный крейсер «Принц Уэльский», водоизмещение — 43 350 тонн, скорость — 28 узлов, вооружение — четырнадцать 15-дюймовых орудий главного калибра и 16 пятидюймовок. Команда — 1422 человека. «Принц Уэльский» самый современный линейный корабль британского флота, который уже прошел боевое крещение, выстояв атаку «Бисмарка», а затем и участвовал в потоплении германского линкора. Однако массированная атака с воздуха не входила в планы его конструкторов, и он стал легкой добычей японских торпедоносцев

Последние минуты «Принца Уэльского». Мало кому из этих моряков удалось спастись

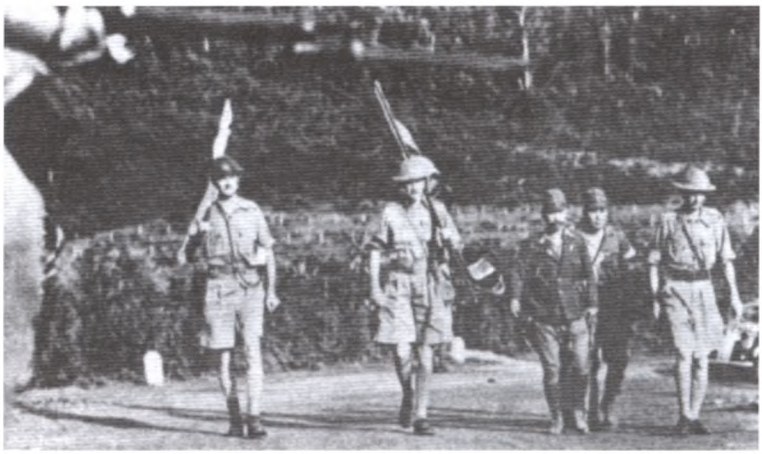
«Тигр Малайи» генерал Томоюки Ямасита. Несмотря на то что провел блестящую военную операцию против Малайи и Сингапура и разбил английскую армию вдвое меньшими по численности частями, был снят с должности и направлен в ссылку в Маньчжурию. В 1944 г. возвращен из ссылки и поставлен во главе обороны Филиппин, что было безнадежным предприятием. Верный слуга трона, он перед казнью воскликнул: «Да живет император вечно!»

Капитан Дж. Лич, командир «Принца Уэльского»

Капитан В. Теннет, который командовал «Рипалзом»



Начало эвакуации из Сингапура. В последующие дни посадка на транспорты, обреченные погибнуть в Малаакском проливе, будет далеко не такой мирной



Генерал Персиваль, сдавший в Сингапуре почти 100-тысячное войско вдвое меньшим силам генерала Ямаситы, собственноручно несет флаг, чтобы сдать его победителям. Джентльмен — и в унижении остается джентльменом

* * *

Филиппины лежали на пути японской агрессии. Они обладали немалыми собственными богатствами, но главное, были ключом к Индонезии и материковым странам Юго-Восточной Азии. Логика строительства империи требовала обеспечения тыла при наступлении в сторону Индии и Австралии, и, до тех пор пока Филиппины оставались в руках США, коммуникации японской армии находились под угрозой.

Нельзя сказать, что возможность нападения на Филиппины полностью игнорировалась военным командованием США. Меры по укреплению обороны архипелага проводились, туда были направлены «летающие крепости» дальневосточной авиации, строились береговые укрепления, увеличивалась армия, в том числе филиппинские части. Но все эти меры принимались с такой недооценкой японской армии, будто ее возможности остались на уровне начала века.

По своему политическому развитию Филиппины значительно отличались от других стран Юго-Восточной Азии. К концу XIX века, когда такие страны материковой Юго-Восточной Азии, как Бирма и Вьетнам, стали частью британской и французской колониальных империй, на Филиппинах уже существовало сильное национально-освободительное движение и колониальная эпоха готова была завершиться. Однако борьбе филиппинцев за независимость не дано было в тот период увенчаться успехом, и на смену испанским колонизаторам пришли американские, которые под предлогом помощи филиппинцам высадили на архипелаге свои войска. Независимая Филиппинская республика просуществовала недолго, однако память о ней не исчезла, и колониальной администрации США приходилось всерьез считаться с национальными силами.

Включение Филиппин в американскую экономическую систему привело к более быстрому, чем прежде, развитию страны, укреплению местной буржуазии, росту рабочего класса и проникновению на Филиппины новых идей. Полити-

ческая активность на Филиппинах была также куда более разнообразной и свободной, чем при испанцах. В то же время энергичный и могущественный американский капитализм подавлял местную экономическую активность, и оппозиция американскому господству исходила в значительной степени от филиппинской буржуазии, вынужденной отступать перед американским и китайским капиталом. Бурлящая деревня, всегда готовая к восстаниям, охватываемая порой мессианскими волнениями, была источником массовой поддержки национальных сил. Рост национального движения заставил американский конгресс принять в 1932 г. Закон о независимости Филиппин, предусматривавший предоставление независимости после десятилетнего переходного периода. В рамках этого закона Филиппины в 1935 г. получили автономию, и тогда же была принята конституция, действовавшая до 1973 г., что говорит о ее достаточно прогрессивном для своего времени характере. Выборы в парламент, прошедшие в сентябре 1935 г., дали победу Партии националистов во главе с Кесоном. Пылкий оратор и «сильная фигура», Кесон был известен всей стране как неутомимый пропагандист независимости. Он умело использовал как свою популярность, так и то, что его политические воззрения устраивали местную буржуазию и американцев. Кесон стал президентом страны, пост вице-президента занял Осменья.

Объявляя автономию Филиппин, американцы поступились рядом своих колониальных прав. Многие крупные административные должности были переданы филиппинцам, была создана национальная филиппинская армия. Впрочем, суверенитет США над архипелагом в течение переходного периода сохранялся, американские войска оставались на Филиппинах, и всеми вопросами обороны страны ведал американский генерал Макартур, получивший после увольнения из армии США чин фельдмаршала филиппинской армии.

Автономия была в первую очередь выгодна крупнейшим торговцам и торговым посредникам, связанным с политической элитой тесными родственными и деловыми узами. После прихода к власти Кесона крупные торговцы и помещики еще более разбогатели, а мелкие торговцы и промышленники все чаще разорялись. Они не выдерживали конкуренции дешевых американских беспошлинных товаров, их старались вытеснить китайские торговцы, большинство которых заняли нишу между филиппинской элитой и мелкой национальной буржуазией. В итоге мелкая буржуазия была разочарована плодами автономии. Не ощущали радости от автономии и крестьяне, особенно беднейшие, и сельскохозяйственные рабочие, среди которых было около миллиона безработных.

Искренний поборник независимости своей страны, Кесон в то же время видел себя в будущем главой государства с диктаторскими полномочиями, не ограниченными рамками введенной в период автономии политической системы западного типа. И хотя до независимости еще следовало сделать значительный шаг, власть, предоставленная филиппинской элите в 30-х годах во внутренней жизни страны, была настолько реальной, что авторитарные устремления Кесона получили черты официальной идеологии. Перед самой войной Кесон вознамерился даже ввести в стране однопартийную систему. Была создана Кесоновская ассоциация, целью которой было «распространять, поддерживать и пропагандировать уважение, любовь и восхищение президентом».

Через пять часов после налета на Перл-Харбор командующий дальневосточной авиацией США генерал-майор Льюис Бререton обратился к генералу Макартуру с просьбой отдать приказ об ударе по японским аэродромам на Тайване. «Летающие крепости» были готовы к вылету, у Бреретона были все основания полагать, что нападением на Перл-Харбор японцы не ограничатся и скоро наступит очередь Филиппин. С аэродромов Тайваня и мог быть нанесен бом-

бовый удар по филиппинским укреплениям и аэродромам. Макартур отказал в разрешении на вылет, он все еще надеялся, что Перл-Харбор был ошибкой.

Предчувствия Бреретона были оправданными. Именно в эти часы пилоты японских бомбардировщиков стояли у своих машин, с нетерпением ожидая, когда рассеется туман, — сотни самолетов, готовых к взлету, были бы идеальной мишенью для американских летчиков. Через два часа, в половине десятого по местному времени, Бреретон вновь обратился с той же просьбой к Макартуру. Американские бомбардировщики уже давно бесцельно кружили над Манилой, сжигая горючее, — Бреретон поднял всю авиацию в воздух, для того чтобы не повторилась трагедия Перл-Харбора. Наконец долгожданный приказ был получен, но, чтобы выполнить его, следовало дозаправить машины.

Пока продолжались переговоры, туман над Тайванем рассеялся, японская авиация поднялась в воздух и взяла курс на Манилу. Двести бомбардировщиков с сильным эскортом истребителей подлетали к Лусону. Самолеты были обнаружены еще в океане, и было послано предупреждение. Однако на авиабазе Кларк-Филд, где стояли все американские «летающие крепости», его не получили.

В 12 час. 30 мин., через 10 часов после Перл-Харбора, японские самолеты спокойно, как на учении, волнами пошли на Кларк-Филд. То, чего не сделали бомбардировщики, довершили японские истребители. Они на бреющем полете безнаказанно ходили кругами над аэродромом, поливая его пулеметным огнем. Когда истребители наконец исчезли в облаках, оказалось, что у Дальневосточного воздушного флота осталось лишь три «летающих крепости». Все японские бомбардировщики и почти все истребители вернулись на базы. Генерал Макартур проиграл свое первое сражение только потому, что не решился его начать.

Психологический урон, нанесенный Перл-Харбором, пытались компенсировать публикацией статей типа тех, что

ежедневно направлял с Филиппин некий Кларк Ли, корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс в Маниле. В них утверждалось, в частности, что «японская армия — масса плохо одетых, необученных мальчишек от 15 до 18 лет, вооруженных лишь стрелковым оружием такого малого калибра, что практически убить американца из своей винтовки японец не сможет... Мы потерпели урон от ее авиации — погодите, пока вступит в действие наша». Американское командование понимало лживость подобных сообщений, заполнивших американскую прессу, но ничего не делало, чтобы остановить этот поток дезинформации, и даже само способствовало ее распространению. Так, именно им была придумана «грандиозная победа» 12 декабря в бухте Лингаен на севере Лусона, когда американцам, как сообщалось в коммюнике штаба Макартура, удалось сорвать высадку десанта и уничтожить после отчаянных боев 154 японских судна. В момент, когда коммюнике уже отправляли в печать, к начальнику пресс-отдела армии подошел только что вернувшийся из бухты Лингаен американский журналист, который сказал, что никакого вторжения японцев вообще не было, а к берегу подходил лишь один японский катер, по которому открыли стрельбу все береговые батареи, после чего, зафиксировав их расположение, катер благополучно ушел в море. Начальник пресс-отдела выслушал журналиста и сказал коротко: «Битва была. Вот отчет о ней», — и показал готовое коммюнике.

Рейд катера дал возможность японскому штабу высадки убедиться, что бухта Лингаен отлично охраняется. Потому решено было высадить десант в 30 милях к северу от бухты, где береговых укреплений не существовало. Тем не менее «победа» в бухте Лингаен почти во всех трудах по истории Второй мировой войны и истории Филиппин считается датой реальной высадки японских войск на Филиппинах. На самом деле высадка произошла лишь в ночь на 22 декабря, когда 85 транспортов в сопровождении сильного эскорта без помех доставили десант к северу Лусона. Несмотря на то что

сообщение о движении конвоя было отправлено патрульной подводной лодкой Макартуру, тот был настолько убежден, что высадка состоится на охраняемом южном берегу бухты Лингаен, где японцы уже были «разгромлены», что никаких мер принимать не стал. В результате к утру авангард армии генерала Хоммы, включая горную артиллерию, беспрепятственно высадился на неохраняемом берегу. К середине дня на суше уже находилась вся пехота и половина танков армии, а к вечеру на филиппинской земле насчитывалось 43 110 японских солдат и офицеров. Если не считать утонувших при высадке и раненных в бою с филиппинским батальоном, прибывшим к берегу в середине дня и поспешно отступившим при виде японской армады, одна из самых крупных десантных операций первого периода Второй мировой войны прошла без потерь.

Макартур в Маниле в тревоге ждал вестей с севера. С явным опозданием он обратился в Вашингтон с просьбой прислать к Филиппинам авианосцы, так как своей авиации на островах почти не осталось. Главную дорогу к Маниле почему-то защищали необученные филиппинские части, которые при первом же столкновении с танками генерала Хоммы бежали, оставив артиллерию, а командующий американскими силами на Северном Лусоне заявил Макартуру, что со своими слабыми частями удержать Манилу он не сможет. После этого Макартур, хотя его основные силы еще не были введены в бой, поспешил объявить своему штабу, что принимает резервный план, который предусматривал в случае поражения концентрацию американских и филиппинских войск на длинном гористом полуострове Батаан к западу от Манилы с перенесением штаба на укрепленный остров Коррехидор, пронизанный туннелями и способный продержаться несколько недель даже без помощи извне. Приказ об отступлении был отдан немедленно, и начался отвод войск из района Манилы и с юга острова. Положение осложнилось тем, что почти одновременно с высадкой армии Хоммы

на юге Лусона также беспрепятственно высадились 10 тыс. японских солдат 16-й пехотной дивизии, которые, тесня редкие филиппинские заслоны, устремились к Маниле с юга.

Страх скорого разгрома охватил Манилу. Город был полон диких слухов, всех местных японцев согнали в концлагерь. В городе начались грабежи. В этот момент тяжело больной туберкулезом президент Филиппин Мануэль Кесон вызвал к себе известных политиков Хорхе Варгаса и Хосе Лауреля и предложил им остаться в столице и сотрудничать с японцами, в то время как сам Кесон и вице-президент Осменья переедут на Коррехидор вместе с Макартуром. Лаурель пытался возражать, он не хотел нести на себе клеймо коллаборациониста. «Кто-то должен защищать наш народ, когда сюда придут японцы», — ответил Кесон. Сегодня невозможно решить, были ли сказаны эти слова. Может быть, пересказывая этот разговор американскому историку Толанду после войны, Осменья хотел оправдать Лауреля. Ведь опасения Лауреля были оправданны — до сих пор существует мнение, что он добровольно сотрудничал с японскими оккупантами, рассчитывая «использовать победу Японии в интересах освобождения от гнета американского империализма».

Неожиданное решение Макартура отвести войска на Батаан, обрекая их на неминуемое поражение, если не поступит крупных подкреплений из США (а в ближайшие месяцы на это рассчитывать не приходилось), обнаружило, что резервный план существовал лишь на бумаге. «Сам полуостров производил впечатление бедлама. Тысячи перепуганных гражданских беженцев, спасавшихся от армии Хоммы, бросились к Батаану пешком, на повозках, в машинах; остатки разбитых частей не знали, куда деваться, потому что не было указателей и никто не руководил этим исходом. Траншеи и укрепления существовали только на бумаге. Деревенские жители должны были быть эвакуированы, но кто-то явно забыл отдать соответствующий приказ, и они стояли у своих хижин и в изумлении глядели на лавину грузовиков,

легковых машин и орудий, которые громыхали мимо, покрывая бамбуковые дома густым слоем пыли».

Требовалось по крайней мере две недели для того, чтобы распутать узел Батаана и организовать его оборону. Однако этих двух недель не было.

В первый день 1942 г. войска генерала Хоммы, ломая слабое сопротивление деморализованных американских и филиппинских заслонов, подходили с двух сторон к столице Филиппин. За несколько миль до нее Хомма приказал войскам остановиться и привести в порядок обмундирование и снаряжение — он хотел, чтобы армия вступила в город при полном параде. 2 января, на одиннадцатый день после высадки, передовые японские части вошли в Манилу. Американский флаг перед резиденцией верховного комиссара был спущен, вместо него заплескался на мачте флаг с красным солнцем.

Как сам генерал Хомма, так и его непосредственное начальство, не говоря уже о токийских стратегах, были глубоко убеждены (тут разведка допустила ошибку), что отступление на Батаан — это паническое бегство и с падением Манилы сопротивление на Филиппинах завершится. Поэтому маршал Тераути распорядился взять у Хоммы его лучшую 48-ю дивизию и передать ее десанту, который готовился к высадке на Яву. Успех на Филиппинах настолько превзошел все ожидания, что можно было на месяц сдвинуть вперед сроки вторжения в Индонезию.

Для штурма Батаана была выделена одна 65-я бригада второго эшелона, набранная из солдат, пригодных лишь для гарнизонной службы. Этой бригаде противостояли 15 тыс. американских и 65 тыс. филиппинских солдат. К тому же Батаан зарос джунглями, его пересекают крутые горы, и использовать на нем танки почти невозможно. Тем не менее на просьбу командира бригады генерал-майора Нары отсрочить наступление, чтобы подождать подкрепления, Хомма, полагавший, что важнее не дать противнику опомниться, ответил приказом немедленно начать штурм.

Принадлежа к сливкам японской аристократии, Масахару Хомма имел немалый опыт общения с европейцами, так как в Первую мировую войну был наблюдателем при союзниках на Западном фронте, затем принимал участие в китайской войне. Он являл собой тот тип японского военачальника, который полагал свое мнение и понимание судеб войны более значимым, чем точка зрения Генерального штаба, который не любил своих начальников в Токио и был нелюбим в центре. Раб собственной гордыни, он являл собой смесь жестокости и сентиментальности, но в отличие от своих коллег открыто выступал против войны с Западом, полагая, что это — гибель для Японии. В то же время даже американцы вынуждены были признать, что кампанию по захвату Филиппин он провел блестяще, нанося поражения американцам силами, явно уступающими силам противника. В том числе он отлично предугадал ошибки Макартура и воспользовался ими, Макартур не смог организовать противодействие высадке японцев и их смелым и быстрым маневрам, а предпочел после первых неудач затвориться в крепости, а потом и вовсе убежать с Филиппин. Но затянувшийся штурм Батаана был отмечен в ждущем скорых побед Токио как неудача. Затем туда же полетели доносы на Хомму, который спешил дать филиппинцам автономию под японским контролем. И уже в августе 1942 г. Хомма был снят и до конца войны оставался в опале как неудачливый либерал.

Разумеется, Хомма не был либералом и знакомство с европейцами лишь усиливало его презрение к ним. Очевидно, есть справедливость в том, что он был признан трибуналом в Токио одним из главных военных преступников и повешен. Так что он был отвергнут как своими, так и врагами. Хотя я допускаю, что если бы марш смерти на Батаане не стал широко известен именно потому, что жертвами его стали американцы — не только основные враги, но и основные победители японцев, наказание могло быть куда более мяг-

ким. Ведь другие жестокие генералы отделались тюремным заключением, а то и вообще не попали под суд.

Достоин рассмотрения и изучения феномен роста жестокости на войне в течение первой половины XX века. У меня хранится дома фотография, сделанная моей бабушкой, сестрой милосердия в Порт-Артуре, на которой пленных русских офицеров после падения крепости погружают на японский корабль. Улыбаются все присутствующие при этом печальном событии. Известно, что никаких жалоб на дурное обращение японцев с русскими в лагерях, где содержались десятки тысяч русских солдат и моряков, взятых в плен в 1904–1905 гг., не существовало. Больше того, старостам бараков для русских военнопленных — «батькам» — японцы при отправлении на родину выдавали серебряные медали. Никто не считал позорным их носить и даже существует в архиве официальная переписка, допустима ли эта японская медаль на колодку вместе с русскими медалями. Вопрос, правда, так и не был решен.

Европейские лагеря для пленных в Первую мировую войну не отличались комфортом, но там соблюдались правила гуманности и Красный Крест контролировал их по обе стороны фронта.

Если мы можем объяснить перемены в отношении к пленным в германских лагерях Второй мировой войны соображениями идеологическими — сама фашистская идеология отводила неарийцам и негерманцам места на расовой лестнице далеко внизу, а некоторые народы вообще не имели права на жизнь, то ведь в Японии никакой новой идеологии не возникало. Более того, появился новый стратегический лозунг — создание Великой Восточноазиатской сферы сопроцветания. Все азиаты — братья! Мы идем их освободить.

Лозунги оказались совершенно мертворожденными. Потому что если ими можно было бы оправдать повышенную жестокость к европейцам, то уж никак нельзя было оправдать зверств по отношению к китайцам или бирманцам. Ис-

следователь зверств, совершенных государствами Оси лорд Рассел, автор труда «Рыцари бусидо», в котором рассматриваются некоторые из преступлений японских военных, скорее фиксирует факты, нежели находит им общее убедительное объяснение. Ведь не один генерал и не один полковник виновны в издевательствах над пленными и мирным населением — это была общераспространенная практика и пик зверств и убийств приходится на период 1938–1943 гг. До этого преступления как бы раскручиваются по спирали, а на закате войны японские командиры пробуждаются от кровавого сна и задумываются: а как отнесутся к ним их враги в случае поражения Японии?

Рассел объясняет японские массовые преступления, в частности, определенным толкованием кодекса «бусидо» — то есть японского свода правил поведения воина. Никакой пощады побежденному врагу! Плен — позор хуже смерти. Побежденных врагов следует истребить, чтобы они не отомстили, и т.д.

Почему же тогда не было массовых казней и издевательств над русскими пленными в 1905 году?

Можно допустить, что в начале века Япония (и в том числе ее военная верхушка, пóзднее самурайство) тщилась стать европейской державой — как бы вступить в сообщество цивилизованных народов. Каждый командир помнил о том, что путь Японии — это путь в мировое сообщество, как бы его ни понимать. И даже захватывая немецкие колонии во Второй мировой войне, Япония совершала это «в хорошей компании» — ее допустили в цивилизованную войну.

Во Второй мировой войне и речи не шло о цивилизованном содружестве. Началась война с учителями, Япония уже превзошла их (по крайней мере в собственных глазах) и потому «цивилизованные» правила поведения лишь мешали завоеванию мира.

Худшие из традиций и обычаев были возрождены пропагандой и на практике. И когда они были опробованы в Китае, посмевшем сопротивляться покорителям Вселенной,

когда замечательно удалась резня в Нанкине, на которую окружающий мир смог ответить лишь неубедительными упреками, он вообще лишился уважения в глазах генералов.

Отбросив игру в «цивилизацию» (как это сделал и Гитлер, ибо фашистский мир «выше любой цивилизации»), японские военные вообще лишились ограничений в действиях и управляла ими отныне лишь целесообразность. Эта целесообразность диктовала тотальное запугивание врага, включая мирное население. И особенно приятно было запугивать тех, кто не может ответить. И если поднять в солдате душевную грязь, поощряя зверства, то результаты становятся устрашающими.

В отличие от гитлеровской германии в Японии общей стратегической доктрины устрашения не существовало. Но нормы поведения выковывались на практике, а практика была широчайшей.

Кстати, презрение и бесчеловечное отношение к пленным свойственно тем системам, которые полагают, что человек — это «винтик» (по выражению Сталина) и он должен скорее отдать жизнь, чем сдаться врагу. Ни в Германии, ни в Японии, ни в СССР не существовало и не могло существовать наград для своих военнопленных. Если Бельгия или Франция рассматривали плен как трагедию своего гражданина, который, попав в плен, продолжает быть человеком и единоплеменником, страдающим за свою страну, то для японского офицера плен был не меньшим позором, чем для красноармейца. И то, что в плен к немцам попадут многие сотни тысяч солдат и командиров, никак в том не виноватых, не спасало их от мести тех, кто был на самом деле виноват в их бедах.

К. Симонов на Халхин-Голе попал в комиссию обмена пленными. Он подробно поведал о жестоком отношении японцев к собственным пленным. Вместо того чтобы позаботиться о своих раненых и больных единоплеменниках, японцы подчеркивали презрение к ним и были демонстративно грубы. Но характерно, что когда речь заходит о совет-

ских пленных, Симонов только упоминает о том, как плохо с ними обращались в японском плену, и замолкает... словно их и быть не должно.

Во всех трудах о войне подчеркивается, что японцы не сдавались в плен и для них характерно массовое самоубийство, особенно когда дело касалось младших офицеров — носителей кодекса бусидо и склонных к самоубийству более, чем образованные офицеры.

Но данные о японском поведении на поле боя в основном исходят из американских источников. А американцы вели специфическую, островную войну. Каждый остров был полем боя и изолированным фронтом. И эти острова американцы брали с невероятными трудами и большой кровью. Их спасало лишь несравнимое преимущество в авиации и артиллерии — порой оборона японцев превращалась в месиво, прежде чем начинались высадка и штурм. Но в этих островных баталиях японский солдат был поставлен спиной к стене. Психологически он был готов к смерти, потому выхода у него не было. Недаром на подмандатных японских территориях совершали массовые самоубийства и женщины с детьми — они все были в капкане.

Но для равновесия во мнениях следует обратиться к событиям 1945 г. в Маньчжурии. Там не было островного тупика. Зато каждый солдат знал, что Япония уже проиграла войну. И порой вместо того, чтобы сражаться или отступать, целые полки и дивизии предпочитали сдаться русским, несмотря на ужас, который нагнетала японская пропаганда, которая обещала попавшим в плен к русским мучительную смерть. Тем не менее советским войскам сдались более 600 000 японских военнослужащих. Несколько сот тысяч сдались китайской армии, а вот погибших и самоубийц было немного.

Сам Хомма на Токийском процессе и его защитники утверждали, что он ничего не знал о марше смерти Батаана. Это чистой воды ложь, так как командующий армией не может не знать, что плененный им противник числом более

70 тысяч человек построен в колонны и его гонят несколько дней к концлагерям.

Вернее всего, Хомма просто не придавал значения мучениям американцев, потому что они не стоили его сочувствия. Свидетельские показания говорят, что ему о событиях на марше докладывали. Еще марш не кончился, как о нем услышал и сам премьер Тодзио. Он признал на трибунале, что ему доложили о множестве погибших американцев. Больше того, именно тогда в Токио поступил официальный протест американского правительства по этому поводу. В апреле 1942 г. этот вопрос обсуждался в Военном министерстве, однако, по словам Тодзио, ни к какому решению там не пришли.

Больше того, Тодзио обсуждал этот марш с начальником штаба филиппинской армии в мае 1943 г. во время своего визита на Филиппины и выслушал его доклад, но на этом эпизод был закрыт. И на вопрос обвинителя в Токио, почему же ничего не было сделано, хотя бы для того, чтобы облегчить участь десятков тысяч американцев, медленно умиравших в лагерях, Тодзио спокойно ответил: «Соответственно японским обычаям, командующий экспедиционной армией имеет полную свободу действий в тех вопросах, которые не являются прерогативой Ставки в Токио».

Неудивительно, что события в Нанкине, на Батаане и при строительстве Таиландско-Бирманской железной дороги, а также в десятках других мест, о которых не столь широко известно, многократно повторялись.

Усиленная артиллерией и танками 65-я бригада начала наступление 10 января. Хомма полагал, что ей удастся прорвать оборону американцев с ходу. Однако в дело вступила американская артиллерия. Японцы наступали на позиции филиппинской дивизии по полю сахарного тростника и постепенно перед позициями филиппинцев вырос вал из японских трупов. Когда бригада откатилась назад, от нее осталось менее половины солдат. Поражение было первой неудачей японцев в этой войне, и генерал Хомма

потерял лицо. Неудачный штурм его бригады в будущем припомнят.

Однако не следует забывать, что в распоряжении Хоммы в первый день штурма было меньше 10 000 солдат, тогда как его противник по самым скромным подсчетам насчитывал более 50 000 человек. К тому же применять танки в горах и джунглях было трудно, авиация и артиллерия также использовались неэффективно, не видя целей.

Командовал обороной Филиппин генерал Макартур, которому как раз исполнилось 55 лет — немало для боевого поста. Его политическая известность, принадлежность к сливкам американского общества придавали ему спеси в поведении, что было небезопасно для его подчиненных. Если искать аналогии, Макартур был сродни нашим героям Гражданской войны, которые, подобно Ворошилову и Буденному, готовы были повести в бой конные армии, но не совсем понимали, что делать с авианосцами.

Однако Макартур имел манеры «великого человека» и умел к тому же изъясняться афоризмами и отправлять исторические телеграммы. Так что для американца он остался победителем японцев, хотя его участие в войне не столь велико, как принято считать.

Обороной полуострова Батаан командовал генерал-лейтенант Джонатан Уэйнрайт по прозвищу Скинни (худышка, кожа да кости). В начале 1941 г. он прибыл на Филиппины и принял командование американскими и филиппинскими войсками на островах, но в июле, в преддверии войны с Японией, его сочли недостаточно крупной фигурой и общее командование перешло к назначенному в июле Макартуру. В отличие от спесивого Макартура Уэйнрайт был популярен в армии, и когда в начале войны он получил приказ оборонять Батаан, то перенес свой штаб на полуостров и все долгие и жуткие недели батаанской эпопеи находился на переднем крае.

Все те дни Макартур находился на Коррехидоре и осуществлял командование из-под земли.

После неудачного штурма Хомма подтянул на Батаан 2-й пехотный полк и перенес свой штаб на полуостров.

Бои шли до 22 января, после чего японцам удалось зайти одним батальоном по неприступным горам во фланг филиппинской дивизии, и, опасаясь окружения, Уэйнрайт приказал отступить. Но последующие действия японцев не дали результата, и к 30 января они не только застряли окончательно, но часть 65-й бригады попала в окружение.

9 февраля Хомма решил прекратить наступление, потому что его сил для преодоления фронта недоставало. В его докладе, отправленном в Ставку и вызвавшем там негодование, в частности говорилось: «Наши усилия овладеть первой линией обороны противника привели лишь к незначительному успеху... Мы, вопреки ожиданиям, понесли значительные потери. Дальнейшее продолжение наступления бесперспективно и приведет лишь к еще большим потерям и к ухудшению общей обстановки на филиппинском направлении...»

Неудача на Батаане вызвала тревогу в Ставке. Так быть не должно. Следует как можно скорее овладеть Филиппинами, без чего дальнейшее продвижение к югу становится опасным и проблематичным.

Срочно к Филиппинам двинулись транспорты с войсками из Японии и Китая. К началу апреля силы Хоммы на Батаане были усилены 4-й дивизией, тремя отдельными пехотными полками, полком горной артиллерии, полком 240-мм гаубиц и двумя эскадрильями бомбардировщиков.

Для защитников Батаана ничего сделано не было. Штаб Макартура находился в странном состоянии, словно пассивной обороной можно чего-то добиться. Ждали подкреплений из США, которые не прибывали.

Довольно выразительную картину состояния американских войск на Батаане рисует официальный британский труд «Образы войны (Действительная история Второй мировой войны)»: «На Батаане война превратилась в бесконечную из-

матывающую осаду в джунглях. Для молодых американских солдат, выросших в чистом, гигиеническом мире, самым страшным стала зловонная грязь. Они существовали в окопах, покрытые потом, вшами и грязью. Окопы были окружены кучами дерьма, потому что все страдали от дизентерии и были так слабы, что не могли отползти от окопа, к тому же это могло обернуться смертью от снайперской пули. Не было ни лекарств, ни нормальной горячей пищи. Все голодали, паек измерялся тысячью калорий... разумеется, низко упала мораль и дисциплина, особенно после того, как сбежал Макартур».

Английский историк не упоминает при том, что в голоде не все были равны. Филиппинцев, которые составляли большинство защитников Батаана, почти совсем перестали кормить. Нельзя забывать, что в американской армии в те годы расистские взгляды были обычны и официальны. В том числе «цветным» не только нельзя было служить в одной части с белыми, но и столовые у них были раздельные. Разумеется, такое разделение не способствовало укреплению боевого духа. Так что превосходство американцев в численности измученных солдат еще не означало военного превосходства.

Положение наступающих было также незавидным. 65-я бригада уже потеряла значительную часть своего состава; кроме того, в армии Хоммы было более 10 тыс. больных малярией и дизентерией. Фактически наступление вели всего три батальона, и Хомма более всего опасался, что американцы узнают, как слабы японские части. В его штабе полагали, что, если прибегнуть к блокаде Батаана, американцы вскоре будут вынуждены сдаться, так как продовольствия и боеприпасов у них осталось немного. Однако в Токио ждали побед, и сам Тодзио прислал Хомме телеграмму, в которой корил его за медлительность.

13 января президент Кесон направил Рузвельту послание, в котором обвинял американское правительство в том, что оно не сдержало обещания защитить Филиппины. В

письме Макартура, которое было приложено к посланию, говорилось: «Неужели в Вашингтоне уже решили, что филиппинский фронт не представляет важности в свете судеб войны, и неужели мы не можем рассчитывать на помощь извне до того, как будут истощены наши возможности обороняться?» Услышав через некоторое время по радио речь Рузвельта, в которой американский президент сообщал, сколько самолетов, орудий и иной техники отправляется из США в Европу, Кесон был взбешен. «Тридцать лет я трудился для моего народа. Теперь мои филиппинцы сражаются и умирают за флаг, который не делает ничего, чтобы их защитить, — заявил он генералу Макартуру. — Я полагаю, что мое дальнейшее пребывание на Коррехидоре теряет всякий смысл. Мне лучше вернуться в Манилу и сдаться в плен». Тогда же Кесона посетил лейтенант Акино, сын спикера Национальной ассамблеи, который рассказал, что филиппинские солдаты возмущены дискриминацией и требуют, чтобы их кормили так же, как и американцев. Кесон сейчас же потребовал, чтобы Макартур направил в Вашингтон его новое послание, в котором он обращался к Рузвельту с просьбой немедленно предоставить Филиппинам независимость, с тем чтобы они объявили себя нейтральной страной и потребовали вывода как японских, так и американских войск. Макартур, который, как отмечалось, также считал, что его оставили на произвол судьбы, охотно сделал это. Рузвельт, как и следовало ожидать, отклонил просьбу Кесона.

В феврале на Батаане наступило затишье. Генерал Хомма готовил свои войска к решающим боям. Медицинское обслуживание в японской армии улучшилось, болеть стали меньше. В то же время американцы и филиппинцы жестоко страдали от недоедания и от болезней. Только за первую неделю марта на Батаане в госпитали поступило 500 больных тропической дизентерией.

Генерал Макартур предпочитал не покидать безопасный туннель в Коррехидоре, лишь раз за четыре месяца он по-

явился в штабе Уэйнрайта на Батаане и, побыв несколько минут, испарился. Зато все свои депеши в Вашингтон он подписывал: «Из блиндажа на Батаане».

Он отлично понимал, что Филиппины не получат подкреплений. Американская стратегия исключала их из списка приоритетов. Но для защитников Батаана Макартур выступал по радио с такими текстами: «Скоро придет помощь из Соединенных Штатов. Тысячи солдат и офицеров, сотни самолетов уже отправлены к нам... необходимо держаться, пока не придет помощь...»

Никаких попыток изменить ситуацию и перехватить инициативу у японцев Макартур не предпринимал. Зато внимательно изучал разведсводки и понимал, что скоро японцы вновь перейдут в наступление. Недаром на Филиппинах высаживались все новые японские части.

Более всего Макартур боялся попасть японцам в плен. Поэтому когда, по его мнению, до начала японского наступления времени не осталось, он принял неожиданное для всех, включая Вашингтон, решение. Он забрал семью, которая была с ним на Коррехидоре, ближайших своих помощников, и глубокой ночью 10 марта на торпедном катере умчался из крепости. На острове Минданао он пересел в бомбардировщик Б-17 и оказался в Австралии, откуда сообщил всему цивилизованному человечеству: «Президент Соединенных Штатов приказал мне прорваться сквозь японские линии обороны и проследовать из Коррехидора в Австралию с целью, как я понимаю, организации американского наступления против Японии. Первейшей его задачей будет освобождение Филиппин. Я прорвался и я вернусь!»

Бегство из крепости было обставлено как редкий по силе подвиг.

Вскоре с Филиппин американской разведкой были вывезены Кесон и Осменья, позднее организовавшие в США правительство Филиппин в изгнании.

Макартур был убежден, что в числе прочих обязанностей он сохранит общее командование над филиппинским фронтом. Но в Вашингтоне были недовольны ролью Макартура в последние месяцы и были убеждены, что Филиппины пали в значительной степени из-за ошибок Макартура. Однако из соображений пропагандистских, полагая, что критика Макартура во время войны вредна, его не стали даже открыто критиковать, но командование на Филиппинах от него отобрали, как бы демонстрируя этим недовольство президента. Макартуру пришлось проглотить эту пилюлю, тем более что командование было передано генералу Уэйнрайту, который оставался на Батаане и не помышлял о бегстве.

Уэйнрайт оставался со своими солдатами до конца, разделив с ними все тяготы последних боев, попал в японский лагерь для военнопленных, и когда в конце войны американцы приближались к Филиппинам, его вывезли в Маньчжурию. Он провел в лагере три с половиной года и его освободили только советские войска в августе 1945 г., многократно битого и измученного, опирающегося на палку, больного и искалеченного, но отказавшегося сотрудничать с японцами. К тому же он был на всю жизнь травмирован убеждением, что повинен перед американским народом в падении Коррехидора, даже когда в сентябре 1945 г. был назначен Главнокомандующим Вооруженными силами США на Востоке и награжден медалью Конгресса, высшей и редчайшей наградой Америки.

Уэйнрайт с Батаана продолжал бомбардировать Вашингтон просьбами и требованиями подкреплений. Он был убежден, что положение может спасти авиация или хотя бы свежая дивизия. В марте он телеграфировал, что если подкрепления не подойдут, изможденный, больной, без боеприпасов гарнизон Батаана будет вынужден сдаться.

Уэйнрайту сочувствовали, от него требовали стойкости и мужества, а Макартур из Австралии выражал недовольство позицией Уэйнрайта и телеграфировал в Вашингтон:

«Возможно, с моим отъездом требования к дисциплине и стойкости были ослаблены». Именно так и никак иначе!

После отъезда Макартура генерал Уэйнрайт перенес свой штаб в Коррехидор, а командование частями на Батаане передал генералу Кингу.

В 22 часа 2 апреля мощной артиллерийской подготовкой начался решительный штурм Батаана. Множество японских самолетов на бреющем полете засыпали джунгли зажигательными бомбами и бочками с бензином. Вспыхнул сильный пожар, заставивший американцев и филиппинцев оставить позиции. Тем временем японские части начали карабкаться на незащищенную семисотметровую гору Самат, которую американцы считали неприступной, и к утру господствующая над полуостровом высота была в их руках. После нескольких часов битвы линия обороны была прорвана, американцы и филиппинцы начали отступать к югу. Попытки Уэйнрайта заставить еще державшиеся на флангах части перейти в наступление ничего не дали — их командиры отказались идти в бой, полагая, что сопротивление бесполезно. Но Уэйнрайт продолжал настаивать на контрнаступлении: он понимал, что Макартур будет впоследствии обвинять его в нерешительности и некомпетентности.

Генерал Кинг сделал все от него зависящее и даже больше. Он собрал легкораненых, штабных писарей, поваров — всех, кто мог еще держать в руках оружие, и сам повел их в контратаку.

Ему удалось несколько задержать японцев, по крайней мере настолько, что медсестер и часть раненых успели посадить в лодки и перевезти в Коррехидор.

К 7 апреля армия на полуострове уже перестала существовать — остались лишь толпы дезорганизованных, еле живых людей. Генерал Кинг собрал в штабе офицеров, которые смогли туда пробраться. Он формально сообщил, что есть приказ Макартура защищать Батаан до последнего солдата, о котором все присутствующие отлично знали, и доба-

вил, что сопротивление приведет лишь к лишним жертвам. Он, генерал Кинг, знает, что будет отдан под суд, если вернется живым в США, потому что его сделают козлом отпущения — генерал Уэйнрайт ответственности брать не хочет. «Поэтому, — закончил свою речь Кинг, — я берусь объявить о капитуляции, но сообщать об этом Уэйнрайту не буду, чтобы не перекладывать на него ответственность». Кинг приказал взорвать склады, уничтожить орудия и пулеметы, чтобы они не попали к японцам, а затем велел поднять белые флаги. Узнав об этом, Уэйнрайт бросился к рации: «В 6 час. утра генерал Кинг, не поставив меня в известность, сдался японскому командующему. Как только я узнал об этом позорном шаге, я приказал отменить капитуляцию. Но меня информировали, что ничего изменить уже нельзя».

Когда Кинг прибыл в расположение штаба генерала Хоммы, тот поначалу заявил, что будет вести переговоры только с Уэйнрайтом. Кинг ответил, что у него нет связи с командующим. Тогда Хомма потребовал безоговорочной капитуляции. Кинг согласился при условии, что к пленным будут применены законы войны и гуманности. «Мы не варвары», — ответил Хомма.

На Батаане сдалось 78 тыс. американцев и филиппинцев. Японские солдаты согнали пленных в группы и начали грабить их — срывать золотые кольца, одежду, сапоги...

По одобренному генералом Хоммой плану эвакуации пленных с Батаана в первый день их должны были перегнать на расстояние 35 км и не давать им никакой еды, так как у них должна была еще оставаться своя. На следующий день планировалось доставить их на грузовиках на железнодорожную станцию, на третий день — товарным поездом — до концлагерей. Этот план, однако, существовал только на бумаге, так как его единственной целью было оставить документальное подтверждение гуманности генерала Хоммы. План предусматривал, что пленных будет около 25 тыс. —

японцы даже не могли представить, что сдавшаяся им армия настолько превосходит их собственную. Когда же оказалось, что пленных в три раза больше, чем победителей, их просто погнали по дороге под палящим солнцем к северу, разделив на колонны по 300—500 человек. Никакого различия между здоровыми, больными и ранеными сделано не было. Из полевых госпиталей выгоняли всех, кто мог идти. Остальных закалывали штыками.

35-километровый переход «первого дня» растянулся на трое суток. С каждым часом конвоиры раздражались все больше и искали любой предлог, чтобы наброситься на пленных. Пищу дали только на третий день — по горсти риса, и то при условии, что пленные отдадут конвоирам все ценности, которые смогли припрятать. Затем поредевшие колонны медленно двинулись дальше.

«Марш смерти», как его назвали впоследствии, длился 10 дней. По самым скромным подсчетам, за эти дни было убито, умерло от ран, болезней и истощения более 8 тыс. военнопленных. Когда через год японский офицер связи проехал по дороге через Батаан, он обнаружил, что обе ее стороны буквально завалены скелетами людей, которых никто так и не похоронил. Офицер был настолько потрясен, что сообщил об этом генералу Хомме, который выразил удивление, что ему не доложили об этом. Это была ложь. Даже в манильских газетах, контролировавшихся японской цензурой, появились сообщения о «марше смерти» — слишком много людей об этом знали. Знали о преступлениях японских солдат и офицеров и в Токио — ведь вскоре после событий на Батаане американское правительство направило Японии протест по этому поводу, который, как признал позднее Тодзио, обсуждался на заседании Совета министров. Но ни к какому решению министры не пришли, вопрос был оставлен открытым.

После захвата Батаана японцы приступили к осаде о-ва Коррехидор. Тяжелые орудия, подвезенные на южную око-

нечность Батаана, начали обстрел крепости. Решающие события развернулись 29 апреля, в день рождения императора Японии. Три дня непрерывно продолжались авиационная бомбардировка и обстрел из тяжелых орудий. Прямыми попаданиями были взорваны два склада боеприпасов. Вышли из строя многие орудия защитников крепости. 3 мая Уэйнрайт радировал Макартуру: «Ситуация становится безнадежной». Не получив ответа, он на следующий день сообщил Маршаллу, что не надеется на то, что при штурме защитники крепости смогут выстоять — их боевой дух низок. Как видно из последующих событий, самым низким был боевой дух у самого командующего.

4 мая генерал Хомма пошел на рискованный шаг — он погрузил на лодки и понтоны 2 тыс. солдат и несколько танков и приказал им взять Коррехидор штурмом. На каждого наступавшего приходилось по семь защитников укрепленного острова, т. е. превосходство американцев, даже учитывая их усталость, было подавляющим. Высадка прошла с большими потерями — американские береговые батареи утопили чуть ли не половину лодок, и в общей сложности на берегу оказалось лишь 600 японских солдат, которые бросились к входам в казематы. Ворваться туда им не удалось, и они отступили на берег, где держались на маленьком плацдарме. Всем, и в первую очередь японскому командующему, было ясно, что операция провалилась. Но в этот момент прибыли понтоны с танками и несколько машин выползло на берег. Уэйнрайт словно ждал этого — узнав, что на острове вражеские танки, он тут же приказал объявить по радио, что гарнизон сдается. Текст капитуляции был заготовлен им заранее.

Выбравшись на поверхность, Уэйнрайт сел в машину и подъехал к кучке японцев на берегу. Японский полковник, командовавший десантом, приказал ему ехать на Батаан к генералу Хомме. Тот в это время обдумывал план дальнейших действий. И вдруг он увидел, что от Коррехидора идет катер. Из катера, опираясь на трость, вышел американский команду-

ющий. Воспрянувший духом Хомма потребовал безоговорочной капитуляции не только защитников Коррехидора, но и американских войск на Минданао и других южных островах, куда японцы еще не показывались. Все попытки Уэйнрайта убедить японцев в том, что он не имеет власти за пределами Коррехидора, Хомму не убедили. Видя, что американский генерал сломлен, Хомма накричал на него и велел отправить его обратно на Коррехидор, чтобы тот провел еще одну ночь в туннелях.

Когда Уэйнрайт вернулся на остров, он увидел, что за день, проведенный им в японском штабе, противник высадил на Коррехидоре свежие войска. В гарнизоне крепости никто не хотел воевать. На рассвете, чтобы не тратить времени даром, японцы забрали невыспавшегося Уэйнрайта с острова и отвезли его по разбитым боями дорогам в Манилу, на радиостанцию, чтобы он обратился по радио с требованием сдаться к американским войскам на Минданао. Генерал послушно проделал и эту операцию. Уже наступила ночь 7 мая.

Речь Уэйнрайта повергла в изумление Вашингтон. Многие решили, что он просто сошел с ума. Макартур радировал на Минданао, чтобы американцы продолжали сражаться. В Вашингтоне была получена очередная радиограмма от Макартура: «Я убежден, что Уэйнрайт... потерял душевное равновесие... его состояние вызывает подозрение, не является ли он игрушкой в руках противника». Однако ничего сделать уже было нельзя. Правда, призыву Уэйнрайта последовала лишь незначительная часть находившихся на Минданао войск (главным образом американцы), а остальные ушли с оружием в горы, но в целом американская оборона Филиппин закончилась с падением Коррехидора.

В Вашингтоне предпочли представить оборону Коррехидора героической страницей в истории войны. Сидевшего в японском плену Уэйнрайта было решено наградить медалью Конгресса — высшей наградой США. Правда, из-за противодействия Макартура сделать это удалось не сразу. Уэйн-

райт получил в конце концов медаль, но уже после войны, когда история ее первых дней покрылась дымкой прошлого.

Еще в полном разгаре были бои на Батаане, а в Маниле генерал Хомма уже искал политиков, на которых японцы могли бы опереться. Долго искать не пришлось: политики из Партии националистов и других правых организаций наперебой предлагали свои услуги. Мэром Манилы был утвержден Хорхе Варгас, а уже 23 января 1942 г. он стал главой системы гражданского управления, которая состояла из Консультативного государственного совета и Исполнительной комиссии. В состав этих органов вошли в основном крупные деятели национал-реформизма, представители филиппинской элиты. Но в числе членов комиссии оказались также и известные националисты, сторонники независимости Филиппин — Кларо Ректо и Хосе Лаурель.

Японцы сохранили в основном старый административный аппарат, полицию, заявили о гарантии прав и собственности церкви. Правда, разговоры о немедленной независимости стихли, как только Филиппины были окончательно завоеваны, но политические партии еще некоторое время функционировали (разумеется, кроме тех, которые заявили о неприятии японской оккупации и безжалостно преследовались), и создавалась видимость того, что японцы и в самом деле пришли сюда освободителями. Но эта идиллия продолжалась недолго.

Через несколько недель после захвата Манилы там уже появились в немалом числе представители японских фирм и ведомств, единственной целью которых было получить от страны все, что только можно было. Начали расти цены, стала ощущаться нехватка продуктов, так как внешние рынки были закрыты, а Япония не могла и не намеревалась заменить собой США и предпочитала вывозить филиппинские продукты, ничего не давая взамен. Ограбление крестьян шло так интенсивно, что заинтересованность трудиться пропала. Таким образом, происходило то же самое, что раньше

или позже произошло во всех оккупированных Японией азиатских странах. Притом в стране развернулся полицейский и военный террор, и достаточно было любого доноса о принадлежности к коммунистической или социалистической партии, о симпатии к американцам, об обладании радиоприемником, как виновного хватала военная полиция «кэмпейтай», а из японских тюрем мало кто выходил живым. Правда, крупные филиппинские промышленники, представители самых богатых кланов, бывшие американофилы, получившие образование в Соединенных Штатах и бывавшие в доме Макартура, потеряли меньше других. Японцы в обмен на верность охраняли их интересы, а громадный черный рынок и сотрудничество с японскими монополиями позволяли им сводить концы с концами.

Говоря о начальном периоде оккупации, следует отметить, что в японском командовании не было единого мнения о том, как должна вести себя японская армия на Филиппинах. Предвоенные посулы независимости подверглись серьезному испытанию, когда во время военной кампании японцы убедились, что большинство филиппинцев не видит в них своих освободителей. Это способствовало росту настроений, проводниками которых были экстремистски настроенные офицеры. Они проповедовали идеи прямого управления завоеванными землями. За спинами экстремистов зачастую стояли «молодые» японские монополии, да к тому же на все это накладывалась обычная в японской армии борьба генералов.

Примером такой борьбы в первые же месяцы оккупации могут служить два инцидента с видными филиппинскими политическими деятелями.

Через два дня после сдачи Уэйнрайта в штаб Хоммы прибыл генерал-майор Кавагучи (командир дивизии на Минданао) и потребовал объяснить, почему был отдан приказ о расстреле Верховного судьи Филиппин Хосе Абада Сантоса и его сына, захваченных на о-ве Негрос. Кавагучи, представлявший ту фракцию японского генералитета, которая

полагала полезным создание прояпонских органов власти из авторитетных националистов, намеревался включить Абада Сантоса в состав марионеточного правительства. Однако из штаба Хоммы пришел ответ: «Вина арестованного очевидна. Немедленно ликвидируйте его». Когда Кавагучи отказался это сделать, он получил из штаба новое предписание: «Немедленно доставьте арестованного к гарнизонному командиру в Давао (Минданао) для расстрела». Генерал Кавагучи был вынужден расстрелять Абада Сантоса, но при первом же появлении в Маниле обратился с жалобой к Хомме, чьим именем были подписаны приказы. Тот заявил, что таких приказов не отдавал. Оказалось, что инициатива исходила от императорской ставки, а проводником этой политики на Филиппинах был генерал-майор Хаяаси, военный администратор 14-й армии.

Через несколько дней участь Абада Сантоса едва не разделил известный националистический деятель Мануэль Рохас, представлявший интересы правого крыла предпринимателей. Он называл себя сторонником корпоративной системы Муссолини, призывал к тому, чтобы покупать только филиппинские товары, разжигал травлю мусульман и провоцировал китайские погромы. Его партия «Новый Катипунан» в середине 30-х годов насчитывала около 100 тыс. членов, но постепенно растеряла сторонников, что не помешало Рохасу остаться на ведущих ролях в политике. Когда местный командующий генерал Икута сообщил о задержании Рохаса начальству, он получил ответ за подписью генерала Хаяаси, приказывавший расстрелять Рохаса «секретно и немедленно». Отказавшись выполнить приказ, Икута обратился к Хомме. Тот был крайне удивлен происшедшим, так как связывал с Рохасом большие надежды. Сначала генерал Хаяаси и его штабные офицеры отрицали, что посылали подобный приказ, но когда приказ был им предъявлен, начали обвинять Икуту в предательстве интересов Японии. Хомма послал жалобу императору, жизнь Рохаса была спасена (впоследствии он стал первым пре-

зидентом Республики Филиппины), однако сам Хомма, ставший на пути влиятельных экстремистов, по настоянию Тераути был снят с должности, отозван в Японию и отчислен из армии. (После войны Хомма был судим американским трибуналом и расстрелян как военный преступник, виновник «марша смерти» на Батаане.)

Несмотря на инциденты, подобные перечисленным выше, в целом отношения японской администрации с представителями правых партий, как и с помещичьей верхушкой, были сносными и не они стали во главе Сопротивления, организованного левыми партиями.

В разгар подготовки к сопротивлению на компартию обрушился тяжелый удар: «кэмпейтай» с помощью доносчиков удалось захватить в момент заседания председателя КПФ Крисанто Эванхелисту, его заместителя, основателя Социалистической партии Педро Абада Сантоса (брата расстрелянного Верховного судьи) и двух других руководителей компартии. Эванхелиста был вскоре зверски умерщвлен в тюрьме, а тяжело больной Абад Сантос оставлен в тюремном госпитале.

Однако движение развивалось стремительно. Уже в феврале состоялась конференция ряда организаций и представителей Независимой церкви, которая провозгласила создание Национального единого антияпонского фронта. Еще через месяц Национальный фронт объединил все созданные к тому времени отряды в Народную антияпонскую армию (по-тагальски «Хукбонг байян лабан са Хапон», сокращенно Хукбалахап). В нее были включены местные крестьянские отряды самообороны, которые создавались в деревнях, а также группы филиппинских солдат, спасшихся от плена во время быстротечной кампании на Лусоне.

Проблемой номер один была нехватка оружия. К концу февраля все отряды, вместе взятые, имели 82 винтовки, 14 револьверов и несколько охотничьих ружей. Оружие можно было раздобыть у помещиков, для чего были отправлены реквизиционные группы. Гораздо больше добычи давали

опасные экспедиции в места боев, особенно на п-ов Батаан, где в джунглях и горах было брошено немало американского оружия. К лету 1942 г. у партизан было уже 7 тыс. винтовок и пистолетов.

С мая, когда штаб Хукбалахап обосновался в горном районе Пампанги на Центральном Лусоне, отряды «хуков» начали активные операции. В отличие от индонезийских и бирманских подпольных групп, которые готовились к борьбе исподволь, филиппинские партизаны сразу перешли к партизанской войне, хотя Центральный Лусон, наиболее населенная сельскохозяйственная область страны, был далеко не идеальным местом для ведения такой войны. Но именно там «хуки» черпали поддержку у крестьянства, могли достать продовольствие и укрыться. За осень «хуки» смогли отразить несколько карательных экспедиций японцев, и к концу года на Центральном Лусоне уже появились первые освобожденные районы, где стали возникать комитеты самообороны.

Немалую роль в организации сопротивления на Филиппинах сыграли американские и филиппинские офицеры, которые остались на островах после капитуляции американцев, а в ряде случаев были заброшены впоследствии американской разведкой. Крупный отряд под командованием Андерсона действовал на Южном Лусоне, американцы командовали отрядами на Минданао. Немало групп организовывалось патриотической буржуазией и интеллигенцией. Они существовали в основном в крупных городах. Наконец, широкое движение, которое возглавили антияпонски настроенные вожди, развернулось на Юго-Западном Минданао и Сулу. Мусульмане (моро, как их называют на Филиппинах) с Сулу не ограничивались войной у своих берегов, но совершали рейды на Сабах и Саравак и даже участвовали в восстании на Сабахе в 1943 г. В общей сложности в партизанских отрядах сражалось до полумиллиона филиппинцев и вдвое больше принимали участие в подпольном движении Сопротивления.

Глава IV

МАЛАЙЯ И СИНГАПУР

П-ов Малакка протянулся с северо-запада на юго-восток. У его южного острия лежит о-в Сингапур. Ось полуострова занимают горные хребты, поросшие труднопроходимыми лесами. К западу и востоку горы понижаются, переходя в аллювиальные долины. На западе эти долины превращаются в мангровые болота, на востоке — в песчаные пляжи. Многочисленные потоки и речки, пересекающие долины, сильно препятствуют сообщениям с севера на юг. К 1941 г. освоенные районы находились на юге, в Джохоре, и на западной равнине, в то время как восточное побережье было практически необработанным. Вдоль западного берега от Сингапура через Куала-Лумпур к таиландской границе и далее к Бангкоку шла железная дорога, от которой отходили ветки к основным городам и портам полуострова. Еще одна железная дорога тянулась через центральную часть Малайи. Она начиналась в Гемасе, стоявшем на основной дороге, и шла к Кота-Бару, а затем по территории Таиланда к Сингоре, близ которой сливалась с основной дорогой. Автомобильные дороги тоже были в основном сосредоточены на западном побережье и в Джохоре.

Перед Второй мировой войной Британская Малайя подразделялась на следующие административные единицы: 1) Стрейтс-Сетлментс — английскую колонию, включавшую о-в Сингапур, о-в Пинанг, провинцию Уэлсли и Малакку; 2) Малайскую федерацию, в которую входили государства Перак, Селангор, Негери-Сембилан и Паханг; контроль над этими государствами осуществляли английские резиденты, находившиеся при дворах правителей государств; 3) не вошедшие в федерацию четыре северных малайских государства — Кедах, Перлис, Келантан и Тренгану — и находив-

шийся на юге Джохор; в этих государствах британскую корону представляли советники, фактически пользовавшиеся такой же властью, как и резиденты. Из четырех с лишним миллионов населения Малайи к 1941 г. примерно половину составляли малайцы, преимущественно жившие в сельских районах. Китайцы, которых было два миллиона, жили большей частью в городах. Они были в основном ремесленниками, мелкими торговцами, рабочими. Примерно треть их считали себя жителями Малайи и родились там, остальные приезжали на заработки и надеялись вернуться обратно, как и большинство индийцев, которые концентрировались большей частью в Сингапуре.

Национально-освободительное движение в Малайе развивалось медленнее, чем в других странах Юго-Восточной Азии, и часто замыкалось в рамках этнических групп. Малайские патриотические организации, как правило, выступали под исламскими лозунгами, часто с шовинистических позиций. Параллельно с этим в среде просвещенных малайцев росло влияние идей «паниндонезизма» — объединения малайской нации в составе Индонезии. Значительная часть китайцев в той или иной мере поддерживала гоминьдановские организации, хотя влиятельные круги китайских торговцев выступали за «объединенную самоуправляющуюся малайскую нацию» с равными правами для всех ее граждан независимо от национальности, что неизбежно дало бы большие преимущества китайской буржуазии. С 1936 г. в Малайе действовала Центральная индийская ассоциация Малайи, близкая по взглядам к Индийскому национальному конгрессу; существовали также индийские профсоюзы, портовые и плантационные, в основном в Джохоре и Селангоре. Такая разобщенность населения по этническому признаку была весьма удобна для управления колонией в мирное время, но, когда приблизилась угроза войны, выяснилось, что, за исключением армейских частей, оборонять Малайю от возможного японского вторжения некому. Каза-

лось бы, колониальные власти могли рассчитывать на поддержку китайской общины. И действительно, в начале 1941 г. ее представители посетили губернатора и предложили свои услуги, объявив, что Япония — общий враг Англии и Китая. Губернатор принял к сведению предложение китайских поселенцев, однако никаких конкретных шагов не последовало.

Любому беспристрастному наблюдателю, прибывшему в Сингапур в 1941 г., стало бы ясно, что город совершенно не подготовлен к современной войне. Форты с могучими орудиями, глядевшими в море, не могли помочь в случае наступления противника по суше. В городе и других населенных пунктах страны не было никаких бомбоубежищ и укрытий для населения. В Сингапуре долго обсуждали, как защитить город от воздушных налетов; в результате было решено не строить бомбоубежищ и укрытий, потому что остров расположен так низко, что в траншеи и доты будет поступать вода. Для возведения наземных оборонительных сооружений требовалось много свободного места, а в городе его не нашлось. Вопрос о введении в городе затемнения также был решен отрицательно из опасения, что отключение электричества дурно скажется на вентиляции жилых помещений, так как перестанут работать фены (стоявшие, естественно, лишь в домах англичан и богатых китайцев). Уровень подобных рассуждений доказывает, что колониальные власти ни в какое нападение Японии не верили и не представляли себе, что такое современная война.

После долгой переписки с Лондоном армии в Малайе разрешили сформировать на месте два военизированных строительных батальона. Однако при наборе рекрутов в них военные натолкнулись на сопротивление гражданской администрации колонии. Шла война, экспорт олова, каучука, железа и других сырьевых продуктов приносил большую выгоду, расстаться даже с малой частью рабочих казалось

немыслимым. В результате строительные части так и не были сформированы.

Состояние вооруженных сил, дислоцированных в Малайе перед войной, было плачевным, хотя на первый взгляд армия казалась достаточно сильной. Всего в регулярной армии и добровольных частях в Малайе числилось 90 тыс. человек, в том числе 20 тыс. англичан, 15 тыс. австралийцев, 37 тыс. индийцев и 17 тыс. местных жителей. 31 армейский батальон был разделен на три дивизии — 9-ю и 11-ю индийские и 8-ю австралийскую. Артиллерия в основном была береговой, а танковых частей вообще не было. В Лондоне считали, что они здесь не понадобятся, так как рельеф местности и состояние дорог не позволят действовать танкам. ВВС Малайи составляли четыре истребительные эскадрильи на новых американских истребителях «Буффало», пилоты остальных авиационных частей летали на старых самолетах и ждали, когда из Европы поступит новая техника.

По мнению военного командования, для надежной защиты Малайи требовалось укрепить военно-воздушные силы, прислать 17 пехотных батальонов и два танковых полка. Однако главная беда английской армии в Малайе заключалась не в малочисленности, а в низких боевых качествах как солдат (в основном это были новобранцы из Индии), так и офицеров. При этом последние были искренне убеждены, что японцы воевать не умеют и каждый англичанин стоит десятка японцев. Австралийцы, прибывшие в Сингапур, услышали от своих английских коллег, что японцы не смогут воевать в джунглях, что тактически они слабы, лишены инициативы и командный состав японской армии никуда не годится. В действительности японские части уже имели опыт действий в Южном Китае и Французском Индокитае, в то время как английские войска в Малайе совершенно не знали войны.

На штабных играх в Сингапуре английское командование рассмотрело возможный вариант высадки японцев не в

самой Малайе, а на юге Таиланда — в Сингоре, откуда шли дороги, позволявшие в считанные часы ворваться в Малайю с севера. Чтобы предотвратить такую возможность, был разработан план «Матадор», согласно которому английские войска в случае высадки японцев в Сингоре должны были форсированным маршем перейти границу с Таиландом, блокировать японский десант и сбросить его в море. На пляжах в самой Малайе, пригодных для высадки десанта, в первую очередь на пляже в Кота-Бару (который и был избран японским командованием), были выкопаны гнезда для пулеметов и протянут один ряд колючей проволоки. Больше ее не нашлось, да и большинство огневых точек были макетами — из песка торчали палки.

Главной надеждой англичан на Востоке оставался флот. По замыслу союзников, в защите Сингапура от врага британскому Восточноазиатскому флоту, которым командовал адмирал Том Филипс, должны были помогать корабли голландского военного флота, находившиеся в Нидерландской Индии, и Азиатского флота США, стоявшего на Филиппинах. Однако реальных оперативных планов сотрудничества выработано не было, и координация действий зависела от договоренности адмиралов.

Уже к октябрю из докладов разведки в Китае и Индокитае, из сообщений прессы и беженцев стало ясно, что японские войска концентрируются в Южном Индокитае. Все данные указывали на то, что Малайя или Нидерландская Индия будут следующим объектом агрессии. Но как американцы продолжали в эти недели убеждать себя, что японцы не посмеют напасть на Перл-Харбор, так и англичане не могли поверить в нападение на Малайю и Сингапур. В официальной английской истории войны с Японией говорится: «Несмотря на информированность в том, что Япония проводит подготовку в Индокитае, губернатор Малайи продолжал оставаться в твердом убеждении (и это убеждение совпадало с линией, которой придерживались в Лондоне), что Япония

не планирует близкую войну с Соединенным Королевством, но готовится поддержать Германию в ее войне с Россией». Это приведшее к трагическим последствиям заблуждение владело англичанами вплоть до декабря 1941 г. Поэтому, хотя английские части и были передвинуты к северным границам Малайи, а несколько пулеметных гнезд было выкопано у пляжа в Кота-Бару, реально ничего для обороны Малайи так и не делалось.

Убежденность в неприкосновенности империи, характерная для европейского общества Малайи, передалась малайской аристократии и китайским магнатам. В Сингапуре продолжали функционировать роскошные клубы, устраивались балы, проводились спортивные состязания, театры и рестораны были заполнены. В воспоминаниях одного из австралийских офицеров, прибывших тогда в Сингапур, говорится: «У меня сохранились яркие впечатления первой встречи с Сингапуром. Мы прибыли туда подготовленные (хотя бы на 50%) к войне и готовые воевать. Но первое, что мы увидели, были офицеры в парадных мундирах и их жены в бальных платьях. Это было не только неуважительно к нам — это было неправильно. Или мы сошли с ума, или они сошли с ума».

25 ноября комитет начальников штабов Великобритании сообщил в Сингапур, что операцию «Матадор» нельзя начинать без соответствующих действий Японии, однако подготовка к ней должна проводиться. Штабы заявили губернатору, что гарантируют отправку ему приказа о начале этой операции не позже чем через 36 часов после начала японского вторжения — таким образом японцам заранее давалась значительная фора. 28 ноября комитет направил в Сингапур очередное послание, смысл которого сводился к следующему: будьте готовы ко всему, но ждите. И только 5 декабря, когда японские транспорты уже были в пути, Лондон сообщил, что операцию «Матадор» можно будет начать, если японские войска нарушат территориальную целостность Таиланда. Однако и это сообщение, не говоря уже о том, что

оно опоздало и у командования в Малайе попросту не оставалось времени развернуть части для операции, было сформулировано столь туманно и осторожно, что и без того не очень решительные власти в Сингапуре предпочли, объявив военное положение, ничего более не предпринимать. Они даже не наладили разведку залива, хотя в их распоряжении находились подводные лодки, эсминцы и авиация. Никто не знал толком, приближаются японские транспорты к берегам Малайи или повернули к Калимантану.

По планам командующего японской 25-й армией генерал-лейтенанта Ямаситы 5-я пехотная дивизия должна была стать авангардом вторжения и осуществить высадку в Сингоре и Паттани. Для высадки в Кота-Бару был предназначен лишь один 55-й полк, главной задачей которого был захват аэродрома Кота-Бару. Основная ударная сила армии, императорская гвардейская дивизия, не должна была принимать участие в высадке — ей предстояло занять Бангкок, основные аэродромы и железнодорожные станции Таиланда. Лишь после этого гвардейские полки могли направиться по железной дороге из Бангкока в Северную Малайю и там усилить десантные части. Японский штаб предусматривал возможность движения английских войск в Таиланд для того, чтобы выйти к Сингоре раньше, чем там укрепится японский десант. В таком случае основная высадка в Сингоре должна была быть отложена до того момента, когда удастся обеспечить господство в воздухе.

В составе 25-й армии находилось в общей сложности 180 танков, однако далеко не все они должны были принять участие в боевых действиях в Малайе. Воздушное прикрытие вторжению обеспечивала 3-я воздушная дивизия с аэродромами в Южном Индокитае. В ее составе было 354 самолета. Кроме того, к операции могла подключиться 22-я авиафлотилия ВМФ, усиленная до 180 самолетов. Таким образом, преимущество японской армии в танках и авиации было

подавляющим. Английские войска могли рассчитывать лишь на флот и на превосходство в численности войск.

6 декабря англичанам повезло, но они этим не воспользовались. Погода в те дни стояла плохая, небо было затянуто муссонными облаками, и воздушная разведка практически отсутствовала. И все же австралийский летчик Дж. Рэмшоу, днем 6 декабря поднявшийся в воздух и, несмотря на плохую погоду, упорно круживший у северных берегов Малайи, увидел в просвет между облаками неизвестный корабль и два минных тральщика в 200 милях от Кота-Бару. Еще через полчаса он обнаружил линкор, пять крейсеров, семь эсминцев и, главное, 25 транспортов. Через полчаса другой австралийский летчик нашел еще один караван, идущий чуть севернее, — в нем было 20 транспортов и несколько кораблей сопровождения. Воздушные разведчики смогли сообщить в Сингапур о движении конвоев, однако губернатор Малайи сэр Роберт Томас заявил подчиненным: японские корабли идут к Таиланду. Командующий обороной Малайи генерал Персиваль, который участвовал в обсуждении ситуации, записал в дневнике: «Мы объявили готовность номер один, но оснований для тревоги у нас не было, так как японская экспедиция была направлена против Сиама».

В 18 час. 30 мин. 7 декабря в Сингапур поступило сообщение, что один из конвоев замечен вновь и что он движется на юг. Решено было, что это ошибка, и приказа о начале операции «Матадор» снова не отдали.

Совсем иное настроение царило в японской армии. Из опасения, что армейская авиация не сможет противостоять английским бомбардировщикам и истребителям, адмирал Ямамото приказал срочно перебросить на помощь конвоям 22-ю авиафлотилию ВМФ, торпедоносцы и бомбардировщики которой уже несколько месяцев активно тренировались в охране морских конвоев и в уничтожении кораблей в океане. Японскому командованию казалось, что иначе защитить транспорты на подходе к Малайе и Таиланду даже

при превосходстве в авиации невозможно — ведь самолеты японских ВВС базировались на индокитайские аэродромы и радиус их действия был ограничен. Чем дальше отходили от Индокитая тихоходные транспорты с солдатами, тем труднее было их прикрывать. Известно было также, что с 3 декабря в Сингапуре стоят «Принц Уэльский» и «Рипалз», боевая мощь которых превосходила мощь японской эскадры охранения, а та была вынуждена разделиться, чтобы охранять транспорты, веером расходящиеся по морю — к Бангкоку и к Северной Малайе. Никто не сомневался, что английский флот примет меры, чтобы перехватить конвои. Надежда была только на плохую погоду, но и она исчезла после 6 декабря. Один из морских летчиков, лейтенант Такаи, записал в тот день в дневнике: «Наши самые худшие страхи подтвердились. Британские патрульные гидросамолеты обнаружили конвои с десантом. Весь наш план вторжения полностью раскрыт врагом задолго до того, как мы сможем высадиться в Малайе. Теперь англичанам совершенно точно известно, куда направляются транспорты, сколько их и когда они прибудут в точку высадки. Мы вынуждены отказаться от тактики скрытого подхода и перейти к открытому наступлению. Не менее беспокоит нас и то, что противник должен вот-вот ударить по нашим воздушным базам в Индокитае. Мы начали срочно рассредоточивать бомбардировщики по посадочным площадкам».

Но прошло шестое декабря, прошло седьмое, наступило восьмое, а конвои спокойно следовали к месту высадки. В Сингапуре не могли понять, куда делись японские транспорты, однако число самолетов, отправленных на их поиски, было столь незначительным, что надежды найти их было мало. Элементарные расчеты показывали, что если конвои, замеченные ранее, будут продолжать движение с прежней скоростью, то они достигнут берегов полуострова примерно в полночь. Совсем игнорировать такую возможность было нельзя, поэтому постановили с рассветом выслать самолеты на разведку.

Сразу после полуночи зазвонил телефон. Из штаба 8-й бригады, которая прикрывала пляж в Кота-Бару, сообщили, что берег обстреливают с моря. Через полчаса с таким же известием позвонил командир эскадрильи, которая базировалась на аэродроме в Кота-Бару. Командующий авиацией вице-маршал Пулфорд подсказал своему подчиненному ход, который тому почему-то не пришел в голову, — поднять самолет, долететь до пляжа и выяснить обстановку. Вскоре стало известно, что у Кота-Бару стоят три японских транспорта и несколько небольших кораблей охранения. Когда английские самолеты наконец поднялись в воздух и начали бомбить транспорты, все три вскоре были повреждены, а один утонул. Однако они были уже пусты: шлюпки, плоты и другие десантные средства незадолго до налета отошли от транспортов и уже приближались к берегу. Если бы налет начался на полчаса раньше, высадка в Кота-Бару была бы сорвана.

В то время как штаб в Сингапуре пытался на расстоянии руководить действиями в Кота-Бару, весь остальной город, не считая ночных клубов, погрузился в сон. Правда, улицы были ярко освещены, горели огни реклам, ровными рядами тянулись посадочные огни аэродромов, светились иллюминаторы стоявших в порту кораблей. Неожиданно пункт наблюдения ВВС сообщил, что с северо-востока к городу приближается группа самолетов. Была приведена в готовность система противовоздушной обороны военного порта и аэродромов, но ровным счетом ничего не было сделано для того, чтобы предупредить население города. Как оказалось, недавно созданный центр ПВО города не укомплектовали дежурными: в здании, где он находился, никто к телефону не подошел.

В первом налете на Сингапур, который имел скорее символический характер, участвовало 17 тяжелых морских бомбардировщиков. Плохая погода, отсутствие видимости и ливни привели к тому, что эффект бомбардировки аэродромов

Сингапура был невелик, зато несколько бомб упало в самом центре города, и там погибло много народу.

Подлетая к Сингапуру, японские летчики были поражены, увидев, как ярко освещен город. Свет был выключен только через полчаса после окончания налета. Все японские самолеты благополучно вернулись на базы: английские истребители так и не поднялись в воздух. Было решено, что, так как зенитчики и прожектористы еще не привыкли к налетам, появление в небе своих истребителей собьет их с толку.

Утром Пулфорд приказал своим самолетам вылететь к Кота-Бару, чтобы сорвать высадку десанта. Добравшись туда к восьми утра, летчики обнаружили, что она уже закончилась. Английские самолеты опустились на аэродромах Северной Малайи, чтобы заправиться. Именно в этот момент японская авиация получила приказ нанести одновременный удар по всем севромалайским аэродромам. Совпадение оказалось роковым. Примерно через час японские бомбардировщики уничтожили большинство английских самолетов, прилетевших с юга.

В это время из Лондона наконец-то пришло разрешение начать операцию «Матадор». Персиваль позвонил губернатору, но тот ответил: «Ничего не предпринимайте», — он только что, как было решено накануне, выслал самолеты к Сингоре, чтобы выяснить, высаживаются там японцы или нет. В 9 час. 15 мин. в Кота-Бару опустился изрешеченный пулями английский самолет-разведчик. Сведения, доставленные им, были неутешительны. Большое число транспортов замечено у берега в районе Сингоры и, что еще неприятнее, — у Паттани. Получив эти сообщения, сэр Роберт отменил операцию «Матадор», так как для развертывания войск и наступления на Сингору времени не оставалось — надо было защищать Северную Малайю. Было решено двинуть войска в Таиланд, оседлать дорогу на Паттани и удерживать ее. Однако отдать приказ о наступлении было неко-

му, так как генерал Персиваль в то утро неожиданно решил посетить очередное заседание Законодательной ассамблеи в Сингапуре. Только в 11 час. утра генерал вернулся в свой штаб и спустя еще полчаса отдал приказ войскам двинуться на север. Так было потеряно еще два часа. Генерал Хитс, командующий войсками в Северной Малайе, получил приказ в 13 час. и сейчас же начал добиваться связи с Сингапуром, чтобы Персиваль подтвердил разрешение перейти таиландскую границу. В результате в 11-ю дивизию приказ был направлен только в 13 час. 30 мин.

В эти часы батальоны 11-й дивизии под командованием генерала Мюррей-Льона стояли в строю под проливным дождем, ожидая приказа начать выполнение операции «Матадор». Когда выяснилось, что план изменен, началась неразбериха, и, прежде чем удалось наладить порядок, прошло еще немало времени. «Вероятно, — сдержанно сообщает официальная британская история войны, — сэр Роберт не полностью осознал необходимость быстроты в проведении операции... у противника оказалось шесть часов форы и возник риск, что наши части не успеют занять оборонительные позиции, прежде чем войдут с ним в соприкосновение».

Наконец в 3 часа дня 8-я английская бригада вышла к таиландской границе к северо-западу от Кота-Бару, и здесь случилось непредвиденное: передовая колонна натолкнулась на заграждение, возле которого заняли оборону 300 таиландских таможенников и пограничников. Начался вялый, неуверенный бой, который продолжался до темноты, хотя жертв с обеих сторон практически не было. Лишь к ночи английская бригада заняла городок на таиландской стороне границы, и ее командир расположил солдат на ночевку. Шел дождь, никто не думал, что японцы в такую плохую погоду предпримут какие-нибудь действия. Поэтому после завтрака англичане сели в грузовики и поехали дальше. Проехав 25 миль, они неожиданно увидели за очередным поворотом шоссе

японский танк. Через несколько секунд первый грузовик загорелся, колонна сбилась в кучу, солдаты начали выскакивать из машин и разбегаться по сторонам.

В тот же вечер под покровом темноты, потеряв немало солдат, 8-я бригада отступила от Кота-Бару, оставив японцам аэродром. Наступила ночь, и, выставив охранение, измученные тяжелым боем английские и индийские солдаты заснули, полагая, что враг также даст отдых своим войскам. И опять английские офицеры, действовавшие по правилам прежних, благородных и размеренных войн, недооценили японцев, которые пожертвовали сном, ужином и завтраком, но подтянули войска к английским позициям и, как только начало светать, перешли в наступление. Командир бригады, придя к выводу, что фронт его бригады слишком растянут, и зная, что английские резиденты в Кота-Бару и султан Келантана уже отправлены на грузовиках на юг, решил, что бригаде и прибывшему ей на помощь индийскому 19-му хайдарабадскому полку пора отступить южнее. Командир бригады не знал, что силы японцев значительно уступают его силам, но должен был понимать, что измучены японские солдаты после тяжелой высадки и ночного марша куда больше, чем его солдаты. Тем не менее в течение 10 декабря бригада продолжала отступать в поисках выгодных позиций для обороны. За этот день ей удалось наконец обогнать наступающих японцев и уже без помех с их стороны взорвать железную дорогу, вдоль которой шло отступление, разрушить мосты и станционные здания.

Скорость отступления превышала самые смелые предположения японцев, которые не могли догнать противника. Однако командующий войсками на севере генерал Хитс предложил Персивалю отвести бригаду еще на 120 миль южнее к Куала-Липису, мотивируя это тем, что основной ее задачей была защита аэродромов в Северном Келантане, а так как они оставлены, бригаде уже нечего делать на севере. Трудно понять, чего было больше в этом предложении — военной

неграмотности, страха или растерянности, ведь отступление отдавало в руки японцам всю Северо-Восточную Малайю и позволяло им быстро отрезать остальные части того же генерала Хитса. Персиваль отказал, тогда Хитс бросил вверенные ему войска, сел в поезд и поехал в Сингапур уговаривать командующего. Его отсутствие в столь критический момент, несомненно, сыграло свою роль в событиях, разыгравшихся на севере Малайи в последующие дни.

Когда армия лишена твердого командования и теряется общий смысл действий, возникает опасность моральной деградации войск, роста недоверия к командирам, паники, вспыхивающей стихийно и неожиданно. Дождь, поливающий разбитые и скользкие горные тропы, голод (в первые же дни нарушилась система снабжения войск), усталость, такой привычный в отступлении крик «Нас обошли!», которого ждали солдаты, прикорнув ночью под осыпающим тяжелые капли деревом, страшные слухи о зверствах японцев, об убийствах раненых и пленных (которые оказались лишь малой частью правды), перепуганные чиновники, штурмующие вагоны, чтобы с чемоданами и плачущими детьми прорваться в спасительный Сингапур, растерянные полковники, тщетно ожидающие приказов, — из всего этого складывалась картина отступления в Малайе. Но не только из этого. Были и другие страницы этой войны. Был одинокий бронепоезд, который умудрился прорваться на 10 км в глубь таиландской территории и остановить танковую колонну японцев. Затем, вырвавшись из окружения, бронепоезд не только вернулся обратно, но и спокойно останавливался на своем пути и под огнем противника взрывал за собой мосты. Был и подвиг капитана Скарфа, который на последнем оставшемся на севере бомбардировщике бомбил пляж Сингоры и смог поразить бомбами колонну танков, только что выгруженных на берег. Машину атаковали сразу 20 японских истребителей, Скарф был смертельно ранен, однако все же смог

посадить самолет на аэродроме Алор-Сетар и сейчас же умер. Все остальные члены экипажа остались живы.

В день начала войны в Малайе англичане имели 110 годных к полетам самолетов. На второй день войны их оставалось меньше 50. Им в воздухе противостояли более 500 японских машин.

На совещании на борту «Принца Уэльского» 8 декабря адмирал Филипс сообщил, что японские войска ведут высадку в Синторе и Кота-Бару. Прикрывают транспорты по крайней мере один линкор типа «Конго», три тяжелых и два легких крейсера и 20 эсминцев. Сведений о силе японской авиации не имеется, но адмирал полагал, что, если он получит воздушное прикрытие, можно будет «разгромить японские силы» у Сингоры и Кота-Бару. Это понимало и японское командование, которое старалось вести непрерывное наблюдение над морем.

Звено за звеном поднимались японские самолеты с индокитайских баз — день 8 декабря уже кончался, а английских кораблей в море не было. Японский лейтенант писал в тот день в своем дневнике: «Ни постоянное патрулирование океана, ни разведполеты над Сингапуром не давали сведений об английских кораблях. Мы никак не могли понять, что заставляет врага задерживать введение в бой столь серьезной силы. Сегодня самая критическая фаза нашей операции — армейские части высаживаются в Малайе. Отсутствие британского флота пугало нас, заставляло ждать неожиданного удара. Будь я командиром британских кораблей, я вывел бы их в море и сорвал бы высадку».

В это время адмирал Филипс, решив выйти в море, направил командующему авиацией Пулфорду запрос, сможет ли авиация выполнить три задачи: а) обеспечить разведку для отряда «Зет» на 100 миль к северу от него начиная с рассвета 9 декабря; б) обеспечить разведку Сингоры и ее окрестностей на рассвете 10 декабря; в) обеспечить прикры-

тие истребителями у Сингоры на рассвете 10 декабря. На первый пункт Пулфорд смог ответить утвердительно, второй и третий вызвали у него сомнения. Он не был уверен, что аэродромы на севере, с которых могли бы подняться истребители, останутся в руках англичан.

Ответ от ВВС пришел вечером 8 декабря, когда флот уже вышел в море, но отсутствие авиации не смутило адмирала Филипса. Он полагал, что и без ее поддержки можно будет нанести противнику сокрушительный удар. Громадные дредноуты медленно растворялись в завесе ливней и вечернем тумане. Несколько сот жителей Сингапура стояли на пирсе, наблюдая, как уходят в море их защитники. Английский корреспондент, находившийся на палубе «Рипалза», напишет впоследствии: «Я подумал, нет ли среди провожавших японского агента, который сейчас устремится к своему радиопередатчику».

Вполне допустимо, что агенты были. Во всяком случае, на следующий день японское командование приказало пилотам 22-й авиафлотилии сменить бомбовый запас на торпеды. К 7 час. вечера 9 декабря подготовка к нападению на английские корабли была закончена, однако обнаружить их в этот день не удалось. С рассветом 10 декабря решено было вновь поднять в воздух бомбардировщики и направить их ближе к Сингапуру — японское командование предположило, что линкоры, опасаясь нападения с воздуха, могли повернуть обратно к своей базе.

Весь день 9 декабря «Рипалз» и «Принц Уэльский» шли к северу. Во второй половине дня погода улучшилась, в облаках появились разрывы, несколько раз на кораблях слышали шум пролетающих самолетов. Истребителей прикрытия не было. Сначала Филипс хотел отправить обратно эсминцы и нанести удар по Сингоре двумя кораблями, но по мере удаления от Сингапура уверенность оставляла его. Очевидно, следовало вообще отменить операцию, как только стало известно, что воздушного прикрытия не будет, но

Филипс рассчитывал, что низкая облачность не позволит авиации противника обнаружить эскадру. Нерешительность адмирала привела к тому, что приказ поворачивать обратно был отдан только тогда, когда корабли почти добрались до Сингоры.

В полночь, когда эскадра проделала половину обратного пути, была получена телеграмма из Сингапура: «Противник высаживается в Куантане». Корабли как раз проходили широту этого города на побережье Паханга, и адмирал решил проявить инициативу и нанести противнику хоть какой-нибудь удар, чтобы не возвращаться с пустыми руками. Эскадре оставалось примерно восемь часов хода до относительной безопасности Сингапурского рейда. Отклонение к Куантану также требовало восьми часов. Был отдан приказ идти к берегу: Филипс был убежден, что на этот раз наверняка застанет японцев врасплох.

Адмирал не сообщил в Сингапур, что собирается идти к Куантану. В результате 453-я истребительная эскадрилья, ожидавшая в Сингапуре сигнала вылететь на помощь эскадре в случае, если она появится в пределах досягаемости, осталась на земле. Эскадрилью можно было даже за ночь перебазировать в Куантан, где был аэродром, или по крайней мере поручить ей проверить, действительно ли там высаживаются японцы. Ничего этого сделано не было. Эскадра шла к берегам Малайи, и ни один человек в Сингапуре об этом не знал. Ночь казалась надежным покрывалом, скрывающим от японцев неожиданный рейд.

Но как раз в тот момент, когда корабли Филипса поворачивали к Куантану, они были замечены японской подводной лодкой, которая сообщила эту новость в штаб армии. Вторая подводная лодка нашла эскадру в 2 часа ночи и выпустила по кораблям пять торпед, но ни одна из них не попала в цель. Командующий 2-м флотом адмирал Кондо понял, что его подлодкам не догнать англичан, и потому приказал направить в район Куантана 12 самолетов-на-

блюдателей, а на рассвете поднять в воздух 85 бомбардировщиков (из них 51 торпедоносец). Примерно в 10 час. утра один из наблюдателей сообщил координаты английской эскадры. Наблюдателя увидели и с «Принца Уэльского», но еще раз менять курс адмирал Филипс не стал. До берега оставалось 40 миль. Оба самолета-разведчика на линкорах были посланы к берегу проверить, нет ли на пути подводных лодок и как идет высадка японского десанта в районе Куантана. Вскоре разведчики сообщили, что никакого десанта в районе Куантана нет. Тогда Филипс отдал приказ догнать и осмотреть несколько барж и джонок, которые были замечены одним из эсминцев за час до этого. После недолгих колебаний корабли направились к северу, затем к востоку. Прошло еще почти два часа, погода все улучшалась, в просветы облаков проглядывало солнце. Неожиданно Филипс получил от эсминца «Тенедос», отправленного незадолго перед тем в Сингапур, потому что у него кончалось топливо, сообщение, что он подвергся нападению японских самолетов. Эскадра сейчас же повернула к югу.

«В 11 час. 3 мин. впереди по курсу примерно в 20 милях от нас мы заметили черные точки, — пишет в дневнике японский летчик. — Вскоре мы смогли различить корабли — два линкора в сопровождении трех эсминцев... было решено, что наша 1-я эскадрилья атакует самый большой корабль, а второй по величине остается для 2-й эскадрильи. Мы вертели головами в поисках вражеских истребителей, которые должны обрушиться на нас, но, к нашему крайнему удивлению, в небе не было ни одного английского самолета».

В это время приближающиеся японские бомбардировщики были замечены радаром «Рипалза». В 11 час. 13 мин. все английские корабли открыли зенитный огонь по самолетам. Первый удар был нанесен «Рипалзу», на который обрушили бомбы пикирующие бомбардировщики. Бомбы подняли фонтаны воды вокруг корабля, некоторые попали в него, но не смогли пробить броню. Пока весь зенитный огонь

был отвлечен на бомбардировщиков, с двух сторон к кораблям на небольшой высоте подкрались торпедоносцы. В 11 час. 44 мин. «Рипалз» смог сманеврировать и уйти от торпед, но «Принц Уэльский» не успел этого сделать, и две торпеды ударили ему в борт. Корабль немедленно потерял управление. Крен за несколько минут достиг 13 градусов, скорость упала до 15 узлов. Практически замолчала вся артиллерия линкора. В 11 час. 50 мин., не будучи уверен, что флагман послал хоть какое-нибудь сообщение в Сингапур, командир «Рипалза» капитан Теннант приказал радировать на базу: «Нас бомбит вражеская авиация». Эта радиограмма была первым и единственным сообщением от эскадры. Тем временем «Рипалз» снова отразил нападение нескольких десятков японских самолетов, маневрируя и огрызаясь зенитным огнем. В 12 час. 10 мин. «Принц Уэльский» поднял сигнал «Неуправляем», и Теннант повернул «Рипалз» на помощь флагману. Но оказать ее было уже нельзя: за последние минуты линкор получил еще три прямых попадания торпед.

Когда очередная волна японских самолетов завершила атаку, у англичан появилась надежда, что больше атак не будет — уж слишком далеко были японцы от своих баз. Но торпедоносцы все возникали из низких рваных облаков — казалось, что их неисчислимое множество. Наконец одна торпеда настигла и «Рипалз», но тот не снижал хода и попытался оторваться от самолетов. В этот момент на «Рипалз» бросились 26 торпедоносцев 2-й эскадрильи — в какую бы сторону ни повернул «Рипалз», к нему неслись торпеды. Четыре одновременно ударили в его борта, корабль буквально подскочил и начал быстро погружаться. Теннант приказал оставить корабль. «Когда крен достиг 30 градусов, я выглянул с мостика и увидел, что на борту собралось около 300 человек. Я обратил внимание, что никто не поддался панике. Я крикнул им с мостика, что они хоро-

шо сражались, и пожелал удачи. Корабль кренился все более. Затем он замер при крене более 60 градусов и около минуты висел неподвижно, затем в 12.33 медленно перевернулся вверх килем», — так описал последние минуты «Рипалза» его командир, который не ушел с мостика, решив погибнуть вместе с кораблем, но был выброшен водоворотом на поверхность моря. Эсминцы «Вампир» и «Электра» бросились на помощь гибнущему «Рипалзу» и начали подбирать из воды моряков. С японских самолетов, истративших боезапас, эсминцам сигналили: «Мы свое дело сделали, делайте свое». Из команды «Рипалза» погибло более 500 человек, 800 были спасены эсминцами.

«Принц Уэльский» еще держался на плаву и полз со скоростью восемь узлов к берегу. Вода стояла почти в уровень с боевой палубой, всем было ясно, что гибель флагмана — дело ближайших минут. Японские самолеты один за другим уходили на восток — горючее у них было на исходе. Над «Принцем Уэльским» кружили лишь разведчики. Японский наблюдатель отметил, как сильный взрыв потряс тонущий линкор, и он начал переворачиваться. В 13 час. 20 мин. на поверхности моря среди обломков черными точками покачивались сотни голов — моряки старались скорее доплыть до эсминцев. На «Принце Уэльском» погибло более 300 моряков, в том числе и адмирал Филипс.

Ликование в Индокитае и в Токио по поводу уничтожения британского флота не уступало радости по случаю победы в Перл-Харборе. В Перл-Харборе японские самолеты ударили по не ожидавшим нападения кораблям, стоявшим на якорях, теперь же они атаковали линейную эскадру, находясь в 600 км от своих баз, притом британское командование знало об атаке заранее и корабли были к ней готовы. Битва у берегов Малайи доказала куда очевиднее, чем Перл-Харбор, что в современной войне не прикрытый авиацией линкор становится не более трудной жертвой для самолетов, чем любой другой корабль.

* * *

Стратегически английская армия с первых же дней войны была поставлена в невыгодные условия, потому что ее командование с удивительным упорством придерживалось оборонительного варианта и ни разу всерьез не попыталось перейти в наступление. Тактически это выражалось в том, что английские войска ставили заслоны на дорогах, а узнав, что японцы их обходят, отступали, стремясь взорвать мосты. Война в основном шла вдоль немногочисленных дорог, идущих в меридиональном направлении, однако если японцы использовали дороги для танковых прорывов, то англичане — лишь для отступления; если японцы умели отказаться от дороги, чтобы совершить обходный маневр, то английские войска лишь старались догадаться, каким будет этот обходный маневр, чтобы отступить раньше, чем попадут в окружение. Превосходство японцев в танках и авиации можно было нейтрализовать, оторвавшись от дорог или хотя бы сооружая на них противотанковые укрепления. Но даже те противотанковые средства, что были у англичан, ими не использовались. Известно, что в бою на р. Селим в начале января у 11-й дивизии, разгромленной в результате танкового прорыва, было 1400 противотанковых мин и полк противотанковой артиллерии. Однако на поле боя было использовано всего 24 противотанковые мины, а артиллерия в сражении практически не участвовала.

Однообразие в тактике английских войск вполне устраивало японское командование, так как действия противника всегда можно было предугадать. Помимо умелых обходных маневров по бездорожью и танковых атак японское командование практиковало высадку десантов в тылу англичан, используя для этого небольшие корабли, баржи и джонки, захваченные в прибрежных городках. В результате, хотя в течение всей кампании в Малайе японские войска по численности значительно уступали противнику, они не потерпели ни одного поражения. Впрочем, сведений о численности японских войск ни у коман-

дования 11-й дивизии, ни в Сингапуре не было. Японцы, напротив, отлично поставили разведку и всегда имели четкое представление, кто противостоит им; более того, не раз во время отступления японские снайперы, переодетые малайскими крестьянами, засев в зарослях по краям дороги, не спеша, аккуратно выбивали офицеров в толпах отступающих англичан. Необходимо отметить, что англичане практически ничего не сделали для того, чтобы привлечь на свою сторону местное население (особенно китайское, настроенное резко антияпонски), включить его в борьбу с японцами. Для отношений между англичанами и местным населением характерна эвакуация о-ва Пинанг и расположенного на нем г. Пинанг (Джорджтаун), который считался до войны, как и Сингапур, неприступной крепостью. Когда японцы начали обходить его по суше и в Сингапуре сочли, что защищать Пинанг невыгодно, было решено эвакуировать оттуда все гражданское население европейского происхождения. Китайским, индийским и малайским жителям Пинанга в эвакуации было отказано, чтобы не увеличивать население Сингапура. Этим как бы подчеркивалось, что война «не касается» азиатов.

Крушение английской колониальной империи, происходившее в те дни, сопровождалось необратимыми изменениями в сознании местных жителей, в их отношении к англичанам. Этот процесс затронул и те слои, чье существование целиком зависело от благорасположения колонизаторов. Так, во время отступления англичан султан Перака обратился к английскому губернатору с официальной нотой, в которой уведомил, что Перак отныне не признает британского протектората, ибо англичане нарушили один из основных пунктов соглашения между султанатом и империей — обязанность защищать Перак от врагов.

Завершив 8 декабря первый этап высадки в Сингоре и Паттани, японские части двинулись в Северо-Западную Малайю по двум дорогам. Два полка, усиленные танковым батальоном, были направлены из Сингоры к позициям анг-

личан у Джитры, а 42-й пехотный полк — из Паттани на Керох. Практически же в боях первых дней приняли участие два передовых японских батальона и несколько танков. Им противостояла 11-я британская дивизия, в составе которой были как английские регулярные полки, так и индийские, в основном слабо обученные и плохо вооруженные. В течение первого дня боев, 10 декабря, были разгромлены два индийских полка и при начавшемся отступлении была оставлена почти вся артиллерия; 11 декабря, продолжая теснить дивизию у Джитры, японцы умело использовали танки, что заставило командира 15-й британской бригады ввести в бой не только все свои резервы, но и резервы соседней 28-й бригады. Командир дивизии генерал Мюррей-Льон узнал об этом лишь на следующее утро, так как связь между частями поддерживалась обыкновенным телефоном: телефонистки на станции в Джитре до последнего момента не покидали своих мест. Так как японские войска не только сильно потеснили дивизию, но и угрожали ей обходом, Мюррей-Льон в тот же день послал телеграмму в Сингапур, прося разрешения немедленно отступить на 50 км к югу на неподготовленные позиции у Гуруна. Эта просьба была встречена в Сингапуре с удивлением — генерал Персиваль закономерно предположил, что подобное отступление не только приведет к потере Северного Кедаха, но и плохо скажется на боевом духе войск, а 50-километровый марш при непрерывных атаках противника может нанести больше потерь войскам, чем упорная оборона. На следующий день Мюррей-Льон был еще более настойчив, и Персиваль сдался. Началось отступление, быстро превратившееся в бегство. К тому же приказ об отступлении дошел далеко не до всех частей и подразделений; некоторые из них начали отступать только на следующее утро и потеряли в результате все тяжелое оружие и снаряжение. Одни из опоздавших пошли прямиком через горы, другие по шпалам железной дороги, третьи вырвались к морю, где начали отнимать у рыбаков джонки, чтобы плыть к югу. Одна из таких групп

потеряла дорогу в море и пристала к Северной Суматре. Таким образом, через двое суток боев два японских батальона при поддержке танковой роты, понеся небольшие потери, заставили бежать 11-ю дивизию, которая занимала подготовленную полосу обороны.

Дальнейшее отступление англичан из Северо-Западной Малайи, сопровождавшееся эвакуацией Пинанга и прилегающей к нему провинции Уэлсли, было скорее гонкой с единственной целью: не дать обойти себя японцам, пытавшимся перерезать путь отхода англичан и с помощью обходных маневров по бездорожью, и фланговыми движениями с востока: сначала по дороге Керох — Сунгай-Петани (южнее Гуруна), затем через горы из Келантана. Попытки англичан закрепиться на южных берегах рек, стекавших в Малаккский пролив, всегда срывались из-за некоординированности действий командования. При этом самое боеспособное соединение в Малайе — австралийская дивизия весь первый месяц боев оставалась в резерве, хотя ее ввод в дело именно в этот момент мог изменить ход событий, поскольку в декабре в распоряжении генерала Ямаситы была только 5-я дивизия.

В создавшемся положении не могли помочь и срочные перемены в командном составе английских войск. 24 декабря командира 11-й дивизии Мюррей-Льона заменил бригадный генерал Пэрис, в тот же день были сменены все командиры бригад этой дивизии (впрочем, следует сказать, что все они находились в госпиталях). Перед новым командиром дивизии, как и перед другими британскими командирами в Малайе (оставались еще части на восточном берегу и некоторые подразделения, не входившие в 11-ю дивизию), никто не ставил задачи победить японцев или хотя бы перейти в наступление. В Сингапуре были убеждены, что отступление неизбежно — вопрос лишь в том, чтобы отступать как можно медленнее и не отдать японцам аэродромы в Южной Малайе, с которых можно бомбить Сингапур и транспорты, идущие по Малаккскому проливу с запада, — на при-

бытии подкреплений из Европы и с Ближнего Востока и строился весь расчет. Переход от уверенности в том, что с японцами справиться нетрудно, к убеждению о неизбежности поражения произошел так незаметно, что эту грань невозможно сегодня определить ни по официальным сводкам, ни по воспоминаниям участников событий.

В начале января генерал Ямасита приказал 5-й дивизии разделить свои силы. Часть их была направлена по шоссейной дороге с задачей прорваться к главному городу Центральной Малайи — Куала-Лумпуру, остальные должны были по прибрежным дорогам и на захваченных судах зайти в тыл к английским войскам, чтобы изгнать их из Центральной Малайи.

Наступление вдоль шоссе велось 42-м пехотным полком, усиленным танковой ротой, практически же в прорыве участвовало куда меньше японских войск — не более батальона. Впрочем, это не смущало японское командование, так как близко подходящие к шоссе лесистые холмы не давали возможности развернуть более значительные силы. Англичане также понимали, что танки и грузовики японцев могут двигаться только по дороге, и потому построили эшелонированную оборону на много километров вглубь в виде застав и преград на шоссе. Штабы же английских полков и бригад располагались под прикрытием леса в стороне от дороги.

Поздно вечером 6 января китайские беженцы с севера сообщили английским постам, что по шоссе движутся японские танки. Сообщение это стало известно передовой, 12-й бригаде, но до второй, 28-й бригады оно так и не дошло. К 3 час. ночи взошла луна, и при ее свете перед заставой хайдарабадского полка показались танки, а за ними — грузовики с солдатами. Грузовики были в основном английские, трофейные, некоторые без шин, но японцы научились ездить и на них и даже порой предпочитали это делать: стук ободов по шоссе напоминал стук гусениц танков, и не раз новобранцы из индийских частей бежали при одном этом звуке. Под прикрытием танков солдаты из грузовиков быст-

ро разобрали завал на дороге и двинулись дальше — закрепление успеха отводилось на долю батальонов, движущихся следом. У следующего заслона эта история повторилась. Пенджабский полк, старавшийся задержать японцев, был почти полностью уничтожен, и оставшимся в живых солдатам пришлось пробираться к своим по густому лесу. Таким образом, к утру 15 японских танков и батальон механизированной пехоты уже разгромили два английских полка. Примерно в 7 час. утра о том, что 12-я бригада ведет бой, узнал командир дивизии генерал Пэрис, но в штабе самой бригады об этом пока не знали, потому что офицеры штаба еще спали в 1 км от шоссе в доме владельца каучуковой плантации.

Следующий английский батальон встретился с японским авангардом неподалеку от Селима. Батальон шагал плотным строем, чтобы занять позицию на шоссе. Танки открыли огонь, и от первых двух рот в строю осталось чуть более 20 человек. Затем наступила очередь 2-го батальона 2-го полка гуркхов, который также не успел занять позиции. Две противотанковые батареи 137-го полка стояли у дороги, полагая, что находятся в глубоком тылу; танки задержались на несколько минут, чтобы расстрелять и раздавить пушки. В 8 час. 40 мин. утра танки вышли к р. Селим. У моста их встретила батарея зенитных орудий и взвод саперов, которые готовили мост к взрыву. Подавив батарею и заставив саперов разбежаться, японцы оставили один танк сторожить мост и двинулись дальше. Через четыре километра они столкнулись со свежим 155-м полком, который шел в подкрепление 28-й бригаде. Танкам удалось разгромить штаб полка и смять его передовые роты, однако артиллеристы успели выкатить на шоссе орудие и прямой наводкой подбить передний танк. После этого танки отошли за реку. Вернувшиеся после отступления танков английские саперы срочно взорвали мост, и солдатам из разбитых частей 11-й дивизии, выходившим к р. Селим, приходилось переправляться на южный берег по остаткам моста; многие из них при этом срывались и гибли в быстрой, глубокой реке.

Таким образом, в течение ночи и утра 7 января роте танков и батальону пехоты удалось фактически разгромить 11-ю дивизию — основного противника японцев в этом районе. Рейд японского авангарда оказал роковое влияние на последующие события в Малайе — фронт был оголен, войска деморализованы. Генерал Персиваль рассматривал планы быстрого отступления, чтобы оторваться от японских войск и получить возможность создать новую линию обороны в Южной Малайе. Однако, прежде чем он успел отдать соответствующие приказания, в руководстве военными действиями в Юго-Восточной Азии произошли кардинальные перемены.

На новом театре войны, который охватывал всю акваторию Тихого океана и постепенно расширялся на Индийский океан и прилежащие страны, было по крайней мере пять верховных главнокомандующих из разных стран антифашистской коалиции, и каждый из них заботился прежде всего об интересах своего государства. Чтобы координировать действия союзников в регионе, на совещании Исполнительного (позднее — Объединенного) комитета начальников штабов США и Великобритании в Вашингтоне 25—26 декабря 1941 г. было решено создать объединенное командование союзными войсками в зоне Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Тихого океана. Называлось это командование АБНА (Америка, Британия, Нидерланды, Австралия). Американцы предложили назначить главнокомандующим АБНА английского генерала Уэйвелла. Черчилль, да и сам Уэйвелл согласились на это не без серьезных колебаний. Положение в зоне было катастрофическим, не сегодня-завтра можно было ожидать новых ударов.

При определении границ зоны поднялся вопрос о Бирме. Бирма в английской структуре обороны была включена в индийское командование, и англичане желали оставить ее вне АБНА, ссылаясь на то, что все снабжение Бирмы идет через Индию, а единственный большой бирманский порт, Рангун, относится к бассейну Индийского океана, т. е. лежит вне пре-

делов зоны АБНА. Однако американская точка зрения, указывающая на значение Бирмы как пути снабжения Китая, победила, и Бирма также подпала под общее командование Уэйвелла. В то же время из зоны АБНА были исключены Таиланд и Французский Индокитай, поскольку американцы обещали Чан Кайши включить их в Китайскую зону, а также Австралия и Новая Зеландия (хотя оперативно они оставались в зоне).

Прилетев в середине января в Сингапур, Уэйвелл немедленно отправился на фронт. Положение там он нашел настолько безнадежным, что сейчас же приказал остаткам 11-й дивизии оставить Центральную Малайю и отступить на юг, в Джохор, где японцев должна была встретить австралийская дивизия, находившаяся до того в резерве. После этого Уэйвелл вернулся в Сингапур и обследовал его укрепления. Здесь он обнаружил то, о чем и не подозревали в Лондоне, — что Сингапур беззащитен с севера. Оказалось, что мощные орудия береговой обороны, охранявшие остров с юга, не могут быть обращены на север без больших фортификационных работ, времени для которых уже не оставалось. Получив доклад Уэйвелла, Черчилль направил начальникам штабов записку, в которой, в частности, отмечал: «Я должен признаться, что совершенно поражен телеграммой Уэйвелла от 16 января... Мне ни на секунду не приходило в голову, что могучая крепость Сингапур, отделенная от суши рвом шириной в полмили, совершенно не была подготовлена к нападению с севера. Какой же смысл превращать остров в крепость, если его нельзя защитить? Почему могло получиться, что ни один из вас не указал мне на это во время соответствующих совещаний?»

Пока в Лондоне решали, кто виноват в том, что Сингапур оказался беззащитным, японские войска продолжали наступление. Куала-Лумпур, большой город с громадными складами, без единого выстрела перешел в их руки. Правда, генерал Уэйвелл настаивал на его защите, однако это указание противоречило приказу самого же Уэйвелла об отступ-

лении из Центральной Малайи, которое и начало осуществляться по плану, разработанному Персивалем.

Еще в дни отступления 11-й дивизии из Северной Малайи в Сингапур начали прибывать подкрепления. Вслед за австралийцами прибыла 53-я английская бригада, которая перед этим провела три месяца в море, так как противоречивые указания, куда ей направляться, заставляли транспорты с войсками все время менять курс. Прибыла 45-я индийская бригада, укомплектованная новобранцами, никогда не нюхавшими пороха; прибыли сразу три артиллерийских полка, в том числе один противотанковый и один зенитный, правда, без орудий... Танки в Сингапур так и не были отправлены, поскольку они были нужны на Ближнем Востоке. Но главная беда англичан заключалась не в отсутствии танков и авиации, а в том, что английские генералы уже перестали верить в возможность победы. Все они, включая главнокомандующего, были озабочены только тем, чтобы отступить с минимальными потерями. В результате, как только подкрепления разгружались с транспортов, их немедленно бросали в бой, стараясь заткнуть очередную дыру на фронте. Никаких попыток создать стратегические резервы, использовать свежие войска для контрнаступления, никаких попыток перехватить инициативу не было — были только постоянные смены командиров, перекраивание оперативных групп и приказы удерживать тот или иной пункт до последнего человека.

В соответствии с планом Персиваля остаткам 11-й дивизии и другим частям, потрепанным в боях с японцами, было приказано отступить на 200 км южнее и занять позиции от Бату-Пахата у западного побережья до станции Палох на железной дороге. Здесь эти части должны были построить линию обороны, отдохнуть и переформироваться. На смену отступающим на передний край выдвигались две бригады австралийской дивизии, 9-я индийская дивизия и 45-я индийская бригада, которые должны были занять фронт протяженностью почти 70 км от г. Муар на побережье, в устье одноименной реки, до узловой станции Гемас. Таким обра-

зом, создавались два эшелона обороны, один в 40 км от другого, и в каждом из них было больше войск, чем всего в распоряжении генерала Ямаситы. Однако эти два эшелона практически не были связаны между собой и, несмотря на возражения командира австралийской дивизии генерала Беннета, подчинялись разным штабам.

Отступление англичан сразу на 200 км не нарушило планов генерала Ямаситы — наступать, по-прежнему сочетая танковые прорывы по шоссе с обходными маневрами. В распоряжении Ямаситы оставались все те же две дивизии — 5-я и императорская гвардейская, и подкрепления к нему подходили куда реже, чем к англичанам, так как стратегические резервы Японии в эти дни были брошены на завоевание других стран. Пока австралийские и индийские бригады занимали свои позиции, а отступавшие части проходили сквозь их боевые порядки, Ямасита разделил свои войска: 5-й дивизии было поручено двигаться вдоль железной дороги, а гвардейской дивизии — по дорогам вдоль побережья.

В то время как австралийцы довольно успешно сдерживали натиск 5-й дивизии, японские гвардейцы вышли к р. Муар. Англичане, перегнавшие на южный берег широкого Муара все лодки и джонки, чувствовали себя здесь в совершенной безопасности. Они даже умудрились не заметить, как несколько десятков японских добровольцев на плотах и бревнах ночью переплыли реку и, отвязав все лодки и джонки, переправили их на свой берег. На следующую ночь (а пропажа почему-то осталась незамеченной) японцы смогли уже крупными силами форсировать реку. Уничтожив сторожевую роту, они начали обходить 45-ю бригаду с востока, а основные части гвардейской дивизии рванулись к югу по прибрежной дороге, чтобы зайти бригаде в тыл. Узнав об этом, Персиваль в нарушение приказов Уэйвелла, который требовал, чтобы в Сингапуре накапливались резервы для контрнаступления, бросил на помощь только что сошедшую с кораблей 53-ю английскую бригаду. Бригада попала в распоряжение нового командира 11-й дивизии генерала Кея, а

тот оставил ее у себя на левом фланге, чтобы прикрывать прибрежную дорогу на «английском» фронте, находившемся, как известно, в 40 км за линией огня. Не встречая сопротивления, танки и пехота японцев вышли на дорогу, соединявшую тыл 45-й бригады с городком Бакри, и начали окапываться на ней. Тут обнаружилось, что другая дорога, идущая вдоль моря, никем не охраняется, и японский 4-й гвардейский полк, не обращая внимания на остающиеся у него в тылу части противника, начал продвигаться по ней к г. Бату-Пахат, который был одним из ключевых пунктов «английского» фронта. В результате 45-я бригада и два австралийских батальона были отрезаны. Приказ оставить позиции у р. Муар и отступить к Бакри и далее на юг был отдан им лишь 19 января, примерно на сутки позже, чем следовало. К этому времени 5-й гвардейский японский полк уже оседлал дорогу между «австралийским» и «английским» фронтами, и отступавшим австралийцам и индийцам пришлось не только отбиваться от преследующих их японских частей, но и прорываться сквозь заслоны вдоль шоссе. Если им удавалось преодолеть один из заслонов, японцы планомерно и спокойно отступали на несколько сотен метров, где уже была готова следующая оборонительная полоса.

Весь день австралийцы и индийцы, непрерывно сражаясь, пробивались от Бакри к мосту через р. Симпанг-Кири, где их должны были встретить выдвинутые вперед подразделения «английского» фронта. И лишь вечером стало известно, что мост находится в руках японцев. Как потом оказалось, частям, которые должны были охранять мост, 18 января не подвезли еды, и к утру 19 января, решив, что о них забыли, они покинули свои позиции и отправились в тыл искать полевую кухню. Правда, 53-й бригаде был отдан приказ пробиться навстречу 45-й, но, несмотря на отчаянные требования находившегося далеко и бессильного что-либо сделать Беннета, командир бригады так и не двинулся с места. А остатки прорывавшихся частей застряли у моста. Желая спасти раненых, полковник Андерсон, заменивший убитого

командира бригады, решился на меру, продиктованную его пониманием того, как следует вести войну. Он погрузил в две оставшиеся у него кареты «скорой помощи» наиболее тяжело раненных и под белым флагом отправил их к мосту, чтобы японцы разрешили им проехать к «английскому» фронту. Как только машины приблизились к мосту, японцы приказали им остановиться и направили Андерсону ультиматум: либо он и его бригада немедленно сдаются, либо раненые будут тут же перебиты. Было уже темно, и, пока Андерсон тянул время, надеясь, что японцы не пойдут на такое нарушение кодекса войны, водители карет «скорой помощи» (кстати, оба тоже раненные), воспользовавшись тем, что дорога к мосту шла в гору, незаметно для японцев отпустили тормоза; машины, набирая скорость, покатились назад и под прикрытием огня австралийцев скрылись за поворотом дороги.

На несколько ночных часов бой затих. В 9 час. утра Андерсон в последний раз поднял солдат в атаку, но и на этот раз мост взять не удалось. Все эти часы австралийцы и индийцы ждали, что в тылу японцев раздадутся выстрелы, но помощи не было: «английский фронт» готовился к отступлению. Понимая, что дальнейшее промедление приведет к истреблению всей бригады, Андерсон приказал уничтожить все снаряжение, машины и даже пулеметы, и через болота и джунгли прорываться к своим. Сделать это удалось лишь четверти из тех, кто сражался у Муара.

Раненых вместе с медицинским персоналом и добровольцами, согласившимися остаться с ними (тяжело раненных, которые не могли идти, было более 200), разместили в деревушке у дороги. Через час после того как последний из солдат Андерсона скрылся в джунглях, к деревушке подъехали японские машины, и всех раненых и медперсонал загнали в хижины. Если раненые просили пить, японские солдаты подходили к дверям хижин с кувшинами воды и демонстративно выливали ее на землю. Вскоре приехали несколько офицеров; по их приказу раненых и медиков стали вытаскивать на дорогу и, связав, расстреливать из пулемета и добивать штыками. Трупы

облили бензином и сожгли. Лишь три человека смогли спастись и впоследствии дать показания на суде над японскими военными преступниками в Токио. Командир гвардейской дивизии генерал Нисимура, санкционировавший это и многие подобные убийства, был приговорен к смертной казни.

Казалось бы, горький опыт отступления должен был уже чему-то научить англичан, однако они с каким-то упорством повторяли одни и те же ошибки. Недалеко от места гибели 45-й бригады и австралийских батальонов в местечке Бату-Пра оборонялась 53-я бригада. С каждой минутой росла опасность, что она будет отрезана точно так же, как 45-я, которой она не пришла на помощь. Западнее ее, в г. Бату-Пахат, держалась 15-я бригада, которая должна была обеспечить ей пути отхода. Никто в обеих бригадах не знал, что батальон 4-го гвардейского японского полка, зайдя на лодках морем им в тыл, уже перерезал дорогу на Бенут. 23 и 24 января, с трудом удерживая отрезки дороги между деревнями, командиры бригад просили разрешения отойти. Но Сингапур такого разрешения не давал. После двух дней бесплодных попыток прорваться 15-я бригада была уничтожена, и 11-я дивизия во второй раз перестала существовать.

В эти же часы подобная драма разыгрывалась далеко от побережья. Вдоль железной дороги на юг отступали 22-я и 8-я индийские бригады, составлявшие 9-ю дивизию, 22-я бригада находилась в арьергарде, а 8-я составляла вторую линию обороны. Вечером 7 января по ошибке был взорван мост между расположением этих бригад. Ничего никому не сообщив, 8-я бригада отступила, оставив 22-ю в окружении. Четыре дня таявшая в арьергардных боях бригада прорывалась на юг, но вокруг были только японцы. На пятый день от бригады осталось примерно 10% состава — измученных, падающих от усталости солдат. И когда в горной долине японцы окружили эту группу, остатки бригады, израсходовав последние патроны, сдались.

Этими похожими эпизодами фактически закончились военные действия на полуострове Малакка. Английские ча-

сти, как потрепанные в боях, так и не участвовавшие в них, откатились к дамбе, которая соединяла Сингапур с материком. Начался последний этап войны — оборона Сингапура.

Остров Сингапур, отделенный от материка Джохорским проливом шириной от полумили до нескольких миль, протянулся на 27 миль с запада на восток и на 30 миль — с севера на юг. На его южном берегу находится сам город, население которого к началу войны составляло 550 тыс. человек, но к моменту подхода к острову японцев практически удвоилось, в основном за счет беженцев. Город был охвачен слухами, с каждым днем в нем увеличивалось число дезертиров, полиция не справлялась с преступностью, госпитали не могли принять всех жертв ежедневных бомбежек. Каждый день в среднем погибало и получало ранения до тысячи человек. Кроме того, на острове скопилось более 10 тыс. раненых, привезенных из Малайи, а так как к февралю японский флот полностью господствовал в Сингапурском и Малаккском проливах, надежды на эвакуацию практически не было.

В распоряжении генерала Персиваля было примерно 85 тыс. солдат и офицеров, из них 15 тыс. выполняли административные, охранные и прочие функции и участия в боях не принимали. Но и 70 тыс. человек были достаточной силой; запасы горючего и боеприпасов были далеко не исчерпаны, водой город снабжали большие резервуары, продовольствия должно было хватить по крайней мере на несколько недель. По подсчетам английской разведки, в распоряжении генерала Ямаситы было примерно 60 тыс. человек. В действительности Ямасита имел в строю вдвое меньше солдат. Японская разведка также допустила просчет, полагая, что после жестоких поражений в джунглях Малайи англичане располагают лишь 30 тыс. человек. Это характерная деталь — разведка наступающей армии вдвое преуменьшила силу противника, разведка армии обороняющейся и готовой сдаться вдвое преувеличила силы врага.

Несмотря на то что даже по подсчетам английского командования силы сингапурского гарнизона превосходили силы японцев, никаких планов наступательного характера им не разрабатывалось. Более того, не было принято никаких мер по мобилизации хотя бы части способных носить оружие из миллиона обитателей острова. Неверие англичан в возможность победить выразилось в преждевременных и неорганизованных акциях по уничтожению военных объектов, которые продолжались в течение всей обороны Сингапура, снижая и без того низкий уровень боевого духа солдат. К примеру, военно-морскую базу — гордость Великобритании самовольно уничтожал ее начальник контр-адмирал Спунер. Взрывы доков, укреплений и складов сотрясали небо над Сингапуром сильнее, чем японские бомбежки.

Перед Персивалем стояла альтернатива: либо расположить части по всему берегу пролива, либо сконцентрировать их в наиболее опасных местах и иметь крепкий оперативный резерв. Он выбрал первый вариант. В результате войска растянулись по прибрежным болотам и плантациям гевеи, а то и по открытым местам, где они служили хорошей мишенью для японских самолетов.

Английский штаб полагал, что японцы начнут наступление не раньше десятых чисел февраля. Ямасита же готовил спешную высадку. Его части были не меньше английских измучены тысячекилометровым двухмесячным маршем через всю Малайю, однако их боевой дух был значительно выше. Японское командование уже знало, что английских войск на острове значительно больше и снабжены они лучше, чем ожидалось. Несмотря на это, Ямасита решился на штурм, так как был уверен, что противник деморализован.

Для того чтобы англичане не могли узнать о месте наступления, Ямасита приказал выселить все население на милю от пролива. Разгрузка поездов и грузовиков с боеприпасами и орудиями проводилась ночью, ночью же к проливу подтаскивали резиновые лодки и понтоны.

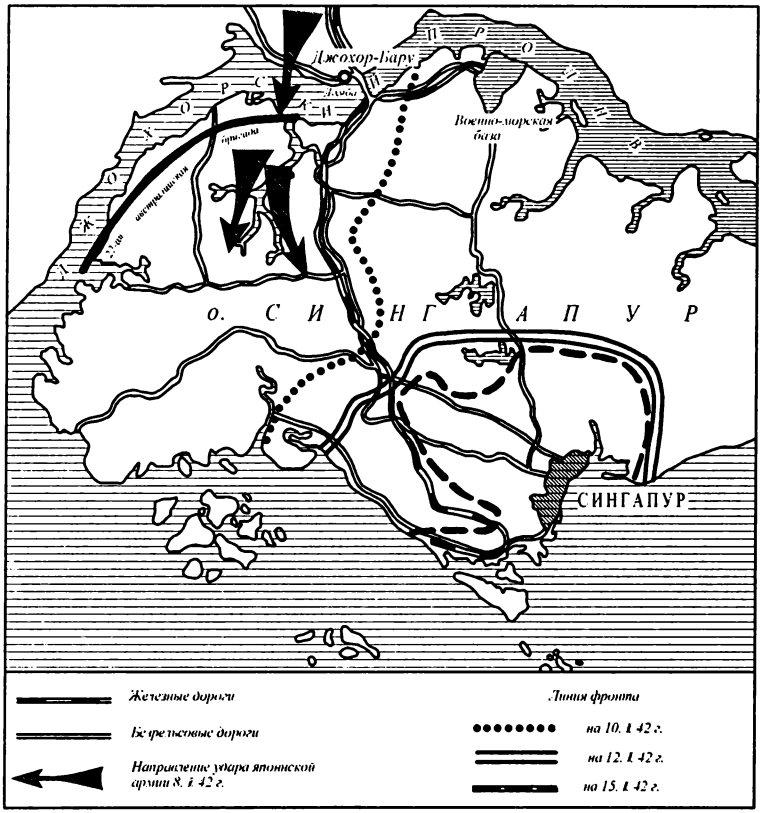


Схема высадки японского десанта на о. Сингапур

Когда на рассвете 8 февраля японская авиация, а затем и артиллерия обрушились на позиции 22-й австралийской бригады, протянувшиеся на несколько километров вдоль берега в северо-западной части острова, в штабе обороны Сингапура не были обеспокоены. Там царило глубокое убеждение, что это — начало многодневной подготовки к штурму. В расчете на трехмесячную оборону Персиваль приказал тратить не более 20 снарядов на орудие в день, полагая, что японская артиллерия имеет снаряды в изобилии (точка зре-

ния, разделяемая английскими историками и сегодня). На самом деле в японской армии снарядов было мало, но Ямасита, рассчитывавший на быструю победу, приказал их не беречь.

По логике вещей высадка японцев на участке обороны 22-й бригады не могла быть неожиданностью для англичан. Недалеко от этого места со стороны полуострова к берегу подходили железная и шоссейная дороги, а в пролив впадали речки, по которым было легко сплавить переправочные средства. Да и начавшаяся утром 8 февраля воздушная и артиллерийская подготовка должна была заставить оборонявшихся принять меры особой предосторожности. Тем не менее, когда в 10 час. вечера того же дня сотни лодок, понтонов и плотов поползли через узкий пролив к английскому берегу, им дали добраться до цели, прежде чем кто-либо помыслил о сопротивлении. Прожекторный полк, который должен был освещать пролив, имел инструкции беречь прожектора и включать их лишь в крайнем случае, а приказа о том, что такой случай наступил, не получил. Артиллерия тоже молчала, и высаживавшихся на остров японских солдат встретил лишь разрозненный огонь пехоты. Со своего наблюдательного пункта Ямасита видел и разрывы снарядов, но в темноте понять, что происходит, было нельзя. Наконец над берегом острова взлетели синие ракеты — сигнал, что передовые части 5-й дивизии уже на английском берегу. К утру на расширенном плацдарме находилось более 10 тыс. солдат, начали переправлять танки и артиллерию, а вечером Ямасита уже смог перенести свой штаб на территорию острова, западная часть которого с нетронутыми складами, резервуарами и даже аэродромом всего за день перешла к японцам.

Весь день 9 февраля Персиваль пытался заткнуть дыры в обороне, снимая с других участков части, ибо резерва, как уже отмечалось, у него не было. На следующее утро в Сингапур прилетел генерал Уэйвелл. Вероятно, уже тогда у него

сложилось впечатление, что крепость падет в ближайшие дни, — потребовав от Персиваля немедленного контрнаступления, главнокомандующий одновременно приказал убрать с острова все оставшиеся там самолеты и авиационное оборудование, чтобы оно не попало к японцам в руки. Вечером того же дня, улетая из Сингапура, Уэйвелл упал, сломал два ребра и вынужден был лечь в госпиталь в Батавии, откуда и сообщил Черчиллю: «Сражение за Сингапур идет плохо, боевой дух некоторых частей низок». Премьер-министр направил Уэйвеллу ответ, в котором упреки и опасения смешивались с надеждами. «У Персиваля, — говорилось в нем, — столько людей, сколько у японцев вряд ли наберется на всем Малаккском полуострове... в этих обстоятельствах защитники города имеют безусловное превосходство в силе и при разумно организованной обороне могут разгромить противника... Битва должна вестись до победного конца... Когда русские сражаются так, как они сражаются, а американцы столь отважно держатся на Лусоне, вопрос стоит о всей репутации нашей страны и нашей расы. Мы надеемся, что все части будут сражаться с противником».

Однако приказы и письма в стиле адмирала Нельсона уже не могли оказать влияния на развитие событий. Рос разброд в командовании: Беннет отказывался выполнять приказы Персиваля, командующие авиацией и морской базой на небольшом пароходе вообще покинули Сингапур. Этот пароход был вынужден, спасаясь от японского миноносца, выброситься на мель у небольшого островка; когда через два месяца на нем высадились японцы, большинство оказавшихся на острове, включая обоих командующих, умерло от жажды, голода и болезней. Усилилось дезертирство — тысячи солдат покидали фронт, стараясь скрыться в переполненном людьми городе. Правда, у японцев кончались снаряды и с каждой минутой усиливалась опасность, что штурм захлебнется. Но англичане продолжали отступать. Японские войска захватили все резервуары, и город остался без воды;

склады неизрасходованных снарядов были взорваны отступавшими; наконец, в руки японцев попали и продовольственные склады.

Последнее наступление на сузившийся периметр обороны, проходивший уже по окраинам Сингапура, началось на рассвете 15 февраля. Утром этого дня, вошедшего в военную историю Великобритании как «черное воскресенье», генерал Персиваль посетил службу в соборе. Затем, получив сообщения из различных секторов обороны, он созвал военный совет. Почти непрерывно продолжалась бомбежка, артиллерия японцев вела огонь прямой наводкой, с окраин доносилась ружейная и пулеметная стрельба. На совещании Персиваль узнал, что вода в городе кончится в ближайшие сутки, запасы продовольствия и боеприпасов также на исходе, бензин остался лишь в баках машин. Командующий заявил собравшимся, что у защитников города есть две возможности: немедленно перейти в контрнаступление и отбить у японцев резервуары и склады либо сдаться. Присутствующие склонились к мнению, что контрнаступление невозможно, и Уэйвеллу было отправлено сообщение о решении гарнизона капитулировать. Уэйвелл, ждавший такого сообщения уже несколько дней, ответил: «Что бы ни произошло, я благодарю Вас и ваши войска за отважные действия последних дней». В этих словах был горький упрек — Уэйвелл говорил лишь о последних днях.

Утром 15 февраля, несмотря на продолжающееся наступление, в штабе Ямаситы царило уныние. У японских войск кончилось горючее и боеприпасы, а потери в частях были столь велики, что даже наиболее самоуверенные офицеры понимали, что наступление захлебнулось. Оставалась единственная возможность — отойти с острова и продолжить штурм, когда прибудут подкрепления. Но об этом в штабе вслух говорить не смели.

В 11 час. 30 мин. командир одного из передовых подразделений сообщил о прибытии к японским позициям маши-

ны под белым флагом. Штабной офицер, встретивший делегацию, задал только один вопрос: «Вы хотите сдаваться?» Услышав утвердительный ответ, офицер от имени своего командующего сообщил, что японцы согласны на переговоры о капитуляции, если в них будет принимать участие генерал Персиваль. Переговоры были назначены на вечер.

В 17 час. английская делегация, которую возглавлял Персиваль, почему-то решивший сам нести белый флаг, подъехала к японскому штабу. Продержав англичан несколько минут под палящим солнцем, Ямасита пригласил их в комнату. В небольшом помещении столпилось более 40 человек. Нечем было дышать. Ямасита резко произнес: «Мы требуем немедленной безоговорочной капитуляции». Более всего он опасался, что англичане поймут, в каком угрожающем положении находится его армия. Как бы подтверждая его опасения, Персиваль заявил, поставив белый флаг в угол, что окончательный ответ английская сторона даст в половине одиннадцатого вечера. Ямасита понял, что теперь все зависит от его напора, что англичан ни в коем случае нельзя выпускать отсюда. Впоследствии, через много лет, он заявил: «Я понимал, что, если нам придется сражаться в Сингапуре, мы будем разгромлены... Наша стратегия была чистым блефом, но блефом, который нам удался».

Ямасита пригрозил Персивалю, что, если условия капитуляции не будут приняты немедленно, японцы начнут всеобщее наступление. Персиваль был растерян. «Нельзя ли попросить японскую сторону оставаться на позициях до утра? Мы продолжим переговоры по отдельным проблемам в 5 час. 30 мин. утра». Ямасита был непреклонен, и Персиваль уступил, согласившись прекратить огонь в 20 час. 30 мин. Было уже шесть часов вечера. Он попросил японского генерала сохранить жизнь семьям английских граждан. «Мы примем меры», — ответил Ямасита.

В Японии известие о капитуляции Сингапура было встречено как национальный праздник. Со времени падения Порт-

Артура, который сопротивлялся много месяцев, подобных побед над европейскими армиями Япония не одерживала. Каждая семья по этому случаю получила от правительства по пакетику красных бобов, а каждый ребенок до 13 лет — кулек с леденцами. На заседании парламента премьер-министр Тодзио сообщил, что после победы над союзниками Бирма и Филиппины получат независимость, а Малайя, Сингапур и Гонконг войдут в состав Японской империи, так как нужны ей как военные базы.

На следующий день генерал Ямасита приказал разделить остров на четыре зоны и подчинить их дивизионным командирам. Начальникам зон вменялось в обязанность проверить лояльность китайцев, живущих на острове, и ликвидировать тех из них, кто принимал участие в обороне или высказывал антияпонские убеждения. В течение нескольких недель после этого в Сингапуре шло массовое истребление китайского населения (по японским данным, было убито 5 тыс. человек, в действительности — в несколько раз больше). Процедура была упрощена до предела. У согнанных китайцев спрашивали адрес и род занятий, затем одним из них разрешали вернуться домой, других на грузовиках отвозили на берег моря. Там их связывали, выводили на несколько метров в воду и расстреливали из пулеметов. Европейцев и индийцев сгоняли в концлагеря. Расстрелы и грабежи в Сингапуре продолжались весь март. Некоторые из руководителей и исполнителей массовых казней в Сингапуре были арестованы и осуждены после войны. Был повешен и командир «кэмпейтай» в Сингапуре генерал-майор Кавамура, известный своим садизмом.

23 марта 1942 г. японское генеральное консульство в Сингапуре было закрыто и военная администрация объявила, что отныне Малайя — неотъемлемая часть империи. Малайя была разделена на десять провинций, г. Сингапур (с 1942 г. — Сёнан) стал отдельной административной единицей. Каждой провинцией правил японский офицер или генерал со штатом военных администраторов, которые руко-

водствовались системой, «существовавшей в провинциях Японии». Государственные советы при султанах были уничтожены, и японцы даже обсуждали, не лишить ли вообще султанов власти. В конце концов было решено оставить их на прежних постах при условии, что реально никакой властью султаны пользоваться не будут и даже лишатся выдававшихся англичанами окладов. В школах страны было введено обязательное обучение японскому языку, английский язык активно, хотя и неэффективно, изгонялся из употребления.

Для того чтобы жители Малайи и Сингапура осознали, что они теперь прямые подданные империи, 29 апреля во всех городах Малайи была проведена торжественная церемония празднования дня рождения императора. Все жители Сингапура и других городов должны были выйти на улицы, повернуться лицом к северо-востоку и минуту простоять в полном молчании со склоненными головами. Командующий оккупационными войсками Ямасита поздравил малайцев с тем, что они отныне являются гражданами Японии. Поскольку в городах, особенно в крупных, малайцев жило не так уж и много, в церемонии участвовали в основном перепуганные китайцы и индийцы, жившие в обстановке террора. Они не получили японского гражданства и оставались для японцев подданными враждебных стран. Японская администрация извлекала из этого максимальные выгоды. В частности, 25 июня Ямасита сообщал в Токио, что им собрано 50 млн малайских долларов от китайцев Сингапура в качестве «добровольного дара».

Глава V

ОККУПАЦИЯ ИНДОНЕЗИИ

Захват Малайского архипелага начался с британских владений на севере о-ва Калимантан: Британского Борнео (Сабаха), Саравака, протектората Бруней и королевской коло-

нии — о-ва Лабуан. Стратегическое положение этого района было исключительно важным: тот, кто господствовал над ним, держал в руках пути из Тихого океана в Индийский. Поэтому операция по захвату Северного Калимантана началась всего через восемь дней после высадки японских войск на п-ове Малакка. Для ее осуществления из состава Южной армии было выделено в общей сложности около двух полков. Противостоявшие им подразделения англичан уступали японским в численности и к тому же были разбросаны, охраняя аэродромы, города, нефтяные промыслы и складские сооружения. Силы англичан состояли из одного пенджабского батальона, местных добровольческих отрядов, береговой охраны и отряда полиции.

Тактика, избранная англичанами еще до начала войны, заключалась в уничтожении нефтяных промыслов и прочих сооружений и стягивании подразделений к аэродрому в Кучинге, который представлялся единственным достойным обороны объектом. В соответствии с этим планом в первый же день войны были взорваны нефтепромыслы на побережье Саравака и уничтожены портовые сооружения, а пенджабские пехотинцы отведены в Кучинг. Японские транспорты высадили десант у нефтяных промыслов, а затем с двумя батальонами на борту направились к Кучингу. 19 декабря одной ротой японцев была без сопротивления захвачена столица Британского Борнео Сандакан, и британский губернатор со всем своим штатом попал в плен. Он отказался работать на оккупантов и был переправлен в концлагерь, став одним из первых его обитателей (строительство концлагерей было предусмотрено заранее — они открывались в ближайшие дни после падения того или иного города или страны).

Когда японские транспорты подходили к Кучингу, голландские бомбардировщики, базировавшиеся в Синкаванге, получили приказ потопить их, но японцы предусмотрели такую возможность и перед самым вылетом бомбардировщиков совершили налет на аэродром Синкаванга. Затем кон-

вой пытались остановить голландские подводные лодки; им удалось потопить несколько катеров, однако большинство их благополучно достигло цели. Англичане, не дожидаясь высадки десанта, начали срочно уничтожать посадочную полосу аэродрома в Кучинге. 24 декабря японцы высадились у Кучинга. После недолгой перестрелки пенджабцы отступили к аэродрому и в течение следующего дня держались в районе аэродрома, отправив раненых и семьи европейцев в Нидерландскую Индию, граница с которой проходила в нескольких десятках километров. Ночью было решено отвести туда же и защитников Саравака.

31 декабря остатки английских подразделений и беженцы прибыли в г. Синкаванг, где находился голландский гарнизон в составе 750 человек. Беженцы были эвакуированы на одном из последних кораблей, а солдаты присоединились к голландцам.

25 января, почти через месяц после захвата Саравака и Северного Борнео, пять японских рот ударили по защитникам Синкаванга, приютившего англичан. Часть пенджабцев была окружена японцами, но сражалась до последнего патрона. После того как боеприпасы у них кончились, японцы взяли в плен и замучили всех пенджабских солдат. Остатки пенджабского батальона были вынуждены отступить в глубинные районы огромного гористого, заросшего лесами Калимантана. Отсюда им пришлось совершить тысячекилометровый многодневный путь на юг острова, где они надеялись соединиться с голландскими войсками. Никто, насколько известно, не описал этого удивительного путешествия горстки индийских солдат через совершенно не изведанные раньше горы и болота Калимантана — сначала пешком, потом на плотах вниз по бурным рекам, добывая себе пропитание в лесу. 6 марта оборванные, босые пенджабцы достигли г. Сампит и, выйдя из леса, были встречены выстрелами японцев, которые захватили этот порт за день до появления пенджабцев. Несгибаемые пенджабцы окопались близ городка, но

8 марта им стало известно, что Ява пала и все английские и голландские войска капитулировали. После совещания, на котором высказывались пожелания уйти вновь в джунгли, чтобы продолжать борьбу, командир пенджабцев все же решил капитулировать: все солдаты были больны дизентерией и лихорадкой и вряд ли кто-либо из них мог выжить, вернувшись в лес. 9 марта остатки гарнизона Британского Борнео сложили оружие. Японцы были поражены, увидев, что пенджабцы пронесли через горы и болота не только винтовки, но и пулеметы и запас боеприпасов, ничего не бросив в пути. Эпопея этих пенджабских солдат — один из наиболее ярких моментов первого периода войны в Юго-Восточной Азии.

Японские успехи в Малайе и на Филиппинах в первые недели войны были настолько внушительны, что в Токио решили ускорить захват голландских владений в Юго-Восточной Азии. Решение об этом было принято в конце декабря, и тогда же японское правительство обратилось через нейтральных шведских дипломатов к правительству Нидерландов с предложением «во имя гуманности... отказаться от любого рода враждебных действий против японских сил». Этот лицемерный демарш был отвергнут, а так как никто в Токио и не считал его серьезным, то приготовления к вторжению в Нидерландскую Индию шли полным ходом. В первых числах января к выходу в море были готовы три больших конвоя. Западная группа сил вторжения должна была отплыть из Французского Индокитая на Южную Суматру, как только падет Сингапур. Центральная группа двигалась от Минданао к порту Таракан, расположенному на островке у северо-восточного побережья Калимантана и оттуда Макасарским проливом на юг. Восточная группа также с Филиппин направлялась для захвата Сулавеси, Амбона и Тимора. Центральной и восточной группам было предписано действовать совместно и поддерживать одна другую, а в конце операции

все три группы должны были обрушиться на Яву. Командование группами было поручено морякам, так как операция обеспечивалась 2-м флотом под командованием вице-адмирала Кондо. Сухопутные десанты находились под общим командованием командующего 16-й армией генерал-лейтенанта Имамуры.

Японскому флоту и армии вторжения противостояла голландская колониальная армия, усиленная союзным флотом. В составе ВВС армии было некоторое число английских и американских самолетов, а флот включал в себя несколько английских, американских и австралийских кораблей. Накануне войны голландская армия в Индонезии насчитывала примерно 35 тыс. человек, 10–15% в ней составляли голландцы, которые и занимали почти все офицерские должности; большинство солдат были родом с Амбона и других восточноиндонезийских островов с христианским населением, что делало их с голландской точки зрения надежнее мусульман основных западных островов. Кроме армии в распоряжении командования были территориальные части, куда входили способные носить оружие мужчины-голландцы, части внутренней охраны (примерно 30 тыс. человек), а перед самой войной в армию было включено еще 6 тыс. индонезийских добровольцев. Считается, что, когда был объявлен призыв добровольцев в армию, на призывные пункты явилось около 100 тыс. индонезийцев. То, что из них было отобрано лишь 6 тыс. человек, голландские историки объясняют лишь нехваткой оружия, однако можно с достаточным основанием предположить, что энтузиазм, проявленный индонезийцами, показался голландским властям весьма подозрительным. Впрочем, с военной точки зрения, несмотря на убежденность некоторых исследователей в обратном, любое число добровольцев, вооруженных лишь стрелковым оружием и не имеющих настоящей военной подготовки, не могло бы изменить соотношения сил в пользу голландцев. Их частям в

Индонезии не хватало именно современного вооружения и квалифицированных военных кадров — ведь даже профессиональная армия Нидерландов не имела опыта ведения современной войны. В численности японцы во время кампании в Нидерландской Индии везде уступали своим противникам. Но они имели психологическое преимущество, поскольку были уверены в победе, а также военное и техническое превосходство — их авиация господствовала в воздухе, флот — в море, танки и артиллерия — на дорогах, пехота — в лесу и в горах.

10 января наблюдатели в порту Таракан — важном месте добычи нефти — заметили дымы, возвещавшие о приближении японского конвоя. Комендант острова тут же приказал разрушить все промыслы и зажечь запасы нефти. Когда японские корабли приблизились к острову, они увидели, что опоздали — внезапное нападение не удалось. В ночь на 11 января с кораблей, остановившихся в 10 милях от берега, был высажен десант, и уже утром голландский гарнизон численностью 1300 человек сдался. Четыре дня спустя японцы смогли восстановить аэродром в Таракане, а это означало, что их авиации придется покрывать куда меньшее расстояние для обеспечения высадки на юге архипелага.

Тогда же, когда началась высадка десанта у Таракана, корабли восточной группы подошли к г. Манадо на северо-восточной оконечности о-ва Сулавеси. Голландские и американские самолеты, базировавшиеся на о-ве Амбон, получили предупреждение о высадке и совершили налет на транспорты, но ни одного из них потопить не смогли. Помимо морского в Манадо японцами впервые был применен массированный воздушный десант: болей 500 парашютистов были сброшены на аэродром южнее города. На земле их встретил сильный огонь голландских войск. Значительная часть десанта погибла, однако у голландцев кончились боеприпасы, и японским парашютистам удалось обратить их в бегство. Обозленные потерями, парашютисты на

месте расстреливали тех, кто сдавался в плен. В течение нескольких дней продолжалось сопротивление отступивших в горы голландцев, но постепенно японцы выловили и перебили их.

Таким образом, к вечеру 12 января японские десантники выполнили первоначальное задание и создали плацдармы на севере Индонезии, увеличив радиус действия своей авиации на 500 км. К этому времени стратегическое положение союзников в Юго-Восточной Азии уже было угрожающим. Под контролем японцев оказалась почти вся материковая Юго-Восточная Азия (кроме Бирмы), Лусон и ряд тихоокеанских островов. Японские части приближались к Сингапуру, блокировали американцев на п-ове Батаан. Существовала угроза, что японцы постараются отрезать от союзников Австралию, захватив Амбон и Тимор. Однако генерал Уэйвелл отказался от мысли укреплять опорные пункты на Малых Зондских островах, Сулавеси и Калимантане и, несмотря на возражения его голландских, австралийских и американских коллег по АБНА, приказал все поступающие из других районов подкрепления направлять в Сингапур. Что касается обороны Индонезии, то Уэйвелл надеялся более всего на возможности голландского и английского флота, а также на обещание американцев в течение двух ближайших месяцев направить на его театр военных действий тысячу самолетов. Однако этих двух месяцев в его распоряжении не оказалось.

20 января корабли японской центральной группы вышли из Таракана на юг, в сторону порта Баликпапан — крупного центра нефтедобычи на Южном Калимантане. За несколько дней до выхода конвоя в море в Баликпапан были направлены японские эмиссары, которые обратились к голландскому коменданту города с требованием не наносить вреда нефтяным промыслам, угрожая в противном случае жителям города и пленным репрессиями. Комендант города правильно истолковал ультиматум как весть о приближении

вражеских сил и сейчас же приказал уничтожить нефтепромыслы. В результате, когда корабли японского конвоя подошли к Баликпапану, они увидели черную стену дыма от горящей нефти. «Дипломатическое» предупреждение японцев было принято во внимание и голландским командованием, которое выслало к месту высадки авиацию и флот. Самолетам и подводным лодкам удалось потопить два транспорта, а эсминцы начали расстреливать остальные суда, хорошо различимые на фоне пылающего города. Но транспорты уже частично разгрузились, и потому потери японцев оказались незначительными, если не считать гибели оборудования и припасов, которые не успели выгрузить.

Восточная группа старалась не отставать от своего соседа. 24 января ее десантом был захвачен порт Кендари на Южном Сулавеси. С этого момента японская авиация могла спокойно совершать налеты на Яву и даже на Северную Австралию. Вступила в действие и западная группа. Из Гонконга для участия в операциях был переброшен 229-й пехотный полк, и к 20 января десант был готов к выходу в море. Как только стало ясно, что падение Сингапура — дело ближайших дней, решено было начать оккупацию Южной Суматры, в первую очередь района Палембанга, где кроме нефтепромыслов находились нефтеперерабатывающий завод и аэродром.

Отряд транспортов, двигавшийся к Южной Суматре, сопровождали крейсер, авианосец и несколько эсминцев. Хотя основной задачей военных кораблей была охрана транспортов, на деле получилось иначе. Войдя 10 февраля в пролив Банка, конвой оказался в центре оживленного движения. Именно в эти дни из Сингапура вырывались последние суда, которые еще могли его покинуть. Некоторые из них собирались в караваны и шли под прикрытием военных катеров, но подавляющее большинство пароходов, корабликов, джонок никто не охранял. У большинства судов была только одна цель — уйти как можно дальше от пылающего, гремящего взрывами Сингапура. Море в эти дни было спокойно, дул устойчивый севе-

ро-восточный муссон, и потому даже неуправляемые лодки гнало ветром к берегам Суматры. Но почти для всех, кто отплыл из Сингапура в эти дни, путь сквозь пролив Банка оказался последним. Конвой западной группы, войдя в пролив, перегородил его словно сетью и начал методично уничтожать безоружные корабли и лодки. Крейсер и эсминцы расстреливали перегруженные жертвы в упор, самолеты поливали их пулеметным огнем или точно бросали бомбы с бреющего полета. Ни один из японских военнослужащих не погиб во время этой охоты, зато было потоплено более 40 пароходов и множество джонок и лодок. На необитаемых островках в проливе скопились тысячи людей, которым удалось выплыть после гибели пароходов и которые теперь были обречены на смерть от жажды и голода.

Спастись удалось лишь тем, кто добрался до Суматры и был встречен там группой английских и голландских офицеров, организовавших переброску беженцев на западное побережье, к порту Паданг, откуда голландские и английские суда вывозили их на Яву и Цейлон. Последние беженцы, которых удалось вывезти, были взяты на борт военной эскадрой, уходившей от Нидерландской Индии к Цейлону. Это случилось 1 марта, когда собравшиеся в Паданге беглецы уже не надеялись на спасение. В общей сложности до Цейлона добралось таким путем более 1600 англичан, некоторые смогли достичь Явы и даже Австралии. Около тысячи человек, оставшихся на Суматре, попали в плен, и никто не знает, сколько тысяч погибло в море.

Судьба тех, кто очутился в местах, занятых японцами, зачастую также была трагична. Достаточно привести пример с небольшим английским пароходом «Вайнер Брук». На его борту из Сингапура 12 февраля были эвакуированы 65 австралийских медсестер, которые до последних дней оставались в госпиталях, более 200 женщин и детей, а также несколько десятков тяжелораненых солдат и офицеров. Перегруженный пароход шел ночами и к утру 15 февраля

остановился у одного из островов в проливе Банка, так как кончилась вода и раненые на борту умирали. На острове уже высадились японцы, которые задержали пароход и согнали на берег пассажиров. Затем часть раненых затащили на холмы и расстреляли, а медсестер и женщин с детьми погнали в море. Когда те зашли в море по колени, их начали расстреливать из пулеметов. Лишь одна из женщин осталась жива и смогла рассказать о судьбе парохода.

После задержки, вызванной преследованием пароходов, бегущих из Сингапура, японский конвой возобновил движение к месту высадки. Он был замечен авиацией союзников, однако налет на него не принес результатов. Чтобы захватить нефтепромыслы и завод, прежде чем их успеют взорвать, японское командование решило вновь использовать парашютистов. Самолеты, на борту которых находились 400 десантников, последнюю часть пути шли в сплошной дымовой завесе — дым от грандиозных пожаров Сингапура тянулся к югу на много километров и достигал Южной Суматры. На рассвете 14 февраля самолеты внезапно появились над Палембангом и сбросили часть десанта у аэродрома, а часть — у нефтеперерабатывающего завода. Десантники смогли (хотя почти все они погибли в этом бою) воспрепятствовать взрыву завода, и через несколько дней после прихода японцев он уже вновь работал и поставлял японским войскам столь нужный им бензин.

На следующий день, не дожидаясь высадки японцев с моря, голландский командующий приказал отходить от Палембанга. Уэйвелл также рассудил, что после падения Сингапура никаких надежд удержать Суматру не остается, и приказал всем английским войскам независимо от того, что решат голландцы, немедленно отступать на Яву. Пока японский десант высаживался у Палембанга, англичане и голландцы направились по железной дороге к южной оконечности Суматры, в порт Оостхавен (Телукбетунг), чтобы переправиться через Зондский пролив на Яву. Отступление из Палем-

банга было настолько поспешным, что пришлось оставить японцам почти всю технику и транспорт. В разгар бегства к причалу Телукбетунга подошли суда, доставившие подкрепления из Австралии. Два батальона и танковый отряд уже были на берегу, когда получили приказ срочно вновь грузиться на корабли и плыть к Яве.

Бегство с Суматры имеет эпилог. После того как 17 февраля последний голландский солдат покинул Телукбетунг, командование на Яве получило сведения, что японцы не только не продвигаются, но до сих пор даже не заняли Палембанг. Соединившись с остатками парашютистов на аэродроме, японские войска продолжали концентрацию в устье реки и разгрузку транспортов, полагая, что Палембанг твердо удерживается англичанами и голландцами. Еще через два дня 50 английских летчиков-добровольцев взошли на борт канонерки «Балларат» и отправились к Телукбетунгу. В порту было тихо, лишь кое-где местные жители распаковывали контейнеры, сваленные на берегу, выясняя, чем бы там поживиться. Летчики сошли на берег и сносили на канонерку ценное оборудование и припасы до тех пор, пока корабль не погрузился в воду по боевую палубу. Затем они взорвали и подожгли портовые сооружения и уничтожили подъездные пути железной дороги и так же спокойно, как и прибыли, вернулись в Батавию. Японские же войска лишь 18 февраля начали занимать населенные пункты Суматры и за несколько дней без всякого сопротивления оккупировали всю южную часть огромного острова.

К 20 февраля японцы завершили окружение Явы, захватив Бали и Тимор. Оккупация острова Бали не входила в первоначальные планы японского командования, однако испортившаяся погода препятствовала налетам японских самолетов на города Явы с аэродромов Калимантана и Сулавеси, и потому было решено использовать аэродромы на Бали, с которых до Явы было рукой подать. Когда в штабе АБНА стало известно, что к Бали приближаются японские транспорты, Уэйвелл при-

казал командующему Объединенной эскадрой союзников в Индонезии голландскому адмиралу Доорману принять меры. Сделать это было нелегко, потому что корабли союзной эскадры были разбросаны по архипелагу, скрываясь от японской авиации. Поэтому адмирал пошел к месту высадки с большим запозданием, толком не собрав своих сил. Когда его корабли наконец подошли к месту высадки, выяснилось, что японские транспорты, благополучно высадив войска, уже ушли в море. Эскадра столкнулась лишь с японскими эсминцами, которым удалось потопить два американских корабля и так повредить тяжелый крейсер «Тромп», что тот надолго ушел в Австралию для ремонта.

Остров Тимор был захвачен комбинированной атакой японских парашютистов, которые захватили аэродром, и морского десанта. Несколько ранее Уэйвелл направил на Тимор подкрепление из австралийского порта Дарвин, но, когда конвой вышел в море, его обнаружили японские бомбардировщики, и конвой вернулся в Австралию. Этим был подписан смертный приговор о-ву Тимору и находившимся там войскам. Остатки австралийских и голландских войск отступили в горы центральной части острова и, когда им удалось собрать радиопередатчик, вышли на связь с Австралией, где давно уже были убеждены, что от гарнизона острова никого не осталось в живых. Почти год эти солдаты с помощью местных жителей вели партизанскую войну против японцев и лишь в декабре 1942 г. были эвакуированы в Австралию. Поддержка местных жителей была вызвана, разумеется, не их симпатиями к голландцам, а зверской политикой японцев, которые с первых дней оккупации восстановили против себя население Тимора. О взаимоотношениях захватчиков и коренного населения острова красноречиво свидетельствует рассказ капитан-лейтенанта Ямабэ: «Однажды на старшего унтер-офицера 1-го взвода Такано, когда он направлялся на наблюдательный пункт в сопровождении нескольких парашютистов отряда, неожиданно напали местные жители. Такано выхватил меч, нанес удар, и голова одного

туземца отлетела прочь. Остальные в страхе разбежались. После этого случая Такано прослыл героем среди туземцев». Несколько месяцев, последовавших за захватом острова, ушли, по японским данным, на «боевые действия по умиротворению».

Полагая, что Яву союзникам не защитить, генерал Уэйвелл обратился к начальникам союзных штабов с предложением не выгружать в Батавии австралийскую дивизию, которая уже была отправлена на помощь голландцам, а использовать ее для обороны Бирмы. Однако 20 февраля он получил от Объединенного комитета начальников штабов указание удерживать Яву любой ценой. Для того чтобы генерал мог сконцентрироваться на этой задаче, из-под его командования была изъята Бирма. На этот приказ Уэйвелл ответил, что защиту Явы лучше доверить голландскому командующему, а ввиду того что АБНА отныне не имеет других объектов, которые следовало бы защищать, он просит распустить его штаб и освободить его самого от командования АБНА, поскольку таковой фактически не существует. На следующий же день начальники союзных штабов приняли предложение Уэйвелла. Уходя, генерал предупредил их, что оставшиеся на Яве самолеты союзников смогут участвовать в защите острова лишь в течение недели. После этого Ява, отрезанная в результате падения Тимора и Бали от Австралии и отделенная от Цейлона половиной Индийского океана, останется без всякой авиационной поддержки, что отдаст ее на милость японской авиации. Ввиду этого последним действием Уэйвелла был приказ повернуть к Яве транспорты, которые везли к Цейлону разобранные американские самолеты и летчиков. Один из транспортов дошел до Явы, но собрать самолеты уже не успели. Сам же Уэйвелл 25 февраля покинул Яву, чтобы принять командование индийским театром войны, т. е. присутствовать при крушении бирманского фронта.

Реальных надежд на удержание Явы, гарнизон которой составляли многонациональные, в значительной степени деморализованные части, конечно, не было. Понимая это, тысячи голландцев и англичан бились за места на последних

пароходах, уходивших к Цейлону. В Сурабае и Батавии в это же время разгружались суда с беженцами из Сингапура и с восточных островов архипелага.

Регулярная голландская сухопутная армия на Яве насчитывала приблизительно 25 тыс. человек. Техническое оснащение голландских войск было весьма слабым. Особенно плохо обстояло дело с танками и артиллерией, так как США и Великобритания не смогли выполнить своих обещаний по поставке Голландии современного вооружения. На острове находились также австралийские, английские и американские части. В основном это были артиллерийские полки и танковые подразделения, однако их боевая ценность была невысока, потому что это были, как правило, бежавшие с Суматры или прошедшие малайскую кампанию части, потерявшие значительную часть снаряжения. Разномастные самолеты ВВС не могли не только соперничать с японскими, но даже эффективно вести боевую разведку или препятствовать высадке десантов. При этом, по подсчетам англичан, на острове скопилось более 6 тыс. пилотов, механиков и солдат обслуживания ВВС, которые были лишены самолетов, и пришлось принимать меры по их эвакуации с Явы, для того чтобы сохранить летные кадры. Оставался еще объединенный флот, в составе которого к этому времени было восемь устаревших крейсеров, 12 эсминцев и 32 подводные лодки, но ни одного авианосца, что резко снижало его возможности противостоять японским эскадрам.

После 19 февраля, когда японцы привели в порядок аэродромы на Бали и Южной Суматре, налеты японской авиации стали ежедневными и по мере приближения дня высадки становились все более интенсивными. Не зная, куда направит свой основной удар противник, командующий обороной острова голландский адмирал Хелфрич приказал подводным лодкам патрулировать Зондский пролив, а остальным кораблям стянуться в две эскадры, чтобы охранять западную и восточную оконечности острова. Хелфрич пола-

гал, что вторжение будет произведено с двух концов острова. В соответствии с этим основные силы союзников были расположены в районах Батавии и Сурабаи, в то время как центральная часть острова была оголена.

Японская Южная армия смогла выделить для вторжения на Яву значительные силы — маршал Тераути надеялся покончить с сопротивлением гарнизона острова одним мощным ударом, чтобы развязать себе руки для дальнейших операций. Поэтому к Яве одновременно приблизились восточная группа — 48-я пехотная дивизия на 41 транспорте в сопровождении крейсера и шести эсминцев — и западная группа — 2-я дивизия и 230-й пехотный полк 38-й дивизии на 56 транспортах в сопровождении эскадры эсминцев. Движение групп прикрывалось 2-м флотом, в составе которого было два линкора, четыре авианосца и несколько крейсеров. Кроме того, эскадра в составе двух линкоров, трех тяжелых крейсеров и трех эсминцев обогнула Яву и вышла в Индийский океан, чтобы отрезать защитникам Явы пути к отступлению.

24 февраля голландцы обнаружили караван транспортов, идущий к Яве Макасарским проливом. Чтобы настичь и уничтожить его, в Яванское море вышла эскадра союзников под командованием адмирала Доормана. 25 февраля Доорман японские транспорты не нашел и на следующий день вышел в море вновь. К этому времени он лишился трех английских крейсеров, которым английское командование приказало покинуть Яву и уходить к Цейлону. В результате в распоряжении Доормана осталось только пять крейсеров и несколько эсминцев.

В ночь на 27 февраля крейсеры адмирала Доормана пошли вдоль побережья Явы, рассчитывая найти японские транспорты, однако за ночь им никто не встретился. Утром корабли повернули обратно. Уже у входа в гавань Сурабаи Доорман получил известие, что японские транспорты приближаются к берегу, и немедленно пошел на перехват. Адмирал не знал, что транспорты уклонились в сторону от мар-

шрута и он идет на сближение с японской боевой эскадрой адмирала Такаги.

В 16 час. союзная эскадра увидела на горизонте дымы, и уже через 15 мин. началась артиллерийская дуэль, в которой японские корабли имели преимущество за счет дальнобойных орудий. Отбивая атаки японских миноносцев, крейсеры союзников маневрировали, чтобы сблизиться с японской эскадрой и ввести в действие тяжелую артиллерию. Во время одной из атак английский крейсер «Экзертер» был поражен японским снарядом и, снизив скорость, вышел из строя. И здесь сыграла злую роль несогласованность действий капитанов многонациональной эскадры. Один из крейсеров продолжал идти за «Экзертером», тогда как три остальных изменили курс, и эскадра смешалась. В этот момент одна из японских торпед попала в голландский эсминец, который разломился пополам и пошел ко дну, а остальные эсминцы, окружив «Экзертер», закрыли его дымовой завесой. Доорман приказал английскому крейсеру возвращаться в Сурабаю.

Наконец начало темнеть. Американские эсминцы покинули эскадру и также пошли к Сурабае, чтобы заправиться горючим и взять торпеды — эсминцы расстреляли весь свой запас, ни разу не попав в цель. Остальная эскадра в темноте потеряла противника, и Доорман в надежде все же настичь транспорты приказал идти к северу. Через полтора часа союзные корабли снова натолкнулись на японскую эскадру. Торпедная атака японских эсминцев на этот раз была эффективной — два голландских крейсера получили прямые попадания и через несколько минут пошли ко дну. На флагманском корабле погиб и адмирал Доорман.

Остатки эскадры смогли вернуться в Батавию и там заправиться. Утром английский крейсер «Хустон» и австралийский «Перт» покинули Батавию, которая находилась под непрерывной бомбежкой, и пошли на запад в надежде прорваться в Индийский океан. В 40 милях от Батавии они неожиданно

натолкнулись на громадный караван транспортов, разгружавшийся у берега, — десант западной группы. Союзные крейсеры начали расстреливать транспорты в упор. Два транспорта пошли ко дну, несколько было повреждено, прежде чем корабли японского конвоя успели к месту этого боя и в течение нескольких минут пустили ко дну остатки эскадры Доормана.

Из всего союзного флота спаслись лишь четыре американских эсминца, которые не участвовали в последней стадии битвы в Яванском море. Ничто уже не мешало японским десантникам спокойно высаживаться на Яве.

Высадившись в 150 км к западу от Сурабаи, десант восточной группы не встретил сопротивления, так как в этом месте голландских войск не было. К утру 2 марта японцы продвинулись более чем на 50 км, захватив нефтепромыслы и железнодорожный узел. Отбрасывая голландские заградительные отряды, к утру 7 марта японцы вступили в Сурабаю.

Десант западной группы высадился в двух пунктах по обе стороны от Батавии. Колонны грузовиков, сопровождаемые легкими танками, сейчас же двинулись внутрь острова с целью захватить аэродромы и перерезать железную дорогу между Батавией и Бандунгом. Нападение было столь внезапным, что далеко не все самолеты смогли подняться в воздух и аэродромы достались японцам вместе с самолетами. 5 марта голландские части оставили Батавию и начали отступать к Бандунгу. Перед оставлением Батавии командующий обороной города генерал Поортен предложил объявить столицу Нидерландской Индии открытым городом и сообщил на запросы английского и австралийских офицеров, что голландское правительство не намерено принимать мер по организации партизанской войны «ввиду неясности отношения местного населения к европейцам».

Не успели австралийцы и англичане занять позиции у Бандунга, как генерал Поортен обратился по радио к войскам на Яве с приказом безоговорочно капитулировать, так как он достиг об этом договоренности с командующим япон-

скими войсками. Это случилось утром 8 марта. В общей сложности оборона Явы — острова с многомиллионным населением, который защищали значительные силы союзников, продолжалась шесть дней — ровно столько, сколько понадобилось японским десантам, чтобы добраться до ее основных центров. По официальному японскому сообщению, в плен на Яве было взято 93 тыс. голландцев и 5 тыс. австралийцев, англичан и американцев.

Японское завоевание Индонезии завершилось высадкой десанта на Северной Суматре, которую произвела императорская гвардейская дивизия, переброшенная туда из Сингапура. Эта операция была проведена столь безбоязненно, что транспортам даже не было придано боевое охранение. Оккупация Северной Суматры была завершена к 28 марта. Таким образом, за два с половиной месяца была захвачена вся Юго-Восточная Азия, за исключением Бирмы. Правда, американские войска тогда еще держались на Батаане и о-ве Коррехидор, но это не оказывало никакого влияния на общий ход событий.

Для начального периода японской оккупации Индонезии характерны поиски наилучшего варианта административного устройства захваченной страны. На первых порах административное деление просто соответствовало расположению оккупационных армий, нередко игнорируя при этом старые государственные границы. Так, Суматра была объединена под общей военной администрацией с Малайей. Оправдывалось это не только военными интересами, но и тем, что какие-то теоретики в Сайгоне или Токио решили, что в расовом отношении ближайшими родственниками японцев являются коренные жители п-ова Малакка и Суматры, тогда как кровь яванцев «не отвечает высоким требованиям расовой чистоты». Ява находилась в ведении 16-й армии, а Калимантан и острова восточной части архипелага — флота.

При разработке планов управления Индонезией на будущее японские администраторы исходили из варианта, уже

испробованного при захвате французских колоний. Согласно этим планам, в Индонезии должно было быть создано «независимое правительство», контролируемое Японией. После принятия «конституции», выработанной комиссией, в которую планировалось включить представителей основных национальных групп страны, в том числе (!) и японцев*, страна должна была заключить с Японией военный договор. За высшими чиновниками старой голландской администрации сохранялись их прежние посты и титулы, но права их должны были быть ограничены.

План провалился, так как японцы недооценили решимости голландского правительства оставаться на стороне западных союзников (на французское правительство давить было куда легче, раз оно фактически подчинялось Берлину). Голландская администрация на сотрудничество не пошла. Следовало искать иной путь, и в его поисках оккупационные власти обратили внимание на деятелей индонезийского освободительного движения.

В планах японских стратегов страны Юго-Восточной Азии делились на те, которым следовало обещать независимость, так как они, с точки зрения японцев, имели достаточно сильное национально-освободительное движение и политическую организацию, через посредство которой управлять страной в случае ее оккупации было удобнее, чем использовать собственную военную администрацию, и те, провозглашение независимости которых не давало японцам никаких политических преимуществ. Этим можно объяснить разнообразие подходов к местным проблемам, выработанное еще до войны.

В Бирме, где уже несколько лет существовали парламент и легальная политическая деятельность, японская агентура нашла союзников в самой верхушке национально-освободитель-

* К началу войны их в Индонезии было не более 10 тыс. (7 тыс. на 1930 г.), и значительная часть их в той или иной степени работала на японскую разведку.

ного движения. Во главе прояпонской фракции стоял бывший премьер-министр Ба Мо, на контакты с японцами пошли и представители левого крыла патриотических сил. Привлекая на свою сторону лидеров бирманского национализма и ведя с их помощью пропаганду, японцы вынуждены были признавать и цель, к которой стремились эти лидеры, — независимость Бирмы. За оказанную ими поддержку необходимо было дать то, что англичане дать отказались.

К той же, что и Бирма, категории относились Филиппины. Там также уже существовали сложившаяся парламентская система, сильные партии, опыт политической деятельности. При этом Филиппинам уже была обещана в ближайшем будущем независимость. Для того чтобы заручиться поддержкой филиппинских буржуазных лидеров, следовало предоставить независимость не позже запланированного срока. В ином случае японцы, завоевав Филиппины, рисковали столкнуться с сильной и организованной оппозицией.

Остальным странам Юго-Восточной Азии независимость обещать не имело смысла. Одни из них можно было прямо включить в состав империи, в отношении других надо было выработать какую-то систему управления. В странах Французского Индокитая был испытан вариант сохранения старой европейской администрации. На эту администрацию можно было сваливать вину за невзгоды народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, ее же следовало твердо держать в руках, компрометируя сотрудничеством с оккупантами и в то же время не давая возможности встать к оккупантам в оппозицию. А так как французы не пользовались любовью местного населения и были фактически лишены поддержки метрополии, то они становились не добровольными, но верными союзниками и слугами. Будучи зависимыми от японцев, они были вынуждены мириться с неблагодарной ролью проводников оккупационной политики, рассчитывая на то, что со временем смогут восстановить свои позиции.

Такую же систему японцы предложили сначала Нидерландской Индии, но, когда получили решительный отказ и поняли, что за спиной голландцев стоят англичане, они пошли на то, чтобы разработать для Индонезии иной вариант оккупации.

Он заключался в том, чтобы независимости конкретно не обещать, но в то же время и не отказывать в ней категорически. Таким образом, по типу оккупационного режима Индонезия должна была занять промежуточное место между Малайей, которая попросту была включена в Японскую империю, и такими странами, как Бирма и Филиппины, которым независимость была обещана.

Готовя вторжение в Индонезию, японское командование располагало подробными отчетами своих агентов о состоянии дел в национальном движении Индонезии и полагало, что оно не будет определяющей силой в стране. Крупнейшая политическая организация — Коммунистическая партия Индонезии после разгрома антиколониальных восстаний в конце 20-х годов так и не смогла восстановить свои силы. Мусульманские партии, в первую очередь «Сарекат ислам», выражали интересы слабой индонезийской буржуазии, исламского духовенства и чиновников низшего звена колониальной администрации — массовой поддержки они в Индонезии не имели и политически их можно было игнорировать. Правая партия Париндра (Партия Великой Индонезии), хоть и вела националистическую пропаганду, добиваясь для Индонезии статуса доминиона, также не была массовой организацией. Наконец, левобуржуазная Партиндо (Партия Индонезии), которая была создана Сукарно, к началу войны фактически самораспустилась, лишенная лидера, который был в очередной раз заключен в тюрьму за свои решительные выступления против колониализма. Позднее тюремное заключение было заменено ссылкой на о-в Флорес, а с 1938 г. — в городок Бенкулен на Южной Суматре.

Крупнейшей легальной партией в Индонезии к началу войны стала Гериндо (Народное движение Индонезии), ко-

торая впитала в себя и осколки Партиндо, и группы левых националистов и коммунистов, один из которых, Амир Шарифуддин, был в числе ее лидеров. Гериндо не требовала в то время независимости, а выступала за представительное самоуправление, ограничение власти генерал-губернатора и т. д. После начала Второй мировой войны Гериндо выступила с заявлением, в котором говорилось, что «великие события, потрясшие мир, обусловлены столкновением не между народами и не между Азией и Западом, а между демократией и фашизмом. Гериндо должна бороться против влияния фашизма, стремящегося проникнуть в Индонезию». Дальнейшая консолидация патриотических сил привела к созданию ГАПИ (Политическое объединение Индонезии), куда вошел ряд крупнейших партий и профсоюзов.

Из-за всего этого, а также потому, что Японии выгоднее было рассматривать Индонезию не как единую страну, а как громадный архипелаг, включавший в себя несколько потенциальных государств, в Токио было решено, внешне подчеркивая свое стремление к поддержке индонезийского национализма, отложить вопрос о предоставлении независимости Нидерландской Индии на будущее, а также предусмотреть возможность подготавливать независимость отдельно для Явы и для других районов, называемых в отличие от Явы Внешними провинциями.

Японская оценка ситуации в Индонезии в значительной степени подтвердилась во время кампании 1942 г. Индонезийский народ в основном не принимал в войне участия, оставаясь по мере сил сторонним наблюдателем. Известны отдельные попытки создать кое-где местные органы власти. Наиболее широкое распространение эти действия получили на Сулавеси. Там было даже создано местное правительство во главе с Джанупойо и Нани Вартабоне, которое просуществовало до прихода японцев. Но в целом оккупация Индонезии прошла и без поддержки индонезийцев, и без их сопротивления.

Действия японцев, призванные завоевать симпатии населения, были скорее формальными, чем направленными на

создание союза с индонезийцами. Правда, во главе некоторых японских колонн на танках развевался красно-белый флаг Индонезии, с самолетов разбрасывали листовки с призывами к единению всех народов «желтой расы» и уверениями в том, что Япония несет освобождение «младшему брату». Проведение в жизнь пропагандистской кампании было возложено на отдел пропаганды 16-й армии, которой и предстояло ведать дружбой индонезийцев и японцев, не давая при этом индонезийцам слишком много надежд. Кампания была придумана еще в Токио и называлась движение «Тига-А», т. е. три «А». Это название расшифровывалось как три ипостаси Японии в Азии: «светоч», «вождь» и «покровитель». Цель движения была весьма утилитарной: доказать индонезийцам, что их связывает с Японией общность интересов, а потому они должны трудиться на японскую армию и поддерживать японскую войну. Поэтому движение было обречено на провал еще до того, как было создано.

Осознав уже в первые месяцы после захвата страны, что индонезийцы не испытывают к оккупантам никакой благодарности, командование 16-й армии решило привлечь к сотрудничеству политиков левого толка, не высказывавших ранее прояпонских симпатий, но популярных в стране и гонимых голландцами. На первом месте среди таких политиков был Сукарно.

Вскоре после того как Суматра была оккупирована японцами, командир дивизии на Южной Суматре полковник Фудзияма приказал отыскать Сукарно и доставить его к себе. Полковник потратил немало времени, доказывая. Сукарно, что Япония несет свет в Азию и борется за освобождение народов мира от западных колонизаторов. Очевидно, Фудзияма намекнул на возможность предоставления в будущем независимости Индонезии. Со своей стороны, Сукарно согласился способствовать укреплению власти японцев при условии, если ему будет предоставлена свобода действий. «Японское правительство не будет чинить вам никаких пре-

пятствий», — обещал Фудзияма и в знак особого расположения тут же предоставил в распоряжение Сукарно черный «бьюик», конфискованный у голландского плантатора.

Сукарно, проведший несколько лет в ссылке в вынужденном безделье, с энтузиазмом начал пропагандистскую работу. Главным для него было то, что он получил возможность укреплять свою несколько потускневшую популярность в народе и готовить почву для создания националистических организаций. Разумеется, за это надо было платить, но Сукарно был убежден, что стратегические надежды оправдывают тактические неудобства и жертвы. Сукарно был обязан пропагандировать освободительную миссию Японии, необходимость бороться с западным колониализмом и помогать японской армии. Он выбивал поставки для армии, уговаривал население за бесценок сдавать продовольствие. Как он сам вспоминал, порой у него от этих обязанностей сердце разрывалось на части, но он делал все это, так как в противном случае японское командование не разрешило бы ему вести подготовку народа к независимости.

Чем хуже шли дела с главной затеей японских пропагандистов, движением «Тига-А», тем нужнее были популярные личности, выступавшие в роли союзников Японии. Познав, что Фудзияма успешно использует Сукарно, командующий армией на Яве генерал Имамура начал заигрывать с другими националистическими лидерами. Однако все его переговоры упирались в их желание привлечь к работе на Яве самого Сукарно. В ином случае, давали понять генералу, движение «Тига-А» погибнет, так и не дав плодов. Поэтому, несмотря на известные японцам антифашистские убеждения Сукарно и опасение, что харизматическая популярность Сукарно может оказаться для японцев вредной, если он попытается выйти из-под контроля, генерал Имамура решил перевезти Сукарно в центр.

В июле 1942 г. Сукарно после девяти лет отсутствия вернулся на Яву. Японская пропаганда решила извлечь все выгоды из его появления в Джакарте. Ему был предоставлен дом

в центре города, генерал Имамура пригласил индонезийского лидера к себе в резиденцию. Резиденция генерала находилась в бывшем дворце голландского генерал-губернатора. В тот день, когда Сукарно ввели во дворец, он вряд ли предполагал, что через несколько лет кабинет генерала Имамуры станет рабочим кабинетом самого Сукарно.

В первые же дни по приезде в Джакарту Сукарно смог встретиться с основными лидерами индонезийского национализма — правым буржуазным националистом Хаттой и своим старым соратником Шариром. Сукарно предложил им сотрудничество до тех пор, пока не будут изгнаны японцы. План Сукарно заключался в том, чтобы использовать все легальные возможности для укрепления индонезийских освободительных сил и создания национальных организаций. Шарир, которому в альянсе крупнейших индонезийских лидеров, созданном в конце 1942 г., отводилась роль организатора подпольного антияпонского движения, вспоминал, что уже в июле 1942 г. Сукарно настаивал на видимости сотрудничества с японцами и необходимости использовать тот шанс, который дает желание японцев использовать национальное движение в своих интересах. И в последующие месяцы Сукарно утверждал в разговорах с близкими ему людьми, что «лучшей тактикой будет, если мы заставим Японию бороться за наши интересы» и что «мы посадили семена национализма. Теперь пускай японцы их выращивают».

К этому времени на все посты, которые ранее занимали голландцы, были назначены японские офицеры и чиновники, причем количество их все время росло и достигло к концу войны совершенно фантастической цифры — почти 25 тыс., что вело к возникновению бюрократии, межведомственных трений, массы ненужной писанины и удивительного разнобоя мнений по поводу того, как следует управлять Индонезией и на кого следует в этом опираться. Правда, японцы нашли себе вскоре союзников в слое тех индонезийцев-чиновников, выходцев из феодальной верхушки общества, которые и при голландцах послушно трудились в колониаль-

ном аппарате. Если в первые недели оккупации японцы относились к ним с опаской, полагая, что в их среде широко развиты проголландские настроения, то впоследствии они поняли, что эти чиновники — куда более надежная опора, чем молодые националисты, идущие за Сукарно.

Мертворожденное движение «Тига-А» не смогло завоевать популярности в стране и после того, как во главе его согласились стать Сукарно и Хатта. Откровенная односторонность движения отталкивала от него индонезийцев. Даже генералу Имамуре стало понятно, что упорствовать, поддерживая его, — лишняя трата сил. Поэтому в ноябре 1942 г. движение было ликвидировано. Однако требовалась какая-то иная прояпонская форма общественного движения. И тогда на помощь японцам пришли Сукарно и Хатта, которые предложили в конце 1942 г. создать массовую организацию, целью которой была бы мобилизация индонезийцев на помощь Японии, но которая строилась бы на элементах индонезийского национализма.

Глава VI

БИРМА

Проблемам обороны Бирмы почти до самого начала войны практически не уделялось внимания. Считалось, что с востока Бирма достаточно защищена как Сингапуром, так и существованием нейтральных соседей — Таиланда и Французского Индокитая. С запада же лежала Индия с ее громадными людскими и материальными ресурсами, что само по себе казалось достаточной гарантией бирманской безопасности. Правда, хороших сухопутных дорог между Индией и Бирмой не было, и связь между двумя колониями (как и вообще почти вся связь Бирмы с внешним миром) осуществлялась морским путем. На обеспечение пе-

ревозок этим путем была ориентирована вся транспортная система Бирмы. Единственная железная дорога, шоссейные и речные пути тянулись в меридиональном направлении и заканчивались у основных морских портов — Рангуна, Бассейна и Моулмейна. Таким образом, связи с западными и восточными соседями по суше практически отсутствовали; строительство дорог через горные массивы не вызывалось ни экономической необходимостью, ни стратегическими соображениями, ибо сомнений в безопасности морских путей в условиях казавшегося незыблемым господства английского флота не возникало. Единственная дорога, связывавшая Бирму с Китаем, была, как указывалось, построена китайцами, нуждавшимися в получении военной помощи.

После отделения от Индии в 1937 г. встал вопрос, кому должна подчиняться Бирма в военном отношении. Стратегически Бирма была связана с Индией, однако индийское колониальное правительство не было заинтересовано в том, чтобы брать на себя расходы по обороне Бирмы. Бирманское правительство также не желало тратить денег на военные нужды, а метрополия делала вид, что ее это не касается. Лишь командующие английскими вооруженными силами в Индии время от времени поднимали вопрос о подчинении Бирмы командованию Индийской зоны. В 1940 г. в Лондоне проходило совещание по этому вопросу, на котором военные власти Британской Индии требовали включения Бирмы в Индийскую зону, но английский Генеральный штаб пришел к выводу, что Бирма в стратегическом отношении относится к Дальневосточной зоне. В результате такого решения в ноябре 1940 г. Бирма была подчинена командованию этой зоны в качестве глубокого тыла Сингапура.

Даже после того как Япония оккупировала Французский Индокитай и фактически подчинила себе Таиланд, т. е. Бирма лишилась «прикрытия» с востока, просьбы и требования командования Индийской зоны игнорировались. В ноябре 1941 г., посетив Бирму, командующий зоной Уэйвелл при-

шел к выводу, что оборона страны вообще существует лишь на бумаге. Уэйвелл оказался первым английским генералом, который отважился высказать такую крамольную мысль. Он сообщил в Лондон, что «я был крайне обеспокоен масштабами неготовности бирманской обороны, в чем я убедился во время своего визита. Я понял, что количество и уровень подготовки войск, их техническое оснащение, разведка, размеры и организация управления, административная система и оборонительные планы... не соответствуют требованиям момента».

Действительно, состояние обороны Бирмы было плачевным. Формально вооруженные силы в Бирме были равны дивизии, но на деле никакой дивизии не существовало. Там находилось лишь два регулярных батальона, остальные части и подразделения набирались и готовились на месте, большей частью в последние месяцы перед войной, и их боеспособность была весьма условной. Пограничные заставы, которые входили в состав вооруженных сил, были разбросаны на тысячи километров вдоль границ, артиллерийский противовоздушный полк не имел орудий, в частях не было раций, самолеты насчитывались единицами, о танках даже не слышали.

В апреле 1941 г. в Бирму прибыла 13-я индийская пехотная бригада, которую разместили в Мандалае. Теперь в дивизию, которая должна была защищать Бирму в случае японской агрессии, входили эта бригада, 1-я бирманская бригада, состоявшая из двух полков «бирманских стрелков», набранных из каренов, чинов и других малых народов Бирмы (англичане упорно отказывались брать в свою армию бирманцев), и 2-я бирманская бригада, собранная в основном из пограничных подразделений, сведенных в три «стрелковых полка». Помимо этих частей в Бирму с конца ноября стала прибывать на транспортах 16-я индийская пехотная бригада. Эта бригада осталась в резерве командующего войсками в Бирме.

Английские генералы почти единодушно сходились на том, что японцы вторгнутся в Бирму через территорию Шан-

ских государств (ныне Шанская национальная область) в районе Кентунга (Чёнгтуна), к которому шла единственная дорога из Лаоса. Южный путь — через Тенассерим (Танинтайи) практически не рассматривался, так как через гористый и поросший лесом перешеек Кра можно было пробраться лишь по тропам, а английский Генеральный штаб полагал, что вторжение в Бирму, если таковое произойдет, не может быть успешным без соответствующих путей сообщения. Ввиду этого командующий войсками в Бирме генерал Маклеод, разделявший и пропагандировавший эту точку зрения, отправил накануне войны 13-ю индийскую и 1-ю бирманскую бригады в Шанские государства, в то время как в Южной Бирме осталась лишь 2-я бирманская бригада, в задачу которой входила оборона 500 км границы, а также крупных городов Моулмейна и Тавоя и аэродрома в Виктория-пойнт (ныне Кодаун) — единственном пункте, где могли заправляться самолеты, летевшие из Индии в Сингапур. Такое решение лишний раз свидетельствовало об отсутствии у английского командования в Бирме какого-либо представления о том, что творится по другую сторону границы. Единственная информация, которую получали в Бирме, поступала из Сингапура, и то с большим опозданием.

Никаких попыток обратить в свою пользу бирманское общественное мнение, заручиться поддержкой населения страны для ее обороны не предпринималось. Более того, последние месяцы перед началом войны прошли в энергичном преследовании бирманских националистов. Объявляя на основании Закона об обороне Бирмы всех недовольных саботажниками и предателями дела борьбы с фашизмом, английские карательные органы полагали, что таким образом они уничтожают внутреннюю оппозицию и даже «пятую колонну». В действительности не только в далекой перспективе, но и в тактическом отношении репрессии предвоенных месяцев и первых недель войны лишили англичан последней надежды наладить хоть какое-либо сотрудничество с народом страны.

С началом войны на Бирму наконец обратили внимание в Лондоне. 11 декабря был утвержден переход Бирмы в Индийскую зону, под командование Уэйвелла. Черчилль сообщил ему, что 18-я британская пехотная дивизия, находившаяся в Кейптауне, будет немедленно переправлена в Бирму и, кроме того, Уэйвелл имеет право направить в Бирму из Индии 17-ю индийскую пехотную дивизию. Ему было обещано также при первой возможности переслать шесть эскадрилий средних бомбардировщиков. Однако к 21 декабря, когда Уэйвелл прилетел в Рангун, обещанные подкрепления туда еще не прибыли. На его тревожные запросы последовал ряд ответов, смысл которых сводился к тому, что нападение на Бирму маловероятно, но следует заняться тщательной организацией ее обороны. В результате Уэйвелл сделал единственное, что было в его силах, — вызвал из Индии своего начальника штаба, опытного администратора генерал-лейтенанта Хаттона, и поручил ему оборону страны.

Японский план оккупации нейтрального Таиланда и последующего наступления на Бирму предусматривал, что 15-я армия, состоявшая из 33-й и 55-й дивизий, при поддержке 10-й воздушной бригады займет Таиланд, а затем, захватив английские аэродромы в Тенассериме и тем самым прервав воздушное сообщение Сингапура с западом, будет прикрывать тылы 25-й армии, наступающей в Малайе, от возможного британского наступления из Бирмы. В случае успешного наступления в Малайе 15-я армия должна была вторгнуться в Южную Бирму в направлении Моулмейна и в кратчайшие сроки достичь Рангуна.

8 декабря 15-я армия заняла все таиландские аэродромы и железнодорожные узлы и вошла в Бангкок. В тот же день 143-й пехотный полк из состава 15-й армии высадился в Сингоре вместе с частями 25-й армии и направился на север, к перешейку Кра. 16 декабря один батальон этого полка, пройдя по горным тропам, беспрепятственно достиг городка и аэродрома Виктория-пойнт. Городок был пуст: за два дня до появления японцев все англичане были эвакуи-

рованы оттуда морем — в Рангуне были убеждены, что удержать аэродром не удастся. Укрепившись в Виктория-пойнт, японский батальон подготовил аэродром к приему самолетов и в течение нескольких дней готовился к дальнейшему продвижению к северу, в то время как два других батальона того же полка концентрировались на перевалах, чтобы ударить по г. Мергуи (Мьей).

21 декабря в Рангун прилетел генерал Уэйвелл. Он был настроен оптимистично и надеялся, что Бирму отстоять удастся, особенно при условии, если оборона Малайи, куда лучше подготовленной в военном отношении, будет стойкой. Захват Виктория-пойнт и последовавшие за ним жестокие бомбардировки аэродромов и городов Тавоя и Мергуи Уэйвелл ошибочно рассматривал как часть плана вторжения в Малайю, а не как угрозу Бирме. Во время пребывания в Рангуне его больше заинтересовало другое: он узнал, что в рангунском порту скопились тысячи тонн материалов, которые должны были быть отправлены в Китай, но задержались из-за того, что дорога не справлялась с таким потоком грузов. Посетив склады, Уэйвелл пришел к выводу, что для обороны Бирмы, лишенной стратегических резервов, китайские запасы могут быть совершенно незаменимы. Если же Бирму придется оставить, то эти запасы (а они скопились не только в Рангуне, но и на всех станциях и речных пристанях почти до границы с Китаем) пропадут или достанутся японцам.

Поэтому, когда 22 декабря Уэйвелл полетел в Чунцин для переговоров с Чан Кайши о совместных действиях, он в числе прочих проблем хотел обсудить и возможность использования китайских запасов для обороны Бирмы. Переговоры проходили в натянутой атмосфере: Чан Кайши не доверял англичанам, которые только недавно вновь открыли Бирманскую дорогу, ему не нравилось, что через несколько дней после первого выстрела они уже говорят об оставлении Малайи и Бирмы и просят передать им военные материалы, нужные в Чунцине не меньше, чем в Рангуне. Правда, будучи опытным дипломатом,

глава гоминьдановского правительства ушел от прямого ответа на вопрос о запасах, а предложил оставить в Бирме одну из предназначенных для отправки в Китай американских эскадрилий. Более того, Чан Кайши заявил, что считает оборону Бирмы жизненно важной для Китая и согласен даже двинуть в Бирму китайские войска. Он предложил Уэйвеллу до 50 тыс. солдат (две армии), которые бы подчинялись оперативно английскому командующему, но действовали отдельно от англичан на выделенных им участках фронта, ни в коем случае не смешиваясь с английскими частями.

Требование разместить китайские войска на самостоятельных участках фронта было воспринято Уэйвеллом как оскорбление английского флага. Он отклонил предложение Чан Кайши под предлогом того, что 50 тыс. китайских солдат — это слишком много. Достаточно одной дивизии на территории Бирмы и одной — в резерве на китайской территории. У английского командования, заявил Уэйвелл, нет возможности обеспечить китайские армии всем необходимым и разместить их достойным образом. Генерал Уэйвелл был невысокого мнения о боевых качествах китайских войск, к тому же никак не хотел давать возможности Чан Кайши утверждать в случае успеха, что Бирму отстоял он. Могли всплыть и старые споры о принадлежности северных районов Бирмы. Точку зрения Уэйвелла в тот момент разделяли как в Лондоне, так и в Рангуне. Губернатор Бирмы Дорман-Смит полагал, что допуск китайских войск в страну может привести к отрицательным результатам, так как чреват возникновением конфликтов между ними и бирманским населением, поскольку они, как известно, плохо снабжены и совершенно недисциплинированны. О китайцах говорилось в таком презрительном тоне, что становилось непонятно, стоит ли допускать их в Бирму?

Сразу же по окончании переговоров начались столкновения из-за китайских запасов. Пришедший 18 декабря в Рангун американский пароход «Тулса» был по указанию гу-

бернатора отведен в сторону от китайских складов, и ему было приказано разгружаться на военных складах британской армии. Правда, англичане оправдывали это решение тем, что хотели рассредоточить грузы, опасаясь японских налетов на порт, но китайские представители им не поверили. Английский посол в Чунцине сообщал, что «генералиссимус настолько разгневан, что намеревается прекратить любое сотрудничество с Бирмой». Несмотря на то что этот и подобные ему инциденты удалось уладить, отношения между Чунцином и Рангуном в целом остались прохладными, что сыграло отрицательную роль в обороне Бирмы.

В день, когда произошел первый воздушный налет на Рангун (а случилось это в 10 час. утра, при отличной погоде), большинство жителей полумиллионного города вышли на улицы поглядеть, что это такое. В воздух успели подняться английские истребители. Они встретили японцев на подходах к Рангуну, но силы были слишком неравны, и, хотя англичанам удалось сбить 11 японских самолетов, остальные сбросили бомбы на порт и аэродром, а затем начали засыпать осколочными бомбами улицы города. Более 2 тыс. человек погибло в тот день, еще около 1 тыс. умерло от ран, потому что некому было подбирать пострадавших и везти в госпитали — только к вечеру удалось убрать с улиц трупы и раненых, число которых установить невозможно. В результате налета, как и рассчитывали японцы, город охватила паника. В ту же ночь сотни тысяч человек бросились бежать из Рангуна. В основном это были индийцы, составлявшие большинство населения столицы. Их бегство привело к тому, что в считанные часы город лишился значительной части рабочей силы. Потоки людей тянулись на запад, к Индии, толпы штурмовали пароходы. К этому бирманская администрация совершенно не была готова. На следующий день губернатор Бирмы сообщал в Лондон: «Наиболее серьезная проблема — полное бегство рабочей силы. Вся жизнь города буквально замерла... откровенно говоря, я не ожидал, что сложится такая драматическая ситуация». Главное — замер порт, единственный источник снабжения Бирмы. Тем из бе-

женцев, что двинулись к северу, по населенным местам, в первые дни ничего страшного еще не грозило. Хуже всего пришлось поначалу тем, кто направился к Аракану (Ракхайн), надеясь достичь Бенгалии. Этим людям надо было пересечь крутые лесистые горы Ракхайн-Йома. Никто из беженцев не представлял, что означал этот путь длиной в несколько сот километров.

Во время второго налета на Рангун японцы потеряли 21 самолет, а защитники города — шесть. Но для англичан эти шесть истребителей составляли чуть ли не половину способных подниматься в воздух самолетов, у японцев же было более 300 машин. Второй налет заставил покинуть город почти всех еще оставшихся в нем индийцев.

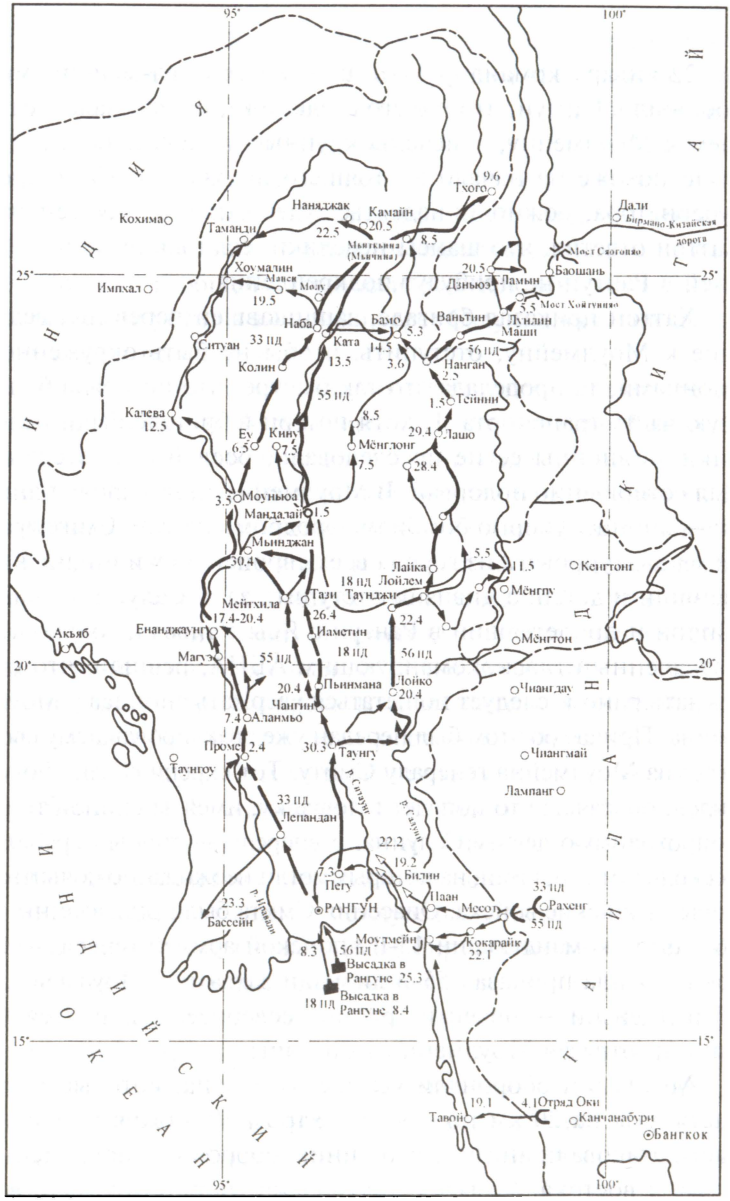
В те дни Уэйвеллу, только что отказавшемуся от помощи Чан Кайши, пришлось испытать горькое разочарование. Вот как он сам пишет об этом: «Когда я возвратился в Индию (26 декабря), я обнаружил, что войска, на которые я рассчитывал для обороны Бирмы, взяты... для укрепления Малайи. Таким образом, из двух дивизий, на которые я рассчитывал, мне оставили лишь одну индийскую бригаду».

Когда генералу Хаттону стало ясно, что основное наступление японцев будет разворачиваться со стороны Тенассерима, он перебросил в Моулмейн прибывшую из Индии 46-ю бригаду и 13-ю бригаду, находившуюся ранее в Мандалае. Одновременно Хаттон старался как можно лучше использовать свою авиацию: немногочисленные английские самолеты совершали налеты (скорее психологического характера) на аэродромы в Сингоре и Чиенгмае, а 8 января совершили налет на Бангкок.

Тем временем почти вся японская 55-я дивизия сконцентрировалась недалеко от бирмано-таиландской границы, близ перевала, через который шла дорога из Таиланда в Моулмейн. В начале января к ней присоединились отозванные из Китая два полка 33-й дивизии, которые с помощью мобилизованных таиландцев стали срочно расширять тропы и дорогу, ведущие к Бирме. Пока шла эта подготовка, пехотный батальон, пре-

одолев перевал, неожиданно обрушился на г. Тавой и разгромил английский батальон, который его охранял. Таким образом, крупный город и порт Мергуи, находившийся южнее, был отрезан. Захват Тавоя был осуществлен необычно — узнав расположение бирманских войск, японцы выслали вперед инфильтрационные группы, которые смогли обойти англичан, захватить их грузовики и штаб. После этого защитники Тавоя попросту разбежались и начали пробираться джунглями на север, к Моулмейну. Когда весть о падении Тавоя достигла Мергуи, командир размещенного в этом городе гарнизона связался с Рангуном и запросил разрешения эвакуироваться морем. 20 января из Рангуна пришел пароход, который забрал гарнизон. Таким образом, в руки японских войск за несколько дней перешел весь Тенассерим, прибрежная полоса гор длиной в пятьсот километров, за исключением его самой северной части, где находился второй по величине порт и один из крупнейших городов Бирмы — Моулмейн.

Британскую администрацию в Рангуне беспокоило не только быстрое продвижение японских войск, но и то, что в Тавое они были встречены местными такинами, которые поспешили вступить в Армию независимости Бирмы, формировавшуюся уже на бирманской территории. Опасение, что и другие такины (а под этим именем тогда широко понимались все бирманские левые националисты) с нетерпением ждут прихода японских войск и могут ударить с тыла, заставило губернатора произвести массовые аресты всех, кто подозревался в принадлежности к «Добама асиайон» и другим левым организациям. Была предпринята «решительная облава на такинов». В это время в Рангуне стало известно об аресте колониального премьер-министра Бирмы У Со, который на обратном пути из Лондона, где он безуспешно старался доказать необходимость предоставления Бирме независимости, попытался связаться с японцами, но был выслежен и арестован. Это еще больше усилило взаимное недоверие и враждебность между бирманцами и «обороняющими» их англичанами.



Ход операции по захвату Бирмы

* * *

22 января командир 17-й дивизии генерал-майор Смит сообщил в Рангун, что, по его сведениям, на перевале, ведущем к Моулмейну, замечены крупные японские силы. Это было похоже на начало настоящего вторжения. На вопрос губернатора, можно ли надеяться удержать столицу, генерал Хаттон ответил, что шансы невелики, если в ближайшие 10 дней в Рангун не прибудут подкрепления.

Хаттон приказал бригаде, защищавшей перевалы, ведущие к Моулмейну, отступить, чтобы не быть окруженной японцами, та проделала это так быстро, что потеряла большую часть транспорта. И хотя потери в бригаде были невелики — японцы ее не преследовали, боевой дух ее солдат был совершенно подорван. В Моулмейне тоже царила паника — японцы упорно бомбили аэродром и город. Смит приказал эвакуировать из города всех европейских и индийских женщин и детей, а дивизии отступить за р. Салуин. Однако Хаттон и прилетевший в Рангун с Явы Уэйвелл, только что назначенный главнокомандующим АБНА, решили, что отступать рано и следует попытаться удержать японцев у Моулмейна. Приказ об этом был передан уже эвакуировавшему свой штаб из Моулмейна генералу Смиту. Тот скрепя сердце покорился, опасаясь, что попадет в ловушку, имея за спиной труднопроходимую дельту Салуина, а впереди — горный хребет с несколькими тропами, на которых могли неожиданно появиться новые японские войска. Опасения Смита были оправданны — 26 января командующий 15-й японской армией генерал-лейтенант Йида приказал 55-й дивизии захватить Моулмейн, а 33-й дивизии — перейти границу севернее и двигаться на Рангун, отрезая Моулмейн от столицы.

Моулмейн обороняли четыре батальона, которые были растянуты на 20 км по фронту. Утром 30 января японские части атаковали английскую линию обороны одновременно с юга и востока. До вечера англичане упорно отражали все атаки японцев, которые наступали без танковой поддержки,

так как танки нельзя было перебросить через горные перевалы. К вечеру командир сводной бригады Икин узнал, что японцы на лодках поднимаются по реке, разрезающей город, чтобы вклиниться в расположение его усталых батальонов. Хаттон и Смит к этому времени уже поняли, что Моулмейн удержать не удастся, и приказали отходить. Ночью бой продолжался на улицах города, освещенных очагами пожаров. Потеряв в общей сложности 600 человек, защитники города смогли уйти на западный берег Салуина, оставив часть арьергарда и всех раненых.

Линию фронта, образовавшуюся в результате отступления английских войск из Моулмейна, занимали четыре бригады. Четыре бригады — это примерно две дивизии, но по численному составу, вооружению и подготовке бригады, имевшиеся в распоряжении генерала Хаттона, значительно уступали японским частям. К тому же японцы полностью господствовали в воздухе. Положение английских войск осложнялось тем, что в 30 км к западу от их позиций протекала р. Ситаун, очень широкая в устье и подверженная действию приливов — приливная волна высотой до 6 м прокатывалась вверх по реке на 80 км. Через Ситаун был только один мост — на железной дороге Моулмейн—Рангун. Оттуда до Рангуна оставалось 80 км по плоской равнине. У Хаттона не было надежды отбросить японские дивизии. Единственное, что ему оставалось, — это попытаться в течение месяца, необходимого для подхода подкреплений, удерживать японцев в междуречье. Отдать Рангун он не мог, потому что тогда терялась связь Бирмы с внешним миром. Тем не менее параллельно с подготовкой линии обороны Хаттон приказал начать вывоз из Рангуна как китайских, так и английских запасов военного снаряжения и материалов. Для этого в его распоряжении были железная дорога, шоссе и река, но остро не хватало транспортных средств и людей.

Надежда оставалась только на китайские войска, столь непредусмотрительно отвергнутые недавно. Забыв про имперские амбиции, Хаттон вылетел в северобирманский го-

род Лашо, через который должен был пролететь в Индию Чан Кайши, и там от имени английского командования просил прислать армии, которые предлагал ранее Уэйвеллу глава чунцинского правительства. Чан Кайши разрешил себя уговорить, но повторил условие: китайские армии займут изолированные участки фронта. Чан Кайши мог позволить себе говорить с Хаттоном без дипломатических ухищрений — со дня на день должен был пасть Сингапур, японские войска вышли к Салуину и были готовы к наступлению на Рангун. Кроме того, в споре с англичанами Чан Кайши чувствовал за своей спиной поддержку Соединенных Штатов.

К этому времени четко обозначились различные подходы США и Великобритании к военным действиям на Востоке. Для американцев, имевших важные экономические интересы в Китае и вложивших крупные средства в его оборону, главным объектом заботы и тревоги помимо своих тихоокеанских владений был именно Китай. Президента Рузвельта, в частности, весьма беспокоил вопрос, не заключит ли Чан Кайши сепаратный мир с Японией в случае, если будет разочарован в своих союзниках. Сын президента Эллиот вспоминал, что отец говорил ему вскоре после Перл-Харбора: «Как ты думаешь, сколько японских дивизий освободится в таком случае? И куда они денутся? Они захватят Австралию, захватят Индию — ведь она уже готова упасть с ветки, как спелая слива. Затем они двинутся на Ближний Восток, и клещи нацистов и японцев сомкнутся там, изолировав Россию, отрезав Египет, перерезав все коммуникации в Средиземном море». Для англичан же война в этом регионе была войной по защите Британской империи — Китай оставался на втором плане. Когда в одной из бесед с Черчиллем во время Атлантической конференции Рузвельт предположил, что война положит конец колониальным европейским империям в Юго-Восточной Азии и что стремление к независимости приведет к изгнанию европейцев не только из этого региона, но и из Индии, возмущение Черчилля, который ставил своей основной целью сохранение империи, было так

велико, что, как признавался он сам, он «среагировал столь бурно и так многоречиво», что президент больше никогда не поднимал этот вопрос. В результате этих разногласий и к Бирме, в защите которой были заинтересованы обе стороны, они подходили по-разному. Для США Бирма была воротами в Китай, основным путем его снабжения, для Англии — предмостьем Индии и тылом Сингапура.

1 января 1941 г. генерал Маршалл вызвал находившегося не у дел неуживчивого и колючего генерала Стилуэлла, специалиста по Китаю, проведшего там много лет в качестве военного атташе, и предложил ему отправиться в Чунцин в качестве начальника штаба Чан Кайши, которого назначили главнокомандующим всеми силами союзников на Китайском фронте. В обязанности Стилуэлла входило командование всеми американскими силами, находящимися в Китае, или теми, что будут туда направлены, помощь Чан Кайши в планировании операций, которые будут предприняты Китаем вместе с союзниками, и командование китайскими войсками на направлениях, важных для союзников. Кроме того, чтобы прибавить Стилуэллу веса при чунцинском дворе, он был назначен распорядителем американского ленд-лиза.

В начале февраля, когда генерал Стилуэлл летел в Чунцин, чтобы занять свой новый пост, в Рангун снова прибыл Уэйвелл. Он нашел состояние дел там настолько тревожным, что своей властью приказал повернуть в Бирму транспорты, которые везли в Сингапур 7-ю танковую бригаду. Действительно, в Сингапуре танки уже не были нужны, но и в Бирму они прибыли слишком поздно.

Японский командующий генерал Йида 30 января издал приказ: 55-й дивизии после занятия Моулмейна приготовиться к движению к северу, 33-й дивизии переправиться через Салуин у Пхаана. В ночь с 3 на 4 февраля авангард 33-й дивизии занял Пхаан, в то время как части 55-й дивизии проводили рекогносцировки с целью выявить слабые места в английской обороне на западном берегу реки.

9 февраля части японской армии получили приказ начать наступление на Рангун. Перед ними медленно отходили части 17-й дивизии, командир которой Смит настаивал на том, чтобы оторваться от противника и уйти за р. Билин, впадавшую в море на полпути от Салуина к Ситауну. Уэйвелл, а за ним и Хаттон возражали против этого — в таком случае японские войска оказывались слишком близко к Рангуну, в котором и без того царила паника. Из полумиллиона жителей в столице осталось чуть более 100 тыс. — в основном бирманцы, жившие на окраинах. Когда из города уходили на север последние поезда, драка за места была такой отчаянной, что пришлось послать на вокзал войска. Проникнув в поезд, солдаты извлекли оттуда, в частности, весь состав тюремного управления: надзиратели бросили свои посты и, давя детей и женщин, набились в вагоны. Спокойно вышедшие из тюрем уголовники (политических заключенных успели перевести в Мандалай) присоединились к мародерам, грабившим пустой город. Начальник тюремного управления Филдинг-Холл, узнав о происшедшем, застрелился. Сбежала из города и большая часть полицейских (полицейскими в Бирме, как правило, служили индийцы). Город патрулировали солдаты, которые сначала расстреливали мародеров, а затем стали арестовывать их и сгонять в порт, чтобы разгружать корабли. Но грузчиков все равно не хватало — когда 21 февраля прибыла долгожданная танковая бригада, танкистам пришлось самим выгружать боевые машины с транспортов на берег.

К этому времени Дорман-Смиту удалось эвакуировать практически всех англичан — как чиновников, так и дельцов. Но по мере того как линия фронта приближалась к столице, а в ней оставалось все меньше жителей, уверенность губернатора и военных в том, что удастся удержать Рангун, все уменьшалась. Последний удар ей нанесло падение Сингапура. Если неприступная крепость с гарнизоном в 70 тыс. человек сдалась японской армии, что же ожидает Бирму, которую защищает гораздо меньше войск?

Две великие державы воевали на территории этой страны. Одна из них считала, что имеет право владеть ею, не спрашивая мнения самих бирманцев, а если они оспаривали это право, их сажали в тюрьму. Другая держава объявила, что несет Бирме освобождение, хотя каждому трезвомыслящему бирманцу было понятно, что Японии нужны рис Бирмы, ее тик, ее нефть и вольфрам, ее рабочие руки. При этом самолеты, бомбившие Рангун и Мергуи, не разбирались, где англичане, а где — бирманцы, и жгли кварталы, города и деревни безотносительно от того, кто в них живет. Война унесла жизни десятков тысяч бирманцев, которые до того лишь изредка видели англичан и вряд ли даже подозревали о существовании японцев. Губернатор Бирмы Дорман-Смит признавался: «Перед нашими глазами разворачивалась бирманская трагедия. Бирманцы были ее настоящими жертвами. Их страну разоряли, их города жгли и стирали с лица земли, их железные дороги разбирали и взрывали, их довели до нищеты и отрезали от всего мира». Такими же безвинными жертвами войны оказались сотни тысяч индийцев и китайцев, живших до того в Бирме. Одни приехали туда работать, другие — разбогатеть, но никто не ехал туда, чтобы погибнуть под бомбами. И когда, умирая от голода, сквозь бирманские деревни потянулись бесконечные колонны индийцев, которых до войны не любили в Бирме (не любили лавочника, не любили ростовщика, не любили даже кули, который сбивает цену на работу), мало кого из бирманских крестьян охватывало злорадство. Наиболее совестливые из англичан понимали, что ответственность за смерть индийцев на лесных перевалах, а бирманцев — у собственных домов лежит на великой Британской империи, хотя не все догадывались, сколь близко крушение этой империи.

Наконец-то генерал Хаттон подсчитал, что для обороны Бирмы потребуется как минимум шесть дивизий, и сообщил об этом в Лондон. Подкрепления можно было прислать либо из Африки, либо с Ближнего Востока. Из Индии, армия кото-

рой и так была ослаблена тем, что многие индийские части были посланы на Ближний Восток или погибли в Сингапуре, англичане больше брать не хотели — внутреннее положение в стране было настолько напряженным, что существовали опасения, не отделится ли Индия от империи. Поэтому Черчилль обратился к премьеру-министру Австралии с просьбой отправить в Бирму две австралийские дивизии, которые направлялись к Сингапуру, но опоздали. Австралийское правительство неожиданно ответило отказом, заявив, что войска нужны для обороны самой Австралии, границы которой беззащитны перед японской агрессией.* Таким образом, в Бирме приходилось рассчитывать лишь на собственные силы и гипотетическую помощь китайских армий.

На р. Билин 17-я дивизия, наконец-то собравшаяся воедино, смогла продержаться четыре дня. Решающую роль в этом сыграли два фактора: во-первых, подход 48-й индийской бригады, состоявшей из боеспособных гуркхских частей, во-вторых, осторожность генерала Йиды. Последний в отличие от покорителя Малайи Ямаситы предпочитал действовать наверняка и накапливать преимущество над противником, прежде чем наступать. Впрочем, когда 19 февраля японская разведка перехватила переданную открытым текстом радиограмму противника с приказом отступать к р. Ситаун и концентрироваться у железнодорожного моста, Йида понял, что наступила возможность нанести решающий удар по английским войскам — при условии, что удастся выйти к мосту раньше, чем туда подойдут англичане.

Задача, стоявшая перед 215-м японским полком, которому было приказано напрямик через джунгли прорваться к мосту, была сложной — ему предстояло пройти почти 50 км

* К беспокойству были все основания. На совещании в Токио с 9 февраля по 4 марта шла жаркая дискуссия, высаживаться ли в Австралии. Представители флота выступали за вторжение, но мнение армейского командования, не решавшегося нападать на этот континент, возобладало.

без дорог и, выйдя к реке, немедленно вступить в бой. Расчет японского командования строился на том, что англичане задержатся с отступлением и не учтут возможности обходного маневра японцев. И этот расчет оправдался.

На рассвете 20 февраля, оторвавшись от противника, 16-я английская бригада вышла в район городка Чайтхо, пройдя за сутки почти 30 км. Отсюда до моста оставалось не более 25 км, однако впереди путь усложнялся. Если до Чайтхо шла шоссейная дорога и дивизия, обремененная артиллерией, обозом и госпиталями, продвигалась сравнительно быстро, то дорога от Чайтхо до городка Ситаун, расположенного у моста, была проселочной, разбитой машинами и изрытой воронками от бомб. Накануне вечером, ведя арьергардные бои с японцами, к Чайтхо вышла и 48-я бригада. Наконец, в том же районе остановилась и 46-я бригада. Таким образом, вся дивизия скопилась на небольшом плацдарме, мост же через Ситаун охраняла одна рота, выдвинутая из Рангуна. Если бы японский полк успел к мосту 20 февраля, он бы смог захватить его без всякого сопротивления. К счастью для англичан, переход через джунгли оказался куда труднее, чем рассчитывало японское командование.

20 февраля штаб генерала Смита начал планировать отход дивизии к мосту. На это ушел весь день: следовало решить сложную проблему, как пропустить дивизию по узкой, разбитой проселочной дороге, а затем через мост, недавно открытый для железнодорожного сообщения. Мост состоял из 11 пролетов по 50 м каждый — в этом месте река сужалась, а выше моста и ниже его разливалась до километровой ширины и течение было быстрым. С восточного берега над мостом господствовали два крутых холма — холм Пагоды и холм Будды. На первом возвышалась позолоченная пагода, на втором — громадная статуя Будды.

Движение к мосту дивизия должна была начать утром 21 февраля. В первую очередь предполагалось отправить роту саперов, чтобы подготовить его взрыв, и сторожевой баталь-

он, в задачу которого входила защита предмостного укрепления. Затем выдвигались дивизионный штаб и службы, за ними 48-я и 16-я бригады и, наконец, в арьергарде 46-я бригада. Отступление должно было занять два дня. К вечеру 21 февраля планировалась переправа на западный берег одного батальона и штаба, все остальные части должны были провести ночь на дороге. Казалось, что штаб дивизии полностью игнорировал японцев, словно их и не было.

На рассвете 21 февраля дивизия начала движение в соответствии с диспозицией. Слышались выстрелы — передовые посты японцев завязали перестрелку на окраинах Чайтхо, как бы напоминая, что переход не будет тихим и мирным. День выдался очень жарким. Густые тучи красной пыли поднимались над проселком, забитым машинами и повозками, — войска шли по обочинам. Все время налетали японские самолеты и движение на дороге замирало. Бригадир Икин, находившийся в арьергарде, волновался — он понимал, что время упущено, и считал, что главной ошибкой помимо задержки отступления на целый день было запрещение перебросить хотя бы часть дивизии к мосту ночью.

В середине дня на английскую колонну, уже растянувшуюся на несколько километров, налетели все имевшиеся в наличии в Рангуне бомбардировщики и истребители. Оказывается, воздушная разведка донесла, что по дороге из Чайтхо к мосту движутся крупные японские силы. Потери, которые понесла дивизия от этого слишком удачного налета британской авиации, были бóльшими, чем во всех предыдущих боях. И главное, движение колонны застопорилось на несколько часов, так как дорога была забита разбитыми грузовиками и повозками.

Только к вечеру батальон, выделенный для охраны моста, добрался до Ситауна. Там обнаружилось, что предмостные укрепления не готовы, а минирование моста только началось и потребуются еще сутки, чтобы его завершить. Наступила ночь. Дивизия растянулась вдоль дороги на 25 км. Передовые части находились у моста, основная часть дивизии заночевала в ка-

рьерах Моупалина, не дойдя до моста примерно 10 км, тогда как 46-я бригада все еще оставалась в Чайтхо.

На следующее утро передовые части дивизии начали переправу. В первые же минуты один из грузовиков провалился колесами сквозь настил, положенный на железнодорожные пути, и возникла пробка — для того чтобы расчистить мост, потребовалось около трех часов. Японские самолеты несколько раз поливали из пулеметов скопление машин, но мост не бомбили, рассчитывая, что он достанется им целым. Наконец, к 7 час. утра на западный берег смогли перейти два батальона 48-й бригады и штаб дивизии. После этого Смит передал командование зоной моста командиру 48-й бригады Хью-Джонсу, а сам отправился с штабом дальше к Рангуну.

Вскоре раздалась ожесточенная стрельба — это 215-й полк все же одолел джунгли и вышел к переправе. В наступившей панике казалось, что японцам вот-вот удастся прорваться к мосту. Однако в отчаянной схватке оставшиеся на восточном берегу два батальона 48-й бригады смогли остановить наступление японцев, которые были настолько измотаны переходом, что буквально валились на землю от усталости. Затем Хью-Джонс выдвинул часть своих сил на холм Пагоды и холм Будды.

Тем временем к мосту подошел авангард английской 16-й бригады. Не имея связи со своими, командир бригады Джонс предположил, что японцы уже овладели позициями у моста, и решил занять господствующие над окружающей местностью холмы. Подтянув артиллерию, Джонс начал яростный обстрел холмов, и английские войска, удерживавшие их, были вынуждены отступить. В бой вмешались и японцы, наступила всеобщая неразбериха, но в конце концов передовые части бригады Джонса заняли холмы. Основные силы бригады все еще находились у Моупалина, где вели бой с японскими войсками. Дело в том, что во время марша от Чайтхо к мосту в разрыв между 46-й, арьергардной, и 16-й бригадой, составлявший около мили, вклинились с фланга группы японцев, вышедшие к шоссе из джунглей. Часть их стала

преследовать 16-ю бригаду, а остальные установили на дороге баррикаду, и ничего не подозревавший авангард 46-й бригады натолкнулся на огонь японских пулеметов. Командир бригады Икин решил спасти положение, применив японскую же тактику, — он собрал вокруг себя примерно 500 человек и повел их джунглями в обход японского заслона, приказав остальным также пробиваться к реке. Однако войска Икина к таким действиям не были готовы и вскоре заблудились в лесу. Лишь в темноте примерно 300 человек выбрались к Моупалину неподалеку от р. Ситаун. Разрозненные части бригады Икина всю ночь тянулись к Моупалину, к позициям, занимаемым 16-й бригадой, командир которой Джонс все еще безуспешно пытался связаться со штабом дивизии.

На западном берегу Ситауна находились в это время лишь два батальона 48-й бригады. Остальные 10 батальонов дивизии все еще не переправились через мост. Хью-Джонс, стоявший со своим штабом у моста, не знал о судьбе войск, оставшихся на восточном берегу, в том числе и двух своих батальонов.

В часы, когда 46-я бригада пробивалась лесом к Моупалину, а 16-я отражала атаки японских войск, саперы завершили минирование трех центральных пролетов моста. Ночью к мосту начали подходить и переправляться через него отдельные группы солдат 16-й и 46-й бригад, отбившиеся от своих в бою и ничего не знавшие об их судьбе. Допросив их, Хью-Джонс решил, что обе бригады уже разбиты японцами. В 4 час. 30 мин. утра в штабе дивизии, который располагался в 15 км западнее моста, раздался телефонный звонок — Хью-Джонс сообщил, что сможет удерживать мост не более часа, а затем, чтобы не отдать его японцам, должен будет его взорвать. Об этом разговоре было доложено генералу Смиту, который весь день провел в ожидании вестей с Ситауна, очень переживал, но так и не собрался доехать до моста, и генерал, «полагая, что бóльшая часть дивизии уже перешла через мост, дал распоряжение командиру бригады взорвать его, выбрав для этого наиболее подходящий момент». Это неле-

пое сочетание паники командира бригады, которому была поручена охрана моста, и полной неосведомленности командира дивизии о судьбе вверенных ему войск и привело к событию, вошедшему в историю Второй мировой войны под названием «катастрофа у Ситауна».

В 5 час. 30 мин. 23 февраля, не в силах выдержать нервного напряжения, бригадир Хью-Джонс взорвал мост через Ситаун, оставив на восточном берегу этой реки почти половину британских войск, защищавших Бирму. Услышав взрывы и поняв, что они означают, командир 16-й бригады Джонс, назначивший на рассвете общую атаку, чтобы пробиться к мосту, отменил наступление и приказал всем, кто не находился на передовых позициях, спуститься к реке, рубить деревья и строить плоты. Утром, когда плоты еще не были готовы, на расположение бригады налетели японские бомбардировщики и сбросили на сухой лес зажигательные бомбы. В это время к Джонсу присоединился Икин с остатками своей бригады. Вот как он описывает сцену, представшую перед его глазами: «На берегу царил хаос и беспорядок: сотни людей бросали оружие, раздевались и бежали к воде... с оружием уплывали лишь те, кому хватило места на плотах... когда мы пересекали реку, я понял, что она представляет собой сплошную массу голов. С неба нас атаковали самолеты, с восточного берега поливали огнем пулеметы». На берегу порядок еще сохранялся, но у реки части перепутались; не все даже умеющие плавать решились броситься в быструю реку, разлившуюся в том месте на километр. Те, кто ушел в джунгли в поисках более удобного места для переправы, большей частью погибли или попали в плен. Несколько смельчаков смогли натянуть канаты через провалленные пролеты моста, но по этим канатам удалось перевести лишь немногим более 300 человек.

Жалкие крохи того, что было за день до того 17-й дивизией, собирались в районе Пегу. Дивизия потеряла всю артиллерию, автомашины и обоз, в руках японцев оказались

почти все раненые. Вместе с теми двумя батальонами, что перешли реку по мосту, в составе дивизии осталось лишь 80 офицеров и 3404 рядовых, причем только у 1420 были винтовки.

Разгром на Ситауне был вызван в первую очередь смелым решением японского командования бросить сквозь лес один из полков, который смог выйти к мосту, когда переправа только началась. Однако и английское командование сделало все возможное, чтобы этот разгром был окончательным.

20 февраля генерал Уэйвелл получил на Яве очередную радиограмму от Хаттона, в которой снова говорилось, что если в ближайшие дни в Бирму не прибудут подкрепления, то после крушения линии обороны на Ситауне Рангун неизбежно падет. В предвидении этого британское командование приказало закрыть рангунский порт для всех судов, кроме тех, что везут войска. Хаттон сообщил также, что начинает эвакуацию всех складов в Аракан, а авиацию перебазирует в Магуэ. Реакция Уэйвелла на это сообщение была бурной. «Ради бога, с чего бы линии обороны на Ситауне рухнуть?» — спрашивал он в ответном послании 21 февраля, когда битва за мост только начиналась. Получив дополнительные сведения из Бирмы, Уэйвелл писал в тот же день: «Не вижу никаких оснований для того, чтобы прекратить бои за Рангун и продолжать отступление. Вы уже остановили противника, он устал и понес тяжелые потери. Нет никаких данных, что он превосходит вас числом. Необходимо прекратить отступление и контратаковать при первой возможности».

За три дня до этого вице-король Индии предложил Черчиллю сменить командование в Бирме, так как оно лишено боевого духа и не справляется со своими обязанностями. В тот же день премьер-министр сообщил Уэйвеллу, что Лондон предлагает кандидатуру генерала Гарольда Александера. Сначала Уэйвелл воздержался от ответа — ведь Хаттон был его протеже. Но, получив пессимистическую телеграмму от

Хаттона 20 февраля, Уэйвелл отбросил сомнения и сообщил в Лондон, чтобы Александера посылали немедленно. Хаттона оставили при нем начальником штаба, как имеющего опыт боев в Бирме.

В ожидании приезда нового командующего Хаттон подтягивал к Пегу части с севера и из тыла, чтобы восстановить линию обороны, и в то же время сообщал Уэйвеллу и в Лондон, что сдавать Рангун японцам он, конечно, не намерен, однако уверен, что город все равно не удержать. Его пессимизм не могли развеять успехи английских и американских летчиков, отразивших в эти дни два крупных японских налета на Рангун, в которых японская авиация потеряла немало самолетов. Победы англичан были пирровыми: если перед первым налетом у них было 46 истребителей, то после второго осталось всего 10. Некоторые машины можно было бы еще починить, но не хватало запасных частей.

Что касается генерала Александера, то о его назначении Черчилль написал в своих воспоминаниях: «В нашем распоряжении не было войск, которые могли бы достичь Рангуна вовремя, чтобы его спасти. Но если мы не могли послать армию, мы могли послать одного человека». Это звучит красиво, однако нельзя забывать, что появление нового командующего не помогло отстоять ни Рангун, ни Бирму в целом.

4 марта Александер прилетел в Индию. Там его встретил Уэйвелл, который именно в эти дни лишился командования исчезнувшей зоной АБНА и был возвращен в Индию командовать Индийской зоной.

Над Рангуном в конце февраля стояли облака черного дыма. Горел подожженный японской авиацией нефтеперерабатывающий завод в Сириаме (Танхльине), горели склады. Из них, помимо всего прочего, не успели вывезти 972 несобранных грузовика, 5 тыс. покрышек, 1 тыс. пулеметов и несколько тысяч тонн военного снаряжения. В пустом горящем городе слышались выстрелы — патрули расстреливали мародеров, бандиты стреляли по проезжавшим машинам.

Вечером 27 февраля губернатор Дорман-Смит объехал город. «Я не заметил никаких грабежей, — записал он в дневнике, — полагаю, что грабить уже нечего». Затем он сообщил в Лондон: «Собрав всю доступную информацию, я решил, что Рангун должен быть эвакуирован завтра. Если не случится чуда, начнем взрывать в 7 час. утра 1 марта. Я намерен покинуть город в 8 час. утра, как только будут отданы последние указания». Жена губернатора уже уехала с собачкой и одним чемоданом в «роллс-ройсе», в котором поместились еще три жены высокопоставленных чиновников колонии. За «роллс-ройсом» ехало три грузовика со слугами — удалось взять с собой лишь 60 человек.

Ночью была получена срочная телеграмма от Уэйвелла. Он сообщал, что по пути в Лашо, где в очередной раз будет уговаривать Чан Кайши поторопиться с вводом в Бирму китайских войск, прилетит в Магуэ, и приказывал отложить взрывы в столице до его приезда. Дорман-Смит сделал соответствующие распоряжения и покинул Рангун. Он старался не вспоминать ни о том, как 20 дней назад поклялся жителям Рангуна, что город никогда не будет отдан японцам, ни о своем вчерашнем решении не покидать город, «пока не будут отданы указания» о взрывах.

В эти дни в Бирму наконец-то вступили китайские войска. Первой начала движение на юг по Бирманской дороге 6-я армия — плохо вооруженная и оснащенная, огневой силой примерно в британскую дивизию. Более сильная 5-я армия, включавшая, в частности, моторизованную дивизию и артиллерийский полк, начала движение 1 марта — в день, когда генерал Уэйвелл встретился в Магуэ с Дорман-Смитом, Хаттоном и вице-маршалом ВВС Стивенсоном. «Я не вижу причин, — сообщил он после совещания в Лондон, — почему бы не удерживать Рангун и дальше, по крайней мере пока там не разгрузят подкрепления — 63-ю индийскую бригаду и полк полевой артиллерии. Нет никаких свидетельств того, что силы

противника за Ситауном увеличились. 7-я танковая бригада не понесла еще никаких потерь, китайские дивизии движутся на юг к Таунгу». В тот же день Уэйвелл поехал к Смиту, продолжавшему еще командовать 17-й дивизией, которую усилили 7-й танковой бригадой, некоторыми другими частями и подразделениями и оставили возле г. Пегу. Выслушав доклады Смита и штабных офицеров, он категорически отказался санкционировать отступление. В Лондон он сообщил: «Смит производит впечатление совершенно рехнувшегося человека, и я был вынужден тут же заменить его бригадиром Коуэном». Уэйвелл следовал тактике Черчилля — если не мог послать армию, то посылал человека.

Сейчас трудно решить, насколько правильны были действия Уэйвелла, которого отдельные английские историки укоряют в чрезмерном оптимизме, в том, что он настаивал на удержании фронта, когда надо было уносить ноги. Ясно одно — применявшаяся англичанами в Бирме, как незадолго до этого в Малайе, тактика не могла принести успеха. Скованные статьями устава, привязанные к дорогам, непривычные к горной и лесной войне, индийские и английские части неизбежно попадали в ловушку легких и подвижных японцев. Хотя у генерала Йиды танков было мало (тогда как у англичан появилась 7-я танковая бригада), тактика обходов, внезапных засад и максимальной подвижности применялась им не менее удачно, чем генералом Ямаситой в Малайе. Впрочем, настойчивость Уэйвелла, запрещавшего отступать, была не в последней степени продиктована соображениями политическими. Если бы Уэйвелл санкционировал эвакуацию Рангуна, то его встреча в Лашо с Чан Кайши, которому Бирма была нужна в первую очередь как линия снабжения, могла оказаться бесплодной. По словам самого Уэйвелла, Чан Кайши был удовлетворен тем, что Рангун все еще держится, и пообещал поторопить своих генералов.

Прямо из Лашо Уэйвелл вылетел в Индию, где его уже ждал генерал Александер. Как прямой начальник Алексан-

дера Уэйвелл дал ему приказ: «Удержание Рангуна является делом чрезвычайной важности для наших позиций на Дальнем Востоке, и вы должны сделать все от вас зависящее, чтобы не уступить его врагу. В случае если это не будет представляться возможным, нельзя допускать, чтобы британские части были отрезаны и разгромлены. Их следует отвести из района Рангуна для защиты Верхней Бирмы. Верхнюю Бирму следует удерживать как можно дольше, охраняя нефтяные промыслы в Енанджауне и сражаясь в контакте с китайскими войсками до тех пор, пока не будет завершена дорога Ассам—Бирма*». Александер и сам был настроен защищать столицу Бирмы, однако по прибытии туда увидел, что дела обстоят хуже, чем он ожидал.

Наступление японцев началось лишь 3 марта. Таким образом, англичане снова получили от осторожного Йиды передышку, однако ею не воспользовались. Генерал Йида был осведомлен о том, что в Рангун все еще прибывают английские подкрепления и что в Бирму вступают китайские армии. Его главным козырем по-прежнему оставалась быстрота, и в то же время он не мог не учитывать, что его две дивизии, шедшие с боями от самой границы с Таиландом, практически не имеют поддержки с тыла. К тому моменту, когда японские части перешли Ситаун, их положение было критическим — не хватало продовольствия и боеприпасов, совершенно не было (если не считать трофейного) автомобильного транспорта. Не было и подкреплений. Сама переправа через Ситаун, несмотря на то что английские войска совершенно не мешали японским дивизиям, заняла почти 10 дней. Поэтому только 3 марта японцы смогли возобновить наступление.

---

* Эту дорогу, шедшую от г. Ледо в Ассаме, намеревались строить по инициативе Чан Кайши, не верившего в то, что англичане удержат Нижнюю Бирму. Китайцы полагали, что для ее сооружения будет достаточно полугода, англичане — что потребуется более двух лет. В результате дорога так и не была построена.

Пока шла переправа, Йида вел бумажную войну с командованием Южной армии. Маршал Тераути требовал, чтобы он повернул свои части к северу и нанес удар по вошедшим в Бирму китайским войскам, с тем чтобы уничтожить их раньше, чем они сумеют занять позиции. Йида полагал, что гораздо важнее другое — как можно скорее прорваться к Рангуну, захватить его склады и порт, получить возможность доставлять подкрепления и технику морем. Генерал смог убедить сайгонский штаб в своей правоте и приказал обеим дивизиям 3 марта начать наступление на Рангун. Часть своих войск он был вынужден оставить для прикрытия с севера от китайских дивизий и от английских частей в Центральной Бирме.

3 марта японские части начали веером растекаться по рисовым полям Нижней Бирмы. 5 марта южные звенья веера достигли Пегу и, охватывая его полукругом, атаковали позиции 17-й дивизии. Прибывший в Бирму именно в это время Александер услышал от генерала Хаттона, теперь уже его начальника штаба, настоятельную, почти истерическую просьбу отдать приказ об оставлении столицы. Более того, Александер обнаружил, что перед его приездом Хаттон в нарушение указаний Уэйвелла уже приказал оставить Пегу. Александер, все еще надеясь на возможность сопротивляться японцам, отменил предыдущие распоряжения Хаттона и приказал защищать Пегу, двинув туда с севера 1-ю бирманскую дивизию и велев 17-й дивизии, в состав которой теперь вошли 63-я индийская и 7-я танковая бригады, перейти к активной обороне. Теоретически положение войск Александера было не таким уж плохим. Численно они превосходили две дивизии генерала Йиды, при этом в их составе была танковая бригада, что позволяло англичанам, используя множество дорог, пересекающих долину Иравади, обходить японские части с флангов. Однако бои за Пегу, продолжавшиеся два дня, в основном заключались в том, что та или иная английская часть обнаруживала у себя в тылу японские войска и начинала срочно пробиваться к своим, опасаясь погибнуть в окружении. Так действовали, например, подразде-

ления 17-й дивизии, которые понесли большие потери, потому что отступали, придерживаясь дорог, а когда натолкнулись на очередной японский заслон, остались на ночь на месте. С рассветом, когда части готовились прорываться, налетели японские самолеты. К утру 8 марта дивизия смогла занять оборону на перекрестке шоссейных дорог в 40 км к северу от Рангуна, у городка Хлегу.

Рангун фактически опустел после того, как Дорман-Смит отдал приказ об эвакуации. 28 февраля по приказу Хаттона началось уничтожение всех запасов. В ночь на 7 марта был отдан приказ взорвать портовые сооружения, электростанцию и склады горючего, а также подвижной состав железной дороги. Однако у англичан не хватало саперов, и к тому же отсутствовало четкое руководство операцией. В результате к утру была взорвана лишь малая часть причалов и складов, при этом в порту осталось несколько сот джонок, катеров и даже небольших пароходов. Захватив все это, японцы смогли не только перевооружить и оснастить свои дивизии, но и обеспечить их продовольствием на всю дальнейшую кампанию в Бирме.

В 7 час. 30 мин. утра 7 марта последние из подрывников покинули город на катерах, с тем чтобы направиться вверх по Иравади. Также на север, но по шоссе, ведущему в Пром (Пьи), двинулся на рассвете гарнизон Рангуна. Он состоял из зенитного и артиллерийского полков, подразделения саперов, полка пехоты и нескольких танков; с гарнизоном шли остатки полиции и некоторое число чиновников, остававшихся в городе до последнего дня, а также генерал Александер и офицеры его штаба. Процессия растянулась на несколько километров по шоссе. Было тихо. Лишь сзади черной стеной в половину неба поднимался дым горящего Рангуна. Вдруг впереди послышались выстрелы: за ночь, не замеченный никем, японский отряд блокировал шоссе. Командующий срочно организовал отряд прорыва, но заслон сбить не удалось. Бой продолжался весь день. Генерал Александер не знал, что в те же часы одно из подразделений 17-й дивизии, отступая, оказалось по другую сторону заслона. Командир

этого подразделения хотел было ударить по японцам с тыла, однако не решился на это, опасаясь, что его люди погибнут от английских снарядов — дело в том, что Александер подтянул на шоссе всю свою артиллерию, но она обстреливала заслон очень неточно. К вечеру, отчаявшись пробить заслон собственными силами, Александер приказал двинуть из Хлегу, до которого было всего 15 км, 63-ю бригаду и все имевшиеся там танки, чтобы следующим утром прорвать его любой ценой. Когда авангард 63-й бригады ночью вышел к шоссе, его командиру показалось, что севернее проходят какие-то воинские части. Он сообщил об этом в штаб бригады, но донесению не придали значения.

Утром 63-я бригада и два танковых полка вышли на позицию для атаки. Заслон — баррикада поперек дороги — молчал. Первый танк перевалил через баррикаду — ни одного выстрела. Заслон был загадочным образом оставлен японцами. Ни одного врага не было поблизости. Никто не заметил ночью, как японцы ушли.

В английских трудах о войне в Бирме эта история представляется как чудесное спасение генерала Александера и рангунского гарнизона. Если обратиться к японским источникам, она предстанет в ином свете. Дело в том, что генерал Йида сейчас же после перехода через Ситаун направил два полка (214-й и 215-й) практически без танков и артиллерии прямо на запад с заданием пересечь дорогу Рангун — Пром в 40 км севернее столицы и затем ударить по Рангуну с северо-запада. Йида и его штаб не представляли, что англичане оставят Рангун без боя, так как тот, кто обладал им, неизбежно выигрывал кампанию. Для того чтобы обеспечить безопасность перехода колонны через шоссе, командир 214-го полка полковник Сакума приказал одному из батальонов оседлать его и оставаться там до тех пор, пока оба полка не выйдут на исходные позиции для штурма города. Когда батальон, занявший дорогу, подвергся яростным атакам англичан, Сакума предположил, что движение полков открыто врагом, который хочет ударить им во фланг. Поэтому бата-

льон держался лишь до ночи, а когда японские полки (их-то и заметили англичане, готовившиеся штурмовать заслон) перешли дорогу, снялся с позиции и двинулся с ними к Рангуну. Японцы спешили, так как считали, что их движение разгадано противником и помочь им может лишь скорость. Днем 8 марта сначала 215-й, а вслед за ним и 214-й полк вошли в Рангун. Изумление японцев, обнаруживших, что город пуст, было велико, но не помешало командиру 33-й дивизии немедленно бросить 215-й полк по дороге на север, чтобы настичь англичан. Но погоня опоздала — английская колонна ушла уже далеко.

С этого момента Китай был фактически отрезан от внешнего мира*. Большая часть запасов, доставленных в Бирму для Китая, погибла или была захвачена японскими войсками. Как английские, так и китайские дивизии, остававшиеся в Бирме, могли рассчитывать только на имевшиеся в их распоряжении снаряжение и боеприпасы, которых при плохой организации и постоянном отступлении надолго хватить не могло. Японская же Южная армия имела возможность использовать причалы Рангунского порта для снабжения своих войск и подвоза подкреплений. В результате оказался стратегически бесполезным рейд в Индийский океан эскадры адмирала Нагумо, одной из целей которого было нарушить сообщение Бирмы с Индией и Цейлоном (ныне Шри-Ланка). К тому времени, когда самолеты с авианосцев Нагумо бомбили Коломбо и топили английские крейсеры и пароходы, полностью парализовав на несколько недель движение в Индийском океане, Рангун уже пал. Война подкатилась и к границам Индии — обстрел прибрежных городов в Бенгальском заливе, безнаказанно проведенный японскими крейсерами, вызвал такую панику, что в портах некому стало работать. Генерал Уэйвелл, полагая, что высадка японских десантов вполне возможна как в Южной Индии, так и на Цейлоне, слал в Лондон тревожные радиограммы. Юг Индии

* Синьцзянская дорога, трудная, 3000-километровая, использовалась только Советским Союзом.

8 марта 1942 г. японские части вошли в столицу Бирмы Рангун

Отступление из Бирмы. В горах начались дожди, англичане уходили к перевалам по колено в грязи

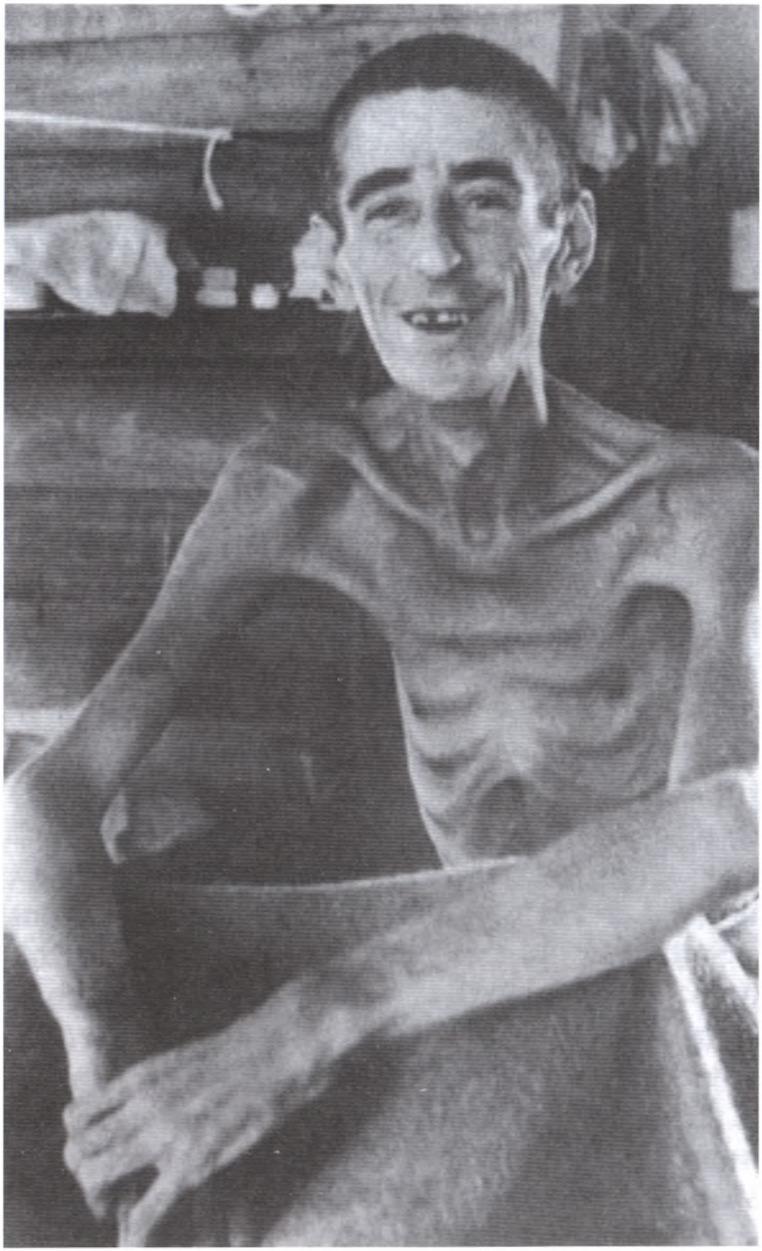
Генерал Стиллуэл со своими союзниками-недругами — генералиссимусом Чан Кайши и его супругой в Чунцине в 1942 г., когда он пытался убедить Чан Кайши в необходимости защищать Верхнюю Бирму

В лагере для военнопленных на Лусоне (Филиппины) погибло в общей сложности более 20 000 человек. Одно из наказаний для пленных — провинившегося привязывали к колючей проволоке на солнцепеке. Обычно наказанный умирал через несколько часов. Рисунок заключенного

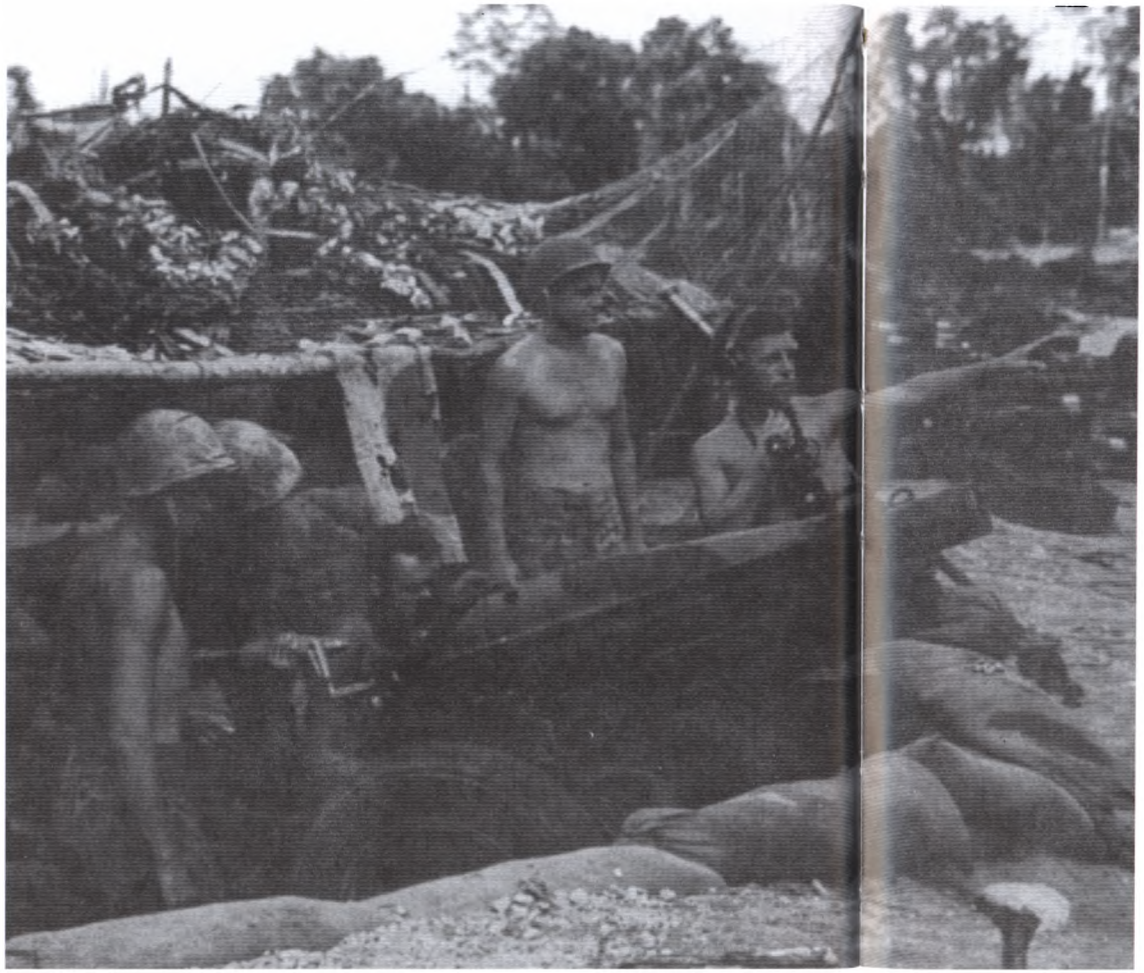
Англичане сдаются в плен. Картины, подобные этой, навсегда уничтожили авторитет европейцев в колониях

Как пленные, так и гражданские лица в японских лагерях подвергались постоянным унижениям. Так заключенным женщинам было положено встречать японского господина

Австралийские солдаты освободили военнопленных. Первые минуты свободы

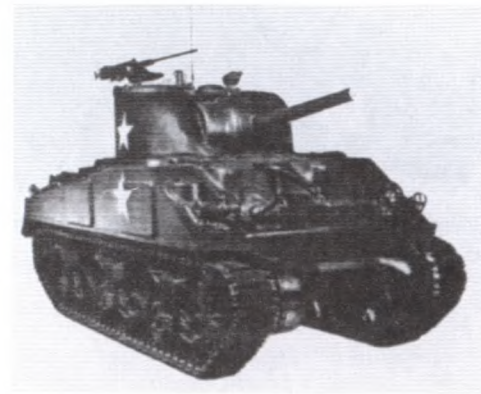


Освобожденный из лагеря. Первый день свободы



Война на островах. Высадка американцев на острове Бугенвилль в ноябре 1943 г. Уже тогда у американцев было подавляющее преимущество в вооружении

Очередной атолл взят. Все японцы погибли. Ни одной целой пальмы. Первые минуты тишины



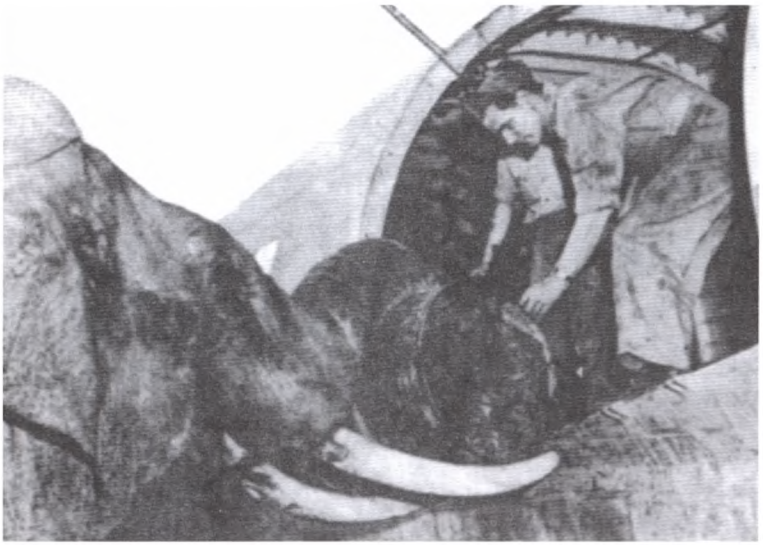
Американский средний танк «Герман», применявшийся с 1942 г. в боях на Тихом океане

В американской армии сохранялась строгая сегрегация. Даже питались черные солдаты отдельно

Война на Тихом океане. Неудачная посадка истребителя «Уайлдкэт» на авианосец «Лексингтон»

Наглядная пропаганда против держав Оси. Желающий мог кинуть яйцо в рожу диктатора. Ночной клуб в США

Чиндиты в Бирме во главе со своим вождем Уингейтом в тылу у японцев



Снабжение китайских войск из Индии. Ручная слониха Эльма загружает самолет бочками с бензином

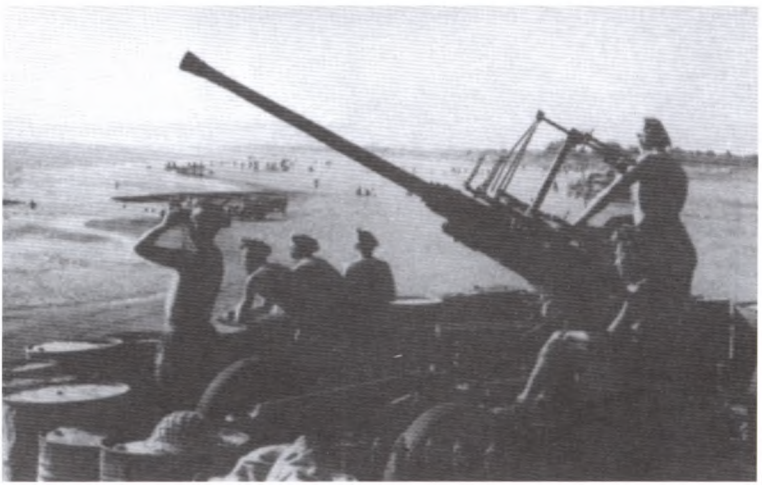
Будущий фельдмаршал Слим, который командовал войсками в Бирме и смог в ряде выигранных сражений изгнать из страны японцев

Верховный главнокомандующий на Востоке, сменивший Уэйвелла лорд Маунтбаттен, на долю которого выпали лавры победителя

Генерал Ренья Мутагучи командовал японскими армиями в Бирме. Начал свой путь вместе с молодыми радикалами, которые подняли восстание в Токио в 1936 г. Агрессивный поклонник «императорского пути». Инициатор наступления на Импхал в надежде уничтожить пути снабжения Китая и затем захватить Дели, рассчитывая, что Индия восстанет и поможет японцам

Командующий Бирманской армией генерал Аун Сан, награжденный в Токио 3-й степенью ордена Восходящего солнца

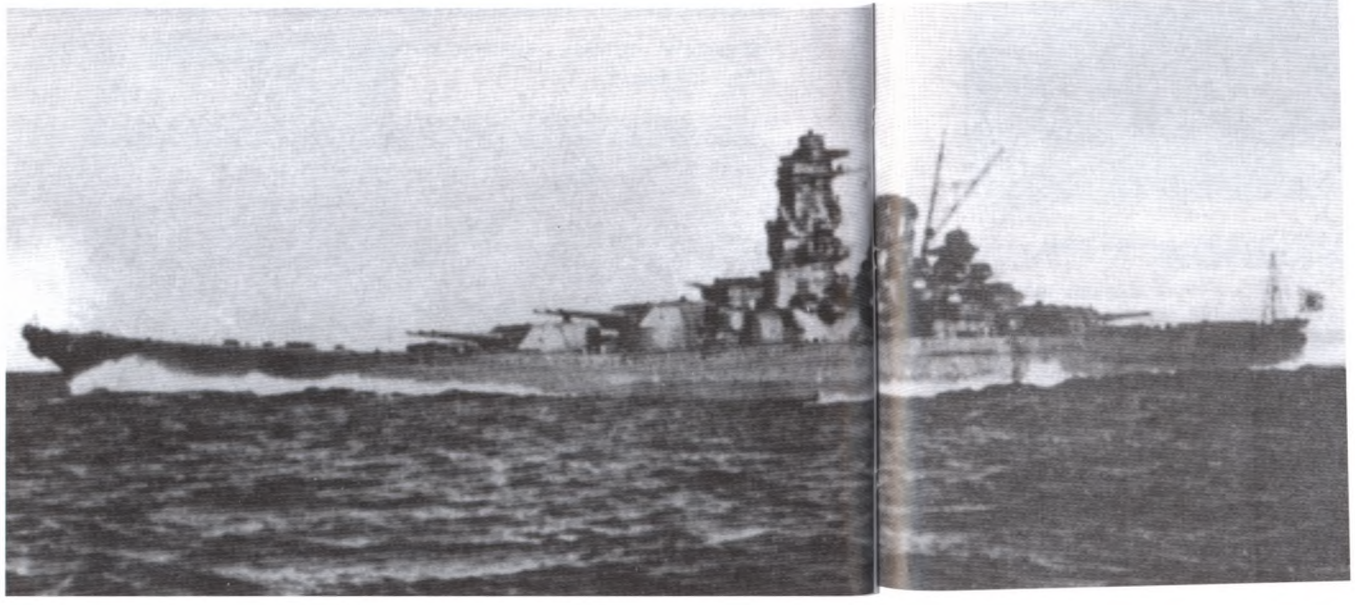
Бирманские партизаны вместе с английскими разведчиками в Верхней Бирме



Английское наступление в 1945 г. Зенитчики на берегу океана в Акьябе спокойны — авиации у японцев не осталось

Обложка журнала «Тайм» в 1944 г. Национальный герой, спаситель Филиппин генерал Макартур

Взятие Рангуна. Англичане высаживаются в топкой дельте Иравади



Последняя надежда Японского флота — самый большой линкор «Ямата», который погиб раньше, чем успел нанести вред американцам

Пленные японцы в Бирме. Немыслимое унижение для высшей расы

было некому защищать — все, что было в распоряжении Уэйвелла (не считая полиции, которая требовалась для подавления внутренних волнений), он перебросил в Ассам, полагая, что японцы скорее всего выйдут к границам Индии в том районе. Наступил, по словам генерала Уэйвелла, «самый опасный час в жизни Индии».

Оккупация Индии и Цейлона в планы японцев пока не входила, тем более не собирались они на этом этапе переносить свои действия далее на запад. Однако гипотетическая возможность такого поворота событий заставила англичан направить свои войска, столь необходимые в Индии и Бирме, на Мадагаскар, который принадлежал вишистской Франции. Страх перед тем, что японцы высадятся на этом острове и сделают его базой для дальнейшего наступления в Африке и на Ближнем Востоке, был настолько велик, что в дни, когда судьба Бирмы висела на волоске, целая английская дивизия штурмовала позиции французов на севере Мадагаскара. Впрочем, именно эта никому не нужная экспедиция прошла успешно: французские части не желали сражаться и сдавались при одном виде англичан.

Глава VII

КОНЕЦ КАМПАНИИ

Как уже говорилось, Бирме предстояло стать первой и единственной колониальной страной в Юго-Восточной Азии, национальная армия которой должна была войти на ее территорию вместе с японскими войсками.

В декабре 1941 г. полковник Судзуки разработал и представил командованию «План операций в Бирме», в котором говорилось, в частности, что главной целью Армии независимости Бирмы будет помощь японским войскам во время

военных действий. Командовать армией будет начальник «Минами кикан», т. е. сам Судзуки, подчиняющийся непосредственно командующему 15-й японской армией генералу Йиде. Как только японские войска укрепятся в районе Тенассерима, будет образовано правительство независимой Бирмы; контроль над государственной собственностью будет осуществляться АНБ. Последние пункты представляют наибольший интерес, поскольку, на наш взгляд, убедительно свидетельствуют о том, что военные планы японского командования предусматривали на первом этапе кампании оккупацию только Тенассерима. Война представлялась затяжной и трудной, а помощь бирманской армии и бирманского населения — чрезвычайно важной. Организацию в этих условиях под эгидой «Минами кикан» временного правительства Бирмы можно было только приветствовать.

Однако развитие событий обрекло план Судзуки на провал. Пока он изучался в кабинетах штабистов в Бангкоке и потом путешествовал в Сайгон, обстоятельства коренным образом изменились: английские войска быстро откатывались на запад, и японское командование с каждым днем убеждалось в том, что при завоевании Бирмы обойдется без помощников. Неудивительно, что в Сайгоне в январе 1942 г. к плану Судзуки отнеслись куда прохладнее, чем в декабре в Бангкоке. В результате 6 февраля 1942 г., в разгар боевых действий в Бирме, из штаба Южной армии последовало строжайшее указание отложить обсуждение независимости Бирмы на будущее, а пока обойтись военной японской администрацией. Вопрос же о независимости следовало решать только после окончания войны.

Это указание достигло Бангкока в середине февраля, а Бирмы, очевидно, лишь к марту. Таким образом, в начале войны командиры 15-й японской армии никаких инструкций о запрещении бирманским националистам, выступающим на стороне Японии, заниматься политической деятельностью, устанавливать местные органы власти и т. д. не имели. Разумеется, в зависимости от взглядов того или ино-

го японского командира и решительности того или иного бирманского политика или офицера АНБ конкретные вопросы решались по-разному, но в целом реальной оппозиции возникновению местных бирманских органов власти в первые недели войны не было.

Дополнительную неразбериху в ситуацию внесла позиция японского кабинета, руководители которого, включая Тодзио, на первых порах выступали за предоставление Бирме независимости. Еще до того как Сайгон в этой независимости решил отказать, премьер-министр, выступая в парламенте 21 января 1942 г., заявил, что, «если Бирма решит сотрудничать с Японией в установлении Великой Восточноазиатской сферы сопроцветания, Япония с радостью предоставит Бирме независимость». Более того, в начале февраля в Сайгоне была получена телеграмма из Токио, в которой говорилось: «Продолжайте политику предоставления Бирме независимости либо незадолго перед оккупацией Рангуна, либо сразу после этого». Телеграмма достигла Сайгона 10 февраля, а решение ввести военную администрацию было принято командованием Южной армии 9 февраля. Поэтому приказ из Токио был положен под сукно, и о его содержании ни бирманцев, ни полковника Судзуки не информировали. Впрочем, через некоторое время и политики в Токио, опьяненные легкими победами и громадными приобретениями, решили, что нужда в националистах отпала. До сведения командования 15-й армии было доведено, что любая агитация в пользу независимости, «исходящая от коммунистов или либералов», не допускается и сами агитаторы должны безжалостно уничтожаться. Характерным симптомом изменения имперской политики был перевод Бирмы (как и прочих стран Юго-Восточной Азии) из ведения министерства иностранных дел в ведение контролируемого армией министерства Великой Азии, в задачи которого входило надежное прикрепление завоеванных территорий к японской военной машине. Конкретные акции этого министерства включали в себя отправку в Японию молодых бир-

манцев для обучения японскому языку и внедрения японского духа, привлечение в Японию бирманских миссий «доброй воли» и т. д.

Когда Судзуки узнал, что вопрос о независимости отложен на послевоенный период, он был искренне возмущен. В записке командованию он утверждал, что, «если Япония не признает независимости, за достижение которой так яростно сражаются бирманские националисты, бирманцы в конце концов обязательно поднимутся против Японии». Конечно, заинтересованность Судзуки в создании бирманского правительства объяснялась в первую очередь тем, что он рассчитывал быть в этом правительстве ключевой фигурой, однако нельзя отрицать и того, что Судзуки, имевший конкретный опыт работы в Бирме и знавший местную обстановку, был ближе к реальности, чем японские глобальные политики. Убеждение в том, что национальные силы можно игнорировать и достаточно армейских карательных органов, чтобы подавлять недовольство, сыграло впоследствии роковую роль в судьбе японских войск в оккупированных странах.

Армия независимости Бирмы была официально создана 27 декабря 1941 г. в Бангкоке. За день до этого было объявлено о записи в нее добровольцев. Слухи о том, что бирманская армия будет освобождать Бирму от англичан, широко распространились среди бирманцев, живших в Таиланде, и в первый же день в АНБ записалось более 200 человек. Кроме них в армии состояли «тридцать товарищей» и примерно 70 японцев, которые составляли штат инструкторов, а также обеспечивали ее связь с японским командованием.

Полковник Судзуки был торжественно введен в должность главнокомандующего АНБ в чине бирманского полного генерала. Генерал-лейтенантом стал капитан Кавасима, возглавивший тавойскую «группу войск», генерал-майорами — капитан Нода, назначенный начальником штаба, и Цукаса Судзуки — начальник медицинского управления. Лишь одна генеральская должность досталась бирманцу — лидер такинов Аун Сан по-

лучил звание генерал-майора с туманной должностью «старший штабной командир». Еще 11 японцев из «Минами кикан» стали полковниками и подполковниками АНБ, и лишь семь бирманцев из числа «тридцати товарищей» получили офицерские звания. Один из них, подполковник Бо Не Вин (впоследствии генерал Не Вин, после освобождения — министр обороны, а в 1962–1974 гг. — председатель Революционного совета Бирмы, затем председатель правящей Партии бирманской социалистической программы), возглавил группу по саботажу и диверсиям за линией фронта.

Судзуки, достигший наконец-то реальной власти, старательно распространял слухи, что он Бо Мо Джо, сын принца Мьингуна, законный наследник бирманского престола, идущий освобождать свою родину. Этот слух проник в Бирму и попал на благодатную почву склонного к мессианским настроениям бирманского крестьянства — лишь за 10 лет до того короновался Сая Сан, возглавивший последнее большое крестьянское восстание.

31 декабря 1941 г. один из отрядов АНБ вошел в Бирму и вслед за японскими войсками стал продвигаться к северу по Тенассериму, помогая частям 55-й японской дивизии. Другой отряд был придан 33-й дивизии, которая готовилась к переправе через Салуин. Наконец, небольшая группа во главе с Не Вином проникла 2 февраля в Рангун, где приступила к организации подпольного сопротивления англичанам.

Появление в рядах японских войск бирманских отрядов имело огромный пропагандистский эффект. Современники вспоминают, что весть о приходе «своих» солдат обгоняла армию и толпы людей выходили на улицы, желая удостовериться в этом. Трудно сегодня установить, сколько добровольцев присоединилось к армии в первые же недели. Но можно быть уверенными в том, что генеральские чины руководителей АНБ уже к марту приобрели реальное значение. Минимальная численность армии к моменту вступления в Рангун — 4 тыс. человек — встречается в официальном

английском источнике, максимальная — 150 тыс. — в «Истории бирманской армии». Очевидно, реальнее всего цифра, приводимая Ба Таном, директором Института истории вооруженных сил Бирмы, основывавшимся на современных документах, — 23 тыс. человек.

Японцы без восторга наблюдали за быстрым ростом АНБ. Бирманская армия была совершенно не обучена, практически не вооружена и как боевая единица ценности в боях с английскими войсками не могла представлять. В то же время, какой бы ни была эта армия по боевым качествам, иметь в тылу войска, воодушевленные идеей освобождения Бирмы, а отнюдь не создания Японской империи, было опасно. Следовательно, надо было держать эту армию в тени и при первой возможности снизить ее численность и значение. Такая политика проводилась не только по отношению к АНБ. Достаточно вспомнить, что в Индийской национальной армии во главе с Босом к 1943 г. было до 40 тыс. солдат, объединенных в три дивизии. Но даже в решающем сражении при Импхале, когда каждый солдат был на счету и когда, казалось бы, можно было бросить в бой эту армию, одержимую мечтой об освобождении Индии, и тем самым переломить ход событий в свою пользу, японское командование на это не пошло. Основной причиной были опасения, что индийцы (к тому времени в значительной степени разочарованные общением с японскими союзниками) могут повернуть фронт.

Конечно, называть АНБ армией в действительном смысле этого слова было нельзя. С первых дней войны в Бирме возникло множество отрядов, чаще всего руководимых такинами, которые именовали себя полками либо батальонами Армии независимости Бирмы, но действовали самостоятельно. Все они за малым исключением (а в условиях вызванного войной хаоса было неизбежно вовлечение в движение какого-то числа бандитов и авантюристов) были движимы антиколониальными патриотическими настроениями и пользовались широкой народной поддержкой, однако руководить ими из центра в военных условиях не было никакой возможности.

Рассматривая сегодня состав и характер АНБ и органов власти, создававшихся ею, нетрудно выделить некоторые их основные черты. Во-первых, состав армии был почти исключительно бирманским. Зародившись в Бангкоке, где в нее вступали именно бирманские эмигранты, она получила первое пополнение в Тенассериме и Нижней Бирме, т. е. в собственно бирманских районах. Представители национальных меньшинств, за исключением некоторого числа монов и каренов, не могли вступить в АНБ уже по той причине, что в районах их обитания она на первых порах не появлялась. Кроме того, отступление англичан способствовало росту бирманского национализма и даже шовинизма, что было реакцией бирманцев на политику колонизаторов, предоставлявших определенные преимущества представителям христианизированных национальных меньшинств, главным образом каренам, которые таким образом в представлении бирманцев тесно связывались с колонизаторами.

Второй характерной чертой АНБ и связанных с ней новых органов власти было преобладание в них выходцев из Нижней Бирмы, более подверженной влиянию современных идей, чем Верхняя Бирма, где сила традиций была сильнее. Третья черта движения заключалась в том, что оно было по существу своему демократичным. Большинство солдат АНБ были крестьянами, среди командиров преобладали представители городской и сельской мелкой буржуазии, а также интеллигенции — студенчества, учителей, клерков и т. д. Ощущение единой национальной миссии на первых порах отодвигало на второй план проблемы социальные.

Как только Рангун был освобожден от англичан, АНБ образовала там Центральный административный штаб. Сюда стекались сведения о положении на местах, отсюда шли циркуляры и указания в города и деревни, в той или иной мере признававшие власть АНБ, а таких в стране было большинство. Как правило, по вступлении в населенный пункт отряд АНБ устанавливал там порядок, прекращая (порой весьма суровыми мерами) грабежи. Затем происходил сбор

оружия, конфисковывались автомобили (дальнейшие пределы конфискаций, как часто бывает в период революции, зависели от инициативы командира отряда) и устанавливалась (обычно такинами) местная администрация. Вблизи столицы Центральный административный штаб пытался навести порядок и пресечь экстремистские акции, для чего на места направлялись комиссары АНБ, что приводило к многовластию и конфликтам. Тейн Пе Мьин вспоминает, что в мае в округе Мьяунмья на власть претендовали четверо «командующих». Показательную таблицу, которая дает возможность понять обстановку в Бирме к началу лета, составила на основе различных документов Дороти Гуйо.

Таким образом, большинство крупных населенных пунктов в Бирме и все — в Нижней Бирме к этому времени находились в руках АНБ. В стране сложилось двоевластие, при котором общая власть принадлежала японцам, а власть на местах — бирманским националистам.

Разумеется, в ажиотаже освобождения и административного восторга местные комитеты натворили немало дел — тут было и сведение личных счетов, и попытки обогатиться, и наполеоновские устремления мелких начальников. И неудиви-

Соотношение временных органов власти, установленных АНБ, японцами и местными старейшинами в городах и районах Бирмы к 4 июня 1942 г., %

	Верхняя Бирма		Нижняя Бирма		Всего по стране	
	районы	города	районы	города	число городов	процент
АНБ.....	75	25	78	100	32	80
Японцы.....	13	75	22	—	7	18
Местные старейшины.....	12	—	—	—	1	2

тельно, что как бирманские правые политики, ненавидевшие такинов, так и некоторые западные историки относятся к деятельности местных комитетов резко отрицательно и не жалеют черных красок. Кейди даже полагает, что «действия по ликвидации активного контроля АНБ стали одним из немногих популярных в Бирме мероприятий японцев».

В отличие от других стран Юго-Восточной Азии, в которых национально-освободительные революции были связаны с крушением японского господства и совершались либо в последние дни японской оккупации, либо сразу после ухода японцев, в Бирме такая революция произошла в дни прихода японцев и крушения британской колониальной системы. Политический вакуум, образовавшийся при паническом бегстве англичан, падение колониальной административной системы позволили прийти к власти левым националистам — организаторам Армии независимости Бирмы, которая оказалась единственной жизнеспособной национальной силой. И они эту власть уже не потеряли, несмотря на все превратности войны. Не увенчались успехом, в частности, попытки англичан после возвращения в страну вернуть на прежние посты своих верных слуг, эмигрировавших с англичанами в Индию. Более того, те из такинов и других левых элементов, которым с усилением японского контроля и партии «Синьета» пришлось временно отойти от власти, после 1945 г. вернулись к ней вновь, в большинстве своем по спискам Антифашистской лиги народной свободы, порой по спискам компартии. Знакомство с составом Конституционной ассамблеи, избранной в 1947 г., позволяет убедиться, что люди, выдвинутые к власти революцией 1942 г. в Бирме, и после войны не уступили места тем, кто до войны занимал в бирманской политике господствующее положение. Достаточно привести такие цифры: из 132 членов Конституционной ассамблеи Бирмы, избранной в 1947 г., и 36 членов сената лишь девять избирались в парламент на выборах 1937 г. Этим ситуация в Бирме коренным образом отличается от положения на Филиппинах, где собравшийся после изгнания

японцев конгресс в значительной степени действовал так, будто ни войны, ни антияпонского сопротивления внутри страны не существовало. Править страной снова начали адвокаты и латифундисты, чьи имена фигурировали в парламентских списках до войны. В отсутствии политической преемственности — коренное отличие Бирмы от Филиппин.

Итак, в 1942 г. в Бирме произошла национальная революция. Однако она не стала революцией социальной — более того, она отказалась даже от лозунгов, провозглашенных в манифесте «Добама асиайон» 1940 г.: национализации средств производства, демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и свободного распределения земли между бедными крестьянами. Причина заключалась прежде всего в том, что бирманская революция 1942 г. оказалась в значительной степени стихийным национальным движением и как таковое подпала под сильное влияние традиционных лозунгов и идеалов, рожденных буддизмом и выражавшихся монахами. Для монахов и деревенской элиты, которая была по натуре своей антиколониальной и антибританской, колониальное господство было неприемлемо прежде всего потому, что угрожало буддизму и отдавало экономическое превосходство иноземцам. Вопросы же справедливого социального переустройства внутри бирманского общества их не волновали.

Неспособность бирманской революции 1942 г. приступить к решению социальных проблем стала одной из ее основных слабостей. Как только прошли первые дни освобождения и светлых надежд, обнаружилось, что новая власть в большинстве случаев не подозревает, что же ей делать, и действия ее начали в значительной степени определяться местными помещиками и торговцами, куда более опытными в вопросах управления обществом, чем формально руководившие местными органами власти такины. Характерным для тех дней документом можно считать постановление районного административного совета в г. Мьяунмья, в котором говорилось: «В настоящем году у нас нет возможности провести в жизнь пла-

ны, за которые мы выступаем, а именно распределить землю поровну между всеми земледельцами. Следовательно, пока землевладельцы должны отдавать свои земли в аренду своим арендаторам без всякого изменения в условиях аренды, чтобы сельскохозяйственные работы проходили спокойно». Местные комитеты с каждым днем все более утопали в формальной бумажной деятельности, местные начальники, войдя во вкус, стремились использовать свое положение в корыстных целях, к тому же начались трения внутри самой системы местных советов. Создание в марте рангунской «администрации» Тун О, подчинявшейся Судзуки, привело к вспышке деловой активности поначалу небольшого штата этого правительства. Желая получить реальную власть, Тун О старался насадить своих людей хотя бы в тех комитетах, что находились неподалеку от Рангуна. Однако их руководители уступать свою власть людям, назначенным Тун О, без борьбы не намеревались. Одновременно с этим продолжалось наступление на север. Бирманская армия была разделена на колонны под командованием Бо Зея и Бо Не Вина*, которые должны были продвигаться вместе с японскими войсками вверх по Иравади. Именно там и оказались лидеры левых такинов. И это неудивительно — большинству из них в то время было чуть более 20 лет и боевая слава привлекала их куда больше, чем заседания в сельских и городских комитетах. Они продолжали обольщать себя надеждой, что идут в последний бой ради свободы и все остальные проблемы можно отложить до того момента, когда этот бой завершится. А тем временем из подполья стали выходить представители буржуазных партий, ранее находившиеся в оппозиции к ан-

* В бирманском языке приставка «Бо» используется при обращении к военным. По первой части имени можно угадать положение человека в обществе и даже отношение к нему. Родители и школьные приятели называли генерала Не Вина Маун Не Вином, где «Маун» означает — младший брат. В университете его могли называть Ко Не Вин, т. е. старший брат. Когда он стал взрослым, к нему обращались У Не Вин, где — «У» значит «дядя». Так же различны приставки при обращении к женщине.

гличанам, однако по своему мировоззрению стоявшие даже правее администрации Тун О. Они старались, с одной стороны, проникнуть в эту администрацию и влиять на ее политику, с другой — искали связей с японским командованием, и небезуспешно, так как в штабе 15-й армии были сильно обеспокоены деятельностью такинов.

Доказательством того, что японское командование уже весной 1942 г. начало оттеснять АНБ от власти, может служить решение Йиды не допускать бирманские части в Шанские княжества и вообще в северные районы Бирмы. Хорошим поводом для обоснования этого решения были бирмано-каренские столкновения, подорвавшие не только авторитет АНБ, но и позиции Судзуки, который разделял опасную и чреватую последствиями точку зрения, что горцы и христиане Бирмы — агентура англичан. Казалось бы, небольшой поначалу инцидент отразил в себе как в зеркале многие больные проблемы будущей Бирмы, остающиеся нерешенными и по сей день.

Когда в марте пал Рангун, многие карены, сражавшиеся в составе английской армии, дезертировали, считая безопасность своих семей в дельте куда важнее спасения остатков британского престижа. Несколько сотен каренских дезертиров скопилось в деревнях неподалеку от Рангуна, населенных каренами. Это стало известно командованию АНБ, и по приказу Судзуки туда были направлены команды, чтобы собрать оружие. Сбор оружия был стандартной процедурой, предпринимавшейся всеми местными органами власти, однако если в бирманских районах крупных конфликтов из-за этого не возникало, то в каренских деревнях можно было ждать беды. Так как при этой операции на сцене появились воинственно настроенные бирманские монахи, возник конфликт, который удалось уладить лишь потому, что в дело вмешались как лидеры такинов, так и крупные каренские деятели. Однако внутренние причины трений ликвидированы не были, и через

два месяца, в мае, возник новый конфликт, когда бирманские власти г. Мьяунмья, расположенного в дельте Иравади и окруженного христианскими каренскими деревнями, заподозрили каренов в желании захватить город. Охваченные паникой бирманцы расстреляли каренского бургомистра города, бывшего министра юстиции Со По Та и его семью. Карены и в самом деле попытались войти в город, но их атака была отражена, и в городе начался антикаренский террор. Несколько десятков каренских заложников было убито. В ответ в окрестностях города карены начали убивать бирманцев. Вражда разгоралась, и к середине июня стычки распространились по всей дельте.

Характерна позиция Судзуки во время каренско-бирманских конфликтов. Склонный к театральным эффектам, жестокий и тщеславный, он не только стал инициатором преступления, но и попытался втянуть в него в качестве исполнителей бирманских солдат, мотивируя это заботой о «своих людях». Во время одной из стычек с каренами был убит подполковник Изима, близкий друг и соратник Судзуки. Судзуки решил жестоко отомстить каренам и приказал бирманским частям окружить две большие каренские деревни — Каназогон и Тайягон. Акция проводилась ночью. Деревни были подожжены с одного конца, а когда перепуганные крестьяне бросились бежать от огня, на выходе из деревень их ждали бирманские солдаты под командованием японских офицеров и убивали всех без исключения. События в Мьяунмья и беспорядки в дельте, а также память о тех днях, дошедшая до конца 40-х годов и послужившая одной из причин жестокости и размаха гражданской войны в Бирме, в некоторой степени исходят из этого прискорбного эпизода. В сущности, политика японцев была доведенной до крайности политикой англичан: всеми мерами разделять живущие в Бирме народы. Неудивительно, что японцы хладнокровно наблюдали до лета за кровопролитием в дельте, а затем, введя туда войска, выступили в роли «арбитра».

Глава VIII

ВЕРХНЯЯ БИРМА

Как уже отмечалось, многие беженцы из Рангуна, числом более 100 тыс., избрали путь через перевал Таунгоу в Аракан, откуда они рассчитывали добраться морем до Индии. Дорога от Рангуна до Прома шла через обжитые районы, но дальше — а от Прома до г. Таунгоу на побережье Бенгальского залива было больше 150 км — путь шел через горы, где нельзя было достать ни пищи, ни воды. Тропа, по которой двигались группы беженцев, была на много метров вокруг усеяна трупами тех, кто не выдержал тяжести пути, занимавшего не меньше недели. Помимо голода и жажды беженцев преследовали холера и дизентерия. Несколько добровольцев, в их числе профессор Пирн из Рангунского университета, старались как-то облегчить судьбу беглецов, встречая их на берегу, доставая пищу и воду и, главное, распределяя билеты, чтобы отправить беженцев пароходами и баржами, которые присылали из Калькутты. В лагере в г. Таунгоу скапливалось более 25 тыс. человек одновременно, и ежедневно подходили тысячи больных, изможденных людей. Суда из Калькутты могли забирать не более тысячи человек в день, и каждый раз, когда приходило судно, начиналось столпотворение: озверевшие люди давили друг друга, стараясь любой ценой попасть на корабль — никто не знал, придет ли завтра другой. Больше судов калькуттские власти выделить не смогли. Люди у пристани погибали от жажды, хотя в нескольких километрах оттуда были колодцы — но никто не смел отойти далеко от пристани, а носить воду было некому. Когда профессор Пирн в отчаянии призывал индийских бедняков как-то наладить снабжение водой, избрать комиссию, которая смотрела бы за порядком, чтобы люди не гибли при посадке, многотысячная толпа начинала сначала нестройно,

потом все громче кричать: «Ганди-киджай!», словно вождь ИНК мог перенестись через море и спасти своих соотечественников, брошенных на произвол судьбы. Лишь 18 марта жизнь в лагере несколько облегчилась, потому что из Бомбея и Мадраса приплыли добровольцы-медики.

После продвижения японцев к Прому путь на Таунгоу был закрыт, и уйти из страны в Индию можно было лишь через северные перевалы. Наиболее известным из них был перевал Таму, до которого можно было добраться через Мандалай. Поэтому индийцы со всей Бирмы тянулись к Мандалаю, окружив его кольцом палаток и навесов. Многие тысячи из них умирали от холеры и дизентерии — медицинского персонала здесь тоже не хватало, а военные власти перекрыли дорогу на западном берегу Иравади и не пропускали по ней больше 500 человек в день, чтобы не мешать возможному отступлению войск по этой дороге и работам по ее расширению. В начале апреля, по официальным данным, в лагерях вокруг Мандалая все еще находилось более 100 тыс. человек (всего через перевал Таму прошло более 200 тыс. беженцев), из них 500 умирали ежедневно от холеры. В мае начались дожди, жара спала, холера поутихла и администрации удалось наладить питание беженцев.

В начале марта 1942 г. правительство Бирмы во главе с губернатором, штаб генерала Александера и небольшой штаб генерала Стилуэлла устроились в Мемьо — летнем курорте для английских чиновников к северу от Мандалая. Было тесно, привыкшим к комфорту офицерам приходилось жить по два-три человека в комнате, зато питание было поставлено отлично — большинство рангунских чиновников привезли с собой поваров, да и на месте слуг хватало.

Приехав в Мемьо, Стилуэлл нанес визит Дорман-Смиту и Александеру. Оба англичанина произвели на Стилуэлла неблагоприятное впечатление. Стилуэлл задал губернатору вопрос: если бирманцы будут поддерживать японцев и присоединятся к ним, следует ли китайским войскам по ним

стрелять? Губернатор не раздумывая сказал, что следует. Александеру не понравилось заявление Стилуэлла, что тот будет командовать китайскими войсками. Александер полагал, что китайские дивизии должны подчиняться непосредственно ему. Убежденность Стилуэлла, что командующий китайскими войсками — он, не разделялась и китайскими генералами. Сразу же после Стилуэлла визит губернатору нанес генерал Ду Лимин, командующий 5-й армией, и представился Дорман-Смиту как командующий китайскими войсками в Бирме. На следующий день с такими же претензиями явился еще один генерал. Когда английский губернатор спросил Ду Лимина, как же один пост могут занимать несколько человек, тот ответил: «Американский генерал только думает, что командует. В самом деле ничего подобного он не делает. Мы, китайцы, полагаем, что единственный способ удержать американцев в войне — это дать им несколько командных постов на бумаге. Они тогда нам не будут мешать».

Стилуэлл вскоре действительно обнаружил, что любой приказ, который он получал от Александера и передавал своим китайским подчиненным, должен был совершить длительное путешествие до самого Чан Кайши, после чего чаще всего не выполнялся или выполнялся с опозданием. Глава чунцинского правительства уже жалел, что двинул свои дивизии в Бирму. Он не доверял англичанам, полагая, что они предали его и предадут снова, и не хотел рисковать своими войсками, так как никаких перспектив после потери Рангуна и хранившихся там запасов не видел. По словам Стилуэлла, Чан Кайши в те дни так отзывался о союзниках: «Будь они прокляты. Они убежали из Рангуна и даже не удосужились предупредить моего офицера связи. Они обещали бензин для наших танков и машин и ничего не дали». В результате лишь одна 200-я дивизия встретила у Таунгу начавших наступление японцев, а остальные китайские части остановились южнее Мандалая. И хотя Стилуэллу все же удалось в середине марта убедить Чан Кайши двинуть к Таунгу другие

войска, спасти изолированную 200-ю дивизию от поражения уже не удалось.

7 марта 15-я армия Йиды получила приказ начать наступление на север с целью разгромить китайские войска и занять Мандалай. Для этого из Малайи и Вьетнама к генералу Йиде должны были поступить подкрепления, однако он не стал их ждать: наступать следовало немедленно, до начала муссона, пока дороги были сухими и можно было использовать автотранспорт для быстрых рейдов. Прихода муссона ждали и англичане, причем с двойным чувством: с одной стороны, они надеялись, что дожди затруднят наступление японских войск, с другой — опасались, что придется отступать в условиях, когда горные тропы и перевалы станут почти непроходимыми.

К 15 марта Йида разработал план операции по захвату Средней и Верхней Бирмы. Он намеревался воспользоваться тем, что Бирма разделена речными долинами и горными хребтами в меридиональном направлении, что позволяло разбить защищающие ее части поодиночке. 55-я дивизия начинала наступление по долине Иравади, вдоль железной и шоссейных дорог, тогда как 56-я дивизия (прибытия которой ждали со дня на день) должна была направиться против китайских войск, перекрывавших долину Ситауна, и захватить Таунгу, аэродром которого планировалось использовать для японской авиации. Генерал Йида был невысокого мнения о возможностях китайских дивизий. И не только потому, что китайская армия была плохо вооружена, плохо снабжалась и плохо управлялась. Он делал ставку на то, что китайцы находятся на чужой территории и защищать Бирму не захотят, т. е. при первой возможности будут отступать к своей границе.

Вскоре после прибытия в Мемьо генерал Александер попросил Уэйвелла прислать ему заместителя, который взял бы на себя командование английским корпусом в долине Иравади. Просьбу Александера выполнили оперативно, и уже 29 марта в Бирму прилетел генерал-майор Слим. В тот мо-

мент никто не рискнул бы сказать о нем то же, что сказал Черчилль об Александере. Бирманская кампания была проиграна, и посылать в Бирму генерала, нужного на других, более перспективных театрах войны, никто бы не стал. Александер, когда ему предложили Слима, хотел было отказаться, так как никогда ранее не слыхал этого имени, но один из его помощников, который знал Слима по Индии, уговорил рискнуть — ведь Слим по крайней мере не скомпрометировал себя поражениями, как те генералы, что скопились в штабе Александера и которым он доверить командование корпусом не желал.

Генералу Уильяму Слиму было 50 лет. Лишь за два года до того он был подполковником, безнадежно застрявшим на служебной лестнице в индийской армии и зарабатывавшим в основном тем, что писал бесчисленные экзотические рассказы из индийской жизни под псевдонимом Энтони Миллс и редактировал военный журнал. В 1940 г. Слим ввиду острой нехватки офицеров был отправлен со своим батальоном на Ближний Восток, там вскоре получил очередное звание и бригаду, а в 1941 г. уже успешно командовал в Ираке и Иране дивизией. Смирившись за долгую и неудачную военную карьеру с тем, что ему не везет, Слим покорно принял безнадежное назначение и обосновался на линии фронта у Прома с двумя в значительной степени уже фиктивными дивизиями и потрепанной танковой бригадой. Ему было дано задание любой ценой удержать нефтепромыслы в Енанджауне, потеря которых оставляла оборонявшихся без горючего. Однако еще до того как Слим приступил к исполнению своих обязанностей, произошли важные события на востоке страны, в долине Ситауна.

Город Таунгу после ухода английских войск на запад защищала, как уже говорилось, 200-я китайская дивизия силой примерно в английскую бригаду. Против нее наступали японские войска, численно втрое ее превосходившие. Тем не менее в течение четырех дней китайская дивизия оказывала упорное сопротивление японцам. 23 марта 143-й японский полк обо-

шел китайцев и отрезал им путь к отступлению, но 200-я дивизия продолжала сопротивление, сковав значительные японские силы. Исход сражения зависел от того, кто сможет быстрее подбросить в район Таунгу подкрепления. В распоряжении Стилуэлла находились 22-я и 96-я китайские дивизии и два резервных полка — силы достаточные, чтобы не только сорвать японские планы, но и начать контрнаступление.

Опасаясь этого, генерал Йида срочно перебросил к Таунгу части, только что прибывшие в Рангун. Однако китайские войска медлили прийти на помощь своим. Когда Стилуэлл приказал резервным полкам, стоявшим в тылу 143-го японского полка, ударить по нему, командиры полков не двинулись с места, а попросту переправили приказы Стилуэлла в Чунцин. 26 марта к району боев подошла 96-я дивизия, но 22-я задержалась, так как все железнодорожники разбежались и некому было перевезти ее по железной дороге, как было запланировано. Командир 22-й дивизии обещал начать наступление на юг 28 марта, однако и в этот день его части не двинулись с места. Не надеясь на помощь Мемьо и Чунцина, Стилуэлл бросился к Слиму с просьбой ударить во фланг японцам из долины Иравади и спасти сражающуюся уже 10 дней в окружении, без боеприпасов и пищи китайскую дивизию. Слим, выслушав Стилуэлла, вопреки строгим указаниям командования снял со своего фронта танковую бригаду, но ее наступление вскоре остановилось; более того, опасаясь попасть в окружение, командир бригады, полковник старой школы приказал отступать.

К утру 30 марта Стилуэлл понял, что спасать 200-ю дивизию некому. Узнав, что китайские войска бездействовали по указанию своего главнокомандующего, который не хотел ими рисковать, предпочитая потерять одну дивизию, чем целую армию, Стилуэлл фактически предъявил Чан Кайши ультиматум, заявив ему, что не может доверить тем, кто не выполняет свои обещания, американские самолеты, защищавшие Чунцин. В то же время, будучи человеком объек-

тивным, Стилуэлл записал в дневнике: «Надо отдать китайцам должное — нельзя ожидать от них, чтобы они передали две армии чертову иностранцу, которого они не знают и которому они не имеют никаких оснований доверять». Этот аргумент, казалось, подействовал: Чан Кайши прилетел в Мемьо вместе с женой, собрал китайских генералов и сообщил им в присутствии Стилуэлла, что они в будущем должны беспрекословно подчиняться Стилуэллу, для чего последнему вручается красная печать, чтобы скреплять ею свои приказы. Печать была вручена, однако, как оказалось, вместо обещанного титула «главнокомандующий войсками в Бирме» на ней была надпись «начальник штаба объединенных сил», что в глазах китайских генералов низводило американского генерала до положения советника и ничего в отношениях Стилуэлла с командующими его армиями не изменило.

После двух недель отчаянного сопротивления, потеряв более 1 тыс. человек и почти всю технику, 200-я дивизия вырвалась из окружения и ушла на север, открыв японцам путь в Шанские княжества. Сейчас же после этого генерал Йида перевел свой штаб в Таунгу и на следующий день издал измененную диспозицию сражения за Мандалай. Он решил перебросить основные силы в долину Ситауна, чтобы форсированным маршем выйти к самой северной оконечности Бирмы и, развернувшись фронтом на запад, выбросить англичан в Индию, не дав им соединиться с китайскими войсками. Ничего не зная об этих планах Йиды, генерал Александер тем не менее понимал, что у него недостаточно сил, чтобы защищать долину Иравади и нефтепромыслы в Енанджауне. 6 апреля он встретился с Чан Кайши в Мемьо и уговорил того перебросить одну дивизию в долину Иравади. В ответ на просьбу китайский главнокомандующий поставил условие, чтобы англичане перестали наконец отступать, с чем Александер согласился. Однако недоверие было взаимным и глубоким. Через три дня Чан Кайши прислал

Стилуэллу телеграмму с приказом дивизии англичанам не отдавать, чтобы не ослабить обороны долины Ситауна.

Пока шли переговоры, неутешительные известия поступили как с востока, так и с запада. В долине Ситауна японские войска начали энергично теснить китайцев, которые отходили к северу, не оказывая серьезного сопротивления. Ни поездки Стилуэлла на фронт, ни его жалобы Чан Кайши не помогали. В эти же дни продолжалось начавшееся 2 апреля отступление английских войск от Прома. Апрель — самый жаркий и влажный месяц в Бирме, к тому же войска шли по самой засушливой и жаркой части страны. Мелкая, как пудра, рыжая пыль поднималась облаками, и ничего не было видно в трех шагах. У колодцев в редких деревнях солдаты сбивались в громадные толпы. Японские самолеты знали, где расположены эти колодцы, и устраивали возле них кровавые побоища. Отступление продолжалось два дня с короткой ночевкой. За это время части корпуса покрыли расстояние в 60 км с лишним и достигли Аланмьо. Отступление шло в такой спешке, что англичане даже не взрывали мостов, что позволило японцам без препятствий следовать за противником. Китайский и английский штабы обменивались гневными телеграммами, обвиняя друг друга в предательстве. Генерал Александер в официальном сообщении в раздраженных тонах писал о китайских солдатах как о «паразитах», которые «ожидают, что я буду их кормить».

10 апреля японские части вновь вошли в соприкосновение с корпусом генерала Слима и начали атаковать его малыми силами в различных пунктах обороны. Мелкие группы японцев и бирманцев из АНБ проникали в тылы и вносили панику. Английские части были измотаны и деморализованы, началось дезертирство. Фронт трещал по швам, однако генерал Александер слал из Мемьо приказы удерживать его любой ценой. Понимая, что еще день-два и его войска попросту разбегутся, генерал Слим без разрешения сверху приказал взрывать нефтепромыслы и хранилища нефти в Енанджауне.

Еще над одним бирманским городом поднялась черная стена дыма. Но если горящий Рангун месяц назад оставался сзади и с каждой минутой англичане уходили все дальше от него, то теперь английским частям предстояло пройти сквозь эту стену — там, в руинах пылающего Енанджауна, была отрезана одна из дивизий Слима — 1-я бирманская.

Под давлением японцев дивизия начала отступать к реке, потому что больше нигде не было воды. Спиной к реке солдаты заняли оборону, почти не имея боеприпасов. Весь день они делали бесконечные попытки найти брешь в японском кольце, и каждый раз им приходилось переходить к обороне, а кольцо становилось все теснее. Не только раненые, но и здоровые солдаты умирали от тепловых и солнечных ударов. Попытки 17-й дивизии пробиться к блокированным войскам ни к чему не привели. Перебраться через быструю, шириной больше километра реку окруженные тоже не смогли.

В эти трагические для корпуса часы с севера подошли первые части 38-й китайской дивизии, которую Чан Кайши, поддавшись уговорам Стилуэлла, все же согласился перевести в долину Иравади. Так как у Слима не оставалось ничего, кроме нескольких танков и артиллерийской батареи, он пошел на риск и отдал их в подчинение генералу Суй Личжену, командиру китайской дивизии. Китайцы прямо с марша вступили в бой и смогли потеснить японцев, однако прорвать кольцо окружения им не удалось.

Во второй половине дня 18 апреля командир окруженной дивизии генерал Скотт радировал Слиму, что больше дивизия держаться не в состоянии. Он предложил оставить всю артиллерию, раненых и имущество и «просачиваться, как придется», вдоль реки. Перед Слимом стояла трудная задача: если не разрешить дивизии отходить группами, то все ее солдаты могут погибнуть, если разрешить — дивизия как боевая единица перестанет существовать. Связавшись с командиром китайской дивизии, Слим приказал дивизии Скотта держать оборону до утра, а затем прорываться навстречу китайцам, которые начнут новое наступление.

На следующее утро окруженные возобновили попытки пробиться. Кольцо все сжималось, японские самолеты с бреющего полета расстреливали скопления людей. Примерно в полдень Скотту сообщили, что крупные японские силы приближаются с севера. Ожидая оттуда нового удара, Скотт приказал своим частям оттянуться на более удобные позиции и начать уничтожение артиллерии и всех припасов. Часть раненых положили на броню оставшихся танков, остальных оставили в расчете на то, что японцы окажут им помощь (на следующую ночь разведчики вернулись в Енанджаун и увидели, что все раненые заколоты штыками). После отчаянного боя остатки дивизии прорвались на север и соединились со своими частями.

К сожалению, это была трагическая ошибка — разведка Скотта приняла за японцев китайские части, занимавшие позиции для атаки. Наступление китайской дивизии началось через полчаса после того, как английская дивизия оставила свои позиции. К вечеру китайские части прорвали оборону японцев, заняли Енанджаун, освободили оставшихся в живых английских пленных и собрали всех, кто еще скрывался в окопах и зарослях на берегу реки. Таким образом, единственное удачное наступление на этом этапе бирманской кампании было проведено именно китайской дивизией. Прорыв внес разлад в планы генерала Йиды, заставив приостановить наступление и даже временно оставить Енанджаун. Английские же части смогли оторваться от противника.

Отсутствие общего плана кампании и твердая уверенность британского командования на всех уровнях в том, что Бирма уже потеряна, способствовали быстрейшему поражению. Была теоретическая возможность усилить китайские части настолько, чтобы переломить ход кампании, но Чан Кайши больше думал о том, как бы спасти завязшие в Бирме дивизии, чем о присылке подкреплений. Мог бы спасти положение сильный десант в Рангуне, в тылу японской армии, но рейд эскадры адмирала Нагумо, разгром баз и аэро-

дромов на Цейлоне, паника в Южной Индии, паралич судоходства в Бенгальском заливе заранее обрекали такой десант на неудачу. Наконец, можно было двинуть через перевалы из Ассама части, которые охраняли индийскую границу, но преодолеть перевалы они были способны лишь без снаряжения, транспорта и артиллерии, не говоря уже о танках. Да и вряд ли полк или два, прибыв в Бирму, изменили бы общую картину. Генерал Йида уже имел в тылу восстановленный и действующий рангунский порт и получал столько подкреплений, сколько было нужно. К апрелю бои на остальных фронтах Юго-Восточной Азии завершились и у японцев освободились крупные резервы. Число убитых и раненых в боях с обеих сторон было примерно равным и при этом гораздо меньшим, чем потери союзников в результате ряда последовательных капитуляций: 70 тыс. в Сингапуре, 13 тыс. на Яве и т. д. В общей сложности союзники потеряли пленными более 100 тыс. человек — именно за счет этих потерь и возникло явное преимущество японцев в численности войск. Впервые с начала войны их силы превышали силы союзников (даже включая китайские армии). И несмотря на то что в Бирме командование английскими войсками в общем находилось на несравненно более высоком уровне, чем в Малайе или на Яве, кампания, проигранная еще до ее начала, не могла быть спасена весной 1942 г.

В послевоенном письме Слиму Александер, вспоминая о бирманской кампании, писал: «Вы пишете, что мы не имели общей установки и общего плана кампании, — и вы правы. Меня прислали в Бирму, чтобы я попытался спасти Рангун. После того как Рангун был потерян, я не получал более никаких директив из центра — по правде сказать, у меня даже не было передатчика, с помощью которого я мог бы связаться с Индией! Мы рассчитывали, что китайцы сделают больше, чем они смогли сделать, — вернее, нам следовало бы знать, насколько они слабы и насколько прогнила их система управления, начиная от Чан Кайши и до самой низшей инстанции. Вскоре мне стало понятно, что нам придет-

ся отступать в Индию, однако, если бы китайцы догадались, что мы планируем такое отступление, они расстались бы с нами еще раньше, чем они это сделали».

Действительно, как только в Лондоне и Индии решили, что кампания в Бирме продлится недолго, встал вопрос — куда отступать. Войска, находившиеся в Бирме, отходили к горной подкове, охватившей страну с севера. Отступление на запад, в Северо-Восточную Индию, должно было привести к большим потерям и гибели транспорта, всех танков и военных запасов, так как в Индию вели лишь горные тропы. Несмотря на это, в Лондоне все же предпочитали отвести войска в Ассам, так как это позволяло укрепить бирмано-индийскую границу. Однако на совещании союзников был принят иной план: отступать на север, не теряя связи с китайскими войсками, с тем чтобы остаться в районе Лашо, имея в тылу Бирманскую дорогу, которая позволяла вывезти из Бирмы технику. Этот путь отступления устраивал американцев, которые желали показать Чан Кайши, что его не бросили на произвол судьбы и что его державу охраняют с юга не только его собственные войска, но и союзники.

По мере того как ускорялось движение японских войск по долине Ситауна и росла угроза, что они обойдут Мандалай и Мемьо с севера, отношения между союзниками обострялись. На этом этапе войны британские генералы применили по отношению к китайцам элементарную (даже не военную) хитрость: они уже давно решили, что, несмотря на соглашение, отступать будут именно на запад, в Ассам, хотя в переписке и публичных выступлениях продолжали повторять, что желают одного — отойти вместе с китайцами на север и оттуда угрожать японцам. Еще в марте, когда Уэйвелл впервые заявил об отступлении англичан в Китай, в английском Генеральном штабе, по словам начальника оперативного отдела этого штаба генерал-майора Джона Кеннеди, понимали, что, «если этот план будет принят, наши войска будут совершенно отрезаны от источников снабже-

ния и смогут в лучшем случае вести партизанскую войну. Мы чувствовали, что Александер двинется в Ассам».

Поспешить с принятием «индийского варианта» отступления помогли Александеру японцы.

Во второй половине апреля японские войска, пользуясь неразберихой на китайском участке фронта, начали быстро продвигаться по направлению к г. Лойко. 18 апреля они, используя свою обычную тактику, смогли обойти 55-ю китайскую дивизию и поставить заслон в ее тылу. В тот же день связь с 55-й дивизией прекратилась, и о ее судьбе стало известно лишь значительно позднее: окруженная противником, лишенная толкового руководства, дивизия была частично перебита, частично взята в плен. На этот раз в японских частях появились танки, переброшенные через Рангун. Моторизованные колонны японцев с танками впереди на большой скорости прорывались сквозь китайские дивизии и, не давая опомниться, членили и крушили китайскую оборону. 20 апреля пал г. Лойко, 22 апреля японские части добрались до г. Таунджи. Здесь их наступление могло приостановиться, так как танки и грузовики оказались без горючего, однако помощь пришла со стороны китайцев — они в такой спешке отступали из Таунджи, что не успели взорвать хранилища, достаточные для того, чтобы дать возможность японским моторизованным частям довести до конца кампанию в Бирме.

Вскоре положение на Восточном фронте обострилось еще больше, потому что 56-я японская дивизия, двигаясь к северо-востоку от Таунджи, заняла Лойлем и открыла себе дорогу к северным Шанским княжествам. Войска китайской 6-й армии, опасаясь быть отрезанными в этом горном районе, начали быстро откатываться на север и через несколько дней ушли из Бирмы. 200-я китайская дивизия — та самая, которая столь отважно сражалась у Таунгу, — тем временем шла с запада на выручку Таунджи. 22 апреля дивизия достигла окраин Таунджи, но здесь, натолкнувшись на сопротивление японцев, остановилась. Прилетевший туда Стилуэлл

пошел на нарушение всех уставов и пообещал дивизии 50 тыс. рупий, если она возьмет город. Этот прием оказался настолько эффективным, что дивизия не только выбросила японцев из города, но и преследовала их до самого Лойлема. Однако Лойлем был пуст и сожжен, и 200-я дивизия также ушла в Китай. После этого численность китайских войск в Бирме сократилась вдвое.

Рассматривая варианты дальнейших действий, Александер пришел к выводу, что защита Мандалая может привести к полному разгрому английских войск. Этот город расположен у большой излучины Иравади, и, отступая к нему, войска Слима вынуждены были бы сражаться, имея за спиной реку. Поэтому Александер решил взорвать основной мост через Иравади у Авы, а войска без сражения перевести на правый (в этом месте северный) берег реки. 25 апреля Александер встретился со Стилуэллом и Слимом у Авы. Было ясно, что фронт на Иравади, который теперь держали остатки английских дивизий и китайской 5-й армии, вот-вот развалится. Решено было начать переправу через Иравади 26 апреля.

Приняв решение отводить войска в Индию, Александер тем не менее поначалу предполагал сконцентрировать свои войска после переправы через Иравади в квадрате, образованном излучиной Иравади и ее основным притоком — Чиндуином. Однако уже 26 апреля английский штаб получил информацию, которая изменила все планы, — оказалось, что японские и бирманские подразделения вышли к г. Чау, от которого было совсем недалеко до одной из дорог, ведущих из Бирмы в Индию. Эти страны связывали две горные дороги, непригодные для автомобильного транспорта на всем протяжении, несмотря на усилия англичан в последние недели расширить их. Южный путь начинался от г. Пакхоуху, затем выходил в долину р. Мьиты и, превратившись в тропу, шел на север до впадения Мьиты в Чиндуин у расположенных по соседству городков Калева и Калемьо. Северный путь, более короткий и удобный, начинался от Мандалая, потом

шел по долине Чиндуина и через горы выводил также к Калеве.

Общая длина северного пути, кое-где приспособленного для грузовиков, но иногда сужающегося до тропы, была всего около 150 км, однако там было плохо с водой и, поскольку по нему все еще шли индийские беженцы, существовала опасность возникновения эпидемий, заторов на тропе и т. д. Поэтому Александер решил разделить свою армию, 17-я дивизия и танковая бригада без танков должны были идти северным путем, остальные части — южным, причем немедленно, чтобы опередить японцев.

Отступление по южному пути началось уже 26 апреля. Приказав 17-й и 38-й китайским дивизиям защищать мост у Авы, Слим приказал частям бирманской дивизии начать движение к долине Мьиты. Часть сил генерал бросил на задержку японских танковых и моторизованных колонн, которые стремились отрезать англичанам пути отступления и не дать им возможности выйти на тропы к перевалам. Сопротивление англичан возросло — было ясно, что если японцы прорвутся к Авскому мосту или долине Мьиты, придется сдаваться.

В эти драматические дни последних боев судьбы войны начали постепенно меняться. В Малайе в декабре и январе японцы побеждали превосходящие силы противника, в Бирме в апреле и начале мая они не могли одолеть английские войска, уступавшие им в численности. За пять месяцев боев в Бирме те английские части, что не были уничтожены в первые недели, постепенно научились сражаться. Командование частей также постепенно сменилось — генералы и полковники мирного времени, как всегда бывает на войне, постепенно были заменены либо командирами более высокого класса с опытом боев на Ближнем Востоке и в Африке, либо выдвинулись из нижестоящих офицеров. Следует учесть, что в долине Иравади бои велись в основном в безлесном открытом пространстве среди сухих рисовых полей, где японская тактика инфильтрации давала куда меньший эффект. Японцы уже не гнались за

противником, а только оттесняли его. И хотя бирманский театр войны доживал последние дни, отход англичан из Бирмы оказался куда менее окрашенным паникой и беспорядком, чем первые недели кампании. Да и войска генерала Йиды были уже не те, что в начале военных действий. Пять месяцев непрерывных боев, в которых дивизии потеряли до половины состава, сильно измотали солдат. В ходе всей Второй мировой войны не раз обнаруживалось, что японские части скорее способны на отчаянное наступление, на сильный удар, на отчаянное сопротивление, чем на последовательные, длительные и разнообразные военные действия.

Несмотря на то что в кампании в Малайе участвовало значительное число войск, она оказалась локальной — война прокатилась вдоль железной дороги, почти не коснувшись прибрежных районов и не затронув жизни районов глубинных. Даже в самом Сингапуре, где англичане потеряли большие материальные ценности и целую армию, разрушения были не настолько велики, чтобы парализовать город. Бирма, напротив, испытала все ужасы войны. При этом менее всего пострадали англичане: чиновников удалось эвакуировать, армия хотя и понесла большие потери, однако многие солдаты и офицеры ушли из Бирмы живыми. Даже в плен в Бирме попало сравнительно мало англичан. Зато двум основным группам населения страны — бирманцам и индийцам — война принесла невероятные бедствия. Полмиллиона индийцев превратились в беженцев, и едва ли не половина из них погибли — истинного числа их не узнает никто. Сотни тысяч бирманцев также потеряли жизнь, а миллионы — имущество. Все города Бирмы подверглись налетам японской авиации, многие были сожжены и разрушены. Значительная часть деревень также была уничтожена — ведь военные действия прокатились по обеим основным долинам страны, где сосредоточено большинство ее населения. Взрывали мосты и заводы, уничтожали нефтепромыслы отступавшие англичане, жгли деревни и разрушали города наступавшие японцы. Был разрушен Рангун, но судьба обошлась

с ним милостиво по сравнению с участью второго по величине города Бирмы — Мандалая.

Массированный налет на Мандалай японская авиация совершила 3 апреля. Несмотря на то что большинство населения к тому времени покинуло город, сотни людей были убиты бомбами или погибли в пламени пожара, охватившего весь город. Сгорели госпитали с больными и ранеными, сгорели железнодорожный узел и все склады. Погибла и жемчужина бирманского деревянного зодчества — королевский дворец. Некому было убирать трупы — даже полиция покинула город. Проехавшая по городу в машине леди Дорман-Смит записала в дневнике: «Описать это невозможно... квартал за кварталом полностью выгорели дотла, улицы завалены сгоревшими деревьями... людей не видно... ужасный запах. Видимо, даже приступить к разборке этого хаоса нет возможности... Я никогда в жизни не видела более скорбного зрелища. Жизнь города прекратилась».

Адъютант Уэйвелла Питер Коутс, побывавший в Мандалае вместе со своим шефом в последний прилет Уэйвелла в Бирму в начале апреля, так описывает чувства англичан в эти дни: «Это был действительно кошмар. Потоки запряженных буйволами повозок, толпы беженцев, бирманцы, похожие на зловещих старух в их длинных юбках и белых шапках, все с ножами за поясом, все смотрят с ненавистью на нашу машину. В одном месте неподалеку от Мандалая по сторонам дороги лежали горы трупов, некоторые, видно, несколько дней, над ними вились мухи — зрелище было отвратительным. Когда стемнело, мы все зарядили пистолеты и положили рядом с собой на сиденья, на случай если на нас нападут бандиты или свободные бирманцы».

В меньшей степени были затронуты войной горные окраины Бирмы. Но по наиболее освоенным и населенным районам Шанских княжеств также прокатился фронт. В этих местах воевали недисциплинированные, зачастую антибирмански настроенные китайские солдаты, грабившие и уби-

вавшие всех без разбора. Местное население так ненавидело их, что японцы казались желанными освободителями. Репрессии гоминьдановцев против горцев Бирмы особенно усилились в последние дни перед их отступлением в Китай. Уходившие в апреле через границу китайские дивизии были похожи на перегруженные караваны, а за их спиной оставались полностью разграбленные города и деревни.

Приняв решение отступать в Индию, командование армии скрыло его не только от китайцев, но и, как это ни странно, от собственной гражданской администрации. В конце апреля Дорман-Смит со своим аппаратом и оставшимися министрами бирманского колониального правительства перебрался из Мемьо, к которому с юго-востока приближались японские части, в Мьичину — конечную северную станцию железной дороги. Кроме железной дороги к Мьичине подходило шоссе, которое шло к Бамо, а затем соединялось с Бирманской дорогой. Так как губернатор и его правительство имели самое слабое представление о том, что творится на фронтах, они были уверены, что переезд в Мьичину — подготовка к дальнейшему отступлению в Китай и что с востока город оберегают китайские дивизии, а вскоре и английская армия подойдет сюда и создаст кулак, который японцам не одолеть. В Мьичине скопилось также несколько тысяч индийских беженцев — как из окружающих районов, так и добравшихся сюда с юга в надежде уйти через горы в Индию. Но уйти из Мьичины на запад было практически невозможно: в горах, отделявших эти места от Индии, были кое-где разбросаны редкие деревушки нага, тибетцев и качинов, а между ними тянулись тропки, известные лишь охотникам и торговцам. Таким образом, и беженцы, и бирманская администрация, попавшие в Мьичину, оказались в западне, однако военное командование не сочло нужным их об этом предупредить. Пока Дорман-Смит то уверял супругу, что уйдет в джунгли и будет там партизанить, то поддавался уговорам своих советников и решал, что он нужнее в Индии,

чем в джунглях, офицеры центрального штаба в Мемьо жгли бумаги и укладывали в джипы канистры с горючим и консервы. Со дня на день должны были взорвать мост под Авой, и тогда через Иравади можно будет перебраться только на лодке. Интендантство спешно заготовляло продовольственные базы на пути к Калеве, из Индии к границе также подвозили продовольствие — но ни китайские союзники, ни даже губернатор страны не знали о том, что все разговоры о сопротивлении на севере Бирмы — вздор.

30 апреля английский штаб был переведен в Шуэбо, и там состоялось совещание Стилуэлла с Александером. Александер поставил Стилуэлла в известность, что англичане уходят на запад, оставляя китайские войска на произвол судьбы (имелись в виду те дивизии 5-й армии, которые были переброшены на помощь английским войскам в долину Иравади и которые не могли пробиться к востоку, так как японцы уже овладели Лашо и оседлали Бирманскую дорогу). Стилуэлл намеревался отправить самолетом в Индию большую часть своего штаба, а сам перелететь в местечко Лойвин, где, по его плану, должны были концентрироваться китайские дивизии, еще остававшиеся в Бирме. Однако 1 мая он узнал, что генерал Ло, командовавший ими, вместо того чтобы направиться в Лойвин, силой захватил один из поездов, уходивших на Мьичину, и со своим штабом решил прорываться в Китай. На полдороге захваченный китайцами поезд столкнулся со встречным составом, и это крушение на два дня остановило все движение. Судьба генерала Ло была неизвестна, к тому же Стилуэлл практически потерял связь с китайскими войсками, разрозненно откатывавшимися из Бирмы. А те и не подозревали, что будут дальше делать их английские союзники. Сегодня из документов и мемуаров участников событий можно понять, что генерала Александера в те дни волновало только одно — как вывести из Бирмы английскую армию, которая имела практически лишь один путь отступления — дорогу от Шуэбо к Калеве в верховьях Чиндуина.

После взятия Лашо 56-й разведывательный полк японской армии разбил к северу от города 29-ю китайскую дивизию и, выйдя 3 мая к Бирманской дороге, захватил важный мост через р. Шуэли. Путь на Мьичину был открыт, и японские моторизованные части, почти не встречая сопротивления, двинулись к этому городу.

Далеко не сразу, но Дорман-Смит все же понял, что происходит что-то неладное. Никакие английские войска, если не считать дезертиров, к Мьичине не подходили, на запросы штаб Александера не отвечал. Связь с Индией и Лондоном была слишком ненадежной, чтобы потребовать ясности из центра, к тому же в Лондоне о последних планах Александера знал очень тесный круг лиц, к которым губернатор не имел доступа. Лишь 1 мая офицер связи губернатора при ставке попал на совещание, где, к своему изумлению, узнал, что армия уже повернула на запад и Мьичина осталась беззащитной. К вечеру того же дня офицер смог пробиться к Александеру и убедить главнокомандующего, что оставлять губернатора Бирмы и все правительство в плену у японцев неразумно. Получив 2 мая наконец сообщение о том, что армия уходит в Индию, Дорман-Смит срочно вылетел в Калькутту на военном самолете, оставив в Мьичине бóльшую часть своего штаба и правительства. Кроме чиновников в Мьичине скопилось немало солдат и офицеров, как английских, так и китайских, — отступившие сюда гарнизоны северных городов, пограничники, оторвавшиеся от своих частей солдаты и целые подразделения, немало европейцев — миссионеров, торговцев, лесников и т. д., не считая многих тысяч индийских беженцев. Несколько транспортных самолетов, все же присланных из Индии в Мьичину, смогли вывезти раненых и небольшую часть гражданского населения, а остальные, когда японские части показались 8 мая на окраинах города, бросились по узким тропам в горы.

1 мая 215-й японский полк переправился через Чиндуин и занял г. Моунъюа. Так как контроль над этим городом

позволял японцам подняться по Чиндуину и раньше английской армии достичь Калевы, англичане повернули назад две бригады и танковый полк и попытались отбросить противника. Сделать это не удалось: на следующий день японцы спасли свой полк, который из последних сил держался в Моунъюа, с помощью военной хитрости — английской 13-й бригаде был отправлен по радио открытым текстом якобы от имени Слима приказ оставить позиции у Моунъюа и двигаться на соединение с армией к северу. Бригада немедленно снялась с позиций и поспешила отступить. За ней отступили и остальные части. Таким образом, нижнее течение Чиндуина оказалось в руках у противника. Началась гонка — кто скорее успеет к переправе у Калевы. Английские части спешно стягивались в Шуэбо и двигались к перевалам по узкой дороге, которая пересекала на своем пути множество ручьев — чаунов, пересыхающих в сухой период и превращающихся в непреодолимые потоки во время муссонных ливней. Ливни должны были хлынуть со дня на день, и, если бы они застали армию в пути, выбраться из Бирмы ей бы не удалось — чауны вздуваются в считанные часы. К тому же в колоннах находилось немало повозок и грузовиков с ранеными и больными: Александер не хотел такого поражения, какое потерпел Персиваль в Сингапуре, — его задачей было сохранить личный состав армии.

Вскоре после начала отступления командир китайской 38-й дивизии обратился к Александеру с просьбой разрешить его частям, которые все эти недели сражались бок о бок с английскими войсками и фактически спасли 1-ю бирманскую дивизию от разгрома при Енанджауне, идти вместе с англичанами. Александер на это не согласился. Он мотивировал отказ тем, что 38-я дивизия, которая прикрывает собой две другие китайские дивизии от японцев, может ухудшить их положение. Действительным мотивом отказа были опасения, что присутствие китайских частей вызовет нехватку продовольствия и заторы на дороге к Калеве. Более Алек-

сандер не поддерживал связи с китайцами и об их дальнейшей судьбе не знал.

Под давлением японских частей 38-я китайская дивизия начала отступать дальше к северу. В ночь с 3 на 4 мая все три китайские дивизии сконцентрировались в районе Шуэбо, где образовалось огромное скопление войск и беженцев. Японские самолеты расстреливали людей из пулеметов, все ближе гремела японская артиллерия, сминая арьергард 38-й дивизии. Единственная железнодорожная ветка, забитая поврежденными вагонами и паровозами, разбомбленная японцами, уже не функционировала. Здесь же, в Шуэбо, находился Стилуэлл, который отказался уходить вместе с Александером на Калеву, полагая, что его долг — оставаться с китайскими войсками. Даже когда в Шуэбо приземлился американский транспортный самолет, посланный, чтобы вывезти генерала, Стилуэлл отправил на нем большую часть штаба, а сам улететь отказался — он еще надеялся, что удастся что-то сделать. Рация Стилуэлла работала плохо — в китайских штабах, если и удавалось кого-то найти, царили уныние и полная неосведомленность. Правда, объявился генерал Ло: он не погиб в крушении на железной дороге и желал встретиться со Стилуэллом. Однако вечером, когда Стилуэлл приехал к китайскому генералу, того на месте уже не оказалось. В ту ночь Стилуэлл направил радиограмму генералу Маршаллу: «Контроль китайцев над своими частями ослаб. Убежден, что стоим на пороге полного крушения».

Наутро Стилуэлл решил пробиваться на автомашинах к Мьичине. Вокруг него собрался отряд численностью более 100 человек, в котором были остатки его штаба, госпиталь Сигрейва с двумя докторами и 19 бирманскими медсестрами, охрана Стилуэлла (16 китайских солдат), несколько отставших от своих частей британских офицеров и чиновников и даже корреспондент. Двое суток этот отряд в окружении отступавших китайских частей пробирался на север, но дальше станции Индо пройти не смог — пришло известие, что

Мьичина занята японцами. В любой момент японцы могли ворваться в растянувшееся на много километров скопление китайских войск. «В Индо, — вспоминают очевидцы, — исчезли последние следы порядка. Солдаты грабили и убивали, гражданские лица — умирали... Китайские солдаты, ехавшие на грузовиках, били прикладами по пальцам своих товарищей, которые пытались забраться в кузов. Впоследствии Стилуэлл скажет, что хаос в Индо был самым страшным зрелищем, которое ему пришлось наблюдать на Востоке. Он предупредил свой маленький отряд, что, может быть, придется отбиваться от своих».

Стилуэлл предложил спутникам идти тропами через горы в направлении речки Ую, притока Чиндуина, на ней соорудить плоты и спуститься к Хоумалину, а оттуда пробираться горами в Индию. Стилуэлл знал, что этот путь совершенно неизведан, что переход через перевалы слишком труден, что в любую минуту могут хлынуть муссонные ливни. Однако больше любых трудностей он опасался забитых беженцами дорог, по которым будут бежать китайские солдаты и английские дезертиры. Стилуэлл полагал, что небольшой отряд, в котором много женщин, имеет гораздо больше шансов уцелеть в борьбе с дикой природой, чем с людьми.

На машинах отряд Стилуэлла доехал до гор. Здесь у начала тропы сожгли автомобили и все, что было трудно унести с собой. Затем Стилуэлл отправил в Индию последнюю радиограмму, в которой сообщал свой маршрут и просил встретить его отряд в Хоумалине. Он информировал также, что в ближайшие дни тысячи беженцев и китайских солдат пойдут через северные тропы, где нет пищи, и рекомендовал организовать снабжение — сбрасывать продовольствие с воздуха. Затем рация была разбита, и Стилуэлл обратился к своим товарищам с короткой речью, в которой предупредил их о трудностях многокилометрового пути по диким горам с перевалами высотой в 7 тыс. футов. К концу этого пути, заявил он, «многие из вас меня возненавидят. Чтобы выжить, мы должны проходить 14 миль в день». После этого он

пошел впереди отряда с равномерной частотой 105 шагов в минуту и так прошагал две недели, несмотря на то что ему было 60 лет и у него сильно болела спина. Только его железной волей можно объяснить то, что из 114 человек, которые вышли за ним из Индо, не умер ни один, хотя дорога, которой они шли, была одной из самых трудных.

Основная часть английской армии сравнительно быстро достигла берега Чиндуина напротив Калевы. Здесь уже ждали пригнанные с Иравади баржи, которые начали перевозить раненых и солдат к Калеве, откуда шла более или менее укатанная и расширенная индийскими дорожными рабочими дорога до г. Таму. Однако переправа оказалась трудной, так как японцы лишь немного отстали в этой гонке. Несмотря на то что японские катера, двигавшиеся вверх по Чиндуину, обстреливали и бомбили самолеты, присланные из Индии, японцы смогли к вечеру 9 мая высадить десант на восточном берегу реки, где скопились в ожидании переправы сотни машин и повозок, танков, пушек и тысячи солдат и беженцев, не считая трех тысяч больных и раненых, которых армия везла с собой. Японский отряд занял невысокую каменную гряду, которая господствовала над переправой, и начал обстреливать скопление машин и солдат. Попытки выбить японцев с гряды не увенчались успехом, поэтому было решено сжечь все машины, повозки, танки и отступать вверх по реке в надежде переправиться в другом месте. Был вечер, над Чиндуином собрались грозовые облака, и Слим приказал истратить все снаряды, прежде чем взорвать орудия, многие из которых доставили к Калеве на руках. «Началась такая артиллерийская канонада, какой нам еще ни разу не приходилось слышать в Бирме. Наконец пушки замолчали, и через пять минут мы начали отход. Огромные костры поглощали остатки снаряжения нашей армии, боеприпасы, амуницию, танки, грузовики, повозки — это была зловещая картина на фоне темнеющего неба, и горько было терять все на последнем шаге к Индии. Со стороны противника не раздавалось ни звука. Видимо, японцам тоже досталось».

Японцы (а англичане не знали, что их задержала буквально горстка японских солдат) противника не преследовали, и все английские войска, переправившись через Чиндуин, двинулись к перевалу Таму и далее в Индию. Официально кампания в Бирме завершилась. Британская армия потеряла в ее ходе 13463 человека, японцы, по их данным, — около 5 тыс. На самом деле людские потери в Бирме были куда больше, чем в Сингапуре и на всех остальных театрах войны в Юго-Восточной Азии, вместе взятых. Никто не подсчитывал потери китайских войск, которые были куда бóльшими, чем у англичан, никто не считал, сколько же погибло индийских беженцев и сколько — бирманцев, а это тоже сотни тысяч смертей...

20 мая генерал Александер сдал командование армией, получив приличествующие случаю поздравления за блестящее спасение войск. В прощальной речи он сказал: «Разумеется, мы вернем себе Бирму — она часть Британской империи». После этого генерал, мысливший имперскими масштабами, отбыл на другие фронты, где умело сражался и даже стал фельдмаршалом. Но в Бирму он уже никогда не вернулся.

Официальное окончание кампании в Бирме не означало действительного конца военных действий, 38-я китайская дивизия пробивалась на запад из Ванто, расположенного между Шуэбо и Индо, т. е. южнее пути, которым шел генерал Стилуэлл. Причем в отличие от английской армии эта дивизия отступала в непрерывных боях. Два ее полка перешли индийскую границу 24 мая, а последний полк, отбиваясь от японских войск в течение месяца, добрался до Импхала 30 мая.

96-я китайская дивизия смогла пробиться сквозь японские заслоны на севере и через вечные снега Гималаев в районе Нонкая достигла Китая. Хуже всех пришлось остаткам 22-й дивизии, которые лишь в середине мая смогли оторваться от преследующих японцев и, двигаясь к северо-западу, прошли почти 500 км по диким отрогам Гималаев под непрерывными

дождями, по колено в грязи, без всяких дорог. До г. Ледо у истоков Брахмапутры изможденные, умирающие от голода, голые, похожие на привидения солдаты добрались, когда никто уже их не ждал — в самом конце июля. Они провели в безлюдных горах два с половиной месяца.

В мемуарах, исследованиях и даже официальных изданиях, посвященных первому периоду Второй мировой войны в Юго-Восточной Азии, можно встретить немало рассуждений о случайностях, повлиявших на исход кампании. В качестве явных ошибок союзного командования называются отказ от операции «Матадор», которая должна была привести к оккупации Южного Таиланда и воспрепятствовать высадке японских войск в Сингоре, решение адмирала Филипса повернуть к берегу и попытаться найти японский десант, допуск японской высадки на о-ве Сингапур и т. д. Примером подобных рассуждений может служить параграф в официальной английской истории войны, в котором подробно рассматриваются варианты действий адмирала Филипса и делается вывод, что если бы он смог сохранить свои корабли, то они стали бы центром соединенной эскадры и помешали бы японским десантам на последующих этапах кампании.

Анализируя эти рассуждения, нельзя не заметить прежде всего, что европейцы совершали ошибки не потому, что хотели их совершить, а потому, что их принуждали к этому японские войска, которые превосходили их умением и желанием воевать. Независимо от гибели или спасения «Рипалза» и «Принца Уэльского», независимо от исхода битвы за Джохор, независимо от недостатка танков или численного превосходства англичан в Малайе они были обречены на поражение еще до начала кампании в политическом и моральном отношении. Недаром за три месяца боев в Юго-Восточной Азии было столько странных, даже невероятных случаев, когда хорошо вооруженные и обученные части английской армии бежали или сдавались

небольшим японским отрядам — они терпели поражение раньше, чем вступали в бой.

На судьбы кампании 1941–1942 гг. в Юго-Восточной Азии оказали решающее воздействие несколько факторов. Первым был тот, что война велась в колониальных странах, где европейские войска не только были лишены поддержки местного населения, но и отвергали такую поддержку даже в тех случаях, когда могли ее получить. Второй фактор — пораженчество, возникавшее от сознания того, что этот театр войны второстепенный и потому в конечном счете борьба бессмысленна. Сюда же можно отнести и фактор низкого боевого духа войск союзников, который слагался как от ненужности этой войны, так и от ее безнадежности. Последний важный фактор — военный. Превосходство японской армии в числе танков и самолетов, в авианосцах и боевой подготовке было результатом более передовых военных доктрин, разработанных на основе боевого опыта японской армии и изучения итогов предыдущей войны. Времени для того, чтобы противник смог научиться, японцы европейцам не дали. В результате они выиграли не только все сражения 1941–1942 гг., но и саму военную кампанию куда скорее и легче, чем сами рассчитывали. И неудивительно, что по мере продвижения вперед японцы были все более уверены в своей победе, а их противник все более убеждался в своем неминуемом поражении.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I

ОККУПАЦИЯ

Как уже отмечалось, в западноевропейской и американской исторической литературе события Второй мировой войны в Юго-Восточной Азии рассматриваются как конфликт между западными державами и японским милитаризмом, в то время как народам региона отводится в целом пассивная роль. Для этой литературы характерно также представление о ходе войны в Юго-Восточной Азии как о кривой с двумя пиками — большим, совпадающим с кампанией 1941—1942 гг., и вторым, не столь очевидным — кампанией 1945 г., ознаменовавшейся возвращением союзников. О периоде между этими пиками принято говорить походя; что касается жизни в оккупированных странах, то обычно описываются лишь грабеж и террор со стороны оккупационных войск на фоне бедствий и разорения населения.

Союз японского милитаризма с германским фашизмом, стремление обоих этих режимов к мировому господству привели к естественному в исторической литературе феномену — рассмотрению их оккупационной политики в одной плоскости, к отождествлению ее целей и методов. Аналогии с европейской действительностью привели к терминологиче-

ским калькам. В частности, применительно к Юго-Восточной Азии употребляются термины «коллаборационизм», «движение Сопротивления» и т. п.; однако реалии Юго-Восточной Азии настолько отличаются от европейских, что зачастую терминология теряет объективное содержание.

Разумеется, японская и гитлеровская «колониальные империи» имели общие черты, объяснимые не столько сходством породивших их режимов, сколько сходством объективных условий, в которых эти системы функционировали. Как германский Третий рейх, так и японская «сфера сопроцветания» создавались в условиях войны, интересы которой преобладали над стратегическими интересами. В результате планомерная эксплуатация завоеванных стран, подобная той, что осуществлялась, скажем, английскими и голландскими колонизаторами, по необходимости заменялась открытым, спешным и жестоким грабежом.

Принципиальное различие между немецко-фашистской и японской оккупационной политикой заключалось в том, что целями Германии были ликвидация порабощенных народов или низведение их до положения рабов ради освобождения жизненного пространства, Япония же под маской «освобождения» стран Востока от господства «белых» колонизаторов старалась создать собственную вполне традиционную колониальную империю. Отсюда и различие сопротивления в этих странах. Если сопротивление германскому господству начиналось в первый же день агрессии и становилось борьбой за сам факт выживания народов Европы, то сопротивление японцам возникало обычно лишь после того, как принципы и заявленные цели захвата и «освобождения» вступали в разительное противоречие с реальным положением вещей.

Из различия характера оккупации исходит и разное отношение оккупантов к административным кадрам и местным властям. Гитлеровцы разрушали государственную структуру оккупированных стран, порой привлекая к власти профашистские элементы, японцы же стремились опе-

реться на старый колониальный аппарат и местных консервативных политиков либо сразу после завоевания, либо, как в Бирме, после недолгого периода заигрывания с радикальными кругами общества.

Решение ликвидировать возникшую в Бирме в ходе военных действий систему местных органов власти было принято японским командованием, как только стало ясно, что военная кампания завершается в пользу Японии. Однако размах национально-освободительного движения и очевидная поддержка, которой пользовались в стране левые силы, заставляли искать путь, который исключил бы взрыв возмущения в Бирме. Поэтому японцы отказались от введения в стране прямого военного управления и стали срочно подыскивать кандидатуры людей, которых можно было поставить во главе местной администрации, послушной японцам и в то же время пользующейся достаточным авторитетом у бирманцев. Наряду с этим японское командование твердо решило ликвидировать АНБ, которая, как бы плохо она ни была вооружена и организована, представляла опасную силу.

Разочарование в японских союзниках увеличивалось в рядах бирманской армии с каждым днем. Уже в начале кампании бирманские офицеры выражали недовольство тем, что всеми делами в их армии заправляют японцы. Первый «бунт» в верхушке АНБ, когда офицеры обратились к Судзуки с письмом, требующим отстранить японских командиров от власти, привел к компромиссу — власть японских инструкторов была несколько ограничена и Аун Сана назначили командующим армией. Однако по мере того как японская армия устанавливала контроль над страной, АНБ и такинам все чаще приходилось сталкиваться с «кэмпейтай». Начались аресты среди бирманцев, которых подозревали в коммунистических симпатиях либо в антияпонских действиях и настроениях. Историк Ба Тан полагает, что примерно три четверти таких арестов были вызваны доносами бывших чиновников колониальной администрации, недовольных действиями новых органов власти. Многие

офицеры АНБ подумывали о том, чтобы обратить оружие против японцев, основные силы которых были заняты на фронте. К подобной идее склонялся, в частности, командир батальона в Аракане Во Ян Аун.

Стычки с японцами, опасения за судьбу комитетов, оставленных в тылу, и беспокойство по поводу того, каким мыслят в японском штабе будущее Бирмы, — все это привело Аун Сана к решению покинуть фронт и направиться в Мандалай. Аун Сану и его ближайшим соратникам уже было ясно, что союз с Японией явился ошибкой, которая может иметь трагические последствия для судеб их страны. Как только Аун Сан покинул армию, которая стояла под Бамо, начались новые трения между японскими офицерами и командованием армии, в результате чего заместитель Аун Сана полковник Бо Зея был арестован «кэмпейтай» и подвергнут пыткам. Лишь вмешательство представителя Судзуки, заставившего освободить арестованных бирманских офицеров, предотвратило восстание бирманской армии.

В Мандалае Аун Сан встретил полковника Бо Ле Я, командовавшего тылом АНБ, и узнал от него немало неприятного о состоянии дел в тылу, где японцы уже начали разгонять комитеты, учрежденные армией. Со своими заместителями Аун Сан даже обсуждал возможность ухода частей АНБ в Китай, с тем чтобы вести оттуда войну против Японии. На совещании Аун Сана с полковником Бо Не Вином, а также руководителями коммунистов Тан Туном и Теин Пе Мьином было решено любой ценой сохранить армию и возможность организованного сопротивления. Вместе с тем коммунисты, известные своими антияпонскими настроениями, должны были немедленно скрыться и начать подпольную деятельность (за одним из них, Теин Пе Мьином, японцы шли по пятам и даже арестовали и подвергли пыткам совершенно случайного человека, его тезку).

Аун Сан понимал, что успешное восстание в условиях, когда Япония торжествует на всех фронтах, в Бирму только

что введены свежие японские дивизии, а народ считает АНБ союзником японцев, невозможно. Он понимал также, что тридцатитысячную АНБ японцы не согласятся содержать, что она им не нужна и даже опасна. Полковник Маун Маун, прошедший с Аун Саном всю кампанию 1942 г., пишет: «В то время никто не был готов к восстанию. Многие разочаровались, и большинство согласны были смириться с судьбой. Некоторые из молодых офицеров возмутились, но Аун Сан... жестоко отчитал их и приказал положиться на его руководство».

У японского командования к этому времени уже почти не было сомнений, кого поставить во главе бирманской администрации. Человек этот должен был быть известен своим национализмом, не слишком связан с англичанами, быть близким к японцам и достаточно послушным. Аун Сан для этой роли не годился — он не устраивал правые круги бирманского общества, с которыми японцы все активнее сближались, был непокорен и, по сообщениям «кэмпейтай», не прерывал связей с коммунистами и другими подпольщиками. По той же причине не подходили японцам лица, близкие по взглядам к Аун Сану. Правый такин Тун О, продержавшийся несколько месяцев на месте администратора в Рангуне, не пользовался популярностью. У Со, вождь партии «Мьочит» и последний премьер Британской Бирмы, находился в тюрьме в Кении, другие известные политики были вывезены англичанами в Индию. Следовательно, выбор неизбежно падал на Ба Мо.

Ба Мо во время войны был переведен англичанами из мандалайской тюрьмы на север, в небольшой горный город Могоу, поближе к китайской границе и подальше от линии фронта. Англичане также понимали значение Ба Мо как вывески для любого антианглийского режима и намеревались вывезти его в Индию, где, как они не без основания полагали, он стал бы послушным проанглийским политиком.

В это время интерес к бирманским лидерам, находившимся в английских тюрьмах, начали проявлять китайские

генералы. Чунцинское правительство считало наилучшим вариантом для себя Бирму, свободную от англичан, но зависимую в той или иной степени от Китая. В марте 1942 г. Ба Мо, находившийся в Могоу, узнал, что с ним намерен встретиться генерал Ван, чтобы склонить Ба Мо отправиться в Чунцин и оттуда возглавить борьбу бирманцев против Японии. Впоследствии Ба Мо получил от Вана письмо с подтверждением этого предложения. Однако в то время Ба Мо уже твердо решил сделать ставку на союз с Японией и на китайские предложения даже не стал отвечать. Иной была реакция на эти предложения одного из лидеров «Добама асиайон», Такина Ну, и коммунистов Такина Со и Такина Чжо Сейна, находившихся в мандалайской тюрьме. Они согласились отправиться в Чунцин, чтобы с территории Китая организовать антияпонское сопротивление. Более того, в последние дни английского господства в Бирме китайцам удалось добиться от англичан согласия на освобождение левых лидеров. На китайской машине они пытались прорваться на север, однако дорога была настолько забита транспортом, что им пришлось вернуться назад. А через несколько дней Мандалай пал и туда вступили японцы. Несколько коммунистов и левых такинов смогли пробиться в Китай позднее.

13 апреля 1942 г. Ба Мо с помощью жены и друзей удалось бежать из тюрьмы в Могоу и скрыться в небольшой деревне племени палаунов, где он намеревался дождаться японцев. Через несколько дней Ба Мо, в сопровождении охраны начал пробираться горными дорогами на юг, пока не добрался до городка, уже занятого японцами. Найдя где-то настенный календарь со своим портретом, Ба Мо явился в японскую комендатуру и предъявил его офицеру как доказательство того, что он — бывший премьер-министр Бирмы. Чтобы доказать свою лояльность, он непрестанно выкрикивал «Банзай!». Тем не менее первый визит был неудачен, и лишь на следующий день Ба Мо удалось найти японского полковника, который знал английский язык и даже слышал

о том, что агенты «кэмпейтай» прочесывают окрестные горы, разыскивая этого весьма нужного Японии человека.

К началу июня японцам удалось собрать известных бирманских политиков, которые по разным причинам были склонны к сотрудничеству с ними. Одни из них, как Аун Сан и его соратники, полагали, что это даст возможность сохранить силы для будущей антияпонской борьбы, неизбежность которой уже тогда была для них очевидной. Другие, подобно Ба Мо, рассчитывали, что будущее Бирмы зависит от доброго расположения Японии и служения ей в интересах Бирмы (и, разумеется, их собственных).

На совещании японцев с бирманскими лидерами, состоявшемся в Мемьо, Аун Сану пришлось пойти на ряд уступок. 5 июня он был вынужден согласиться с японским приказом о запрещении АНБ вмешиваться в политику, что означало смертный приговор местным комитетам, созданным по всей стране. Согласие это, как и сам приказ, были, в общем, констатацией того, что уже произошло. К июню многие из комитетов были разогнаны японцами, которые устанавливали в областях и районах собственную администрацию. Тогда же, в июне, японцы ввели войска в дельту Иравади и жестокими мерами прекратили карено-бирманские столкновения.

Следующим шагом была ликвидация АНБ как крупной вооруженной силы. Добившись от командования АНБ и набиравшего силу Ба Мо согласия на эту меру, японцы все же опасались волнений в бирманских частях. Поэтому в июле подразделения АНБ были разведены на несколько сборных пунктов якобы для переформирования и получения нового оружия и обмундирования. Там им и было объявлено, что армия распускается по домам. Вопреки ожиданиям, никаких выступлений не произошло. Среди причин этого были и военные — части АНБ были разрозненны и окружены японскими войсками, и пропагандистские — одновременно с роспуском АНБ было объявлено, что создается Армия обо-

роны Бирмы, куда могут записываться добровольцы, т. е. речь идет лишь о перестройке армии. Главной же причиной было то, что война уже закончилась, англичане были изгнаны из страны и крестьяне, составлявшие большинство в АНБ, думали в основном о своих семьях и хозяйствах, тем более что из деревень все чаще приходили тревожные вести. Поэтому в большинстве случаев, получив 100 рупий наградных, солдаты с облегчением сдавали оружие и разъезжались по домам.

В новой армии должно было остаться лишь 2700 человек, и находиться они должны были под строгим надзором японских инструкторов и офицеров. Характерно, что уже к концу 1942 г. японцы предложили Аун Сану увеличить численность армии, которая была нужна для несения внутренней службы, до 7500 человек, но обнаружилось, что набрать добровольцев в нее трудно — во всяком случае, в ближайшие месяцы сделать это не удалось. В глазах бирманцев армия потеряла престиж национальной, освободительной организации. Требовалось время, чтобы она вновь стала центром сопротивления.

На совещании в Мемьо генерал Йида прямо объявил бирманцам, что ни о какой независимости до тех пор, пока Япония не победит в войне, мечтать не следует. «Ваша судьба определяется японской победой, — сказал он. — После победоносного завершения войны Бирма достигнет свободы. Бирма должна быть готова к длительной войне и мобилизовать все свои ресурсы для войны. Те же, кто подвергает опасности военные усилия или отказывается содействовать удовлетворению военных нужд, будут жестоко наказаны японскими властями». Вместе с тем японцы рассматривали введение военного управления страной лишь как переходный этап, нужный в первую очередь для того, чтобы ликвидировать «самодеятельность» бирманцев. В дальнейшем они собирались опираться на бирманскую администрацию, которая должна была быть эффективной и послушной. Ба Мо обещал создать такую администрацию. Прочие лидеры Бир-

мы добровольно либо под давлением обстоятельств согласились с его кандидатурой в качестве главы правительства автономной Бирмы.

Формирование нового правительства проходило далеко не гладко. Ба Мо, судя по всему, был бы рад составить его только из своих сторонников. Такины были слишком опасными конкурентами в борьбе за власть — если не сегодня, то в завтрашней Бирме. Однако именно популярность такинов заставляла Ба Мо привлечь их к сотрудничеству — без этого его режим, как бы ни поддерживали его японцы, не мог быть представительным. К возможно более широкому представительству толкали Ба Мо и японцы, в чьих интересах было создать картину сотрудничества всего бирманского народа. Такин Ну вспоминал, что на банкете, данном японскими властями в конце июля, т. е. перед самым установлением администрации Ба Мо, японский полковник Насу устроил Такину Ну формальный допрос, почему тот не хочет войти в марионеточное правительство — не находится ли он в оппозиции к японцам? Такину Ну, по его словам, пришлось объяснять, что такова договоренность с Ба Мо.

Пойдя на вынужденное сотрудничество с такинами, Ба Мо попытался по возможности отыграться за то, что случилось в последние месяцы, и из 120 руководящих постов по стране, которые предоставили бирманцам японские власти, отдал такинам лишь пять. Это вызвало их возмущение, и, по сведениям Такина Ну, Такин Мья и Такин Тан Тун поставили перед «внутренним кругом» такинов вопрос об отказе от своих постов. Однако «внутренний круг» приказал им остаться в администрации Ба Мо.

Упоминания о существовании «внутреннего круга» такинов встречаются в бирманских источниках неоднократно, однако время создания и состав этого органа невозможно установить точно.

Вероятно, какое-то не оформленное официально ядро антияпонского сопротивления было создано уже в мае 1942 г.

Совещание в деревне Кабанин (к северу от Мандалая) 30 апреля 1942 г., на котором присутствовали один из основателей Коммунистической партии Бирмы, в будущем председатель «компартии Красного флага» Такин Со, будущий председатель Социалистической партии Такин Чжо Нейн, будущий премьер-министр и лидер Антифашистской лиги народной свободы Такин Ну и другие ведущие политики Бирмы, было посвящено именно вопросам борьбы с Японией, и на нем обсуждались возможности контактов с Китаем и подпольных действий. Аун Сан на совещании не присутствовал, но был в курсе дел. Такин Ну вспоминает, что некоторые участники совещания уже начали антияпонские действия и коммунист Тейн Пе даже показывал ему листовки, отпечатанные в подполье и призывавшие к борьбе против японских оккупантов. После этого совещания пути участников разошлись. Тейн Пе с помощью частей АНБ, находившихся в Аракане, смог уйти в Индию, где наладил связи с англичанами и впоследствии много сделал для организации сопротивления в Бирме. Такин Со и некоторые другие участники совещания ушли в подполье и начали организовывать антияпонские отряды, тогда как Такин Ну и Такин Чжо Нейн уехали в Рангун, где стали работать вместе с Аун Саном.

Во второй половине 1942 г., когда японская власть твердо установилась в стране, местные комитеты были разогнаны, а немало левых такинов попали уже в японские тюрьмы, когда Япония торжествовала на фронтах, а положение в Европе складывалось в пользу держав Оси, связи между теми такинами, что скрывались в горах и в деревнях, стараясь наладить сопротивление (что было трудно, так как далеко не все в Бирме уже испытали разочарование в японцах и ореол «освободителей» не везде был развеян), и теми, кто остался на легальном положении, были нарушены. Легальным такинам почти не досталось мест в новой администрации, армия была фактически ликвидирована, многим казалось, что Аун Сан и его сторонники капитулировали перед японцами. В

воспоминаниях Маун Мауна говорится, что в то время в Бирме появились листовки, которые обличали Аун Сана и его сторонников в том, что они способствовали порабощению Бирмы.

После нескольких острых стычек с Ба Мо такины смогли получить в его правительстве два портфеля. Остальные места достались сподвижникам Ба Мо и близким к нему правым политикам. В администрацию не вошел ни один представитель АНБ. Однако командование армией Аун Сан сохранил. Сохранили в ней высокие посты Бо Ле Я и Не Вин и большинство из оставшихся в живых «тридцати товарищей».

1 августа 1942 г. администрация Ба Мо приступила к исполнению своих обязанностей, главной из которых японцы считали оказание им помощи в ограблении Бирмы. Однако Ба Мо не был послушной марионеткой. Связав свою судьбу с Японией, он ни в коей мере не руководствовался ее интересами. В своем воображении и в своих поступках он был последователен. Он желал властвовать над независимой Бирмой. В свое время он сотрудничал с англичанами, однако решился на разрыв с ними, когда понял, что при их правлении действительной власти в Бирме ему не достичь. Он поставил тогда на другую силу — на Японию, которая обещала предоставить Бирме независимость. Став главой бирманской администрации, Ба Мо бесконечно вступал в конфликты с японским командованием, терпел поражения и унижения, но не сдавался и не смирялся. Он никогда не прерывал связей с такинами и даже с коммунистами. Зная об их антияпонской деятельности, он не только не выдавал их японцам, но и защищал от «кэмпейтай». Да и его левые соратники, стремившиеся сломить японское господство, также никогда не порывали отношений с ним не только из тактических соображений, но и потому, что считали его при всей его помпезности и неуемном тщеславии патриотом Бирмы. Ни один серьезный бирманский политик не назвал его после войны предателем или коллаборационистом. Бо-

лее того, после изгнания японцев и затем после достижения Бирмой независимости, Ба Мо по-прежнему оставался на политической сцене. И хотя решающей роли в политике он уже не играл, он пользовался в Бирме уважением, так как считался ее первым президентом. Какой бы фиктивной ни была независимость, провозглашенная в 1943 г., для бирманцев она была независимостью. Изгоняя в 1945 г. японцев, они делали это не для того, чтобы вернуть британскую колониальную администрацию, а чтобы продолжить то, что началось зимой 1942 г. и было официально оформлено провозглашением независимости страны 1 августа 1943 г.

Титул «ашашин» — «вождь» был принят Ба Мо после создания осенью 1942 г. объединенной партии «Добама-Синьета асиайон». Японцы допустили создание этой партии, запретив при этом всю иную политическую деятельность в стране. На включение в свою партию такинов Ба Мо пошел добровольно — идея политического единства нации была близка ему в форме единения страны под своей властью. Генеральным секретарем партии был избран Такин Ну, кандидатуру которого отстаивал сам Ба Мо, убежденный в том, что этот глубоко верующий буддист будет послушным помощником в контроле над своими бывшими соратниками по «Добама асиайон». Однако в годы войны Такин Ну был последовательным сторонником Аун Сана и левых такинов и, как таковой, сделал немало для того, чтобы вырвать партию из-под влияния Ба Мо.

Администрация Ба Мо пришла к власти в дни, когда Бирма пыталась оправиться от шока, в который ввергла ее война. Не было другой страны в Юго-Восточной Азии, где бы военные действия так сильно разрушили экономику. Кроме того, бегство из Бирмы как английских специалистов, так и сотен тысяч индийцев и китайцев буквально оголило многие отрасли хозяйства. Бирма вернулась к патриархальной первобытной деревенской жизни. Однако и производство сельской продукции, в первую очередь риса, резко снизилось. В 1944—1945 г. под рисом находилось в два раза меньше зем-

ли, чем до войны, упала и урожайность. Причиной тому было не только сужение рынка, резкое снижение экспорта и заинтересованности крестьян в высоких урожаях, но и то, что катастрофически упало поголовье тяглового скота.

Война и оккупация показали, насколько уродливо развивалась в колониальный период бирманская экономика. Когда в середине XIX века. Нижняя Бирма с громадной плодородной дельтой Иравади стала английской колонией, власти Британской Индии, под управление которых эти земли отошли, решили, что они самой судьбой предназначены стать одним громадным рисовым полем. Эксперимент оправдал себя, Бирма стала кормить рисом всю Британскую империю, а рисовые поля очень скоро заняли почти всю равнинную Бирму. В результате Бирма, вывозя рис, лес и минеральное сырье, была вынуждена ввозить большинство других товаров. Пока эта система существовала в рамках более или менее сбалансированной колониальной структуры, потребности Бирмы, за исключением периодов кризиса, ударявшего по производителям риса, в целом удовлетворялись. Однако в 1942 г. Бирма потеряла прежние внешние рынки и возможность получать товары из метрополии и других британских колоний. Япония не могла потребить все излишки риса по ряду причин, одной из которых были транспортные трудности — далеко не каждый пароход мог добраться до Японских островов, и гораздо проще было вывозить рис из Вьетнама и с Филиппин. Не могла Япония и поставлять в Бирму достаточно товаров широкого потребления. Так как взамен риса бирманские крестьяне ничего не могли получить, стимул к выращиванию риса у них пропал. Посевы сокращались, собранный рис затоваривался, а в городах тем временем наступал голод. Уже с 1943 г. риса перестало хватать для внутреннего потребления. Одновременно в Бирме стали возрождаться кустарные промыслы и производство некоторых технических культур, чему покровительствовали японцы, которые нуждались в таких продуктах, как хлопок, масло из земляного ореха, и т. д.

Разорению бирманского народного хозяйства способствовали многочисленные японские дельцы и снабженцы, которые хлынули в Бирму и, понимая шаткость своего положения, спешили урвать, схватить, вывезти, нажиться. Для придания грабежу некоторого подобия законности была выпущена масса бумажных денег, практически ничем не обеспеченных, которыми платили крестьянам за скот, за рис, за все сельскохозяйственные продукты. В то же время все, что можно было назвать английской собственностью — в первую очередь сохранившиеся станки и оборудование, запасы сырья, которые не успели уничтожить при отходе англичане, — вывозилось армией даже без попыток выплатить Бирме компенсацию. Наконец, японцами широко практиковалась система принудительного труда: людей сгоняли на военное строительство, на сезонные работы, и те, кто попадал в трудовые лагеря, часто уже не возвращались.

Все, что сказано здесь о Бирме, в той или иной степени было характерно и для остальных оккупированных японцами стран Юго-Восточной Азии. В зависимости от взглядов и настроений того или иного командующего могли несколько меняться методы грабежа, но принцип его, сформулированный созданным в 1942 г. министерством по делам Великой Восточноазиатской сферы, неукоснительно проводился на всей захваченной территории.

Если в Бирме японцы принимали меры по сокращению производства риса, то на Филиппинах «противником» японских оккупационных властей стали плантации сахарного тростника и соответственно сахарные заводы. До войны филиппинский сахар вывозился в США и другие страны, теперь эти рынки были потеряны, а замены им Япония предложить не могла. Следовательно, надо было сократить производство сахара, заменив его более нужным для армии продуктом. Японским оккупационным властям показалось, что наиболее выгодно использовать сахарный тростник как сырье для

производства спирта и сахарные заводы превратить в спиртогонные. Одновременно с этим плантации тростника (как и табачные) засевались хлопчатником — была поставлена задача расширить производство хлопка, заняв посевами хлопчатника около 0,5 млн га. В результате производство сахара резко упало, крестьяне и рабочие были разорены, положительная же часть программы выполнена не была. Несмотря на все строгости, количество спирта, произведенного на сахарных заводах, было весьма скромным, производство хлопка также было далеко от намеченного.

В Индонезии эта картина, сохраняя общие принципиальные черты, была куда более сложной и многообразной, так как и сама Индонезия — страна более обширная, и экономика ее куда многообразней бирманской или филиппинской. Из продуктов индонезийского экспорта японцев больше всего интересовала нефть. Они, как отмечалось, в период своего наступления принимали решительные меры, чтобы спасти нефтепромыслы и нефтеперерабатывающие предприятия от разрушения союзниками. Через год после захвата страны оккупантам удалось довести добычу нефти до довоенной и в течение следующих двух лет вывозить в Японию более чем по 5 млн т нефти. Только в последний год войны, с падением Филиппин, поставки индонезийской нефти в Японию практически прекратились, так как танкеры уже не могли прорываться на север.

Производство сельскохозяйственных культур волновало японцев куда меньше, а ведь именно оно обеспечивало жизнь миллионов индонезийских крестьян. Перед войной плантациями каучуконосов было занято 1,3 млн га, и лишь 1% каучука потреблялся в самой Индонезии — вся остальная продукция шла на экспорт. Поскольку Япония могла потребить лишь малую долю производимого в Индонезии каучука, громадные плантации становились лишними. Дело в том, что в пределах японской «сферы сопроцветания» оказалось примерно 98% мирового производства каучука. Из 1660 тыс. т

каучука, производившегося в мире, 850 тыс. т приходилось на Малайю и другие британские колонии в Юго-Восточной Азии, а 770 тыс. т — на Индонезию, Французский Индокитай и Таиланд. Потребности Японии в каучуке составляли не более 100 тыс. т в год, т. е. лишь одну пятнадцатую добычи. Каучука было так много, что в Японии стали пропагандировать его в качестве кровельного материала, а в Джакарте каучуком пытались крыть мостовые. И это происходило в то время, когда все воюющие державы ощущали в каучуке острую нужду, а в Германии даже разрабатывались проекты посылки за каучуком в Юго-Восточную Азию больших подводных лодок. Так как дороги все же каучуком крыть не стали, то плантации приходили в упадок, зарастали, кое-где гевею вырубали на топливо или выкорчевывали.

Меры по борьбе с другими «излишками» были решительными и вместе с тем бессмысленными. В августе 1942 г. японские власти в Индонезии издали декрет, по которому следовало выкорчевать половину всех кофейных деревьев. Было уничтожено также около 16 тыс. га чайных плантаций, из 220 чайных фабрик работало лишь 50. С сахарными заводами в Индонезии японцы старались сделать то же, что и на Филиппинах, а когда не удавалось — их попросту разрушали и оборудование пускали на лом. В результате общее производство сахара упало за годы оккупации почти в 20 раз, число действующих заводов сократилось вдесятеро.

И без того тяжелое положение населения ухудшали широко проводившиеся оккупантами реквизиции скота и мобилизация жителей на принудительные работы. Правда, резкое падение жизненного уровня и неуверенность в завтрашнем дне создали парадокс — на первых порах японская система принудительного труда пользовалась некоторой популярностью среди молодежи оккупированных стран. Мобилизуя население, оккупационные власти обещали пищу и одежду. При фантастическом росте безработицы этого было достаточно, чтобы молодежь, в первую очередь городская, попалась на приманку.

В Индонезии система принудительного труда приняла форму трудовых батальонов «хейхо» и зарубежных контрактов «ромуся». Батальоны «хейхо» иногда несли караульную службу, но в основном выполняли строительные работы, солдаты их были носильщиками, уборщиками, чернорабочими. Но наибольшие масштабы в Индонезии приняла система «ромуся» — отправки мобилизованных в другие страны.

Отрезвление наступило довольно быстро, и вскоре добровольцев найти уже не удавалось. Однако рабский труд по-прежнему требовался и на строительстве стратегических дорог и на сооружении укреплений на островах Тихого океана, были нужны носильщики в горах Западной Бирмы и землекопы на «дороге смерти». И если в Бирме масштабы принудительного труда были в численном выражении не так велики — 800 тыс. мобилизованных (это зависело в некоторой степени и от специфики отношений японцев и бирманцев, от существования АНБ и бирманского правительства, от того, что сама Бирма не столь плотно населена и людские ресурсы ее ограниченны), то в Индонезии японцы с 1943 г. перешли к открытой охоте на людей. Некоторые районы буквально обезлюдели, «большая часть молодежи исчезла и никто не знал, где она. Остались только старики и зеленые юнцы. На некоторых островах все население спасалось бегством от японцев. Оно оставляло свои деревни, имущество и уходило в джунгли. Ему приходилось жить за счет тех продуктов, которые мог дать лес», вспоминал индонезийский публицист.

Когда после войны проходили процессы над японскими военными преступниками, то одним из основных пунктов обвинения было бесчеловечное обращение с европейскими и индийскими военнопленными и гражданскими лицами, интернированными во время оккупации. На втором месте стоял террор против китайского населения. Действительно, японские методы обращения с военнопленными в некоторых случаях даже превосходили «достижения» гитлеровцев — расизм XX века. породил зверства, неслыханные и в Средневековье.

Участь многих сотен тысяч бирманцев, индонезийцев и филиппинцев была не менее тяжкой, однако их гибель осталась почти незамеченной. Полковник Судзуки не был повешен за уничтожение жителей двух каренских деревень, генералы, правившие Индонезией, не понесли наказания за смерть сотен тысяч «ромуся», о многих из которых лишь пришли извещения, сообщавшие, что они погибли на Тихоокеанском фронте как «гордость нации».

Полагают, что за время оккупации в Индонезии погибло 4 млн человек. Значительную часть их составили «ромуся». Что касается европейцев, живших на архипелаге, то к концу 1943 г. все они оказались в концлагерях — всего там было заключено 62 тыс. человек, из них лишь треть мужчин — остальные женщины и дети. Кроме того, в лагерях для военнопленных содержалось примерно 45 тыс. человек. Многие из них умерли или были замучены в лагерях, другие погибли на тяжелых работах, на стройках в Таиланде и Бирме, на тихоокеанских островах.

Одним из результатов оккупации стало деклассирование населения. Если в деревнях жизнь еще можно было поддерживать тем, что давала земля, то в городах положение ухудшилось в первый же год японской оккупации и стало катастрофическим в последующие годы. Для подавляющего большинства населения оккупированных стран проблема заключалась лишь в одном — как-нибудь выжить. Промышленные рабочие, транспортники, рабочие плантаций и рудников, не говоря о городских низах, потеряли привычную работу и были вынуждены переселяться к родственникам в деревни либо искать случайных заработков. К тому же голод постепенно распространился и на сельские местности — везде стало не хватать риса для внутреннего потребления, а страшный голод в Северном Вьетнаме унес несколько сотен тысяч человеческих жизней.

В эту трагическую для народов Юго-Восточной Азии пору явственно обнаружилось, что расовая общность, о которой столь много говорили японцы, не более чем большая ложь.

«Желтый» расизм оказался ничуть не лучше, а по своим последствиям — даже хуже расизма «белого». Эксплуатация колоний европейскими державами, сколь бы тяжелой для населения она ни была, сопровождалась проникновением в колониальные страны новых, более прогрессивных форм производства, а также западной культуры. А что давало японское господство? Запрет слушать западное радио под страхом смертной казни, утреннее пение японского гимна и поклоны японскому флагу во всех школах, почтительное и раболепное отношение к любому японцу на улице, бесконечный страх перед «кэмпейтай», внимательно следившей за любыми проявлениями недовольства и пресекавшей их жестоко и быстро.

И все же японская оккупация имела и положительные последствия для народов исследуемого региона. Первым и основным из них была бурная политическая эволюция стран Юго-восточной Азии, приведшая их население к решительному отрицанию идеи любого иностранного господства. Второе положительное последствие в наиболее полной форме проявилось в Бирме. Бегство англичан и индийцев означало для миллионов крестьян освобождение от долгов индийским помещикам и ростовщикам, от налоговой задолженности властям. Японский капитал, вторгшийся в страну, концентрировался в основном в городах, в деревнях же японцы появлялись сравнительно редко. В итоге деревенская беднота, арендаторы, батраки осознали, что земля, на которой они трудятся, теперь принадлежит им. Это было особенно характерно для Нижней Бирмы, где национальных помещиков было немного и земля принадлежала в основном индийским помещикам — четтьярам. Неизвестно, сколько земли в первый же год японской оккупации перешло к бирманским крестьянам, но в любом случае площади измерялись миллионами акров.

Если индийские помещики в большинстве бежали из Бирмы или прятались в Рангуне, не смея показываться за пределы города, то и местные бирманские помещики также

не могли собирать арендную плату. С теми же, кто пытался это делать, крестьяне спешили расплатиться японскими оккупационными деньгами, стоимость которых со временем приблизилась к стоимости бумаги. Однако отказаться принимать их помещики не могли — ведь любой протест такого рода мог стать известным японцам, которые были вынуждены в подобных случаях выступать на стороне крестьян, лишь бы не признать, что их деньги — фикция. Любопытно, что подобное использование оккупационных денег было характерно, хотя и не в таком широком масштабе, и для других оккупированных стран. В частности, таким образом смогли погасить свои долги и многие индонезийские крестьяне.

После войны на вернувшуюся колониальную администрацию обрушилась лавина жалоб и исковых заявлений четтьяров и местных помещиков. Однако попытки колонизаторов отобрать землю у крестьян, а погашение долгов объявить недействительным фактически провалились. Таким образом, в Бирме (а в известной степени и в других странах региона) события 1942 г. привели к подрыву колониальной системы землевладения.

Правда, в те годы переход земель в руки крестьян не намного улучшал их положение. Если крестьянин продолжал разводить рис, то, как правило, он не мог его сбыть, а если все же сбывал, то получал за него те же обесцененные деньги, на которые никаких товаров купить было нельзя. В результате многие земли, полученные крестьянами, были заброшены, а сами крестьяне бежали в города, где и без того царил голод.

Что касается национальной буржуазии стран Юго-Восточной Азии, то ей явно пришлось по душе исчезновение старых конкурентов — европейцев, индийцев, китайцев, занимавших прежде командные посты в торговле и промышленности. Однако завладеть освободившимися местами не удалось из-за появления новых конкурентов — японских дельцов, пользовавшихся покровительством военных влас-

тей и овладевших с их помощью господствующими позициями в добыче и вывозе сырья, обрабатывающей промышленности, торговле. В результате этого, а также из-за отсутствия ссудного капитала, товаров, которыми можно было торговать, и денежного обеспечения под эти товары основной областью деловой активности местной буржуазии стал черный рынок. Но разруха была настолько всеобъемлющей, а жизненный уровень огромной массы населения настолько низким (и все еще умудрялся падать), что в большинстве случаев и эта активность была лишь фикцией.

Национальные органы власти, созданные на Филиппинах и в Бирме, как и некоторые деятели японской оккупационной администрации, опасавшиеся роста недовольства населения, пытались проводить какие-то меры по укреплению местной буржуазии. В Бирме, например, была создана Торговая палата, в которую вошли несколько сот торговцев и промышленников, на многочисленных заседаниях бурно выступавших в защиту своих прав. Правительство Ба Мо, выражавшее в основном интересы национальной буржуазии, добивалось передачи бирманским предпринимателям английской собственности и требовало, чтобы в предприятиях, существовавших в Бирме, по крайней мере 60% капитала принадлежало национальной буржуазии. Настойчивость Ба Мо раздражала японских дельцов, влияние которых на армию и «кэмпейтай» все росло — чем дольше шла война, тем сильнее становилась коррупция в японской армии. Ба Мо даже уверял Такина Ну, что японские торговцы делали попытки убить его. К концу войны японцы согласились ограничить прибыли своих компаний 6% годовых, но сделали оговорку, которая сводила эту меру на нет — данное постановление должно было касаться лишь тех японских фирм, которые не были связаны со стратегическими интересами Японии (а связать с этими интересами, естественно, можно было что угодно). В то же время закон, гласящий, что недвижимость в Бирме может принадлежать лишь бирманцам,

так и не смог пройти через дебри военных японских учреждений и лишь в середине 1945 г., когда англичане уже заняли Мейтхилу, Ба Мо опубликовал этот закон без разрешения японцев; неудивительно, что никто этого шага не заметил и не оценил.

Еще одним начинанием правительства Ба Мо, направленным на укрепление позиций национальной буржуазии, было основание в январе 1944 г. Государственного банка Бирмы. Главе бирманской администрации не только удалось доказать в Токио, что создание банка в интересах Японии, но и добиться там займа. Но, согласившись на создание банка, японцы отказались передать ему право на эмиссию денег. Сотрудники банка даже не имели представления, сколько денег находится в обращении в стране и сколько японцы сочтут нужным напечатать еще. Таким образом, капитал банка, составлявший в 1944 г. 5,5 млн рупий, из которого банк начал было выдавать кредиты национальным предпринимателям, был ничем не обеспечен. Деньги обесценивались быстрее, чем их успевали использовать, и уже через несколько месяцев банк мог вести свою протекционистскую деятельность только на бумаге.

В отличие от разоренной Бирмы, экономику которой за время оккупации восстановить так и не удалось, экономическое восстановление Малайи проходило достаточно быстро. Основные оловянные рудники вновь действовали уже в мае 1942 г., к середине года были восстановлены пять крупнейших доков Сингапура и начал в полную силу функционировать порт. В марте следующего года была основана «Компания Южных районов», которая объединила три японские компании, захватившие к тому времени сингапурское судоходство. Правда, первый корабль с грузом японских товаров добрался до Сингапура лишь в июле 1943 г. — больше года стране приходилось обходиться довоенными запасами. К этому времени черный рынок настолько разросся, что капля привезенного тут же исчезла в его море. Впрочем, основной целью создания компании было наладить судоходство меж-

ду завоеванными странами Юго-Восточной Азии, чтобы обеспечить продуктивный обмен товарами. Однако вскоре выяснилось, что вести обмен нечем.

Завладев огромными территориями, японцы не имели ни времени для организации соответствующей инфраструктуры, ни желания превратить колонии не только в источник сырья, но и в рынок сбыта. Япония захватывала страны региона в первую очередь для того, чтобы бесплатно поддержать военную экономику, т. е. в погоне за стратегическими материалами. Ничего взамен японская колониальная система предложить не могла, и чем дольше шла война, тем меньше оставалось возможностей для любого, пускай даже неэквивалентного, обмена. Однако экономика стран Юго-Восточной Азии за долгие десятилетия приспособилась именно к такой колониальной модели обмена. Товары, которые производили оккупированные страны, были сходными — сырье и сельскохозяйственные продукты тропического пояса и полезные ископаемые. Раньше различные европейские хозяева этих стран были заинтересованы в одинаковых «колониальных» продуктах для удовлетворения собственных нужд. Теперь же хозяин был один, и он очень быстро оказался пресыщен теми стратегическими товарами, овладеть которыми так стремился. В первую очередь это касалось олова, каучука и сахара, затем риса и т. д.

Разумеется, страны Юго-Восточной Азии могли вести эквивалентный обмен даже в пределах своих однобоких экономических систем, примеры чему дает их послевоенное сотрудничество. Но те товары, которые были нужны в соседней стране, могли попасть в нее только при условии, что в них не нуждаются японцы. Однако именно эти товары японцы и импортировали. Нефть из Индонезии, к примеру, в Малайю не попадала — ее всю потребляла Япония. В то же время индонезийское олово и индонезийский каучук в Малайе не были нужны — некуда было девать свой каучук и свое олово. В результате Малайя, как и Индонезия, уподобилась голодному человеку, сидящему на мешке с золотом.

Многочисленные рабочие каучуковых плантаций и шахтеры остались без работы, а крестьяне были вынуждены выращивать непривычные для себя культуры, которые к тому же следовало отдавать тем же японцам по нереально низким ценам. В результате сельское хозяйство, как и в других странах, зашло в тупик. Но особенно плохим было положение в городах, так как своего риса в Малайе не хватало, а поставки из Бирмы и Таиланда были нерегулярны и недостаточны. Нормы на человека в стране были установлены от 100 до 200 г в день, и даже эти нормы по карточкам не выдавались. Цены на продукты питания выросли втрое за первый год оккупации и продолжали расти.

Помимо экономических трудностей на Малайю обрушились те же беды, что и на соседние страны, — террор «кэмпейтай», трудовая повинность, поборы и произвол властей. Достаточно сказать, что из 60 тыс. рабочих, отправленных в принудительном порядке на строительство «дороги смерти» Бирма — Таиланд, вернулось лишь 20 тыс. Впрочем, в отношении к местному населению постепенно вырабатывался дифференцированный подход. Поблажки в отношении национальных элементов, на которые были вынуждены пойти японцы к концу войны, коснулись и Малайи. Наибольшие привилегии при этом получили малайцы. Малайские чиновники сохранили свои места в аппарате и даже расширили свои позиции за счет индийцев и китайцев, которых смогли потеснить. То же касалось и малайской буржуазии, которая, будучи до войны гораздо слабее китайской, европейской и индийской, во время оккупации смогла занять некоторые ниши, опустевшие после бегства или гибели конкурентов.

Особенности вторжения японских войск во Французский Индокитай, под видимостью договоренности с вишистской Францией, обусловили некоторое своеобразие экономической политики японцев во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже.

Захват Индокитая, и прежде всего его восточных областей, сразу предоставил Японии дополнительный источник сырья, в первую очередь риса. Прямой морской путь, существование во Вьетнаме хороших портов и железных дорог позволяли, особенно на первом этапе войны, вывозить рис беспрепятственно и быстро. Рис закупался во Вьетнаме по фиксированным ценам, которые были значительно ниже рыночных уже в 1941 г. и в 30 раз ниже — к концу войны. В результате в 1943 г. закупки Японии во Вьетнаме составили около 1 млн т, т. е. примерно треть всего риса, производимого в стране. К этому следует добавить немалое количество риса, который сжигали за нехваткой другого топлива в топках электростанций и использовали для изготовления спирта. В то же время риса не хватало для питания, и, когда в 1944—1945 гг. во Вьетнаме случился неурожай, от голода умерло до 2 млн человек.

До тех пор пока Япония не захватила другие, более обширные и дешевые источники сырья в Юго-Восточной Азии, она была заинтересована в продуктах, которые можно было получить из Индокитая, и осуществляла поставки туда товаров широкого потребления. Но уже со второго года войны Индокитай лишился всяких поставок, которые могли бы компенсировать отрыв от мирового рынка. К тому же после того как потребности Японии в рисе были удовлетворены, оккупационные власти, как и в других странах региона, старались заставить крестьян выращивать на рисовых полях необходимые для Японии культуры, в первую очередь хлопчатник и джут.

В системе «сферы сопроцветания» Индокитай находился в промежуточном положении между оккупированными странами и Таиландом — страной-союзником. В течение всей войны японцами поддерживалась видимость дружеских отношений с колонией союзника по коалиции — вишистской Франции. Французская администрация продолжала заниматься внутренними административными вопросами, продолжали функционировать французские банки и некоторые

компании, в вопросах внешней торговли грабеж прикрывался видимостью денежных сделок. Например, тот факт, что Япония значительно больше покупала (по каким бы грабительским ценам эта покупка ни производилась, это все же были торговые сделки), чем могла продать и привезти, вызвал нехватку в Японии индокитайской валюты, которую предоставлял ей Индокитайский банк. Масштабы этих займов были таковы, что в стране бушевала инфляция и масса бумажных денег увеличилась только во Вьетнаме за период войны более чем в 13 раз.

Французская администрация использовала оккупационный режим, чтобы подавить даже те зачатки демократии, которых общественные силы колонии добились перед войной. Со своей стороны, японские власти старались укрепить те местные политические силы, которые, будучи националистическими по сути, могли стать социальной опорой в тот период, когда нужда во французских посредниках окончательно отпадет и Япония перейдет к прямой эксплуатации Индокитая. В основном это были конфуцианские консервативные группы и союзы типа так называемой Лиги борьбы за освобождение Вьетнама, а также религиозные секты, такие как Као-дай и Хоа-хао. Влияние этих сект во время войны ограничивалось в основном югом Вьетнама, где промышленность была развита слабо и население жило по преимуществу в сельской местности.

Понимая сущность устремлений японцев, французская администрация во главе с адмиралом Деку, в свою очередь, пыталась опереться на традиционные буржуазные слои и чиновничество.

Число вьетнамских чиновников в административном аппарате за время войны значительно возросло не столько в результате целенаправленной политики властей, сколько ввиду невозможности заменять скончавшихся или вышедших в отставку французских чиновников новыми. Французы уделяли также посильное внимание обработке молодежи,

создавая организации типа «Спорт и молодежь», союзы вьетнамских бойскаутов и т. д.

Постороннему наблюдателю Французский Индокитай (как Лаос и Камбоджа, так и Вьетнам) мог показаться островком мира в океане войны. «Кэмпейтай» и полиция комиссара Арну, хотя и не без трений между собой, усердно поддерживали «порядок и законность». На улицах городов японцы и французы церемонно раскланивались, а по торжественным дням вместе выходили на трибуны. При этом японские генералы ждали только дня, когда Токио позволит им обойтись без французов, французы же слушали тайком радиопередачи американцев и англичан и в узком кругу объявляли себя сторонниками генерала де Голля и «Свободной Франции».

Лига борьбы за независимость Вьетнама, известная больше как Вьетминь, была организована в мае 1941 г. На ее учредительном съезде были представлены как лидеры вьетнамских коммунистов, в том числе Хо Ши Мин и Во Нгуен Зиап, так и представители тайных организаций «спасения родины». Вьетнамские патриоты в отличие от националистов других стран Юго-Восточной Азии не задумывались, на чьей стороне участвовать в войне. Французские колониальные хозяева оказались в одном лагере с японскими завоевателями, и борьба должна была вестись как против старых, так и против новых колонизаторов.

В первые годы оккупации вьетнамские партизаны, избегая открытых столкновений с японскими и французскими карательными отрядами, постепенно расширяли зону своих действий и накапливали силы, давая приют в отрядах молодежи, бежавшей от трудовой повинности и голода. Оружия у партизан еще почти не было, однако все растущая поддержка населения создавала предпосылки их успехов в будущем.

Положение во Вьетнаме находилось под постоянным наблюдением чунцинского правительства. Китайцы были заинтересованы в создании антияпонского сопротивления во Фран-

цузском Индокитае, но хотели, чтобы это сопротивление было связано с Гоминьданом и проводило его линию. Основной опорой гоминьдановцев стала Вьетнамская революционная лига, объединявшая в основном эмигрантов из Вьетнама, обосновавшихся в Южном Китае. Лига имела свои, хоть и немногочисленные (в общей сложности до полутора тысяч человек) военные подразделения, входившие в гоминьдановскую армию. Вьетнамские эмигранты в Китае весьма ревниво следили за усилением Вьетминя и всячески старались подорвать его влияние. Так, есть все основания полагать, что именно по наущению руководства Лиги гоминьдановцы арестовали в конце 1941 г. нескольких находившихся в это время в Китае руководителей Вьетминя, в том числе и Хо Ши Мина. Устранив соперников, лидеры Лиги полагали, что смогут взять в руки руководство вьетнамским национально-освободительным движением, однако этого не произошло. Более того, не имевшая четкой программы действий и, в общем, оторванная от событий во Вьетнаме Лига с каждым месяцем все более теряла поддержку в своей стране, и содержание ее стало обузой для гоминьдановцев. Следствием разочарования в Лиге было то, что в начале 1943 г. гоминьдановцы выпустили из тюрьмы лидеров Вьетминя и впредь поддерживали с ними связи.

О существовании Вьетминя знала и американская разведка. Через своего агента Гордона, бывшего представителя компании «Тексако» в Тонкине, она пыталась наладить с ними связи, обещая поддержку в деле достижения независимости.

В отличие от американцев и гоминьдановцев, которые в своих интересах в той или иной степени поддерживали стремление вьетнамцев к независимости, те силы в самой Франции, к союзу с которыми в борьбе против японцев стремились вьетнамские патриоты, т. е. движение «Свободная Франция», ни на какое сотрудничество идти не намеревались и призывы Вьетминя к совместной борьбе с вишистами и японцами попросту игнорировали. Позиция

французского эмигрантского правительства в вопросе об Индокитае была даже более непримиримой, чем позиции их союзников по отношению к Бирме и Индонезии. В этой непримиримости уже таился будущий военный конфликт между странами Индокитая и Францией.

Французские протектораты Лаос и Камбоджа стали, как и Вьетнам, жертвами войны еще до ее начала. В 1941—1945 гг. они оказались в стороне от основных событий. Тот факт, что Франция выбыла из игры на самом первом этапе сражений, спас эти государства от боевых действий на их территориях (не считая войны с Таиландом) как в первый год военных действий, так и в 1945 г. Вместе с тем, когда Япония, желая приструнить французов и задобрить важного для будущих военных акций союзника — Таиланд, решила подарить последнему часть камбоджийских и лаосских земель, никто не счел нужным хотя бы посоветоваться с их формальными владетелями — королем Камбоджи и королем Луангпрабанга. Местную администрацию лишь уведомили, чтобы она убрала оттуда своих чиновников и сборщиков налогов.

Феодально-бюрократическая верхушка королевств, достаточно давно и тесно привязанная к французской колониальной империи и в принципе лояльная по отношению к Франции, была оскорблена. Преданность Франции обернулась двойным оскорблением — не только грабежом как таковым, но и формой, в которой этот грабеж был произведен. К тому же, не дожидаясь приказов из Токио, в протекторатах уже появились японские дельцы и японские военные, которые не скрывали того, что истинные господа здесь они, а не французы. Король Лоаса Сисаванг Вонг объявил о своем намерении отречься от престола. Возмущение охватило и немногочисленную национальную интеллигенцию и буржуазию.

Для того чтобы объяснить позицию Франции и найти общий язык с правителями протекторатов, генерал-губерна-

тор Индокитая адмирал Деку в конце марта нанес им визиты. Положение главы французской администрации было не менее унизительным, чем положение королей. Он цеплялся за клочки французского господства в Индокитае, понимая, что, если он не пожертвует тем, что требуют японцы, французов вообще отодвинут от власти, а самому ему дальнейшие месяцы или даже годы придется в лучшем случае провести в концлагере. Взывая к пониманию и обещая, что Франция, как только ее положение в мире изменится к лучшему, отблагодарит протектораты за терпение, Деку обещал еще до этого компенсировать территориальные потери королевств и подписать с ними новый договор о протекторате, который заменит конвенцию 1917 г. и даст королевствам значительно большую автономию, чем до войны.

29 августа 1941 г. был подписан договор между королем Лаоса и правительством Франции. В качестве компенсации за потерянные земли королевство Луангпрабанг получило три другие лаосские провинции, королевский совет был преобразован в совет министров (что никак не изменило его состава — он состоял из родственников короля и придворных высокого ранга) и французское правительство увеличило на 60% ежегодную дотацию королю. Аналогичный договор был подписан с Камбоджей. Попытки Франции удержать на своей стороне феодальную верхушку и чиновничество этих стран были более успешными, чем ее политика во Вьетнаме, так как угроза Лаосу и Камбодже со стороны Таиланда была не пустым звуком и защитить их от дальнейших посягательств могли лишь французы, какими бы слабыми их позиции в то время ни казались. Поэтому в годы войны французы выступали как сторонники местного патриотизма, как щит против притязаний Таиланда. Французские чиновники получили указания создавать молодежные и иные патриотические организации, опираясь на «приличных» молодых людей, получивших образование во Франции, для «пробуждения национального духа и осуществления морального объединения страны».

Политика французской администрации оказала определенное влияние на дальнейшие судьбы этих стран. С одной стороны, была укреплена профранцузская прослойка местных обществ, с другой — дан толчок росту национализма и стремлению к независимости.

Оккупировав большую часть Камбоджи и Южный Лаос, японцы способствовали развалу экономики этих стран, ломая, как и повсюду в регионе, привычные связи и в то же время ничего не давая взамен. Даже в относительно слабо затронутой войной Камбодже за время войны объем сельскохозяйственного производства упал на 30%. Лишь на севере Лаоса, куда японские гарнизоны не были введены до 1945 г., французские власти оставались практически единовластными хозяевами. Но и здесь не обошлось без перемен в экономике, причем весьма своеобразных. Для того чтобы как-то поддержать рушащееся здание финансовой системы колонии и получить средства для содержания армии и административного аппарата, французы решили стимулировать расширение плантаций под опиумным маком. Для привлечения крестьян были резко подняты закупочные цены. Это привело к тому, что опиумный мак стал основной культурой на севере Лаоса, вытеснив культуры продовольственные — рис и кукурузу. Горные районы стали зависеть от поставок продовольствия извне, и в то же время население их включилось в систему мировой контрабандной торговли опиумом, центром которой Лаос оставался и в течение ряда послевоенных лет.

Правовые основы жизни в «сфере сопроцветания» несколько варьировались от страны к стране, но их главный принцип — подавление любых свобод, жесткий контроль и господство страха — был единым во всей Юго-Восточной Азии. Пожалуй, в наиболее законченной форме эта система действовала в Индонезии, прежде всего на Яве.

5 августа 1942 г. Ява была разделена на пять «ею» — провинций. Аппарат этих провинций был укомплектован

японцами, которые имели полную власть над населением провинции и местными органами администрации, в которых трудились и индонезийские чиновники. Еще раньше, в мае того же года, были отменены все существовавшие суды и введена система судов военной администрации. Суды эти были фактически военно-полевыми и заседали под председательством японских офицеров. В ведение этих судов попадали в первую очередь преступления и проступки, которые могли угрожать японскому господству. Например, пользование радиоприемниками было запрещено под страхом смерти. Население должно было знать о событиях в мире лишь то, что считали нужным сообщить оккупанты, которые вскоре после захвата страны организовали издание нескольких газет на японском и малайском языках. То, что индонезийцы никак не могли всерьез воспринять запрет на пользование приемниками, вело к трагедиям. В июле 1942 г. был опубликован первый приговор военно-полевого суда по делу о пользовании радиоприемниками: виновные были приговорены к смерти и заколоты штыками. Подобные приговоры выносились в течение всего времени оккупации, и от них погибло немало людей.

Индонезийцы могли участвовать в системе судопроизводства лишь в уголовных судах низшего разряда, причем и там на каждом заседании должен был присутствовать японский жандарм, который чаще всего не только наблюдал за ходом суда, но и сам выносил такой приговор, какой считал нужным. Приговоры были чрезвычайно жестокими, даже за самые мелкие проступки полагались телесные наказания, которые совершались публично или в полицейских участках. Вся система судопроизводства была направлена на запугивание населения. Нарушалась связь между масштабом проступка и наказанием за него, которое всегда было преувеличенно жестоким. Японская система подчинения авторитету, перенесенная на индонезийскую (бирманскую, филиппинскую) почву, дала уродливые плоды, ибо японские

чиновники и капралы, воспитанные в обстановке постоянного унижения и побоев, с наслаждением подвергали подобным унижениям покоренных «братьев», совершенно не учитывая ни обычаев, ни национального характера народов, у которых система подчинения авторитету строилась на совершенно иных ценностях и правилах.

Другим способом контроля над населением была организация под эгидой японцев (и опять-таки по японским образцам) молодежных, спортивных и прочих союзов и ассоциаций, членам которых старались привить (также бестактно и грубо) идеи величия Японии. Например, с 1943 г. существовал Союз молодежи Явы, куда сгоняли школьников и подростков. Во всех населенных пунктах острова создавались отряды этого союза, сведенные в батальоны, в которых под руководством японских надсмотрщиков и офицеров проводилась военная подготовка, шли занятия спортом и обязательное обучение японскому языку. Спортивная организация должна была объединить всех спортсменов — представителей наций «Великой Восточной Азии», перед женской организацией ставились задачи обеспечения нужд японской армии и воспитания детей в духе преданности императору. Все работники искусств, врачи, журналисты были объединены в союзы под строгим наблюдением и руководством японцев, которые заранее составляли все резолюции на соответствующих митингах и писали все речи на собраниях для руководителей этих организаций. Не были забыты и мусульмане. Уже летом 1942 г. была создана первая мусульманская организация, получившая после ряда преобразований название «Консультативный совет индонезийских мусульман» — Машуми. Организация была довольно представительной, и при ней даже существовала «Армия аллаха», члены которой проходили военную подготовку, хотя оружие им и не выдавалось. В целом и эта идея плодов не принесла, ибо как защитники ислама японцы выглядели неубедительно.

С созданием новых организаций все ранее существовавшие союзы были разогнаны и запрещены и, что более чувствительно, была ликвидирована хотя и недостаточно развитая, но важная для Индонезии система колониального образования. Большинство средних школ было закрыто, так как их помещения нужны были под казармы, практически все высшие учебные заведения постигла та же участь: закрылись юридический и медицинские колледжи в Джакарте, сельскохозяйственный и технический колледжи. Оставшихся студентов старались затянуть в Союз молодежи и заставить маршировать и распевать японские военные песни, надеясь таким образом ликвидировать студенческое общение, порождавшее вольнодумство и оппозиционные настроения. Однако в конечном счете для интересов Японии эти меры ничего не дали, скорее принесли отрицательный эффект. Так, Союз молодежи стал одним из оплотов индонезийского национализма — в порабощенных казарменных коллективах вырабатывались ненависть к японским капралам и чувство единства. Да и вообще молодежь в батальонах Союза со значительно бóльшим увлечением обучалась обращению с оружием, чем японскому языку и японским песням.

Предложение, с которым обратился к японцам Сукарно после провала их затеи с движением «Тига-А», — создать новую массовую организацию, призванную мобилизовать индонезийский народ «для помощи Японии», — было принято военной администрацией далеко не сразу. Исходило оно хотя и от популярных в стране, но радикальных политиков, и, разумеется, генералы предпочли бы обойтись без Сукарно. Однако альтернативы не было, потому что политическая партия — не молодежный союз, для организации которого можно было командировать тысячу капралов.

8 декабря 1942 г. на торжественном празднестве, посвященном годовщине победы в Перл-Харборе, генерал Имамура публично объявил о предстоящем создании национальной индонезийской партии. Эта партия была официально

основана 3 марта 1943 г. и получила название «Путера», имевшее двоякий смысл. Для японцев название расшифровывалось как сокращение от слов «Пусат тенага ракьят» — Центр народных сил. Для индонезийцев оно звучало и как «сын отечества», указывая на национальный и патриотический характер движения.

Разумеется, Путера находилась под неусыпным японским контролем, но формально руководили партией Сукарно и три его заместителя — Хатта, Мансур и Деванторо. Основными задачами Путеры объявлялись создание «Великой Азии», обучение борьбе с трудностями военного времени, углубление понимания между японцами и индонезийцами и т. д. Японцы не хотели рассматривать создание Путеры как шаг к независимости Индонезии, для индонезийцев же это была легальная возможность организации. Индонезийским националистам казалось также, что, если японцы будут доверять Путере, через нее можно будет оказывать влияние на их решения и облегчать положение народа.

Как и рассчитывали японцы, Путера стала их помощником в деле выколачивания поставок для армии и организации трудовых отрядов. Сукарно и Хатта разъезжали по стране, уговаривая индонезийцев питаться кукурузой и рассказывая о том, как плохо живется народам в странах антифашистского лагеря. Нельзя сказать, что такие выступления способствовали росту популярности лидеров национализма, но Сукарно рассчитывал, что оккупация продлится недолго, Япония обязательно потерпит поражение и ее войска уйдут из Индонезии. Именно тогда и наступит время для независимости, к которой следует быть готовыми. «Мы безоружны, — говорил он. — Вот почему мы не должны открыто выступать против них». Сукарно полагал, что деятельность японцев в Индонезии, в том числе их попытки выстроить индонезийцев по ранжиру и приучить к казарменной дисциплине, в конечном счете принесет пользу лишь националистам. Добиться независимости от Голландии, пройдя школу японской оккупации, будет куда легче. Кроме

того, можно было предположить, что, по мере того как дела держав Оси на фронтах будут идти все хуже, японская политика в Индонезии будет изменяться в сторону либерализации и заигрывания с индонезийцами. От трезвого взгляда Сукарно не укрылось то, что судьбы войны решаются в первую очередь на полях Европы и что разгром фашистов под Сталинградом значит для Индонезии значительно больше, чем победы японцев в Аракане, о которых шумела японская пропаганда.

Последующие события подтвердили правоту Сукарно и его соратников. Уже 16 июня 1943 г. премьер-министр Японии в программной речи на 82-й сессии парламента обещал предоставить в ближайшее время независимость Филиппинам и Бирме. В этой же речи говорилось о самоуправлении для Явы, однако конкретных сроков установлено не было, а о прочих частях Индонезии вообще не упоминалось. Тем не менее Сукарно, выступая по радио с ответом на эту речь, не пожалел добрых слов в адрес Японии и подчеркнул для тех, кто имел уши, что Индонезия, ранее оккупированная небольшой европейской страной, теперь возвращается в ряды полноправных азиатских народов. В следующем месяце Тодзио посетил в ходе своей поездки по захваченным странам и Яву. Сукарно вновь не упустил возможности в приветственной речи выразить надежду, что Япония «вернет Индонезию индонезийцам». Тодзио никак не реагировал на выступление, однако 21 августа было объявлено о создании Генерального совещательного совета для индонезийцев в Джакарте и местных советов в провинциях. Создание этих органов ничего не давало индонезийцам, а японцы обзаводились еще одним приводным ремнем для выкачивания из страны добычи. Советы были не более чем совещательными органами при командовании армии, которое могло прислушаться к их мнению, а могло и игнорировать его. Зато японцы вскоре принудили Генеральный совет проголосовать за введение в стране всеобщей трудовой повинности и заставили лидеров Путеры громогласно ратовать за ее проведение.

Проводилась эта «добровольная мобилизация» так: в оцепленную деревню привозили штатных ораторов, которые от имени жителей деревни произносили благодарственные речи японскому командованию за то, что оно дозволяет внести вклад в борьбу против «белого империализма». После этого молодых мужчин деревни загоняли в грузовики и вывозили в специальные лагеря. Сукарно, как и другим лидерам националистов, надлежало периодически участвовать в этих экспедициях по захвату рабов и даже объезжать рабские лагеря и фотографироваться с улыбкой на лице и мотыгой в руках. Пытаясь получить хоть какую-то компенсацию за это неблагодарное занятие, Сукарно предложил расширить степень доверия яванцам, разрешив им проходить военную подготовку. В японском командовании, которое по своим взглядам отнюдь не было однородным, по данному вопросу возникли разногласия. Оккупационную политику в Индонезии определяли сторонники жесткого направления, полагавшие, что на Яве можно обойтись и без уступок, однако там были и более гибкие военные типа вице-адмирала Маеды, честолюбивого и умного моряка. Маеда основал, в частности, политическую школу «Асрама Индонесиа Мердека» в Джакарте, где готовились индонезийские политические лидеры для «будущих дружественных отношений» между независимой Индонезией и Японией. В школу в качестве лекторов привлекали таких крупных националистов, как Хатта, Шарир, Субарджо. Маеде противостояли командующие 16-й и 25-й армиями, которые были противниками политических свобод для индонезийцев и опасались доверять индонезийцам оружие. В конечном счете в вопросе о военной подготовке либералы остались в меньшинстве: победила точка зрения тех, кто полагал, что послаблений делать не следует.

Как бы ни объяснял потом Сукарно свою деятельность в эти годы, даже в апологетической по отношению к нему литературе ничего не говорится о каких-либо его действиях

за пределами сферы, выделенной японцами. Активная разъездная деятельность Сукарно и Хатты, многочисленные речи, которые они произносили, укрепляли личную популярность этих лидеров, создавали вокруг Сукарно ореол харизматического вождя, отдающего все силы заботе о будущем Индонезии. В то же время японцы вмешивались в его действия, когда считали нужным, цензуровали речи, планировали поездки и давали темы для выступлений. Порой создается впечатление, что наиболее дальновидные из японцев понимали смысл игры Сукарно, но здраво рассуждали, что в случае поражения Японии будет совершенно все равно, добьется Индонезия независимости во главе с Сукарно или без него. В случае же победы Японии с Сукарно никто считаться не собирался.

Постоянные компромиссы, пусть даже оправдываемые заботой о будущем Индонезии, оставались не более чем компромиссами. Позицию лидеров индонезийского национализма, сотрудничавших с японской администрацией, лучше всего сформулировал правый социалист Шарир, близкий соратник Сукарно в годы японской оккупации. В книге, изданной сразу после войны, он писал, что судьба Индонезии зависит лишь «от международной обстановки и от хода исторического развития».

Сейчас трудно определить, какое влияние оказала политика Сукарно и близких к нему деятелей на работу тех групп, которые стремились к сопротивлению японцам, не помешала ли она создать общенародный антияпонский фронт типа того, какой был создан в Бирме. На первом этапе японской оккупации сопротивление было неорганизованным и выступления спонтанными, не приносившими большого вреда оккупантам, однако они жестоко подавлялись японскими войсками и полицией. Создается впечатление, что масштабы и жестокость репрессий вызывались не реальной угрозой попыток сопротивления, а желанием запугать народ. Уже с апреля 1942 г. начались аресты среди националистов, не

выразивших желания сотрудничать с японцами. Более широкие облавы были произведены в конце этого года. Большинство арестованных были казнены, и лишь немногие дожили в концлагерях до 1945 г. Помимо крупных политиков довоенной поры казни распространились и на известных деятелей науки, искусства и литературы. Были замучены профессор Мухтар и доктор Сусило, певец и режиссер Чак Дурасин, популярный актер Партасуванда и многие другие. Направленные на то, чтобы ликвидировать непокорную интеллектуальную верхушку общества, репрессии ею не ограничивались. За годы оккупации в тюрьмах погибли десятки тысяч человек, множество было расстреляно по подозрению в заговорах или подготовке восстания. Такая судьба постигла, например, несколько тысяч жителей Западного Калимантана — в основном китайцев.

В отличие от Вьетнама, Филиппин и Бирмы политика японцев в Индонезии дала свои плоды. Отсутствие единого центра сопротивления, разрозненность его сил позволяли японцам расправляться с подпольными группами поодиночке. Так, в начале 1943 г. в Сурабае была раскрыта подпольная антияпонская организация во главе с известным деятелем национального движения коммунистом Амиром Шарифуддином, по популярности в стране мало уступавшим самому Сукарно. Члены группы были приговорены к смертной казни. Сукарно на этот раз обратился к японцам с просьбой о помиловании, и те частично выполнили эту просьбу: члены подпольной организации были расстреляны, но самому Шарифуддину казнь была заменена пожизненным заключением.

Подпольные антияпонские группы возникали в самых различных слоях общества. Несколько таких групп было организовано индонезийскими коммунистами. Очевидно, крупнейшей из них была организация Гериндом (Движение свободной Индонезии), состоявшая в основном из молодежи, которая вела пропагандистскую работу в созданных японцами военизированных молодежных организациях. Следует

отметить, что часть активных коммунистов была еще до оккупации выслана голландцами в Австралию, а оставшиеся в тюрьмах казнены японцами, в результате чего обескровленная компартия была поставлена в годы войны в крайне тяжелые условия.

Существовало сопротивление, возглавляемое мусульманскими деятелями и священнослужителями. Такие группы действовали чаще всего в сельской местности. В ноябре 1942 г. вспыхнуло восстание в Аче, во главе которого стоял молодой проповедник Тенгку Абдул Джамиль, собравший отряд из крестьян, вооруженных кинжалами и копьями. Бойцы отряда действовали столь самоотверженно, что лишь после нескольких боев, причем с большими для себя потерями, японцы смогли разгромить восстание и убить его руководителя. Мусульманские деятели возглавили также восстание 1944 г. в округах Лохнебер и Синданг на Яве. После его подавления мусульманские проповедники были замучены в тюрьме.

Были и группы сопротивления, руководимые проголландскими, в основном феодальными, деятелями. Одной из таких групп был организован заговор в Понтианаке на Западном Калимантане, где осенью 1943 г. была собрана конференция по сотрудничеству между Индонезией и Японией, в которой должны были участвовать все высшие чины местной администрации и японских гарнизонов на Калимантане. Заговорщики предполагали захватить членов конференции и расправиться с японцами. Однако среди бывших голландских чиновников нашелся доносчик. Когда заговорщики, а также не принимавшие участия в заговоре индонезийские участники конференции собрались в здании, обнаружилось, что японских делегатов нет. Но достаточно было выглянуть в окно, чтобы убедиться, что здание окружено японскими солдатами и взято на прицел пулеметами. Японцы ворвались в здание, захватили всех без исключения индонезийцев и, не разбираясь, кто причастен к заговору, а кто нет, вывезли их на грузовиках за город и тут же расстреляли. После этого по городу и окрестным селениям про-

катились облавы, в которых расстреливали всех, кто имел какую-либо связь с заговорщиками. Всего было убито около 2 тыс. человек.

Кроме перечисленных в Индонезии существовало множество мелких групп, активно в сопротивлении не участвовавших, но ожидавших момента выступить против японцев. Само существование таких групп говорит о масштабах недовольства японской оккупацией. Однако яркая миротворческая агитация Сукарно, Шарира и Хатты нередко приводила к тому, что эти группы до самого конца войны ограничивались составлением планов на будущее.

Наконец, за годы оккупации в Индонезии произошло несколько крестьянских восстаний, вызванных тяжелым положением в деревнях. Они были стихийными, японцы подавляли их поодиночке, и угрозы оккупационному режиму они не представляли.

Осенью 1943 г. японцы, трезво оценивая обстановку в стране и будучи уверены в том, что общенациональное сопротивление им не угрожает, наконец-то дали согласие на организацию индонезийской «добровольческой» армии ПЕТА. Создание ее вызывалось ходом войны, требовавшим все больших подкреплений на островах Тихого океана. Людские ресурсы Японии были уже в значительной степени исчерпаны, тогда как гарнизонную службу в оккупированных странах несли кадровые части. Для того чтобы освободить эти части и перебросить их в места боевых действий, японцы нуждались во вспомогательных национальных частях, на которые можно было бы возложить охранные функции, гарнизонную службу во второстепенных пунктах и т. д. Поэтому акция, вроде бы направленная на удовлетворение просьб индонезийских националистов, на самом деле должна была принести пользу японской армии. Именно этим и можно объяснить, почему японцы решили сразу создать ПЕТА в значительных масштабах — она должна была состоять из 81 территориального баталь-

она численностью 600–800 человек каждый. Таким образом, японцы предоставляли оружие более чем 50 тыс. индонезийцев, в симпатиях которых они имели основания сомневаться. Можно вспомнить, что численность бирманской армии, во главе которой стояли японские офицеры и бирманцы, получившие военную подготовку в Японии и проверенные в боях с англичанами, японское командование сократило в 1942 г. до 3 тыс., а потом даже в самые трудные для себя дни, когда оно нуждалось во вспомогательных войсках, более 7–8 тыс. человек в нее не записывало. Объяснение этому, на наш взгляд, заключается не в разнице в численности населения или площади этих стран, а в глубоком убеждении японцев, что части ПЕТА будут лишены общего командования, разобщены, а лидеры национального движения будут достаточно последовательны в желании не допустить никаких антияпонских выступлений в ПЕТА и будут рассматривать эти части как свой боевой резерв на случай, если Япония уйдет из Индонезии и надо будет бороться за власть как с голландцами, так и с внутренней оппозицией.

Доказательством того, что японцы не опасались восстания индонезийской армии, служит тот факт, что ПЕТА была весьма неплохо вооружена. Бирманская армия о таком вооружении могла только мечтать. Каждый батальон состоял из трех стрелковых рот и роты тяжелого оружия, делившейся на два минометных и два артиллерийских взвода. Правда, до поры до времени минометы и орудия армии не выдавались, а находились на складах, но по японским планам в случае высадки войск союзников батальонам ПЕТА предназначалась роль береговой охраны, которая должна была принять первый удар.

Армия создавалась срочно, и японцы проводили мобилизацию в нее, используя находившиеся под их эгидой молодежные организации. Были созданы краткосрочные курсы для подготовки младшего командного состава из

индонезийцев, а также офицерские курсы, куда направляли образованных индонезийцев — студентов, учителей, клерков и т. д. Индонезийские солдаты и курсанты подвергались жестокой муштре. Японские унтер-офицеры обращались с ними как с японскими новобранцами, не делая никаких скидок, прибегая к побоям и наказаниям, заключавшимся в том, что курсантов и солдат заставляли часами стоять на коленях под солнцем; плохо кормили, так что некоторые из них умирали от истощения.

Командование армией ПЕТА японцы не намеревались выпускать из своих рук. При каждом командире батальона — индонезийце находился японский инструктор, инструкторы были в каждой роте и взводе. Для подготовки резерва армии ПЕТА японцы параллельно с ее созданием расширяли сеть молодежных военизированных организаций. Это были организация крестьянской молодежи «Сейнендан», которая выполняла зачастую роль деревенской полиции, организация городской и студенческой молодежи «Гакутотай» и крупнейшая из них — «Кейбодан» с числом членов более миллиона, которая занималась тушением пожаров и помогала бороться с последствиями воздушных налетов. Помимо этих организаций существовало немало других, в том числе ассоциации китайцев, охранная служба прибрежных вод, союзы «Барисан пелопор» (Боевой отряд), «Ангкатан муда» (Молодое поколение) и др. Это разнообразие объяснялось как желанием различных клик в армии, флоте и администрации создать «свои» организации, так и тем, что, создавая чувство причастности к той или иной организации, втолковывая идеалы преданности знамени и т. д., японцы старались разобщить молодежное движение.

Опыт создания прояпонских организаций, оправдавший себя, по мнению японцев, в Индонезии, они попытались перенести на Филиппины. Старые политические партии Филиппин, как поняли японцы через несколько месяцев после

начала оккупации, являлись генераторами недовольства. Как ни старались их лидеры воздерживаться от выступлений против японцев, сам факт существования организаций, не обязанных своим созданием Японии и проповедовавших теории, так или иначе противоречившие концепциям «сферы сопроцветания», мог способствовать росту «подрывных действий» против Японии. К концу 1942 г. по крайней мере две партии, социалистическая и коммунистическая, находились в состоянии войны с японскими оккупантами, завтра это могло случиться и с другими политическими организациями. Поэтому японцы перестали играть в демократию и в конце года запретили все прежние политические партии. Вместо них была организована единая прояпонская политическая организация — Общество служения возрожденным Филиппинам (Калибапи), которая должна была объединить все национальные силы, все организации в области «культуры, идеологии, экономики для борьбы за возрождение Филиппин как составной части Великой Восточноазиатской сферы сопроцветания в сердечном сотрудничестве с военной администрацией Японии на Филиппинах». Во главе Калибапи был поставлен Варгас, его заместителем стал Акино, бывший министр в кабинете Кесона. Разговоры о независимости были оставлены, и инспирированные военным командованием японские общественные и военные деятели начали весьма откровенно запугивать филиппинцев. «Вы жаждете в качестве подарка от Японии независимости, — говорил по радио японский писатель Кимура, — тогда как вашей молодежи нужна скорее розга, чем независимость. Поэтому сначала Япония розгой пробудит в вас, молодых филиппинских бездельниках, расовое самосознание, а затем вы получите право думать о независимости». Такое выступление не было изолированным. Оккупанты были раздражены совершенно неожиданным для них размахом сопротивления, которое срывало возможности спокойно обирать страну, заставляло держать гарнизоны в маленьких городках и вело к

тому, что японские сборщики налогов и даже военные чины не рисковали появляться малыми группами вне городов на Лусоне и Минданао и даже в Маниле не смели в одиночку выйти ночью на улицу.

Политика «твердой руки», не поддержанная до конца 1943 г. позитивными шагами, не смогла остановить ни расширение сопротивления, ни постоянное сужение базы японцев на островах. Чтобы удержать на своей стороне хотя бы имущие слои населения и правых националистов, надо было обратиться к «прянику». Однако решение Совета министров Японии предоставить Филиппинам независимость, о чем еще осенью 1942 г. не было и речи, явилось запоздалым шагом, так как американцы проявили куда большую оперативность, чем их европейские союзники. В Вашингтоне было принято решение опередить японцев, а так как Кесон и Осменья жили в США, то сделать это можно было с достаточной долей политической элегантности: 13 августа 1943 г. Рузвельт заявил, что США рассматривают эмигрантское правительство Филиппин «как обладающее теми же правами, что и правительство любого иного суверенного государства». 6 сентября Рузвельт обратился к конгрессу с посланием, в котором предлагал провозгласить независимость Филиппин, как только позволят обстоятельства. Это послание, пройдя через палату представителей и сенат, стало Законом о независимости Филиппин 29 июня 1944 г.

Правда, формально японское правительство опередило американцев, и независимость Филиппин была провозглашена в Маниле 14 октября 1943 г. Президентом независимой республики в пределах «сферы сопроцветания» стал Хосе Лаурель. Однако ни к ослаблению антияпонской борьбы, ни к увеличению числа сторонников Японии это не привело: японцы могли сколько угодно твердить о своей освободительной миссии, однако всем было ясно, что они продолжают рассматривать Филиппины как стратегическую базу и источник снабжения. За два года оккупации они ограбили

страну, казнили и замучили десятки тысяч людей и возбудили против себя массовую ненависть.

За 1943 г. движение сопротивления усилилось настолько, что никакие японские карательные экспедиции не в силах были его подавить. Японцы все время находились в состоянии обороны. Хуки и другие партизаны проводили в освобожденных районах земельную реформу, конфискуя земли помещиков, сотрудничавших с японцами, а те помещики, что оставались в деревнях, должны были подчиняться воле народных комитетов, которые следили, чтобы арендная плата не была высокой.

К моменту высадки американцев на Филиппинах в стране существовало двоевластие: в Маниле сидело национальное правительство, окруженное японскими советниками и охраняемое японскими частями, тогда как на Центральном Лусоне господствовали хуки, борьбе с которыми японцы по мере роста опасности американского вторжения могли уделять все меньше внимания. На Минданао партизанские отряды также контролировали значительную часть острова, то же было на Сулу и в других районах страны. Даже Манила была буквально насыщена подпольными группами. Колебания все больше охватывали и тех, кто вместе с японцами правил страной. Одни из них искали связей с подпольщиками, другие — с американскими разведчиками.

Хуже всего было положение филиппинцев, которые вступили в организацию Макапили (Патриотическая лига Филиппин). Это была сравнительно небольшая военизированная организация (в лучшие времена ее численность не превышала 5 тыс.), состоявшая как из тех националистов, которые до конца продолжали верить в японцев, так и из представителей городских низов и крестьян, соблазненных формой и жалованьем. Макапили была официально создана 8 декабря 1944 г., в третью годовщину Перл-Харбора. Вооруженные отряды Макапили были включены в японскую армию и сражались на ее стороне после вы-

садки американцев. Членов Макапили всех без исключения зачислили в предатели родины, и в постановлении судов над ними, прошедших по стране после освобождения, говорилось безапелляционно: «Быть членом Макапили уже само по себе составляет акт открытой измены».

Итак, за исключением сравнительно небольших групп население Филиппин, измученное оккупацией, с нетерпением ждало освобождения.

Глава II

ПЕРЕЛОМ В ВОЙНЕ

С середины мая горные тропы, ведущие из Бирмы в Индию, превратились в непроходимые грязевые потоки. Дальше Калевы, снабжать которую можно было по реке, японцы не двинулись. Линии их коммуникаций были настолько растянуты, что вопрос о вторжении в Индию, на которое надеялся Гитлер и которого страшились англичане, японским командованием всерьез не рассматривался, хотя некоторые горячие головы пытались склонить Тодзио к наступлению, полагая, что в таком случае вся Индия поднимется против английского господства. Однако Япония и без того уже поглотила территории, во много раз превышающие ее площадью и населением. Японские войска были разбросаны на огромном пространстве — от границ с Советским Союзом до берегов Австралии. Вместе с тем экономические выгоды, которые японские стратеги рассчитывали извлечь из завоеваний, так и не были достигнуты. Одно дело подсчитать на бумаге, сколько тысяч тонн нефти даст захват промыслов Калимантана или Енанджауна, сколько риса можно вывезти из Бирмы и олова из Малайи, другое — реально получить эти богатства. Начать с того, что практически все месторож-

дения, заводы и плантации достались Японии в разоренном состоянии — в первые месяцы следовало думать об их восстановлении, а не об использовании. Когда же японцам удалось восстановить шахты и нефтепромыслы, перед ними встала не менее важная проблема, значение которой все увеличивалось с ходом войны, — проблема доставки. Переправить нефть, скажем, из Бирмы в Японию, означало преодолеть путь в несколько тысяч миль, и в любой момент можно было ожидать встречи с американской подводной лодкой или самолетом.

Существование империи, разбросанной на таких расстояниях, могло быть обеспечено лишь полным превосходством в воздухе и на море. Однако уже 7–8 мая 1942 г. японская эскадра, направленная для захвата Морсби на юго-востоке о-ва Новая Гвинея, столкнувшись с американским флотом в битве в Коралловом море, которая впервые в морской истории велась лишь самолетами с авианосцев, не смогла одержать победы. Японцы даже были вынуждены отложить десант в Морсби. Вслед за битвой в Коралловом море последовала операция по захвату атолла Мидуэй, для которой адмирал Ямамото, рассчитывая окончательно уничтожить американский флот, собрал соединение в составе 11 линкоров, шести авианосцев и сотен более мелких кораблей. Однако американцы заранее узнали о движении японских авианосцев и линкоров и, пойдя на значительный риск, стянули к Мидуэю все три имевшиеся в наличии авианосца, стаи подводных лодок, перебросили на аэродромы Мидуэя авиацию. Исход сражения был решен американскими самолетами, которые тремя волнами обрушились на японский флот. Две первые волны были практически уничтожены японскими истребителями и зенитной артиллерией; зато третьей, ударившей в то время, когда японские истребители были вынуждены опуститься на палубы для заправки, были потоплены четыре

авианосца и крейсер. Японскому флоту, лишившемуся в этой битве 4–6 июня 1942 г. своей ударной силы, пришлось отказаться от высадки на Мидуэе и повернуть обратно. С этого момента японская экспансия была остановлена. И если на американских верфях и в доках в течение 1942 г. быстро и эффективно возмещалось то, что было потеряно в Перл-Харборе, Яванском и Коралловом морях, и строились новые корабли, если экономика Британской империи — не только метрополии, но и Индии, Австралии, Канады — в ходе войны также могла компенсировать потери и постоянно увеличивать техническое оснащение армии и флота, то Япония так и не сумела возместить своих потерь на море. Хотя численность личного состава японского флота в течение 1942–1943 гг. увеличилась с 429 тыс. человек до 708 тыс., состав флота Японии по судам основных классов к 1943 г. уменьшился, а это означало, что с каждым днем все труднее будет охранять бесконечные пути, по которым ползли в Японию транспорты с рудой и танкеры с нефтью. В последние годы войны Япония, как и Германия, была вынуждена отказаться от строительства крупных кораблей и основное внимание уделяла созданию подводных лодок. В 1943 г. на Тихоокеанском театре в составе союзных флотов насчитывалось 19 авианосцев, а в японском флоте — только 10; на 18 союзных линкоров приходилось лишь девять японских. Почти вдвое меньше было и эсминцев и подводных лодок. Но главное, по боевым и техническим характеристикам японские корабли все больше уступали кораблям союзников — для технического прогресса в Японии не было возможностей.

Таким образом, уже к середине 1942 г. наступательный порыв Японии иссяк. Наступил этап сохранения достигнутого периметра и укрепления власти над завоеванными странами, превращения их в источники сырья для японской военной машины. Однако планы японского командования не

были известны властям Британской Индии. Английские войска, находившиеся на границе с Бирмой, были слабы, а те, что вырвались из Бирмы, — деморализованы и нуждались в отдыхе и переформировании. Подкреплений с Запада ждать не приходилось. В то же время внутриполитическая обстановка в Индии внушала британской администрации опасения, как бы в случае вторжения туда японцев население страны не поддержало их еще активнее, чем в Бирме.

Отказ правительства Великобритании рассматривать вопрос о предоставлении независимости Индии до окончания войны вызвал недовольство даже тех компрадорских кругов индийской буржуазии, которые были склонны поддерживать Англию. Однако прояпонские тенденции в стране были выражены относительно слабо, и создание в Таиланде Индийской национальной армии под руководством С. Ч. Боса ни о чем еще не говорило. Крупнейшая и влиятельнейшая партия Индии, Национальный конгресс, устами одного из своих лидеров, Джавахарлала Неру, таким образом определила отношение индийцев к войне: «Распространение войны на Советский Союз усилило симпатии индийских народов к прогрессивным силам, но не изменило нашего отношения к политике английского правительства в Индии, ибо она базируется на иных основах... Вступление Японии в войну сделало ее мировой войной, приближающейся к нашим границам... Наши симпатии непременно должны быть на стороне нефашистских государств. Помощь, которую мы можем оказать им в соответствии с нашими собственными принципами, была бы им оказана, если бы мы могли действовать как свободный народ».

Настроения в Индии в период войны в значительной степени определялись положением дел на фронтах. Падение Сингапура и неудачи в Бирме не только развенчивали тщательно взлелеянный колониальной пропагандой образ «всепобеждающего белого человека», но и наводили на невеселые размышления. Если Великобритания не смогла выполнить обязательств

по защите своих колоний в Юго-Восточной Азии, где гарантия того, что она сможет их выполнить в Индии? Неужели Индии суждена судьба Бирмы и Сингапура — вынести все горести войны чужих держав на собственной земле? Индийцы были неравнодушны и к судьбе своих соотечественников в Бирме и Малайе — сведения об их бедствиях докатились до Индии и вызвали там дополнительную волну возмущения. Наконец, не было секретом, что война в Юго-Восточной Азии ведется в основном ценой жизни индийцев, что многие части английской армии набраны в Индии, что именно индийцы составили большинство пленных в Сингапуре и убитых в Бирме.

Рост антианглийских настроений в Индии не мог не беспокоить Лондон. Пытаясь снизить их накал, колониальная администрация арестовала Ганди, Неру и других лидеров Национального конгресса, призвавшего в начале августа к борьбе за независимость «на основе принципа ненасилия». Это дало результат, противоположный желаемому. Начались волнения, которые быстро вышли за рамки ненасильственных действий. В результате в те дни, когда японские дивизии стояли на границе страны, большая часть войск, которые должны были охранять Индию, занималась карательными экспедициями. Фактически было прервано сообщение на железных дорогах, разрушены многие почтовые отделения, разгромлены полицейские участки. Однако выступления народных масс были разрозненными, политическая активность Конгресса упала, и, хотя в течение нескольких последующих месяцев продолжались крупные крестьянские волнения и стачки в городах, колониальной администрации удалось подавить выступления.

Планируя предстоящую кампанию, английское командование в Индии предполагало в течение лета 1942 г. укрепить свои силы и затем начать небольшого масштаба операции в Ассаме, с тем чтобы выйти вновь к верховьям Чиндуина у Калевы в сухой период, с декабря 1942 по май 1943 г. Однако в Лондоне думали иначе. Рассматривая сокрушитель-

ные поражения в Юго-Восточной Азии с точки зрения не столько военной, сколько политической, Черчилль и его правительство мечтали о крупной победе, которая могла бы восстановить репутацию английской армии. Британский премьер полагал, что, поскольку после поражения у Мидуэя японский флот уже не в состоянии вести активные действия в Индийском океане, у англичан появилась возможность массированным ударом из Индии в Аракан выйти к Рангуну и Моулмейну, отрезать японские войска от моря и затем совершить рейд к Бангкоку. Разумеется, добавлял Черчилль в послании к Уэйвеллу, эта операция (получившая название «Анаким») будет успешной лишь в том случае, если обстановка на советско-германском фронте и на Ближнем Востоке сложится благоприятно. Без энтузиазма согласившись с планом Черчилля, Уэйвелл информировал Лондон, что никакая операция крупного масштаба не будет успешной, если он не получит в свое распоряжение достаточной авиационной поддержки. В ином случае рывок к Рангуну окончится провалом, что не только не принесет успокоения в Индии, но и может иметь далеко идущие печальные последствия.

Подготовка к операции «Анаким» шла в сложной обстановке. В Северной Африке в июне 1942 г. итало-немецкие войска овладели Тобруком в Ливии и заставили англичан отступить в Египет. На советско-германском фронте гитлеровцам удалось в течение летних месяцев прорвать оборону советских войск на юге и продвинуться к Волге и на Северный Кавказ. Подготовка к операции «Анаким» замедлилась — было ясно, что необходимых сил и поддержки Уэйвелл получить не сможет. Тем не менее от операции не отказались, а лишь уменьшили ее масштабы, решив для начала овладеть портом Ситуэ (Акьяб), расположенным на побережье Аракана.

В первые же дни операции, начавшейся 21 сентября 1942 г., выяснилось, что она не была обеспечена даже на

предварительных этапах. В частности, не были подготовлены дороги, по которым войска должны были достичь границы с Бирмой. Невероятно, но даже в долине Читтагонга, где нет никаких препятствий к сооружению дороги, она кончалась в 15 км от границы; не менее невероятно, что отсутствие дороги оказалось полной неожиданностью для командира 14-й дивизии генерала Ллойда, перед которым была поставлена задача наступать на Акьяб. В результате почти месяц ушел только на то, чтобы проложить путь для повозок и легких машин к индийско-бирманской границе. В распоряжении японского командования в Аракане был лишь 213-й пехотный полк, да и тот без одного батальона. Тем не менее японцы, искусно маневрируя, так умело оборонялись, что 14-я дивизия в течение ноября смогла продвинуться лишь до середины намеченного пути. Одновременно японские самолеты как бы в ответ на английское наступление начали совершать налеты на Читтагонг и Калькутту. Повреждения городам были нанесены небольшие, но повторилась «рангунская история»: в течение нескольких дней в конце декабря почти полмиллиона перепуганных жителей покинули Калькутту, и вся жизнь в городе замерла. Лишь к концу 1942 г., когда японское командование в связи с ухудшением положения на Тихом океане было вынуждено взять из Бирмы большую часть самолетов, англичане получили преимущество в воздухе.

В течение первого месяца боев в Аракане генерал Йида наблюдал за ними без особого беспокойства, так как полагал, что английские войска не сделали должных выводов из уроков, полученных в Бирме, и продолжают придерживаться старой тактики, не учитывающей местных условий. Только по получении разведданных о том, что на помощь 14-й дивизии направляются все новые бригады, он приказал перебросить в Аракан через хребет Ракхайн-Йома по горным тропам 55-ю дивизию. Еще до ее прибытия, 9 января, командующий английской армией генерал Ирвин (по отзывам со-

временников, солдафон «старой закалки»*) прилетел в штаб 14-й дивизии и приказал Ллойду штурмовать японские позиции в лоб. Однако ни одна из многочисленных атак, несмотря на участие в них танков, прибывших из Индии, не увенчалась успехом. Что касается танков, то почти все они были уничтожены японцами, создавшими систему узлов сопротивления, в которых находились небольшие автономные группы солдат.

От операции, которая фактически стала мясорубкой для английских частей, никто не желал отказаться. Черчилль настаивал на ее продолжении из соображений политических. Последнее наступление на Акьяб было предпринято 18 марта 1943 г. и, как предыдущие, провалилось. Тем временем прибывшие в Аракан части японской 55-й дивизии начали теснить противника и уничтожать одну английскую бригаду за другой. 6 апреля была разбита 6-я бригада, на следующий день — 47-я. Когда же Ллойд отказался вести в безнадежный бой свои силы, Ирвин сместил его и временно сам принял командование, что не улучшило состояния дел. Наконец, уже перед самым началом муссона 1943 г. Ирвин был вынужден под давлением штаба в Дели назначить для контроля над операцией генерала Слима. Ознакомившись с положением дел и поняв, что, как только начнутся ливни, английские части, лишенные подкреплений и снабжения, будут окончательно истреблены японцами, Слим приказал отступать из Аракана. В докладе Ирвину он сообщал, что «войска были в боях уже много недель и настолько потрепаны, что нельзя надеяться с их помощью удержать что бы то ни было». Взбешенный Ирвин прислал Слиму телеграмму, в которой объявлял, что тот лишается командования и будет отдан под суд.

* Армия, отступившая из Бирмы, не могла простить Ирвину, назначенному встречать и размещать части, пришедшие из Калевы, презрительного обращения с измученными, ранеными и больными солдатами и офицерами. На требование генерала Слима перестать оскорблять солдат Ирвин серьезно ответил: «Я ваш начальник, поэтому никого оскорбить не могу».

Однако Слим не успел вернуться в штаб армии, как пришла другая телеграмма, сообщавшая, что генерал Ирвин снят с должности. Эпоха генералов «старой школы» подошла к концу.

Санкции, последовавшие за провалом операции «Анаким», явились ее единственным положительным итогом. Естественный процесс устранения командиров, не соответствовавших новым условиям, был ускорен тем, что «Анакиму» придавалось большое политическое значение. Перемены в командовании прошли на всех уровнях. Дошла очередь и до Уэйвелла, с именем которого были связаны поражения первых месяцев войны, падение Сингапура и Бирмы. И хотя Черчилль высоко ставил способности Уэйвелла и поддерживал его в трудные минуты, было ясно, что его нельзя оставлять дольше на посту командующего фронтом. Оставалось подыскать для Уэйвелла почетную должность, на которой он не мог бы оказывать влияния на судьбы войны. В октябре 1943 г. истекал срок правления очередного вице-короля Индии. Уже в июне было объявлено, что Уэйвелл получает титул виконта и с октября займет пост вице-короля в звании фельдмаршала.

В дни, когда союзные правительства и штабы, обеспокоенные провалом операции «Анаким», решали вопрос о дальнейшем направлении действий на Бирманском театре войны, на авансцену этого театра выдвинулись две фигуры авантюристического плана, обещавшие (каждый по-своему) быструю и решительную победу: англичанин Уингейт и американец Ченно.

Генерал Ченно, возглавлявший в Чунцине отряд американских летчиков-добровольцев, пользовался добрым расположением Чан Кайши и его супруги (которая зачастую решала политику страны), так как постоянно утверждал, что может обеспечить победу гоминьдановскому Китаю в войне с Японией с помощью одной только авиации. Для проведения в жизнь своей стратегической концепции Ченно требовал поставки ему 500 американских самолетов с экипажами и соответственного

количества грузов, доставлять которые после закрытия Бирманской дороги можно было лишь самолетами через «горб» — из г. Ледо в Ассаме, до которого вела узкоколейка, в Чунцин и Куньмин. Маршрут пролегал над отрогами Гималаев в сложных метеоусловиях, за самолетами охотились японские истребители из Мьичины. В итоге за три года поставок в Китай транспортная авиация США потеряла 468 машин, в среднем по 13 в месяц, и мало кому из состава экипажей удалось спастись. Что касается грузов, то в первой половине 1943 г. таким образом удалось перебросить чуть более 100 т. На каждый литр бензина, доставленного в Чунцин, американские самолеты сжигали не меньше литра. Тем не менее американцы, поддаваясь напору Чан Кайши, который заявлял, что без воздушного моста он будет вынужден заключить сепаратный мир с японцами, продолжали использовать этот способ снабжения.

Американское командование предпочло бы открыть наземный путь через Северную Бирму, но для этого ее следовало отвоевать. Чан Кайши, будучи заинтересован в снабжении, в то же время не хотел рисковать своими армиями; тем более не хотели опасной войны его генералы. В декларациях и письмах Чан Кайши изъявлял готовность в любой момент начать боевые действия в Бирме и даже выделил для этого 30 дивизий. На деле, однако, ничего предпринято не было. К тому же Чан Кайши не выносил Стилуэлла, который был ярым сторонником и автором плана наступления китайских войск в Бирме. Впрочем, неприязнь была взаимной. Стилуэлл записывал в своем дневнике: «Соединенные Штаты влезли в дружбу с бандой фашистов под командованием тоталитарного правительства, схожего в основных чертах с нашим немецким врагом»*.

* Впоследствии этот генерал, старавшийся всегда честно выполнять свой долг, начнет ратовать за союз с коммунистами, которых он считал единственной непродажной силой в Китае. Это ускорит его падение. Уже после смерти Стилуэлла в США будут обсуждать, не агент ли он «мирового коммунизма», а генерал Ченно, ненавидевший даже мертвого Стилуэлла, засвидетельствует, что тот «намеревался с помощью коммунистов завоевать Китай».

18 октября 1942 г. Стилуэлл прилетел в Дели с планом вторжения в Бирму крупными китайскими силами, однако поддержки у англичан не нашел. Те понимали, что вступление китайских войск в Бирму в дни, когда память о позорном бегстве англичан еще не изгладилась, может означать потерю страны для Британской империи. К тому же претензии Китая на Северную Бирму будут подкреплены китайской оккупацией этих районов. Да и стратегической необходимости в начале большой кампании по возвращению Бирмы англичане не видели — для них куда важнее были другие фронты. Иное дело — операции типа проводившейся в это время «Анаким», направленные на отвоевание стратегически важных районов страны, к тому же значительно удаленных от зоны действия китайских войск.

Поскольку высказать все эти соображения вслух было нельзя, Уэйвелл внимательно изучил план Стилуэлла и обратился за разъяснениями к Объединенному комитету начальников штабов в Вашингтоне. Американцы поддержали Стилуэлла, и Объединенный комитет согласился в принципе на такую операцию при условии (надо было как-то подсластить пилюлю для англичан), что общее оперативное командование на этом театре останется за Уэйвеллом. На следующем совещании договорились о том, что снабжение операции берут на себя американцы, которые основывают главную базу снабжения в Ледо. Они же обеспечивают воздушную поддержку. Оставались детали: проложить за зиму дорогу от Ледо к границе и выполнить еще одно условие, которое поставил Чан Кайши — обеспечить поддержку союзного флота, который лишил бы японцев возможности подвозить подкрепления в Рангун.

Зимой тон английских генералов начал меняться. Сначала Уэйвелл сообщил, что дорогу кончить в срок не удастся, нельзя и организовать базу в Ледо из-за плохих транспортных условий. Когда Стилуэлл попытался обойти эти

трудности, в дело вступил адмирал Соммервилл, командующий союзным флотом в Индийском океане. Он сообщил, что имеющимися силами поддержку с моря не обеспечить, а подкреплений ему не обещают. Наконец, еще один удар нанес Уэйвелл, который заявил в конце декабря, что, если китайские войска встретят серьезное сопротивление японцев в Верхней Бирме, английские войска поддержки им оказать не смогут.

Получив все эти сообщения, Чан Кайши, очевидно, вздохнул с облегчением. 28 декабря он телеграфировал Рузвельту и Черчиллю, что отсутствие морской и сухопутной поддержки англичан сделает наступление китайских дивизий невозможным. Уэйвелл также с облегчением отметил: «Стилуэлл не сумел объяснить толком генералиссимусу (Чан Кайши. — **И. М.**) состояние дел на море, а тот теперь старается воспользоваться этой возможностью, чтобы свалить на нас вину за трудности, которые он только сейчас начинает осознавать». 16 января 1943 г. Чан Кайши информировал Рузвельта, что отказывается от наступления. Стилуэлл был краток: «Англичане, — записал он в своем дневнике, — не хотят, чтобы китайские войска участвовали в освобождении Бирмы».

После провала планов вторжения в Бирму перед Чан Кайши встали две главные задачи: как увеличить американские поставки и избавиться от неприятного Стилуэлла. Решение обеих задач он видел в замене Стилуэлла на Ченно, который больше его устраивал и который в отличие от Стилуэлла, обратившего с зимы 1943 г. основное внимание на устройство в Индии учебных лагерей для китайских дивизий, отступивших туда из Бирмы, предлагал простой и соблазнительный план помощи Китаю: если ему дадут самолеты, заявлял Ченно, он уничтожит японское судоходство в Южно-Китайском море и разгромит наземные японские силы. Шумная кампания, которую развязали Ченно и его сторонники в Вашингтоне и Чунцине, оказала влияние и на Рузвельта, крайне разочаро-

ванного результатами «Анакима». Опасаясь выхода Китая из войны, президент США был склонен любой ценой обласкать Чан Кайши, так как полагал, что он — единственный лидер в Китае, который сможет обеспечить стабильность дружественного к США режима после войны. Ради этой перспективы стоило пожертвовать Стилуэллом с его планами и несдержанным языком. Однако на стороне Стилуэлла находился американский Генеральный штаб, который состоял из профессиональных военных, понимавших, что кинуть тысячи транспортных самолетов через «горб» — значит потерять половину их в первые же месяцы и при этом никакой пользы войне в целом не принести. К тому же ни для кого в американском военном руководстве не было секретом, что подчиненные Ченно не столько воюют, сколько спекулируют в Китае и активно участвуют в разбазаривании помощи, поступающей по ленд-лизу. Позднее, в 1944 г., комиссия, прибывшая из США, открыла против пилотов Ченно около 300 дел на общую сумму 4 млн долл. Наиболее скандальный оборот приняло дело о публичном доме, организованном при отряде Ченно. Девушек, скупленных в Индии и по китайским городам, свозили туда на военных самолетах, причем этот публичный дом был и одним из крупнейших центров контрабанды. В ходе расследования, которым по долгу службы пришлось заниматься Стилуэллу, выяснилось, что Ченно не только обо всем знал, но и сам был замешан в этих махинациях. Дело замяли, так как сочли наносящим урон престижу американской армии, китайские же власти отнеслись ко всему этому спокойно — коррупция была основным занятием чунцинских бонз. Впоследствии Ченно, уподобившись китайским генералам, считавшим главной задачей сохранение в неприкосновенности своих маленьких царств — источников богатства и спокойствия, стал энергично препятствовать использованию его самолетов в бирманской кампании. Его нежелание воевать привело в 1945 г.

к тому, что у него отняли командование американской авиацией в Китае, однако для «среднего» американца он остался одним из героев войны.

В дни, когда в Аракане еще продолжалась операция «Анаким», английское командование предприняло отвлекающий маневр в Северной Бирме. Человек, руководивший этим маневром, во многом напоминал Ченно. Однако если между Ченно и американским командованием всегда было состояние скрытой войны и поддерживали его только политики — Чан Кайши, Рузвельт и Гопкинс, то на стороне Уингейта были поначалу и Уэйвелл, и некоторые другие британские военачальники.

Подполковник (впоследствии генерал-майор) Уингейт считался специалистом по партизанским действиям в тылу противника. Известность как таковую он получил в Палестине в 30-е годы. Прибыв в Индию, Уингейт организовал там отряд «чиндитов» (от слова «чинте» — бирманский мифический лев), задачей которого были действия в тылу противника. Генерал Слим и другие командиры отнеслись к планам Уингейта положительно. В июле 1942 г. была создана и начала обучение 77-я индийская бригада в составе английского и индийского батальонов с приданным каждому из них взводом бирманских горцев, которые должны были служить проводниками.

Первая большая операция под руководством Уингейта состоялась в феврале 1943 г., когда его бригада общей численностью 2300 человек двумя колоннами проникла в Бирму с целью взорвать железную дорогу в тылу у японцев. За два месяца, проведенные в стране, чиндитам удалось пройти за Чиндуин, а некоторым группам — к Иравади в районе г. Ката, взорвав в двух местах полотно железной дороги. Японцы, полагая, что имеют дело с небольшими группами разведчиков, поначалу не обращали особого внимания на появление диверсантов в их тылу. Однако постепенно они

поняли, что это — армейская операция, снабжение которой происходит по воздуху. После этого они предприняли ряд карательных акций против чиндитов, которым с трудом удалось вырваться обратно в Индию. Батальоны Уингейта потеряли 800 человек убитыми и пленными и никакого ущерба японцам, кроме взрывов на железной дороге, не нанесли — большая часть времени ушла на блуждания по лесам и ожидание, когда с самолетов будет сброшен очередной груз. Однако пропагандистский эффект этого похода, особенно в свете провала наступления в Аракане, был велик. Встреченный в Индии как герой, Уингейт начал ратовать за создание нескольких таких бригад, заявляя, что с их помощью он отвоюет Бирму. Конечно, опытные военачальники понимали, что дешевый и легкий путь к победе, который предлагает Уингейт, — это фикция. Но Уингейт был нужен политикам, и потому его активно поддержали в Лондоне. В США также раздавались голоса о создании отрядов чиндитов и посылке добровольцев к Уингейту. Стилуэлл был резко против участия в этой авантюре, но должен был уступить из политических соображений. Свое мнение об Уингейте он выразил следующим образом: «После неоднократных попыток заполучить сюда хоть сколько-нибудь американских войск мы их, наверное, получим, но только для того, чтобы они воевали под началом Уингейта! Он... попался японцам на восточном берегу Иравади и выбрался с потерей 40% личного состава. И стал теперь экспертом. Этого достаточно, чтобы и самого Христа разочаровать в человечестве».

Одним из побочных результатов набега Уингейта было то, что японцы из допросов многочисленных пленных чиндитов наконец-то смогли составить представление о положении дел в Восточной Индии и состоянии подготовки английских войск к войне. Они поняли, что имеют еще по крайней мере полгода спокойной жизни. В то же время, опасаясь повторения подобных набегов, они решили несколько изменить тактику и перейти от пассивной обороны к упреждающим ударам, с тем

чтобы в следующем сухом сезоне разгромить английские базы в Ассаме, о расположении которых они получили исчерпывающие сведения от чиндитов. Другим побочным результатом набега стало осознание обеими враждующими сторонами факта изменения общественного мнения в Бирме. Обнаружилось, что не только горцы, но и бирманцы охотно дают приют чиндитам и ждут прихода англичан, считая их меньшим злом. Таким образом, даже неполный год оккупации показал бирманцам все блага жизни в «сфере сопроцветания».

Провал араканской операции вызвал резкое недовольство в Лондоне прежде всего потому, что осложнил положение Великобритании на переговорах с американскими союзниками, так как опроверг оптимистические заверения об улучшении подготовки и вооружения английской армии в Индии и о ее будущих успехах. Черчилль назвал араканский провал одним из наиболее разочаровывающих и позорных поражений войны. Оправдывая поражение недостатком вооружения и боевых сил, низким качеством подготовки войск, неумением рекрутов воевать в джунглях и т. д., руководители английской армии в Индии выдвинули аргумент, имевший политический характер, с помощью которого они рассчитывали серьезно напугать правительство. В докладе генерала Хартли (его поддержал и министр по делам Индии Эмери) указывалось, что с расширением индийской армии пришлось отойти от старого и проверенного принципа комплектования индийских частей из представителей тех народностей, где военная служба является наследственным занятием мужчин, и обратиться к слоям населения и национальным группам, которые таких традиций не имеют. В результате этого и ввиду нехватки английских командных кадров индийская армия превратилась во «второсортную армию», а после араканских поражений ее моральный уровень опасно снизился, в ее среде царит разочарование, и потому она потенциально подвержена влиянию Индийского национального конгресса и пропаганде

антианглийских агентов. Эмери и Хартли подчеркивали, правда, что тревожных признаков в армии еще нет, но это не означает, что индийская армия останется надежной и далее, особенно технические части сухопутных сил, а также авиация и флот, так как туда приходится привлекать образованных индийцев. Именно в летных и морских частях, отмечали они, можно ожидать политических выступлений.

Дополнительным основанием для тревоги были сообщения, что японское командование с некоторым опозданием, но весьма активно начало подготовку антианглийских индийских групп в Таиланде и Малайе, вербуя в Индийскую национальную армию военнопленных и индийцев, оставшихся на оккупированных территориях. В ходе этой подготовки японцы пришли к выводу, что им требуется популярный лидер, который мог бы стать во главе движения. Таким лидером был Субхас Чандра Бос, в прошлом видный деятель Национального конгресса, полагавший возможным опереться на державы Оси ради достижения свободы Индии. В то время он находился в Берлине, где организовал Индийский легион, который Гитлер надеялся использовать при вторжении в Индию через Советский Союз. Однако к 1943 г. надежд на такое вторжение не оставалось, и Гитлер согласился уступить Боса японцам.

1 июля 1943 г. Бос уже был в Сингапуре, где возглавил Временное правительство свободной Индии. Бос настаивал, чтобы вторжение в Индию началось как можно скорее и чтобы его армия в этом вторжении играла решающую роль. Однако, соглашаясь принять поддержку Боса, японское командование не намеревалось доверять столь важную операцию ненадежным и плохо подготовленным союзникам.

Инициатива вторжения в Индию исходила от нового командующего 15-й японской армией — генерала Мутагучи. Являясь до 1943 г. командиром 18-й дивизии, которая базировалась в Западной Бирме, т. е. в зоне действия отрядов Уингейта, Мутагучи учитывал опыт английских рейдов. Счи-

тая, что лишь наступление может сорвать планы англичан, японский командующий предлагал оккупировать рисопроизводящие долины Ассама, разрушить английские базы, разорвать воздушный мост между Индией и Китаем и вызвать в Индии восстание против английского господства. Мутагучи был убежден, что победа в Индии сможет компенсировать неудачи на Тихом океане. Однако планы генерала натолкнулись на возражения офицеров его собственного штаба, не говоря уже о других японских командующих в регионе. Перевеса в технике, который японская армия имела в начале войны, уже не существовало, и, по мнению большинства японских генералов, молниеносные кампании 1942 г. стали невозможны.

После долгих дебатов и совещаний, военных игр и просьб о подкреплениях Токио дал согласие на проведение операции в ограниченных масштабах. Основной целью согласованной к концу лета операции «У-Го» было наступление на Импхал, с тем чтобы разрушить и захватить базы в Импхале и Кохиме и остановиться на линии западнее этих городов.

Опасения японцев, приведшие к ускорению подготовки наступления на Импхал, были вызваны переоценкой серьезности намерений западных союзников. Японское командование не знало, что их враги увязли в разногласиях по поводу того, как и куда наступать в Юго-Восточной Азии. Эти разногласия объяснялись тем, что страны Юго-Восточной Азии (за исключением Филиппин) находились вне зоны американского влияния и изгнание из них японцев не представлялось американцам первоочередной задачей. Бирманский же театр войны имел для них смысл лишь постольку, поскольку через него шло снабжение Китая. Следовательно, с точки зрения американского командования, все операции в Бирме должны были вестись именно в северной части страны. Противоположного мнения придерживались Черчилль и влиятельные силы в англий-

ском командовании. Несмотря на провал операции «Анаким», основным направлением наступления они считали южное — если не на Акьяб, то на Северную Суматру, захват которой открывал путь к Сингапуру.

В свете всего изложенного появление Уингейта на конференции союзников в Квебеке, открывшейся 14 августа 1943 г., можно считать инспирированным англичанами, которые рассчитывали отделаться от американской настойчивости «малой кровью». Уингейт, оказавшись в Квебеке, начал доказывать, что он сможет освободить Северную Бирму и обеспечить открытие сухопутного пути из Индии в Китай — если, разумеется, его отряды усилят и обеспечат воздушной поддержкой. Уингейт американцам понравился — они увидели в нем единственного человека в английском стане, который был согласен отвоевать путь в Китай. Решено было перебросить на помощь Уингейту американских добровольцев. К тому времени в тренировочном лагере в Северной Индии находились около 3000 человек, которые именовались «5307 временный соединенный отряд». Состав отряда был весьма случайный. В него попали и ветераны боев в джунглях, прошедшие Филиппины и Новую Гвинею, а также новички в военном деле, стремившиеся к авантюрам. Репутация у этого отряда была сомнительной, однако Стилуэлл связывал с ними свои надежды в овладении Северной Бирмой и потому был возмущен, когда отряд был передан в оперативное подчинение Уингейту. После отчаянных интриг и подковерных боев Стилуэлл выцарапал добровольцев. Их командиром был поставлен друг и ученик Стилуэлла бригадный генерал Френк Меррил и отряд получил куда более звучное название — бригада «Галахад». Под этим названием, следует признать, его никто не знал и не знает. Дело в том, что еще до переброски этой бригады в Бирму там побывал американский журналист и в своем очерке назвал их мародерами Меррила. Это название приклеилось к бригаде и сами добровольцы так себя называли.

Решение в Квебеке было компромиссом. В нем предусматривались операция на Северной Суматре весной 1944 г., наступление в Северной Бирме в ноябре 1944 г., а также операция в Южной Бирме и Малайе без указания срока. Кроме того, на конференции было принято решение о создании отдельного командования Юго-Восточной Азии, во главе которого был поставлен вице-адмирал лорд Маунтбеттен.

Как уже отмечалось, после битвы у атолла Мидуэй Япония перешла к обороне. Принятая перед войной стратегическая концепция японцев, предусматривавшая создание грандиозного оборонительного периметра, могла иметь смысл при условии, если бы война в Китае кончилась победой Японии, а успехи Германии были таковы, что союзники не могли бы уделять достаточного внимания Японской империи. Однако к середине 1943 г. ход войны в Европе изменился не в пользу держав Оси. Немецкие армии, потерпевшие поражение под Сталинградом, а затем на Курской дуге, начали откатываться на запад. К октябрю 1943 г. советские войска уже вернули Донбасс, освободили Харьков, Смоленск, подошли к Киеву. Средиземное море полностью перешло в руки союзников, Италия должна была вот-вот выйти из войны, и было ясно, что окончательный разгром Третьего рейха — дело времени.

Каждый месяц, каждый день войны увеличивали разрыв в экономических и военных возможностях союзников и Японии. То, что не было совершено японской армией и флотом в первые дни войны, уже не могло быть достигнуто в 1943 г., и дальнейшее сопротивление лишь оттягивало окончательное поражение Японии и вело к громадным жертвам и потерям.

С того момента, когда американские войска начали высаживаться на Соломоновых островах, на Новой Гвинее и постепенно — атолл за атоллом, остров за островом — уничтожать отчаянно сопротивлявшиеся японские гарнизоны, ход войны стал односторонним, как бы ни стремились японские

генералы и адмиралы одной, последней битвой решить исход войны в свою пользу. Они могли предполагать, где последует новый удар американцев, но не имели сил защитить все подвергающиеся опасности острова и атоллы. Попытки укрепить их, перебросить войска в наиболее опасные места чаще всего проваливались, так как, располагая все растущим превосходством на море и в воздухе, американцы уничтожали японские конвои до того, как они добирались до места назначения.

Не в силах обеспечить снабжение гарнизонов Соломоновых островов, японцы решили бросить их на произвол судьбы. Имперский штаб в середине августа прекратил посылку подкреплений на острова, приказав их гарнизонам сражаться до последнего солдата. В то время как американские войска генерала Холси буквально выкуривали эти гарнизоны, на Новой Гвинее Макартур, пользуясь подавляющим превосходством в воздухе и на море, смог после долгих, ожесточенных боев преодолеть японские опорные зоны и приготовиться к высадке на о-ве Новая Британия. Движение к северу от острова к острову продолжалось, набирая силу, всю вторую половину 1943 г., но результаты были куда более скромными, чем рассчитывали американцы. Высадки на островах производились ими лишь в тех случаях, когда превосходство в технике и числе войск было подавляющим, причем американцы предпочитали действовать наверняка, уничтожая японские гарнизоны авиацией, артиллерией и танками.

Чем хуже становилось положение на фронтах, тем с большим упорством командования Японии и Германии разрабатывали планы, главная слабость которых заключалась именно в надежде разрешить свои проблемы одним ударом. Оба Генеральных штаба все более теряли связь с реальностью, полагая, что решающее сражение или чудодейственное оружие изменит течение войны. В частности, японские стратеги в отчаянных попытках переломить ход войны пришли к

выводу, что первостепенное внимание должно быть уделено производству самолетов. Память о победах при Перл-Харборе и у берегов Малакки вселяла надежду на то, что и в будущем с помощью авиации можно будет ликвидировать преимущество союзников на путях сообщения. Однако производство самолетов само по себе ничего не решало. Японский истребитель «зеро», хорошо зарекомендовавший себя в первый период войны, к ее середине уже устарел, и в индивидуальном бою американские самолеты были гораздо сильнее. К тому же острый недостаток в пилотах и механиках становился все более угрожающим. К 1944 г. японские летчики садились в самолеты, налетав лишь несколько часов в воздухе, тогда как американцы могли готовить пилотов профессионально.

Увеличивая производство истребителей за счет других важных отраслей военной техники, японцы оказались в обманчивом плену больших чисел. Несмотря на то что данные по производству самолетов, приводимые в различных источниках, не совпадают (что, видимо, связано с разрывом между планами и их выполнением), очевидно, что число истребителей в Японии росло быстрее, чем других средств вооружения. Если в 1942 г. было произведено 10 тыс. машин, то в 1943 г. — вдвое больше, а в 1944 г. — 26,5 тыс. В то же время производство танков, для которых требовался дефицитный броневой лист, все время падало. В 1942 г. их было произведено более 1 тыс., в 1943 г. — 770, в 1944 г. — лишь 352. Производство орудий достигло максимума в 1943 г. — почти 6 тыс. стволов и уже в 1944 г. упало до 4,5 тыс. стволов.

Магическая надежда на самолеты вызвала к жизни отчаянные бои между флотом и армией. Обе враждующие партии были уверены, что победа будет добыта в первую очередь в воздухе. На 1944 г. было запланировано изготовить 45 тыс. самолетов и поделить их поровну между армией и флотом. На пороге года флот потребовал, чтобы ему было передано не 22 тыс., а 26 тыс., обещая с помощью такого количества

машин разгромить американцев и спасти погибающие гарнизоны далеких островов. После долгих споров японские генералы решили увеличить производство истребителей до 50 тыс. и таким образом удовлетворить обе стороны. Однако они делили то, что существовало лишь на бумаге, — несмотря на строжайшую экономию и отказ от производства многих товаров гражданского назначения, планы не выполнялись и не могли быть выполнены.

Важным фактором, который с каждым днем играл все большую роль, оказалась неспособность доставлять награбленное сырье к месту обработки. Нефть должна была доставляться из Бирмы и Индонезии, цветные металлы и каучук — из Малайи и Бирмы, продовольствие — из различных уголков империи. Поскольку в первые месяцы войны обстановка складывалась благоприятно для Японии, никаких мер по охране торгового судоходства не было принято. Имея превосходство в линейных кораблях и в авианосцах, японцы уже с первых дней войны отставали от американцев в развитии подводного флота. В последующие годы это отставание стало катастрофическим, когда же исчезло превосходство в надводных кораблях и в авиации, обнаружилось, что японский торговый флот, с помощью которого в первые месяцы войны в Японию хлынул поток сырья и материалов из Юго-Восточной Азии, стал беспомощной жертвой американского рейдерства.

Японские транспорты долгие месяцы пробирались в одиночку по проливам и внутренним морям Юго-Восточной Азии, мимо берегов Китая. Их владельцы были убеждены, что одному судну легче добраться до Японии, и потому первые попытки собрать пароходы в конвои проваливались. Только через полгода после начала войны, когда потери от американских подводных лодок стали угрожающе расти, был создан 1-й конвойный флот с базой на Тайване. Однако это ничего не могло изменить, так как флот состоял из нескольких старых канонерок и восьми эсминцев, а экипажи были

набраны из резерва. Не имели возможности бороться с намного превосходящими силами противника и 16 эсминцев и несколько небольших кораблей 2-го конвойного флота, созданного в марте 1943 г. В результате в сентябре 1943 г. были потоплены транспорты общим водоизмещением 172 тыс. т. Меры, принимавшиеся японским командованием, все время отставали от требований реальности. В частности, создание в ноябре 1943 г. Верховного командования конвоями и передача ему четырех авианосцев (все поврежденные и требовавшие ремонта) и нескольких десятков самолетов, пилоты которых не имели никакого опыта борьбы с подводными лодками, не изменили картины — в ноябре потери торгового флота поднялись до 266 тыс. т. Лишь в марте 1944 г., когда потери уже были невосполнимы, было принято решение об обязательном движении торговых транспортов в конвоях числом не менее 20 судов в каждом. Эффект сказался немедленно. В течение последующих двух месяцев потери японского торгового флота были незначительны. Но радость в Токио по поводу этого была кратковременной: уже весной американцы ввели новую систему охоты на японские конвои, против которой японцы так и не смогли найти противоядия, — начали сводить подводные лодки в «волчьи стаи».

Таким образом, японская колониальная империя, фактически отрезанная от метрополии, оказалась грандиозной фикцией. То, что она могла дать, до страны (а тем более до гражданского населения) не доходило; при этом покоренные страны Юго-Восточной Азии также были лишены возможностей товарообмена и в значительной степени перешли к натуральному хозяйству. Тот факт, что большая часть награбленного Японии не достигала, не означал, что вывозилось и отбиралось меньше, чем при нормальном функционировании морского транспорта. Напротив, потери в пути старались компенсировать усиленным изыманием сырья.

Экономическое положение самой Японии становилось все хуже, жизненный уровень населения — все ниже. Про-

изводство риса к 1945 г. упало почти вдвое по сравнению с началом войны, и дневной паек рабочего в военных отраслях производства снизился с 600 до 300, а в гражданских — до 200 г. При такой норме производительность труда поддерживать было нелегко. Поэтому в течение всей войны шел процесс милитаризации гражданской жизни — создавались военизированные организации рабочих и крестьян типа «гражданского добровольческого корпуса», «крестьянского трудового корпуса» и т. д. Однако и полная милитаризация экономики не обеспечивала необходимого увеличения военного производства. К тому же никакие меры по усилению контроля над умами и ликвидации любого инакомыслия не могли поднять моральный дух населения и подавить пораженческие настроения. Понимая все это, японское командование не переставало думать о решающем сражении, искать «последний барьер», дальше которого отступление продолжаться не будет. Наиболее настойчиво отстаивало эту идею руководство японского флота. Поэтому неудивительно, что новый командующий японским флотом адмирал Тойода (оба предыдущих, адмирал Ямамото и адмирал Кога, погибли в течение нескольких месяцев при одинаковых обстоятельствах — самолеты, на которых они летели, были сбиты американскими истребителями) сразу же по вступлении в должность принялся разрабатывать планы такого сражения.

Ареной решающей битвы было суждено стать водам у Марианских островов. К началу 1944 г. стало ясно, что основной удар американцев будет направлен против большого острова Сайпан, полученного Японией под опеку после Первой мировой войны как бывшее германское владение, освоенного и заселенного японцами и имевшего решающее стратегическое значение — с его аэродромов американские бомбардировщики дальнего действия могли беспрепятственно наносить удары по самой Японии. Сайпан защищали чуть более 30 тыс. солдат, тогда как на 535 американских кораблях, приблизившихся к нему, было 128 тыс. десантни-

ков. 7 июня на судах было объявлено, что открылся второй фронт в Европе — началась высадка в Нормандии. Как только голоса репродукторов разнесли эту новость, наступила тишина — десантники думали и о товарищах, сражающихся на пляжах Нормандии, и о том, что ждет их самих.

11 июня американской авиации удалось застать врасплох японские самолеты на аэродромах и сжечь более 100 из них, вскоре семь американских линкоров начали обстреливать с близкого расстояния город и укрепления японских войск. Однако урон для защитников острова был сравнительно невелик, так как большая часть их укрывалась в пещерах, которыми были пронизаны холмы острова. На кораблях десанта в это время проходили беседы о том, что ждет моряков и солдат на Сайпане. Выслушав речь врача о том, что кроме врага американцев там поджидают при посадке акулы, барракуды и морские змеи, а на самом острове — проказа, тиф, дизентерия, змеи и т.д., кто-то из слушателей заметил: «Может быть, оставим этот остров японцам, пускай мучаются?»

Несмотря на непрерывную бомбардировку, американцам не удалось подавить все огневые точки японцев, и волны десанта при поддержке танков-амфибий с большими потерями продвигались в глубь острова. Адмирал Нагумо, находившийся в тот момент на Сайпане, обратил внимание, что из семи американских линкоров, обстреливавших остров, четыре были потоплены в 1941 г. в Перл-Харборе. Это грустное открытие было лишним свидетельством того, что к 1944 г. успехи Перл-Харбора были практически сведены к нулю.

В последующие дни защитники острова постепенно отступали в горы под натиском американцев, прижимавших японцев, среди которых было несколько тысяч гражданских лиц, к высоким, нависшим над морем скалам. Стало очевидно, что дальнейшее сопротивление приведет к бессмысленной гибели многих тысяч людей. Однако из Токио пришла радиограмма следующего содержания: «Так как судьба

Японской империи зависит от ваших боев, пусть солдаты и офицеры проникнутся духом сражаться до конца. Уничтожайте врага беспощадно и отважно и соответствуйте надеждам нашего императора». Командование японских войск на Сайпане ответило, что, пока не погибнет последний защитник острова, гарнизон не сдастся.

В эти дни японский флот готовился по приказу своего командующего атаковать американцев всеми имеющимися силами. Командование флота полагало, что в битве у Марианских островов оно может рассчитывать на 500 своих самолетов и на 500 машин, расположенных на Марианских и соседних островах. Однако этот расчет был ошибочен: на островах самолетов было уже гораздо меньше.

Утром 19 июня более 200 самолетов двумя волнами поднялись с палуб японских авианосцев. В этот момент японский флагман был атакован американской подводной лодкой. Первую торпеду перехватил японский самолет, который успел спикировать в воду и принять удар на себя. Вторая торпеда повредила авианосец. Но и эта неудача не снизила восторженного нетерпения, царившего на борту, — ждали победоносного возвращения самолетов. Прошло два часа. Нетерпение все росло.

Американский радар засек приближение японских самолетов за сотню километров до цели. Навстречу им поднялись американские истребители, и из всех самолетов первой волны лишь один смог проникнуть сквозь завесу американских истребителей и сбросить бомбу на «Южную Дакоту». Новые и новые волны японских самолетов, которые поднимались с авианосцев и береговых аэродромов, ждала та же участь. К концу дня выяснилось, что японцам не удалось потопить ни одного американского военного корабля, зато сами они потеряли 346 самолетов, в то время как американцы — всего 15. Кроме того, американская подводная лодка потопила авианосец «Секаку», а флагманский авианосец «Тайхо», поврежденный торпедой, взорвался от скопивших-

ся внутри газов. На следующее утро погиб японский авианосец «Хийо» и было продолжено истребление японских самолетов, старавшихся защитить остатки своего флота. Всего за два дня битвы японцы потеряли 475 самолетов.

Поражение японского флота в Филиппинском море подписало смертный приговор защитникам Сайпана. Их последняя атака, отчаянная и бессмысленная, привела лишь к тому, что почти все японцы, которые еще могли держать оружие, погибли, бросаясь на американские пулеметы. Приказ не сдаваться живьем выполнялся на Сайпане буквально. Раненым в госпиталях выдавались гранаты, чтобы они взрывали себя, как только американцы войдут в пещеру. Тысячи мирных жителей, в основном женщины и дети, кончили жизнь самоубийством, бросаясь со скал в море. Командиры японских войск в последний день боя сделали себе харакири. Еще в течение нескольких недель американцы выкуривали последних защитников из ям и пещер. В общей сложности в битве за Сайпан погибли практически все 30 тыс. солдат и матросов, его защищавших, и более 20 тыс. мирных жителей. Потери американцев составили около 7 тыс. человек.

Поражение ударило в первую очередь по репутации самого непреклонного из милитаристов — премьер-министра Тодзио. В эти дни один за другим организовывались и проваливались попытки покушения на него — многим в Японии хотелось найти козла отпущения, на которого теперь сваливали все ошибки. На стенах домов появлялись надписи: «Убьем Тодзио!» Тодзио называли «унтером». Быстро тускнел ореол диктатора. К тому же в Генеральном штабе и военном министерстве наиболее разумные офицеры проникались убеждением, что война проиграна (хотя причины поражения отыскивались в ошибках Тодзио или в коварстве американцев). Сознание того, что войну уже не выиграть, все глубже овладевало и верхушкой японской бюрократии.

Разговоры о необходимости убрать Тодзио были настолько распространены в Японии в 1944 г., что эту точку зрения не боялись высказывать даже в беседах с советскими дипломатами. М. Иванов, проведший в Японии всю войну, вспоминает, что встретился на пароходе с крупным японским чиновником, который достаточно откровенно утверждал, что «Тодзио накануне войны был нужен всем, так как устраивал все группировки в японском руководстве. Тодзио был человеком временных успехов, поднявшимся на гребне событий 1942 г.».

Положение в Японии все ухудшалось. Для рабочих и служащих были отменены выходные дни, вся страна катастрофически недоедала, транспортные проблемы превратились в постоянный кошмар, даже гробы было приказано использовать по нескольку раз, пока не развалятся.

В заговоры против Тодзио были втянуты даже члены императорской семьи, и один из заговоров провалился лишь потому, что в последний момент сплоховал брат императора, выдавший «кэмпейтай» своих соратников.

Наконец, под председательством Коноэ собрался «дзюсин» (совет бывших премьеров), на котором после долгих споров было решено убрать Тодзио, и соответствующая резолюция была передана императору. 18 июля 1944 г. Тодзио пришлось подать в отставку. На следующий день было сформировано новое военное правительство («дзюсин» не посмел портить отношения с армией) под началом генерала Койсо. И это правительство, несмотря на то что с тех пор разговоры о достижении почетного мира стали обычными, в целом не изменило политики предшественника — война продолжалась, продолжались и попытки еще туже подкрутить гайки для того, чтобы улучшить снабжение армии и устоять перед американским наступлением. Продолжалось сражение в горах Бирмы и Ассама — малоизвестное, но одно из самых кровопролитных и жестоких сражений Второй мировой войны, во многом решавшее судьбы Юго-Восточной Азии.

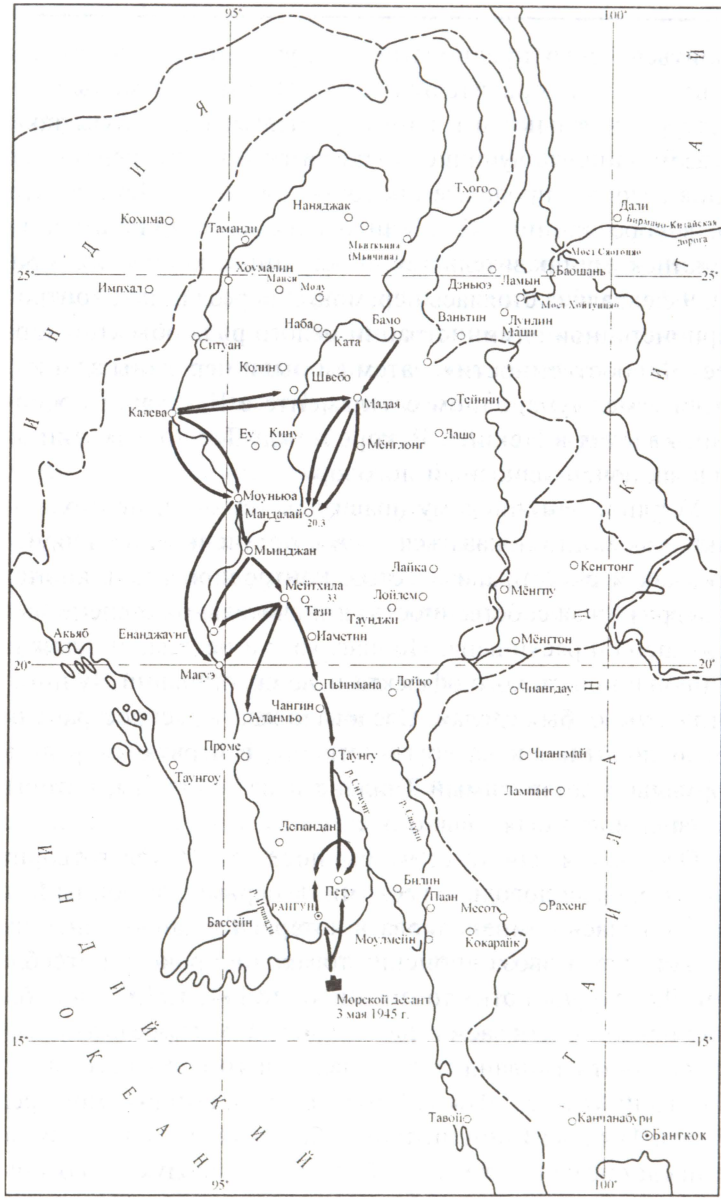
Глава III

БОИ НА БИРМАНСКОМ ФРОНТЕ

Изменение обстановки на основных фронтах мировой войны неизбежно должно было оказать влияние на политику Японии в странах Юго-Восточной Азии. Пора было вспомнить про обещания, данные народам этих стран накануне войны, в том числе и про заверения предоставить независимость. К тому же к 1943 г. стало ясно, что система «сопроцветания» под военной эгидой и при вседозволенном грабеже японских корпораций себя не оправдывает и даже нарушает интересы самой Японии. Становилось все труднее снабжать армию, в покоренных странах нарастало сопротивление. Если Япония намеревалась продолжать войну, следовало срочно принимать меры по укреплению тыла. Сущность этих мер хорошо определил японский экономист Сигейоси, отметивший, что «если быть чересчур педантичным и излишне мешать населению получать выгоды, то это лишь вызовет раздражение, ненужные антипатии к нам и будет препятствовать развитию производительных сил».

Прелюдией к принятию решений о предоставлении тех или иных льгот странам Юго-Восточной Азии стали действия в отношении оккупированных территорий Китая, находившихся под номинальной властью нанкинского правительства.

На имперской конференции в декабре 1942 г. был принят документ «Основной курс урегулирования китайского вопроса с целью завершения войны в Великой Азии». В нем, в частности, говорилось, что ближайшей задачей экономической политики Японии в Китае «является увеличение количества используемых материальных ценностей, необходимых для завершения войны». Цель определялась абсолютно ясно — надо грабить, но грабить более умело.



Освобождение Бирмы. Декабрь 1994 — Май 1945

Добиться этого предполагалось путем отказа от вмешательства в дела правительства Ван Цзинвэя, отмены права экстерриториальности и возврата сеттльментов, чтобы таким образом «лишить чунцинское правительство главнейших доводов в пользу продолжения сопротивления». Действительно, вскоре японцы объявили о передаче марионеточному нанкинскому правительству иностранных концессий в Китае. 9 февраля состоялась церемония передачи под контроль марионеточной администрации целого ряда объектов «вражеской собственности», затем ей были переданы здания и земли в международном сеттльменте в Шанхае и посольский квартал в Пекине. Вскоре между Токио и Нанкином был заключен «союзный договор».

Уступки нанкинскому правительству были не столь велики, как могло показаться, — все полученные им территории, как и само правительство, контролировались японцами, «вражеская собственность» в значительной степени была разрушена и расхищена. Но шаг, хотя и не давший должного пропагандистского эффекта и не склонивший Чунцин к соглашению, был сделан. Следовало ждать распространения новой политики и на другие страны, в первую очередь на формально независимый Таиланд и на те страны, которым независимость была давно обещана.

Основания для того, чтобы постараться ублаготворить Таиланд, были довольно вескими. В первый год войны Япония старалась компенсировать потерю Таиландом внешних рынков путем ввоза японских товаров широкого потребления. Для закупки этих товаров в июне 1942 г. Таиланду был даже предоставлен заем в 200 млн иен. Но вскоре стало ясно, что снабжать Таиланд за счет падающего японского производства не удастся. Что касается товаров, которые мог предложить Таиланд Японии, то они большого интереса для нее не представляли — ведь это были те же продукты, которые можно было практически бесплатно вывозить из Малайи или Бирмы, — рис, олово, каучук. А так как другие внешние

рынки для Таиланда были закрыты, то за годы войны производство олова там упало почти в 10 раз, каучука — в несколько раз, а непроданного риса скопилось на складах около 1,5 млн т. В результате того что Япония, будучи монопольным контрагентом Таиланда, почти ничего не покупала, а за свои товары брала весьма дорого, в Таиланде свирепствовала инфляция — за войну количество денег в обращении выросло в 10 раз. Если к этому добавить то, что сотни тысяч таиландцев были мобилизованы на строительство железной «дороги смерти», должной соединить Таиланд и Бирму через перешеек Кра, и около 150 тыс. из них погибло, а в результате эпидемий пало около половины всего тяглового скота, то станет понятно, что Таиланд с каждым днем становился все более ненадежным союзником. Даже столь верный прежде диктатор Пибун Сонграм стал искать связей с главой оппозиции Приди и подпольщиками, которые, как доносила в Токио «кэмпейтай», проявляли все большую активность.

О том, сколь важное значение придавалось в Японии сохранению союза с Таиландом, свидетельствовало прибытие в Бангкок 3 июля 1943 г. с государственным визитом самого премьер-министра Тодзио. Если китайскую буржуазию хотели купить, передав ей собственность иностранных фирм, то военно-бюрократическому режиму Таиланда, уже расширившему свою территорию за счет Французского Индокитая, предложили новые земли: два шанских княжества Бирмы, Чёнгтун и Мёнг, и четыре северомалайских штата — Кедах, Келантан, Тренгану и Перлис. Жертва со стороны Японии была невелика, так как эти области были экономически слабо развиты и стратегического значения для Японии не имели, зато Таиланд, как казалось японцам, должен был еще сильнее желать победы Японии в войне и делать все, чтобы помочь этой победе. В ином случае Таиланд не только немедленно терял все приобретения, но и рисковал утратить собственные территории.

Именно опасения потерять слишком много в случае упорного следования за Японией заставили правящие круги Таиланда уже в 1943 г. начать сомневаться, правильно ли они выбрали союзника в войне и не пора ли поменять фронт. Проводив почетного гостя, Пибун Сонграм стал еще активнее налаживать связи с антияпонскими силами; более того, он даже ухитрился собственной властью укрыть от японцев американских разведчиков, высадившихся в Таиланде. Както он сказал своему адъютанту: «Хорошо бы узнать, кто проиграет эту войну. Это и будут наши враги». Когда он говорил эти слова, сомнений у него почти не оставалось. Во всяком случае, уже в октябре 1943 г. Пибун сделал министром иностранных дел адмирала Тамронга, чьи прозападные симпатии не были секретом. Более того, когда в июле 1944 г. прежде послушная Национальная ассамблея вдруг ожила и предложила ему уйти в отставку, диктатор Таиланда сделал это без промедления.

Еще до визита Тодзио в Таиланд начались переговоры о предоставлении независимости Бирме. В марте 1943 г. бирманские лидеры были приглашены в Токио. Подбор гостей был не случаен: с одной стороны, отправились Ба Мо и его помощник, старый знакомый Судзуки д-р Тейн Маун, с другой — Такин Мья и Аун Сан, который в администрацию Ба Мо не входил, но контроль над армией и такинами сохранял. Гостей чествовали, наградили орденами Восходящего солнца (Ба Мо — высшей степенью, его спутников — степенями пониже), затем Тодзио объявил Ба Мо «сильной личностью», на которой зиждется военное сотрудничество Японии и Бирмы. Нетрудно понять, что Ба Мо вернулся из Японии в приподнятом настроении. Неизвестно, как и когда кончится война, неизвестно, уйдут ли японцы, — но сам он в течение ближайших месяцев наконец-то станет президентом независимой Бирмы. Главным теперь было доказать Японии, что он остается единственным настоящим государственным деятелем в Бирме и что ему следует полностью

доверять. Немедленно по возвращении Ба Мо объявил о своей программе создания «четырех армий»: «армии крови» — вооруженных сил, «армии круга» — гражданской службы, «армии руководства» — партии «Добама-Синьета асиайон» и «армии пота» — трудовых отрядов. Все эти «армии» в той или иной форме существовали и раньше, и последняя из них была даже весьма непопулярна. И как бы впоследствии в своих мемуарах Ба Мо ни доказывал, что в то время он уже был настроен антияпонски и понимал, чем все это кончится, можно предположить, что на самом деле честолюбие Ба Мо было основной движущей силой его деятельности.

8 мая 1943 г. была сформирована Комиссия по подготовке независимости, которая должна была разработать декларацию независимости и договор о сотрудничестве с Японией. В комиссию удалось привлечь видных общественных деятелей Бирмы, в том числе таких, как знаменитый писатель Такин Кодо Хмайн. В комиссию вошел и Такин Ну, но большинство ее членов были либо известными адвокатами, либо промышленниками. По свидетельству членов комиссии, тексты декларации и договора были составлены японским председателем комиссии полковником Исамирой и его же перу принадлежало дополнительное секретное соглашение, по которому Бирма обязывалась отдавать все усилия победе Японии в войне. Любое действие правительства Бирмы, которое мешало военным усилиям японцев, могло быть отменено военным командованием — такое ограничение независимости превращало ее в фикцию.

1 августа 1943 г. была провозглашена независимость Бирмы. На торжествах по этому поводу присутствовали первый японский посол в Бирме и зарубежные гости, в том числе С. Ч. Бос. Вскоре был опубликован договор о сотрудничестве с Японией и объявлена война США и Англии.

Хотя кандидатура Ба Мо была официально утверждена в Токио и его избрание (вернее, назначение) главой государства не вызывало сомнений, без попыток помешать ему занять этот

пост все же не обошлось. Правые такины Тун О и Ба Сейн потребовали, чтобы в стране была восстановлена монархия и во главе был поставлен кто-либо из родственников последнего правителя. Опасаясь, что эти призывы найдут отклик у крестьян, в среде которых монархические тенденции еще были живы, Ба Мо обратился за помощью к японцам, и те без шума арестовали смутьянов и вывезли их в Малайю. Общественности же было объявлено, что оппозиционеры получили посольские посты в Китае и Маньчжоу-Го и отправились для исполнения своих обязанностей. Кстати, этот эпизод лишний раз говорит о том, насколько фиктивной была независимость, если можно было направить фиктивных послов в фиктивные государства и даже посылать им потом инструкции и указания из фиктивного министерства иностранных дел, которое возглавлял Такин Ну.

Оппозиция Ба Мо со стороны левых такинов и коммунистов, действовавших в это время единым фронтом, проявилась иначе. В те дни, когда независимость была уже на пороге, Такин Мья, Такин Ну и Такин Тан Тун посетили будущего президента и заявили: «Мы выполнили обязательство поддержать вас в меру наших сил, однако вы забыли о нашем условии: установить в стране коллегиальную диктатуру. И если вы не согласитесь на это, мы будем вынуждены лишить вас своей поддержки». После долгой паузы Ба Мо заявил, что согласен, ибо заботится лишь о единстве в руководстве. Эти слова Ба Мо не обнадежили такинов. «Мы и не намеревались заставлять Ба Мо выполнять его обещание, — писал позднее Такин Ну, — но нашей целью было показать, насколько далеко мы можем пойти в поддержке его». В действительности за этим визитом скрывалась совершенно очевидная угроза. Не доверяя Ба Мо, такины желали показать ему, что «внутренний круг» будет проводить свою политику.

Кабинет, созданный Ба Мо, отражал расстановку сил в национально-освободительном движении Бирмы. Министром

иностранных дел стал Такин Ну, обороны — Аун Сан. Кроме этих ключевых постов такины получили еще четыре министерских портфеля. Напуганные ростом их влияния, правые политики засыпали Ба Мо и «кэмпейтай» доносами, и членам правительства — такинам приходилось идти на сложнейшие интриги, чтобы спасти от полиции себя и своих сторонников. В то же время многие выражали сомнения по поводу того, следует ли такинам компрометировать себя, входя в прояпонское правительство. Некоторым искренним националистам даже казалось, что такины предали дело освобождения Бирмы, прельстившись должностями и постами. В определенной степени эта ситуация была такинам выгодна, так как обвинения в предательстве поддерживали доверие к ним со стороны японцев.

В действительности занятие левыми такинами ключевых постов в правительстве позволило им поставить дело антияпонского сопротивления на «государственную ногу». Аун Сан получил возможность укреплять армию и готовить вооруженное восстание, Такин Тан Тун и Такин Мья вели работу по созданию крестьянских и рабочих организаций. Следует отметить, что министерство сельского хозяйства, руководимое Такином Тан Туном, смогло даже в условиях японской оккупации вдвое уменьшить арендную плату за землю, была организована выдача кредитов крестьянам, началось перераспределение земли.

Конечно, эффект преобразований ограничивался тем, что Бирма оставалась оккупированной страной и японские советники постоянно вмешивались в деятельность правительства. Тем не менее это правительство нельзя было однозначно назвать марионеточным. Обязанности в нем были четко разделены: Ба Мо купался в лучах славы вождя нации и в то же время занимался урегулированием сложных отношений с японцами, остальные члены кабинета по мере сил исполняли свои функции, причем левые такины подчинялись не японцам и Ба Мо, а «внутреннему кругу». Ба Мо знал об

этом, но не ставил в известность оккупантов. И не будет преувеличением сказать, что правительство могло существовать лишь потому, что его возглавлял именно Ба Мо, устраивавший, хотя и по разным причинам, как такинов, так и японцев и правых политиков.

Одной из принципиальных установок Ба Мо в то время было полное отрицание парламентской системы либо любой иной демократической формы правления для Бирмы. Презрительные высказывания Ба Мо о парламентаризме вполне устраивали японских генералов. Конечно, можно сомневаться в его искренности, тем более что после войны он вернулся на парламентскую стезю. Японцам была выгодна авторитарная схема, Ба Мо она тоже была в тот момент выгодна. Поэтому он мог с чистым сердцем заявлять: «Мы возложили на себя революционную задачу... когда работа будет завершена, а опасности устранены... народ сможет вернуться к старой политической игре, если ему все еще будет хотеться, чтобы его развлекали таким образом... воля человека, работа и жертвы должны стать настоящей основой национального плана». Однако принятый Ба Мо и одобренный японцами лозунг «Одна кровь! Один голос! Одна власть!», в котором так и чудятся фашистские шествия и крики построенной по ранжиру толпы, в Бирме не укоренился, как не смогли укорениться и многочисленные организации, союзы, ассоциации, призванные окружить почетом и возвысить самого Ба Мо. Доверенным человеком президента был министр пропаганды Бандула У Сейн, известный своими мистическими настроениями, который в официальных кругах уверял своих не весьма образованных и порой легковерных слушателей, что Англия и Голландия будут обязательно разгромлены, потому что в словах England (Англия) и Netherlands (Нидерланды) есть слог «лан», который в бирманском языке означает «толкнуть назад». Вокруг Ба Мо крутились невежественные монахи, астрологи, хироманты и даже отыс-

канные в Мандалае потомки брахманов, некогда участвовавших в церемонии коронации бирманских монархов.

Несмотря на усилия Ба Мо оградить население страны от преследований и произвола оккупантов, основная масса бирманцев относилась к Ба Мо с недоверием, а то и с недоброжелательством. Не могли помочь ни церемонии по перевозу в Рангун «земли победы» из города Шуэбо, где в XVIII веке началась борьба за воссоединение Бирмы, ни королевские манеры, ни речи о величии страны. Не принесли Ба Мо популярности и его попытки объединить все бирманские буддийские секты в ассоциацию «Маха сангха», и создание Молодежной лиги Восточной Азии. Более того, в 1944 г., когда в Бирме была создана Антифашистская лига народной свободы (АЛНС), Молодежная лига одной из первых и в полном составе присоединилась к ней и стала одной из основных движущих сил антияпонского движения.

К концу 1943 г. в Бирме окончательно выработалась структура движения сопротивления. В него входили, с одной стороны, руководители Армии обороны Бирмы, а также находившиеся на легальном положении левые такины, коммунисты и социалисты, которые группировались вокруг правительства, с другой — подпольные группы, как руководимые бирманскими коммунистами, так и находившиеся под контролем английской и американской разведок, а также сотрудничавшие с отрядами Уингейта. Грань между последними провести зачастую было трудно, так как английская разведка поддерживала связи и с левым подпольем, хотя в основном ориентировалась на каренов, качинов и чинов — в среде этих национальных меньшинств, традиционно поставлявших пополнение в английскую колониальную армию, было немало бывших солдат.

Такины придавали большое значение выучке и дисциплине в АОБ, так как рассматривали ее не только как антияпонскую силу, но и как опору для дальнейшей антиколониальной борьбы. 16 сентября 1943 г. бирманская армия,

увеличенная по случаю провозглашения независимости, была переименована в Национальную армию Бирмы (НАБ). Она состояла из восьми пехотных батальонов (в том числе каренского, что было заслугой Аун Сана и Такина Тан Туна), двух зенитных и двух саперных батальонов, а также нескольких вспомогательных подразделений.

Несмотря на то что на такинов, возглавлявших армию и входивших в правительство, все время сыпались доносы, а «кэмпейтай» и японские советники бдительно следили за настроениями в армии, положение легальных сил было куда более безопасным и спокойным, чем подпольщиков. Зная о существовании подпольных групп, японцы жестоко преследовали их, а процесс обучения конспирации и партизанским действиям был длительным, болезненным и стоил многих жертв. В 1943 г. японцы напали на след группы Такина Чжо Сейна и арестовали около ста ее членов, из которых многие погибли от пыток или были казнены. Были разгромлены также группы в Пякхоуку, Чау и Схейпхью — несколько десятков подпольщиков также попали в тюрьму, и их спасла от смерти лишь амнистия, объявленная по случаю провозглашения независимости Бирмы. Но опыт постепенно рос, и, несмотря на преследования, подпольные группы становились все активнее, хотя их деятельность в целом ограничивалась пропагандой, саботажем и обучением кадров.

В середине 1943 г., незадолго до провозглашения независимости, Аун Сан собрал у себя руководителей армии и заявил, что пора переходить к решительным действиям. Однако реакция собравшихся была отрицательной — они полагали, что обстоятельства не благоприятствуют началу действий и любое выступление грозит полным провалом. Аун Сан после некоторого колебания принял общую точку зрения. В последующие месяцы Аун Сан уделял основное внимание укреплению армии, причем не только в военном отношении — он обратил особо важное внимание

на национальную проблему, понимая, что при любом осложнении обстановки она обязательно возникнет вновь и может принять даже более опасные формы, чем в первый год войны.

Подготовка армии к грядущей борьбе отнимала немало усилий и в то же время требовала серьезной конспирации. В планы «внутреннего круга» не могли быть посвящены не только рядовые члены армии, но даже ее офицеры — надзор «кэмпейтай» становился все более строгим по мере того, как ухудшалась обстановка на фронте и росли подозрения в верности бирманских войск. Это не всегда могли понять молодые бирманские офицеры, желавшие как можно скорее начать борьбу с японцами. В августе 1943 г. созрел заговор 19 офицеров, намеревавшихся в случае, если Аун Сан к ним не присоединится, арестовать его. По счастью, Аун Сан узнал о заговоре раньше, чем «кэмпейтай», и смог отговорить офицеров от самоубийственной акции. Куда опаснее для общего дела был заговор в мае 1944 г., который охватил 10 районов Бирмы. В случае неудачи восстания молодые солдаты и офицеры НАБ намеревались уйти в партизаны. Руководству армии удалось их отговорить. Обстановка в стране накалялась, и, до тех пор пока возникали все новые группы, готовые на немедленный бой, усиливалась опасность преждевременного выступления. Руководители подполья и армии все более осознавали необходимость создать в стране единую всеохватывающую организацию, которая могла бы контролировать и направлять в нужное русло активность отдельных групп. Такая организация была создана, но уже после событий, вошедших в историю войны под названием «Импхальская битва».

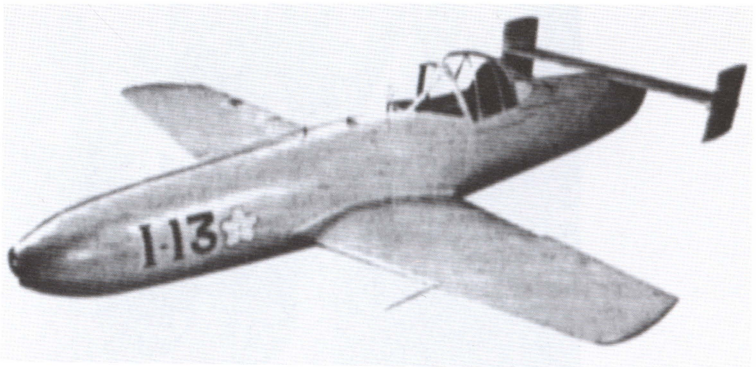
Сражение, определившее дальнейший ход кампании в Бирме, исподволь готовилось обеими сторонами, причем каждая из них рассчитывала нанести удар первой, используя благоприятные условия сухого периода начала 1944 г. Обе стороны ставили перед собой ограниченные цели. Японцы

надеялись прорваться в долины Ассама, с тем чтобы нарушить коммуникации англичан, захватить их базы и обезопасить себя от их наступления, а также прервать снабжение Китая. Вопрос о «марше на Дели», судя по имеющимся сведениям, всерьез не рассматривался никем, кроме штаба Индийской национальной армии С. Ч. Боса. Бос был глубоко убежден, что, как только ведомые им войска вступят на территорию Индии, там тут же начнется всеобщее восстание. Поэтому он настаивал на включении в операцию по овладению Ассамом своих частей, набранных в Сингапуре, и в Токио согласились на это ради пропагандистского эффекта по настоянию командующего японскими войсками в Бирме генерала Мутагучи.

Английский Генеральный штаб, отказавшийся от ранее запланированной высадки десанта на Суматре, собирался ограничиться зимой 1944 г. локальными операциями в Аракане и Северной Бирме с надеждой открыть путь в Китай, причем большое значение придавалось деятельности отрядов Уингейта, который после успеха на конференции в Квебеке считал, что вся армия должна обслуживать его партизан. Возможность японского наступления не учитывалась в планах англичан до самого последнего момента — в Лондоне полагали, что японцы предпочтут оборонительный вариант.

Успех оперативного плана японского командования в значительной степени зависел от того, поверят ли англичане, что основное наступление японцы готовят в Аракане. Для этого в начале 1944 г. 28-я японская армия должна была начать отвлекающие действия в Аракане (операция «Ха-Го»), угрожая Бенгалии. После того как командующий английскими войсками в Восточной Индии генерал Слим перебросит в Аракан все свои резервы, начнется наступление 15-й армии на севере (операция «У-Го»), которое должно быть неожиданным и лишить Слима, оставшегося без резервов, свободы маневра.

Японский камикадзе. Солдат брал в руки снаряд и камень, чтобы его детонировать, и прятался в яму у дороги. Когда рядом проходил английский танк, он должен был взорвать себя. Но этот камикадзе погиб раньше, чем успел сделать свое дело



Самолет-торпеда для летчиков-камикадзе. Прикреплялся под бомбардировщиком, который отпускал его недалеко от цели

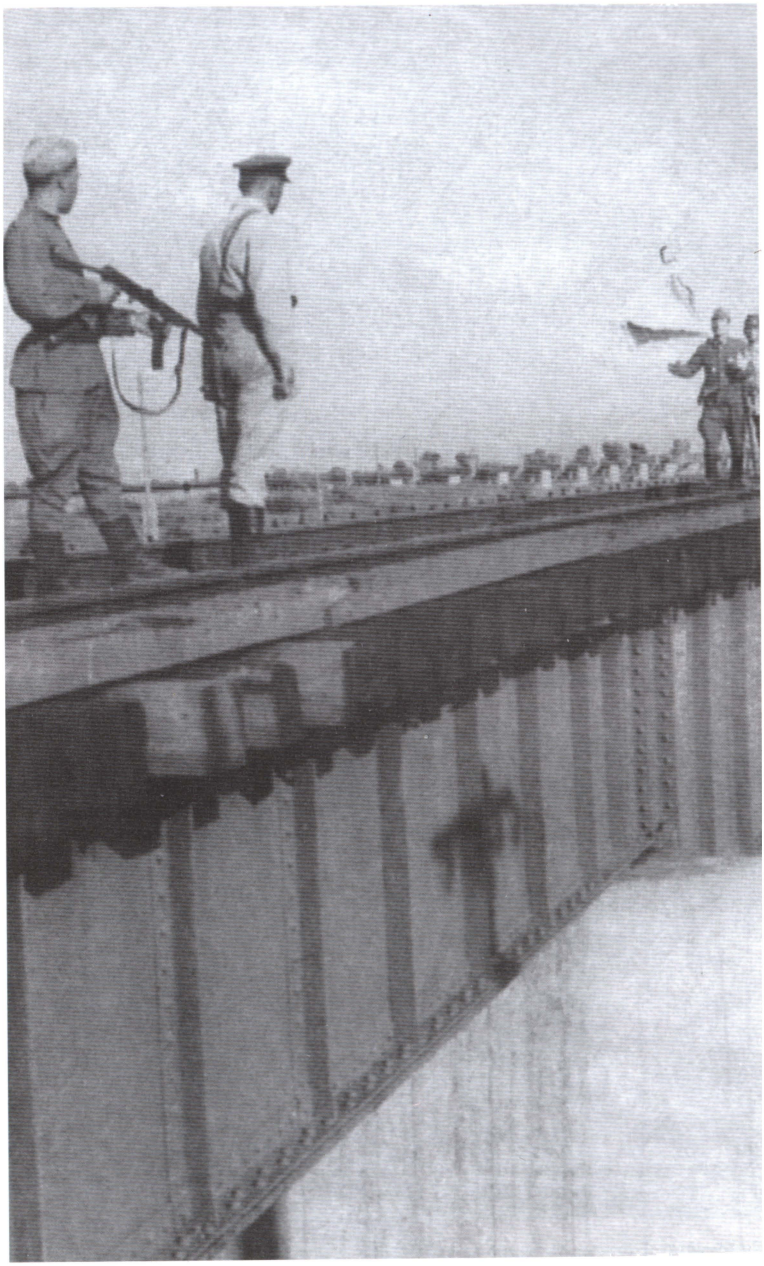
Бирманские партизаны и жители Рангуна торжествуют — Рангун освобожден!

На улицах Токио. Горожане слушают выступление императора по радио 15 августа с сообщением о капитуляции Японии

Освобожденный Сингапур. Девушки, вызволенные из японского солдатского публичного дома

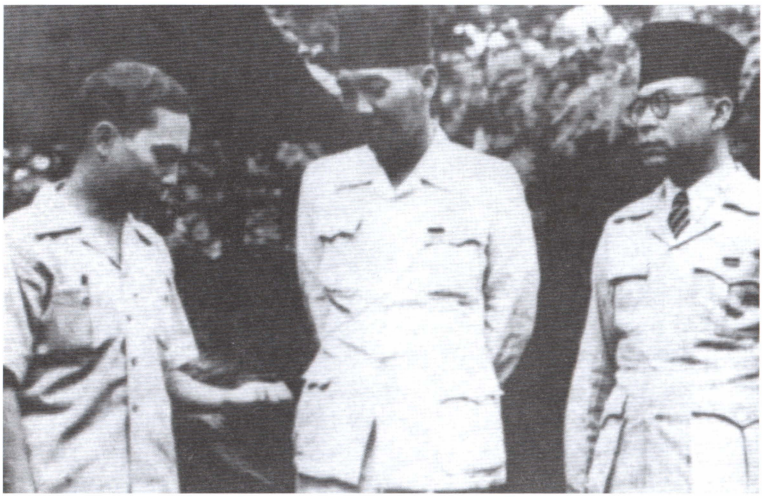
Подготовка к войне против Японии. Слева направо: маршал Мерецков, командующий 1-м Дальневосточным фронтом, маршал Малиновский, командующий Забайкальским фронтом, и главнокомандующий маршал Василевский

Маньчжурия. Советские солдаты рассматривают японские трофейные танки



Капитуляция одной из японских частей в Маньчжурии

Капитуляция Японии. Японская делегация на борту американского линкора «Миссури». Во главе делегации министр иностранных дел Мацуока и начальник Генерального штаба генерал Умецу



Индонезия. Провозглашение независимости. В центре — бессменный лидер национального движения и президент Сукарно. Август 1945 г.

Создатель Вьетминя Хо Ши Мин выступает в Сайгоне в 1945 г. при подписании соглашения о независимости с французской администрацией

Такин Ну подписывает в Лондоне в июле 1947 г. соглашение о независимости Бирмы, справа — премьер-министр Великобритании Клемент Эттли

11 сентября 1945 г. американская военная полиция пришла, чтобы арестовать главного японского милитариста генерала Тодзио. Тодзио пытался покончить с собой, но неудачно. Он остался жив и был повешен после процесса в Токио. На снимке Тодзио сразу после попытки самоубийства

К виселице, на которой был казнен 23 февраля 1946 года губернатор Филиппин «Тигр Малайи» Ямасита, по древнему обычаю вело тринадцать ступеней

Возможности 14-й армии генерала Слима и в самом деле были весьма ограниченны. Так как Индийский театр войны рассматривался в Лондоне на зиму 1944 г. как второстепенный, то ни подкреплений, ни вооружения Слим не получил. В то же время в штабе Слима постепенно начали накапливаться сведения о том, что японцы замышляют что-то серьезное. В январе 1944 г. чиндиты захватили у Чиндуина японского пленного из 15-й дивизии, которая должна была находиться в Таиланде, но которую, как оказалось, спешно перебрасывают в Западную Бирму. Стало известно, что штаб 28-й японской армии перебазирован в Аракан. Это встревожило и Слима, и Маунтбеттена. Однако отказываться от подготовки к наступлению Слим не стал. Он полагал, что в случае японского вторжения в Ассам англичане должны отступить с перевалов и встретить японские войска на линии Импхал — Кохима. Там, на открытой местности, Слим имел возможность использовать преимущество в танках и авиации, а японцы с их тактикой инфильтрации и умением действовать в джунглях лишались своих преимуществ. Кроме того, с каждым километром, отделявшим японские войска от баз в Бирме, их линии снабжения растягивались, и поддерживать наступление по горным тропам становилось все труднее. Если же англичане продержатся до начала муссона, то японская армия вообще будет отрезана от своих баз. Слим надеялся также, что чиндиты Уинтейта смогут блокировать японские базы и перерезать линии снабжения в тылу японских войск. Правда, для начала надо было хоть как-то обуздать мегаломанию Уингейта, который требовал передачи в его распоряжение все новых войск и самолетов. Возможная польза от его партизан сводилась на нет трудностями по снабжению и транспортировке этих частей. Оставался открытым и другой вопрос: сможет ли Стилуэлл уговорить Чан Кайши начать продвижение к Мьичине, чтобы ударить японцам в тыл?

Наступления японцев в Аракане можно было ждать в любую минуту, и все же оно застало 6-ю и 7-ю дивизии англичан врасплох. На первых порах привычная японская тактика инфильтрации принесла успех. Однако вскоре выяснилось, что за прошедший год англичане научились основам войны в джунглях и японцам приходится иметь дело совсем с иным противником, к тому же имеющим превосходство в воздухе. Командующего японским наступлением генерала Ханайя, как это ни парадоксально, подвел боевой опыт первой бирманской кампании, внушивший ему уверенность в том, что английские и индийские части не способны вести бои в окружении и потому неизбежно поддадутся панике. Японским частям действительно удалось окружить 7-ю дивизию, но английское командование предусмотрело такую возможность и разработало план снабжения дивизии по воздуху всем необходимым. Система снабжения пришла в действие в тот момент, как стало известно о появлении японских частей в тылу англичан. Чувствуя поддержку, солдаты и офицеры окруженной дивизии упорно сопротивлялись, а когда японские части увязли в боях, Слим бросил в сражение две свежие дивизии из резерва. Уже в феврале 1944 г. стало ясно, что молниеносное японское наступление провалилось, и генерал Ханайя приказал перейти к обороне. Английские дивизии немедленно начали контрнаступление. Сам генерал Слим считал, что именно эти бои и стали поворотным пунктом в бирманской кампании. Однако решительным поражением японцев это сражение вряд ли можно назвать — ведь у них оно было отвлекающим второстепенным маневром, призванным поглотить резервы англичан и ослабить основной участок фронта у Импхала.

Ввод в бой обеих английских резервных дивизий дал японцам сигнал к началу Ассамской операции. Мутагучи был уверен, что теперь в течение ближайших недель Слиму не удастся вернуть из Аракана завязшие там войска. Понимая

серьезность положения, Слим запросил поддержки у генерала Стилуэлла, а тот, не надеясь сам уговорить Чан Кайши отдать приказ о наступлении китайских войск, обратился к Маунтбеттену с просьбой подключить к этому Объединенный комитет начальников штабов. Но на следующий день случилось непредвиденное: Маунтбеттен сильно повредил глаз, напоровшись на обломанный побег бамбука, его пришлось госпитализировать, и потому его послание в Вашингтон не было направлено до 17 февраля.

В то время как в Аракан еще перебрасывались резервы английской армии, японские дивизии начали тремя перевалами продвижение от Чиндуина к западу. Они шли теми же тропами, которыми два года назад бежали англичане. Южными перевалами через Тидейн и Таму двигались 33-я и 15-я дивизии. Их целью было выйти к Импхалу с юго-востока и юго-запада и отрезать этот город — одну из основных баз снабжения английской армии — от остальной территории Индии, 31-я дивизия генерала Сато двигалась через горы от Хоумалина для того, чтобы занять Кохиму и ударить в тыл отступающим от Импхала английским войскам. После этого ассамские долины должны были открыться перед японской армией. В общей сложности в составе 15-й японской армии насчитывалось более 100 тыс. солдат, с ними шел и семитысячный индийский отряд армии Боса.

Чтобы понять, с какими трудностями был связан этот переход и как дорого пришлось заплатить за него японцам, достаточно сказать, что все боеприпасы, включая по 300 снарядов на каждое орудие, двадцатидневные рационы и все остальное, необходимое для боев, солдаты несли на себе. Семнадцать крупных орудий везли на слонах, прочее тяжелое оборудование и снаряжение тащили 3 тыс. лошадей, 5 тыс. буйволов и быков, конфискованных у бирманских крестьян. Единственной надеждой на победу была внезапность, и действительно, хотя разведчики и чиндиты Уингейта сообщали о приготовлениях японцев, сам многокилометровый

марш оказался незамеченным — английское командование ожидало наступления японцев не ранее 27 марта.

В дни, когда основные силы японцев приближались к горам, Слим отражал атаки... Уингейта, который продолжал утверждать, что победит Мутагучи силами чиндитов, если Слим отдаст ему авиацию. В результате, несмотря на отчаянное сопротивление Слима и его офицеров, в самый решительный момент около 10 тыс. человек и более 1 тыс. вьючных животных, не говоря о сотнях тонн оборудования, были переброшены на планерах и транспортных самолетах на базы в горах в тылу японцев для удара с тыла.

Две дивизии англичан (17-я и 20-я) в это время находились в горах, готовясь к наступлению в сторону Чиндуина. В штабе английской армии было оговорено, что, если японское наступление не начнется, эти две дивизии, составлявшие 4-й армейский корпус, будут продолжать медленное движение вперед, наведение мостов и подготовку дорог в ожидании подкреплений, которые придут из Индии и Аракана. Третья дивизия (23-я) остается в резерве. Если же будут сведения о том, что японцы крупными силами переправились через Чиндуин, обе дивизии должны немедленно отступать, заманивая противника на открытую долину за Импхалом. Однако из-за ошибок разведки и штабов японские войска 7 марта незамеченными перешли Чиндуин и, пока дивизии 4-го корпуса ожидали приказа отступить, а английский штаб, убежденный, что японцы еще не начали наступления, такого приказа не давал, начали окружать растянувшиеся по горным вершинам и перевалам части. Лишь 13 марта приказ об отступлении был получен, но к этому времени японцы уже успели поставить ряд заслонов в тылу 17-й дивизии. 15 марта дивизия уже начала сражаться в окружении. Попытки пробить кольцо окружения с помощью полков 23-й дивизии — единственного резерва Слима на этом направлении — долгое время не приносили успеха. Таким образом, к 15 марта 20-я дивизия англичан с боями отступа-

ла, 17-я была в окружении, а части 23-й дивизии одна за другой бросались в бой, чтобы помочь отступающим.

Случись это сражение на год или два ранее, исход его был бы определен уже в первую неделю. Впрочем, японские генералы и сейчас были убеждены в быстрой и решительной победе. Однако 17-я дивизия не побежала и не сдалась в плен, несмотря на то что осталась в окружении в суровых горах над Чиндуином. Сказалась двухгодичная целенаправленная подготовка английских и индийских частей к боям в горных и лесных условиях. Джунгли уже не пугали солдат, а снабжение было тут же организовано по воздуху и с самого начала было лучшим, чем у японских войск. Да и действия чиндитов Уингейта, хотя их объективная польза кампании была невелика, сыграли свою роль: англичане знали, что отряды чиндитов сражаются в тылу японцев, атакуют их базы и пути сообщения, и десятки самолетов, пролетавших в японский тыл каждый день, напоминали об этом.

К тому же уже произошел естественный отбор командования английских и индийских частей. Во главе полков, дивизий и армий встали опытные офицеры и генералы, выдвинувшиеся в самые тяжелые дни поражений. Наконец, изменился сам дух войны. Англичане и их союзники понимали, что победа неизбежна, какие бы действия ни предпринимал противник. В верхах шли споры не о том, как удержать свои владения, а лишь о том, как наиболее эффективно завершить войну и как воспользоваться плодами победы. Поэтому даже когда японцы заняли Импхал, а также окружили и фактически захватили Кохиму, на судьбы не только войны в целом, но и на конкретном фронте это не повлияло. Более того, японцы, продвигаясь в долину, сыграли на руку стратегическому плану Слима и Маунтбеттена. Они давали возможности англичанам ввести в бой танки, авиацию и артиллерию, они укорачивали пути снабжения английских войск, а сами лишались возможности снабжать армию — горные тропы

не справлялись с этим. Вся Импхальско-Кохимская операция японцев была еще одной авантюрой, еще одним «решительным сражением» войны, которая была уже проиграна. И как только японские дивизии завязли в изнурительных боях с англичанами у Импхала, генерал Слим и индийский штаб могли вздохнуть свободно — исход битвы не вызывал сомнений.

Даже тот факт, что японские войска превосходили противника численно, не стал решающим. Для того чтобы перебросить части из Аракана, англичанам не требовалось многонедельных переходов — существовала американская транспортная авиация, которая занималась переправкой грузов в Китай. Маунтбеттену удалось добиться того, что союзники временно уступили часть самолетов англичанам, и 7-я дивизия была переброшена из Аракана за несколько дней. И хотя неразбериха в штабах и запутанная картина боя, гремевшего на протяжении двухсоткилометрового фронта в сложнейших природных условиях, не дали возможности использовать эту дивизию лучшим образом, а заставили бросать в бой ее роты и батальоны прямо с самолетов, тем не менее наступление японцев замедлялось, превращалось в отчаянные многодневные бои за каждый дом, за каждую высотку, политую кровью тысяч солдат. Стало ясно, что до начала муссона японским войскам не выйти на просторы Ассама. А как только начнется муссон, поражение японской армии неизбежно — всякая связь с тылом будет прервана и армия останется без боеприпасов и продовольствия.

Несмотря на отчаянную стойкость японских солдат и упорство, с которым они захватывали высотки и перевалы, а потом защищали их, в действиях японских войск была явно заметна неуверенность и даже обреченность. Уже тот факт, что задачи, поставленные перед армией, были ограниченны, сковывал инициативу командиров японских частей. Что бы ни говорилось в приказах и призывах о том, что судьба Япо-

нии решается под Кохимой, это была ложь. И неудивительно, что генерал Сато, фактически овладевший Кохимой и имевший все возможности в первые дни боев кинуть часть своих сил дальше к северу, чтобы прервать снабжение Китая, так и не сделал этого, а генерал Мутагучи с упорством маньяка бросал свои части в лоб на Импхал, ни разу не проявив гибкости, столь обычной для японцев начального периода войны.

Японская армия менялась. Из жестокого и самоуверенного покорителя Вселенной она превращалась в огрызающегося, смертельно раненного зверя.

Читая сегодня воспоминания о последнем периоде Второй мировой войны и наталкиваясь на тысячи фактов массового самоубийства не только офицеров и генералов (которым это предписывалось самурайским пониманием долга), но и солдат в госпиталях, поджидавших американцев с гранатой в руке, или гражданских лиц на Сайпане или Окинаве, невольно делаешь вывод, что побудительной причиной этих самоубийств было не чувство долга или чести, а в первую очередь убежденность в том, что американцы пытают, насилуют и обязательно жестоко убивают всех японцев, попавших им в плен. Солдаты, медицинские сестры, чиновники, рабочие, торговцы могли неделями укрываться в пещерах, умирать от жажды, совершать массовые самоубийства, однако, согласно достоверным японским же свидетельствам, если они убеждались, что их не убьют, их отношение к долгу и плену коренным образом менялось. Именно безысходность положения, а также страх перед авторитетом, перед офицером, который имел право убить солдата, если тот не изъявлял готовности умереть за императора, приводили осажденных (а это феномен, характерный для последнего периода войны и именно войны на островах, откуда некуда было отступать) к эмоциональному тупику, той границе отчаяния, за которой смерть более желанна, чем продолжение мучений и безысходности. Тут скорее напрашивается аналогия с

русскими раскольниками, сжигавшими себя в скитах в обстановке массового психоза от безнадежности, а не от самоубийственных наклонностей старообрядцев.

Сочетание глубокого эффекта психологической обработки и лжи с традиционным преклонением перед авторитетом приводило к тому, что практически все операции на Тихом океане и на Филиппинах заканчивались тем, что остатки японского гарнизона, который должен был бы в интересах государства и войны продолжать сопротивление, отвлекая на себя американские войска, бросались в последнюю самоубийственную атаку и гибли до последнего человека у американских пулеметов. Американцы на определенном этапе боя уже знали о неминуемости этой формы самоубийства и были готовы к таким атакам, инициаторами которых всегда выступали кадровые офицеры, носители духа «бусидо».

Любопытно отметить, что японское командование в ряде случаев пыталось бороться с такой тенденцией, понимая, насколько она пагубна. Но джинна, выпущенного из бутылки, было трудно загнать обратно, тем более что и командующие не могли быть до конца последовательны, ибо сами оказывались рабами этого кодекса. И все-таки в тех случаях, когда альтернатива существовала и было куда отступать, японские войска практически никогда не шли на самоубийственные действия. В частности, мы не знаем о таких действиях в Бирме. Здесь японские войска, отступая, пытались пробиться к своим — в Таиланд, в Индокитай. Поэтому сражения в материковой Юго-Восточной Азии, несмотря на их упорство, всегда были менее жестокими и кровопролитными, чем на островах Тихого океана и на Филиппинах. Для этого региона скорее характерно противоречие между оторванными от действительности, грандиозными планами ставки или штаба маршала Тераути в Сайгоне и реальностью войны, в которой генералы типа командира 15-й дивизии Сато решали спасти свои войска от неминуемого разгрома и отступали, несмотря на приказ по-

гибнуть в бою. Это не означает, что генерал Сато был нетипичным японцем, а Мутагучи или Тодзио — японцами типичными или что в дивизии Сато подобрались люди без национального характера, тогда как типичные носители такового сконцентрировались на Сайпане.

Следует, конечно, признать эффективность японской военной пропаганды, которая отлично учитывала традиционность японского общества, преклонение, порой слепое, перед авторитетом, существование самурайского по происхождению профессионального офицерского корпуса, считавшего себя фактическим правителем страны и вершителем ее судеб и сознававшего свое кастовое и классовое единство. Физическое уничтожение офицерского корпуса на островах Тихого океана, в Китае и Маньчжурии в значительной степени облегчило процессы демилитаризации Японии после войны.

Пока на бирмано-индийской границе шли ожесточенные сражения, в Бирме происходила дальнейшая консолидация антияпонских сил. Окончательное решение о создании единой антифашистской организации в Бирме было принято летом 1944 г. После того как в Рангуне было достигнуто по этому вопросу соглашение между социалистами (У Ба Све и У Чжо Нейн — Народно-революционная партия), командованием армии и Такином Тан Туном, представлявшим в столице Компартию Бирмы, Аун Сан отправился в Пегу, где встретился с Такином Со и Такином Ба Хейном, которые представляли подпольные группы. Встреча происходила под охраной 4-го батальона бирманской армии. На этой встрече было окончательно утверждено название организации — Антифашистская лига народной свободы, согласован манифест Лиги и утвержден флаг: красное полотнище с белой звездой в левом верхнем углу. Красный цвет флага означал доблесть масс и единение всех людей земного шара, а пятиконечная звезда — путеводную звезду, ведущую народ к свободе и прогрессу.

В августе 1944 г. Лига была оформлена в единую организацию. Это была не партия, а антияпонский и антиимпериалистический фронт, в который вошли все левые партии Бирмы, а впоследствии и многие другие организации. Особый характер Лиги, отличавший ее от националистических организаций в большинстве других стран Юго-Восточной Азии, объясняется характером национально-освободительного движения в Бирме. Объективно этому способствовала политика японцев, сделавших помимо собственного желания все, чтобы сплотить на общей антиимпериалистической платформе общественные силы, которые в ином случае вряд ли смогли бы в столь короткий срок выработать общую платформу. Другим объективным фактором, обусловившим именно такой характер Антифашистской лиги, была реальная расстановка политических сил в стране.

Проанглийские политики, имевшие вес и влияние в Бирме до войны, либо отсиживались в Индии, либо ушли с политической арены. Правые партии, поддерживавшие Ба Мо или сделавшие ставку на японцев, были в глазах народа скомпрометированы тесным сотрудничеством с оккупантами. Левые силы с первых дней войны объявили о своем неприятии японского господства и о своем враждебном к нему отношении.

Высший совет Лиги немедленно после создания превратился в подпольное, но обладавшее фактической властью правительство страны. Ба Мо знал о его существовании, но остерегся выдать лидеров АЛНС японцам — лето 1944 г. ознаменовалось столь внушительными победами союзников, что ни у одного здравомыслящего человека больше не могло возникать сомнений, кто победит в войне.

Манифест Лиги говорил о необходимости развертывания борьбы с японским оккупационным режимом. В нем излагался план этой борьбы, включавший разрушение коммуникаций, борьбу с трудовой мобилизацией и ревизиями, убийство японских агентов и, главное, создание везде мест-

ных отделений Лиги и подготовку к национальному восстанию. В то же время манифест содержал и политическую программу АЛНС. Отмечалось, что Бирма должна стать независимой республикой, в конституции которой будут зафиксированы все демократические свободы, введено право на труд, отменена расовая и религиозная дискриминация, провозглашено национальное равенство. Собственность предателей народа должна быть конфискована.

О создании АЛНС и подготовке ею восстания англичане имели представление, однако инерция довоенных отношений с колонией вызывала в их стане немалые противоречия. Если руководство армии было готово признать существование бирманского национального сопротивления (а не только подпольной деятельности в среде горных народов) и с определенными оговорками шло на контакты с бирманскими революционерами, которые находились в Индии и представляли там бирманское сопротивление, то колониальным чиновникам в Симле все это казалось выдумкой армейской разведки. Глубокое убеждение Дорман-Смита и его окружения в том, что бирманский народ с нетерпением ждет верных англичанам бирманских политиков, сидевших в Симле, сулило в будущем серьезные неприятности британской администрации.

Согласие армейского руководства пойти на сотрудничество с Лигой было с неудовольствием встречено политиками Лондона и Дели, всегда противопоставлявшими «верных горцев» «предателям бирманцам». В результате если в 1944 г. в Бирму были сброшены для связи и координации усилий четыре группы парашютистов с рациями и была достигнута договоренность, что бирманцы пошлют в Индию несколько групп для обучения диверсионным действиям, то уже в феврале 1945 г. снабжение подпольщиков АЛНС оружием было прекращено и они получили ультиматум о беспрекословном подчинении командованию секретной «части 136». Было объявлено, что отныне оружие будет доставляться только по

представлению агентов этой части и должно быть возвращено по окончании военных действий. Это решение, принятое администрацией Британской Индии, вызвало возражения в ставке Маунтбеттена. Командир «части 136» обратился к командующему с просьбой пересмотреть его, так как «усиленное партизанское движение в Бирме в огромной степени помогло бы операциям за линией вражеских войск». На основе этого доклада Маунтбеттен приказал продолжить снабжение бирманцев стрелковым оружием. Помимо всего прочего, он полагал, что и в политическом отношении антияпонское движение в тылу выгодно, так как вызывает «пробританские чувства в Бирме». Этот спор решался на самом высшем уровне — в английском кабинете министров, хотя речь шла всего о трех тысячах винтовок. Решено было, что оружие передается не Лиге, как единой организации, а лишь подпольным группам, связанным с «частью 136», и кабинет министров даже в такой момент счел возможным указать Лиге, что ее вклад в освобождение страны «не имеет большого значения».

В отношениях союзников с АЛНС проявились и противоречия между Англией с одной стороны, США и Китаем — с другой. При этом если американцы на контакты с АЛНС практически не выходили — части Стилуэлла действовали в качинских и шанских районах, где АЛНС была слаба, то китайцы не прекращали попыток наладить связи с подпольщиками, так как Чан Кайши куда более устраивала независимая Бирма, чем Бирма британская. Во время войны в Чунцине не раз бывали бирманские подпольщики и вели там переговоры о помощи. Правда, практической помощи китайцы оказать не могли. Представители бирманского сопротивления пробыли в Чунцине восемь месяцев, и им удалось даже встретиться там с Чжоу Эньлаем, прибывшим в столицу гоминьдановцев для переговоров с Чан Кайши, и передать послание китайским коммунистам от коммунистов Бирмы. Однако постоянных

контактов с китайскими коммунистами налажено так и не было, да и переговоры с Гоминьданом остались только переговорами.

Таким образом, все союзники — и англичане, и американцы, и китайцы — о бирманском сопротивлении имели представление, однако существенной помощи ему по разным причинам не оказывали, зато и не смогли взять его под свой контроль. В целом для всех союзников характерно одно — глубокая недооценка масштабов и значения бирманского сопротивления.

Начало 1945 г. было отмечено усилением подготовки к восстанию. Считается, что к концу 1944 г. Лига уже имела как минимум 50 тыс. членов, не считая многочисленных подпольных групп, не учтенных Лигой. Укреплялась и армия, причем военная подготовка с согласия японцев и даже под их наблюдением (командование армии умело прикрывало антияпонскую подготовку заверениями в своем желании помочь японцам в решающей стадии борьбы с англичанами) проводилась не только в учебных центрах армии, но даже в таких организациях, как пожарные команды, отряды ПВО и т. д. К началу 1945 г. удалось охватить военной подготовкой около 10 тыс. человек.

Руководители Лиги постоянно находились в движении, идя при этом нередко на большой риск. Например, Такин Со зимой приехал в Рангун и несколько дней находился там, переодетый в форму капитана НАБ, под армейской охраной. «Кэмпейтай» все время арестовывала «подозрительных» лиц, некоторые из них знали о существовании АЛНС и о том, кто ее лидеры, но, к счастью для революционеров, никто их не выдал. В наиболее опасных случаях «внутренний круг» прибегал к поддержке Ба Мо.

В дни подготовки к восстанию Ба Мо стал проявлять серьезное беспокойство. Он не хотел антияпонского выступления прежде всего потому, что считал его обреченным на неудачу и опасался, что не сможет доказать японцам свою

непричастность к действиям, которыми руководят министры его кабинета. В случае же победы восстания ему не находилось места не только во главе государства, но даже в верхнем эшелоне власти. В этих условиях Ба Мо решил пойти на тактическую хитрость и предложил Аун Сану принять «план, разработанный Босом для индийских частей: дождаться, пока японцы уйдут из Бирмы, ничего не предпринимая и продолжая сотрудничать с ними, а после этого начать восстание против англичан, рассчитывая на поддержку народа». Хотя задним числом Ба Мо утверждает, что идея «понравилась» Аун Сану, тот на самом деле даже не стал всерьез обсуждать этот бессмысленный и наивный план. Понимая, что прямым доносом он подпишет себе смертный приговор (при этом не было известно, кто скорее приведет его в исполнение — такины или сами японцы), Ба Мо решился на интригу. Он посетил командующего японскими войсками генерала Кавабату и сказал ему следующее: «Если вы пошлете наши бирманские части на фронт, вы заставите их самих осознать, что они сражаются именно против англичан и их союзников, а если среди них найдутся такие, кто не будет видеть в англичанах врагов, их можно будет сразу разоблачить. В ином случае возникает опасность того, что, концентрируя бирманские части в доступных местах, вы открываете путь для вражеских агентов, которые проникают в их ряды и ведут пропаганду». На эти слова японский генерал лишь улыбнулся и сказал весьма презрительно, что бирманские части можно занять, устраивая время от времени парады. Ба Мо был вынужден прервать беседу. Теперь ему оставалось лишь ждать дальнейших событий.

К концу войны усилились репрессии оккупантов против бирманцев. Осознавая свое поражение и понимая, что находятся в атмосфере всеобщей ненависти, японские солдаты и жандармы вымещали злобу на мирном населении. Достаточно привести два примера, которые были рассмотрены во время суда над главными японскими военными преступни-

ками и потому стали доступны общественности, — сотни подобных, возможно не меньших по масштабу, преступлений канули в Лету.

В июне 1944 г. штаб японских войск в Моулмейне был встревожен активизацией неподалеку от города партизан и заброшенных по воздуху английских «коммандос», угрожавших прервать коммуникации. Командующий 33-й дивизией послал в предгорный район карательную экспедицию в составе 3-го батальона 215-го пехотного полка. Не найдя ни партизан, ни парашютистов, каратели решили проверить большую деревню Калагон. 7 июля батальон вступил в деревню. Прикомандированные к нему для ведения допросов жандармы из «кэмпейтай» всю ночь пытали деревенских жителей, но ничего о партизанах узнать не смогли. На следующий день жители деревни были связаны группами по пять человек и отогнаны к старым колодцам на околице. У колодцев крестьян закалывали штыками и сбрасывали вниз. Когда колодцы наполнялись телами, японские солдаты утрамбовывали их, чтобы поместилось больше. В ходе этой операции погибли все мужчины деревни и многие женщины и дети — всего более 600 человек. Девушек и молодых женщин японские солдаты увели с собой, и никто их больше никогда не видел. Лишь двое из крестьян смогли выбраться из колодцев и стать впоследствии основными свидетелями на суде. Затем японский батальон сжег деревню и вернулся в Моулмейн.

В конце войны командование гарнизона на Андаманских островах пришло к выводу о необходимости «кардинально решить» продовольственную проблему, так как поставки с материка сократились. Было решено перевести на Хавелок — необитаемый, заросший джунглями остров у северо-западного побережья о-ва Южный Андаман некоторое количество «лишних ртов». В это число были включены все, кто не работал на японской базе, т. е. старики, женщины и дети, а также «нежелательные элементы». Их

выгнали из домов, запретив что-либо с собой брать, и погрузили на три транспорта. При подходе к острову японцы начали сталкивать «ссыльных» за борт. Более 100 человек при этом утонуло, остальные добрались до берега, где их ждала медленная смерть от голода. Высадившиеся позднее на остров английские десантники обнаружили, что в живых осталось всего 11 человек из 300 с лишним, вывезенных с Андаман. На суде после войны японский губернатор Андаман мотивировал свое решение тем, что этим он облегчал положение не только японских моряков, но и оставшихся на острове местных жителей.

Приход в Ассам весенне-летнего муссона 1944 г., как и следовало ожидать, ударил в первую очередь по японским войскам. Измученные долгими боями, лишенные припасов, оборванные и голодные японцы шли в отчаянные атаки на английские позиции, но успеха добиться не могли. Наконец, самый решительный из дивизионных командиров, генерал Сато, так и не продвинувшийся дальше Кохимы, обратился к командующему армией с просьбой разрешить остаткам его дивизии отходить. Сато планировал начать отход 30 мая, бросив все снаряжение и прикрывшись отрядами смертников, которые должны были закрыть перевалы. В последние дни перед намеченным сроком Сато в отчаянии слал радиограммы в штаб армии. «С самого Чиндуина, — гласила одна из них, — мы не получили от вас ни одного патрона, ни одного зерна риса. Мы все время подвергаемся атакам противника. Пошлите нам продовольствие самолетами. Противник все время получает пищу и боеприпасы». Наконец, вечером 30 мая Сато сообщил Мутагучи, что ему не остается иного выхода, как начать отступление. Сато был прав — именно в эти дни Слим высказал уверенность в том, что англичанам удалось не только выиграть битву, но и что скоро они отрежут и полностью уничтожат завязшую в боях японскую армию. Ответ Му-

тагучи был короток: «Отступите — пойдете под трибунал». Сато ответил также коротко: «Мы пойдем под трибунал вместе». Радио 31-й дивизии замолчало, и лишь на следующий день штаб армии в Мемьо получило от Сато последнюю телеграмму: «Оперативные способности штаба армии ниже, чем у кадетов». После этого рация была разбита, как и все, что можно было уничтожить, и дивизия начала отходить на восток. Узнав об этом, Мутагучи заявил, что Сато — предатель, сорвавший наступление, которое должно было решить исход битвы в пользу японской армии, и приказал оставшимся у него 15-й и 33-й дивизиям, командиры которых не смогли проявить такого же упрямства, как Сато, вновь наступать на Импхал. Наступление, как и следовало ожидать, провалилось, и начался тяжелый отход. Генерал Сато 27 июня, после того как перевел через Чиндуин остатки дивизии, был уволен в запас «по болезни». А еще через несколько недель был лишен командования армией и отозван Мутагучи.

Генерал Слим, несмотря на усталость английских войск, хотел как можно быстрее продолжать наступление, справедливо полагая, что неудобства и тяготы, которые нес муссон, являются неудобствами и тяготами и для японцев. Правда, передышка была необходима, так как свежих войск у Слима не было, а потери были чрезвычайно велики. При этом в боях было потеряно около 40 тыс. солдат, а в результате болезней — 82 тыс. Японцы же только в боях потеряли 65 тыс. из 115 тыс., принимавших участие в наступлении.

23 июля 1944 г. Маунтбеттен представил на рассмотрение Объединенного комитета начальников штабов два альтернативных плана дальнейших действий в Бирме. Первый из них — «Кэпитл» — предусматривал выдвижение английских войск к Чиндуину и выход весной 1945 г. к линии Мандалай — Пакхоуку на Иравади с целью дальнейшего наступления на Рангун. Второй план — «Дракула» — предлагал

захват Рангуна с моря и воздуха. В этом случае армии Слима отводилась пассивная роль в Северной Бирме. В Лондоне горячо поддерживали план «Дракула», который представлялся Черчиллю и его кабинету решительным прыжком в сторону Сингапура, тогда как план «Кэпитл», предусматривавший тяжелые бои на бирманских равнинах, казался Лондону недостаточно эффектным.

Возражения Слима против плана «Дракула» основывались прежде всего на том, что «Дракулу», по английским наметкам, можно было начать лишь весной 1945 г., т. е. японские войска в Бирме получали почти год для отдыха и укрепления своих позиций. В результате, считал он, англичане упустят стратегическую инициативу, в то время как взятие Рангуна с моря само по себе не будет означать разгрома основных японских сил в Бирме. К тому же Слим по-прежнему отрицательно относился к деятельности чиндитов, которым в плане «Дракула» отводилась значительная роль. Он напоминал, что во время сражения за Импхал 11 японских батальонов смогли почти полностью блокировать 20 батальонов Уингейта, которые по плану их командира должны были разгромить тылы японской армии. Уничтожение чиндитами нескольких складов не стоило тех усилий, которые ушли на снабжение в горах 10 тыс. человек. В большинстве случаев группы чиндитов, лишенные артиллерии, забирались в труднодоступные горные леса, и, если бы не постоянная помощь бирманцев и горных народов, о чем с благодарностью вспоминают участники событий, вряд ли им удалось бы спастись от японских карательных отрядов. Однако существование чиндитов было выгодно Лондону, так как их деятельность создавала видимость непрекращающихся боевых действий в Бирме. И хотя после гибели Уингейта, разбившегося на своем самолете 25 марта, Слиму удалось поставить во главе чиндитов куда более дисциплинированного и послушного бригадира Лентена, свернуть их операции было выше сил командующего.

Добившись наконец, когда стало ясно, что англичане побеждают под Импхалом, разрешения Чан Кайши ввести в бой китайские и американские части, Стилуэлл начал в апреле 1944 г. наступление в долине Хукаун на крайнем севере Бирмы. Стилуэлл был убежден, что наступление пройдет успешно, так как в тылах 18-й японской дивизии, дислоцировавшейся в этом районе, действовали чиндиты, которые должны были блокировать подвоз боеприпасов и снаряжения японцам. Поначалу Стилуэллу действительно удалось добиться успеха: трехтысячный отряд «бродяг Меррилла», усиленный 4 тыс. китайских солдат и 600 качинскими партизанами, смог обойти по горам японские заслоны и 17 мая захватить важный аэродром в Мьичине. У Стилуэлла были основания торжествовать — первый серьезный успех на территории Бирмы был достигнут его слабыми частями, а не английскими армиями. Однако дальше начались трудности. Командиры китайских дивизий отказывались выполнять приказы Стилуэлла, каждый раз связываясь с ненавидевшим его Чан Кайши, чиндиты не оказали обещанной поддержки. В результате китайские части застряли под Мьичиной, несшей основную тяжесть боев. От отряда Меррилла оставалось чуть больше тысячи человек, но по крайней мере это была единственная часть в войске Стилуэлла, которая соглашалась подчиняться его приказам. Все лето продолжалась, по словам Слима, «плохо организованная осада Мьичины, которую штурмовали 30 тыс. китайцев, бригада чиндитов и тысяча американцев, а защищал отряд численностью чуть более 3 тыс. человек». Можно понять досаду Слима, который хотел сам использовать плоды битвы при Импхале и не желал упускать победу. К тому моменту, когда 5 августа Мьичина наконец пала, от «бродяг Меррилла» и от бригады чиндитов осталось в строю чуть более 10% состава.

Наступление, предпринятое Стилуэллом, не встретило поддержки английского командования, которое квалифицировало его как «неразумное и никому не нужное». Для того чтобы подчеркнуть свою решимость уделить основное внимание морским операциям, Лондон приказал перевести штаб командования Юго-Восточной Азии в г. Канди на Цейлоне, куда и переехал 14 апреля Маунтбеттен. Там его застало известие о захвате аэродрома Мьичины, а на следующий день он получил язвительное послание от Черчилля: «Как получилось, что американцы блестящей победой посадили нас в лужу?»

Хотя и не весьма убедительная, победа Стилуэлла была в то же время победой Чан Кайши. Получалось, что, пока Лондон строил планы войны в Бирме, китайские войска уже освободили от японцев север страны. Таким образом, наступление Стилуэлла сыграло на руку Слиму, возражавшему против операции «Дракула», которая должна была отнять у него плоды победы под Импхалом, и напугало Лондон, начавший склоняться к тому, чтобы английские войска начали наступление на Мандалай. Но лишь 16 сентября 1944 г., когда дождливый период подходил к концу, Слим получил телеграмму от Маунтбеттена из Квебека, где проходила очередная конференция на высшем уровне, со следующими словами: «Вашей целью является освобождение всей Бирмы в возможно короткий срок». Телеграмма легализовала уже принятое Слимом решение: еще 6 августа он двинул две дивизии по следам медленно отступавших японских заслонов с целью приблизиться к Чиндуину. Однако продвижение этих дивизий было очень медленным, потому что во время муссона тропы развезло, японские заслоны отдавали каждый очередной поворот или участок тропы только после упорного боя, а главное, свирепствовали болезни. В первые же дни, например, передовая бригада одной из дивизий потеряла девять человек убитыми, 85 ранеными и 507 больными, после чего ее пришлось снять с фронта.

* * *

Главная трудность предстоящей кампании состояла в том, что, до тех пор пока Бирма была отрезана для союзников со стороны моря, все снабжение войск должно было проходить либо по воздуху, либо по тропам за Чиндуином. Реально оценивая возможности такого снабжения, Слим понимал, что не сможет ввести в Бирму больше четырех дивизий. В то же время японское командование могло, несмотря на разгром у Импхала, противопоставить англичанам шесть дивизий. Кроме того, у него оставалась возможность перебросить на север две дивизии из Аракана.

По первоначальному плану основной целью наступления англичан был Мандалай — центр Верхней Бирмы, основной узел дорог, второй по величине город страны. Наряду с наступлением на него часть английских войск должна была ударить к северу, в направлении Шуэбо, чтобы соединиться с застрявшими южнее Мьичины отрядами Стилуэлла. Однако эти планы пришлось менять на ходу в связи с изменившимися обстоятельствами.

Во-первых, длительная борьба между Стилуэллом и Чан Кайши завершилась 18 октября тем, что Рузвельт, несмотря на возражения Маршалла, отдал приказ об отозвании Стилуэлла и разделении его обязанностей между тремя другими американскими генералами. С этой минуты Слим и англичане в Индии были уверены, что китайское наступление на севере Бирмы, и без того медленное, затормозится вообще. Во-вторых, командование японскими войсками в Бирме, понимая, что англичане, выйдя на равнину, устремятся к Мандалаю, неожиданно для противника решило отвести японские части из гигантской излучины, которую образует Иравади перед Мандалаем, и не ввязываться в бои с англичанами в долине между Иравади и Чиндуином, имея за спиной двухкилометровую реку. Излучина Иравади должна была стать громадной ловушкой для английской армии, оторвавшейся от своих баз.

Однако Слим на этот раз заранее заподозрил неладное. Опасным симптомом ему показалось прежде всего то, что начиная с октября сопротивление японцев перед передовыми дивизиями англичан стало не более чем номинальным. Даже в тех случаях, когда обстоятельства благоприятствовали им, японцы предпочитали после демонстрации сопротивления отойти еще на несколько километров. Без танков и артиллерии передовые дивизии англичан спокойно двигались вперед и к середине декабря находились уже в 80 км от Иравади. Воздушная разведка и чиндиты установили, что основное движение японских войск идет не навстречу врагу, а наоборот, за Иравади, на восточном берегу которой и строится линия укреплений. Подобная информация поступила и от бирманских партизан, с которыми английская разведка вошла в контакт.

Слим понимал, что если он будет следовать разработанным планам, то добровольно введет свою армию в мешок и поставит ее под угрозу уничтожения. Поэтому, не сообщая ничего на первых порах даже своему прямому начальству, он отважился на рискованную операцию, которая в случае успеха могла значительно ускорить освобождение Бирмы, а в случае провала — серьезно ухудшить положение английских войск. Слим решил скрытно перебросить свои основные силы по долине Мьиты значительно южнее, в район Пакхоуку, к нефтяным промыслам Чау и древнему Пагану. Затем, форсировав Иравади, они должны были стремительным ударом занять Мейтхилу и, оседлав железную дорогу и шоссе Мандалай — Рангун, отрезать группировку в районе Мандалая и ударить в сторону Рангуна, тем более что крупный город Мейтхила — расположение японских штабов и складов — был не менее важен для овладения Бирмой, чем Мандалай.

Подготовка к этой операции началась в декабре 1944 г. и включала тщательно разработанные меры по введению в заблуждение японцев, включая даже организацию фальшивого штаба армии севернее Мандалая. Еще сложнее было перебросить на юг по тропам на расстояние 500 км весь 4-й

корпус таким образом, чтобы он сохранил боеспособность, а японцы так и не догадались, что в тыл к ним заходит столь значительное соединение. Основная заслуга в успешном проведении этой операции принадлежала инженерным войскам, которые смогли скрытно проложить дорогу для войск, навести мосты и подготовить переправы.

За два дня до подхода 4-го корпуса к Иравади части, вышедшие в долину севернее Мандалая, начали наступление на Мандалай и в тяжелых боях отвлекли на себя значительные силы японцев. В ночь с 13 на 14 февраля дивизии, сошедшие с гор, начали форсирование Иравади в 30 км южнее Пакхоуку, на стыке японских 15-й и 28-й армий. Этот участок реки оборонялся бригадой Индийской национальной армии, которая, как только в ее расположении появились английские войска, сложила оружие. Это была последняя боевая акция армии Боса. Переправа была полной неожиданностью для японцев, и на следующий день английские войска уже захватили значительный плацдарм на левом берегу Иравади, а через две недели упорных боев с опомнившимися японскими войсками продвинулись на 120 км, захватили Мейтхилу и успешно отбивали атаки японских частей, брошенных как из Рангуна, так и из Мандалая.

В боях, начавшихся на широком фронте, части Слима имели то преимущество, что навязывали японцам инициативу и заставляли их принимать свои условия, так как вышли на оперативный простор и к тому же, перерезав Бирму пополам, нарушили коммуникации японских частей. Обладая абсолютным превосходством в авиации и используя улучшенную дорогу по долине Мьиты для переброски не только артиллерии, но и машин и танков, Слим поставил себе целью разгромить японские части в районе Мандалая и затем обратить основное внимание на Рангун. Слиму хотелось доказать своему же собственному командованию, что он может собственными силами освободить всю Бирму без помощи операции «Дракула».

Мандалай, отрезанный от основных сил и подвергавшийся ударам с севера и юга, пал 20 марта 1945 г. Одновременное продвижение английских войск в Аракане привело к освобождению Акьяба, с аэродрома которого британская авиация могла оказывать реальную поддержку британским частям, продвигавшимся к югу. Наконец, немаловажным обстоятельством, ускорившим наступление Слима на Рангун, был переход на сторону союзников Национальной армии Бирмы. Вопрос был не столько в количественном составе или вооружении бирманских войск, сколько в том, что японцы теперь были лишены даже видимости поддержки бирманцев.

Глава IV

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Описанию освобождения стран Юго-Восточной Азии от японских оккупантов, которое будет вестись, как и рассказ о захвате этих стран Японией, не столько по хронологическому, сколько по географическому принципу — с запада на восток, необходимо предпослать несколько общих замечаний. Прежде всего подчеркнем, что как по расстановке политических и общественных сил накануне освобождения, так и по характеру военных действий страны этого региона можно разделить на две группы, в одну из которых войдут Бирма и Филиппины, в другую — Индонезия, страны Французского Индокитая и отчасти Малайя.

В странах первой группы боевые действия в 1944—1945 гг., как и в 1941—1942 гг., происходили интенсивно и затронули наиболее экономически развитые и населенные районы, разрушив экономику и принеся народам стран огромные страдания. И в той и в другой стране, как указывалось, национальные политические силы были достаточно развиты и

имели опыт политической, в том числе парламентской, деятельности, в связи с чем японцы предприняли, особенно в 1943 г., значительные усилия для того, чтобы обеспечить себе поддержку местного населения и местных политиков. В обеих странах японцам удалось привлечь к сотрудничеству определенную часть местных националистов, хотя здесь следует отметить и существенное различие, заключающееся в том, что англичане наотрез отказались рассматривать вопрос о независимости Бирмы до конца войны и не могли дать твердых обещаний, что после войны страна эту независимость получит. Следовательно, общественное мнение Бирмы относилось к англичанам как к врагам и оккупантам, причем это отношение, за малым исключением, охватывало все слои общества. На Филиппинах же и уровень самоуправления до войны был выше, чем в Бирме, и сроки провозглашения независимости уже были назначены, причем американцы неоднократно подчеркивали, что сражаются не только за освобождение Филиппин от японцев, но и за независимость страны, которую та получит немедленно после освобождения. В английской колониальной армии не было бирманцев — англичане не доверяли им оружия, стараясь посеять рознь между основной массой населения колонии и национальными меньшинствами. Филиппины, напротив, вместе с американскими защищали и филиппинские части, сражавшиеся достаточно упорно. В Бирму японцы пришли как освободители, ибо смогли заручиться поддержкой поверивших им местных националистов; на Филиппинах мало кто воспринимал японцев в таком качестве. В результате сотрудничество с оккупантами в Бирме выглядело как патриотический шаг, а филиппинцами рассматривалось как коллаборационизм. Поэтому и сопротивление японцам началось на Филиппинах с самых первых дней их высадки и продолжалось до последнего дня войны. В Бирме же оно нарастало постепенно и достигло всенародного размаха лишь к концу 1944 г.

В Бирме все попытки английских властей посадить на прежнее место политиков, ушедших вместе с англичанами в Индию и преданно служивших им там в ожидании часа, когда смогут снова стать у руля страны, полностью провалились. Подавляющее большинство бирманцев поддерживало лидеров национально-освободительного движения, пошедших на сотрудничество с японцами исключительно в интересах освобождения родины от иноземного ига, и после изгнания оккупантов. На Филиппинах же после освобождения политиков, наиболее активно сотрудничавших с японцами, обвиняли в коллаборационизме сами филиппинцы. Сложилась парадоксальная ситуация, когда американцы защищали от суда коллаборационистов, полагая, что они, послушные японцам, будут послушны и США, и преследовали руководителей антияпонского сопротивления, казавшихся им слишком радикальными. В связи с этим даже к Осменье, проведшему все годы войны в США, американцы относились после войны весьма сдержанно, так как тот поддерживал связи с лидерами левых сил.

Общим для обеих стран первой группы было то, что их освобождение от японских войск сопровождалось немедленным вступлением в страну сильной армии старого колониального хозяина. Таким образом, временно́го промежутка между отступлением японцев и приходом союзников не было. Кроме того, в обеих странах освободительные патриотические силы активно участвовали в боях вместе с западными союзниками, и это позволяло последним эффективно контролировать силы сопротивления и одновременно укреплять свою власть в стране. Дальнейшие события в этих странах также имели много общего. С одной стороны, борьба за освобождение приняла в них мирные формы, и независимость, полученная Филиппинами и Бирмой в ближайшие годы, была достигнута на путях парламентаризма с сохранением важных экономических и политических позиций бывших метрополий. С другой стороны, в обеих странах оттесненные от руководства вооруженные фор-

мирования левых сил, в первую очередь руководимые коммунистами, не примирившись с отказом национальных правительств от проведения коренных социальных преобразований и опираясь на поддержку сельской бедноты, недовольной возвратом старых порядков, начали вооруженную борьбу, сведшуюся в конечном счете к партизанской войне.

Иным был ход событии в Индонезии, странах Французского Индокитая (прежде всего во Вьетнаме) и, в определенной степени, в Малайе. Эти страны по разным причинам не получили от японцев независимости, хотя в некоторых из них национально-освободительное движение достигло высокой ступени развития и существовало подпольное антияпонское сопротивление, руководимое в основном коммунистами и другими левыми силами. Поскольку, однако, эти движения не имели государственной «вывески» и никак не были легализованы, возвратившиеся европейские колонизаторы не пожелали признать за ними права на существование. В то же время именно в этих странах произошел временно́й разрыв между фактической ликвидацией японского управления и приходом вооруженных сил союзников. Этот разрыв позволил созревшим в период японской оккупации силам национального сопротивления Вьетнама и Индонезии взять власть в свои руки и провозгласить независимость своих стран. Создавшаяся ситуация привела к вооруженному конфликту между национальными правительствами и европейскими державами, которые решили пойти на крайние военные меры, лишь бы не потерять своих колоний. В результате начало послевоенного периода во Вьетнаме и в Индонезии стало и началом новых войн.

Наступление англичан в Бирме и опасения, что японцы узнают о замыслах патриотов, как и угроза того, что горячие головы могут начать восстание преждевременно, заставляли спешить. 1—3 марта прошло последнее совещание руководителей бирманского национально-освободительного движе-

ния, на котором присутствовали офицеры армии, представители КПБ и НРП. Аун Сан в своей речи отметил, что революционная ситуация в стране уже сложилась и следует поднять восстание, не дожидаясь подхода англичан. Участники совещания согласились с Аун Саном. Было решено разделить всю страну на 10 военных зон и создать Высший совет АЛНС. Военным руководителем Лиги объявлялся Аун Сан, политическим комиссаром — Такин Со, ответственным за отношения с союзниками — Такин Тан Тун. Был установлен срок восстания: конец марта — первая неделя апреля. Частям НАБ, расквартированным в районе Мандалая, к которому уже подходили английские войска, было приказано перейти на сторону англичан еще раньше, однако сделать это так, чтобы данный факт показался японцам единичным исключением. Было решено, что командир этих частей майор Ба Хту, участвовавший в совещании, будет официально объявлен изменником и бунтарем. Получив такие инструкции, майор отбыл на север. Участники совещания еще не знали, что в Мейтхиле, куда также подходили англичане, уже восстал батальон майора Таун Джи.

4 марта Ба Хту провел совещание с командирами подчиненных ему подразделений, на котором было решено до 7 марта перебросить как можно больше снаряжения и припасов в джунгли и восстать не позднее утра 8 марта. Перед уходом в джунгли Ба Хту сообщил о своем решении англичанам, а также выпустил воззвание, в котором, строго следуя инструкциям, писал, что задача армии — «борьба за свободу и независимость родины. Японцы этой независимости нам не дали, а принесли лишь рабство и унижение. Мы долго верили, что марионеточное правительство Ба Мо и Аун Сана защитит народ от мучений, однако оно не дало нам никакой защиты». В течение следующих дней батальоны Ба Хту оборонялись в джунглях и холмах неподалеку от Мандалая от снятых с фронта японских частей. К 24 марта связь с англичанами уже была налажена настолько, что бирманцы приняли участие во взятии

Мандалая. Затем они сосредоточились в долине Чаусхе и в самом конце марта по приказу английского командования двинулись на восток, в Шанские княжества, очищая их от японских тыловых гарнизонов. Значение этого рейда было не столько военным, сколько психологическим: тот факт, что южные Шанские княжества были освобождены именно бирманцами, сыграл важную роль в дальнейших событиях. Ба Хту первым из бирманских командиров получил благодарность от генерала Слима за «бесценный вклад в победу союзников». Его части были плохо вооружены, военнослужащие почти поголовно переболели малярией, а сам Ба Хту — один из наиболее выдающихся офицеров бирманской армии — не дожил до победы, скончавшись от малярии в начале июня.

Тем временем в Рангуне продолжалась подготовка к всеобщему восстанию. 9 марта была определена его точная дата — 25 марта, через несколько дней ее изменили на 2 апреля. Как ни странно, японцы не только поверили Аун Сану, что части Ба Хту взбунтовались без его ведома, но и согласились, хотя и не без колебаний, с его предложением направить на фронт основные силы бирманской армии.

17 марта на склонах холма священной пагоды Шуэдагон состоялся парад по случаю отправки на фронт частей Национальной армии Бирмы. На проводы прибыл весь японский генералитет. Над марширующими колоннами летели японские самолеты, то ли приветствуя союзников, то ли напоминая им, кому еще принадлежит власть в стране. Аун Сан выступил с речью, призывая громить врага. Ба Мо догадывался, кого имеет виду лидер АЛНС, знал он и о готовящемся восстании, однако ничего не сообщил японцам. Понимая, что дни их владычества в Бирме сочтены, Ба Мо тем не менее продолжал сотрудничать с ними. Вместе с Ба Мо в Рангуне согласились остаться два члена «внутреннего круга» — Такин Ну и Такин Мья. И было неясно, кто из такинов — те, кто уходил на фронт, или те, кто оставался с японцами, — имели больше шансов выжить в ближайшие недели.

20 марта Аун Сану, находившемуся в военном лагере в Таемьо, стало известно, что японская полиция получила сведения о готовящемся восстании и что до конца месяца во все части будут направлены специальные комиссии, которые должны провести следствие и арестовать зачинщиков. Японский план держался в полном секрете и мог удаться, если бы у Лиги не оказалось своих людей в японской полиции. В любом случае ждать до 2 апреля было слишком опасно, и Аун Сан сообщил англичанам, что начало восстания переносится на 27 марта. В этот день части НАБ заняли ключевые позиции в тылу японской армии и АЛНС выступила с объявлением войны «фашистскому правительству японских варваров». В те же дни начали боевые действия партизанские отряды компартии и НРП.

В первый период восстания бирманские войска, насчитывавшие в тот момент чуть более 10 тыс. человек, включая вспомогательные части, вели партизанские бои, нарушая тыловые коммуникации, захватывая города и деревни в ближнем тылу японцев, атакуя склады и отдельные японские подразделения. Очевидно, следует относиться скептически к отдельным сообщениям современных бирманских авторов, которые склонны преувеличивать задним числом и боевую мощь бирманской армии, и ее роль в разгроме японцев. Далеко не всегда достоверны приводимые в современных бирманских источниках и трудах данные о боях и победах. Это можно проиллюстрировать на примере зоны Бассейна: сообщается, что части НАБ провели там 32 боя, в которых 553 японца были убиты и 201 — ранен, в то время как потери бирманцев составили 18 убитых и 4 раненых. На самом деле, как ясно из самих же бирманских источников, активность НАБ в районе Бассейна была минимальной, японцы были настороже и смогли разгромить дислоцированное здесь подразделение еще до начала восстания. Впрочем, даже если бы этого не случилось, вряд ли бирманцам удалось бы нанести потери опытным японским войскам в пропорции 30:1. В то

же время почти полное умолчание о бирманской армии в британских источниках и мемуарах тенденциозно и несправедливо по отношению к бирманцам. Куда больше рассказано о каренских и чинских проводниках и носильщиках на севере Бирмы или в джунглях. Эта тенденциозность объясняется прежде всего тем, что горцы всегда оставались в сознании англичан верными союзниками империи, на бирманцах же лежала печать «неблагодарной нации», которая предпочла получить из рук японцев то, в чем ей отказали англичане.

Есть и объективный фактор, способствовавший отсутствию упоминаний о действиях бирманской армии. Он состоит в том, что подавляющее большинство исторических трудов и мемуаров кончают изложение военных событий взятием Рангуна, после которого судьба кампании в Бирме была решена. Существует множество книг и статей о сражении при Импхале, о рейде на Сикайя (Сагайн) и боях под Мандалаем, об отрядах Уингейта и «мародерах Меррилла», о действиях Стилуэлла и Слима — но о том, что происходило в Бирме летом 1945 г., известно лишь из бирманских источников, в западных же трудах о них в лучшем случае говорится скороговоркой. Однако основные действия бирманской армии падают именно на самые последние месяцы войны, когда она преследовала разрозненные части японцев, освобождала населенные пункты в стороне от основного направления наступления английских войск и куда более успешно и организованно, чем в 1942 г., устанавливала свою власть на местах.

Операции, проводившиеся бирманскими частями после начала антияпонского восстания, хотя и были невелики по масштабам, нередко отличались ожесточением; к тому же в городах, которые еще оставались в руках японцев, свирепствовала «кэмпейтай». Многие сотни подпольщиков, а то и просто «подозрительных» были расстреляны и замучены в последние месяцы войны. Особенно трудные условия были в районе г. Бассейн, представляющем безлесную, густонаселен-

ную равнину. И хотя позиции Лиги были здесь сильны — во всех деревнях действовали ее представители и были сформированы подпольные советы, в военном отношении бирманская армия была здесь представлена лишь 4-м каренским учебным батальоном, который к тому же не получил приказа о переносе срока выступления и ждал 2 апреля, чтобы восстать. 28 марта японцы окружили ничего не подозревавший батальон и разоружили его; вырваться удалось лишь небольшой группе во главе с командиром батальона. Немедленно после разоружения батальона японские власти произвели аресты всех руководителей местных организаций АЛНС. Их не довели до тюрьмы и перекололи штыками. Тех, кого арестовали позже, расстреляли в конце апреля, а их тела сбросили в колодец.

Жестоко расправились японцы и с теми солдатами, которые не успели, когда был получен приказ о переносе срока восстания, уйти из г. Пегу (4-я зона), так как были в увольнении или больны. Всех их на следующий день японцы схватили и подвергли пыткам, после чего более 50 человек расстреляли. В конце апреля на этом направлении бирманская армия участвовала в тяжелых боях, так как через район Пегу откатывались остатки японской 28-й армии, прорывавшиеся на восточный берег Ситауна.

Нелегким было положение в Тенассериме (5-я зона), где не было регулярных частей бирманской армии, причем и послать их туда не представлялось возможным. Для координации действий НАБ и партизан Тенассерима в этот район еще 21 марта была направлена на двух парусниках группа солдат и офицеров во главе с назначенным командующим зоной капитаном Тин Туном. Неподалеку от Моулмейна к ней присоединились два английских разведчика. Однако до места назначения отряд добраться не смог. Когда парусники пристали к одной из деревень в Северном Тенассериме, местный староста донес об этом японцам, отряд был окружен и взят в плен, всех партизан расстреляли. Лишь Тин Туну уда-

лось бежать, связаться с партизанами и продолжить сопротивление. К концу войны в отрядах Тин Туна насчитывалось около 500 человек.

В дельте Иравади дислоцировался пехотный полк майора Тин Пе, который координировал действия с партизанскими отрядами, руководимыми коммунистами. В то время Такином Со была уже издана инструкция, по которой помимо изгнания японцев основной целью отряда объявлялся тайный сбор оружия, которое, как отмечалось, пригодится для борьбы с англичанами. В инструкции также предписывалось не рисковать, беречь силы, дать возможность англичанам и японцам истощить друг друга в борьбе, а в случае опасности отступать в горы и ждать приказа о начале восстания против англичан.

Значительного размаха достигло восстание в 6-й зоне (Мейтхила — Яметин — Таунгу), где уже 28 февраля восстал батальон под командованием майора Таун Джи. Японские советники были перебиты, и батальон ушел в джунгли, соединившись с партизанами. В этих районах происходили сильные бои с прорывавшимися на восток японцами, и численность бирманских войск все время росла — после того как они соединились с англичанами, партизаны и армейские подразделения были сведены в три батальона.

В районе же Таунгу, который был важнейшим центром коммуникаций и пунктом, где японцы надеялись перегруппироваться, чтобы организовать новую линию обороны, решающая роль принадлежала не армии, а партизанам. Войскам Слима было необходимо взять Таунгу до того, как японцы там укрепятся, и в том, что англичане смогли это сделать, большая заслуга бирманских партизан, полностью дезорганизовавших японские тылы. В результате 5-я танковая дивизия англичан смогла прорваться к городу и взять его без значительного сопротивления. В тех же районах действовали каренские партизанские отряды, однако в современных бирманских источниках об их действиях почти ничего не

говорится, хотя англичане утверждают, что в каренских отрядах насчитывалось 12 тыс. бойцов.

Для боев в 7-й зоне (Магуэ — Таемьо) характерно то, что здесь в прочесывании гор Пегу участвовали не только бирманцы и англичане, но и присоединившиеся к ним подразделения Индийской национальной армии, которые к этому времени сдавались англичанам при первой возможности. Командующий ИНА Бос также понимал, что его ставка на японцев оказалась неоправданной, однако полагал, что самому ему пути назад нет. Тем не менее он отказался в апреле 1945 г. бросить свои войска на подавление восстания бирманской армии. Когда 18 мая 1945 г. ИНА капитулировала, Боса с армией уже не было — 24 апреля он уехал в Бангкок, а 18 августа погиб по пути в Японию.

В самом Рангуне (8-я зона) и его окрестностях восстали бойцы зенитной батареи, курсанты военного училища в Мингаладоуне, вспомогательные части — всего около батальона; в городе действовали также нелегально подготовленные и вооруженные группы пожарной охраны.

В то время как бирманские войска вели бои на коммуникациях противника и уничтожали его гарнизоны, 14-я армия Слима стремилась к Рангуну. Наступление шло наперегонки с муссоном, который уже в апреле мог обрушиться на Нижнюю Бирму и сделать грунтовые дороги непроходимыми для танков и машин, а также свести на нет преимущество англичан в авиации. Поэтому 28 марта был отдан приказ «захватить Рангун любой ценой и как можно скорее, до наступления муссона». Что касается японских 15-й и 33-й армий, старавшихся удержать хотя бы подобие общего фронта, то муссон был их последней надеждой. Поэтому японские войска оставляли на дорогах заслоны со смертниками и шли на все, лишь бы задержать до начала дождей продвижение армии Слима. Та же неслась вперед в борьбе не только с японцами и с муссоном, но и с операцией «Дракула». Несмотря на все уговоры Слима и Маунтбеттена, в Лондоне

все же решили провести ее и назначили высадку в Рангуне на 2 мая. Слим понимал — если десантники возьмут Рангун, который японцы, отступавшие к востоку, не могли защищать, потому что части, оставшиеся в нем, неизбежно были бы отрезаны от Таиланда, то лавры победителей в Бирме будут отняты и у него самого, и у дивизий, сражавшихся ради этой цели весь последний год.

К середине апреля, когда до начала операции «Дракула» оставалось всего две недели, между 14-й армией и столицей Бирмы лежали еще многие мили захваченной противником территории. 20 апреля была взята Пьинмана, до Рангуна осталось 200 миль. 22 апреля был взят Таунгу — 160 миль до Рангуна. Но через три дня передовые части англичан натолкнулись на отчаянное сопротивление японцев у Пегу. 17-я дивизия англичан, в составе которой было немало ветеранов кампании 1942 г., защищавших три года назад эти же укрепления, три дня штурмовала город, но войска японцев, которым было приказано стоять насмерть, чтобы дать возможность вырваться из Рангуна остаткам его гарнизона, японским чиновникам и дельцам, не отступали. Обойдя город, Слим с отрядом танков и мотопехоты устремился дальше, но 6 мая, когда он вошел в г. Хлегу, начались муссонные ливни, и дальнейшее наступление из стремительных рывков должно было превратиться в медленное передвижение по колено в грязи. Миновав Хлегу, солдаты Слима увидели, что по дороге навстречу ползут английские танки — из Рангуна шли колонны десанта, опередившие 14-ю армию.

Престижная, но в военном отношении совершенно ненужная операция «Дракула» была запланирована в грандиозных масштабах. Достаточно сказать, что во «взятии» Рангуна 2 мая участвовала эскадра охранения, состоявшая из двух линкоров, четырех крейсеров, двух авианосцев и пяти эсминцев. Прикрывая многочисленные транспорты с десантниками, она осторожно приближалась к городу. Летчики истребителей, поднявшихся с авианосцев, подтвердили сообщения разведчиков, что в Рангуне нет ни одного японца,

и сообщили в свою очередь, что на крыше тюрьмы, где содержались английские военнопленные, видна выведенная белилами приветственная надпись. Несмотря на это, батальон парашютистов был сброшен в устье р. Рангун и 2 мая началась бомбардировка города. Лишь после того как остатки порта были разрушены и в городе начались пожары, под защитой сотен самолетов передовая дивизия десанта начала высаживаться на набережной.

Вопрос о том, кто освободил Рангун, дебатируется до сих пор. Организаторы операции «Дракула», хотя и несколько обескураженные тем, что японцев найти в Рангуне не удалось, тем не менее на формальных основаниях выдвигали себя в освободители бирманской столицы. Сторонники Слима в ответ на это заявляли, что еще за два дня до высадки десанта истребитель из частей Слима опустился на аэродроме Мингаладоун. Пилот узнал, что город оставлен врагом, на попутной повозке доехал до города, заглянул в тюрьму, где были военнопленные, и даже привез Слиму подаренную ему военнопленными записку, которую за два дня до того приколол к открытым воротам тюрьмы ее японский начальник: «Настоящим удостоверяется, что вы имеете право покинуть эту территорию по своему желанию». И ни в официальной британской истории войны, ни в воспоминаниях ее участников не принимается во внимание, что, как только японцы покинули Рангун, власть в нем перешла к представителям АЛНС и вышедшим из подполья группам. Из японских и бирманских источников известно, что эвакуация японцев из Рангуна началась 27 апреля, а к 29 апреля в городе оставался лишь батальон Индийской национальной армии и подрывники. Узнав об этом, бирманское командование зоны вошло в контакт с индийцами, чтобы те впустили в город части НАБ. А так как к тому времени существовала договоренность между Аун Саном и Босом, что бирманская и индийская армии воевать не будут, то индийский отряд согласился на вход в город бирманских частей, которыми

командовал Бо Не Вин, хотя и отказался разоружиться, заявив, что сдаст оружие только англичанам. В результате 1 мая Рангун уже контролировался частями бирманской армии. Им удалось сорвать попытки японцев взорвать порт. Правда, так как значительных бирманских сил в этом районе не было, контроль бирманцев над столицей был лишь номинальным. Тем не менее остается фактом, что английский десант, высадившийся в оставленном японцами городе, увидел на улицах красные с белой звездой флаги АЛНС.

6 мая командующий зоной Бо Не Вин провел в Рангуне переговоры с командиром 26-й индийской дивизии британской армии. В результате этих переговоров бирманские части в столице получили как бы официальный статус — интендантство согласилось выдать им английскую форму, однако при условии, что в черте города они не будут носить оружия. Бирманцы согласились на это — они знали, что в городе, лишенном администрации, начались грабежи и бандитские налеты, и англичане, стараясь навести порядок, арестовывали всех, кого ловили с оружием. Таким образом, компромисс, заключенный Не Вином с англичанами, бы направлен на то, чтобы исключить недоразумения.

Генерал Слим, лишенный возможности торжественно поднять британский флаг над Секретариатом в Рангуне, был через два дня после того, как он все же вступил в город, отстранен от должности по инициативе ревниво следившего за его успехами командования в Дели. Правда, через несколько дней он был призван обратно: его незаслуженная отставка (под предлогом поправки ослабшего здоровья) вызвала возмущение даже в Лондоне. Слима не только вернули в Бирму, но и назначили на место генерала, сместившего его, — командующим сухопутными силами в Юго-Восточной Азии, и в этой должности ему пришлось участвовать в ликвидации последних очагов сопротивления японцев в Бирме и принимать их капитуляцию в Сингапуре.

Следует отметить, что характерное для всего периода изгнания японских войск из Бирмы сотрудничество англичан с бирманцами стало возможным в первую очередь потому, что командование 14-й армии (точнее, сам генерал Слим) сознательно пошло на установление контактов с Лигой. Относясь к той разумно мыслящей категории английских военных, которые были готовы признать право Бирмы на независимость, и понимая, сколь важна помощь бирманских войск, Слим предпочел занять позицию, отличающуюся от позиции колониального чиновничества. Уже 21 апреля агенты «части 136» во время очередной встречи с Аун Саном, который не прерывал связи с английскими разведчиками, предложили бирманскому командующему встретиться с генералом Слимом. Однако Аун Сан не мог сразу отправиться на рандеву из-за военной обстановки. Для бирманской армии это были самые трудные дни: японский фронт у Иравади распадался, и тысячи японских солдат поспешно отступали на восток через районы, где укрепились части НАБ. Бои, как вспоминают участники событий, шли ежедневно, и Аун Сан не знал, где он проведет следующую ночь.

Только в середине мая, уже после падения Рангуна, Аун Сан смог прибыть в Аланмьо (Аунлан), а оттуда на английском самолете перелетел в Мейтхилу, в ставку Слима. Когда Слим вышел к дверям штаба, чтобы встретить бирманского лидера, он заметил смятение среди штабистов: по двору, прижимая рукой к бедру саблю, шагал молодой японский генерал (бирманская армия была одета в японскую форму, несколько иными были лишь знаки различия). Лицо генерала было невозмутимым, но, как вспоминает Слим, в любой момент могло озариться умом и юмором. Аун Сан в ходе беседы с английским командующим отрекомендовался представителем Временного правительства Бирмы и потому просил рассматривать его как союзника, который не намерен подчиняться английским приказам. Слим признает в своих мемуарах, что он тут же прибегнул к шантажу, заявив, что для англичан Аун Сан — британский подданный, который

воевал с оружием в руках против своего короля, поэтому нет никаких гарантий, что его не прикажут арестовать как бунтовщика и предателя. Аун Сан реагировал на угрозы спокойно, а на вопрос Слима, почему же он так хочет отделаться от англичан, ответил, что ровным счетом ничего против них не имеет, как ничего не имеет против японцев и любых других иностранцев, однако не желает, чтобы они правили его страной.

Вождь бирманцев произвел на британского генерала яркое впечатление, и Слим не раз после этого подчеркивал свое убеждение в искренности и честности командующего бирманской армией. В то же время Слим был убежден в своей силе — нужно было быть слепцом, чтобы попытаться сопротивляться дивизиям, прошедшим сражения у Импхала и штурм Мандалая. Аун Сан также понимал это. Ситуация повторялась: как и три года назад, главным для бирманцев сейчас было сохранить армию и политическую организацию, в то время как любые поспешные действия могли лишь повредить общему делу. Неудивительно, что после встречи с английским командующим Аун Сан вернулся в свой штаб подавленным и задумчивым. Он сказал молодым офицерам, окружившим его, что борьба за свободу далеко еще не завершена и самое трудное — впереди.

На следующий день после встречи Аун Сана и Слима английское правительство опубликовало Белую книгу по Бирме. 1 июня палата общин обсуждала этот документ, при чтении которого становилось ясно, что война ничему не научила правительство Великобритании.

Белая книга предусматривала, что после войны и ликвидации военной администрации, которая была установлена армией, к власти придет английский губернатор, которому на правах совещательного органа будет помогать Исполнительный совет. Губернаторское правление для Бирмы предусматривалось до конца 1948 г. Лишь после этого наступит период подготовки к «полному самоуправлению в пределах Британской

империи». Здесь уже сроков не устанавливалось, и о том, когда наступит это самоуправление «в рамках», никому, даже авторам документа, не было известно. В экономической части программа также была совершенно неприемлема для бирманцев, ибо собственниками земли объявлялись те, кто владел ею до декабря 1941 г. и кто уже грузил чемоданы в Индии, готовясь к возвращению в Бирму.

Вряд ли можно было придумать документ, более оторванный от жизни и написанный как бы специально для того, чтобы колеблющиеся слои бирманского общества устремились к АЛНС. Появление Белой книги и политика военной администрации способствовали также росту влияния Компартии Бирмы, особенно в сельской местности. Программа коммунистов, требовавших передачи земли тем, кто ее обрабатывает, давала крестьянам лозунг, в котором они нуждались.

В своем заявлении, опубликованном одновременно с Белой книгой, Лига отмечала, что «нельзя отбросить народ назад к духовному и политическому уровню 1941 г. <...> Тот, кто думает, что все, чего хочет Бирма в 1945 г., сводится к снабжению ее продовольствием, одеждой и материалами для восстановительных целей, допустит огромную ошибку... Бирма хочет одного — стать полностью независимой — ни больше ни меньше».

Пока гражданские политики в Симле и Лондоне занимались составлением планов послевоенного устройства Бирмы, военные спорили, что делать с бирманской армией. Маунтбеттен настаивал на том, чтобы она сохранилась как боевая единица до конца войны, ибо ее помощь в освобождении Бирмы неоценима. 22 мая начальники военных штабов Англии согласились с его мнением, однако указали, что использование бирманской армии в военных операциях допустимо лишь под английским руководством и контролем, а после окончания войны армия должна быть разоружена, хотя и возможно включение какой-то ее части в будущие вооруженные силы колониальной Бирмы.

Не отказываясь в принципе от того, чтобы распустить после окончания войны армию, выросшую к лету до 25 тыс. человек, бирманские лидеры пока ничего для этого не делали и в то же время использовали присутствие ее частей в тылу для формирования там органов власти, контролируемых АЛНС. Стремясь к легализации армии, ее командование добилось того, что 15 июня в торжественном параде по случаю освобождения Рангуна участвовал батальон Бо Не Вина, одетый в новенькую английскую форму.

В июне в Рангунском порту появился крейсер «Кэмберленд», на борту которого находился британский губернатор Дорман-Смит в сопровождении колониальных чиновников и верных бирманских политиков. Он вернулся в страну, которой еще не управлял, так как военная администрация не желала пока передавать власть гражданскому губернатору. Тем не менее 20 июня Дорман-Смит собрал на борту крейсера бирманских лидеров, которых он считал представляющими национальное руководство страны. Лишь два из них принадлежали к Лиге — Аун Сан и Такин Тан Тун, остальные были правыми проанглийскими политиками или бывшими чиновниками колониальной администрации. Беседуя с бирманцами, Дорман-Смит произнес много слов о восстановлении Бирмы и ее социальном прогрессе, но ни одного о независимости. Правые политики были удовлетворены. Аун Сан и Такин Тан Тун, вежливо попрощавшись с губернатором, ушли, понимая, что никаких надежд на добровольное сотрудничество с Лондоном нет и с укреплением английской власти борьба будет становиться все ожесточеннее. Следовательно, надо было спешить — скорее устанавливать власть на местах, укреплять армию, запасать оружие и готовить кадры на случай, если придется уходить в подполье.

В создавшейся ситуации бирманские лидеры предпочитали иметь дело с военным командованием, в первую очередь с Маунтбеттеном, который, будучи патриотом Британской империи, имел в то же время куда более трезвый взгляд на вещи,

чем оторванные от жизни гражданские администраторы и лондонские министры. В частности, вот что писал мудрый Маунтбеттен в те дни в Лондон: «Хотя генерал-майор Аун Сан виновен в измене, так как сотрудничал с японцами, он относится к тем людям, чьи политические убеждения привели их к заключению, что истинные интересы их страны лежат в том, чтобы заставить японцев дать ей политическую свободу. Бирманцы были обмануты, и их современное поведение доказывает, что они осознают свою ошибку... Раз уж эти бирманцы стали национальными героями (а те, кто сражается с японскими оккупационными войсками, также ими станут), нам следует отнять у них инициативу, создав ситуацию, в которой они будут национальными героями, потому что сражались на стороне англичан, а не против них. В то же время я убежден, что любая политика, которая будет направлена на подавление движения сопротивления силой, будет иметь роковое воздействие на гражданское переустройство страны...»

23 июля, продолжая нажим на Лигу, английское командование провело решение о переименовании Национальной армии Бирмы в «Патриотические бирманские силы», как бы низводя ее этим до уровня нерегулярных формирований. Под таким названием бирманская армия в конце июля — начале августа принимала участие в последних крупных боях на территории Бирмы, закончившихся разгромом японской группировки у р. Ситаун. После этого остатки японских войск, почти не оказывая сопротивления, откатывались на восток, и функции бирманских отрялов ограничивались выслеживанием и обезвреживанием отдельных групп японских солдат, которые старались укрыться в горах и лесах на восточной границе Бирмы. Британские войска к этому времени надежно контролировали все крупные города Бирмы, а их превосходство над бирманской армией было настолько значительным, что воспрепятствовать процессу постепенного оттеснения бирманцев от руководства страной и возвращения к довоенной колониальной структуре вооруженным пу-

тем было невозможно. Перспективы общенационального восстания против английского правления также были маловероятны — за четыре года войны народ настолько устал и так мечтал о мире, что руководителям Лиги следовало искать политические пути к независимости.

В первой половине августа Аун Сан собрал в Рангуне командующих военными зонами. Целью его было ознакомиться с положением на местах и выработать общую платформу на предстоявшей сессии Высшего совета АЛНС. На заседания сессии, проходившие 16–18 августа, были приглашены представители всех крупнейших партий страны, включая и те, что не входили в Лигу. Сессия приняла резолюцию, в которой говорилось, что народ Бирмы «находится в долгу у народов и армий Советского Союза, США, Англии и Китая». Но теперь, когда война завершается, «демократический мир должен признать право бирманского народа на свободу, так как именно на этих принципах строится Организация Объединенных Наций... народы мира полностью едины в том, чтобы предпринять решительные меры для создания свободной Бирмы в свободном мире». После окончания сессии в Рангуне состоялся крупнейший в истории страны митинг, продемонстрировавший врагам и скептикам силу АЛНС.

С этого момента Аун Сан решил отойти от командования армией, сохранить которую как крупную боевую силу все равно не было возможности, и вернуться к политической деятельности. Английское командование через посредство лорда Маунтбеттена, с которым в начале сентября Аун Сан вел в Канди переговоры относительно свертывания вооруженных сил Бирмы, предложило бирманскому лидеру пост заместителя главного инспектора колониальной армии в чине бригадира с обещанием дальнейшей карьеры в рядах британских вооруженных сил. Однако ничто не могло заставить Аун Сана отказаться от принятого решения. Согласившись на требования англичан о сокращении армии и переводе ее под командование английских офицеров, Аун Сан занялся

укреплением Лиги и созданием Народной добровольческой организации (НДО) — полувоенной организации, которая объединила ветеранов антияпонской войны, не включенных в колониальную армию и рассчитывавших в случае нужды на оружие, спрятанное во время боевых действий. Однако основной упор с момента окончания войны Лига сделала на политическую деятельность, и этот курс оказался правильным. Добившись выборов в Учредительное собрание, АЛНС завоевала в нем почти все места и получила право сформировать Временное правительство Бирмы. Несмотря на убийство в 1947 г. правыми авантюристами Аун Сана, Такина Мья и ряда других лидеров национально-освободительного движения и выход из единого фронта Коммунистической партии, Бирма добилась независимости, которая была формально провозглашена 4 января 1948 г.

Послесловием к описанию событий 1945 г. в Бирме может послужить рассказ о судьбе остатков правительства Ба Мо. После бегства из Рангуна небольшой караван автомашин несколько дней пробивался сквозь заторы на узких дорогах на восток, к Ситауну. Не раз приходилось спасаться в канавах от бомбежек и подолгу задерживаться на железнодорожных станциях в тщетной надежде на поезд, который довез бы членов правительства и их семьи до казавшегося спасительным Моулмейна. Вскоре пришлось идти пешком по шпалам, прячась от английских налетов в джунглях. Както переночевали в шалашах, построенных монахами местного монастыря, после того как их выгнали из монастыря японские солдаты. Вскоре удалось найти дрезину, однако проехали на ней лишь несколько миль, так как на дороге ожидала засада, устроенная бирманскими солдатами. Японская охрана смогла отбиться от нападения, доставить своих подопечных к Ситауну и переправить их на найденной моторной лодке на левый берег.

Когда измученная процессия наконец-то добралась до Моулмейна, оказалось, что этот город подвергается беспрерыв-

ным бомбежкам, и правительство в сопровождении посла Японии в Бирме перебралось в Мудоун, где и провело последующие недели. Такин Ну пытался привлечь Ба Мо к оказанию помощи бирманцам, попадавшим в руки «кэмпейтай», но даже в тех случаях, когда удавалось добиться от японцев обещания не расстреливать партизан или заложников, те потом, как правило, все равно приводили приговор в исполнение.

Последним мероприятием правительства Ба Мо стало торжественное открытие в Мудоуне монумента Независимости. Далее пути Ба Мо и его министров разошлись. Такин Ну и Такин Мья сообщили в Рангун, что правительство «независимой Бирмы» перестало существовать, и вскоре отправились обратно в столицу. А Ба Мо в тот же вечер принял японского посла, который, по словам самого диктатора, нанес ему визит, чтобы узнать его мнение о вероятной капитуляции Японии. «Без всяких колебаний я выразил мое согласие с этим решением». Двое бывших — президент и посол — сидели в одном из немногих оставшихся домиков бирманского городка и продолжали играть в высокую политику. Затем Ба Мо отправился на конечную станцию так и не завершенной «дороги смерти», под проливным дождем уселся в поезд, и тот медленно повез его в Бангкок. Ба Мо не желал думать о том, скольких жизней бирманцев, англичан, индонезийцев стоило строительство этой дороги. Он вспоминает лишь, как поезд остановился на ночь возле бирманского трудового лагеря, и рабочие (вернее, рабы) вышли утром поглядеть, как уезжает из страны их президент.

Путешествие через Таиланд, на первый взгляд гораздо меньше, чем Бирма, затронутый войной, вызвало у Ба Мо раздраженный отзыв о национальном характере тайцев, которые «имеют явный талант пережить бурю и выйти из нее с таким видом, словно бури и не было...». Дальше был бурлящий демонстрациями Сайгон. «Среди демонстрантов были вооруженные люди, которые шли в военном строю. Они были менее эмоциональными и более дисциплинированными, чем

бирманцы, и это доказывало, что запас их воли и выдержки больше, чем у нас... в этой бесконечной ленте людей я увидел начало войны в Индокитае против французов, которая закончится через девять лет в Дьенбьенфу».

22 августа Ба Мо, едва не погибнув на последнем отрезке пути, так как самолет, на котором он летел, попал на глаза американскому истребителю, высадился на Тайване, где узнал, что только что при подобных обстоятельствах погиб С. Ч. Бос. Еще через день Ба Мо был в Японии. Его появление там имело определенный политический смысл в глазах тех военных, которые не смирились с поражением: ведь Ба Мо был единственным главой союзного государства, который смог и захотел прибыть в Японию в ее последний час. Дальнейшие события служат доказательством того, что японская военно-политическая машина продолжала функционировать не только в дни капитуляции, но и многие месяцы спустя. Ба Мо отвезли в небольшую деревушку в префектуре Ниигата, где поселили в деревенском монастыре под видом маньчжурского профессора, потерявшего из-за гибели при бомбежке всей его семьи дар речи и рассудок. При «профессоре» постоянно находились четыре японских офицера, которые снабжали его всем необходимым, держали в курсе событий и поддерживали связь с Токио, где давно уже правили американцы. Лишь к концу декабря 1945 г., когда Ба Мо узнал, что никто из бирманских политиков, сотрудничавших с японцами, не подвергся репрессиям английских властей, он начал настаивать на том, чтобы сдаться союзникам. По его просьбе к нему явился ответственный чиновник министерства иностранных дел Японии, который согласился с тем, чтобы Ба Мо вышел из укрытия. В начале 1946 г. Ба Мо привезли в Токио и поместили в тюрьму для военных преступников, откуда он вышел через несколько месяцев, получив разрешение вернуться в Бирму.

Отзыв Ба Мо о Таиланде и тайцах был явным преувеличением: «пережив бурю», Таиланд не смог выйти из нее не-

вредимым. В годы войны положение Таиланда мало чем отличалось от положения «самостоятельной» Бирмы. Там были и поборы, и мобилизация в трудовые отряды. К тому же английская и американская авиация, особенно в последние месяцы войны, активно бомбила пути сообщения в стране. Были уничтожены крупнейшие железнодорожные мосты, сгорели 22 железнодорожные станции и железнодорожное сообщение практически прекратилось. Посевы риса в стране сократились на четверть, производство ненужного Японии каучука вообще прекратилось, в пять раз упала добыча металлов. Таким образом, Таиланд пришел к концу войны если не разоренным, как Бирма, то с сильно подорванной экономикой.

Пибун Сонграм, как говорилось, ушел в отставку летом 1944 г. Ведущую роль в новом правительстве занимал регент королевства Приди Паномионг, сторонник ориентации на Запад. Американские разведчики, проникавшие в Таиланд в основном из Китая, поддерживали с Приди связь. Они знали о том, что радикальные элементы в Таиланде готовят антияпонское восстание и что Приди делает все возможное, чтобы восстания не произошло. Те круги, что стояли за восстание, по его мысли (совпадавшей с точкой зрения американской разведки), не должны были чрезмерно усилиться — они были слишком левыми. В то же время Приди понимал, что его позиция уязвима. «Мне чрезвычайно трудно, — писал он в июле 1945 г. американскому резиденту, — удержать народ, и я не могу поступать таким образом до бесконечности».

10 августа, сразу же после вступления СССР в войну с Японией, Приди Паномионг направил союзным державам послание, в котором аннулировал объявление войны США и Англии как неконституционное. Через 20 дней после этого, 31 августа, правительство подало в отставку и из США был срочно вызван Сени Прамот, бывший до войны послом Таиланда в Вашингтоне и отказавшийся, когда Пибун объявил войну западным державам, вернуться в Бангкок. Еще через две недели

все в Таиланде стало на свои места: у власти было консервативное правительство, во всем случившемся обвинили Пибуна (а в конце года и арестовали по введенному закону о фашистских военных преступниках), фактическую власть осуществлял Приди.

Казалось, и на этот раз все обойдется. Однако, когда таиландская делегация в конце сентября прибыла в Канди на переговоры с союзниками, обнаружилось, что мнения последних разделились. Если США, которые никоим образом не пострадали от того, что Таиланд во время войны был в чужом лагере, были склонны забыть о прошлом, то англичане желали получить с Таиланда контрибуцию — экономическое положение Великобритании было угрожающим и она не намеревалась отказываться от возможности хотя бы частично компенсировать свои расходы. Среди требований, содержавшихся в предъявленном английской делегацией ультиматуме из 21 пункта, были и оккупация Таиланда английскими войсками, и установление английского контроля над вооруженными силами и внешней торговлей, и другие, означавшие, что с опозданием на 100 лет Англия намерена включить Таиланд в свою колониальную империю. Это совершенно не устраивало Соединенные Штаты, и в Канди был послан представитель президента, который должен был добиться компромисса. Почувствовав поддержку со стороны США, таиландские делегаты заявили, что если они выполнят требования Англии, то в стране наступит хаос и к власти придут левые силы. В результате англичанам пришлось отступить и они добились лишь двух важных для себя уступок — разрешения ввести в Таиланд свои войска и выплаты репараций в размере 5 млн ф. ст. и 1,5 млн т риса. При этом Таиланд должен был содержать английские оккупационные войска до тех пор, пока репарации не будут выплачены.

Не удалось Таиланду удержать и земли, занятые во время войны. Захваченные территории Малайи и Бирмы пришлось немедленно отдать обратно. Что касается французских владений в Камбодже и Лаосе, то Таиланд попытался сопротивлять-

ся и лишь после трудных и затяжных переговоров с союзниками вынужден был в конце ноября расстаться с ними.

Высадка союзников во Франции и освобождение этой страны резко изменили ситуацию во Французском Индокитае. В августе 1944 г. вишистское правительство перестало существовать и было сформировано Временное правительство Французской республики во главе с де Голлем, враждебное Японии. Правда, в Индокитае по-прежнему функционировала администрация адмирала Деку, однако надеяться на ее лояльность японцам не приходилось.

Французским офицерам и чиновникам в Индокитае было ясно, что Франция, уже освобожденная от фашистской оккупации, будет судить о них по тому, какую позицию они займут. Симпатии многих из них и без того были на стороне правительства де Голля, так что японское командование не без оснований полагало, что в любой момент войска Деку могут восстать. Сам адмирал был готов подчиняться приказам де Голля, однако опасался японских санкций и потому оттягивал момент решения. Главная же причина его колебаний заключалась в том, что национально-освободительные движения Индокитая для него, как и для Временного правительства в Париже, были врагом не меньшим, чем японцы.

Силы Вьетминя к середине 1944 г. были уже значительны, и его влияние распространялось на большую часть территории Северного Вьетнама. На съезде Вьетминя, состоявшемся в июле 1944 г., было принято решение о начале вооруженного восстания. Коммунисты, в том числе Хо Ши Мин, были против этого решения, считая, что в стране еще не сложилась революционная ситуация и позиции как японских, так и французских войск еще прочны. Действительно, восстание, поднятое в октябре 1944 г. в районе Бакшона, было подавлено французскими войсками.

Вьетминь, охарактеризовав выступление как преждевременное, призвал к формированию пропагандистских отря-

дов, которые должны были наряду с партизанскими действиями вести агитационную работу и готовить население к борьбе. Первый из таких отрядов, организованный в декабре 1944 г., состоял из 34 человек, вооруженных винтовками пяти различных систем. Командиром отряда являлся бывший учитель Во Нгуен Зиап, которому суждено было впоследствии возглавить Вьетнамскую освободительную армию. Кроме ружей отряд имел в своем распоряжении шесть самодельных зажигательных бомб и 500 пиастров денег.

Тактика КПИК оказалась правильной, и к зиме 1944–1945 гг. вооруженные отряды Вьетминя господствовали в сельской местности и горах Северного Вьетнама. «Войска Вьетминя, — говорилось в донесении французской разведки, — находятся под командой руководителей, имеющих серьезные познания в области ведения партизанской войны. Партизаны хорошо подготовлены, дисциплинированны и отважны». Столь быстрый подъем движения сопротивления был неожидан и нежелателен как для японцев, так и для французской администрации.

Имевшихся в распоряжении последней сил было, разумеется, недостаточно для борьбы с японской армией. Однако японцы рисковать не желали. Данные о брожении во французских частях и контактах французских колониальных властей с разведкой западных союзников внушали им тревогу, и они перешли к решительным действиям. 9 марта 1945 г. японские войска были подтянуты к французским казармам во всех концах Индокитая и французам было предложено немедленно разоружиться. Потерявшие свою боеспособность за пять лет оккупации французские войска большей частью послушно сложили оружие. Лишь несколько подразделений оказались способными прорваться сквозь японские кордоны. Среди них были части генералов Александри и Сабатье, с боями отступившие к китайской границе, с тем чтобы закрепиться в пограничных районах и организовать там сопротивление. Однако этого не произошло: по признанию гене-

рала Сабатье, неумение и нежелание обеспечить поддержку как вьетнамцев, так и горцев привело к тому, что французские войска, лишенные подкреплений, голодные и почти без боеприпасов, были вынуждены отступить на китайскую территорию.

Ликвидировав французскую колониальную администрацию, японцы объявили о «независимости» Вьетнама, Лаоса и Камбоджи и о создании в этих странах «независимых правительств». Главой «независимого» Вьетнама был объявлен император Бао Дай, который еще в 1944 г. дал понять японцам, что согласен быть их опорой. 11 марта (такая оперативность ясно говорила о договоренности с японскими военными властями) Бао Дай объявил об упразднении французского протектората, заявив, что страна «вновь обрела право на независимость». В то же время он поспешил заявить о своей лояльности японской армии, «которой следует доверять». После этого баодаевская партия «Дай Вьетнам» стала правящей партией в стране, а ее лидер Чан Чонг Ким — премьер-министром. Пытаясь обеспечить себе поддержку населения, новое правительство издало закон о запрете взимания подушного налога с неимущих, но больше ничего сделать не успело, тем более что его власть в стране была не более чем номинальной.

9—12 марта в 20 км от Ханоя состоялось расширенное заседание Постоянного бюро ЦК Компартии Индокитая, на котором обсуждался вопрос о политике партии в новых условиях. Бюро решило приступить к развертыванию антияпонской борьбы, для которой создались выгодные условия. Выполняя это решение, вооруженные силы Вьетминя активизировали свои действия против японских оккупантов. Партизанские отряды в Северном Вьетнаме получили также приказ разоружить те изолированные гарнизоны и посты французской армии и «армии безопасности» (вспомогательных войск из вьетнамцев, созданных французами), которые не были намерены сопротивляться японскому перевороту. Некоторые из таких операций прошли успешно: французы

были не только деморализованы и не хотели воевать, но порой и предпочитали отдавать оружие вьетнамцам, а не японцам. Известен и ряд случаев, когда французские посты и гарнизоны соглашались сотрудничать с Вьетминем, однако наладить это сотрудничество было трудно, так как вьетнамские отряды еще не могли выйти на открытый бой с японцами, а скрываться с вьетнамцами в джунглях не соглашались французы, у которых была более удобная альтернатива — уйти в Китай. Так поступили, в частности, командиры французских гарнизонов майор Роль и капитан Понтиш, заявившие в ответ на предложение вьетнамских партизан сдать оружие, что они сделать этого не могут, потому что намерены объединиться с вьетнамцами и вместе сражаться с японцами. Однако затем оба этих отряда ушли в Китай, и вьетнамцы не без оснований подозревали, что заявление о союзе было не более чем тактической уловкой, чтобы не сдавать оружия.

В условиях вспыхнувшего в Северном Вьетнаме зимой 1944–1945 гг. страшного голода, унесшего сотни тысяч человеческих жизней, Вьетминь поднял крестьян на захват рисовых складов. Были захвачены тысячи складов, на которых лежал затоваренный рис, и таким образом удалось частично накормить голодающий народ. Сопротивление нарастало лавиной, захватывая в свою орбиту все новые и новые слои общества. В районах, еще занятых японцами, организовались комитеты освобождения, в освобожденных районах — народные комитеты. Эти органы народной власти судили предателей и коллаборационистов, а в некоторых местах начали передел земли. В апреле Вьетминь провел военно-революционное совещание северных провинций Вьетнама, разработавшее планы военных действий и избравшее главное командование Вьетнамской освободительной армии, в которую были объединены вооруженные отряды Вьетминя. В июне в шести провинциях Северного Вьетнама, деревни которых находились под контролем фронта, был организован единый Освобожденный район, который контролиро-

вался самими крестьянами и партизанской армией, к лету насчитывавшей уже 5 тыс. бойцов. Национально-освободительное движение охватило и Центральный Вьетнам, где также развернулась подготовка к восстанию. На юге страны позиции Вьетминя были слабее: там образовалось множество различных партий и групп, которые нередко боролись между собой.

Центральный комитет Вьетминя решил созвать Национальный съезд фронта. Он должен был открыться 9 августа 1945 г., но делегатам было трудно прибыть в срок — в стране царила анархия, линии сообщения были парализованы. В этих условиях 13 августа ЦК Вьетминя, не дожидаясь съезда, одобрил решение об образовании Демократической Республики Вьетнам и в ночь на 14 августа объявил о начале всеобщего восстания. Национальный съезд, открывшийся 16 августа в Освобожденном районе, утвердил приказ о начале восстания и избрал Национально-освободительный комитет, т. е. временное правительство страны. Заседания съезда были короткими — многие его делегаты руководили отрядами освободительной армии и спешили в бой. Стратегическая линия, намеченная съездом, заключалась в том, чтобы вырвать власть у японцев и императорской клики к тому времени, когда в Индокитае появятся войска союзников. Руководители Вьетминя хорошо понимали, что буржуазное правительство слабой, опустошенной войной и оккупацией Франции постарается любой ценой заставить забыть об унизительном поражении в войне, и удержание колоний станет не только вопросом престижа для французской буржуазии, но и гарантией возвращения в разряд великих держав.

В дни подготовки и проведения Национального съезда Вьетминя в разных провинциях страны части освободительной армии уже вели бои с японской армией и разоружали ее. Когда же 16 августа стало известно о капитуляции Японии, поднялась вся страна. 17 и 18 августа демонстрации бушевали в самом Ханое. Японцы практически не оказыва-

ли сопротивления, отряды «армии безопасности» и полиция перешли на сторону восставших. Наместник императора в Ханое Фан Ке Тоай бежал, и Вьетминь провозгласил в городе временную народную власть. На следующий день подало в отставку правительство Чан Чонг Кима и в г. Хюэ, резиденцию императора, была направлена делегация Вьетминя, которая должна была предложить Бао Даю отречься от престола. Император отрекся 25 августа. В тот же день революция взяла верх в Сайгоне — крупнейшем городе Южного Вьетнама. Там у власти был поставлен Административный комитет, в который вошли представители КПИК и некоторых националистических партий.

Центром вьетнамской революции оставался Ханой, где были наиболее сильны позиции Вьетминя. Именно там 29 августа было сформировано правительство страны, в которое помимо коммунистов вошел ряд беспартийных националистических деятелей. От имени этого правительства, выступая 2 сентября на полумиллионном митинге в ханойском парке Бадинь, первый президент Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мин зачитал Декларацию независимости.

Провозглашение республики не вызвало энтузиазма у представителей консервативных кругов, даже сам Бао Дай, отрекшись от престола, предпочел признать республику и 29 августа объявил о том, что отныне он под гражданским именем Винь Тхюи является «верховным советником» правительства Хо Ши Мина. Разумеется, ни император, ни крупные помещики Юга не испытывали симпатий к программе Вьетминя и, как только расстановка политических сил во Вьетнаме изменилась, в первую очередь за счет появления на арене внешних сил, поспешили отмежеваться от республики. Передышка, которую получили органы народной власти для утверждения своего господства в стране, была недолгой: с севера во Вьетнам уже вступали китайские дивизии, которые должны были, согласно Потсдамскому соглашению, разоружить японскую армию к северу от 16-й параллели, на

юге высаживались англичане (также с целью разоружения японцев). С войсками союзников прибыли ожидавшие уже несколько месяцев в Калькутте и Куньмине французские чиновники, которые должны были взять власть в Индокитае от имени правительства де Голля. Освобождение Вьетнама от японских оккупантов завершилось. Начинался новый этап борьбы вьетнамского народа за независимость.

Ситуация во внутренних, западных областях Индокитая в конце войны складывалась иначе, чем во Вьетнаме. К 1945 г. в Лаосе и Камбодже уже существовали организации, которые ставили целью достижение независимости. В Лаосе это был союз «Лао пен лао» («Лаос для лаосцев»), в Камбодже — «Кхмер иссара» («Свободный кхмер»). Обе эти организации черпали кадры в среде местной интеллигенции, буржуазии и студенчества, обе были связаны с движением «Свободное Таи» — основной силой антияпонской оппозиции в Таиланде. Кроме того, в Лаосе и Камбодже существовали прокитайские группы, деятельность которых направляли агенты Гоминьдана. Они состояли из местных китайцев, но включали и некоторое число лаосцев и кхмеров. К концу войны ни одна из этих организаций, партий и союзов не была готова к тому, чтобы взять на себя руководство борьбой за освобождение. Более того, некоторые из их членов были склонны к компромиссу с французами.

К началу 1944 г. руководители французского Комитета национального освобождения, не освободив еще собственную страну, начали планировать операции по лишению свободы других народов. Понимая, что вторжение во Вьетнам может натолкнуться на серьезное сопротивление, они отводили роль основного плацдарма для подготовки французского возвращения в Индокитай Лаосу. Чтобы показать решимость Франции не расставаться со своими владениями в Индокитае, де Голль уже 8 декабря 1943 г. выступил со специальным заявлением, в котором говорилось, что «"Свободная Франция" никогда не

мирилась с насильственными, захватническими действиями Японии в Азии. Франция торжественно отвергает всякие акции и уступки, которые могли быть осуществлены вопреки ее правам и интересам... и будет продолжать борьбу до окончательного разгрома агрессора и полного освобождения всех территорий Индокитайского Союза».

В заявлении, во-первых, давалось понять, что уступки, вырванные у Франции японцами и сделанные вишистским правительством, не имеют законной силы, во-вторых, напоминалось, что Франция остается великой державой и как таковая будет охранять свои права не менее упорно, чем Великобритания или США. Понимая, что полагаться лишь на добрую волю союзников слишком опасно, де Голль подчеркивал, что «только эффективное участие в боях за освобождение Индокитая может обеспечить полное восстановление наших прав».

Англичане, лояльнее других союзников относившиеся к планам де Голля, разрешили ему организовать в Калькутте специальную службу, нацеленную на возвращение Франции в Индокитай. С 1944 г. там появился и командующий движением сопротивления в Индокитае генерал Мордан. Французский центр проявлял большую активность по заброске своих агентов в Лаос и Камбоджу. Положение разведки облегчалось тем, что в Индокитае осталось множество французов (как чиновников, так и дельцов, специалистов и военных), которые за небольшим исключением были настроены антияпонски, хотя и далеко не всегда решались на антияпонские действия в страхе перед «кэмпейтай» и доносчиками. Первое время французская разведка старалась обходиться вообще без помощи местного населения и даже в Лаосе — основном центре сопротивления по планам де Голля — организации «Джи и Дижон» и «Пави», которые обеспечивали разведку и саботаж, а также устраивали склады оружия и горючего, состояли из французов. Из них же составлялись и группы гражданских лиц, которые должны были, как только японцы уйдут, взять на себя административные

функции. Однако ближе к концу войны круг участников профранцузских групп расширился и туда были вовлечены лаосцы и камбоджийцы, известные своим лояльным отношением к Франции.

Когда японская армия решила ликвидировать французскую администрацию в Индокитае, разоружение французских войск в Камбодже и Лаосе и интернирование французов затянулось на несколько недель. Японцы не могли выделить достаточное количество войск для того, чтобы одним ударом покончить с французской администрацией на всей территории Индокитая, и, чем дальше от центра, тем больше возможностей было у французских гарнизонов оказывать сопротивление, тем сильнее были позиции агентов Мордана. Луангпрабанг был занят японцами только в начале апреля, а последние крупные очаги сопротивления французов в Западном Индокитае были подавлены лишь в конце этого месяца. Однако и после этого в городах и джунглях Лаоса осталось немало французских вооруженных групп как из числа заброшенных из Индии и с Цейлона, так и из остатков французских колониальных войск. Командование де Голля приказало им прекратить борьбу и затаиться в джунглях, чтобы сберечь силы до того момента, когда японцы потерпят поражение и Франция сможет приступить к возвращению своих колоний.

Ликвидировав французскую администрацию, японцы вслед за Вьетнамом предложили независимость королевствам Лаоса и Камбоджи, включив эти страны в Великую Восточноазиатскую сферу сопроцветания. Лаосские и камбоджийские чиновники получили ряд постов, которые прежде занимали лишь французы. Среди придворных и чиновничьей элиты в протекторатах возникли иллюзии того, что лишь сотрудничество с Японией приведет к подлинной независимости, так как война продлится еще долго и исход ее неизвестен. Японцы же в эти весенние недели не уставали твердить, что все беды и несправедливости

происходили от французов, что именно французы, а не японцы довели народ до голода и нищеты, и отныне все изменится к лучшему.

Среди тех, кто наиболее энергично использовал сложившуюся обстановку, был упахат (вице-король) Луангпрабанга и премьер-министр этого королевства принц Петсарат. Он был достаточно умен и информирован, чтобы не принимать всерьез обещаний японцев и не верить в их победу. Но ситуация, в которой японцы были готовы идти на далеко идущие уступки в обмен на обещание помощи в войне, позволила Петсарату добиться того, что японская администрация передала королевству четыре провинции в Южном Лаосе, ранее в него не входившие, разрешила организовать собственную армию и полицию и согласились выделить некоторое количество оружия. Летом 1945 г. Петсарат наладил тесные связи с союзом «Лао пен лао» и посвятил все свои усилия укреплению позиций национальных сил в стране, созданию армии и административного аппарата. Освободительное движение в Лаосе не было массовым и находилось под контролем патриотического крыла феодальной верхушки страны. Вместе с тем на положение дел в Лаосе и Камбодже все большее влияние оказывали события в восточной части Индокитая, где в отрядах Вьетминя сражались, пусть и немногочисленные, кхмеры и лаосцы.

Как уже отмечалось, на Потсдамской конференции разоружение японской армии было объявлено прерогативой английских и китайских армий, между которыми была проведена демаркационная линия по 16-й параллели. Это решение, устраивавшее в первую очередь гоминьдановцев, так как возрождало в них надежды захватить северные области Индокитая, было принято в связи с тем, что Франция не была воюющей стороной на Востоке, а ее администрация в Индокитае вообще рассматривалась как союзная Японии. К тому же Франция не имела регулярных частей в районе Индокитая, а степень сопротивления японской армии могла быть достаточно высокой.

Когда де Голль узнал, что находящимся в Индокитае французам не разрешат принимать капитуляцию японцев, и понял, что сопротивляться этому решению союзников он не сможет, французским группам в Лаосе и Камбодже было приказано «не допускать столкновений с китайскими войсками и установить с ними возможно лучшие отношения». Однако ситуация неожиданно изменилась. Узнав о том, что они должны сдаваться китайцам, японские войска, находившиеся севернее 16-й параллели, начали поспешно отступать на юг. (У японцев были основания предпочесть английский плен китайскому.) Японские войска отступали с такой скоростью, что уже 14 сентября, до того как первые гоминьдановские части появились на северных границах Лаоса, ни одного японского солдата в Северном Лаосе не осталось. В результате для французов, чьи отряды и диверсионные группы находились именно там, создалась чрезвычайно благоприятная обстановка. Им не разрешили разоружать японцев, но и не запретили возрождать колониальную администрацию. Поэтому по мере того как японские части откатывались на юг, по их пятам спешили французские группы, которые входили в города и объявляли о восстановлении в них власти Франции. А так как ни в Лаосе, ни в Камбодже левого антияпонского движения не было создано, то реальной оппозиции эти небольшие группы французов не встречали. Уже 28 августа отряд бывшего сотрудника индокитайской картографической службы майора Имфельда был в Луангпрабанге, а 5 сентября группа капитана Фабра оказалась во Вьентьяне. Имфельд объявил себя комиссаром Французской республики, посетил короля и добился от него заверений в том, что «протекторат Франции над Луангпрабангом не прекращался», а провозглашенная японцами независимость не признается королем, как полученная «из чужих рук». В то же время король, вынужденный признать за Францией права сюзерена, потребовал, чтобы французы поспешили приступить к протекционистским обязанностям, и прежде

всего чтобы они не допускали в Лаос китайские войска — ничего, кроме разорения для народа и опасности потерять северные провинции, король в этом вторжении не видел. Майор Имфельд был поставлен в безвыходное положение: гоминьдановские дивизии уже шли по территории Северного Лаоса, с удивлением и подозрением встречая в городах французских чиновников, тем более что разобрать, кто из них был союзником японцев, а кто их врагом, китайским генералам было нелегко. Поэтому, имея указания Чунцина не забывать о китайских интересах в Лаосе, а также проявляя в этом вопросе личную инициативу (Чан Кайши отправил в Индокитай непокорных сычуаньских генералов, которые всегда стремились к самостоятельности и были порой опаснее японцев), генералы делали попытки аннексировать часть районов Северного Лаоса. Так, в г. Луангнамтха китайцы даже согнали всех жителей на площадь и под дулами винтовок предложили им высказаться за переход в подданство Китая. Худшие опасения короля Сисаванг Вонга подтвердились, когда, войдя в его столицу, китайцы окружили дворец и потребовали, чтобы он снова провозгласил независимость Лаоса.

Кто только не требовал от короля, чтобы он провозгласил независимость своей страны! Японцам он покорился, но пришлось срочно отказаться от этого, как только во дворец явился загорелый и обтрепанный от жизни в джунглях майор Имфельд. Теперь провозглашения независимости требовали китайцы. Наконец, с требованием объявить Лаос независимым явился премьер министр Петсарат, за спиной которого стояла организация «Лао пен лао». Петсарат доказывал, что, не будучи в состоянии в очередной раз защитить протекторат, Франция расписалась в том, что не имеет права господствовать в Лаосе. Пускай этот вопрос решат союзники. Не в силах разобраться в требованиях всех столь разномастных сторонников независимости Лаоса, король уклонился от решения,

и Петсарат взял руководство судьбами страны в собственные руки. 14 сентября он издал указ о подчинении всех французских чиновников королевскому правительству, 15 сентября — об объединении королевства Луангпрабанг и южных провинций.

На Петсарата не действовали ни телеграммы, которые составлялись в Луангпрабанге от имени короля, ни даже то, что капитан Фабр ввел во Вьентьян, где находился Петсарат, свой отряд. Отряд был невелик, а Петсарат уже успел организовать собственную милицию. Имфельд в панике просил де Голля принять меры на высшем уровне. Де Голль предложил в ответной телеграмме подкупить короля обещаниями: «Чтобы положить конец антифранцузской деятельности премьер-министра Петсарата, надлежит информировать короля Луангпрабанга, что французское правительство готово признать его верховную власть над южными провинциями Лаоса с целью достижения лаосского единства.

Предложите королю отмежеваться от Петсарата и взять его под наблюдение в Луангпрабанге».

Но время работало на Петсарата и его сторонников. В сентябре отделения «Лао пен лао» появились во всех городах Лаоса, на юге возник комитет «Лао иссара» — «Свободный Лаос», из Вьетнама прибыл влиятельный сторонник Петсарата принц Суфанувонг, который участвовал там в Августовской революции и встречался с Хо Ши Мином. Суфанувонг стал председателем расширенного комитета «Лао иссара».

10 октября французский нажим на короля дал наконец свои плоды. Король прислал Петсарату телеграмму, в которой снимал его с поста премьер-министра, лишал чинов и званий и приказывал немедленно устраниться от политической деятельности. Телеграмма вызвала во Вьентьяне негодование. И хотя сам Петсарат, движимый соображениями

феодального кодекса чести, тут же подчинился королю и сложил с себя все посты и звания, движение от этого не ослабло. Во-первых, сам Петсарат не отказался от идеи освобождения Лаоса и неофициально продолжал борьбу за независимость; во-вторых, организации освобождения за недели королевских колебаний настолько окрепли, что результатом стало лишь ускорение процесса формирования нового, не зависимого от короля и французов, правительства. Во главе его встал губернатор Вьентьяна принц Кхаммао, в состав вошли принц Суванна Фума и принц Суфанувонг, руководители «Лао пен лао» и представители знати. В целом кабинет был составлен из принцев и князей.

12 октября правительство Петсарата (в которое Петсарат уже не входил) объявило Лаос независимым государством, и в тот же день была опубликована первая в истории страны конституция. Королю была послана телеграмма, в которой ему предлагалось остаться монархом до тех пор, пока вопрос о форме будущего государства не решит Учредительное собрание. Однако он не должен был претендовать на реальную власть. В случае отказа королю предлагали отречься от престола. Король, то ли надеясь на помощь французов, то ли опасаясь их мести, не стал отвечать на телеграмму. В результате его свергли с престола, и он был вынужден подписать документ, в котором признавал Временное правительство. Французам, которые не смогли выполнить указаний де Голля и защитить послушного короля, пришлось уйти из городов. Однако Франция не намеревалась отказываться от Индокитая. В январе 1946 г. английские оккупационные войска, заняв Камбоджу, вернули ее в лоно французской колониальной империи, затем французский десант высадился в оккупированном англичанами Сайгоне, а в феврале было достигнуто соглашение между де Голлем и китайцами о том, что французы заменят китайцев в Северном Лаосе.

Глава V

КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ

Когда в 1943 г. японцы вспомнили про обещания, данные народам региона до войны и забытые после ее начала, это коснулось и Малайи. В январе 1943 г. японское командование в Малайе подтвердило статус султанов как религиозных глав своих государств и вернуло им прежние оклады, т. е. открыто взяло на себя протекционистские функции англичан. Еще через несколько месяцев были восстановлены государственные советы в султанатах. Изменилось и отношение к буржуазным националистическим организациям. Сразу же после падения Сингапура японцы освободили из тюрьмы руководителей Союза молодой Малайи (СММ) и разрешили им воссоздать свою организацию, но просуществовала она лишь несколько недель и в июне 1942 г. была запрещена. С 1943 г. политика японцев стала более гибкой, и они вновь стали опираться на те силы, которые шли на сотрудничество с Японией, в том числе и на СММ.

Следует заметить, что «желтый» расизм японской пропаганды входил в противоречие с чисто прагматическими целями военных и политиков, и оттого «табель о рангах» различных этнических групп Малайи не вполне соответствовала реальному положению вещей. Официально на первом месте в Малайе стояли малайцы, которых объявили «братьями» японцев и противопоставляли всему «пришлому» населению. Однако в действительности наиболее тесные связи у японской армии были не с малайцами, а с индийцами. Это было вызвано тем, что в Сингапуре базировалась армия С. Ч. Боса и там же находилось его Временное правительство свободной Индии. Так как движению Боса придавали большое значение в Токио, в Малайе японцы старались не возбуждать против себя сильную индийскую общину. В резуль-

тате и экономические позиции индийского капитала, хотя и подорванные нарушением традиционных колониальных связей, не так ущемлялись, как в других оккупированных странах, и индийская община в целом была менее других национальных групп поражена войной, хотя, конечно, японская оккупация отнюдь не улучшила ее положения, и чем ближе к концу войны, тем сильнее были в ней антияпонские настроения. Условия в лагерях, где содержались пленные индийцы, были куда лучше, чем в лагерях для военнопленных англичан, и именно из военнопленных агентам Боса удалось набрать костяк своей армии — несколько тысяч военнопленных предпочли жить в казармах ИНА, а не за колючей проволокой в лагерях.

Подавляющей массе малайцев — крестьян и рабочих на плантациях — «расовая близость» к японцам не мешала бедствовать, голодать и умирать в трудовых батальонах, хотя в целом малайское крестьянство, особенно в тех областях, где оно могло самообеспечиваться, пострадало не так, как население городов. В то же время национальное малайское буржуазное движение после 1943 г. заметно активизировалось. Сознавая свою слабость, оно в основном надеялось добиться успехов путем союза с более сильным национально-освободительным движением Индонезии. Союз молодой Малайи завязал связи с индонезийскими националистами и даже с созданной японцами индонезийской армией ПЕТА, подполковником которой стал один из лидеров СММ — Ибрахим бин Якоб. Однако прошел еще год, прежде чем японцы всерьез восприняли паниндонезийские идеи. В июле 1945 г. в Сингапуре состоялась конференция представителей японской военной администрации всех тех образований, на которые делился малайско-индонезийский мир. Это совещание запоздало на много месяцев и никакого значения не имело, ибо капитуляция Японии была близким делом. На совещании японские администраторы наконец-то решили поддержать концепцию Великой Индонезии, которая могла при-

влечь на их сторону малайскую и индонезийскую буржуазию и сделать ее союзником в борьбе с растущим партизанским движением, руководимым чаще всего левыми силами. В результате этой конференции в Малайе было разрешено создание националистической организации КРИС (Особое народное движение). Прошел еще месяц, прежде чем Ибрахиму бин Якобу удалось собрать в Куала-Лумпуре учредительную конференцию КРИС, на которую приехали представители 20 различных организаций.

В определении судеб Малайи эта конференция никакой роли сыграть уже не могла — Япония капитулировала, а Индонезия провозгласила свою независимость отдельно от Малайи. Решения конференции имели значение лишь для будущих отношений с Англией, и именно Великобританию имели в виду делегаты конференции, когда принимали резолюцию о борьбе за независимость Малайи с целью присоединения к Индонезии. Ибрахим бин Якоб после этого перебрался в Индонезию, а руководство КРИС перешло к д-ру Бурхануддину. В течение еще одного месяца эта организация принимала резолюции, пока не вошли английские войска и не закрыли ее. Однако сам опыт существования КРИС не прошел бесследно, так как это было первое значительное объединение малайской буржуазии, и из КРИС выросла через некоторое время Малайская национальная партия, сыгравшая определенную роль в освобождении Малайи от колониальной зависимости.

На нижней ступени социальной лестницы в оккупированной Малайе оказались китайцы, причем если китайская буржуазия была лишь ограблена, то десятки тысяч китайских кули, и до войны бывших самой бесправной частью населения страны, оказались в невыносимом положении. Они не могли, подобно малайцам, уйти к родственникам в сельскую местность, не могли, как индийские кули, вступить в армию. Единственной альтернативой голодной смерти для многих из них оказалось бегство на границу джунглей, где

женщины, дети и старики могли хоть как-то прокормиться, собирая дикие растения и очищая небольшие участки земли для посева, а молодые мужчины — присоединиться к партизанам.

Коммунисты, которым удалось скрыться из Сингапура после его падения, ушли в горные районы Джохора, а те, что оставались в северных княжествах, — в горы Перака и уже в первые недели японской оккупации создали там группы сопротивления. Партизанские отряды, действовавшие в горах Малайи, быстро росли, и к началу 1943 г. в Антияпонской армии народов Малайи (ААНМ) насчитывалось более 7 тыс. бойцов. Армия эта опиралась на поддержку созданного в подполье и выросшего вскоре до 300 тыс. человек Антияпонского союза Малайи (АСМ). Сочетание боевых действий и широкого народного сопротивления придало антияпонской борьбе в Малайе особенно массовый и организованный характер. Антияпонская армия имела единое командование и подразделялась на полки, батальоны и роты. Во главе каждого подразделения стояли командир, политкомиссар и работник, руководивший образованием бойцов. Отряды имели свои зоны, базы в горах и хорошо налаженную связь с городами и отделениями Антияпонского союза, которые помимо снабжения партизан продовольствием и деньгами образовали добровольную разведсеть, охватившую всю страну. Поэтому японцы уже с 1943 г. чувствовали себя в Малайе неуверенно, и за пределами городов власть практически принадлежала партизанам.

Существование мощной армии, с которой японцы ничего не могли поделать, способствовало созданию в военные годы единого антияпонского фронта и сплочению основных национальностей страны. Большинство бойцов в ААНМ были китайцами, но в ее отрядах сражались также и индийцы, и малайцы. Руководители армии подчеркивали этот факт, и само антияпонское движение получило название «движение трех звезд» (на красном флаге ААНМ

были три звезды, символизирующие китайцев, малайцев и индийцев, объединенных в борьбе против оккупантов).

В 1944 г. английская разведка наладила связи с партизанами Малайи, координировала с ними действия, снабжала оружием и получала разведданные. Однако, несмотря на попытки в этом направлении, никакой власти над Антияпонской армией англичане не имели и даже не знали, кто конкретно ею руководит.

С начала 1945 г. ААНМ перешла от диверсий и засад на дорогах и у местных комендатур к более широким операциям. Особо крупные сражения разгорелись в Джохоре, когда японские карательные отряды попытались ликвидировать партизанские базы. Считается, что в этих боях погибло более тысячи японских солдат. Вскоре в Малайе возникли освобожденные районы, ставшие базой для проведения первых социальных преобразований в стране. Незадолго до конца войны компартия Малайи опубликовала программу, в которой ставились, в частности, следующие задачи: изгнание японских фашистов и образование в Малайе республики; создание правительства, представляющего все национальности; преобразование партизанских отрядов в Национальную армию обороны.

Летом 1945 г. ААНМ контролировала уже несколько городов и большую часть территории горных штатов. На ее счету было более 10 тыс. убитых японских солдат, а сами партизаны потеряли в боях с карателями куда больше. Всего же за годы оккупации число жертв японских захватчиков составило более 100 тыс. человек.

Когда японцы капитулировали, английских войск в Сингапуре еще не было. Отряды антияпонской армии покидали джунгли и занимали города. С ними вместе выходили сотни тысяч семей, которые, как указывалось, бежали в леса из городов, с приисков и плантаций — кто от голода, кто от преследований. Это было в основном китайское, абсолютно бесправное и изголодавшееся население, которое, с одной стороны, подвергалось преследованиям японцев и уничто-

жалось ими в ходе карательных экспедиций, с другой — было резервом антияпонской армии, ее глазами и ушами.

Пока в Куала-Лумпуре заседали немногочисленные политики из КРИС, рассуждая о возможностях присоединения к Индонезии, страна была похожа на развороченный улей — все было в движении, сотни тысяч людей шли по дорогам, возвращаясь в города или на плантации. Отряды Антияпонской армии старались наладить порядок, формируя местные органы власти, организуя милицейскую службу и хоть какое-то снабжение городов. Возрождались профсоюзы. В то же время единство действий, достигнутое во время войны, начало рушиться. Малайская буржуазия ждала возвращения англичан, потому что считала, что господствующее влияние коммунистов (в основном китайцев) в Антияпонской армии угрожает ее позициям в стране. Политика японцев, никогда не устававших утверждать, что Малайя — страна, где малайцы — «высшая раса», а китайцы — пришельцы, которых держат из милости, также дала свои плоды. Месяц, прошедший между капитуляцией Японии и приходом английских войск, характерен появлением трений между этническими группами страны. Начались стычки и внутри китайской общины, в которой шло размежевание между сторонниками Коммунистической партии Малайи и Гоминьдана.

Таким образом, промежуток между уходом японцев и приходом европейцев привел к провозглашению независимости Малайи. Главной причиной этого являлась национальная рознь, накладывавшаяся на социальные противоречия. Этот фактор использовали в своих интересах англичане. Первой же их акцией по возвращении в Малайю было изменение административного устройства страны, объявленное в октябре 1945 г. Система косвенного управления через султанов ликвидировалась, и Малайя разделялась на две части. Собственно Малайя, состоявшая из девяти султанатов и двух сеттльментов, объявлялась коронной колонией Малайский Союз. Сингапур с его по преимуществу китайским и индий-

ским населением становился отдельной колонией. Местные органы власти, установленные Антияпонской армией, были распущены.

В отличие от материковой Малайи на Северном Калимантане в Сараваке и Сабахе никакого сопротивления оккупантам на первых порах не было. Его вызвали к жизни сами японцы, которые начали сгонять население на принудительные работы, отбирать рис и продовольствие. К тому же всякий обмен с другими странами прекратился, и, как везде, вскоре начала ощущаться нехватка предметов широкого потребления. Хуже всех приходилось китайцам, составлявшим в Сараваке и Сабахе многочисленную общину. В их руках находилась, в частности, почти вся местная торговля. Среди китайцев Саравака были сильные проанглийские настроения, и когда с 1943 г. в Сараваке начали появляться английские разведчики, они встретили там благожелательный прием. В Сабахе же существовали традиционные и тесные связи с филиппинскими островами Сулу, где разворачивалось партизанское движение против японцев. Слухи об успехах партизан на Сулу, сообщения о неудачах японцев на тихоокеанских островах возрождали надежды на то, что захватчиков скоро можно будет изгнать.

Особенно быстро стали развиваться события, когда во главе антияпонского движения в Сабахе встал молодой англизированный китаец Альберт Куок, создавший Ассоциацию обороны заморских китайцев и установивший постоянные связи с американской разведкой. Куок полагал, что, если поднять восстание в Сабахе, японский гарнизон которого был весьма слаб, и договориться о помощи с филиппинскими партизанами, можно будет освободить Сабах, не дожидаясь, когда придут союзники. Узнав об этом, американские разведчики встревожились — восстание было почти наверняка обречено на неудачу, и в таком случае разведка США лишалась важной базы в этом районе. Возможно, восстание и удалось бы отсрочить, но в начале октября 1943 г.

стало известно, что японцы намерены провести новый набор для дорожных работ, а также собираются вывезти очередную партию девушек-китаянок для публичных домов. Немедленно были отправлены гонцы на Сулу, откуда прибыло несколько прау — длинных лодок с вооруженными партизанами. 10 октября они напали на г. Джесселтон (ныне Кота-Кинабалу) с моря, тогда как местные китайские отряды — с суши. Японский гарнизон, не ожидавший нападения, был перебит до последнего человека. Нападающие вооружились трофейным оружием и стали ждать подкреплений с Сулу или помощи от американцев.

Японское командование в Сабахе было перепугано не столько самим восстанием, сколько возможной реакцией своего начальства и тем, как бы выступление китайцев Сабаха не послужило примером для соседних qбластей. Японцы подтянули артиллерию и начали бомбардировать Джесселтон, а повстанцы тем временем не нашли ничего лучшего, как штурмовать прибрежный японский пост. Когда пост взять не удалось, среди повстанцев, как часто бывает при стихийном и плохо организованном бунте, воцарилось уныние, и они разбежались по деревням.

В ближайшие дни японцы методично прочесали все окрестности. Любая деревня, которую подозревали в том, что она дала приют повстанцам, сжигалась, ее жителей расстреливали. Чтобы предотвратить дальнейшие жертвы, вождь восстания Куок, скрывавшийся в джунглях, решил сдаться. (Японцы обещали прекратить репрессии, если сдадутся руководители штурма.) 19 декабря он пришел в комендатуру и объявил японцам, что теперь можно прекратить казни. Естественно, ничего не изменилось. Охота за повстанцами продолжалась еще месяц. И только когда японцы решили, что население области достаточно напугано, они устроили завершающую публичную массовую казнь. 21 января Куок и 175 повстанцев были обезглавлены. 130 человек, в основном те, кто в восстании участия

не принимал, были отправлены в концлагерь на о-ве Лабуан, где почти все погибли.

Но спокойствие японцев было недолгим. Прошло совсем немного времени и созрело новое восстание. Оно должно было начаться 13 апреля 1944 г., но буквально за день до этого японцы узнали о нем и успели арестовать всех его руководителей. На этот раз месть японцев была особенно жестокой: на прибрежных островах, куда должны были пристать прау с Сулу, было перебито все мужское население. Снова начались казни в Джесселтоне и внутри страны.

10 июня 1945 г. на Лабуане и в Брунейском заливе высадилась 9-я австралийская дивизия, которую поддерживала военная эскадра. Японские войска, которые были к тому времени значительно усилены и насчитывали около 20 тыс. человек, упорно сопротивлялись и отказались сдаваться даже после капитуляции Японии. Лишь 11 сентября австралийцы вошли в Кучинг, а 23 сентября — в Джесселтон. На западном побережье Сабаха японцы держались до 19 октября. Бои были настолько отчаянными, что в Джесселтоне, когда туда вошли австралийцы, остался невредимым лишь один дом, а в Сандакане — ни одного.

В отношении Индонезии японские власти и в последние полтора года оккупации продолжали проводить политику проволочек. С одной стороны, никто не препятствовал Сукарно и другим националистам периодически просить японцев поспешить с независимостью, с другой — никаких практических шагов в этом направлении не предпринималось. Во второй половине 1943 г. получили «независимость» Бирма и Филиппины, в октябре последовало признание «суверенной державой» марионеточного Китая. В Индонезии же все ограничивалось деятельностью совещательных советов, членам которых выдавали автомашины и особняки из числа конфискованных у голландцев. Правда, японцы пригласили нескольких индонезийских лидеров в Токио, чтобы они могли

лично выразить благодарность императору за то, что индонезийцам «предоставили возможность принять участие в управлении своей страной». Индонезийских делегатов заставили три дня репетировать поклоны и примерять черные фраки, а во время приема император даже протянул Сукарно руку, после чего индонезийцам были вручены ордена Восходящего солнца высоких степеней. Поездка в Японию широко освещалась в японской и индонезийской прессе, но для индонезийцев была полна разочарования. К тому же по возвращении японское командование информировало Сукарно, что Путера не отвечает возложенным на нее задачам и потому должна быть распущена. Вместо нее с 1 марта 1944 г. начала функционировать организация «Джава хококай» (Союз верности народу), которая была под еще более строгим контролем, чем Путера. И хотя Сукарно был назначен главой этого союза, его самостоятельность была еще более ограниченна. Фактически всю свою энергию оратора он тратил на агитацию в пользу трудовой повинности, реквизиций и преданности японскому «старшему брату».

Тем временем рост недовольства в Индонезии усиливался, подпольные группы и отряды возникали в различных местах архипелага. Однако национальные лидеры, прежде всего сам Сукарно, по-прежнему стремились ни в коем случае не допустить открытых выступлений. Их целью было добиться предоставления независимости мирным путем, пользуясь ухудшающимся положением Японии на фронтах.

Осенью 1944 г. премьер-министр Японии Койсо заявил, что в будущем Япония обязательно предоставит независимость индонезийскому народу. Это заявление было подкреплено послаблениями в политической деятельности. Например, было разрешено вывешивать национальные флаги. Сукарно был информирован об этих переменах самим генералом Ямамото, который вызвал его к себе и сообщил, что предоставление независимости — вопрос решенный. Правда, время указать трудно и все будет зависеть от положения на фронтах. Это заявле-

ние для Сукарно, по его собственным словам, было настолько неожиданным, что он не смог сдержать слез. Естественно, что Ямамото предложил Сукарно приложить еще больше усилий для помощи японцам, и тот согласился на это.

Есть основания полагать, что политика открытой поддержки японцев вызвала оппозицию даже в ближайшем окружении Сукарно. Подходил к концу 1944 год, первые десанты союзников высаживались на Новой Гвинее и восточных островах Индонезии. К тому же сотрудничество с Японией уже дорого обошлось Индонезии: положение в стране было настолько тяжелым, что дальнейшие поборы, мобилизация и реквизиции могли вызвать стихийные восстания крестьян. Но Сукарно был непоколебим в убеждении, что любой путь, кроме выжидания, ведет к большим жертвам и обречен на поражение. В этом его рассуждении была натяжка, на которую обращали внимание оппоненты Сукарно: в действительности промедление начала борьбы с Японией означало не сохранение сил национального движения, а лишь сохранение позиций лидеров этого движения. Население же и без того находилось в тяжком положении, тысячи людей ежедневно гибли от голода, истощения и пыток, погибали на тихоокеанских островах.

Типичным примером разрозненности и в конечном счете беспомощности индонезийского национального движения перед лицом японской военной машины стало восстание в феврале 1945 г. батальона ПЕТА в Блитаре на Восточной Яве. Этот батальон занимался строительством береговых укреплений, а в случае высадки союзников должен был охранять дороги, фабрики и мосты. В батальоне было 10 японских инструкторов во главе с капитаном. Работа была тяжелой, приходилось не только строить заграждения на болотах у берега океана, но еще и трудиться в подсобном хозяйстве, обслуживавшем японских инструкторов. Вместе с солдатами ПЕТА работали «ромуся», согнанные из деревень, вечно голодные, десятками умиравшие от болезней и истощения. Рядом были деревни, разоренные

японцами. Так что можно понять, какие чувства преобладали в батальоне.

К тому же, несмотря на попытки японцев отрезать Яву от внешнего мира, было ясно, что японцы терпят поражения и им все труднее сдерживать натиск американцев, приближавшихся с востока. Известно было, что многих «ромуся» посылали на дальние острова и в большинстве случаев те погибали. Поэтому, когда в батальоне возникли слухи, что его намерены отправить на острова, солдаты решили захватить склад с оружием, перебить японцев, а затем укрыться в районе горы Келуд, которая возвышалась неподалеку от Блитара. Что делать после того, как будет занята гора Келуд, никому не было ясно — солдатам казалось, что при первой же вести о восстании в Блитаре поднимется вся Индонезия и начнется всеобщее восстание. Руководителями восстания стали командиры взводов и адъютант командира батальона Муради. Офицеры более высокого ранга от участия в восстании устранились.

В ночь на 14 февраля 1945 г., перебив инструкторов, добровольцы захватили склад с оружием и боеприпасами и вооружили батальон. Затем, введя в действие минометы, батальон пошел в наступление на Блитар. Японский полицейский участок был взял штурмом, были перебиты почти все японцы, которые жили в городском отеле. После того как город был освобожден, повстанцы, следуя своему плану, тремя колоннами отправились к горе Келуд.

Восстание батальона ПЕТА было для японцев тревожной неожиданностью. Причины восстания были неизвестны, и, если не подавить его быстро, пожар мог перекинуться и на другие батальоны. Поэтому уже к утру в Блитаре был японский пехотный полк, присланный из Маланга, а из Сурабаи спешили танковые колонны. Решено было, однако, покончить с восстанием без боя и представить его как недоразумение. Для этого из Джакарты был направлен в Блитар сам начальник штаба 16-й армии и глава военной админис-

трации Ямамото, который имел репутацию гибкого политика. ПЕТА была в основном его детищем, и восстание в ней грозило большими неприятностями лично ему.

Повстанцы, окопавшиеся на западных склонах горы Келуд, спокойно наблюдали, как японцы стягивают кольцо вокруг их позиций. Когда всем, включая повстанцев, стало ясно, что помощи ждать неоткуда, японцы выслали парламентеров. Муради согласился сдаться при условии, что батальон не будет разоружен, против восставших не будет возбуждено судебное преследование и японские инструкторы впредь будут хорошо обращаться с индонезийцами. В ином случае батальон будет продолжать сражаться. Требования повстанцев были вполне приемлемы для японцев, так как их целью было вывести повстанцев из джунглей. В результате батальон спустился с гор и официально сдался, а командир японского полка торжественно вернул Муради его саблю. Обе стороны были удовлетворены: индонезийцы — потому что доказали свою силу, японцы — потому что повстанцы были у них в руках.

Понимая, что слухи о событиях в Блитаре неизбежно распространятся по всей Яве и вызовут возбуждение в других батальонах ПЕТА, японцы еще некоторое время продолжали делать вид, что инцидент исчерпан. Когда все успокоилось, в Блитаре начали работать следователи военной полиции. Постепенно один за другим 52 участника восстания были арестованы и отправлены в Джакарту. Для того чтобы придать этому делу характер законности, была создана комиссия из пяти видных индонезийцев, призванная объективно определить степень вины повстанцев, которых обвиняли в убийствах японских солдат и чиновников. Комиссия оказалась в сложном положении. Само согласие участвовать в ней уже ставило индонезийцев на сторону японского «порядка», тем более что в комиссию были введены и командиры батальонов ПЕТА. Поэтому комиссия пошла на компромисс. Она заявила, что индонезийцы, разумеется,

виновны, но не заслуживают сурового наказания, так как были воодушевлены национальными идеями. Этого японцам и надо было. Японский суд взял из постановления комиссии лишь признание вины заключенных, смягчающие же обстоятельства отмел, как не имеющие отношения к делу. Восемь руководителей восстания были казнены, остальные оказались в тюрьме, где многие умерли, так и не дождавшись освобождения.

Восстание в Блитаре было крупнейшим из антияпонских вооруженных выступлений в Индонезии (есть сведения о еще пяти подобных выступлениях, но меньшего масштаба и не ставших известными в то время). Сукарно, рассматривавший ПЕТА как опору будущей национальной революции, в официальном заявлении выразил сожаление по поводу восстания и назвал его «неразумным и вредящим интересам индонезийского народа». Он по-прежнему делал ставку на мирное развитие событий. Однако, несмотря на проявление верности Японии, военная администрация не спешила с выполнением обещаний. И неизвестно, когда бы воз сдвинулся с места, если бы не продолжающееся ухудшение положения Японии. 5 апреля 1945 г. Советский Союз денонсировал пакт о нейтралитете с Японией. 8 мая капитулировала гитлеровская Германия. Американцы заняли Филиппины и подходили к берегам самой Японии. Японское министерство по делам Великой Восточной Азии зашевелилось. 11 мая оно заявило, что к январю 1946 г. Индонезии будет предоставлена независимость. Это было первое официальное заявление, в котором указывалась точная дата. На рубеже июня японцы разрешили провести заседание Исследовательского комитета по подготовке независимости, который должен был решить, каким будет индонезийское государство.

Три дня заседаний прошли в жарких дискуссиях. Светские националисты были за секуляристский характер независимой Индонезии, часть мусульманских лидеров выступили с требованием создать «мусульманское» государство. Были и сторонники точки зрения, что Индонезия к независимости

попросту еще не готова. Сукарно, выступившему на заседании Исследовательского комитета 1 июня, удалось выдвинуть формулу, которая не только положила конец разногласиям, но и стала официальным лозунгом индонезийской политики на много лет вперед. Этой формулой были «панча сила» — пять принципов, которые должны были лечь в основу будущего государства. Они заключались в индонезийском национализме, гуманизме и интернационализме, демократии, социальном благоденствии и вере в Бога. Заканчивая свою речь, Сукарно заявил, что все эти принципы можно свести к одному — принципу взаимопомощи (готонг-ройонг): вместе работать, вместе проливать пот, достигать общих интересов. Этот принцип должен действовать между богатыми и бедными, между мусульманами и христианами, между индонезийцами и неиндонезийцами. «Индонезийское государство, создаваемое нами, должно стать государством взаимной помощи!»

Пять принципов Сукарно были настолько общими и допускали столь различное толкование, что удовлетворяли все спорящие стороны. Это была база, на которой могли сотрудничать такие различные силы, как мусульмане, радикалы и даже феодалы. Пользуясь моментом, Сукарно вместе со своими ближайшими помощниками набросал проект конституции будущей Индонезии. Индонезия объявлялась единой республикой (японцы предлагали федеральное строение государства), охватывающей всю территорию Нидерландской Индии.

Разговоры о независимости, надежды на ее скорое получение сопровождались тревожными слухами. По мере приближения войны к границам Индонезии становилось все яснее, что голландцы не откажутся от своей крупнейшей колонии. С 1944 г. в Австралии трудился крупный колониальный администратор, заместитель генерал-губернатора Нидерландской Индии ван Моок. Возглавляемое им правительство в изгнании (генерал-губернатор Старкенборгх Стахувер находился в японском плену) разрабатывало свои планы для Индонезии, суть

которых заключалась в возвращении статус-кво. Для претворения в жизнь этих планов администрация ван Моока старалась привлечь к себе всех индонезийцев, по той или иной причине оказавшихся за пределами своей страны. В основном это были представители служилой аристократии, однако имелись и антифашистски настроенные левые лидеры, которые перед войной находились в концлагере на Новой Гвинее и, как отмечалось, были эвакуированы в Австралию до прихода японцев.

Голландская администрация предполагала переправиться на территорию Индонезии и объявить себя единственным законным правителем Нидерландской Индии, как только американцы займут какой-нибудь крупный город. Рассчитывали, что это будет Амбон или Манадо на севере Сулавеси. Но все попытки голландцев поторопить союзников (своих войск у них не было) оказались тщетными. Для американцев этот фронт был второстепенным, и тратить силы на освобождение голландской колонии они не считали необходимым. Нежелание союзников таскать каштаны из огня для Голландии в конечном счете дорого обошлось последней — администрация ван Моока так и не смогла до самого конца войны ступить на землю Индонезии, а пока она оставалась в Австралии, ее деятельность была чисто условной.

К концу войны антияпонские настроения в ПЕТА достигли опасного уровня, ненадежными стали и все массовые организации. Умеренные политики-индонезийцы не уставали предупреждать японцев, что они не в состоянии контролировать народ, так как не имеют на это полномочий, и советовали поторопиться с предоставлением независимости, если Япония не хочет получить в тылу в самый ответственный момент войны грандиозное восстание и потерять Индонезию вообще. Однако в Токио по-прежнему медлили. Японскую политику в этом вопросе хорошо характеризуют следующие слова из секретного послания, которое командующий Южной армией маршал Тераути получил из Токио 29 июля 1945 г.: «В принципе император дарует индонезийцам

независимость, однако она может быть провозглашена лишь тогда, когда участие России в войне станет неизбежным». Таким образом, последние надежды Токио основывались на том, что, если Советский Союз отсрочит свое вступление в войну, у Японии появятся шансы продержаться еще несколько месяцев.

Однако до вступления в войну СССР оставалось всего несколько дней. Кроме того, судьба Индонезии могла быть решена и локальными успехами союзников на востоке архипелага. О существовании правительства ван Моока японцы знали, знали они и о его планах объявить официально о своем возвращении, как только будет освобожден достаточно крупный населенный пункт. Японское командование допускало даже, что голландцы пойдут на провозглашение независимости Индонезии, лишь бы вырвать инициативу из рук Японии и привлечь на свою сторону индонезийцев. В этих условиях дальнейшее промедление становилось опасным.

6 августа маршал Тераути вызвал к себе в ставку в Сайгон трех индонезийских представителей — Сукарно, Хатту и Раджи-мана. Приняв делегатов, маршал объявил им: «Японское правительство передает дело независимости нашего народа в ваши руки». После этого индонезийские лидеры на несколько дней попали в вихрь светской жизни — высокие японские чины устраивали в их честь банкеты и обеды, на которых уверяли, что дела Японии идут успешно и наступление союзников приостановлено. В улыбках и речах генералов проскальзывала тревога, но индонезийцы оставались в неведении о действительном положении вещей, пока не возвратились 15 августа в Джакарту. Там они узнали, что советские войска уже продвигаются по Маньчжурии; более того, в Джакарту проник слух, что Япония, потрясенная мощью этого наступления, а также применением американцами какого-то нового оружия невиданной силы, уже капитулировала. Правда, японское командование в Индонезии отказывалось подтвердить эти слухи, да и сам Сукарно, убеж-

денный, что понимает обстановку лучше, чем горячие головы в Джакарте, которые предлагали немедленно напасть на японцев и разоружить их, полагал, что война продлится еще несколько месяцев. Тем не менее молодые офицеры ПЕТА и даже радикалы из ближайшего окружения Сукарно требовали от него провозгласить независимость немедленно. За этим требованием скрывалось желание использовать ситуацию — если голландцы войдут в Индонезию, уже ставшую независимым государством, им будет труднее обращаться со страной как со своей колонией, от кого бы эта независимость ни исходила.

Прежде чем сделать столь ответственный шаг, Сукарно решил узнать, как же в самом деле обстоят дела, у пользовавшегося репутацией умеренного деятеля и даже либерала вице-адмирала Маеда. Сукарно и сопровождавший его Хатта задали адмиралу вопрос, сдалась ли уже Япония. Адмирал на него прямого ответа не дал, и Сукарно решил собрать Комиссию по подготовке независимости (КПН) утром 16 августа. Но уже вечером 15 августа руководители подпольных антияпонских групп в Джакарте провели совещание, на котором решили добиваться незамедлительного провозглашения независимости. Для того чтобы подтолкнуть к этому решению Сукарно, группы отправили к нему делегатов, которые потребовали без промедления объявить Индонезию независимой. Провозглашение независимости, говорили они, должно стать актом волеизъявления народа, а не подарком уже погибающего японского милитаризма. Признавая Сукарно вождем революции и выдвигая его кандидатуру на пост президента, подпольщики требовали, чтобы он дал сигнал, по которому поднимутся тысячи людей. Однако Сукарно отказался. Он сказал молодым революционерам, что Джакарта — еще не вся Индонезия, что народ не готов к борьбе, которая приведет лишь к жертвам, и что в любом случае он категорически отказывается принимать участие в «ночном перево-

роте». Сукарно поддержал и пришедший в разгар горячего спора Хатта.

Положение радикалов было сложным. Признавая Сукарно вождем революции, они зависели от его решений. Ни одна из левых групп в тот момент не могла предложить альтернативы Сукарно или Хатте. Но и промедление они считали крайне нежелательным. Поэтому, уйдя от Сукарно, подпольщики вновь собрались на совещание, на котором приняли решение прибегнуть к отчаянному шагу: похитить Сукарно и Хатту, с тем чтобы показать им, что народ действительно готов к революции, а кроме того, и обезопасить их от возможных действий японцев — существовала опасность, что японцы могут пойти на ликвидацию лидеров страны.

В 4 часа утра 16 августа несколько молодых людей вошли в кабинет Сукарно и предложили следовать за ними. Вскоре Сукарно и Хатта были уже на пути в небольшой городок неподалеку от Джакарты, который контролировался батальоном ПЕТА, арестовавшим японских инструкторов. Солдаты, не подозревавшие, что приезд Сукарно и Хатты не был добровольным, радостно встретили вождей революции. Другие отряды ПЕТА тем временем устанавливали контроль над окрестностями города.

Сукарно и Хатту пригласили в здание штаба батальона, где их уже ждали руководители левых групп. Встало солнце, последних выловленных в городке японцев вели в тюрьму, толпы народа собрались вокруг лагеря, ожидая, что скажет им Сукарно. Сукарно вышел, окруженный радостными подпольщиками. Он тоже улыбался — он согласился вернуться в Джакарту и провозгласить независимость.

Комиссия по подготовке независимости собралась вечером 16 августа. Поздней ночью была принята Декларация независимости, которую утром 17 августа Сукарно зачитал толпе, собравшейся перед его домом. «Мы, индонезийская нация, — говорилось в ней, — настоящим провозглашаем независимость Индонезии. Вопросы, связанные с передачей

власти, и другие вопросы будут решены самым тщательным образом в кратчайший срок». Подписана декларация была Сукарно и Хаттой.

Сейчас же после принятия декларации ее текст был передан на телеграф и в информационное агентство, и по всей стране начались массовые манифестации, во время которых демонстранты срывали японские флаги. Японские солдаты, не получив никаких указаний на этот счет от своего начальства, не вмешивались. Тем не менее лидеры Индонезии попрежнему предпочитали не торопиться и, когда некоторые члены КПН предложили объявить комиссию Учредительным собранием, на это не пошли. Единственное, чего удалось добиться радикальной молодежи, — это расширение состава комиссии на шесть человек в основном за счет включения в нее представителей антияпонского подполья. Новые члены комиссии, занявшие место на ее левом крыле, неустанно толкали КПН, предпочитавшую ждать благоприятного хода событии, к решениям. В результате комиссия приняла первую конституцию свободной Индонезии. По ней Индонезия объявлялась унитарной республикой, во главе которой стоял президент (им стал Сукарно), обладающий чрезвычайно широкими полномочиями. Поста премьер-министра конституция не предусматривала и даже не уточняла, каким должен быть состав совета министров, что еще более усиливало власть президента. Она провозглашала равенство всех граждан республики и ее верховное право на «землю, воду и природные богатства».

19 августа было сформировано первое правительство независимой Индонезии, состав которого отражал многообразие политических сил и слоев, принявших Декларацию независимости. В тот же день радикалы, чувствовавшие свою силу, потребовали от Сукарно превращения ПЕТА в национальную армию и разоружения японцев. После этого, игнорируя приказ японского командования о роспуске ПЕТА, индонезийские части начали нападать на японские казармы

и склады оружия. Сукарно не протестовал против подобных действий, но и не санкционировал создания национальной армии.

Нерешительность индонезийского правительства, как бы продолжавшего молчаливо признавать за японской армией право управлять страной, вела к разногласиям в рядах национально-освободительного движения. Во главе левого крыла этого движения встал штаб «Ментенг 31», названный так потому, что располагался в доме № 31 по улице Ментенг в Джакарте. Правые также объединялись. Одна из созданных ими групп даже похитила руководителей штаба «Ментенг 31», но похищенным удалось бежать. 19 сентября штаб «Ментенг 31» провел в Джакарте грандиозную демонстрацию. Правительство в целом ее не поддержало, а японцы заявили, что возражают против ее проведения, и даже вывели на улицы танки. Это не помешало демонстрантам: потоки людей стремились к площади Икада, обтекая танки и игнорируя японские патрули.

В стране создалось необычное положение. Японские войска, не сдавшиеся еще союзникам, так как некому было сдаваться, не отрицали за Индонезией права на независимость и никаких действий, направленных на свержение правительства Сукарно, не предпринимали. В то же время японская полиция и армия в конце августа — начале сентября продолжали вести борьбу со штабом «Ментенг 31» и радикальными антияпонскими группами, арестовывая известных своими левыми взглядами индонезийцев — например, были арестованы коммунисты Айдит и Лукман. Таким образом, фактически японская администрация расчищала дорогу умеренным буржуазным элементам в индонезийском руководстве, сотрудничавшим с японцами все военные годы. Со своей стороны, правительство Индонезии продолжало вести себя сдержанно по отношению к японской администрации, но приняло принципиально важную резолюцию от 29 августа, в которой говорилось, что господство Нидерландов над Ин-

донезией завершилось 9 марта 1942 г., так как нидерландское правительство оказалось неспособным обеспечить безопасность и благосостояние индонезийского народа.

Штаб «Ментенг 31» и связанные с ним политические и профсоюзные организации опирались на отряды ПЕТА, охваченные стремлением скорее изгнать из страны всех иностранцев. В сентябре 1945 г. в различных частях Индонезии вспыхивали бои между японскими и индонезийскими войсками. Вся железнодорожная сеть перешла в руки мощного левого союза железнодорожников, который собственноручно разоружил японскую транспортную полицию. Опасаясь, что левые силы придут к власти, Сукарно попытался подчинить их своему влиянию, объявив о создании в стране единой Национальной партии Индонезии с самим собой во главе. Но обстановка не благоприятствовала президенту, и единая партия распалась, просуществовав чуть больше недели. Для политической жизни страны был характерен обратный процесс — оформления и дробления различных партий.

Провозглашение независимости Индонезии создало неожиданный и неприятный для западных союзников прецедент. Так как английские войска были заняты подготовкой к высадке в Сингапуре и боевыми действиями в Восточной Бирме, немедленный десант в Индонезии был малореален. Конечно, Сингапур и Малайя для англичан были куда более важной и нужной целью, чем голландские владения. К тому же, хотя формально Южная армия маршала Тераути капитулировала, реакция японцев в Индонезии была непредсказуемой: английское командование уже сталкивалось со случаями, когда японские части даже по получении приказа о капитуляции продолжали сопротивление.

Не имея возможности ввести свои войска в страну немедленно, лорд Маунтбеттен счел за лучшее послать маршалу Тераути телеграмму, в которой возлагал ответственность за поддержание порядка в Индонезии до прихода туда союзных войск на японские войска. Одновременно Маунтбеттен

направил в индонезийскую столицу миссию адмирала Петерсона, которая должна была проследить, чтобы японцы не капитулировали перед «самозванцами». Прибыв в Джакарту 15 сентября на крейсере «Кэмберленд», Петерсон, к своему удивлению, обнаружил, что Республика Индонезия уже существует, причем не только в Джакарте, но и в провинциях, где действует гражданская администрация. Созданы министерства и ведомства и даже гражданская полиция.

Адмирала Петерсона больше всего волновала судьба Сурабаи — крупнейшей морской базы и порта, нормальная работа которого была необходима для беспрепятственной высадки английских войск. Однако заставить японский гарнизон Сурабаи продержаться до подхода англичан не удалось: японцы наотрез отказывались сражаться и к концу сентября сдались индонезийским отрядам. Английское командование сделало выговор японскому коменданту, но Сурабаю этим, разумеется, вернуть не удалось.

29 сентября первый английский десант наконец высадился в Джакарте. Десант был невелик и не имел полномочий бороться с индонезийцами. Его командир генерал-лейтенант Кристисон сделал официальное заявление, что десант прибыл для того, чтобы разоружить японцев. В то же время Кристисон от имени Великобритании признал правительство Индонезии де-факто. Сукарно, выступая 2 октября, обратился к индонезийцам с просьбой сохранять спокойствие. Если цели англичан таковы, как официально объявлено, то индонезийское правительство им препятствовать не будет.

Но все было не так просто. Петерсон все еще оставался на Яве. По должности он был выше генерала Кристисона и дезавуировал его, заявив, что признание Кристисона не означает признания правительства в Джакарте Великобританией. Он добавил, что английские войска будут поддерживать в стране порядок до тех пор, пока не начнет функционировать законное правительство Нидерландской Индии.

4 октября до Джакарты наконец добрался ван Моок и занял губернаторский дворец. В тот же день с новой партией английских десантников прибыли и первые голландские части, переброшенные из Европы. Для голландских и английских солдат все было просто: индонезийцы, захватившие власть, сотрудничали во время войны с японцами, теперь тех и других необходимо разоружить.

Сукарно понял, что молодая республика должна защищаться сама — никто не придет к ней на помощь. Поэтому 5 октября был опубликован президентский декрет о создании Национальной армии Индонезии, костяк которой должны были составить части ПЕТА. Этот декрет запоздал на полтора месяца — если бы подобное предложение молодых радикалов было принято в середине августа, правительство могло бы уже сделать немало для создания собственных вооруженных сил. Теперь же оказалось, что армия плохо вооружена, слабо организована, и, хотя численность ее была велика, армией как таковой она еще не стала. К тому же и отряды ПЕТА далеко не все сохранились в первозданном виде — при распадении японской оккупационной машины многие солдаты, которые были мобилизованы насильно, покинули батальоны ПЕТА и разошлись по домам.

Таким образом, времени для создания вооруженных сил, которые могли бы защитить республику, не оставалось. У союзников с окончанием войны высвободилось достаточно войск, которые можно было бросить на «наведение порядка» в Индонезии. Голландские власти отказывались вступать в какие-либо контакты с правительством республики и в то же время лихорадочно нащупывали связи с политиками, на которых можно было бы опереться. Обвиняя Сукарно и Хатту в коллаборационизме, они старались подорвать позиции руководства республики.

В последних числах октября наступил кризис. Понимая, что для дальнейшего контроля над страной необходимо овладеть морской базой в Сурабае, англичане 25 октября высадили

там войска. Одним из первых их действий была замена индонезийских флагов английскими и введение военного положения. Однако на требование сдать оружие индонезийские отряды ответили отказом, и начались бои, длившиеся с перерывами целый месяц. Обороной Сурабаи начался новый этап в истории молодой Индонезийской республики — война за независимость.

Захват летом 1944 г. американскими войсками Марианских островов, заметно ухудшивший стратегическое положение Японии, создал целый ряд новых возможностей для союзников. Изучив обстановку, американский Комитет начальников штабов пришел к выводу, что после высадки на о-ве Лейте в самом центре Филиппин и отвлечения к этому пункту основных японских сил должен быть нанесен удар по Тайваню. Это был смелый план: в случае его успешного осуществления война немедленно переносилась к берегам Японии, а японские войска в Китае и Юго-Восточной Азии отрезались от метрополии. Однако против этого плана выступил генерал Макартур, считавший необходимым сначала овладеть Филиппинскими островами. Возвращение на Филиппины освободителем от японцев было для Макартура делом престижа — он обещал, что вернется, когда улетал с Батаана, оставляя свою армию сражаться в безнадежной битве, и он должен был вернуться. «Филиппины, — писал он в Вашингтон, — это американская территория, где наши лишенные поддержки части были уничтожены врагом. Практически все 17 миллионов филиппинцев остаются верными Соединенным Штатам и терпят невероятные угнетения и страдания из-за того, что мы не смогли оказать им защиты и поддержки. Мы обязаны выполнить наше великое моральное обязательство... Более того, если Соединенные Штаты сознательно пройдут мимо Филиппин, оставив наших военнопленных, интернированных лиц и лояльных филиппинцев во вражеских руках, даже не попытавшись спасти их, мы нанесем глубочайшую психологическую травму и при-

знаем правдивость японской пропаганды, утверждающей, что мы покинули Филиппины на произвол судьбы и не намерены проливать кровь американцев ради их освобождения».

Генерал Маршалл в ответном послании настойчиво рекомендовал Макартуру не позволять, «чтобы личные чувства и вопросы филиппинской политики» застилали основную цель — выиграть войну с Японией. Маршалл пытался убедить Макартура, что высадка на Тайване призвана ускорить падение Японии и отнюдь не означает предательства по отношению к Филиппинам. Однако Макартур не сдался — он обратился прямо к президенту США, хорошо понимая, что соображения внутренней политики (Рузвельт как раз в те дни был выдвинут кандидатом в президенты на четвертый срок) резко усиливают его позицию. Уединившись с президентом на борту крейсера «Балтимор», он смог преодолеть сопротивление верховного командования. Высадка на Лейте с последующими десантами на Минданао и Лусон и маршем на Манилу была назначена на 20 декабря 1944 г. Началась подготовка к самой грандиозной из десантных операций на Тихом океане.

Императорский штаб в Токио в те дни также старался угадать, где будет нанесен следующий удар. Рассматривались различные варианты, в том числе высадку на Филиппинах, на Тайване и даже на Окинаве (последний вариант рассматривали и американцы). Комплекс действий по отражению высадки был торжественно наименован «Се-Го» (Операция «Победа»), однако всем было ясно, что ни о какой победе речи уже быть не может.

Так как наиболее вероятным объектом американской высадки были все же Филиппины, решено было именно там дать последний и решительный бой. При этом сразу же обнаружилось принципиальное противоречие между ставкой и командованием на Филиппинах. Последнее намеревалось дать решительное сражение на о-ве Лусон, разветвленная дорожная сеть которого позволяла быстро перебрасывать

подкрепления в любую точку. Ставка же была уверена в том, что сражение будет выиграно еще до высадки с помощью авиации и флота, — голые цифры числá самолетов и кораблей внушали уверенность в том, что, собрав все силы, можно будет добиться решительного превосходства над американцами. Более того, явно занизив возможности американцев, японская ставка предположила, что десант на Минданао последует в январе 1945 г., а на Лусон — не ранее марта.

Подготовка к высадке на Лейте проходила по всему Тихому океану. Ее целью было разрушить коммуникации японских войск и уничтожить их авиацию не только на Филиппинах, но и на других японских базах, которые после падения Сайпана были в пределах досягаемости. 6 сентября 1944 г. начались налеты на о-ва Палау, расположенные в 550 милях к востоку от Минданао, 9 и 10 сентября подвергся массированным налетам сам Минданао, затем последовали атаки на Окинаву и Тайвань. В воздушные бои над Тайванем, начавшиеся 12 сентября, были впервые вовлечены японские истребители, базировавшиеся в самой Японии. За три дня этих боев 2-й воздушный флот Японии был разгромлен, потеряв более 300 самолетов. Поэтому неудивительно, что когда маршал Тераути, под номинальным руководством которого находились войска на Филиппинах, старался уверить подчиненных, что воздушный флот выполнит свою задачу, генерал-лейтенант Курода заметил: «Концепция победы в воздухе сама по себе замечательна. Но нельзя воевать одной только концепцией. Словами не потопишь американские корабли, и это становится ясно, когда начинаешь сравнивать нашу и американскую авиацию».

Командующий армией, которая должна была защищать Минданао и соседние острова, генерал-лейтенант Судзуки ранее других японских командиров предположил, что высадка состоится на о-ве Лейте, громадная бухта которого могла вме-

стить любое число десантных судов, а расположение острова в центре архипелага позволяло затем в случае успеха выбирать наиболее удобные цели. Он даже перебазировал часть своих войск к бухте, но дальнейшему укреплению японских позиций воспрепятствовали свои же собственные паникеры. 10 сентября наблюдательный пункт в бухте Давао на юге Минданао сообщил, что началась высадка американского десанта, во главе которого движутся тысячи танков-амфибий. Прежде чем удалось сообразить, что перепуганные наблюдатели приняли за танки буруны в бухте, резервная дивизия была уже переброшена на юг Минданао, оголив таким образом Лейте.

Указанный эпизод весьма характерен для обстановки, царившей в эти дни в японской армии, которой все больше овладевала истерия. Выражалась она в многочисленных формах — и в самоубийственных атаках «камикадзе», и в роковой обреченности бессмысленных сражений «до последнего человека», и в нелогичных метаниях командования, бесцельно перебрасывавшего свои дивизии. Выражением этой истерии была и слепая вера в самые дикие слухи, которая может быть сравнима с такой же верой гитлеровцев в последние дни войны, надеявшихся то на «секретное оружие», то на армию Венка, которая должна освободить окруженный Берлин. Точно так же в Токио, когда в битве над Тайванем был разгромлен 2-й японский воздушный флот, поверили в сообщения о великой победе японской авиации, уничтожившей американские воздушные силы.

В этой обстановке острова на подходе к Филиппинам с такой неожиданной легкостью перешли в руки американцев, что американское командование перенесло высадку на Лейте на 20 октября. В ходе подготовки к высадке 12 октября последовали два крупных налета на Лусон и Тайвань. Японцам удалось поднять в воздух 230 истребителей, но превосходство американцев в технике и мастерстве пилотов было столь велико, что в воздушных боях практически все японские истребители были сбиты. По выражению командовав-

шего этим боем японского вице-адмирала Фукудоме, японские истребители были схожи с яйцами, «которые кидали о каменную стенку». Попытка японских бомбардировщиков ночью уничтожить американские корабли у Тайваня также не увенчалась успехом. Однако желание победить и отсутствие боевого опыта у пилотов-новобранцев привели к тому, что возвратившиеся бомбардировщики сообщили о крупнейшей победе в истории Японии. А так как американский флот, выполнив свою задачу, ушел от Тайваня и обнаружить его не удалось, японское командование предпочло поверить в столь желанную победу. В результате 16 октября, всего за четыре дня до начала высадки американских войск на Филиппинах, в Токио было опубликовано официальное коммюнике, в котором сообщалось, что в результате грандиозной победы у берегов Тайваня потоплено 11 вражеских авианосцев, два линкора и т. д. В коммюнике признавалось, что 312 японских самолетов не вернулись с задания, но эти потери казались столь незначительными по сравнению с потерями американского флота, что император объявил о проведении специального торжества.

17—19 октября небольшие десанты американцев заняли несколько островков в бухте Лейте и установили там маяки для флотилии вторжения. Японское командование получило сообщения находившихся на этих островках постов о том, что они подверглись нападению, но, будучи убеждено, что после разгрома американского флота у Тайваня опасность для Филиппин ликвидирована, восприняло их как очередные проявления паники. К тому же над бухтой навис густой туман, и японские самолеты не смогли установить, есть ли в том районе противник.

19 октября американская армада в составе 420 транспортов и 157 военных кораблей вошла в бухту Лейте и тяжелые морские орудия начали громить прибрежные позиции японцев. Одновременно американские самолеты добивали остатки японской авиации на Лейте и Минданао. Канонада про-

должалась и на рассвете 20 октября, когда почти без помех первые транспорты достигли берега. Американский и филиппинский солдат установили на берегу флаги США и Филиппин.

Генерал Макартур спустился в катер и направился к транспорту «Джон Ленд», на борту которого из США привезли президента Филиппин Осменью (он занял этот пост после смерти Кесона) и генерала Карлоса Ромуло. «Карлос, мой мальчик! — закричал генерал, поднимаясь по трапу. — Вот мы и дома!» Президент Осменья вежливо улыбался. Для него участие в предстоящей церемонии не было столь желанным, как для Макартура. Менее всего он хотел быть привезенным в обозе победителя. Лишь после личного обращения президента Рузвельта Осменья согласился на такой шаг.

Вскоре торжественная толпа сановников и генералов, окруженных множеством репортеров, спустилась на изрытый снарядами пляж. Слышалась артиллерийская канонада — это американские десантники выбивали японцев из провинциального центра Таклобан. Макартур присел на поваленное дерево и, спросив президента: «Как вам нравится дóма?», не дожидаясь ответа, продолжал: «Как только мы возьмем Таклобан, я передам вам филиппинскую администрацию. Наверное, это случится скоро — события развиваются по нашему плану».

Город был взят на следующий день, а 22 октября состоялся запланированный торжественный митинг. На митинге со ступеней провинциального дворца под далекий шум канонады Макартур объявил ликующим филиппинцам: «Я вернулся!» Свидетели этого события утверждают, что генерал находился в состоянии эйфории. Он передал власть над освобожденными территориями престарелому президенту. После этого американцы расселись по джипам и умчались делать историю дальше, а всеми забытый президент Филиппин остался стоять на ступенях. Какой-то молодой американский офицер, задержавшийся на пло-

щади, предложил подвезти его в своем джипе. Президент согласился и отправился искать себе место для ночлега.

Когда масштабы американского вторжения на Филиппины уже не вызывали никаких сомнений, в Токио решили немедленно бросить к архипелагу все имеющиеся у империи морские силы. Местом сражения была избрана бухта Лейте, в которой было решено запереть, как в ловушке, и уничтожить американский флот и транспорты с войсками. Очевидно, этот план имел бы смысл, если бы его осуществление началось на несколько дней раньше. В сложившейся же ситуации, даже если бы японскому флоту удалось прорваться в бухту, эффект от такой победы был бы невелик. Транспорты уже выгрузили войска и снаряжение, а боевые корабли, выполнив свою задачу, вышли из бухты и заняли позиции для отражения возможного японского нападения.

К Лейте шли три японские эскадры, 1-й мобильный флот вице-адмирала Озавы был подобен пустому ореху, так как был силен лишь по видимости. Этот флот состоял из одного большого и трех легких авианосцев, а также из двух линкоров, переоборудованных в авианосцы. Слабость 1-го мобильного флота заключалась в том, что на все авианосцы осталось лишь 116 самолетов, остальные были уничтожены во время боев у Марианских островов, а новых флот не успел получить.

1-й ударный флот под командованием вице-адмирала Такэо Куриты шел к Лейте от Сингапура и должен был нанести основной удар. В его составе было два крупнейших в мире линкора — «Мусаси» и «Ямато», пять более старых линкоров меньшего размера, 11 тяжелых крейсеров, ряд легких крейсеров и эсминцев. В открытом бою этот флот мог сосредоточить огонь более сильный, чем любой другой флот на земле. Наконец, эскадра вице-адмирала Нисимуры, состоявшая из двух линкоров и четырех эсминцев, должна была помочь двум указанным флотам.

Недалеко от о-ва Палаван флот Куриты был замечен патрулировавшими там двумя американскими подводными лод-

ками, которые сообщили о приближении большой японской эскадры и приняли решение атаковать. В 5 час. утра 22 октября подводные лодки приблизились к японскому флоту и, не замеченные эсминцами охранения, выпустили весь запас торпед с расстояния менее 1 км. Четыре торпеды поразили флагманский тяжелый крейсер «Атаго», который немедленно начал тонуть — адмирал Курита едва успел перейти на эсминец. Несколько торпед вонзились в борт тяжелого крейсера «Майя». Раздался странный оглушающий звук, «словно у самого уха мнут целлофан», как вспоминал командир подводной лодки, и крейсер на глазах разломился пополам. Итак, уже на дальних подступах к цели Курита потерял два тяжелых крейсера. Еще один крейсер был поврежден настолько, что пришлось отправить его обратно. Было ясно, что путь и местопребывание флота стали известны американцам, о чем адмирал и сообщил в Токио. Оттуда он получил радиограмму: «Продолжать выполнение приказа».

Для того чтобы добраться до Лейте, флоту Куриты следовало пройти сквозь узкие проливы между филиппинскими островами. Сделать это при условии, что он не имел никакой воздушной поддержки — все авианосцы в то время находились в нескольких сотнях миль к северу от Филиппин, — было очень непросто. Тем не менее, рассчитывая на помощь наземной авиации, базировавшейся на Филиппинах, и на мощь противовоздушной обороны своих кораблей, Курита приказал им окружить кольцами суперлинкоры «Ямато» и «Мусаси» и продолжать путь.

В 8 час. утра, уже находясь в проливах, Курита увидел американские разведывательные самолеты, которые вели постоянное наблюдение за движением японской эскадры. Он немедленно радировал в Манилу, требуя, чтобы его прикрыли с воздуха. Но в это время последние из японских самолетов на Филиппинах гибли в отчаянных и бессмысленных попытках прорваться к американским кораблям. Поэтому, когда первые волны американских самолетов пошли на медленно и осто-

рожно идущий между островами флот Куриты, они могли атаковать его безбоязненно. Несколько бомб и торпед сразу же попало в суперлинкоры, которые и стали основной целью нападающих. Однако линкоры были столь «непотопляемы», что, пораженные в упор, продолжали идти вперед. В следующей атаке торпедоносцев в 10 час. утра в «Мусаси» врезались еще три торпеды, но и это не дало желаемого результата. Курита слал отчаянные радиограммы в Манилу: «Мы подвергаемся постоянным атакам вражеской авиации. Немедленно сообщите о мерах, принимаемых вами, чтобы остановить их», но никаких мер ввиду отсутствия самолетов, естественно, принято не было. История повторялась. Три года назад «Рипалз» и «Принц Уэльский» гибли у берегов Малакки, и у сингапурского командования не было истребителей, чтобы защитить их. Теперь роли переменились: Манила молчала, а волны американских самолетов, вылетая из редких облаков, спокойно пикировали на эскадру.

В час дня в «Мусаси» попали четыре тяжелые бомбы, еще одна торпеда смогла наконец пробить борт линкора. «Мусаси» начал отставать. В отчаянии от собственной беззащитности командир «Мусаси» уговорил Куриту разрешить ему отражать следующую атаку американцев из артиллерии главного калибра — восемнадцатидюймовых орудий, мощь которых Курита приберегал для грядущего боя с американскими линкорами, понимая, что введение их в действие до этого — стрельба из пушек по воробьям. И действительно, даже когда линкор сам вздрогнул от залпа заряженных картечью орудий, американские самолеты продолжали как ни в чем не бывало нестись на цель. Первый в истории «Мусаси» боевой залп из орудий главного калибра оказался и последним: сразу полтора десятка торпед ударило в медленно ползущий линкор, он содрогнулся и почти остановился. Большинство надстроек линкора было сметено бомбами.

Чтобы уменьшить крен, оставшийся в живых старший офицер приказал заполнить водой балластные цистерны.

«Мусаси» еще держался на плаву, но после очередной атаки американских самолетов его скорость упала до 6 узлов и от него остался лишь корпус — все надстройки исчезли. В надежде спасти линкор Курита приказал ему повернуть назад и под защитой двух эсминцев идти к Калимантану.

Потеряв значительную часть эскадры, Курита решил более не испытывать судьбу и отступить. Было лишь 4 часа дня, адмирал не знал, сколько еще вылетов могут сделать американские самолеты, а надежда на помощь с Филиппин уже пропала. Флот развернулся и пошел вдогонку «Мусаси». Так продолжалось в течение часа. Но американские самолеты больше не появлялись, и Курита, решив, что сумерки близки, рискнул — еще раз развернул свои корабли и возобновил путь к бухте Лейте. В этот момент он получил радиограмму с «Мусаси», что линкор почти совсем потерял ход и в любой момент может пойти ко дну. Еще через час крупнейший в мире линейный корабль перевернулся и затонул.

1-й мобильный флот тем временем продвигался к Филиппинам, не принимая участия в бою. Однако командовавший им адмирал Озава знал, как разворачиваются события, и решил пожертвовать своим флотом ради того, чтобы Курита смог выполнить задачу. С этой целью он дал открытым текстом радиограмму о своем местонахождении, надеясь, что американцы клюнут на эту удочку и уйдут от Лейте, чтобы разделаться с ним. О своем решении он сообщил и Курите, но тот, как потом выяснилось, его радиограммы не получил и потому, продолжая путь в сгущающихся сумерках, был уверен, что 3-й американский флот поджидает его у выхода из проливов. На самом же деле американцы, перехватив послание Озавы, кинули ему навстречу значительную часть кораблей.

Если путь перед адмиралом Куритой был открыт, то шедшая южнее эскадра Нисимуры двигалась прямо в ловушку — навстречу ожидавшему ее у выхода из пролива Суригао 7-му американскому флоту адмирала Кинкарда. Отражая непрерыв-

ные атаки самолетов, торпедных катеров, эсминцев, Нисимура упрямо шел вперед, стараясь выйти на расстояние артиллерийского огня и тем самым получить единственный шанс погибнуть не бесцельно. В 4 часа утра следующего дня остаткам эскадры Нисимуры — трем кораблям, прошедшим все заслоны на пути к 7-му флоту, — удалось все же сблизиться с кораблями Кинкарда. Шесть линкоров, не считая других кораблей, встретили потрепанные корабли Нисимуры залпами в упор. Это был безжалостный расстрел, в котором японские корабли не имели никаких шансов устоять. Эскадра была уничтожена до последнего корабля. Такая же участь постигла и 2-й мобильный флот, пришедший тем же путем вслед за Нисимурой и собранный из разномастных старых кораблей под командованием вице-адмирала Симы.

Тем временем Курита, не зная, что корабли 3-го американского флота, которые стерегли выход из пролива Сан-Бернардино, ушли на север, чтобы уничтожить флот адмирала Озавы, вышел, не встречая никакого сопротивления американцев, в Филиппинское море, где и увидел в лучах восходящего солнца американские авианосцы. Курита решил, что это и есть американский флот, прикрывающий Лейте, и обрушил всю мощь своей эскадры на небольшой вспомогательный авианосный отряд. Эсминцы охранения авианосного отряда, ставя дымовые завесы и отвлекая японские корабли торпедными атаками, смогли задержать японцев, и большая часть американских кораблей спаслась. Курита же в этой гонке потерял еще полдня. К тому же самолеты с американских авианосцев непрерывно атаковали его эскадру, которая к концу этого боя потеряла еще три тяжелых крейсера.

Через два с лишним часа Курита понял, что гонка отвлекает его от главной задачи, и, оставив на милость судьбы остатки авианосной эскадры, снова повернул к бухте Лейте, находясь в уверенности, что ему удалось отогнать основные американские силы.

К полудню 23 октября остатки эскадры Куриты добрались наконец до входа в бухту Лейте. Цель, казалось, была достигнута. Все ждали приказа повернуть в бухту, однако адмирал, постояв в задумчивости на мостике флагманского корабля, приказал повернуть к северу. В его рассуждениях была логика: как только его корабли входили в бухту, они оказывались отличной мишенью для американских самолетов. В этом случае, полагал Курита, остатки его эскадры подвергались риску быстрого уничтожения ради того, чтобы иметь возможность потопить несколько пустых транспортов. Зато, если удастся настичь американский флот в Филиппинском море, гибель его кораблей будет отомщена, тем более что, вырвавшись на простор, Курита обретет свободу маневра и сможет объединиться с авианосцами адмирала Озавы, которые вот-вот должны подойти с севера. Американский флот окажется между двух огней.

Не имея самолетов, адмирал Курита не знал, где находятся американцы и какова судьба эскадры Озавы. На самом же деле американский флот, за которым он шел в погоню, был уже далеко на севере, где добивал авианосцы Озавы. Поскольку Курита так и не узнал, на какую жертву ради него пошел Озава, и не использовал плоды этой жертвы, авианосцы Озавы — последняя надежда японской морской авиации — погибли бессмысленно и без пользы для страны. Озава же до последней минуты был убежден, что он спас своим поступком Куриту и помог тому выполнить великую миссию.

Вскоре после того как Курита принял решение идти на север, его снова обнаружили американские бомбардировщики. Еще через полчаса несколько из его кораблей были повреждены. Но Курита, у которого уже не оставалось выбора, продолжал уходить в открытое море, где незадолго перед тем его наблюдатели вроде бы видели высокие мачты и надстройки американских линкоров. Он продолжал свою погоню до вечера, но не нашел ни американского флота, ни эскадры Озавы. Когда начало смеркаться, он, понимая, что следующий день

может стать катастрофой для остатков его флота, приказал повернуть обратно и возвращаться в пролив Сан-Бернардино. В 9 час. вечера его корабли скрылись в проливах.

Решение дать «последний бой» привело к ликвидации основных сил японского флота. Погибли четыре авианосца, три линкора, шесть тяжелых крейсеров и более десятка меньших кораблей. С этого момента японский флот уже не мог рассчитывать ни на какое «решающее сражение» и роль его в войне сошла на нет. Даже те корабли Куриты, которые смогли добраться до Калимантана и Сингапура, были настолько повреждены, что на несколько месяцев встали в доки.

В дни высадки на Филиппинах американцы впервые столкнулись с «камикадзе» — самолетами, пилотируемыми летчиками-самоубийцами. Они подлетали к американским кораблям на бреющем полете и врезались, груженные тяжелыми бомбами, в палубы кораблей. Отряды «камикадзе» были незадолго перед тем организованы вице-адмиралом Ониси, который обосновал свою идею использования летчиков-самоубийц таким образом: «По моему мнению, единственный способ применить наши ничтожные силы с максимумом эффективности — это организовать атаки самоубийц на самолетах «Зеро», снабженных 250-килограммовыми бомбами, и направить эти самолеты на палубы авианосцев». Действительно, поначалу атаки «камикадзе» нанесли некоторый ущерб американскому флоту и имели определенный психологический эффект, однако затем американцы научились их отражать. И разумеется, они не могли изменить хода войны и свидетельствовали лишь о том, сколь глубокое отчаяние овладело японским военным командованием.

Решение японцев оборонять о-в Лейте оказалось роковой ошибкой. Упорно переоценивая возможности частей, медленно отступавших на север через джунгли, маршал Тераути из своего сайгонского далека отправлял на Лейте, как в мясорубку, все новые подкрепления, которые либо не достигали острова, либо попадали на него без артиллерии и

снаряжения и шли в бой прямо с кораблей. Дивизии, которые дрались на острове, в основном существовали лишь на бумаге — оборону держали батальоны, роты, взводы, лишенные зачастую общего командования. Раненых никто не эвакуировал, и они оставались в джунглях, части не снабжались продовольствием, солдаты ели насекомых, лягушек, кору деревьев. Однако, несмотря на то что оборона Лейте не только была безнадежной, но и перемалывала силы, нужные для защиты Лусона, сражения на этом небольшом острове продолжались, так как действовал обычный приказ — держаться до последнего солдата. Более того, командованию войсками на Лейте было приказано занять американские аэродромы на острове и уничтожить самолеты, бомбившие Манилу. Для этого в его распоряжение передавались отряды парашютистов-десантников — последние отряды такого рода, оставшиеся в японской армии. Но и из этой операции ничего не вышло, хотя одному из отрядов десантников удалось захватить второстепенный американский аэродром и сжечь несколько машин. Части на Лейте были настолько обескровлены, что это наступление лишь приблизило их конец.

Оборона Лейте была последней большой битвой в Юго-Восточной Азии. В течение трех месяцев 70 тыс. японских солдат сопротивлялись американской армии в четверть миллиона человек, которую поддерживали сотни самолетов, танки, артиллерия и военно-морской флот. Выбраться с острова смогли не более 5 тыс. японцев.

9 января 1945 г. 6-я американская армия высадилась на Лусоне. Высадка прошла практически без сопротивления, так как генерал Ямасита, зная, что авиация и артиллерия американского флота уничтожают всех защитников береговых укреплений еще до высадки десанта, решил дать бой в глубине острова. В течение первой недели американские войска продвинулись на десятки миль, и обнаружилось, что Ямасита отводит свои дивизии в гористую северную часть

Лусона, чтобы организовать там линию обороны. Действия Ямаситы, на решения которого не могли повлиять ни приказы из Сайгона, ни разносы из Токио, вынудили премьера Койсо выступить в парламенте с заявлением, что «военные события на Тихоокеанском театре нельзя рассматривать только оптимистично. Однако линии коммуникаций противника растянуты настолько и подвергаются нашим атакам столь интенсивно, что я убежден — именно в этом лежит наш золотой шанс на окончательную победу». Такое заявление для понимающего эзопов язык японца означало признание сокрушительного поражения.

Отступление Ямаситы не означало, что Филиппины достаются американцам без боя. В отдельных пунктах они наталкивались на серьезное сопротивление. Достаточно вспомнить, что в 1942 г. пронизанный дотами и туннелями о-в Коррехидор смог удержаться против небольшого японского десанта лишь 12 часов и поспешил капитулировать. В 1945 г. 5 тыс. японских защитников этой крепости 11 дней сопротивлялись целой американской армии, сотням самолетов и тяжелых морских орудий. Из всего японского гарнизона осталось в живых лишь 20 человек.

В планы Ямаситы не входила оборона Манилы, которая в стратегическом отношении не давала никаких преимуществ, и японские войска, прихватив с собой марионеточное филиппинское правительство, покинули столицу. Однако на следующий день вопреки приказу Ямаситы в город вошли части контр-адмирала Саньо, которым командование японского флота приказало уничтожить портовые сооружения Манилы. Выполнив эту задачу, адмирал решил Манилу американцам не отдавать. Десять дней моряки сражались на подступах к Маниле и в самом городе, где в эти дни царил невероятный террор — подобно утопающему, который хочет утянуть с собой на дно других, моряки как будто задались целью оставить американцам пустой город. Резня в Маниле «по своей жестокости могла сравниться только с массовой резней, устроенной япон-

ской армией в Нанкине. В Маниле было убито несколько десятков тысяч мирных жителей: тысячи людей были расстреляны из пулеметов, а некоторых в целях экономии боеприпасов сожгли заживо, облив бензином».

С освобождением Манилы война на Филиппинах не закончилась. Ямасита имел около 100 тыс. солдат на Лусоне и более 50 тыс. — на других островах. В течение марта — апреля продолжались бои по всему архипелагу. Важную роль сыграли в них партизаны, не только служившие проводниками и советниками американцам, но и вступавшие в бои с отдельными японскими отрядами и прочесывавшие горные районы. Лишь к маю 1945 г. битва за Филиппины закончилась и центр боев на Тихом океане переместился к северу, к берегам самой Японии.

В то время как остатки японской армии еще сопротивлялись в горах на востоке Лусона, на Филиппинах наступила драматическая пора подведения итогов. Решение конгресса США о предоставлении Филиппинам независимости не означало, что американцы пустят это дело на самотек. В частности, Макартур должен был обеспечить приход к власти такой администрации, которая устраивала бы Вашингтон. Главную опасность для американских интересов Макартур видел в партизанах, численность которых составляла, по различным источникам, от 40 тыс. до 100 тыс. человек. Они пользовались поддержкой крестьянства Лусона и имели достаточно сильные позиции в возрождавшихся рабочих союзах. Уже во время кампании на Лусоне американские части принимали меры по разоружению отрядов «хуков», положение которых было крайне невыгодным. С одной стороны, американцы были освободителями, приход которых «хуки» приближали своими действиями, с другой — военное превосходство американцев было настолько подавляющим, что любые вооруженные действия отрядов Хукбалахап против них были бессмысленны. Поэтому, несмотря на трения с союзниками, отряды «хуков» сдавали оружие. Однако ког-

да Макартур приказал арестовать лидеров Коммунистической партии Филиппин и командование армии Хукбалахап (были арестованы Луис Тарук, его заместитель Алехандрино и пять ведущих офицеров), в Маниле и других городах прошли массовые демонстрации протеста. Возмущение охватило и круги, далекие от компартии. Макартур понял, что поторопился с решительными мерами, и в марте командиры армии «хуков» были освобождены из тюрьмы.

Для филиппинцев в дни освобождения была особо важна проблема коллаборационизма. Обращение к спискам наиболее крупных чиновников и политиков Филиппин предвоенной поры показывает, что, за исключением Кесона и Осменьи, а также нескольких национальных деятелей, погибших во время войны, почти все представители филиппинской политической элиты оставались на своих местах во время японской оккупации. Разумеется, было бы логичным, чтобы наказания обрушивались не на рядовых членов Макапили, а именно на тех, кто санкционировал японские поборы и расстрелы. Нельзя сказать, что в первые же дни освобождения не были приняты меры против них. В общей сложности было возбуждено 5600 дел против крупнейших коллаборационистов. В суд, однако, попало лишь одно из них — дело члена правительства Теофило Сисона, которое было в списке первым. И он же оказался единственным политиком, осужденным по обвинению в коллаборационизме.

Исследуя этот феномен, Давид Стейнберг в статье «Филиппинские коллаборационисты: выживание олигархии» пишет: «Оккупация толкнула Филиппины на грань радикальных социальных пертурбаций, период же сразу за окончанием ее позволил обществу, уже потрясенному травмой войны, выбрать безопасность и стабильность, оставив в неприкосновенности свою элиту». Мне кажется, однако, что дело здесь не в нежелании филиппинского общества множить раны войны. Коллаборационисты пошли бы под суд и были бы осуждены, так как общественное мнение страны

полностью было против них, если бы американцы решительно не вмешались в ход правосудия и не навели бы собственный порядок. Макартур хорошо понимал, что, если олигархия утратит свои позиции, к власти в стране придут левые силы.

Правда, в первые дни после освобождения, когда некоторым из министров и губернаторов пришлось отправиться в тюрьмы, уверенности в том, что американцы их спасут, у них еще не было.

Поэтому филиппинские коллаборационисты выработали почти стандартные формулы, которые, с их точки зрения, должны были их оправдать. Они утверждали, во-первых, что настоящими героями сопротивления были они, так как именно они избрали наиболее опасный путь, работая рядом с японцами и поминутно рискуя жизнью в случае разоблачения. Во-вторых, они напоминали, что никак не могли предать США, а наоборот, именно последние предали Филиппины, не будучи способными защитить их от иностранного вторжения. И как только американцы бежали или сдавались, они этим освобождали филиппинцев от клятвы верности сюзерену.

Все эти аргументы не имели убедительной силы для простых филиппинцев, так как уверения в том, что элита служила японцам исключительно в интересах нации и вела опасную антияпонскую борьбу, были по меньшей мере преувеличением. И вопрос об ответственности американцев не был важен, ибо филиппинские магнаты отнюдь не отражали стремлений всего народа, т. е. не имели ни формального, ни морального права представлять его и распоряжаться его судьбами. В те дни не только коммунисты, но даже президент Осменья и некоторые крупные националисты достаточно убедительно доказывали, что сотрудничеством с японцами такие люди, как Рохас и Сисон, значительно облегчили японцам управление страной, а следовательно, ее грабеж и террор в ней. К тому же так и не обнаружились «тайные инструкции», которые якобы дали, уез-

жая, Макартур и Кесон своим подчиненным: идти на службу к японцам, чтобы вместо них не пришли искренние поклонники японского милитаризма. Еще один аргумент коллаборационистов, заключавшийся в том, что у них не было выбора, опровергался судьбами тех политиков, которые присоединились к подполью и партизанам.

Однако такая, хотя и пустая, аргументация все же устраивала американцев, опасавшихся общего сдвига филиппинского общества влево. Подобный сдвиг, характерный не только для Филиппин, но и для других оккупированных японцами стран Азии, объяснялся тем, что почти всюду наибольший удар во время войны приняли на себя левые силы, и почти везде они возглавили сопротивление. Неудивительно, что после освобождения в этих обществах резко усилилось влияние левых идей и левых организаций, и это казалось американцам куда более угрожающим, чем проблема коллаборационизма.

В момент высадки на о-ве Лейте Макартур, вероятно, был убежден, что коллаборационисты предали Соединенные Штаты, однако, как только он добрался до Манилы, настроение его начало меняться. Отношения с Осменьей у него не складывались, тот все более сближался с левыми кругами. Следовательно, надо было делать ставку на основные слои элиты, а они были скомпрометированы. Будучи военным, а не политиком, Макартур решил разрубить завязанный войной «гордиев узел» одним ударом. Узнав, что американской армией задержан Мануэль Рохас, который во время оккупации занимал высокий пост в японской администрации и которому грозил суд, Макартур лично отправился к нему в тюрьму и объявил во всеуслышание, что Рохас был агентом американской разведки на Филиппинах и оказал американской армии неоценимые услуги, за что ему возвращается довоенный чин бригадного генерала американской армии и, разумеется, свобода.

Вскоре выяснилось, что Рохас не намерен отсиживаться в своем доме и писать мемуары. Пользуясь поддержкой, с од-

ной стороны, американской армии, а с другой — все тех же филиппинских магнатов, своих коллег по службе в японской администрации, он начал готовиться к выдвижению своей кандидатуры на пост президента. Тем временем Осменья, остановленный в своих попытках навести справедливость, был вынужден пойти на еще одну уступку и созвать конгресс Филиппин в составе, избранном в 1941 г. Большинство в этом конгрессе принадлежало национал-реформистам, т. е. представителям той же коллаборационистской элиты. Созыв такого конгресса означал окончательную реабилитацию коллаборационистов, однако против проведения новых выборов были американцы, опасавшиеся, что в горячие дни 1945 г. в конгресс попадет слишком много радикальных элементов. Итак, Осменья созвал старый конгресс, магнаты заняли свои места, а Рохас поднялся на трибуну в качестве председателя сената и произнес горячую речь в защиту коллаборационизма. Теперь он не боялся наказания: «Что такое коллаборационизм? В этой палате нет коллаборационистов. Я сам против любого коллаборациониста. Я буду первым, кто приведет их пред лицо правосудия. Но простой факт службы при японцах не является доказательным свидетельством коллаборационизма. И потому я утверждаю, что ни один сенатор не может быть обвинен в коллаборационизме». Разумеется, палата встретила эти слова бурными аплодисментами.

Стремление Рохаса к власти заставило противостоящие ему силы объединиться. Летом 1945 г. компартия, Национальный крестьянский союз, антияпонская армия Хукбалахап, Конгресс рабочих организаций создали Демократический альянс. В программе Альянса содержались требования наказания коллаборационистов, образования независимой Филиппинской республики, проведения аграрной реформы и предоставления рабочим права заключать коллективные договоры. Альянс выступил в поддержку выдвинутой Партией националистов кандидатуры Осменьи в президенты независимых Филиппин. В ответ на это группировка Рохаса поки-

нула Партию националистов, образовав новую, Либеральную партию. Большинство руководящих членов Партии националистов повторили маневр Рохаса.

В подготовке и в проведении выборов Рохас мог рассчитывать на полную поддержку США, что было крайне важно, потому что экономика Филиппин была разорена войной и страна зависела в снабжении всем необходимым от США. К тому же за Рохасом стояли крупнейшие помещики и банкиры. В его руках были полиция и средства массовой информации.

С небольшим перевесом на выборах победил Рохас.

Филиппины стали единственной страной в Юго-Восточной Азии, которая вышла из войны, приобретя более правое правительство, чем до войны, но, как и в других странах региона, обстановка в новой Филиппинской республике была чревата гражданской войной. Устраненные от ее руководства радикальные круги, вынесшие основную тяжесть борьбы с японцами, не хотели без боя отдавать то, чего им удалось добиться за годы борьбы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все попытки премьер-министра Японии Койсо нащупать пути к почетному миру, предпринимавшиеся им в течение зимы и весны 1945 г., наталкивались на сильнейшую оппозицию милитаристов и к тому же сами по себе не выходили за рамки дилетантских шагов. Достаточно упомянуть о связи премьера с авантюристом Мюбинем, который обещал Койсо установить контакт с Чан Кайши и вывести Китай из войны. Выбор такого недостойного посредника вызвал недовольство даже у тех, кто был за скорейшее окончание войны. Тем более были недовольны действиями Койсо руководители армии, которые в своих попытках добиться отставки премьера сваливали на него вину за поражения в войне. Койсо, со своей стороны, старался переложить ответственность на генералов. Несколько раз он пытался вывести из кабинета своего основного антагониста — военного министра Сигемицу, но военные на это не соглашались, подчеркивая тем самым свое отношение к премьеру. Наконец, в начале апреля 1945 г. Койсо в отчаянии обратился к императору с предложением коренным образом перетасовать кабинет. Император выслушал его, но ничего не ответил. Холоден был и хранитель печати Кидо. Это был недвусмысленный знак, и 4 апреля Койсо сообщил Кидо, что подает в отставку. На следующий день отставка премьера была принята.

* * *

Порой, когда следишь за событиями времен войны в Японии, создается впечатление, что наблюдаешь за долгой и сложной игрой, правила которой внешнему наблюдателю понять не дано. Идет страшная война, от которой зависят судьбы Японии, миллионы людей уже погибли и миллионы безвинно погибнут в ближайшие недели. Актеры, кланяясь и шипя друг на дружку толкаются на сцене, делясь на воинственных и менее воинственных, сговорчивых и несговорчивых, но эти различия выглядят как различия в политических воззрениях свифтовских героев, спорящих о том, с какого конца разбивать яйцо, при условии, что его все равно намерены скушать.

От того, что сдержанный Койсо уступил место чуть менее сдержанному Судзуки, тогда как на них покрикивали совсем не сдержанные Анами и Тодзио, а на это с неодобрением смотрел маркиз Кидо и покачивал головой сам Его Величество — от этих игр ничего ровным счетом не менялось. Война шла, какие бы планы выхода из нее ни рождались в головах соперников. Ровным счетом ничего не менялось от бесконечных перестановок и подсидок, тогда как участники игр относились к ним крайне серьезно и порой жертвовали своей жизнью ради того, чтобы передвинуть свою фишку на поле противника.

А в последние недели войны интенсивность игр, особенно с вовлечением в них императора выросла до кафкианских масштабов.

В Японии времен войны не было почти обязательного правила болъших войн — наличия военного вождя. Это не обязательно Сталин или Гитлер, таковым могут являться и Чан Кайши, и Черчилль. На время войны такой лидер незаменим. Можно менять генералов — но не лидера, президента, премьера — назовите его как хотите.

В Японии теоретически государством правит император и он принимает кардинальные решения. Но он никогда не

вел войну, а лишь подписывал указ, который, на его взгляд, выражал точку зрения победившей части властных структур. Когда к нему пришли, чтобы он подписал эдикт о начале войны со всем миром, он подписал его, потом как бы исчез со сцены, пока не пришло время подписать эдикт о мире. И если он возникал на сцене в промежутках, то это была фигура безмолвная.

Если генералов в Японии меняли, то делало это не правительство, а другие генералы, главнее главных. Назовем их Ставкой. У Ставки была сверхзадача — покорение Азии. Хотя никто не осмелился задать Ставке вопрос: а какого черта она вам сдалась?

Подобного рода вопросы диктаторам не задают.

Даже если у этого коллективного диктатора нет индивидуального лица, он может в одночасье отправить в отставку самого главного милитариста и вроде бы вождя — генерала Тодзио, выгнать Хомму и Ямаситу — самых славных полководцев. А уж премьеров этот коллективный диктатор сменил несчитано.

При том эта Ставка также не имела постоянного состава и постоянного мнения.

Поэтому мне движение Японии по пути войны напоминает более всего суету муравьев возле входа в муравейник, окруживших большой сучок. Каждый муравей бежит вроде бы в свою сторону и тянет сучок куда ему вздумалось. А ведь сучок всегда движется только к входу в муравейник.

А это общее движение определялось той главной целью, что лежала между конкретными кампаниями, завоеваниями и бомбежками, а именно — проговаривались генералы или нет — нападением на СССР, войной с СССР, покорением Сибири.

Недаром до 1945 г., когда войска и техника были чрезвычайно нужны на всех фронтах, у южных границ СССР томилась в ожидании сигнала, который так и не наступил, гигантская Квантунская армия — полтора миллиона солдат,

тысячи орудий, сотни танков и самолетов. Ее продолжали приоритетно снабжать и готовить. Убеждение в том, что «как только мы разделаемся с остальными врагами, мы возьмемся за Россию», никогда и никуда не пропадало.

Более того. Во всех играх с переменой мест слагаемых премьеров и министров, почти всегда Ставкой продолжали руководить выходцы из Квантунской армии, ее выдвиженцы и клевреты.

В любой армии есть плохие генералы и хорошие, со своим мнением и без такового, но даже в самые тяжелые времена им не приходит в голову отказаться выполнять приказы сверху и вместо этого вести свою дивизию куда глаза глядят. В японской армии это было обычным делом. И маршал, и генерал, и полковник мог отказать в повиновении своему командиру, потому что у него было свое мнение.

В этом отношении Япония оставалась феодальной страной и ее армия несла многие черты феодального самурайского войска.

К концу войны, когда уровень психоза в армии и обществе в целом перевалил через все мыслимые водоразделы, борьба за свое мнение резко обострилась, но палочку тем не менее муравьи продолжали тянуть в нужном направлении.

В 1945 г. мысли о нападении на СССР потускнели настолько, что вряд ли можно было найти человека, который в это верил. Теперь Квантунская армия стала силой оборонительной. А как таковая сразу потеряла свое влияние. Тем не менее «квантунцы» продолжали заправлять в Токио.

Как только Квантунская армия стала оборонительной и война с СССР стала нежелательной. Ее стали ощипывать ради затыкания дырок на других фронтах.

В течение первой половины 1945 г. ее численность уменьшилась на треть, а качество, наверное, втрое, так как вместо профессиональных, прошедших Китай и ЮВА частей в нее вливались маньчжурские новобранцы, корейские юноши и другая покоренная публика, которая воевать не хотела и не

умела. При катастрофическом падении производства военной техники, Квантунская армия теряла танки и авиацию. Тришкин кафтан трещал по всем швам.

Но все же Квантунская армия существовала и контролировала громадную территорию, от Кореи и Курил до Внутренней Монголии.

И чем более приближалось поражение, о котором и думать и говорить было немыслимо, тем активнее росли опасения — а не вступит ли в войну СССР. Если еще вчера договор о нейтралитете с Советским Союзом считался не более чем пустой бумажкой, как и все договоры, заключенные ранее, а затем разорванные за ненадобностью, то теперь о нем говорили как о щите против северного соседа.

На Ялтинской конференции в феврале 1945 г. Сталин обещал союзникам, что СССР вступит в войну против Японии не позже чем через три месяца после капитуляции Германии. Решения конференции, вернее всего, были японцам неизвестны, но через два месяца СССР объявил, что в соответствии с договором о нейтралитете он предупреждает за двенадцать месяцев о том, что возобновлять его не намерен. Другими словами, договор потеряет силу в апреле 1946 г.

Нельзя сказать, что это заявление не встревожило японцев, впрочем, мало кто и раньше верил там в то, что СССР будет продлевать договор.

Но с другой стороны, в верхушке японского генералитета существовало заблуждение, что худшего не произойдет. И все же с весны 1945 г. началась срочная переброска войск на север.

Разведка Японии работала из рук вон плохо. Колоссальную концентрацию советских войск в Сибири и на Дальнем Востоке японцы недооценили.

В Советском Союзе было создано три фронта — Забайкальский фронт маршала Малиновского и 1-й Дальневосточный Мерецкова, и 2-й Дальневосточный генерала Пуркаева. Общее командование войной с Японией было поручено маршалу Василевскому. Так как существующие на Дальнем

Востоке части, хоть и насчитывавшие около полмиллиона штыков, были в основном необстреляны и ненадежны для проведения массированной решительной операции, из Германии и Чехословакии перебрасывали обстрелянные войска, которые скрыто были переброшены в 1692 составах. За лето туда же было направлено более 500 танков и 4370 самолетов. Общая численность советских войск выросла до 1600000 человек. И если в людях советские войска превосходили Квантунскую армию в полтора раза, то в танках — втрое и более чем в два раза в самолетах. Причем японские самолеты конца войны совершенно не могли соперничать с советскими машинами, а слабо подготовленные пилоты были не чета русским асам. То же, даже в большей степени касалось танков — японские танки по сравнению с Т-34 были спичечными коробками. Советскую армию поддерживала монгольская армия, а японцев — армия Маньчжоу-Го и корейские вспомогательные части. Но это не меняло сути дела.

Советская Ставка пошла на значительные усилия для того, чтобы удар по Квантунской армии был внезапным и сокрушительным. И несмотря на соблазн начать военные действия раньше, чтобы захватить как можно бóльшие территории в Китае, соображения осторожности взяли верх. Не должно было быть никаких ошибок и просчетов.

Квантунская армия могла противопоставить советскому наступлению лишь упорство японского солдата и выгодную для обороны местность с линиями долговременных укреплений, хотя следует признать, что при наступательной доктрине Квантунской армии вопросам обороны от советских войск не уделялось должного внимания.

Северная Маньчжурия — страна гористая, прорезанная многочисленными лесистыми речными долинами и усеянная озерами и болотами, что облегчает оборону, но размеры этого края, превышающего по площади полтора миллиона квадратных километров, сводили на нет преимущества изрезанной местности.

Командовал Квантунской армией генерал Ямада, относительно молодой и неопытный в действиях такого масштаба полководец. Его план обороны заключался в обороне пограничной полосы, а в случае его прорыва Красной Армией, контратаковать основными силами, имевшими свободу маневра в глубине территории. При неудаче этих сражений Ямада предполагал отступать к Северной Корее и закрепиться там на перевалах.

Но к тому времени, как говорилось, проблема неподчинения в японских вооруженных силах стала как никогда острой. Самураи не желали слушать разумные голоса, а в Квантунской армии — гнезде экстремистов — Ямада не пользовался авторитетом: многие генералы были и старше его и полагали себя более опытными. Среди них восторжествовала «гордая» точка зрения — все силы бросить на границы, сражаться там и умереть, либо перейти в наступление и победить Россию.

Пока шли эти споры, Василевский, не желая лишнего риска и лишних потерь, требовал строжайшей секретности... огромная советская армия затаилась, ожидая приказа...

В литературе существуют утверждения, что кабинет Койсо пал именно от того, что СССР денонсировал пакт о нейтралитете. На самом деле это лишь совпадение дат. Решение об отставке было принято ранее.

Выборы нового премьера проходили на фоне острой полемики между «партией мира» и военными. Тодзио, хоть и отставной премьер, остался вождем армии, пригрозил собравшемуся для выборов «дзюсину», что если во главе кабинета не встанет представитель милитаристов, то возмущенная гражданскими «соглашателями» армия может «отвернуться от правительства». Однако большинство членов «дзюсина» этой угрозы не испугались — за «мирной партией» стоял император, стояли японские монополии, значительная часть армии и флот. К 7 апреля кандидат на пост премьера был избран. Им оказался адмирал Кантаро Судзуки — бывший генерал-адъютант императора. Судзуки обладал определенными достоин-

ствами в глазах «мирной партии», так как, во-первых, ничем не запятнал себя во время войны, практически не участвуя в последние годы в политической жизни страны, во-вторых, являлся особой, «приближенной к императору», в-третьих, был близок к руководителям группы Коноэ — Ионаи. Предполагалось, что Судзуки — фигура приемлемая и для врагов Японии, которые могли воспринять назначение его премьером как знак того, что Япония согласна на мирные переговоры.

Характеризуя после войны свою политику в момент прихода к власти, Судзуки утверждал, что он прислушивался к «гневному голосу народа, доносившемуся из-под земли», но полагал, «что если сразу изменить курс, то это не приведет к хорошему... Если же пренебречь этим и все-таки повернуть в сторону, то неожиданно вспыхнут беспорядки, возникнут всяческие неприятности». Говоря более понятным языком, основным направлением действий нового правительства должны были стать поиски почетного мира с максимальным удержанием позиций. Дорога к такому миру шла только через удвоение, удесятерение усилий на пути войны, на что и уходила в основном энергия Судзуки и «мирной партии». В месяцы, последовавшие за приходом к власти, правительство Судзуки пыталось наладить контакты то с Советским правительством, то (параллельно) с представителями США, старалось найти посредников в Швеции и Швейцарии. Однако при срыве подобных переговоров правительство не настаивало на их продолжении — в решающий момент вера в то, что с помощью какого-то чуда Япония все же выиграет войну, брала верх даже на самом высоком уровне. И война продолжалась. Характерны в этом отношении слова императора Японии, сказанные им после войны: «Я с самого начала понимал чувства, руководившие Судзуки, и в то же время я был убежден, что Судзуки понимает и разделяет мои чувства. Соответственно я не спешил в то время высказывать ему свои желания достичь мира». В этом признании императора одновременно с желанием задним числом подчерк-

нуть свое миролюбие есть и подтверждение высказанной выше точки зрения: раз уж император, представитель «умеренного» крыла в японской политике, не спешил с разговорами о мире, то остальные тем более не торопились. Стремление к миру и попытки торговли с целью завершения войны с наименьшими потерями для страны, развязавшей ее, — различные вещи. Впрочем, если бы военные, которые обладали действительной властью в стране, заподозрили Судзуки в пацифизме или пораженчестве, он бы не удержался на своем посту и нескольких дней.

Тем временем продолжались начавшиеся в апреле 1945 г. бои на Окинаве. Хотя радио Токио сообщало о них в оптимистических тонах, сам факт боев в такой близости от метрополии был настолько тревожным, что каждому японцу становилось понятным: следующий театр войны — Японские острова. К разработке планов действий на этом театре Ставка приступила уже в конце 1944 г., а с приходом к власти Судзуки подготовка к превращению Японии в крепость стала осуществляться усиленными темпами. По плану на островах в дополнение к уже расположенным там войскам должно было быть сформировано 44 дивизии, для чего следовало призвать в армию всех способных носить оружие. 13 апреля, т. е. меньше чем через неделю после сформирования нового правительства, был принят закон о создании «гражданского добровольческого корпуса», а в июне — закон о «добровольной военной службе», который объявлял подлежащими призыву всех мужчин от 15 до 60 лет и женщин от 17 до 40. Кроме того, по закону о «чрезвычайных мерах военного времени» правительство получало право принимать любые решения, которые сочтет необходимыми для обороны, даже если они противоречат существующим законам. Большое внимание, как и прежде, уделялось борьбе с пораженческими настроениями и недовольством населения. Председатель Тайного совета Хиранума, выступая 8 июня на имперской конференции, говорил, что «нельзя рассчитывать

на полное искоренение той деморализации, которая охватила общественное мнение. Тем не менее исключительно важно принять против деморализации необходимые меры — иными словами, ответить на нее применением силы».

Японцы бесконечно устали от войны и временами роптали, однако покорно несли свои обязанности — система контроля над населением была такова, что открытых выступлений против войны до самых последних ее дней не было. Они жили по системе «двойного мышления». Как подчеркивает японский автор, когда кто-либо получал красный листок — призывную повестку, то он говорил вслух: «Наконец-то я смогу быть полезен родине», а сосед его отвечал: «Желаю успеха». Но когда оба были уверены, что их никто не слышит, первый произносил: «Вот меня и забрали», а второй отвечал: «Очень жаль, что так случилось».

Много говорилось и писалось (в том числе и в этой книге) о жестокости японских войск в оккупированных районах, о трагедии Манилы и Нанкина, об ужасах концлагерей для военнопленных. Но бесчеловечность японского милитаризма проявлялась и в невероятной жестокости, особенно в последние месяцы войны, по отношению к собственному мирному населению. Уже на Сайпане, а затем в больших масштабах на Окинаве все гражданское население было обречено на гибель. Никаких мер по эвакуации или укрытию населения не принималось — единственный совет, который могли получить японцы, жившие на островах, был покончить с собой, по возможности унеся с собой на тот свет хотя бы одного врага. На Окинаве все женщины, старики и дети были загнаны в горы, где погибали от голода и жажды, мужчины и мальчики использовались на строительстве оборонительных сооружений, а девушки были согнаны в строительные отряды и «отряды лилий» — санитарные подразделения, до последнего человека погибшие в боях. Начальник штаба армии, оборонявшей Окинаву, официально заявил гражданским властям острова: «Население является помехой для ведения боевых действий, поэтому оно должно уб-

раться в горы. Армия не может о нем заботиться — каждый должен жить как может». В результате этих действий японского командования на острове погибло около 150 тыс. мирных жителей — почти все, кто жил там до войны. Подобная участь была уготована и жителям самой Японии. Командующий военным округом Осаки заявил в июне 1945 г.: «В настоящее время, когда в стране не хватает продовольствия и ее территория превращается в поле сражения, существует необходимость уничтожить всех стариков, детей, больных и слабых».

Заявления генерала не были пустыми словами — программа уничтожения «лишних» японцев начала проводиться в жизнь уже в период подготовки к войне на Японских островах. На первом этапе она выражалась в эвакуации населения из городов, где людей надо было кормить. Всем старикам и непроизводительным жителям городов было приказано убираться в деревни. Таких людей оказалось почти 10 млн. Эвакуированным разрешалось брать лишь самое малое количество вещей и предписывалось устраиваться на новом месте и кормиться самим.

Отсутствие противовоздушной обороны в Токио и других городах мало беспокоило японское военное руководство. Мирные жители относились к налетам американской авиации также сравнительно спокойно, потому что в течение 1944 г. эти налеты большого вреда не принесли. Ни один крупный завод или порт не был выведен из строя — бомбардировщики шли на значительной высоте и точность бомбометания оставляла желать лучшего. Однако весной 1945 г. командующий американской стратегической авиацией генерал Ле Мей решил перейти к новому типу воздушной войны — он приказал своим самолетам вылететь на Токио с максимальным грузом зажигательных бомб и напалма и сбросить их на деревянные жилые кварталы японской столицы.

Весь день 9 марта в Токио шел снег и потому никто не ждал налета. 333 громадные машины появились над городом в полночь. Истребителей над Токио не было, и бомбар-

дировщики, скользя в лучах редких прожекторов на сравнительно небольшой высоте, начали спокойно и методично забрасывать напалмом перенаселенные бедные кварталы города. Сильный ветер, порывы которого усиливались по мере того, как разгорались громадные костры, помог поджигателям — через несколько минут столица Японии пылала. Людям было некуда бежать. Стены огня вставали со всех сторон.

В ту ночь в городе погибло более 70 тыс. человек и более миллиона пострадало и осталось без крова. По масштабам и числу жертв этот налет (как и налет 25 мая, в котором участвовало 600 бомбардировщиков) был не менее страшен, чем атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки. Подобные налеты не вызывались стратегической необходимостью, как не вызывалось ею уничтожение Дрездена. Не сыграли они значительной роли и в судьбах войны. Военные заводы Японии, расположенные за пределами Токио и других больших городов, продолжали выпускать танки и самолеты. Города после начала налетов заметно опустели, но на военном потенциале страны это не сказалось.

Значительно большее воздействие на принятие новым кабинетом решений по важнейшим проблемам войны оказал доклад комиссии по выяснению ресурсов и возможностей Японии, для участия в которой Судзуки в первые же дни своего правления мобилизовал ведущих военных и гражданских экспертов. Секретный доклад выявил разительное несоответствие между официальными сведениями и истинным положением вещей. Производство стали составляло лишь треть планируемого и находилось ниже уровня 100 тыс. т в месяц, производство самолетов также было в три раза меньше, чем сообщалось в докладах. Железнодорожное сообщение было на грани краха, строительство кораблей прекратилось, попытки добывать горючее для самолетов из корней сосен привели лишь к сведению лесных массивов, потребление продовольствия в стране упало ниже 1500 калорий на душу населения. Каждая строка доклада была смертным при-

говором империи. Громадные территории в Юго-Восточной Азии, еще находившиеся под властью Японии, уже перестали играть роль в японской экономике — они превратились в оторванные от Японии острова, не менее далекие, чем Луна. С падением Окинавы всякая связь по морю с этими странами и даже с Китаем прекратилась.

Упорная оборона Окинавы вселила оптимизм в японское командование. То, что 80-тысячный гарнизон острова почти три месяца сдерживал натиск 450 тыс. американцев, многие из которых погибли (по американским данным, потери составили 72 тыс. человек убитыми и ранеными), показало военным в Токио, что сражения на японской земле будут куда более отчаянными и кровопролитными, и американцы с их растянутыми коммуникациями, несмотря на свое многократное превосходство в технике и господство в воздухе, дважды подумают, прежде чем пойти на высадку десанта. Со своей стороны, американское командование было встревожено все растущим сопротивлением японцев. 8 июня военно-морской министр США заявил, что в Японии «еще не наблюдается симптомов развала». Американцы считали, что для обеспечения успешного наступления необходимо перебросить к берегам Японии примерно 3 млн солдат союзников, а это должно было потребовать многих месяцев. При самой оптимистической оценке, американцы, с учетом печального опыта Окинавы, полагали, что высадку на Кюсю можно будет начать лишь поздней осенью 1945 г., а войну в целом нельзя будет завершить ранее 1946 г. Черчилль, армии которого продвигались по Южной Бирме, считал, что война продлится до 1947 г.

Ввиду всего этого на Ялтинской конференции западные союзники просили СССР в кратчайшие сроки начать военные действия против Японии. Согласие Советского правительства сделать это через три месяца после поражения Германии было встречено Рузвельтом с большим облегчением — оно означало, что советские войска ударят по Квантунской армии, что должно было стратегически решить судьбу вой-

ны. Черчилль, который боялся усиления влияния СССР на Востоке, в частности в Китае, не мог предложить никакой альтернативы. Своего вклада в войну с Японией Великобритания, силы которой были заняты на юге, внести не могла. Действия же Красной Армии должны были приблизить окончание войны на несколько месяцев.

Весть о капитуляции гитлеровской Германии, последовавшей ранее, чем ожидали в Токио, не изменила политики кабинета Судзуки. Германия была далеко, ее поражение было предопределено уже давно, помощи от нее ждать было нельзя, а эффект ее выхода из войны должен был сказаться на Японии лишь через много месяцев, когда союзники смогут перебросить на восток освободившиеся силы. До этого времени Япония намеревалась сопротивляться и достичь почетного мира.

Однако все в сумме: разгром союзников Японии, бомбежки японских городов, экономический кризис, приближение войны к метрополии — объективно усиливало позиции «мирной партии» и толкало правительство Японии к переговорам. В мире в тот момент существовали лишь две державы, которые могли оказать решающее влияние на дальнейшую судьбу Японии, — США и Советский Союз. Мир с Соединенными Штатами был нереален, так как американское общественное мнение было против любого примирения с Японией — лишь ее окончательный разгром мог стать достаточной компенсацией за позор Перл-Харбора и гибель сотен тысяч американцев на Филиппинах и на островах Тихого океана. Переговоры с Советским Союзом, по мнению японского правительства, таили большие перспективы. В Японии не знали о решениях Ялтинской конференции, но не надо было быть великим политиком, особенно после денонсации Советским Союзом пакта о нейтралитете, чтобы понимать, что СССР выступит в общих интересах союзников. Министр иностранных дел Того заявил на секретном заседании японского парламента 12 июня, что на отношения с СССР нельзя смотреть оптимистически. «Наоборот,

нужно вас предостеречь... СССР может вступить в войну против Японии». Тем не менее, поскольку СССР в войну с Японией еще не вступил, японцам казалось, что он мог бы стать посредником в мирных переговорах, если предложить ему за это достаточную компенсацию. В частности, правящие круги Японии надеялись соблазнить Советское правительство поставкой крейсеров и другой военной техники в обмен на советскую нефть, что, разумеется, свидетельствовало о полном разрыве этих политиков с реальностью.

Может показаться странным, но инициаторами переговоров с СССР выступали самые последовательные антикоммунисты в Японии, в первую очередь принц Коноэ. Их позиция не была лишена логики. Обращаясь к императору с посланием о необходимости заключения мира, Коноэ доказывал ему, что «наибольшую тревогу должно вызвать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за поражением», а дальнейшее продолжение войны играет «на руку коммунистам». Однако деятельность дипломатов вызвала негодование ставки. Верховное командование армии представило японскому правительству меморандум, в котором говорилось: «С верой в наше предначертание и преданность империи, а также ввиду удобства японской территории для обороны и единства нашей нации мы доведем войну до конца ради сохранения национального духа защиты императорской земли и достижения наших целей покорения мира». Отчаянное сопротивление генералов заставляло Судзуки и Того опасаться за свою жизнь.

Хотя позиция советского посла в Японии при предварительных беседах не внушала надежд, 22 июня было решено продолжить попытки поиска мира. На заседании Высшего совета за это высказался император. Наконец, 13 июля посол Японии в Москве Сато вручил Министерству иностранных дел СССР ноту, в которой сообщалось, что в Советский Союз готов приехать Коноэ. На открывшейся в ближайшие

дни в Потсдаме Конференции союзных держав, на которой, в частности, обсуждалась и судьба Японии, Советское правительство информировало союзников о японских попытках переговоров и сообщило, что намерено отказать Японии в ее просьбе. Делегаты США и Великобритании согласились с решением СССР.

Потсдамская декларация, принятая 26 июля, формулировала принципы безоговорочной капитуляции Японии, в том числе полное искоренение милитаризма, разоружение, наказание военных преступников и отказ от захваченных территорий. Хотя Советский Союз не был в числе первоначальных сигнатариев декларации, так как в то время не находился в состоянии войны с Японией (декларация была подписана США, Англией и Китаем), он присоединился к ней 8 августа того же года, объявив Японии войну.

Вопрос о принятии Потсдамской декларации вызвал новый взрыв споров в японском руководстве. Того и Судзуки высказались за то, чтобы не отвергать ее с порога и таким образом оставить надежду на начало переговоров на основе декларации, с тем чтобы добиться в ходе этих переговоров каких-либо изменений в ее формулировках. Военных же такое решение Совета министров вывело из себя. Промолчать, уверяли они, — значит признать свою слабость, т. е. в конечном счете — проиграть. Выбрав момент, когда Того отсутствовал на заседании Совета министров, они буквально силой заставили Судзуки выступить по радио и публично отвергнуть декларацию. «Правительство не придает декларации большого значения, — дрожащим голосом говорил старый адмирал, — и мы игнорируем ее. Мы будем неотступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны».

24 июля командующий стратегической авиацией США получил приказ: «Сбросить первую особую бомбу, как только погода позволит визуальную бомбардировку, примерно 3 августа 1945 г. на один из следующих объектов: Хиросима, Кокура, Ниигата, Нагасаки». На следующий день первая

атомная бомба была доставлена тяжелым крейсером «Индианаполис» на о-в Тиниан и выгружена на берег*.

Утром 6 августа прогноз погоды был благоприятным, и бомба была погружена в тяжелый бомбардировщик «Энола Гей». В то утро четыре «летающие крепости» разбились на этом аэродроме при взлете. Эксперт, который отвечал за боеспособность бомбы, сказал летчикам, что, если то же самое случится с их самолетом, от всего острова ничего не останется. Летчики восприняли слова эксперта как шутку.

В 2 часа 46 мин. утра 6 августа бомбардировщик, сопровождаемый самолетом-наблюдателем, поднялся в воздух. В тот день погибла Хиросима. Вторая атомная бомба была сброшена 9 августа на Нагасаки. В общей сложности в двух городах было убито и ранено около полумиллиона человек. Однако, если не считать трагедии самих городов, факт применения атомной бомбы на состоянии армии и населения практически не сказался. В Японии об этом вообще мало кто узнал. В стране, где уничтожение городов американской авиацией стало обычным делом, смерть еще нескольких десятков тысяч людей ничего не решала.

Трагедия японских городов стала известна лишь после войны, и бессмысленность этого удара, жертвой которого стали беззащитные мирные жители, хотя с большим трудом и далеко не сразу, была признана и руководителями Запада. Начальник штаба президента США адмирал У. Леги впоследствии писал: «Применение этого варварского оружия в Хиросиме и Нагасаки не оказало существенной помощи в нашей войне против Японии». Да и Черчилль говорил, что «было бы ошибкой предполагать, что судьба Японии была решена атомной бомбой». Можно привести также слова представителя Индии на суде

* Судьба словно решила наказать этот корабль. Через четыре дня, находясь в открытом океане, он был торпедирован японской подводной лодкой и затонул за 12 минут. Хватились его лишь через несколько дней. На крейсере не оказалось шлюпок, поэтому погибло почти 900 человек.

над японскими военными преступниками Пала, который в своем частном определении заявил: «Если какое-либо безжалостное и неоправданное уничтожение мирных жителей еще может считаться незаконным в войне, тогда таковым является решение сбросить атомную бомбу, которое подходит под категорию преступлений, совершенных во время Второй мировой войны нацистскими лидерами».

Через три месяца после победы над Германией, 8 августа, в день, когда Советский Союз обещал союзникам начать войну с Японией, послу Японии в Москве была вручена нота, в которой говорилось, что, присоединяясь к Потсдамской декларации, Советский Союз стремится «приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции». Нота кончалась словами, что с «9 августа Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией». На следующий день в войну вступила и Монгольская Народная Республика.

Сообщение о том, что Советский Союз объявил войну, достигло министерства иностранных дел Японии ночью. Получив его, Того бросился к Судзуки и буквально с порога начал обвинять премьер-министра в том, что он спасовал перед генералами и не принял условия Потсдамской декларации вовремя. Судзуки молча выслушал министра иностранных дел и сказал: «Мы должны кончить войну». Он заявил, что едет к императору и будет просить его разрешения на немедленную капитуляцию. Премьер-министр, как и Того, понимал, что вступление в войну Советского Союза означает окончательную и быструю гибель японского могущества, разгром, от которого нет спасения.

В 11 час. утра Судзуки собрал «большую шестерку» — Высший совет страны и сообщил, что в войну вступил Советский Союз. «По этой причине, — продолжал он, — я полагаю, что единственным решением для нас может быть принятие Потс-

дамской декларации». Однако три представлявших армию члена «большой шестерки» не собирались сдаваться без сопротивления: не говоря уже о том, что сдача означала для каждого из них физическую смерть, пункт Потсдамской декларации о военных преступниках касался их в первую очередь. Неудивительно, что военные предложили принять декларацию с модификацией — японские военные преступники должны подлежать суду японского трибунала, а армия будет демобилизована японскими офицерами. После трехчасовых дебатов члены Совета разделились поровну — представители армии были за продолжение войны или принятие Потсдамской декларации с поправками, остальные — за немедленный мир. Чтобы нарушить это безвыходное равновесие, было решено обратиться к высшему посреднику — императору.

Ночью министры собрались в бомбоубежище императорского дворца. Судзуки выступил с заявлением, в котором призывал принять декларацию при условии, что власть императора не будет отменена или подорвана. Затем были выслушаны мнения остальных. Наконец, в два часа ночи наступила очередь императора. Тот тихим голосом произнес, что санкционирует решение премьера и, как это ни печально, выступает за то, чтобы принять декларацию союзников.

Генералы промолчали — выступить против императора означало разрушить порядок, на котором держалась Япония, последнюю моральную силу, еще поддерживающую единство страны. Совет министров единогласно принял решение о мире. Утром 10 августа Того направил японским посланникам в Швеции и Швейцарии телеграммы с просьбой довести до сведения правительств этих стран, что Япония согласна на условия Потсдамской декларации. В тот же день Того принял советского посла Я. Малика и сообщил ему о решении своего правительства.

Несмотря на недооценку разведкой Квантунской армии переброски советских войск на Дальний Восток, для япон-

цев не было секрета в том, что вооруженные силы противника быстро растут. Так как северный фронт в случае его открытия мог стать решающим в войне, Ставка в Токио приняла решение срочно усилить Квантунскую армию.

30 мая 1945 г. из Китая туда были переброшены четыре кадровых, закаленных в боях дивизии. В то же время были возвращены в Маньчжурию части, которые были отобраны от армии «заимообразно». 17 июня Ставка отдала приказ о передислокации в Северную Корею 34-й армии, а 30 июля Квантунская армия была усилена 137-й дивизией и 133-й отдельной бригадой.

В Токио полагали, что эти меры недостаточны для обороны Маньчжурии, Кореи и Сахалина, и потому в конце июля был принят план о дальнейшей переброске туда еще десяти дивизий и десяти бригад. Недостаток всех этих планов исходил в первую очередь из уверенности в том, что СССР сможет вступить в войну только осенью. То есть Квантунской армии вроде бы не хватило двух месяцев для окончания выполнения программы усиления. Но даже если бы удалось перевести к советской границе еще десять или двадцать дивизий, это ничего бы не изменило. Об этом забывают японские историки, повторяющие заколдованные фразы: «вот если бы...» Главное и невыполнимое условие войны 1945 г. заключалось в числе и качестве как солдат, так и авиации, танков и артиллерии. В этом Квантунская армия катастрофически уступала советской и это преимущество никакие пехотные дивизии не могли изменить.

Ночь на 9 августа во всей Маньчжурии выдалась дождливая и холодная. Облака низко висели над страной. Когда министру иностранных дел старику Того сообщили о том, что СССР объявил Японии войну, тот в первый момент не поверил. Этого быть не может. Это конец империи.

Дождливым утром начался артиллерийский обстрел японских позиций у Хунчуня, прервалась связь сразу с несколькими пограничными заставами.

Командующий Маньчжурским фронтом генерал Кита издал приказ «отбить все атаки противника и уничтожить вторгшегося противника».

Японская Ставка хранила молчание. Командующий японскими войсками на Сахалине генерал-лейтенант Минэки узнал о начале войны из сообщения американского радио. Лишь 10 августа появился приказ Ставки о начале боевых действий по всему фронту. И лишь 14 августа Ставка, окончательно очнувшись, приказала Китайскому фронту сделать все для помощи северному соседу и «быстро перебросить на маньчжурско-советский фронт одну армию».

Когда появился первый приказ Ставки, план Василевского уже действовал. Двумя колоннами 6-я гвардейская танковая армия вырвалась через горы, трудными перевалами на маньчжурскую долину. Южнее кавалерийский корпус Плиева пересекал пустыню Гоби, откуда также никто не ожидал удара.

Танковая армия мчалась по тылам японцев слишком быстро, она обогнала тылы настолько, что танки остановились в открытой степи без топлива. Но командующие советскими армиями были опытными, привыкшими ко всему профессионалами. Вместо того чтобы ждать, пока подтянутся остальные части, Малиновский собрал всю транспортную авиацию фронта, загрузил самолеты топливом и отправил 400 машин в степь. Через несколько часов танки двинулись дальше.

Более тяжелая задача стояла перед 1-м Дальневосточным фронтом, которому пришлось штурмовать долговременные линии обороны, возведенные вдоль горного хребта. Однако и здесь помог опыт.

В то время как началась артиллерийская подготовка на одних участках фронта, на других продолжалось затишье, которое убедило защищавшие эти участки части в том, что основной удар наносится по соседям.

Но в то время под дождем, в тумане на горы карабкались штурмовые группы, которые внезапно напали на японские

позиции, и уже к вечеру 9 августа 5-я армия генерал-полковника Крылова прорвалась в долину и через два дня достигла реки Муленг.

16 августа войска Малиновского уже подходили к Харбину.

На степных просторах танки неслись вперед как гоночные автомобили. Авиация в течение трех дней фактически полностью очистила небо от японских самолетов, и тут в дело вступили десантники. Подразделения десантников опускались в далеком тылу, захватывали и удерживали аэродромы.

Когда бежавший из Чанчуня император Маньчжоу-Го Пу И добрался 16 августа на машинах до Мукдена, там был подготовлен самолет, чтобы переправить императора в Японию. Но у самолета его уже ждали советские десантники.

Фактически Квантунская армия была разгромлена Василевским за неделю. Здесь не место анализировать причины столь стремительного поражения, но помимо перечисленных ранее факторов сыграла роль внутренняя обреченность войск, которое пронизало армию от солдата до командующего. Солдаты и унтер-офицер отчаянно сопротивлялись, укрывшись в своих окопах. Но если на островах американцам приходилось штурмовать каждую нору, то у советских войск было преимущество — простор и возможность его использовать. В первый день войскам 2-го Дальневосточного фронта не удалось взять Хайлар. Но 36-я армия обтекла город и пошла дальше, спокойно оставив Хайлар и его гарнизоны в своем тылу.

Военный министр Анами сразу же после заседания Совета министров выступил перед офицерами Генерального штаба и сообщил им о принятом решении, добавив, что подчиняется воле императора и ничего сделать уже нельзя. Однако полковники, собравшиеся в бункере, зная истинные чувства своего министра, отлично понимали, что наступила их очередь действовать. Один из адъютантов Анами, подполковник Масао, спросил своего шефа, следует ли послать

войскам приказ продолжать сопротивление, в первую очередь против частей Красной Армии в Маньчжурии. «Разумеется», — ответил Анами.

Вечером экстремистски настроенные офицеры, близкие к Анами и действовавшие с его молчаливого согласия, вышли на улицы Токио. По городу загремели взрывы. План заговорщиков заключался в том, чтобы вызвать в столице беспорядки и, введя военное положение в столице, дать возможность армии разделаться с пораженцами. Но ничего не получилось — жители Токио настолько привыкли к бомбежкам, что никто из них попросту не обратил внимания на разрывы гранат.

12 августа пришел ответ союзных держав. В ней указывалось, что «с момента капитуляции власть императора и японского правительства будет подчинена верховному главнокомандующему союзных держав...». О сохранении власти императора в заявлении не говорилось, хотя слова «форма правительства будет установлена свободно выраженной волей японского народа» такую возможность не исключали.

Толкование текста заявления как попытки лишить Японию ее императора дало Анами и другим генералам еще одну возможность продлить войну. К этому времени сведения о близкой капитуляции достигли японских войск в разных частях империи, и реакция командования на местах была единодушной: «Никакой капитуляции! Война продолжается!» Ободренные этой поддержкой, Анами и начальник Генерального штаба разослали 12 августа приказ по армии: «Ввиду того что радиопередача (ответ союзников. — **И. М.**) противоречит подлинным стремлениям армии отстоять национальный государственный строй, армия решительно отвергает этот ответ... В этих условиях все армии должны выполнить свой долг».

На заседании Совета министров 12 августа мнения вновь разделились, причем на этот раз к генералам неожиданно примкнул и сам Судзуки. «Если нам будет навязано разору-

жение, — сказал он, — то придется сражаться до конца». Перспективы мира вновь потускнели. Но тем временем советские войска, взяв в клещи основные силы Квантунской армии, вышли в долины Маньчжурии и устремились к Мукдену и Харбину. Квантунская армия, изъявляя полную готовность сражаться, сражаться уже не могла, а ее солдат и офицеров охватывала все растущая паника.

13 августа на заседании Совета министров было зачитано совместное коммюнике японских армий, в котором говорилось, что война будет продолжаться, несмотря на все трудности и потери. Гражданские министры еле успели остановить военных от попытки передать это коммюнике по радио. Вечером того же дня сообщения из Кореи и с Сахалина, а также сведения о том, что советские части ведут высадку на Курильские острова и появились уже у северных берегов Японии, вызвали в правительстве новую волну паники. Анами попросил еще два дня отсрочки, чтобы уладить положение в армии. «Прошу прощения, — ответил вновь изменивший свою позицию Судзуки, — но сегодня — последний день, когда мы еще можем использовать возможность мира и сохранить империю. Если мы протянем еще два дня, русские займут не только Маньчжурию, Корею и Сахалин, но и Хоккайдо. Это будет фатальным ударом. Надо согласиться сейчас, пока мы можем вести переговоры, в основном с Соединенными Штатами».

Отчаянный последний бунт офицеров начался 14 августа. Им удалось обманом поднять одну из дивизий, блокировать императорский дворец, захватить здание Совета министров и радиостанцию, однако не удалось найти главное, за чем они охотились, — запись речи императора, которая была сделана днем и в которой тот объявлял о безоговорочной капитуляции. В то время как пулеметчики держали под прицелом окна императорских покоев, а их соратники добивали командира 1-й гвардейской дивизии генерала Мори, отказавшегося примкнуть к путчистам, отряды офицеров разыскивали запись, а заодно и объявленных ими предателями

министров. Но Судзуки, к своему счастью, в тот вечер уехал за город, а председателю Тайного совета Хирануме удалось спрятаться в канаве за своим домом. К следующему утру мятежные офицеры убедились, что генералы и армия в целом не решились присоединиться к ним. Солдаты, узнавшие о том, что их обманули, попросту покинули заговорщиков. Утром 15 августа, когда по токийскому радио было уже объявлено, что в полдень император выступит с речью, руководители заговора вышли на поляну перед императорским дворцом и стали раздавать зевакам листовки с призывом воспротивиться капитуляции. Прохожие брали листовки и ждали, что будет дальше. Сначала один из офицеров, встав на колени, застрелился. Затем второй сделал себе харакири. Умирая перед дворцом императора, власть которого они хотели спасти, японские офицеры не знали, что Анами также уже сделал себе харакири и его адъютант добил его, когда генерал не смог умереть от раны. Утром кончил жизнь самоубийством командующий токийским гарнизоном, известный своей жестокостью шеф «кэмпейтай» Квантунской армии генерал Танака. Эпидемия самоубийств продолжалась и после капитуляции. Принял яд принц Коноэ, предпочтя смерть публичному суду. Пытался убить себя и Тодзио, но пуля прошла рядом с сердцем, и его удалось спасти для того, чтобы повесить через год по приговору трибунала. Но большинство генералов согласились на все — разжалование, суд, позор — они хотели жить.

15 августа император объявил о капитуляции. Она была принята союзниками, и в тот же день президент Трумэн сообщил Советскому правительству о деталях капитуляции японской армии. Японские войска в Маньчжурии, на Сахалине, Курилах и в Корее севернее 38-й параллели должны были сдаться советскому командованию. Китайцы разоружали японские части на своей территории, Великобритания и США — в Юго-Восточной Азии и Южной Корее. Но существование этого приказа еще не означало капитуляции японских армий, которые за день до того сообщили военно-

му министру о своем отказе капитулировать. Разоружить японские части мирным путем удавалось далеко не всегда, и еще неделями продолжались бои.

Создалась парадоксальная ситуация, при которой совпали интересы советской и японской ставок.

Сталину было важно оттянуть окончание войны. Для него эффект атомной бомбы, совпавшей с разгромом Квантунской армии, был неожиданен. Он полагал, что впереди у наших войск есть еще несколько недель, чтобы занять как можно бóльшие территории в Китае. Поэтому выступление императора Хирохито 15 августа по радио и капитуляция Японии его не устраивали — наши войска только-только успели выйти на оперативный простор в Маньчжурии и не достигли желанных рубежей. Если же остановиться и согласиться, что наступил мир, гоминьдановские войска перехватят инициативу и важнейшие территории Китая будут потеряны для коммунистов и советского влияния. Так что наши командиры имели цель не замечать японских предложений мира и продолжать наступление.

Главными помощниками стали японские самураи в генеральских мундирах, которые совершенно не понимали, что же происходит на самом деле, и готовились воевать до победного конца.

Сегодня кажутся сюрреалистическими ответы японских командующих фронтами на запросы Токио 12 августа, заключать ли мир или воевать дальше. Командующий войсками в Китае отвечал: «...Судьба императорской Японии решается в Маньчжурии... несмотря на успешное наступление противника и трудности внутри страны. Вся армия готова с честью погибнуть в бою, но добиться достижения целей войны этой осенью».

Не больше и не меньше!

А вот ответ маршала Тэраути, командующего Южным фронтом — то есть войсками в Юго-Восточной Азии: «...Южный фронт... считает необходимым дать отрицательный от-

вет на предложения противника и, мобилизовав все силы народа, решительно продолжать священную войну».

Советские войска стремительно углублялись в китайскую территорию, а генералы делали вид, что война закончится победой Японии, надо только отстранить от власти гражданских предателей и как-то добраться до императора и убедить его, что сдаваться нехорошо. Лучше пускай погибнет вся Япония.

16 августа после речи императора военный и военно-морской министры отдали приказы об окончании военных действий. И дальше началась удивительная волокита. Ни одна из армий не прекратила войны.

17 августа император обратился с посланием к солдатам и офицерам, где, в частности, говорил: «...Теперь, когда в войну вступила Россия, дальнейшее продолжение войны... повлекло бы за собой новые жертвы и страдания и могло бы привести к потере основ нашей империи...»

Квантунская армия откатывалась перед наступлением советских войск и ее командование продолжало делать вид, что ничего не произошло.

Только 18 августа в Чанчунь, который еще удерживали японцы, прибыл принц Такэда. В течение двух дней он «знакомил» командование армии и ее соединений с посланием императора.

Характерно, что останавливал войну принц королевского дома. Более того, 17 августа новое правительство сформировал принц Хигасикуни. Впервые с революции Мэйдзи члены императорского дома взяли управление делами страны в свои руки. В те дни знать Японии более всего было обеспокоена сохранением императорской власти и привилегий императорского дома. И в отличие от гражданских политиков они обладали в глазах последних самураев определенной харизмой. Им удавалось то, что не могли сделать политики.

Наконец 19 августа командующий Квантунской армией на совещании начальников штабов огласил рескрипт импе-

ратора и тут же начальник штаба армии вылетел на встречу с Василевским. К вечеру в Чанчунь прибыли уполномоченные Красной Армии.

Но и после этого военные действия продолжались. К примеру, до 22 августа не сдавались части на Сахалине, а некоторые части в Маньчжурии воевали до начала сентября.

Особенно сложной обстановка была в Китае. Японские части должны были сдавать оружие представителям Гоминьдана. Но далеко не везде эти представители нашлись и приступили к своим обязанностям, тем более что в ряде районов на оружие японцев претендовали коммунисты. Это пугало Чунцин, и из штаба Чан Кайши шли грозные телеграммы — коммунистам не сдаваться, оружие не передавать, а если они захотят отнять, то сопротивляться.

Поэтому до начала сентября в разных точках внутреннего Китая вспыхивали бои между японцами и коммунистами, которые уже не имели отношения ко Второй мировой войны, а стали залпами последнего этапа гражданской войны в Китае.

Зато в зоне действия Красной Армии коммунисты смогли получить колоссальные запасы оружия и техники, что сыграло значительную роль в победе Мао Цзедуна над гоминьдановским правительством. Фактически все вооружение миллионной Квантунской армии передали коммунистам, тогда как Китайский фронт в значительной степени обогатил армию Чан Кайши. Теперь гражданская война в Китае имела все возможности вспыхнуть вновь и втрое яростнее.

В Советском Союзе сразу встала проблема, что делать с японскими пленными. Проще всего было бы отнестись к ним, как американцы и англичане — отделить военных преступников от рядовых солдат и офицеров и отправить бывших врагов в Японию. Кстати, точно так же англичане поступили и с немецкими пленными. Более того, согласно статье 9 Потсдамской декларации все японские военнослу-

жащие, сложившие оружие, должны были быть направлены в Японию. Но советские власти рассуждали иначе. Рабовладельческая психология взяла верх. К тому же в сознании чекиста и партийного деятеля на «самурае» лежала вина, он должен был быть наказан за то, что в 1918 году японские войска высадились во Владивостоке, а сейчас сопротивляются в Маньчжурии.

Пленных японцев оказалось куда больше, чем рассчитывали. Точную цифру их установить сегодня невозможно.

По данным МВД СССР, было захвачено 640 тысяч военнопленных, часть из которых освободили или передали монголам, еще несколько тысяч вскоре умерли от ран и болезней, 546 тысяч человек вывезли в СССР и разместили в лагерях. Данные других источников несколько отличаются от этих в ту или иную сторону, но цифра в полмиллиона человек в принципе реальна. Военнопленных отправляли в лагеря Дальнего востока, Казахстана и Сибири, в основном их использовали на строительстве железных дорог и лесозаготовках, а также именно японские военнопленные начали строить БАМ (Байкало-Амурскую магистраль). Вскоре лагеря были переподчинены ГУЛАГу и автоматически все японцы стали преступниками. Особенно ужасной для японцев стала страшно холодная зима 1945–1946 гг., когда от холода и голода умерло несколько десятков тысяч человек. По хитрому приказу МВД СССР № 003850 от 1946 г. в срочном порядке из лагерей было отправлено в Северную Корею 27 тысяч дистрофиков под видом корейцев. Почти никто из них так и не добрался до родины. До 1991 г. наши власти отказывались признать смерть 58 000 японских военнопленных в наших лагерях.

Когда мы сегодня справедливо осуждаем японских военных и «кэмпейтай» за зверства по отношению к военнопленным, за использование их рабского труда на строительстве железных дорог, мы не замечаем удивительного сходства между судьбой англичан на Дороге смерти или американцев на Батмане с судьбой японских солдат в Сибири.

И в обоих случаях рабский труд военнопленных, запрещенный Женевской и прочими гуманными конвенциями, был абсолютно непроизводителен. Все лагеря военнопленных в Советском Союзе были дотационными. Ведь еще Карл Маркс предупреждал, что рабовладение — самый непроизводительный общественный строй.

После капитуляции Японии еще некоторое время продолжались военные действия в «хозяйстве» маршала Тераути. Правда, последняя крупная операция была чисто пропагандистской. Она должна была подтвердить тезис Черчилля: «Британская империя нерушима!»

Заявление премьера о том, что он не желает присутствовать при ликвидации Британской империи, могло подействовать на англичан в начале войны, но в сорок пятом году судьбы империи были не столь близки англичанам, как верхушке консерваторов. Империя не нужна была сотням тысяч английских солдат, возвращавшихся с фронтов или сражавшихся еще на полях Бирмы. Империя была вчерашним днем, и Черчилль был вчерашним днем. И это продемонстрировали выборы летом 1945 г. Победа лейбористов оказалась ошеломляющей: они получили 393 места в палате общин, консерваторы почти вдвое меньше.

С Черчиллем, ушли в прошлое надежды на сохранение империи, однако последствия его политики, в том числе в Южной и Юго-Восточной Азии, ощущались еще долго. Первой и практически единственной целью правительства и командования английской армии в конце войны был не разгром Японии, а подавление могучей волны национально-освободительного движения в колониях. Удержание в пределах империи Индии и Бирмы казалось в этой ситуации куда более важным, чем освобождение Индонезии или Французского Индокитая. Англия не могла внести уже решительного вклада в победу над Японией, а с весны 1945 г. она и не пыталась сделать это. Фактически все лето 1945 г. англий-

ские войска в Юго-Восточной Азии вяло сражались с войсками маршала Тераути, и, как только император Японии выступил с заявлением о капитуляции, они вообще прекратили военные действия против японских войск, хотя далеко не везде те капитулировали.

Эта ситуация ставила сложные проблемы перед Слимом и Маунтбеттеном. Разворачивать дальнейшее наступление против хотя и деморализованного, но еще достаточно сильного противника было нельзя, поскольку Лондон считал войну законченной. Поэтому было решено ждать общей формальной капитуляции Японии, которую Макартур, желавший быть ее главным героем, назначил на начало сентября. Ему удалось навязать Объединенному комитету начальников штабов решение, что подписание соответствующих актов на различных фронтах пройдет только после того, как он подпишет главный документ. Следовательно, на английском фронте в Юго-Восточной Азии война так и не кончилась, но никто ее не вел. Японцы продолжали управлять громадными территориями, и их армия все еще насчитывала три четверти миллиона человек.

В то же время было известно, что каждый день промедления уносит сотни жизней военнопленных, на которых японцы в эти дни вымещали злость за свое поражение. Чтобы хоть как-то помочь соотечественникам, Слим пошел на паллиативную меру, а адмирал Маунтбеттен закрыл глаза на эти самовольные действия своего командующего сухопутными силами. Слим разыскивал лагеря (их было 250, а военнопленных в них — 125 тыс.) и высылал туда самолетами группы «коммандос», которые опускались возле лагерей, обезоруживали охрану и выпускали пленных на волю. Снабдить их одеждой и вволю накормить пока не было возможности, но по крайней мере освободить их Слим мог. Условия жизни и смерти в лагерях Малайи были настолько страшны, что даже видавший виды Слим написал впоследствии: «Не может быть прощения стране, которая из политических соображений так об-

ращается с военнопленными, и нет чести для армии, какой бы смелой она ни была, которая сознательно превращается в инструмент бесчеловечного обращения с беззащитными».

Подписание капитуляции японских войск в Юго-Восточной Азии произошло в Сингапуре 12 сентября, а капитуляция самого Сингапура — 3 сентября. Над Сингапуром был поднят английский флаг, который удалось сохранить все эти годы пленным в страшной сингапурской тюрьме Чанги. Таким образом, война в Юго-Восточной Азии завершилась, однако, как уже отмечалось, впереди была еще одна крупная военная операция.

Операция «Зиппер» готовилась в течение нескольких месяцев, готовилась неспешно, в расчете на то, что война с Японией продлится еще по крайней мере год. Целью ее был захват Сингапура. В десанте должны были участвовать 100 тыс. человек. Именно подготовкой операции «Зиппер» оправдывал английский Генеральный штаб отсутствие активности в Юго-Восточной Азии. Подготовка к операции продолжалась и после того, как стало ясно, что Япония вышла из войны. Косность британского Генерального штаба, не могущего отменить принятого решения, даже бессмысленного, уже проявилась при осуществлении операции «Дракула», отнявшей у Слима и 14-й армии лавры освободителей Рангуна. В еще более странной форме эта косность проявилась в операции «Зиппер». Несмотря на то что японский гарнизон Сингапура официально капитулировал 3 сентября и война с Японией была уже завершена, транспорты с войсками и силы сопровождения все равно вышли 6 сентября в море и направились к Сингапуру, где шла подготовка к торжественной церемонии подписания капитуляции.

Единственными зрителями мощной десантной операции оказались местные рыбаки, пораженные зрелищем, но не сообразившие, с кем воюют англичане. Места для высадки были выбраны крайне неудачно, хотя англичане высаживались на острове, подходы к которому они должны были знать

в совершенстве. Сама же высадка прошла столь бестолково, что одного японского батальона было бы достаточно, чтобы сбросить колоссальный десант в море. Даже официальная английская история войны признает, что «в боевых условиях высадка превратилась бы в кошмар». Без всякого сопротивления врага множество машин и танков было утоплено у самого берега, а когда лавина техники и людей все-таки выбралась с немалыми потерями на берег, танки и автомашины забили пляжи и настолько прочно застряли на склонах холмов, что потребовалось несколько дней, прежде чем удалось высвободить технику. Таким образом, операция превратилась в конфуз — последний конфуз и последнее поражение англичан во Второй мировой войне.

Вторая мировая война на Тихоокеанском театре закончилась победой союзников и иного исхода у нее быть не могло. Яростный и злой мальчонка может подставить ножку взрослому дяде и свалить его, но когда тот поднимется на ноги, мальчонке лучше бежать. Материальные и людские ресурсы союзников были настолько значительнее японских, что подножка Сингапура и Перл-Харбора в стратегическом отношении ничего Японии не дала. Последние самураи жили в выдуманном мире, где не изучали экономики.

Но победив Японию, союзники проиграли войну с народами стран, на землях которых эта война шла.

Война доказала бирманцам, малайцам, индонезийцам и филиппинцам, что белый господин, столь могущественный и уверенный в себе, бежит от японца, сдается ему в плен или, как это случилось в Индокитае, покорно служит ему.

Белый господин не выполнил основного социального закона. Государь берет на себя защиту подданных — иначе не нужен нам такой государь!

Когда англичане, американцы, французы и голландцы вернулись в свои колонии, лишь наиболее дальновидные из них догадались, что их поражение окончательнее поражения

Японии. Ничего не поняв, они попытались возвратить часы истории на четыре года назад.

И тогда началась новая глава в истории Юго-Восточной Азии — ее борьба за полную независимость от Европы и США.

Где сразу, а где после жестоких войн, эта глава завершилась и конец ее был один — уход европейцев и американцев.

А в те месяцы, когда уже начинались где переговоры, а где войны за независимость, в Токио и других городах шли суды над японскими военными преступниками.

Некоторые из тех, кто понимал, что ему не избежать суда победителей, покончили с собой. Среди них были принц Коноэ и адмирал Анами, другие — старались сделать харакири, но им это сделать не удалось. Попытался покончить с собой «преступник № 1» генерал Тодзио — премьер в самые страшные годы войны. Его вылечили и он предстал перед судом над главными военными преступниками.

Рассмотрение дел было завершено к апрелю 1948 г., а приговор суда в Токио был оглашен 12 ноября. Из числа обвиняемых семеро были приговорены к смерти, почти все остальные к разным срокам заключения. Среди повешенных были Тодзио, пять наиболее одиозных генералов и один штатский — премьер Хирота Коки.

К тому времени основные суды, проходившие как в странах-победительницах, так и в странах, оккупированных Японией, уже прошли. Всего этими судами было осуждено 4226 японцев и 830 из них казнено.

Среди казненных были знаменитые победители в кампаниях 1942 г.: генералы Хомма и Ямасита, «тигр Майлайи». А вот маршалу Тэраути повезло. При известии о капитуляции Японии его разбил паралич и в сентябре 1945 года он умер.

Макартур жил долго и умер в почете в возрасте 84 лет в 1964 г. в должности национального героя. Кадры хроники, в которых он принимает капитуляцию Японии на борту лин-

кора «Миссури» 2 сентября 1945 г., остались в памяти американцев.

Изгнанный из Китая Стилуэлл закончил свою блистательную, но несладкую карьеру в 1945 г., командуя 10-й американской армией на Окинаве, и вскоре умер.

Уейвелл тоже не надолго пережил войну. Он умер в 1950 г., не дожив до 70 лет. С января 1943 г. он стал фельдмаршалом. Черчилль не любил его и полагал, что он принадлежит к проигравшему кампанию 1942 г. клану старых генералов мирного времени. Поэтому утвердив фельдмаршальский жезл для генерала, проигравшего Британскую империю, Черчилль отправил его в Индию на почетный, церемониальный пост вице-короля. Пост оказался безумно трудным — на годы пребывания на нем Уейвелла пришлась последняя волна индийского освободительного движения.

А вот фельдмаршал Александер, о котором Черчилль сказал, что раз не может послать в Бирму армию, то пошлет туда человека, прожил долгую жизнь. В отличие от Уейвелла он не только терпел поражения. И хотя именно его корпус последним ушел из Дюнкерка во время отступления англичан из Франции в 1940 г. и он сам был вынужден покинуть Бирму, репутация его не пошатнулась и он был главнокомандующим на Ближнем Востоке, когда англичане разгромили Роммеля. Затем он провел трудную кампанию в Италии и принял капитуляцию немецких армий на Апеннинах 29 апреля 1945 г. Александер был всегда весел, доступен, и даже Черчилль как-то сказал с некоторым раздражением: «Я не могу никак придраться к этому генералу!»

Вице-адмирал лорд Маунтбеттен, близкий родственник короля, был талантливым моряком и полководцем. С его именем связаны не только морские битвы и дипломатические успехи англичан, но и командование фронтом ЮВА, в каковой должности он пробыл два года с октября 1943 по сентябрь 1945 г. Под его командованием была одержана победа над японцами под Кохимой и освобождена Бирма. В

сентябре Маунтбеттен принял капитуляцию японцев в Сингапуре. Он был человеком живым и широким, красавцем и светским львом. Великобритания обожала своего героя. Это его и погубило. Когда ему уже было 80 лет, ирландские католики взорвали его на яхте вместе с внуками. Это случилось в 1979 г.

Генерал Слим, командующий войсками в Бирме, выдвинулся именно во время Второй мировой войны. Это был, пожалуй, талантливейший из английских полководцев на Востоке, притом любимый в войсках. В августе 1942 г. он сменил Маунтбеттена на посту командующего войсками в ЮВА. Умер в 1970 г.

Персиваль, позорно проигравший кампанию в Майлае и сдавший в Сингапуре 85-тысячную армию вдвое меньшим войскам генерала Ямаситы, был интернирован, но в отличие от Уэйнрайта в лагерь не попал, а мирно прожил войну в Маньчжурии, однако когда был освобожден, поспешил на церемонию капитуляции Японции 2 сентября, чтобы фотокорреспонденты видели, кто победил японцев.

Из политиков в Бирме более всех известен генерал Аун Сан, признанный лидер страны, проживший всего 32 года и расстрелянный правыми экстремистами вместе со своим правительством 19 июля 1947 г. В дальнейшем все политические силы в стране предпочитали выступать как его наследники. В том числе и генералы, захватившие власть в 1962 г. После многих лет военной диктатуры на всеобщих выборах с подавляющим перевесом победила дочь Аун Сана — Аун Сан Су Чжи. Военные перепугались и сразу разогнали парламент, а дочь Аун Сана отправили под домашний арест. С тех пор она находится в неволе, а генералы продолжают править страной, всуе поминая Аун Сана.

Такин Ну, ближайший соратник Аун Сана, несколько раз был премьером Бирмы, прославился на весь мир как организатор движения неприсоединения, однако в 1962 г. был окончательно отстранен от власти военными. Умер он,

как и многие другие бирманские политики его поколения, в безвестности.

Генерал Не Вин, один из командиров первой бирманской армии, стал тем человеком, который пришел к власти в 1959-м, а затем в 1962 г.. Именно под его руководством и процветала много лет военная хунта. Даже когда он, уже дряхлым стариком, ушел в отставку, он остался реальным правителем страны.

Провозгласив Индонезийскую республику 17 августа 1945 г., Сукарно почти до самой смерти оставался харизматическим лидером Индонезии, несмотря на экономические и политические провалы его курса. В конце концов он связал свое имя с коммунистами, которые готовили антимилитаристское восстание, так как индонезийская армия и компартия были главными соперниками в борьбе за власть. Армия победила, и последние годы жизни Сукарно провел в почетном заточении. Умер он в 1970 г.

Основатель Вьетнама Хо Ши Мин был бессменным вождем вьетнамского освободительного движения, а затем до самой смерти стоял во главе Демократической республики Вьетнам. С его именем связаны победы над французами и затем над американцами. Очевидно, он — один из самых выдающихся политиков XX века. Он умер в возрасте восьмидесяти лет в 1969 г. и его мумия лежит в мавзолее в Ханое.

Такова судьба основных актеров этой драмы.

Несмотря на отчаянное сопротивление метрополий, колониальный мир так и не был восстановлен.

Вьетнам провозгласил независимость в 1945 г., 17 августа того же года объявила себя независимой Индонезия. И хоть Франция и Нидерланды этого не признали и кинулись подавлять мятежи, это привело лишь к жертвам и разрушениям. Через четыре года им пришлось смириться с совершившимся фактом, и хоть война в Индокитае еще тянулась несколько лет, исход ее был предопределен.

Филиппины мирным путем получили независимость в 1946 г., Бирма 4 января 1948 г. стала первой страной, покинувшей лоно Британского Содружества.

1 февраля 1948 г. была создана Малайская Федерация, чуть позже, в 1954 г., согласно Женевским соглашениям стали независимыми Лаос и Камбоджа... Припозднился лишь Сингапур — но его трудно считать исторически сложившимся государством, ибо он был создан англичанами и история его коротка.

Через десять лет после войны в ЮВА не осталось ни одной значительной европейской или американской колонии.

Это был основной результат Второй мировой войны в Юго-Восточной Азии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИМПЕРАТОРСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ОТ 9 АВГУСТА

(9 АВГУСТА 1945 ГОДА. ЗАПИСЬ ХОСИНА ДЗЭНСИРО)

НА КОНФЕРЕНЦИИ 9 АВГУСТА 20 ГОДА СЕВА,
23 ЧАСА 30 МИНУТ, ДВОРЦОВОЕ БОМБОУБЕЖИЩЕ

«Японское правительство принимает условия, выдвинутые совместной декларацией трех держав от 26 июля, понимая их в том смысле, что они не содержат требований, затрагивающих суверенитет императора в управлении страной».

Примечание. Первоначальный проект министра иностранных дел гласил: «Японское правительство принимает условия, выдвинутые совместной декларацией трех держав от 26 июля, понимая их в том смысле, что они не содержат требования об изменении установленного государственными законами статуса японского императора».

Премьер-министр (с позволения императора) открывает совещание; с позволения императора приглашает председателя Тайного совета Хиранума; секретарь кабинета министров зачитывает Потсдамскую декларацию.

Премьер-министр зачитывает проект решения по обсуждаемому вопросу и дает по нему разъяснения.

Сегодня утром Высший совет по руководству войной пришел к следующему заключению: принять условия капитуляции, если:

1) она не затрагивает императорской фамилии;

2) японские войска, находящиеся за пределами страны, демобилизуются после свободного их отвода с занимаемых территорий;

3) военные преступники будут подлежать юрисдикции японского правительства;

4) не будет осуществлена оккупация с целью гарантии.

Поскольку по данному вопросу возникли разногласия, он был поставлен на обсуждение кабинета министров.

На заседании кабинета министров также не было достигнуто единства мнений.

Проект решения по обсуждаемому сегодня вопросу, составленный министром иностранных дел, поддержало 6 человек.

За проект Высшего совета по руководству войной высказалось трое.

Меньшинство считает, что первый пункт, безусловно, должен быть оставлен, а требования остальных пунктов надо свести до минимума.

В результате проект министра иностранных дел, поддержанный большинством, принимается за основу.

Министр иностранных дел выступает с разъяснением мотивов своего предложения:

Еще недавно это предложение было бы неприемлемо, однако при сложившейся на сегодняшний день обстановке кабинет министров пришел к выводу, что принятие его неизбежно.

Необходимо обсудить лишь совершенно неприемлемые пункты декларации.

Усиление позиций нашего противника — Америки и Англии — в результате положения в этих странах, а также вступления в войну Советского Союза чрезвычайно затрудняет смягчение условий ультиматума.

Если рассуждать трезво, у нас нет надежды на смягчение условий ультиматума путем переговоров.

Учитывая тот факт, что Советский Союз не обратил внимания на предложенные нами условия и вступил в войну, я считаю, что мы не можем сейчас выдвигать слишком много условий.

А именно: если говорить о свободном отводе японских войск, находящихся за границей, то у нас может быть подходящий момент добиться этого при переговорах о прекращении военных действий; трудно согласиться и с требованием о военных преступниках, тем не менее этот вопрос не является для нас абсолютно необходимым условием, которого мы должны добиваться даже ценой продолжения войны.

Вопрос же об императорском доме является принципиальным как основа будущего развития нации.

Следовательно, наши претензии должны быть сосредоточены на этом.

Предлагается высказать мнение морскому министру.

Морской министр полностью согласен.

Предлагается высказать мнение военному министру.

Военный министр категорически протестует, поскольку в Каирской декларации содержится пункт об уничтожении Манчжоу-Го, в силу чего должно прекратить свое существование государство, основанное на принципах морали.

По крайней мере, если и принимать условия декларации, то необходимо подготовить четыре наших условия.

Особенно нельзя согласиться с проектом, который предусматривает, с другой стороны, обращение к такой безнравственной стране, как Советский Союз.

Необходимо выполнить наш долг перед императором, даже если вся наша нация погибнет. Не может быть сомнения в том, что мы должны вести войну до последней возможности и что мы еще имеет достаточно сил воевать.

Полон решимости вести борьбу против американцев и посвятить себя решающей битве на территории самой Японии. Войска, находящиеся за границей, не должны безого-

ворочно складывать оружие. Народ также должен бороться до конца, иначе дело дойдет до внутренних волнений.

Начальник Генерального штаба полностью разделяет мнение военного министра.

Осуществлена подготовка к решающей битве на территории собственно Японии, и, хотя вступление Советского Союза в войну для нас невыгодно, наше положение еще не столь безвыходно, чтобы безоговорочно капитулировать.

Если мы сейчас согласимся на безоговорочную капитуляцию, нам не будет оправдания за кровь павших на войне. По крайней мере, как минимум, должны быть выдвинуты четыре условия, представленные утром (Высшим советом по руководству войной. — *Авт.*).

Председатель Тайного совета: Прежде, чем изложить мнение, желательно задать несколько вопросов. Хочу выяснить вопрос о четырех условиях.

Вопрос министру иностранных дел: желательно знать о ходе переговоров с Советским Союзом и о предложенных условиях.

Министр иностранных дел: Выполняя Высочайшую волю от 13 июля, мы ради скорейшего окончания войны обратились к Советскому Союзу с предложением направить туда специальную миссию с целью просить содействия в деле прекращения войны. Но ответ, несмотря на наши настойчивые просьбы, не был получен.

В телеграмме от 7 августа сообщалось о предполагаемой встрече с Молотовым 8 августа в 17.00.

Вчера вечером Молотов отклонил пожелание японской стороны относительно соглашения и была объявлена война.

Председатель Тайного совета: Были ли сделаны Советскому Союзу конкретные предложения?

Министр иностранных дел: Было сказано, что конкретные вопросы будут изложены специальным послом, конкретных же предложений сделано не было.

Председатель Тайного совета: Каковы в таком случае причины объявления Советским Союзом войны Японии?

Министр иностранных дел: Думаю, что сообщение ТАСС выражает истинные намерения Советского Союза.

Председатель Тайного совета: В заявлении Советского Союза сказано, будто японское правительство официально отклонило ноту трех держав от 26 июля. В чем тут дело?

Министр иностранных дел: Никаких шагов к официальному отклонению не предпринималось.

Председатель Тайного совета: На каком основании Советское правительство отклонило наши предложения?

Министр иностранных дел: Полагаю, что именно на этом основании.

Председатель Тайного совета: Как быть с тем, что говорится в совместной декларации трех держав о жестоком обращении с пленными, а также о передаче военных преступников? Нельзя ли считать это вопросами, относящимися к нашей внутренней компетенции?

Министр иностранных дел: На сегодня имеется много прецедентов такой передачи.

Председатель Тайного совета: Считает ли министр иностранных дел, что можно передать этих людей?

Министр иностранных дел: Обстоятельства могут сложиться так, что мы вынуждены будем передать их.

Что же касается разоружения войск, то противник мыслит его как принудительное.

Председатель Тайного совета (вопрос к военному министру и начальнику Генерального штаба): Мне думается, есть определенный расчет продолжать войну, но у меня есть сомнение: воздушные налеты не прекращаются днем и ночью. Можно ли быть уверенным, что мы защитим себя в дальнейшем от атомных бомб? Хотелось бы также получить разъяснения относительно затруднений, которые испытывает транспорт в связи с воздушными налетами.

Начальник Генерального штаба: Значительных результатов в борьбе с налетами мы не добились, однако теперь можно ожидать определенных успехов в результате изменения на-

ших методов, и воздушными налетами нельзя заставить нас капитулировать.

Председатель Тайного совета (вопрос морскому министру): Приняты ли какие-нибудь меры против артиллерийского обстрела с кораблей (против подвижных отрядов противника. — *Авт.*)?

Начальник Главного морского штаба: У нас был план, основанный главным образом на применении «эров» (условное обозначение самолетов. — *Авт.*) против подвижных отрядов противника, но у нас их не оказалось в достаточном количестве в связи с подготовкой к использованию их в решительном сражении на территории собственно Японии.

Теперь в связи с необходимостью в нашу стратегию вносятся поправки с тем, чтобы ударить по противнику значительными силами.

Председатель Тайного совета обращается к премьер-министру: Очень серьезным является вопрос о сохранении общественного спокойствия внутри страны. Какие меры в этом отношении правительство намерено принять? Как обстоит дело с продовольствием? Положение становится крайне тяжелым. Ситуация, сложившаяся на сегодняшний день, все более вызывает тревогу, и надо думать, что не прекращение войны, а скорее ее продолжение приведет к нарушению общественного спокойствия.

Премьер-министр: Абсолютно согласен. Это меня тоже тревожит.

Председатель Тайного совета: У меня уже нет возможности как следует все взвесить, но, поскольку сложилось столь тяжелое положение, я изложу свою точку зрения.

Относительно проекта, предложенного министром иностранных дел — с точки зрения заключенного в нем смысла, — ответ должен быть именно таким.

В самом деле, его смысл — сохранение нашего национального государственного строя. С этим согласен. Правда, в проекте содержится не совсем удачная формулировка. Она

неправильна с точки зрения выполнения нашего верноподданнического долга: верховная власть императора в управлении страной не порождена государственными законами и сама сущность императорского правления не установлена конституцией, а лишь изложена в конституции.

Поэтому, на мой взгляд, лучше принять такую формулировку: «Не содержится требований, которые затрагивали бы верховную власть императора в управлении страной».

Далее, относительно четырех условий.

Министром иностранных дел было сказано, что противник не даст возможности вести переговоры относительно этих условий. Я считаю, что соображения, высказанные начальником Генерального штаба, совершенно правильны: нечего надеяться на переговоры. Если есть твердая уверенность в исходе боев, то самое правильное решение — это продолжать войну.

Его Величество несет ответственность за исполнение предначертаний основателя нашей империи, и, если сейчас будут проявлены колебания, ответственность Его Величества только увеличится. Ответственность же лиц, на которых лежит обязанность оказывать помощь Его Величеству, безмерна. Поэтому необходимо принять решение, правильно оценив перспективы изменений в будущем.

Необходимо глубоко и всесторонне изучить ситуацию, сложившуюся на сегодняшний день в стране. Данный вопрос невозможно разрешить одной военной силой, нельзя также вести войну, не принимая во внимание настроение народа.

Итак, если у нас достаточно на это решимости, надо напрячь все силы; без такой решимости, как бы ни были могучи наши сухопутные и морские силы, продолжать войну невозможно.

Что касается целостности нашего национального государственного строя и благополучия императорской фамилии, то необходимо защищать их, даже если погибнет вся нация.

Вопрос должен быть решен в соответствии с высочайшим решением.

Начальник Главного морского штаба: Командование военно-морскими силами, в целом, согласно с мнением военного министра и начальника Генерального штаба. Нельзя сказать, что их точка зрения непременно сулит успех, однако мы полностью уверены, что сможем нанести противнику достойный удар; есть еще и в самой стране люди, преисполненные боевым духом (имеется также довольно много людей, у которых отсутствует этот дух).

Премьер-министр: К сожалению, в ходе затянувшегося обсуждения мы не пришли к единому мнению.

Поскольку данный вопрос является поистине делом огромной важности и действительно представляет, как подчеркнул председатель Тайного совета, чрезвычайно серьезную проблему и поскольку по нему имеется расхождение во взглядах, нам остается лишь уповать на высочайшее решение.

(Премьер-министр обращается к Его Величеству с просьбой выразить высочайшую волю.)

Его Величество: Принимается проект министра иностранных дел.

Основания: мы слышали, что существует уверенность в достижении победы, однако до сих пор то, что предусматривалось планами, не соответствовало тому, что есть на деле. По словам военного министра, строительство укреплений на побережье Кудзюкурихама должно было быть закончено к середине августа, однако укрепления еще не готовы. Далее, хотя уже сформированы новые дивизии, нет оружия для их вооружения.

Поэтому у нас нет шансов на достижение успеха в борьбе против американских и английских войск, славящихся своей техникой.

И хотя невыносимо тяжело вынуть оружие из рук военных, являющихся нашей опорой, и передать наших поддан-

ных в качестве лиц, ответственных за войну, по примеру императора Мэйдзи, принявшего в соответствии с обстановкой решение при вмешательстве трех держав, мы, вынеся невыносимое, порешили так во имя спасения народа от катастрофы, во имя счастья всего человечества.

10 августа, 02 часа 30 минут.

Предложение военного министра, начальника Генерального штаба и начальника Главного морского штаба следующее:

Если Объединенные Нации согласятся с толкованием совместной декларации трех держав от 26 июля в том смысле, что:

1) условия указанной декларации не содержат требования об изменении установленного государственными законами статуса японской императорской фамилии;

2) японские войска, находящиеся за пределами страны, немедленно демобилизуются после их свободного отвода;

3) военные преступники будут подлежать внутренней юрисдикции;

4) не будет осуществлена оккупация с целью гарантий, японское правительство согласно прекратить войну.

(Цитируется по сборнику
«Хроника конца войны».
Изд. министерства иностранных
дел Японии)

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Количество книг и статей, посвященных войне на Тихоокеанском фронте, хоть и уступает числу публикаций, посвященных Европейскому театру войны, столь велико, что перечислить даже малую часть их невозможно, и в том нет необходимости.

Библиография, состоящая из трудов и документов, использованных автором при работе над этой книгой, приведена в первом издании «Западного ветра — ясной погоды», вышедшей в издательстве Восточной литературы в 1984 году.

Здесь же я перечисляю лишь несколько работ, вполне доступных читателю, если он решит продолжить знакомство с предметом исследования. Мой отбор краток и субъективен, однако он может стать своего рода путеводителем для любознательного читателя.

Я привожу в списке лишь работы, вышедшие на русском языке.

1. Аун Сан. Бирма бросает вызов. Статьи, речи и документы. М. 1966

2. Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. М. 1977

3. Берзин Э.О. История Таиланда. (Краткий очерк.) М. 1973

4. Буллок А. Гитлер и Сталин. Жизнь двух диктаторов. Смоленск 2000

5. Васильев В.Ф. Очерки истории Бирмы (1885–1947) М. 1982

6. Гольберг Д. Внешняя политика Японии в 1941–1946 гг.

7. Губер А.А. Национально-освободительное движение в Индонезии. М. 1946

8. Дементьев Ю. Политика Франции в Камбодже и Лаосе. М. 1960

9. Демин Л. Японская оккупация Индонезии. М. 1963

10. Документы внешней политики СССР. Тт. 1–20. М. 1959–1976

11. Жуков Г. Воспоминания и размышления. 11-е изд. М. 1992

12. Жуков Е. и др. Очерки новейшей истории Японии. М. 1967

13. Иванов М.И. Япония в годы войны (записки очевидца). М. 1978

14. Иноуэ К. и др. История современной Японии. М. 1965

15. История Второй мировой войны. 1939–1946. Тт. 1–8. М. 1973–1977

16. История войны на Тихом океане. Перевод с японского. Тт. 1–6. М. 1958

17. История дипломатии, т. 1–6. М. 1969–1975

18. Капица М., Малетин Н. Сукарно. Политическая биография. М. 1980

19. Крейг У. Падение Японии. Смоленск. 1999

20. Кириченко А. Следы оборвались в Тайшете. Японские военнопленные в ГУЛАГе. М. 1993. «Шпион» № 1

21. Кошкин А. Советско-японский пакт о нейтралитете и его последствия. «Новая и Новейшая история» №№ 4–5, 1994

22. Крус М. Филиппины в борьбе за свободу. М. 1958

23. Латышев И. Антияпонское движение в странах Юго-Восточной Азии в годы Второй мировой войны. «Труды Московского института востоковедения», вып. 6. М. 1951

24. Филиппины на пути к независимости (1901–1946). М. 1972

25. Левтонова Ю. История Филиппин (краткий очерк). М. 1979

26. Международный военный трибунал для Дальнего Востока. Архив Министерства иностранных дел. Москва.

27. Можейко И., Узянов А. История Бирмы (краткий очерк). М. 1973

28. Можейко И. Западный ветер—ясная погода (Юго-Восточная Азия во Второй мировой войне). М. 1984

29. Нимиц Ч., Поттер Э. Война на море (1939–1945). М. 1965

30. Рагинский М. Розенблит С. Международный процесс главных японских военных преступников. М. — Л. 1950

31. Роуан-Робинзон. Война в джунглях. М. 1948

32. Руге Фр. Война на море. 1939–1945. М.—СПб. 2000

33. Руднев В. Очерки новейшей истории Малайи. М. 1959

34. Савин А. Японский милитаризм в годы Второй мировой войны. М. 1979

35. Сапожников Б. Китай в огне войны. 1931–1950. М. 1977

36. Севостьянов Г. Дипломатическая история войны на Тихом океане. От Перл-Харбора до Каира. М. 1969

37. Суд в Токио. Смирнов Л., Зайцев Е., М. 1978

38. Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. М. 1958

39. Тюрк И. Сингапур. Падение цитаделей. М. 1973

40. Урманис Б. История военных потерь. СПб—М. 1999

41. Уткин А. Черчилль — победитель в двух войнах. Смоленск. 1999

42. Халхин-Гол-39. Сборник воспоминаний. М. 1989

43. Хаттори Т. Япония в войне 1941–1945. М. 1973

44. Хаф Ф. Война на островах. М. 1960

45. Холл. Д. История Юго-Восточной Азии. М. 1958

46. Шено Ж. Очерк истории вьетнамского народа. М. 1957

47. Шилова А., Мордвинов В. Национально-освободительное движение во Вьетнаме (1858–1945). М. 1958

48. Эйдус Х. Япония от Первой до Второй мировой войны. М. 1946

49. Энциклопедия военного искусства. Операции военной разведки. Минск. 1999

50. Юго-Восточная Азия в мировой истории. Сборник статей. М. 1977

51. Японский милитаризм. Военно-историческое исследование. М. 1972

52. Хорикоши Д. и др. Японская авиация во Второй мировой войне. М. 1999

Содержание

ВВЕДЕНИЕ 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I. ПУТЬ К ВОЙНЕ 13
Глава II. КАНУН ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ 82
Глава III. ПЕРВОЕ УТРО ВОЙНЫ 117
Глава IV. МАЛАЙЯ И СИНГАПУР 159
Глава V. ОККУПАЦИЯ ИНДОНЕЗИИ 200
Глава VI. БИРМА 225
Глава VII. КОНЕЦ КАМПАНИИ 257
Глава VIII. ВЕРХНЯЯ БИРМА 270

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I. ОККУПАЦИЯ 297
Глава II. ПЕРЕЛОМ В ВОЙНЕ 343
Глава III. БОИ НА БИРМАНСКОМ ФРОНТЕ 372
Глава IV. ОСВОБОЖДЕНИЕ 408
Глава V. КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ 447
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 492
ПРИЛОЖЕНИЕ 530
КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ 539

Научно-популярное издание

Можейко Игорь Всеволодович

Западный ветер — ясная погода

Ведущий редактор *Д.И. Калабухов*
Корректор *И.М. Башлай*
Технический редактор *Т.В. Полонская*
Компьютерный дизайн переплета: *Г.В. Смирнова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953004 — литература научная и производственная

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Юго-Восточная Азия — это громадный, почти забытый теперь театр военных действий Второй мировой войны.

Строя свою колониальную империю, Япония сокрушила устоявшийся мир европейского и американского господства в этом регионе.

Эти события не получили должного освещения в западной историографии, так как поражение — крах колониальной империи — не слишком популярная тема для проигравшей стороны.

Для нас же события в Юго-Восточной Азии воспринимались как далекие и не очень актуальные, хотя этот фронт по масштабам сопоставим с европейским.

В этой книге впервые в отечественной историографии всесторонне анализируется ход событий, которые привели к образованию нового мира.